

Елена Тыртышникова

Черный замок

«Тыртышникова Е.Е. Черный замок: Фантастический роман»: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»;
М.; 2005
ISBN -93556-574-9

Аннотация

Что можно сказать об устройстве Мира?

Оно подобно тяжелой хрустальной вазе – и разбить просто, и изменить трудно. Оно прекрасно в неведомом, но известно до мелочей. Например, черные маги живут в мрачных замках, белые бескорыстно творят добро, а имена героев, отстоявших родной Мир собственной кровью и потом, гремят по городам и весям. А еще владыки кроме власти жаждут лишь еще большей власти, драконы мудры, злодеи беспринципны. И, наконец, всегда существует страшное пророчество о конце света, которое обязательно исполнится, но при определенных обстоятельствах.

Так? Так. Верно? Абсолютно... Только следует предупредить об этом черных и белых магов, героев, владык, драконов и злодеев. Но вот что делать с пророчеством?

Елена ТЫРТЫШНИКОВА

ЧЕРНЫЙ ЗАМОК

Пролог

Чёрный замок, или Большая неожиданность

На скале стоял Чёрный замок. И всё-то в нём казалось неправильным.

Он не охранял в своей молчаливой суровости опасные перевалы – рядом и гор-то не было. Пыжась от собственной важности, не следил за торговыми путями и не пугал купцов-обозников высокими поборами. Не спешил принимать гостей – ни соседей, ни проезжих столичных вельмож. Первые далеко, да и вторые – не ближе. Даже какую-нибудь границу не стерёг.

Впрочем, если приглядеться, на скале Чёрный замок тоже не стоял. Скорее – на холме. На огромном, окольцованном берёзами холме. Единственным достоинством одного (помимо замка, разумеется) была форма – застывшая, как рисуют малые дети да храмовые росписники, волна. Согласно строгим канонам она имела по-морскому зелёный цвет и весёлого пенного барашка на самом кончике гребня. Замок.

Между прочим, по тем же канонам, тоже белый.

Однако люди, построившие деревеньку у подножия холма-волны, очевидного не признавали: холм для них – скала, а замок, несмотря на сверкающую белоснежность, Чёрный. Потому что в замке жил чёрный маг.

Пребывать под властью тёмного чародея страшно, но обитатели деревеньки (ни много ни мало – пятьдесят дворов) не унывали. Они по любому, мало-мальски достойному поводу гуляли так, что Чёрный замок ходил ходуном, словно был и впрямь построен на морской волне, из шторма выдернутой.

Вот и сегодня, позабыв про грозного хозяина и его верных воинов, второй день (или третий?) отмечала деревенька рождение сына у прекрасной Мирты, дочери старосты. По столь весомой причине счастливый дед наконец простил зятя, конопатого и белобрысого Ратика, за собственно появление внука в семье. Староста, как и всякий обладающий властью человек, хотел власти ещё большей и потому посредством дочери жаждал породниться с самим хозяином, чёрным магом, но пронырливый Ратик разрушил честолюбивые замыслы.

«И хорошо, – думал теперь староста. – Прислужники в замке у хозяина баб не видали. Может, он и вовсе на мальчиков глядит – вон сколько вокруг него ладных. Или ему чёрные дела, а то и вовсе силы мужские не позволяют! Всё-таки годков чароплёту нашему ой как за сорок!» И опорожнив до половины кувшин молодого вина, староста поднял взор на роскошные хозяйские хоромы. Пьяные уже глаза не могли оценить открывшуюся им красоту.

Утреннее солнышко вызолотило длинные шпили с колышущимися на волшебном ветру стягами – чёрное кольцо на белом поле – и раскрасило в нежные розовые тона белоснежные стены. Казалось, это не каменное строение, а облако, приземлившееся на зелёные кроны высоченных деревьев. Вздохи ветерок чуть сильнее – и улетит замок... Но нет, берёзы, словно запутавшись ветвями в лёгкой пене, держат крепко, и верёвочка-ленточка, утопанная дорога, не зря к дубовым воротам проложена – замок мага крепче серебряной цепи на земле держит. А тому и горя нет – чистой синевою неба умывается, светилу радуется и гордо на бескрайние поля и бездонные озёра поглядывает. Немалые владения у чёрного мага, и живут, детей растят там многие.

Но любоваться на замок было уже некому: хмель и бессонные праздничные ночи (или что ещё?) дали о себе знать. Глаза старосты медленно закрылись, и он захрапел, словно десять рыцарей в рога затрубили. За старостой и остальные деревенские в дремотные кущи отправились.

Тут бы замку – точнее, его обитателям – с облегчением вздохнуть, в одеяла завернуться, но...

– Бум! – Задрожали крепкие, на совесть сделанные и укрепленные чарами ворота.

– Бум!! – Над запущенным за три праздничных дня двором взлетел мелкий мусор, заржали в конюшнях перепуганные лошади. Со сломанного крючка со звоном свалилась сковорода на кухне.

– Бум!!! – Встрепенулись стражники, схватили копыя и луки, проверили мечи и побежали к катапультам. Метательные машины, нужно признать, не работали, но они внушали уверенность, что замок и его охрана непобедимы.

– Бум!!!! – Пронеслось по многочисленным комнатам, всколыхнуло занавеси на окнах и роскошные гобелены на стенах, прокатилось по вычурным, в форме драконов, перилам главной лестницы, задуло ненужные поутру свечи в гостиной и спальне.

– БУМ!!!!!! – И задремавший было хозяин замка с заковыристой и умелой руганью грохнулся с усталого шёлковым бельём ложа, сердитые глаза обратились к зеркалу. С одного не более радостным взглядом смотрел крепкий, коротко стриженный шатен, нагишом сидящий на дорогом китайском ковре. Чёрный маг (а это был именно он) Керлик Молниеносный любил роскошь. Ещё он любил власть поспать, чего ему благодаря сыну несостоявшейся невесты, а до того – неотложным чародейским делам и преждевременному празднику Урожая (ну, спутал спьяну пару-тройку десятков заклинаний – с кем не бывает?) не удавалось целый месяц. И сейчас... – БУМ! БУМ!! БУМ!!!!!!

Чародей в зеркале поднялся и помассировал помятое лицо – несмотря на ранний срок, вино в этом году удалось на славу.

– БУМ!!!!!!!

Интуиция подсказала магу, что воины источник раздражающих звуков не проверят, а, стало быть, в отсутствие пьянствующих слуг ворота придётся открывать самому хозяину.

– Ну и кто тут грозный и ужасный чёрный маг? – поинтересовался хриплым, почти пропавшим голосом Керлик у собственного отражения. То в искреннем недоумении пожало плечами. Действительно, Керлика ещё можно было принять за неудачника-наёмника или проныру-менестреля, но уж никак не за мага, тем более – чёрного. Впрочем, по сути, чёрные от белых не очень-то отличались.

На вид лет тридцати пяти (на самом деле – все пятьдесят, но Керлик предпочитал не распространяться об этом, так как среди известных магов, к коим и он относился, столь юный возраст считался неприличным), с чуть заметной ехидцей в глазах, панибратскими манерами и дурацкими шутками – нет, очевидно не маг! Чем Керлик регулярно пользовался: верить чародеям – не то чтобы последнее дело, скорее, опасное.

– БУМ!!!!!!!

Предположения оправдались. Маг тяжело вздохнул, накинул чёрный балахон и, как был босой, так и отправился к трясущимся, словно в лихорадке, воротам. Пусть стражникам станет стыдно... хотя куда им – все ж в господина, сволочи!

Когда пошатывающийся от набегающей волнами тошноты Керлик добрёл до внутреннего двора, шум прекратился. Возможно, потому чародей и отворил калитку в воротах, не утруждая себя проверочными и защитными заклинаниями. О чём серьёзно пожалел. Но поздно.

На пороге стояла большая корзина.

– Н-да-а-а, – раздалось позади мага.

– Ты где шлялся?! – раздражённо рявкнул Керлик. Ему не требовалось оборачиваться, чтобы признать капитана стражи Маргаритку Каменотёса (не повезло здоровенному мужику с именем – родители ждали девочку).

– А? Что? – на всякий случай Марго изобразил невинное изумление – пытался спрятать смешок. Господин выглядел донельзя глупо. По большей части из-за того, что балахон оказался вовсе даже не балахоном, а покрывалом, и теперь грозный чародей сверкал... ну, скажем так, не только голыми ягодицами.

– Кто здесь главный, Марго? – маг не отрывал панического взгляда от корзины, наблюдая за опасным шевелением тряпок.

– Ты, господин.

– И почему же я, а не мои верные воины, открываю дверь?

– Потому что у твоих верных воинов, господин, как и положено воинам, имеется инстинкт самосохранения, а у тебя, как и у всякого великого мага, он отсутствует напрочь. Как, кстати, и мозги, – честно высказался Марго.

– Верно, – согласился Керлик и, наконец, решившись, наклонился и осторожно вытащил из корзины маленький, хрупкий свёрток. Даже капитану, чародейство которого ограничивалось несколькими боевыми заклятьями, не требовалось объяснять, что некрасивый сморщенный комочек в пелёнках – ребёнок мага.

– Бедное дитя, – вдруг нежно, тихо-тихо прошептал закалённый воин. – Как же так?

– А вот так, – в глазах чародея заблестели слёзы. – Эта дрянь настолько меня ненавидела, что решила на такое...

Ни одна мать по доброй воле не отдаст своё дитя чёрному магу. Спрячет, убьёт, бросит в канаве, подкинет волкам или крестьянам, но только не отцу проклятому... А эта!.. И ведь не надругался он над нею – сама пришла, соблазнила, влюбила... творила, что желала. И оскорбив, унизив, ушла. А Керлик не стал удерживать и мстить – не видел он удовольствия в подобных забавах. Может, оттого, что насмотрелся оных у папаши в замке. Не умел и не желал уметь Керлик обижать женщин, особенно тех, которые осмеливались делить с ним постель. А эта... И за что? Почему? Хоть бы объяснила...

– Ладно, пусть её, – хмыкнул чародей. – Моё дитя и точка!

Ребёнок радостно – не иначе, в знак согласия и в честь встречи – промочил пелёнки насквозь, открыл лучистые и вместе с тем неожиданно тёмные – в папашу – глаза, а затем раззявил рот и завопил.

– Жрать хочет, – прокомментировал произошедшее Марго.

– Наверное, – согласился Керлик. – Что делать-то будем?

– Хочешь, я за Миртой сбегаяю? Зря, что ли, она ребёнка рожала?

– Совсем сдурел?! – будь руки мага свободны, он бы покрутил пальцем у виска. – У неё от одного твоего вида молоко свернётся.

– Тогда сам иди, – обиделся капитан.

– Тогда она и вовсе помрёт! И что же, мне тогда ещё одного младенца в дом тащить?! Нам и этого, чую, более чем достаточно будет!

– А всё твои законы! – наставительно поднял палец Марго. – Говорил же я тебе, господин, не отменяй права первой брачной ночи, а ты что? До чего докатился! А ещё чёрный маг...

– Но-но... – нахмурился Керлик, но мысль закончить не успел, так как от вопящего младенца потянулся подозрительный запах. Подозревая самое страшное, чародей сдёрнул пелёнку... Двое мужчин в ужасе переглянулись. – Ты это... поди, воды подогрей – купать будем. А я в конюшню. Наш Ньюка там козу прячет, у неё, кажется, недавно козлята появились. Дитям оно... козье молоко... говорят полезно. И когда эти проспят, бабу какую всё-таки приведи. Проконсультируемся хотя бы.

– Сделаю, – стражник двинулся было на кухню, но вдруг остановился. – Господин, а зачем Ньюке здесь коза?

– Как зачем? – искренне удивился Керлик. – Это же верное средство защиты от чёрной магии.

– Правда?

– Нет.

Чёрный замок от восторга сиял белоснежными стенами – его обитатели славились весёлым нравом, а теперь и вовсе пойдёт потеха!

Глава 1

Мимохождение герои, или Что и требовалось доказать!

В деревеньке Чёрная Волна, что при Чёрном замке... Сказал бы Керлик Молниеносный, как именуется эта деревенька! Да кто Керлика слушает? Если за столько лет он даже название собственного замка не отстоял!.. Так вот, в деревеньке Чёрная Волна вновь гудел праздник – сыну молодого старосты Ратика Губошлёпа и прекрасной Мирты свалился на голову восемнадцатый год и пришиб хмелем всю округу. В том числе прислугу и часть замковой стражи.

Впрочем, хозяйских хором винное буйство и весёлое настроение тоже не минуло. На то имелась своя причина прямо в стенах замка: господскому чаду восемнадцатый год минул с тем же успехом, что и сыну Ратика и Мирты. Таким образом, настойчивый стук в дубовые ворота застал всех врасплох.

– Ох-ох-ох, – старательно прокряхтел Керлик и, верно оценив ситуацию, медленно поднялся с уютного тёплого кресла. – Этак мне придётся переименоваться из Керлика Молниеносного в Керлика Привратника. А что? Мне идёт.

Маг резко обернулся к зеркалу. Так и есть – не показалось! Отражение осуждающе качало головой.

– Могу я поворчать – мне всё-таки скоро семьдесят!

Отражение демонстративно отвернулось. Да, оно право: семьдесят для мага что для обыкновенного человека – семь. Жизнь только начинается. К тому же, на вид Керлику лет под сорок – внешность к здоровым рассуждениям и острому уму обязывает.

Пока чародей философствовал и в гляделки играл, стук превратился из настойчивого в прямо-таки требовательный и раздражённый.

– Бзо! – ругнулся Керлик. – Они ж ворота снесут! Чего им на ночь глядя потребовалось? Может, до того допились, что опять вином собрались угощать?

И чародей медленно двинулся вниз.

В самом замке, если не считать непристойного грохота, доносящегося со стороны ворот, царила домашняя, усталая тишина. И спокойный полумрак. В коридорах верхних этажей висели фонарики-светлячки, горели они через один и чуть ярче своих собратьев-жуков – не споткнуться хватало. На лестнице вспыхивали-мерцали волшебными камнями драконы-перила. Выдрессированная в целях безопасности ещё восемнадцать лет назад ковровая дорожка следила, чтобы ноги ненароком не потеряли широкие ступени. Стены первого этажа сплошь и рядом украшали факелы бездымного огня – Керлик щёлкнул пальцами, и мурлычущая ласковой кошкой тьма зашипела на жестокого хозяина и сбежала прочь. Ничего,

вернётся.

Не обращая внимания на ряд рыцарских доспехов, которые уж с десяток лет использовались в качестве цветочных подставок, маг проплыл к выходу. По пути впихнул пантеру Белобрыську в кладовку, предварительно вышвырнув оттуда двух воронят и крысёнка Кузю.

Во дворе, вопреки здравому смыслу и многолетнему опыту Керлика, с фонарём в руках подждал Марго и пара молодых парней – новобранцев, потому почти трезвых.

– Что там? – приятно удивлённый маг решил на этот раз не орать.

– Я бы их не пускал, – вместо ответа сказал капитан. – Но, кажется, среди них раненый.

Или два.

– Бзо! – прокомментировал Керлик и взялся за ручку калитки. Эх, ничему-то годы чародея не научили.

Пороги отирала занятная компания. Настолько колоритная, что сразу видно, кто такие: либо цирк передвижной, либо Мир спасают. Одно другому не мешает, кстати.

На весь заглянувший в гости сброд приходилось только два настоящих воина. Мужчина – высокий, угрюмый, с положенным по профессии устрашающим шрамом через всю физиономию, при этом оба глаза целы. В довершение картины лысый, точнее – обритый наголо, по чертам лица родом из тех же краёв, что и Марго.

Женщина, явно не местная, ростом здоровяка-стражника переплюнет. Длинные светлые, почти седые волосы собраны в высокий хвост, будто специально открывая острые уши. Северянка, вне сомнений, причём с соседнего ледяного континента. Это подтверждала и её одежда – отороченная мехом серебряной лисы безрукавка. Впрочем, такая же красовалась и на мужчине.

Вообще оба воина одевались на один лад: упомянутые безрукавки, кожаные в заклёпках штаны, высокие мягкие сапоги и гранёные наручи – те и вовсе, словно обе пары в едином комплекте. Мечи на перевязи, кинжалы, к широким поясам цепляются во множестве мешочки (наверняка с магической дрянью), волшебные кулоны на цепках. Наличие этой воинственной четы просто криком кричало, что охраняемая ими компания обязана скорбно тащиться в неприступную глухомань, где займётся исключительно благим делом. Спасением Мира.

У ног воительницы вилась ласковой кошкой огромная пантера. Судя по размерам, самец. Керлик недовольно поморщился – впустишь такое вот, а что потом делать с детёнышами Белобрыськи?

Между грозным авангардом и странноватым арьергардом – тяжёлой, крытой промасленным тентом телегой (зачем вверх её тащили-то, если вниз спускать придётся?!) – расположился малахольный костяк. Трое юнцов лет пятнадцати, от силы – шестнадцати. Двое в форме имперских пажей. Крепкие, при мечях и малых луках – пожалуй, неплохие воины со временем получатся, если раньше не помрут от непомерной спеси. Из знатных семей, из самой столицы Главели Серебристой. Далековато мальчишки забрались. И ещё не понимают, что здесь им не империя, нос задирать опасно – некому предупредить о яме под ногами.

Третий – посмазливей да пощуплей, если не сказать, поскелетообразней. Носил он некогда белый, а теперь весь в крови и грязи, длинный балахон. Поверх одного расположился двойной кулон: к хвосту извивающейся золотой змейки цеплялась капля горного хрусталя. Даже сейчас, в сумерках, она сверкала и переливалась, разбрасывая весёлые радужные искры. Если в змейке лишь чудилось нечто неуловимо знакомое, то светящийся кристалл был Керлику известен более чем хорошо. У него похожий имелся, только свет он поглощал, а не распространял.

Вот так-так! Ученик мага! Да не какого-нибудь стихийника, а белого! Судя по форме кристалла, из Центральной школы. Главель не только столица империи Гулум, она ещё и столица магического мира. Интересный гость к Керлику пожаловал!

Неожиданный и знатный улов! Чародей понял, что не может не впустить компанию в замок. Какой чёрный маг откажется от «задушевной» беседы с учеником белого? Вот-вот...

– Чего надо-то? – поинтересовался Керлик у гостей, демонстративно позёвывая и почёсываясь. У троицы из замковой стражи за спиной кровь уже чиста, ни капли – даже той, малой – пьяного веселья. В голове – весёлый приказ, забавный.

– Пусти, уважаемый хозяин! – прогудел на вежливых тонах бритый воин. – Нам бы передохнуть-переночевать, раненые у нас. – Мужчина кивнул в сторону телеги.

– А у меня не постоянный двор и не лечебня, – Маг лениво растягивал слова, что потребовало от него немалых усилий. – В деревню у подножия поезжайте – там и трактир с комнатами, и знахарка – бабка Любавуха, имеются.

При упоминании Любавухи чародей непроизвольно поморщился – до чего же скверная баба! Сколько лет прошло, а до сих пор, дура, радуется, что чёрному магу нос утёрла. Спрашивается, откуда мужику знать, как за вопящими младенцами ухаживать?

– Мы никакого поселения внизу не заметили, – неподдельно удивился бритоголовый.

Ох, ты! Закончили? С чего бы это? Устали или к празднику Урожая себя берегут? Но праздник в этом году только через месяц, как природой и положено.

– Есть, – уверил пришельцев Керлик. – Дрыхнут они...

– Хозяин, пусти по-хорошему! – оборвал комедию грозный голос. Тёмные, но безоблачные небеса прорезала кривая вспышка сердитой молнии. – Мы Мир спасаем, а ты на одну ночь впустишь нас не хочешь!

От телеги отделились ещё две тени, высокие по сравнению с юношами. Снова – мужчина и женщина. Она – коренная гулумка, хотя и не могла похвастаться традиционным золотом волос. Молочная белизна кожи свидетельствовала о благородном происхождении, то же утверждал двойной кулон: шуривший янтарные глаза золотой лев силился проглотить сапфир с боб величиной. Из императорского дома, принцесса крови – хотя правящий род принадлежал к Змеям, в Гулуме корону по традиции обозначали Львом.

И ещё женщина была магинею. Стихийницей. Водной.

Мужчина – старик, седой, но крепкий, гордый, так и веет силой. Мощный дар, известный Миру... Керлик лично не встречался с Мехеном Златоликим, но слышать доводилось. Божественный улов! Что ученик? Попугаешь, а толку чуть, беседу позабудет после первого анекдота. А повеселиться за счёт учителя куда приятней! К тому же, сам виноват! Со столь уникальными Талантами не приметить у себя под носом чёрного мага, и не простого, а самого Керлика Молниеносного!.. Обидно, между прочим.

– Ну, разве что ради спасения Мира, – «смилоствился» чародей. – О-открыть ворота!

Те, естественно, заклинило. С «виноватым» вздохом Керлик распахнул калитку пошире.

Бесенятами проскакали десять минут, и принцесса-стихийница, обеспеченная тишиной, уединением и прочим необходимым, принялась врачевать раненых. Помощи она не попросила, а чародей не навязывался. Остальная компания собралась в малой зале на поздний ужин. Керлик на правах хозяина устроился во главе длинного стола, Мехена усадил напротив и вновь оглядел своих гостей.

Мальчишки-пажи жадно заглатывали пищу, будто месяц не кормлены, что вряд ли; воины, как и предполагал чародей, – муж и жена – принялись за еду, вежливо поблагодарив Керлика. Они скороговоркой пробормотали молитву неведомым богам или охранное заклинание – то и другое в стенах Чёрного замка звучало смешно, но пусть люди тешатся. Их животина недовольно и нетерпеливо косилась на запертые двери, мощный хвост так и хлестал лоснящиеся чёрные бока – учуял самец одинокую Белобрыську, ох учуял.

Ученик белого мага осмелился приступить к ужину только после разрешающего кивка учителя. Керлик неприязненно нахмурился. Учеников у чародея, если не считать родного дитятки (а это совсем другое!), не имелось, однако о процессе воспитания маг кое-что знал. Нельзя вот так, безосновательно и жестоко, подавлять волю мальчишки – самостоятельный человек не вырастет. Или ученик чем-то провинился перед учителем, за что-то наказан?.. Всё равно, неправильно!

– А скажите, уважаемый... – начал Керлик.

– Мехен, – вовсе не представился, а невежливо перебил гость. – На нас напал дракон.

Что?! В его землях?! Хозяин чуть было не устроил образцово-показательную грозу прямо в зале, но вовремя остановился – пожалел гостевой сервис и прочую утварь-убранство. Интересно, что же это за дракон, с которым сам Златоликий не справился? Впрочем, в общении с летучими скотами главное – не сила, а хитрость, чего за боевым белым магом отродясь не

водилось.

– Приятного аппетита, Мехен, – сладко улыбнулся Керлик.

Эффекта никакого, если не считать закашлявшегося юного чародея. Заметил мальчик неладное в поведении гостеприимного хозяина или попросту поперхнулся? Отчего-то казалось, что первое. Юнец обладал немалой, но пока ещё дремлющей мощью – по всей видимости, поздний маг. К тому же, лицо мальчишки было знакомым до раздражения. Сынок кого-то из Круга Старших? Да нет, не похоже – чересчур затюканный.

– Уважаемый Мехен, не поведаете ли вы мне, от какой такой напасти Мир спасаете? А то в наше захоlustье новости не долетают – мы и Конец Света пропустим! – хозяин ковырнул острым ножом кусок мяса, с отвращением посмотрел на варёную морковь, да так и застыл, внимательно слушая гостей.

После вина еда в горло не лезла, а развлекаться вдруг резко расхотелось – ученичок всё веселье испортил. Тот, кстати, снова зашёлся в кашле, когда учитель запел соловьём и выложил как на духу, где отряду дракон повстречался, почему Мехен без потерь с летучей тварью не справился и отчего этот цирк не только собрали, но и отправили в странствия. Предположения Керлика подтвердились: Конец Света не предвиделось, но намечался глобальный передел Мира. Тоже штука не из приятных, но, положа руку на сердце, переживаемая.

* * *

...Лет десять назад в центре Орлиных гор – они располагались к северо-западу от владений Керлика – появилась группка странных людей и построила себе Уединение-от-Мира. На пришельцев не обратили внимания: во-первых, в Орлиных горах этих Уединений имелось немало; а во-вторых, территория гор сама по себе настолько велика, что под ними расположились три царства гномов, а на поверхности – пять людских княжеств и блуждающий посёлок каменных дриад, и всё выше перечисленное пересекалось только при остром желании. Таким образом, на новое Уединение обращать внимание оказалось просто некому. Как показало время – зря.

Новички пришли из другого Мира, что нисколько не удивляло и не пугало, но ассимилироваться не пожелали. Это уже настораживало, однако всякое случается. Жили они себе тихо и мирно, никому не мешали и непонятную магию творили.

С месяц назад, на практическом примере выяснилось, что пришельцы оказались мощными чародеями, которые тихо и мирно готовили вторжение. Перемещаться в пределах одного Мира относительно легко, а вот создавать и подолгу удерживать огромные межмировые порталы существенно труднее, поэтому чужие маги возводили стационарные врата. Через них-то и должно было хлынуть вражеское войско: не демоны вовсе, а обычные люди, эльфы, гномы или кто уж там обитал, но много, с единственным желанием как можно скорее обосноваться на землях империи Гулум, с последующим распространением по остальному Миру.

Молодой император, столичные маги и прочие власть предержащие, возможно, и обрадовались бы гостям, но быстро сообразили, что у пришельцев – оружие и многократный перевес в живой силе. И что насчёт местного населения, а особенно наиглавнейших, никаких приятных планов не строилось. Проще говоря – начиналась война. Но, по всей видимости, преждевременная для той стороны, а, следовательно, с шансами на победу для этой.

Чародеи в Главели посуетились, подумали и вычислили, что межмировые врата открываются из родного Мира, из того самого «Уединения» – требовалось их захлопнуть путём уничтожения какого-то сверхмощного артефакта, а, возможно, и вражеских чародеев. Почему в столь важный и действительно опасный поход отправили трёх несовершеннолетних юнцов, Мехен не объяснил. Керлик не настаивал. Отлично знал – где магия, там и странности, которым лучше подчиниться...

* * *

– Такие дела, – подытожил речь главы отряда мужчина-воин. – А ты нас пустить переночевать не хотел, хозяин. Нехорошо это.

– Да, нехорошо, – согласился Керлик, сердито разглядывая стену меж двух окон.

По всем канонам современного оформления обеденных залов в этом месте должен был располагаться гобелен с тяжелораненым рыцарем на первом плане и рыдающей девой на втором. В крайнем случае, подошёл бы грубый камень и вычурный светильник в центре. Ни канонического гобелена, ни крайнего случая не наблюдалось. Пространство между окнами занимал плющ, который вместо того, чтобы гордо карабкаться вверх и стелиться по потолку, бессовестными петлями кидался вниз, постепенно переползая на пол. Однако хмуриться мага заставлял вовсе не немодный вид стены.

За зелёными, в чёрную крапинку листочками скрывалась дыра, в которую мог пролезть на четвереньках средней упитанности мужчина. Она вела в путаный и нелогичный ход внутри толстых стен замка. Впрочем, это тоже ещё не повод для беспокойства. Поводом был самец пантеры, точнее – его отсутствие при хозяевах. Хорошо, хоть Белобрыська заперта... С другой стороны, когда это простенькие щеколды останавливали тоскующих девушек и озабоченных юнцов?

– Скажи, уважаемый хозяин, в чьих землях мы сейчас находимся? – сытого воина потянуло на разговор. Керлик открыл было рот для ответа, но гость решительно всё испортил, особенно настроение чародея. – Говорят, какого-то чёрного мага.

– Да.

Какого-то?! Его, Керлика Молниеносного, назвали каким-то?! В стенах собственного дома!!!

Маг, недовольно покосившись на зеркало, мысленно заскрежетал зубами – отражению не хватило какой-то доли секунды, чтобы вовремя скрыть насмешливую ухмылку. И оно туда же!

– А что? – хозяин старательно изобразил любезность.

– Он не станет препятствовать нашему священному походу? – в беседу вклинился один из пажей.

– Ещё не знаю, – чародей сам не до конца был уверен, сказал ли он сейчас правду или нет. Впрочем, сейчас было не до философских вопросов – юный ученик Мехена попытался сдавленным писком предупредить учителя и товарищей об опасности. Пришлось устроить юнцу очередную порцию неудержимого кашля. Бедняжечка. – Утверждают, что он не особенно приятный тип.

– Угу, – согласно кивнул головой второй паж. – Мы до того, как напороться на дракона, с местными парнями переговорили. Они нам рассказали, что злодей живёт в Чёрном замке, в котором имеется страшный подвал.

Страшный – не страшный, а подвал в замке наличествовал: большой, чистый и сухой, разделенный на две неравные части. В той, что попрохладнее, хранилось вино и запасы на случай, когда Таланты хозяина окажутся бессильны. Другая же, тёплая, представляла собой набор тюремных камер – преступления и набеги с войнами никто не отменял, да и для гостей всегда находилось место, если верхние этажи замка исчерпывали себя. Посреди этого великолепия (то есть между погребом и острогом) располагалась ещё одна небольшая и неудобная комнатка. Ею-то и пугали молодых деревенских парней со всей округи.

Дело в том, что в последнее время среди молодёжи участилось некоторое недопонимание важности... брака. Особенно остро оно проявлялось у парней, которые и после двадцати пяти к семейной жизни ни в какую не приучались, что для крестьян – нонсенс. Старейшины и старосты пошушукались, повздыхали да и отправились к грозному господину. А господин... Керлик от одного воспоминания покраснел – эх, не надо к нему приходиться в праздник Урожая. Ох, не надо.

Господин сочувственно кивнул головой, прищёлкнул пальцами, полтора часа препирался с отражением в зеркале, а затем велел заталкивать предполагаемых молодожёнов в камеру по центру замкового подвала.

Керлик так и не вспомнил даже при помощи специальных, проясняющих память заклинаний, чего собирался добиться, зачаровав эту клетушку, однако эффект вышел потрясающий. Теперь намёк на комнату в «подземельях Чёрного замка» превращал строптивых девиц в шёлковых, а парней в примерных мужей... если они, конечно, не успевали сбежать в армию... обычно не имперскую, а куда-нибудь подальше. А лучше так сразу – в Вольные

Отряды.

Через месяц после создания обнаружились существенные недостатки «любовной камеры». Во-первых, девицы смекнули, как можно удачно выйти замуж: главное, суметь затащить «избранника» в замковый подвал. Во-вторых, до того же додумались и парни, а также отчаявшиеся влюблённые, не получившие родительского благословения. В-третьих, Марго оказался женат, а самого Керлика от этой незавидной участи спасла неповоротливость коварной Любавухи. И, наконец, подвал расколдовыванию не подлежал. Пришлось злополучную комнату заколотить досками.

– Да-а, – протянул Керлик. – Есть у нас подвал.

– У вас? – уточнила женщина-воин. – А?..

– Стены у нас белые, – кивнул маг.

Гости, включая и Мехена, облегчённо вздохнули. Несчастный ученик с ужасом наблюдал, как его собственная рука вталкивает в рот очередной, определённо лишней, пирожок.

– А сколько в округе замков? – вдруг очнувшееся природное чутьё заставило бритоголового выяснить обстановку до конца.

Хозяин задумался, подсчитывая. Затем его лицо озарила радушная улыбка.

– Один.

– Но стены у него белые? – как-то по-детски приоткрыл рот Мехен.

– Именно. Но, уважаемый белый маг, голубая кровь королей тоже красная, – улыбке Керлика могла позавидовать змея, если бы, конечно, выдержала это страшное зрелище.

Гости разом вскочили (ученик упал, сумев-таки справиться со взбесившимся телом и опротивевшей едой). Мехен схватился за посох, но, словно обжегшись, выронил. На пол со звоном полетели мечи и прочие острые предметы.

– Но-но, уважаемые, ведите себя прилично – вы не у себя дома! – строго прикрикнул хозяин. – Позвольте представиться! Чёрный маг Керлик Молниеносный.

Белый маг Мехен Златоликий ошутимо побледнел и рухнул обратно в кресло. Остальные члены отряда исчезли: правильное веселье – веселье без свидетелей, иначе неприятности обеспечены.

* * *

То ли коварный чёрный маг напутал в заклятьях, то ли Великий Мехен сумел пробить волшебную защиту замка, но вместо пыточных застенков или, на худой конец, мокрой камеры, Романд очутился в приятной чистой комнатухе. В широко распахнутое окно с одинаковым усердием врывались свежий ветерок и неверный лунный свет, от постели приятно пахло сухими травами, знакомыми и родными. На столике, у изголовья кровати лежала стопка белья, в которой угадывалась ночная рубаха, стояли незажжённая свеча и кружка с остывающим молоком.

Романд любил молоко, однако сейчас он при всём желании не заинтересовался бы какими-либо напитками. Сейчас юноша остро нуждался в чем-то посущественней прячущегося под дальним стулом ночного горшка. Да и вымыться и выстирать замаранную одежду тоже не помешало бы. И спасти из жуткого плена остальных членов отряда, видимо, не таких везучих, как он.

Составив чёткий план, Романд приступил к исполнению одного.

Где-то в районе подвала юноша понял, что приближаться к источнику странных, пугающих и смутно знакомых звуков в нынешнем состоянии опасно – разорвёт от напряжения. К счастью, уборная обнаружилась за вторым поворотом.

Тут-то белый Чёрный замок и открылся во всём своём коварстве – дверь заклинило намертво, причём без всякой магии. Хорошо хоть, Романд был внутри... Но как же выбраться? Юноша в отчаянье, близком к помешательству, огляделся и под самым потолком обнаружил оконце. С трудом, но почти без урона одежде пленник сумел выбраться наружу. И увидел возможность исполнить вторую заветную на сегодня мечту.

Шагах в пятидесяти от него, в окружении редких ив блестело ровной лунной дорожкой озерцо. Романд, не утруждая себя размышлениями, как оно могло оказаться на холме,

решительно стянул грязное и драное платье и ворвался в спокойные тёплые воды, однако погрузиться успел только по колено. Из озера восстала... Богиня? Нет, они лишь в легендах и сказках снисходят до простых смертных. Русалка? Но у них не бывает тёмных глаз и чёрных волос. Да и хвоста у незнакомки не было.

– Ты кто? – пролепетал Романд. Позабыв врождённую скромность, юноша протянул руку и осторожно погладил плечо девушки. Та не сопротивлялась.

– Лилийта, – кажется, Романд произвёл на неё впечатление не меньшее, чем она на него.

– А что ты тут делаешь?

– Живу, – застенчиво улыбнулась девушка. Даже в лунном свете было заметно, как её щёки залил стыдливый румянец... но вдруг в тёмных глазах сверкнула молния гнева. – А ты-то кто?

– Я? – пискнул Романд. Он неожиданно понял, что боится, как бы Лилийта не убежала прочь. – Я Романд. Н-нас хозяин пустил. Переночевать.

– А, – девушка подобрела. – А что ты делаешь здесь?

– П-помыться хочу.

– Давай помогу, – Лилийта стрельнула хитрыми глазами, но дрожащие вовсе не от холода руки выдали девушку... если бы Романд мог что-либо заметить.

Поутру юноша обнаружил себя у того же самого озера. Оно и при свете нарождающегося солнца не утратило очарования. Лёгкий туман лентами обвивал склонившиеся к воде ивы, причём ни само озеро, ни оказавшийся песчаным бережок молочная дымка не затронула. Гладкая поверхность то тут то там покрывалась рябью мелких кругов – это поднимались из глубины и мгновенно возвращались туда огромные, с локоть длиной рыбины. Их красная крупная чешуя сверкала драгоценными камнями.

На мелководе поблёскивали и переливались ракушки, словно вывернутые неведомой силой перламутром наружу. Искрились кругляши редких камней и извивались, казавшиеся здесь чужеродными, ленточки речных водорослей.

Романд потянулся, медленно, с удовольствием. Тело ломило от сладкой боли и приятной усталости, душу переполняла радость, а магические резервы повысились в десятки, в сотни раз. Кажется, теперь юноша знал, для чего мужчинам женщины, а магам – девственницы. Сейчас Романд был готов своротить горы, спасти Мир и создать новый.

– Спасибо тебе, Лилийта, – прошептал-мурлыкнул юноша, но ночной нимфы рядом не обнаружил. У ног аккуратной стопкой пристроилась выстиранная и зашитая одежда. – Спасибо. Я обязательно за тобой вернусь. Только империю спасу и вернусь. Обещаю. Ты не будешь страдать под властью чёрного мага!

Романд натянул одежду и, чудом не столкнувшись ни с хозяином замка, ни со стражниками, вывел на волю отряд, включая и осунувшегося Мехена.

В копилке юноши появился первый замеченный товарищами подвиг. Правда, никто не ведал, что особой заслуги Романда в том нет, но не беда – остальные деяния свершались уже самим юношей и вовремя. Кроме одного, специфического, чем, кстати, молодой чародей очень удивил членов отряда, но не расстроил – не зря же Мехен потащил с собой ещё двух пятнадцатилетних юнцов.

* * *

– Наш подвал свободен! Как оказалось, достаточно поместить туда любящих законных супругов, и заклятье слетело и мужу с женой не навредило. Ты только никому не говори. Это секрет, – Керлик довольно улыбнулся. Они с Марго, позёвывая, смотрели вслед удаляющемуся балагану по спасению Мира. Бодренько так удаляющемуся – лучше два Конца Света, чем гостеприимство чёрного мага.

– Как повеселился, господин?

– Отлично, – хмыкнул чародей. – Но какой же он зануда, ты бы знал!

Мужчины, немного позевав вразнобой, принялись делать это одновременно.

– Думаю, с ученичком вышло бы лучше. Интересный мальчик, силь... – Керлик не

договорил, прерванный нарочито плаксивым голоском.

– Папа! Почему ты мне не сказал, что у нас гости?

Разом вздрогнув, они обернулись – в дверях стояла Лита, прекрасная, со средней скверности характером дочка Керлика. В полном несоответствии с капризным тоном девушка ласково улыбалась, руки её сами собой плели венки из поздних, возможно выращенных магией полевых цветов. У ног Литы довольно урчала чёрная Белобрыська.

– Что она здесь делает? – хмуро воззрился на пантеру маг.

– Я её выпустила, папа, – соврала девушка и, уронив на уши большой кошке ромашки и васильки, сонно захлопала глазами. – Пойду-ка я посплю.

– А ночью чем ты занималась? – правильно насторожился Керлик.

– С Брыськой гуляла, – буркнула Лита, и обе дамы заговорщически переглянулись. Наивный отец поверил неуклюжей лжи, что не удивляет. Вот отчего Марго сказочку за правду принял, это загадка. Если бы Чёрный замок умел хихикать, то громогласно бы захохотал.

Глава 2 Семья, или Всё в соответствии с заказом

Драконы – подлые существа. Но чёрные маги, и люди вообще, куда подлее, о чём ни те, ни другие обычно не догадываются. На беду дракона, Керлик не просто догадывался. Он отлично знал. И пользовался своим знанием.

Драконы мудры, но вечный голод, внутренний жар и страсть к драгоценным побрякушкам, в особенности, к золотым монетам и обработанным алмазам, превращали глубокий, аналитический ум в один узконаправленный инстинкт младенца «дай!», что известно любому драконоборцу.

Молодые драконы в золотой стадии юношеского максимализма, как и молодёжь прочих рас, не славились ни рассудительностью, ни послушанием старшему поколению.

Дракон Си-х-Ха, резвящийся во владениях Керлика, был юн, строптив и недалёковиден. О людях он судил на основе баек взрослых братьев, потому не понимал, отчего Главный запретил вылазки на территорию двуногих обезьян.

Вот гномы – это да, у них секиры, чеканы и щиты из специальной стали. Си-х-Ха как-то не мог предположить, что люди тоже способны облачиться в латы гномьей работы, а острое и длинное копье куда удобней в борьбе с драконами, нежели мощное, но короткое оружие подгорного народа. Эльфы с их заговорёнными стрелами также представлялись сильными противниками, но отчего-то крылатый юнец не додумался, что и у людей встречаются волшебные стрелы и мечи. Да и профессия кузнеца человечеству более чем знакома.

Первым, поистине удивительным открытием для Си-х-Ха стала встреча с беловолосым чародеем, однако правильных выводов дракон не сделал, так как маг спешил. Чуть не потеряв двух товарищей, тот перенёс свою компанию в неизвестном направлении. Уже это действие насторожило бы склонное к размышлениям существо, но не Си-х-Ха. Он приписал себе великолепную победу над страшным врагом и отправился гонять очередную, ошалевшую от ужаса корову.

Таким образом, второго человеческого чародея Си-х-Ха не только подпустил к себе, но и соизволил с ним пообщаться. По прошествии каких-то трёхсот лет с этой забываемой встречи дракон сумел-таки понять, что оба мага, несмотря на очевидные внешние и не менее заметные внутренние различия, без труда могли лишиться одного зарвавшегося ящера досмертного существования. Не сделали же они этого по каким-то личным причинам. Скорее всего, из-за склонности к издевательствам над другими.

* * *

Откровенно признаться, Керлика нападающий на невинных путников дракон нисколько не беспокоил. Однако эта тварь полюбила питаться крестьянскими стадами, сжигать пока ещё неубранный с полей хлеб, топтать виноградники и портить ценный лес, что есть прямой убыток

для господина и хозяина. То есть – Керлика Молниеносного.

К тому же, будь ты хоть трижды чёрный маг, а свои земли и население от врагов и вредителей защищать обязан. Чем чародей с превеликим удовольствием и занялся.

Пообщавшись с незванным гостем, Керлик решил, что не следует ссориться с огнедышащим племенем из-за одного малолетнего придурка, потому драконёнка не уничтожил, а примерно наказал. Драконы – самовлюблённые существа. В этом они были способны переплонуть даже таинственное, неясным чудом выживающее племя уродливых карликов-тацетов, которые могли днями и ночами любоваться своим отражением в зеркале. Сильнее сна на золоте и поглощения еды драконы обожали нежиться на ярком солнце и смотреть, как блестит, переливается, сверкает их удивительная изумрудная чешуя.

Каждая чешуйка уникальна, у неё собственный неповторимый рисунок и особенная форма...

Керлик ухмыльнулся, сплёл пальцы в замысловатой фигуре, и ослепительно белый Си-х-Ха с жалобным воем умчался прочь, прятаться от предполагаемых насмешливых взоров. Никто не смог бы поступить с драконом более подло и жестоко. По крайней мере, так искренне полагали оба участника инцидента. Впрочем, как показало время, они глубоко заблуждались.

Неподалёку от лежки-засады Керлик обнаружил настоящее логово дракона. Золото и прочую дребедень он оставил на поживу крестьянам и случайным путникам – опасные мародёры в землях чёрного мага появляться опасались. Себе же в качестве трофея прихватил несколько серебряных безделушек, тянущих на артефакты.

Тройной кубок, стилизованный под веточку лесных колокольчиков, – донельзя не удобный в использовании, но очень красивый. Простая, без украшений и изъёнов палка, гладкая и блестящая. Вроде бы ничего особенного, но силой от вещицы веяло громадной, притом навскидку «дубинка» казалась малым жезлом подмастерья мага. Всего лишь!

И, наконец, набор из трёх серёг-капелек: парных женских и одной поменьше, мужской. Хороший подарок для дочери – Керлик глупо и счастливо улыбнулся, вспомнив свою строптивую красавицу. Э-эх, ведь скоро самую главную свою драгоценность придётся отдать какому-нибудь зарвавшемуся смазливому юнцу – маг вздохнул, – но тут уж ничего не поделаешь, дети растут...

Посетовав на несовершенное устройство Мира, Керлик прикинул, что до праздника Урожая ещё далеко, и решил оставить замок и хозяйство на восемнадцатилетнюю Литу. Девочка под руководством опытного Марго и вездесущей бабки Любавухи с любой опасностью справится. Потому чародей переместился напрямик в Главель Серебристую, столицу империи Гулум. Инкогнито, разумеется.

Во-первых, требовалось разобраться с артефактами. Красота красотой, а вдруг те же серёжки окажутся опасными для тёмной магии, что тогда делать с «подарочком»? Во-вторых, не мешало пополнить запасы: специи закончились, на исходе некоторые редкие волшебные травы, да и скляночки с уже готовыми зельями никогда не бывают лишними. Не самому же, подобно травнику или знахарю, всё готовить!

Последние новости и слухи разузнать – это, в-третьих. Ну, а в-четвёртых, поразвлекься, как подобает мужчине. При юной дочери и женатом Марго неудобно как-то. Да и не с кем, если честно.

Столица великой империи оправдала ожидания Керлика и бесплатно преподнесла несколько интересных сюрпризов. Трофейные артефакты оказались очень даже ценными и полезными, а также случайно выяснилось, что же это была за змейка на груди у юного ученика Мехена.

Мальчишка принадлежал к древнему роду Зелеш, второму после императорского. Кстати, этот род претендовал на трон, причём не когда-нибудь, а в ближайшее время, так как император ни женой, ни детьми, хотя бы побочными, обзаводиться, по всей видимости, не собирался. Его старшая сестра, случайно знакомая Керлику, также потомством не озаботилась – она вовсе стала магией и имела все шансы не вернуться из отчаянного похода во вражеское Уединение Орлиных гор.

Впрочем сейчас, в войну с пришельцами из другого Мира, личные проблемы императора никого не интересовали. Керлику же они были безразличны по определению. Неприятностей они магу не сулили, таинственностью завлечь тоже не могли – видать, император пресытился женским обществом ещё в годы зелёной юности и теперь предпочитает исключительно мужское. Частый недуг среди власть предержащих. Бывает и хуже.

С чувством хорошо выполненного долга Керлик – целый месяц без забот и треволнений! – возвратился домой, праздник Урожая всё-таки пропустил. Как выяснилось, от личного проклятия это чародея не спасло.

* * *

Посреди чисто выметенного, пожалуй, даже вымытого до зеркального блеска двора Керлика встречала не кто иная, как бабка Любавуха. А, может, и не встречала – бабка что-то втолковывала молодой жёнушке Марго, однако радужное настроение объевшегося сметаны кота мгновенно улетучилось.

– Здравствуй, господин! – из тени, отбрасываемой открытыми воротами, неслышно выступил капитан стражников. – Где пропал?

– В столицу по делам ездил. Что у нас случилось?

– Ничего, – вдохновенно, но неубедительно соврал Марго.

Керлик сердитым взглядом окинул двор – над брусчаткой закружились маленькие пылевые смерчи, в дождевых желобах-отстойниках мигом вскипела вода, потянуло палёным, из конюшни донеслось испуганное ржание.

– Что?.. – громовым голосом повторил маг... и осёкся. Из-за ближайшего угла осторожно высунулась хитрая морда Белобрыськи. Вместо того, чтобы кинуться здороваться да ласкаться с хозяином, пантера опасливо шурилась, словно изучая обстановку на степень накалённости.

– Ой, моя красавица! Что же ты? – изумился Керлик. Большая кошка, ободрённая ласковым тоном, осмелела и выбралась во двор целиком. Молния в не по-осеннему чистых небесах и последовавший громовой раскат заставил несчастную животинку сигануть прочь. – Значит, успел-таки, поганец.

Бока дурной Белобрыськи раздулись – погостил у неё геройский самец и подарков оставил.

– Не сердчай, господин, – пробормотал тихо-тихо Марго. – У нас дела ещё хуже.

Отреагировать на странное «утешение» Керлик не успел – капитан выхватил у хозяина вещи и, подцепив под локоть жену, скорым шагом двинулся в замок. Когда Любавуха дотащила до мага, супруги исчезли.

– Что же ты, чароплёт, дочь не уберёг? – старуха смотрела укоризненно и строго, словно выговаривала любимому внучку.

– Что? – сердце Керлика замерло. – Что с ней?

– Впрочем, чего можно ожидать от дочери такого папаши? Вся же в тебя, чароплёт! – не замечая предобморочного состояния мага, продолжила бурчать знахарка.

Чародей был уже готов схватить тщедушную бабку и тряхануть хорошенько, но со стороны дворовых уборных вдруг показалась знакомая фигура. Лилийта. Малышка Лита. Вполне живая, хоть и бледная, почти зелёная. Осунувшаяся, непричёсанная, с лихорадочно блестящими тёмными глазами, которые сейчас занимали половину лица.

– Что с тобой, малышка? – охнул Керлик. Лита не ответила, прикрывая ладошкой ротик.

– Брюхата она. Что!

Девушка сдавленно ойкнула и, как до неё подруга по несчастью Белобрыська, со всех ног бросилась прочь от гнева отца. Керлик ринулся следом.

Хотя замок строил маг, его дочь в оном росла, поэтому Керлик обнаружил Литу лишь вечером. В её собственной комнате, что неудивительно. Девушка, ничего не замечая, распласталась на кровати поверх одеяла и плакала. Керлик осторожно присел на краешек постели, ласково погладил дёргающуюся спину.

– Ну что ты, малышка?

Лита застыла, затем осторожно-осторожно приподнялась, обернулась. Роскошные чёрные

волосы облепили мокрое лицо, будто пытаюсь спрятать неестественную бледность, скрыть испуганные и вместе с тем удивлённые глаза.

– Он тебя обидел? Взял силой?

– Нет, что ты! Папа! – вскинулась девушка. – Я сама. Он бы так и стоял, открыв рот. – Смутилась от собственных слов, покраснела, но не отступилась. Керлик кивнул – отчего-то он предполагал именно такой ответ.

– Ты не хочешь ребёнка?

– Хочу. Только боюсь, – она выпрямилась, на миг замерла, а затем бросилась в тёплые объятия отца и принялась плакать, уже пряча лицо у него на груди. – Я очень-очень боюсь.

– Не бойся, я тебе помогу. Любавуха поможет – ты же её любимица. Марго тебя не оставит. Мы рядом, мы с тобой, – Керлик запустил руку в волосы дочери и наткнулся на колтун. – И прекращай-ка ты реветь! Кто мне говорил, что магини не плачут? И уж с чего ты решила, что материнство позволяет быть неряхой и страшилищем? Вот подойдёшь ты к зеркалу, а ребёночек вдруг на тебя магическим зрением глянет – он же заикой до рождения станет!

Лита оторвалась от отца, по-мальчишечьи утёрла нос предплечьем и несмело улыбнулась.

– Ты что, не сердись?

Керлик задумался. По опыту он знал, что детям врать не следует, и, хотя дочка уже взрослая, сказал ей правду.

– Сержусь. Но не очень. К тому же, Любавуха права: ты дитя своего отца, – маг шутливо ткнул Литу кулаком в плечо. – Только... – он неожиданно запнулся. – Я очень надеюсь, что это...

– Как ты мог обо мне такое подумать?! – девушка резко вскочила и сердито упёрла руки в бока. – Что бы я и этот Губошлёп?! Да я его предупредила: бросит на меня «пылкий» взор, запру в подвале вместе с Любавухой! Чёрная магиня я или нет?!

Чародей расхохотался в голос: всё-таки Лита его дочка. И характерец соответствующий! Уже позабыла, как надрывалась, как на груди у отца пряталась.

– Вообще-то, малышка, я имел в виду этого смазливового белого мага.

– Тьфу-ты! – девушка забавно поморщилась и вдруг стала похожа на охотящуюся Белобрыську. – Вот уж, представления у тебя о смазливости! И не по возрасту он мне!

– Точно, – согласился Керлик. На том и разошлись: маг ужинать, а Лита – принимать ванну.

Марго объявился, когда стол опустел. В руках воин держал бутылку вина «Благословение» (с южных земель, позапрошлого года, удавшееся – не хуже местного) и голубой сыр, остро, даже дурно пахнущий плесенью, дорогой.

– Трус ты, – хмыкнул Керлик, кивая на соседний стул. Повинуясь мысленному приказу, к столу выплыли два стеклянных кубка, тоже безделушки не из дешёвых, и нож.

– А вот и нет, – Марго несколько не смутился. – Я уже говорил, что, как и подобает хорошему стражнику, обладаю ярко выраженным инстинктом самосохранения. Ты побегал по замку, пар выпустил, а иначе меня бы на этот самый пар израсходовал. Кстати, господин, котят Брыськи можно раздарить (или продать?) – самец породистый, киска наша тоже.

– Знаю я. Но что-то мне подсказывает, останутся они у нас – не избавимся.

– Что-то?

– Н-да...

Оба помолчали.

Плети плюща раздвинулись (мужчины сидели в приснопамятной обеденной зале) – из дыры в стене появилась обсуждаемая пантера, гибкая и опасная красавица. Чёрная шерсть, обычно блестящая, словно латы Рыцарей Ночи, сейчас потускнела, казалась седой из-за каменной пыли, которая, несмотря на волшебство, заполонила тайные проходы.

Белобрыська уже ничего не боялась, а возможно, и раньше старалась ради любимой хозяйки. Пантера спокойно, чуть более обычного вихляя задом, подошла к Керлику, потёрлась мордочкой о ногу. Маг, вздохнув, почесал поганку за ухом – пантера довольно заурчала, будто домашняя кошка, лишь в несколько раз громче.

За животным выплыло облачко пара, на глазах трансформирующееся в галеру. Взметнулись длинные вёсла, раскрылся треугольный парус, и корабль принялся за обход (или облёт?) территории. Бесцеремонно и нагло, но безболезненно шлёпнул Керлика по носу рулём, вздыбил шерстинки Белобрыськи, угрём проскочил между близко стоящими, словно опасные рифы, бокалами и бутылью, затем долго прыгал на макушке у Марго. Но, спохватившись, отправился в опасное странствие к посудному шкафу.

Керлик и сам не помнил, как в торжественной обеденной зале появилось подобное недоразумение, но огромный шкаф не убирал. Более того, заполнял посудой: конечно, не обычной, а дорогой и красивой, чаще всего магической. Широких полок для коллекции пока хватало, однако чародей уже задумывался, каким способом лучше увеличить шкаф. То ли изменить пространство, то ли воспользоваться мастерством мебельщиков – первое неустойчиво, второе не бесконечно.

Тем временем галера, педантично облетев огромную мечту рачительной хозяйки, большой каплей шлёпнулась на нос расслабившейся Белобрыськи. Пантера, оглушительно рыкнув, выскочила вон – выговаривать Лите за неподобающее поведение.

Марго насмешливо ухмыльнулся, провожая кошку взглядом. Эфемерная модель галеры, что спорить, вышла красивой и чёткой, но абсолютно не верной в пропорциях – будь она настоящей, даже при помощи чародейства не поплыла бы. Но чего ожидать от девчонки, которая ни одного корабля в глаза не видела, а знания черпала исключительно из книг?

Керлик же, наоборот, светился довольством, радостно и вместе с тем мечтательно улыбался. Магини, в отличие от магов, обзаводиться наследниками не то чтобы не считали нужным – не любили, так как часто на время беременности, а то и навсегда, теряли способность к чародейству. Лита творила магию – это само по себе хорошо. Но ещё из этого следовало, что под сердцем девочки растёт волшебник или волшебница немалой силы. Замечательно!

– За прибавление в семействе? – предложил Марго.

Керлик кивнул. Бокалы мелодично тренькнули, и вино счастья зашумело в голове.

– Почему ты не дома – поздно уже? – поинтересовался чародей, нарезая кубиками голубой сыр. Руки не отмоются до завтра.

– А я на дежурстве, господин, – хмыкнул капитан.

– Ты? – поразился Керлик. – Жена не нравится?

– Нравится. Но хотя, благодаря тебе, у меня молодое тело, оно всё-таки постарше моей жены и иногда хочет просто поспать.

– А жена у тебя ревнивая, помню. За благополучие в семье?

Вновь стекло ударилось о стекло... и Керлика скрутило от жуткой боли – кто-то мощный грубо, резко и неожиданно пробил все охранные заклинания Чёрного замка.

Марго вскочил: в одной руке острый меч, в другой – хрупкий кристалл. Достаточно раздавить, и все стражники перенесутся к господину и госпоже, защищать не на жизнь, а на смерть. Маг, быстро справившись с телом и разумом, приготовил самые страшные заклятья, ибо понимал, что надвигающийся враг обладает магической силой куда большей, нежели сам Керлик.

Но посередине залы из воздуха материализовался уже подзабытый ученик Мехена, как и в первое посещение замка, грязный и... пусть будет ароматный. В руках юнца трепетал язычок пламени – всепоглощающий, волшебный, однако вполне останавливаемый, огонь.

* * *

Романда на правах настоящего героя и по случаю закончившейся войны и, соответственно, не свершившегося иномирного вторжения благосклонно не допустили к обустройству лагеря. Потому юноша отчаянно скучал.

Учитель Мехен и госпожа Руника в волшебном трансе – общаются с объединённым Имперским советом и Кругом Старших Магической гильдии. Предупредительные до заносчивости, любезные до презрения пажи, а теперь-то наверняка полноправные рыцари империи, занимались готовкой и связанными с ней проблемами – хворост, вода, костёр и так далее – в принципе, с ужином можно было распрощаться.

Романд грустно усмехнулся. Его происхождение, сила, миссия, совместный опасный поход наконец, достойны уважения как сами по себе, так и вместе взятые, но... Нет, уважение было, но отчего-то казалось куда приятнее получить от этих двоих кулаком в глаз или ведро помоев на голову.

Супруги-воины, Каллей и Галло, устанавливали палатки, таскали лапник, оборудовали охранный периметр. Победа победой, а осторожность не помешает. Жесть, пантера воинов, постоянно лез любопытной мордой под руку хозяевам, и этой самой рукой по морде же и получал. Полуэльф Эфрель всё-таки отправился на охоту, а гном Брожа дрых. И лишь Романду не отыскалось работы или какого-нибудь полезного занятия. Не мудрствуя лукаво, юный чародей побрёл в кусты, тем более что организм требовал.

День ещё не покинул лесок: свет отчаянно цеплялся за ветви покрасневших остролистных клёнов, путался в лещине, нагло пытался забраться в молоденький ельничек. Из глубины леса, из-за деревьев доносился шорох, не сонный, ночной, а вполне активный и бесспорно звериный. Романд разобрал даже порывивание и похрюкивание. Может, Эфрель притащит кабанчика, тогда опротивевший суп из сушёного гороха с плесневелыми, уже не размачиваемыми сухарями достанется Жести. Пантера неожиданно полюбил эту гадость.

Слышалось какое-то весеннее посвистывание, мелодичное, почти трель, заглушаемое бесконечным размеренным «ку-ку».

Романд вздохнул и, запрокинув голову, взгляделся в синий просвет между деревьев. Небо. Юноша всегда хотел летать, быть воздушным магом. Но оказался белым. Надо бы радоваться – они, как и чёрные, умеют всё, – но на душе скребли кошки. В непроницаемом мраке... Ха! У белого мага, пусть пока ученика, и мрак – чушь... как Чёрный замок с белоснежными стенами. Юноша закусил губу, вспоминая, произошедшее под кровом тёмного чародея. Вернулось из вынужденного забытья обещание, данное темноокой красавице. А что если?..

Он здесь, в лагере, без надобности. Ни в качестве помощника и товарища, ни в роли героя – вообще не нужен, как и везде, как и дома. Третий сын, по сложению не боец – оказалось, что маг. Он поздно начал учиться, но обладал мощным даром и, шепчутся, интересными Талантами, потому изгой и для чародейской братии... Даже в маленьком отряде за полтора месяца он не смог стать своим – только Жесть иногда игрался.

Позади скрипнуло – вот и пантера. Предупреждает. Если требуется, громадную кошку даже магией не учуешь, показывает, что здесь, что охраняет. Отчего-то Жесть сначала защищал именно его, Романда, и лишь после – хозяев. «Но сегодня ты не сможешь защитит меня, потому что от самого себя другие спасти не могут. Да ты и не захочешь. Я ведь знаю, я видел – ты тоже скучаешь, но прости. Я тебя к ней не возьму...» Юноша не знал нужных заклинаний, но когда чего-то яростно желает сильный маг, мироздание имеет свойство прислушиваться и выполнять хотения.

* * *

– Где она?! – гневно вскричал пришелец.

– Кто? – искренне изумился Керлик.

– Девушка!!!

– Какая де... – начал было хозяин, но осёкся. Глаза Керлика и без того тёмные, почернели. – Ах, значит, девушка!

В следующий миг маг без всякого чародейства очутился рядом с непрошеным гостем и крепко вцепился в ухо, выкрутил, потянул. Мальчишка, никак не ожидавший, что на смертельное заклинание ответят рукоприкладством, испуганно пискнул, растерял концентрацию, необходимую для магии, и приподнялся на цыпочки. Ещё выше, ещё – в силу наличия некоторого веса оторваться от пола юный чародей не мог, зато от уха – вполне.

– Зачем тебе, золотце, девушка?

– С-спасти, – Романд участвовал в боях, попадал в плен и на пыточный стол, но этот маг казался страшнее всего ранее испытанного в опаснейшем походе. Впрочем, юноша не собирался трусливо сдаваться, предпочитая продолжить борьбу. – Я не позволю, чтобы эта прекрасная девушка, богиня, страдала в твоём рабстве.

– В моём рабстве?! – возмутился Керлик.

Его оскорбили до глубины души, и, пожалуй, Романду не избежать увечий, если бы вдруг не соизволила появиться причина «спора» и прочих недоразумений. В залу вплыла Лилийта. На девушке красовался свободный шёлковый халат, белый, расшитый алым. По пятам следовал целый флот разнокалиберных корабликов из пара.

– Папа! Отпусти его! Немедленно! – Армада дала сокрушительный залп и собралась в лужицу где-то в трёх-четырёх шагах от Керлика.

Маг проигнорировал вопль дочери, зато его услышал юноша.

– Папа?! – Романда несколько не взволновало, что его голос, минуя в скором темпе стадию писка, переходит на позорное девчоночье повизгивание. Другие участники инцидента, надо отметить, тоже этим не заинтересовались.

– Не белый маг? – рыкнул Керлик и ухватил дочь за роскошные, но мокрые и оттого неприятно склизкие патлы. – А это, по-твоему, что?!

– Ты белый маг? – Лита взревела львицей и, несмотря на пленённые волосы, рванула к несчастному, и без того на грани обморока, юноше.

Глаза девушки метали молнии, причём как в переносном, так и прямом смысле. По всем законам природы за очередной вспышкой следовал громовой раскат – волшебная посуда в несурзном шкафу дребезжала, грозя превратиться в обычные осколки.

Страх, да и только! Нет ничего удивительного, что Романд попытался уклониться от разгневанной девицы, и ему даже удалось проделать это, не лишившись уха, но вымолвить хоть слово не получилось. Юноша затравленно повёл головой из стороны в сторону, и гнев Литы мгновенно угас.

– Вот видишь, папа, он не белый маг.

– Точно, – согласился Керлик, явив детям знаменитую змеиную улыбку, и неуловимым движением переместил руку с уха Романда ниже. Дёрнутый за цепочку, словно дворовый пёс за поводок, юноша был вынужден нагнуться к Лите – перед глазами девушки качался, гипнотизируя, двойной кулон. Радужные, весёлые искорки солнечными зайчиками заскакали по зале. – Он много хуже белого мага! Он ученик белого мага!

Если ранее Лилийта лишь походила на рассерженную львицу, то после обличающего высказывания начала превращаться в оную на самом деле. Трансформация неприятное зрелище, и несколько напугала даже Керлика, что уж говорить о несчастном герое. Романд было закатил глаза, но, передумав, применил очередной, впервые испытанный именно в Чёрном замке способ спасения (всегда работающий): панически огляделся. В дверях стоял плечистый, высокий стражник.

– И чего ты на меня так смотришь? – резко изменившееся семейное положение заставило Марго выучить несколько новых гримас, которые можно было нацепить на физиономию. Сейчас использовалась маска невинного младенца. – Мальчик, следовало подумать, прежде чем осчастливливать чёрную магиню ребёнком.

На том бравый капитан разумно применил тактическое отступление. Сегодня придётся действительно дежурить.

Романд некоторое время тупо пялился в пустоту, а затем, выдернув у Керлика медальон, спрятался магу за спину. Для пущего эффекта вцепился в одежду чародея.

Что может быть хуже чёрного мага? Естественно – чёрная магиня! Лилийта в подтверждение нехитрой идеи попыталась выковырять юношу из-за спины отца, но Романд, предугадав направление, развернул к ней не сопротивляющегося от удивления Керлика, тем самым оставаясь у него за спиной и вне досягаемости опасных ручек темноокой зазнобы.

Охота на юношу продолжалась минут пять, в течение которых Керлика болтало и крутило так, что дорогое, выпитое с наслаждением вино явственно попросилось наружу. Наверное, и выползло бы, но разум Романда, наконец, обработал реплику стражника.

– Какого ребёнка? – пролепетал юный чародей и застыл в беспомощном, но искреннем удивлении, натолкнувшись на которое Лита тоже остановилась. Вновь приобрела человеческий вид, зарделась, потупилась.

– Твоего, Романд, – прошептала чуть слышно она, вскинувшись.

Керлик, осторожно переведя дух, отступил – дети ничего не заметили. Они стояли и

смотрели друг на друга широко открытыми глазами, не ведая, что сказать, как реагировать. Ещё мгновение назад они были всего лишь драчливой девчонкой и мальчишкой, а теперь у них появилось нечто общее, но непонятное обоим. Они думали. Впрочем, нет – Лита уже приняла решение, Керлик знал, а Романду всё только предстояло.

Маг всмотрелся в мальчишку. А ведь ему, наверное, и пятнадцати нет... О каких ответственных решениях может идти речь, если самому нянька потребна?!

Романд шагнул и бухнулся на колени, уткнулся носом в живот Литы.

– А можно?

Девушка покраснела ещё сильнее, хотя мгновение назад чудилось – куда уж ещё, и умоляюще глянула на родителя. Юноша вдруг тоже вспомнил о грозном чёрном маге, между прочим, отце...

– Можно? – повторил Романд, смотря теперь на Керлика.

– Что? – грозно сдвинул тот брови.

– Ну... это...

– Что ты хочешь, Романд из рода Зелеш? – пришёл на помощь мальчишке чародей. Конечно, он понял, чего – но пусть скажет, иначе, какой же это мужчина? Кажется, юноша осознал серьёзность решения, встал.

– Я прошу руки вашей дочери.

Керлик улынулся, но незаметно, одними глазами, внешне оставаясь серьёзным и злым.

– Что ответишь на это, Лилийта из рода Хрон?

– Если позволит мой отец, то я согласна.

Ох ты, какая шёлковая, покладистая! Маг, не таясь, покачал головой. Романд понял по-своему, неправильно – побледнел, в глазах его блеснули слёзы.

– Да, вы правы. Я ничего не могу предложить...

– А что, ТЕБЯ не достаточно? – хмыкнул Керлик, обрывая глупые слова.

– Вы хотите сказать?.. – юноша запнулся, губы его задрожали. Он не верил и отчего-то был поражён до глубины души. – Вы желаете?..

– Именно. Я отдам тебе свою дочь, но... при одном условии: если ты возьмёшь вместе с ней приданое. А приданое – это всё, что у меня есть. Ты против?

– Нет. Я вовсе не против. Но выходит, что я...

Он стыдился! Стыдился того, что, как был уверен, превращается в нахлебника, в трутня, который случайно обеспечил наследника магу и не принёс с собой ничего, хотя бы денег.

– Ты сомневаешься, что родитель отпустит тебя? – Керлик попытался приободрить «пониманием», но вышло хуже. Романд пошёл болезненными пятнами – причудливо смешались бледность, некоторая зеленоватость и краснота.

– Я третий, – слова прозвучали так, будто мальчик пытался уговорить себя, что именно этим объясняется его судьба, жизнь. Но сам же себе не очень-то верил. – Мать умерла в родах, а отцу я не нужен. Он с радостью от меня избавится, ещё и пинка под зад даст для пущего ускорения.

– Следовательно, никаких проблем, – как можно бодрее сказал чародей. – Учитель же твой поймёт: ты не в Уединении состоишь, а в Магической гильдии – женатые ученики, порой, встречаются. К тому же, через полгода экзамен?

– Да.

– Я уверен, что ты сдашь – значит, будешь подмастерьем, – Керлик не подозревал, что способен на столь продолжительные любезности. – Кстати, чтобы ты не забывал о ждущей тебя невесте, вот тебе подарочек... – Многострадальное ухо Романда подверглось очередному измывательству, однако драконова серьга юноше была к лицу. Если бы не длинный плащ-балахон, модный среди представителей магического сословия, и отсутствие «Лихого платка», Романд вполне сошёл бы за юнгу с пиратской шхуны, причём не простого матросика, сбежавшего преступника, а сына капитана – смены, опоры и надежи. Что-то, пока неуловимое, в мальчишке было. – А эту пару вручишь Лилийте в день свадьбы.

Романд поклонился и через мгновение вернулся в лагерь. Остаточной магии Керлика Мехен не засёк.

– Надеюсь, он догадается не говорить, на ком женится, – Керлик сел за стол, налил вина.

– Станный он какой-то, – вместо ответа пробормотала Лита, устраиваясь на соседнем стуле.

– Станный, – согласился отец. – Сдаётся мне, мы с тобой первые, кто его позвал к себе, кому он потребовался.

– Бедный.

– Ничего, перевоспитаем, – хмыкнул чародей и внимательно посмотрел на дочь. – Кстати, где мой ремень? Пора мне сделать то, что я ни разу не делал.

– Папа, ты что?! – взвизгнула девушка. Вид родителя не позволял сомневаться в серьёзности намерений. – Только не говори, что я соблазнила невинного юнца!

– Соблазнила. И невинного. Впрочем, ты ему тоже невинность отдала. Но я не о том, – Керлик дождался, когда Лита смутится в непонимании. – Врать отцу нехорошо.

– Но я...

– Ты прекрасно знала, что Романд – белый маг, но отыскала способ солгать, сказавши правду. Поздравляю, как истинный чародей ты учишься играть словами и судьбами, но не стоит тренироваться на мне – я тебе не какой-то там Ратик Губошлэп!

– Прости, папа... – ей и впрямь было стыдно. – А как ты понял?

Молодец, девочка. Молодец.

– Его кулон-кристалл опасен для чёрных магов, у тебя остался ожог.

Лита посмотрела на голое плечико: рана не портила кожу, напоминая раскрывшуюся розу, да и та почти исчезла. Но девушка помнила боль, жуткую, невыносимую, почти испортившую чудо-ночь – Романд не заметил, что натворил его талисман, но одним поцелуем, искренним, робким, вылечил свою богиню.

– Кстати, такие ожоги не заживают.

– Но? – вскинулась Лита. – У меня же...

– Да, – кивнул Керлик. – Это означает, что ты носишь белого мага, – чародей не выдержал и рассмеялся, узрев обиженное выражение на лице дочери. – Не беспокойся! Твоё дитяtko не только в папашу, но и в тебя. Знаешь ли, только белые магини способны рожать чёрных магов, за чёрными же белых не отмечалось.

– То есть твой внук особенный? И я особенная? И Романд?

Чародей лишь кивнул, глотнул вина. Незачем девочке знать, что двуцветные маги появляются лишь в эпоху великих потрясений... а не каких-то там иномирных вторжений.

Чёрный замок мерцал в ночи, словно маяк у моря. Особенно старалась западная сторона, не попадая в такт с остальными. Всё-таки хозяева у замка хорошие! Догадались обзавестись белым магом! Он будет замечательно гармонировать со стенами.

Глава 3 Свадьба, или Кто против?

Луна запряталась неведомо куда, явила взору тоненькую острую кромку, округлилась, порадовав волков и волколаков, и снова исчезла, а Романд так и не вернулся. Стены Чёрного замка потускнели от огорчения, чему способствовала хмурая и печальная осень. Она, неуловимо старясь, шествовала по землям Керлика. Всё чаще и чаще небеса тяжелели, набухали серыми тучами и рыдали... вместе с безутешной Литой.

За неполный месяц девушка разительно изменилась. Ещё недавно она была ветреной девчонкой, совершившей глупость, но разлука с тем, с кем она мысленно уже построила жизнь, заставила полюбить, превратиться во взрослую женщину, ранимую и чувствительную. Лита начала ощущать своё дитя, да и оно, будучи великим чародеем, вступило до срока в разговоры с матерью. Магине требовался её мужчина, чаду – отец. А отца не было.

Керлик пытался помочь, утешить, но слова складывались в какие-то неправильные, чуждые конструкции. Если маг утверждал, что Романд обязательно вернётся, то дочь начинала плакать и спрашивать: где?! Когда?! Почему его до сих пор нет?! Что случилось? Ей чудилось

нечто страшное. Тогда отцу ничего не оставалось, как говорить, мол, не рыдай, с ним всё в порядке, просто он струсил, испугался ответственности, но живой и невредимый. Лита взрывалась в негодовании, но ненадолго – слёзы брали верх. Покинута, брошена, оставлена. Никому не нужна.

Чародей не мог сыграть на какой-то из версий: уверенный, что не ошибся в мальчике, Керлик действительно ничего не знал о судьбе Романда. И не имел возможности узнать.

Та седмица, что маг отмерил для возвращения юноши, пролетела на удивление быстро даже для Литы, но Керлик не беспокоился, не проверял, куда запропастился Романд. Мало ли какие дела у человека, а вмешательство мага выглядело бы банальной слежкой за непутёвым зятем – перевоспитание не стоит начинать с недоверия.

Затем вмешался рок: как всегда неожиданно ударили магические бури, да такой силы и продолжительности, что о происходящем в Главели удалось бы разузнать лишь одним способом – отправившись туда лично и без помощи магии. Керлик побоялся надолго оставлять дочь одну, а следовало бы – теперь-то уже поздно. Тогда Лита всего лишь сердилась.

Керлик встал до рассвета, побродил призраком по замку, заглянул в комнату дочери. Девочка разметалась во сне по подушкам, отшвырнула одеяло и теперь мелко дрожала. На столике у изголовья стояла кружка с водой – Литу по ночам мучила жажда, – рядом примостилась корзина с вязанием. Заботливо укутав дочь в одеяло, Керлик присел на край кровати, осторожно достал почти законченный детский комбинезончик.

Любой уважающий себя маг – только он в этом не признается – умеет как вязать крючком и на спицах, так и вышивать крестиком, ибо рукоделие способствовало лучшему усвоению чародейской науки, а конкретнее – мысленному плетению заклинаний. Однако умение сие ограничивалось лишь декоративными безделушками: гобелены, ковры, кружева, порой, одеяльца и уж вовсе редко – шарфы. Одеяльца и шарфы оно, конечно, попроще кружев, да для мага, чем легче – тем труднее.

Лита твёрдо решила научиться мастерить полезные вещи, и у неё почти получилось. Правда, Керлик не понял, зачем в детском комбинезончике идёт расчёт на восемь ног. Если бы четыре, чародей предположил бы, что вторая пара относится всё-таки к рукам, но для чего ещё четыре-то? Кого Лита надумала рожать? Спрута морского?

Девушка беспокойно зашевелилась во сне, пробормотала заветное имя. Романд. Керлик наклонился и осторожно поцеловал дочь в лоб.

– Поспи сегодня подольше. Отдохни, – чуть слышно прошептал чародей, и дыхание Литы выровнялось, появился намёк на обычный, жизнерадостный румянец. – Какая ты у меня красивая!

Вся в мать... Нет, только не в неё! От неё у тебя только кровь да женственность – остальное моё. Ты похожа на Жиину, на сестрёнку мою... А мы оба на нашего отца... Керлик скоро, даже поспешно покинул спальню – не следует рядом с беременной женщиной думать о плохом.

* * *

...Жиина, единокровная сестра. Они с Керликом имели несчастье оказаться единственными детьми Гакала Хрона, которых матери не вытравили ещё во чреве. Жиине повезло – она родилась без магического дара, но на том её удача и закончилась.

Ей исполнилось четырнадцать, она была красавицей и повзрослевшего брата-одногодка боялась не меньше отца. Отца, который однажды взглянул на Жиину вовсе не как на дочь. К Керлику за помощью она не пошла, опасаясь увидеть тот же блеск в таких же тёмных глазах. Она взяла верёвку и повесилась. На следующее утро не стало Гакала. Тогда же мог перестать существовать и Керлик, убийца отца, достойный представитель рода Хрон. Его спасло чудо – уже примеренные на плечо одежды Гакала всё же полетели в огонь, Керлик сумел остаться человеком...

* * *

Чародей выбрался на замковую стену. Стражники неслышно, осторожно и вместе с тем быстро отступили в башенные караулки – почувствовали, что господин нуждается в одиночестве.

– Что тебя остановило, Керлик Хрон? – тихо спросил маг сам у себя, подставляя лицо ветру и солнцу.

Ветер был на удивление тёплый, южный, а солнце не по-осеннему грело, даже припекало. День обещал быть хорошим: если бы не убранные, голые поля да золото берёзовых рощ, и не подумаешь, что год бежит к зиме. Пожалуй, закрой глаза – и чувствуй лето вокруг.

Нет, чародея не обманешь – воздух пах по-другому. Грибами, дождём, холодом и сном.

– Жалость. Вот оно! Жалость к человеку, судьбу и душу которого испоганил отец... Но я прервал семейное проклятие, папочка, прервал. – Керлик горько усмехнулся: небеса чисты, светлы, а его думы во мраке. – Как ты там, папуля, в гробу не переворачиваешься? Твоя внучка спуталась с белым магом. Или ты всё предусмотрел? Ты же из рода, что читает Мир! Ты знал, наша семейка напортачит – родит двуцветного мага! А я даже не имею возможности выведать, что из этого последует, – ведь я боюсь вернуться домой. Всё ещё боюсь стать тобою...

Керлик запрокинул голову, как в детстве пытаясь спрятать, остановить набежавшие на глаза слёзы, загнать обратно, внутрь. Тьфу-ты! Осень! Что ты с людьми творишь?!

Чародей моргнул, прищурился – ошибки нет, ему не показалось. В прозрачной голубизне небес появилась тёмная точка, постепенно она увеличивалась – словно кто-то большой нёсся прямо на Чёрный замок. Когда пятно достигло размеров, отмечающих предположение о принадлежности его к птицам, оно вспыхнуло, заискрилось.

Кроваво-алый, благородно-фиолетовый, алчно-золотой. Мелькнул волшебный серебряный, пугающий иссиня-чёрный, нежные голубой и розовый и тысячи тысяч других цветов. Но ни одного оттенка зелёного, единственного правильного и естественного! Керлика скрутило от хохота: чародей полагал, что пытки страшнее, чем «обелить» дракона, придумать невозможно. Как он ошибался!

– Смеёшься?! – прорычал Си-х-Ха, а это был именно он. – Смейся! Тот мелкий выродок, трижды змеёныш, тоже смеялся, но теперь ему не до смеха!

– Какой мелкий выродок? – резко оборвал себя Керлик.

– Такой, в белом балахоне. Я его один раз встречал в компании с тем, длинным, беловолосым, – дракон сплюнул кислотной слюной, однако ни замковой стене, ни земле под ней не навредил. – Он к тебе дорогу спрашивал... Я ему указал. Поплутает по горам, аккуратно к тёплой компании. Они его ждут не дождутся!

– Компании? – нахмурился чародей. – А ну, живо! Вези меня к нему!

– И не подумаю! Мне уже ничего не страшно.

– А хочешь, я тебе цветочки-ромашки поверх намалюю?

Летучий ящер громогласно икнул и покорно склонился перед чудовищем в человеческом облике.

* * *

Романд выбился из сил. Три дня он шёл. Без отдыха, боясь применить магию, голодный, ободранный и грязный, кожа нестерпимо зудела. Он не останавливался даже утолить жажду – знал, что рухнет и уже не поднимется. И гончая команда по пятам – они беспощадны и неподкупны, их не победить в честном поединке. Они специально созданы и обучены ловить чародеев. Не слабеньких, без Талантов – таких и обычные охотники за ворами поймают, – а мощных, сильных. Гончих трудно обмануть. Романду почти удалось. Но этот дракон!

Ящер необычной белой раскраски появился неожиданно, выскочил из укрытия – расщелины в скале, и нервы дали сбой. Руки выпростались навстречу дракону, губы прошептали заклинание и силы оказались потрачены на глупость. Да, опасная тварь исчезла, но теперь преследователи точно знали, где находится дичь. Обессиленная, не способная сопротивляться. А ведь Романд копил магию для рывка, перемещения. Хотя, трезво рассуждая, не получилось бы у него: учи... нет, просто Мехен так и не рассказал ему, как это делается, а

припомнить, что же он сам творил месяц назад, не выходило.

Может, спрятаться?.. Романд замедлил шаг, огляделся... Почему нет? Гончие гонят – им не придёт в голову, что жертва настолько тупа и глупа и попробует забиться в уголок, переждать... Юноша замер.

Под ногами тропа, человеческая, утоптанная, но не удобная, узкая, петляющая среди камней, огромных валунов, что с осени по позднюю весну катились вниз с окружающих гор. Как он попал в ущелье? Благообразный крестьянин в чересчур (только сейчас понял!) белой одежке подсказал направление – оба раза к Чёрному замку Романд попадал при помощи магии и потому пути не знал. Где не валялись большие обломки скал, там пристроились мелкие, прорезавшие и без того стоптанные до дыр сапоги. Когда же и камни исчезали, из земли вылезали корни, узловатые, толстые, всегда неожиданные, не к месту.

Всё. Дальше он просто не в силах двигаться!

Романд прислушался к природе – никакого чародейства, этому научил его воин Каллей, хозяин Жести. Журчание, звонкое. Вода... Слева, между колючих, до сих пор зелёных горных дубков и кустов кизила, поблёскивающих красными, почти фиолетовыми вытянутыми ягодами, сверкает на солнце тоненькая ленточка ручейка. Она извивается, добегаёт до выступа, обрывается и исчезает среди камней обсыпного склона и редкой жёлтой травы. Но там, за струйкой пещерка, маленькая, неудобная...

Романд рванул вверх. Нога соскользнула – он упал, рассадил в кровь руки и пополз, не в силах подняться. Раненое животное, желающее жить. Наивное – опытные охотники на то и опытные, чтобы сразу определить, где свернула дичь, куда направилась... Юноша в отчаянье хотел закричать, но чья-то большая ладонь заткнула ему рот, а знакомый голос прошептал над ухом:

– Тихо, мальчик. Я им глаза отвёл. Не найдут.

И действительно, гончие замерли, затем о чём-то горячо заспорили и прошли мимо. Руки, удерживающие на месте, исчезли, освободили, но Романд не бросился в безумии прочь, огляделся. Пещера оказалась не такой уж и маленькой, в ней имелось место для двух мужчин.

– А теперь рассказывай. Что произошло? – наверное, всё-таки попросил тот же голос. Однако юный чародей не ответил – упал на пол и уткнулся лицом в ладони. Владелец голоса не посмел торопить.

* * *

Керлик успел. В самый последний момент, но успел. Ловцы Чар почти загнали Романда, однако мальчик догадался свернуть с дороги, ведущей прямо в лапы основному отряду, а там уж маг постарался. Еле справился. Десять душ! Какая честь! Что же ты натворил, мальчик?

Чародей посмотрел на подопечного. Тот сидит, не шелохнётся. Молчит, ничего не замечает. Почти не дышит, не думает...

Керлик не удержался и скривился: с каждой встречей Романд выглядел всё хуже и хуже. Похудел, хотя и раньше-то чрезмерной полнотой не отличался, об одежде напоминали вонючие, неопределённого цвета лоскуты – как это дракон обозвал белым балахоном?! – в многочисленные прорехи проглядывало тело, в ссадинах, синяках, расчёсах, покрытое грязной коркой пыли, пота и крови. В нечёсанных, давно невымытых волосах вполне мирно уживались шустрые вши и прыгучие блохи – те и другие, надо признать, тощие, оголодавшие.

Где ж ты этак запаршивел, парень? В лесу из паразитов разве что клещей нахватаешься, да и те чародеев избегают – невкусные. В городе ты сам себе как маг не позволил бы. В тюрьме ты, что ли, сидел, деточка? Да не в обычной, а особенной, закрытой от волшебства.

Словно отвечая на невысказанный вслух вопрос, Романд вдруг вскочил, дёрнул странно сейчас смотрящуюся на нём цепочку с двойным медальоном.

– Будьте вы все про!..

Керлик прыгнул. Одной ладонью снова зажал юноше рот, не выпуская страшные слова наружу, другой обхватил стиснутый до белых костяшек кулак.

– Не надо глупостей, мальчик. Хочешь стать чёрным магом?

Что?! – говорили его глаза, осмысленные, живые, любопытствующие. Керлик разжал

удушающие объятия.

– Что? – прохрипел Романд. – Я же белый.

– А ты полагаешь, что среди чёрных магов нет белых?

– Но как? – его мордашка вытянулось в недоумении. Всё, опасность миновала. Тебе, деточка, не до обид. Тебе уже захотелось знаний. Хорошо.

– Ты, как и многие, путаешь понятия «тьма» и «зло». Я, – Керлик развёл руками, – маг Ночи, но я – не маг Ненависти. Ты – маг Дня, но можешь стать магом Ненависти. Ты хочешь этого? Зачем? Тебя дома любят и ждут.

– Дома? – вот теперь, только теперь по щекам Романда хлынули слёзы. – Дома?

– Да, – кивнул маг.

– Лилийта... Лита... Ждёт меня?

– Ждёт.

Юноша расплылся в счастливой, глупейшей улыбке и чуть не шмякнулся в обморок, но Керлик успел подхватить его, удержать в сознании. Осторожно подвёл к ручейку, умыл, дал напиток из своих рук – от шока Романда колотило. Чародей усадил мальчишку, крепко к себе прижал. Тепло, чьё-то присутствие – лучшее лекарство.

– Расскажешь, что случилось?

– Расскажу.

* * *

...Глабель Серебристая встречала героев колокольным звоном, фейерверками, цветами и детским смехом, чувствовала гимнами и дарами. Имя Романда не сходило с уст, о его подвигах ведали все, и даже отец благосклонно улыбался, называл сыном, надежей и опорой. Однако, юноше хотелось тишины – отдохнуть, отоспаться и вернуться к дорогой Лите.

Не откладывая дела в долгий ящик, Романд ещё до торжественного пира, где должен был присутствовать сам император, решился поговорить с герцогом. Каково же было удивление юноши, когда родитель запретил ему жениться, обещая лишить имени! И тогда, гордо кинув «Лишайте!», юный чародей бросился за советом и помощью, пониманием, к учителю. Мехен приказал выбирать между Магической гильдией и женой. Романд остался верен второму... второй, потому ушёл... недалеко. Не успел он выйти за городскую стену, как его окружил отряд из Ловцов Чар и вежливо, но настойчиво сопроводил в тюрьму. Романда обвинили в покушении на императора.

Юноша пытался бежать, однако стражники знали своё дело: творить магию (с осязательным трудом, надо признать) Романд мог лишь в пределах камеры, дальше его сила не простиралась. Но однажды охранник, видимо сердобольный новичок, решил проветрить вонючий каземат, устроил сквознячок – Романду и того хватило.

Он всегда хотел управлять Воздухом – пленник сумел улететь на крыльях ветерка. Но это было всего лишь мгновение, отсрочка – Романду осязательно не хватало знаний и силы, даже желания! След беглеца взяли очень быстро...

* * *

– Они отказались от меня! И подставили!

– Но это не означает, что ТЫ обязан от них отказываться! – строго произнёс Керлик. – Да и вряд ли подставляли тебя именно они. С их стороны это глупо и небезопасно.

– Почему? – Романд в недоумении взглянул на мага. На самом деле, юношу сейчас больше интересовало, как бы освободить руки, чтобы власть почесаться.

– Посуди сам, – Керлик конечно не позволил ему этого, осторожно творя экзорцизм от паразитов. – Твой отец – второй человек в государстве, ему абсолютно не выгодно обвинение собственного сына в преступлении такого ранга. Мехен также не заинтересован в подобном: если ученик задумал пакость, то в первую очередь виноват учитель.

– Он мне не учитель! – вскинулся Романд.

– Знаешь, здесь я с тобой соглашусь. Учителя учеников не покидают. Убить могут, но не

покинуть. – Маг в задумчивости пожевал губу: от вшей и блох мальчишку он избавил, но в юном теле уже успели поселиться тюремные болезни. Тяжко вздохнув, Керлик принялся врачевать Романда дальше, а тот даже ничего не заметил. Сильно парня приложило, раз на чужое чародейство не реагирует. – Но Мехен сделает всё, чтобы тебя оправдать. Кстати, глянь-ка на свой кулон. – Юноша сделал, как велели. – Во-первых, он на тебе – следовательно, Гильдия в отличие от Мехена от тебя не отказалась, ты по-прежнему к ней принадлежишь... и, кстати, можешь сдавать экзамены.

– Но как я к ним буду готовиться? У меня даже книг нет!

– Зато у меня от них замок ломится... если, конечно, Былобрыська не сожрала, – фыркнул Керлик. – А, во-вторых, твой кристалл так же чист, как и при предыдущих наших встречах.

– Что с того?

– То, что Круг Старших Гильдии пока не верит в твою виновность, а, значит, будет защищать.

Чародей замолк, с горечью констатируя, что его костюм теперь годен только на растопку – запах Романда, казалось, въелся намертво. Юноша тоже сидел тихо, переваривая услышанное. Но вскоре ему явно надоело шевелить мозгами.

– А можно? – робко спросил он.

– Конечно, можно, – ухмыльнулся Керлик. – Только сначала мы тебя покорим, вымоем, оденем. Потом я научу тебя, как уворачиваться от молний.

– М-молний?

– Молний. Ты поверь моему опыту, женская радость иногда принимает странные и опасные для мужчин формы.

* * *

Через седмицу в землях чёрного мага Керлика Молниеносного всюду гулял народ, отмечая бракосочетание прекрасной Лилийты, единственной дочери господина, с юным столичным чародеем Романдом. Ох, и натерпелись за эту седмицу деревенские, чуть животы со смеху не надорвали!

Коварная Лита на молнии тратиться не стала: расцеловав то краснеющего, то бледнеющего юношу с головы до пят, потребовала отчёта, где шлялся, отчего так долго, затем снова целовала да охала, а потом... Потом приложила женишка по тощему заду сковородой, а под горячую руку и гнусно хихикающему Керлику с подозрительно ухмыляющимся Марго досталось. Впрочем, последние двое не обиделись, ибо застигнутого врасплох Романда удалось без труда сопроводить в деревеньку Чёрная Волна и отдать под чуткую опеку Ратика Губошлёпа.

Молодой староста, не мудрствуя лукаво, запер юного мага в сарае и кордоны на подступах к Чёрному замку выставил, чародейство же оставил контролировать хозяйину и бабке Любавухе. Нечего женишку до свадьбы с наречённой видеться – примета плохая. Но что до того Романду? И откуда силы-то брались? Регулярно, днём и ночью, раза по два пытался к зазнобе пробиться, но «оборона» замка, хоть и подточенная изнутри деятельностью Лилийты, не подвела, не допустила юнца в светёлку невесты. А как срок подошёл, так еле выковыряли перетрусивших молодых из схронок... Оказывается, у чародеев всё точно так же, как и у обычных людей.

Отдавать Романда в дом Керлика пришлось всё тому же Ратику, посажённому отцу жениха. Из дальнего села прибыл венчать юных чародеев храмовник, несколько смутив своим наличием господина и хозяина чёрного мага.

– ...Если кто ведаёт причину, по которой эти двое не могут вступить в законный брак, пусть выскажется сейчас или молчит до конца дней своих!

На предложение молодого розовошёкого храмовника никто не отозвался. Правда, был среди свидетелей противник свадьбы, но он ничего не сказал. Селька, Губошлёп-младший, до колик боялся замкового подвала, хотя поговаривали, что «любовная комната» не работает, так ведь слухи и госпожа Лита пустить способна, а жениться на Любавухе как-то не хотелось. А если подумать, то на кой ему баба с ребёнком да магиня полоумная, когда вокруг девиц

нормальных пруд пруди?

Селька томным взором обвёл «цветник» и благосклонно кивнул – мол, разрешаю. Пусть уж этот дурачок, братец названный, чародейку в жёны берёт, а сын старосты пока погуляет.

– Объявляю Романда и Лилийту мужем и женой. Давайте, поцелуйтесь, что ли...

С холма-волны на торжество взирал Чёрный замок. Веселье продолжается... или начинается?

Глава 4 Тишь да гладь, или Обиды

– Эй! Чародейчик! Я здесь!

Он ненавидел эту кличку. Уж лучше быть Колючкой, как много лет в родном захолустье, или Угрюмцем – это прозвище прилипло в Школе, однако, звавший хорошо знал о его чувствах, и поэтому:

– Чародейчик, – высокий мужчина усмехнулся, смакуя чужую ненависть, словно вино, и повторился. – Чародейчик, ты думал, твою работу не оплатят?

Угрюмцу он за годы общения так и не представился, самому же чародею, несмотря на приложенные усилия, вывести имя нанимателя не удалось. Явно из богатых. Тут семи пядей во лбу не надо – чего только стоит повседневный шуршевый плащ! Или амулеты прикрытия и отвращения чужих взглядов, когда сам их владелец к магии не имел ни малейшего отношения!

Из благородных. Более того – из высокородных. Это определялось тоже просто. Не по чертам лица вовсе, хотя они, пожалуй, выдавали нанимателя.

Тонкие, изящные – крестьянину, даже ублюдку какого-нибудь графа (а то и герцога!), недолго подобной красотой обладать. Если не подправит пьяная драка – в них и благородные втягивались, но на физиономиях результаты не отражались, – то постарается ветер и солнце на пшеничных полях или виноградниках. И что странно, не всегда высокородные до магов-лекарей добежали – порой и со сломанным носом оставались до смерти, страшные шрамы наискось пересекали их морды надменные, да и, пожалуй, ни ветер, ни солнце не щадили, но лицо всё равно не теряло изящества. Как так? Наверное, дело в умении показывать остальным именно то, что хочется. Своё великопение. Или чужую ничтожность.

Высокородный мог наложить на лицо любую, потребную моменту маску, словно уличный комедиант – грим. Обычно – презрение ко всем, кто ниже по происхождению, то есть, почти всегда. Выше-то кто? Император и боги, если последние, конечно, существуют, в чём Угрюмец сомневался. И глаза. Нет, они не проникали в душу, как глаза старого мага. Они не светились глубоким умом – происхождение ещё не означало гениальности. Но они приказывали и заставляли повиноваться.

Однако, даже не видь Угрюмец лица, в нанимателе без труда определялся высокородный – манеры. Этакая небрежность в отношении собственного богатства, восприятие его как естественной, неотделимой своей части. Несмотря на своё происхождение, Угрюмец слишком хорошо знал аристократов – в Школе имелся прекрасный материал для изучения. Дети. Чаще не наследники богатых отцов, но уж всяко во младенчестве гадившие на шёлковые простыни и не ведавшие, что такое голодное урчание пустого желудка.

Впрочем, в Школе встречались представители и других сословий. Об их повадках Угрюмец тоже был неплохо осведомлён.

Резко разбогатевший крестьянин кичится новоприобретёнными сокровищами, выставляет напоказ, не понимая, насколько глупо и зачастую вульгарно он выглядит. Потомственный купец тоже не скрывает своего состояния – это признак профессии. Он с достоинством носит тяжёлые золотые цепи, цепляет на пальцы перстни с огромными драгоценными камнями. У последнего, правда, есть объяснимая и в целом банальная причина: как и аристократы, торгаши держали печати при себе – надёжнее. Да и хорошо подобранное кольцо может послужить неплохим кастетом. Мало ли что! В жизни купца много опасностей.

То же самое можно сказать и о баронах. Да, они уже благородные, но до графьёв или герцогов, элиты империи, им ещё далеко.

В манерах небедного горожанина преобладает страх перед потерей своих сбережений, а, следовательно, статуса и привычной среды обитания. Горожанину без средств путь либо в крестьяне, что очень и очень трудно, либо в нищие, что унижительно.

И лишь высокородные не боятся и не замечают окружающего их богатства. Они воспитаны на нём. Оно течёт в их крови, оно неотделимая часть их тела. Это кусочек души, свойство организма. Естественно, натурально... Боль и страх приходят только при смертельных ранах и болезнях. И даже тогда истинный высокородный предпочитает заглушить панический ужас, не обращать на него внимания, умереть наконец! Так же обычный человек предпочитает не думать о том, что нарыв на пальце способен привести к потере руки...

– Я же провалил задание! – со странной, потаённой радостью воскликнул чародей. Ему хотелось остаться в одиночестве.

– Император жив – это верно, – согласился Белоплащик (за незнанием имени Угрюмец прицепил к собеседнику это прозвище – тот, какая бы погода ни стояла на улице, всегда приходил закутанным в белый шуршевый плащ). – Однако покушение ты провёл идеально, если бы не случай... К тому же, ни тебя, ни нас не заподозрили.

О да! Заподозрили Романда Зелеша – глупее и придумать трудно. Кто-то, вряд ли Белоплащик, за ним Угрюмец дурости не замечал, подвёл мальчишку под палаческий топор, воспользовался тем, что от героя, спасителя империи и Мира, отказался родной отец. Папаша-то в сердцах от нелюбимого сына отказался, а, может, и вовсе с похмелья. Как же! Герцог Имлунд Зелеш, второй человек в государстве (многие шепчут, что первый), породнится с какой-то безродной крестьянкой! А кого ещё сынок мог встретить по дороге в Орлиные горы? Разве что гному бородастую или дриаду каменную – ещё хуже!

Романда оправдал лично император, но на самом деле только случайность уберегла незадачливого героя от смерти. Каким-то чудом он сбежал из магической тюрьмы. Ходили упорные слухи о добросердечном новичке в неподкупной страже, но Угрюмец не верил. Среди Ловцов Чар добросердечные новички не встречались. Следовательно, мальчишка и впрямь величайший маг Мира.

– Всякая хорошая работа должна быть оплачена.

Ну да! Заливай дальше! Будто бы я не знаю, что немного среди вас встречается белых магов, да и обычные стихийники редко попадаются! Вот потому я и жив до сих пор! Твои подачки всего лишь способ удержать меня при себе... Хотя куда я денусь, повязанный кровью? И покушение на императора не кашель в Уединении Шёпота.

– Спасибо, – Угрюмец кивнул. Золото взял – членство в Магической гильдии безбедного существования не гарантировало, особенно провинциалам, не имеющим богатых столичных родственников. – Мои дальнейшие действия?

– Всё, как и прежде: заметишь что-либо странное, сообщишь, – Белоплащик замолк, показывая, что разговор окончен, но когда чародей отвернулся, вдруг добавил. – Да, экзамены у вас месяца через четыре? Герой в списках? Если появится, дай знать. Сразу!

– Если он появится, об этом узнают все!

– Это приказ!

Угрюмец пожал плечами – сделаем – и ушёл. Находиться рядом с Белоплащиком дольше нужного не хотелось. Ничего приятного в созерцании этого воплощения его, Угрюмца, неудачи не имелось.

Желания вернуться в общежитие для студиязов Школы при Магической гильдии не было. Собственно, его Угрюмец намеренно покинул... чтобы наткнуться на Белоплащика. Белое и Чёрное отделения устроили очередную «потешную» войну (словно им реальной за глаза не хватило!), но несколько перегнули палку в «забаве» и с похвальным единодушием подставили стихийников. Впрочем, учителей не обманешь, зачинщиков ждёт суровое наказание. Белых – показательное, чёрных – таинственное.

Банально надираться в дешёвых трактирах надоело – так и спиться недолго, да и целители как один с неодобрением смотрят. Почувствовали, что организм отравлен спиртным. Наливаться среди богатеев – противно. Владельцы приличных заведений Угрюмца явно не

любили и не гнали взащей благодаря лишь кристаллу Магической гильдии.

На праздное шатание тоже не тянуло.

Угрюмец огляделся и невесело усмехнулся. Правду говорят, преступника тянет на место преступления.

Он находился рядом с боковой калиткой в Публичный Королевский парк (чудо-достопримечательность столицы), по случаю покушения на императора сейчас закрытой.

Публичный парк – этакое скопление разномастных деревьев и кустарников, разбавленное большими аллеями, скрытыми тропками, уютными полянками и потаёнными беседками. Располагался он в Королевском районе Главели, был огорожен высоченной тонкой решёткой – между коваными, заострёнными поверху прутьями пролез бы разве что женский кулачок.

Войти в парк теоретически имел право каждый, но всякую шуштуру туда не пускали, что в целом касалось всего Королевского района. Высокородные и к ним приближённые относились к своей безопасности с большим вниманием. Но не всегда достаточным. Так же получилось и с императором.

Помимо четырёх ворот, одни из которых смотрели прямо на ажурный Императорский дворец, и множества боковых калиток-отнорок в этот отвоёванный у многолюдного города кусочек природы можно было проникнуть и магическим путём. Таких дорог имелось всего две: одна связывала парк с императорской резиденцией, другая – с берёзовой рощицей за пределами городской стены. Естественно, волшебство рассчитывалось на отдельных персон – постарался опытный белый или чёрный маг. Но давно – по некоторым стихиям заклятье прохудилось. Чем и воспользовался Угрюмец.

* * *

...Взять императора оказалось на удивление легко.

Заклинание пропуска ослабло по водной составляющей. Причина такой избирательности была проста: под столицей скрывался настоящий лабиринт грунтовых рек и искусственных каналов, что чрезвычайно удобно и полезно при вражеской осаде города. Однако если поразмыслить, то обнаружится прямой путь к сердцу империи. Императору!

Угрюмца озарило силой в поздние годы, и первой его магией стала водная – только на ритуале Выбора выяснилось, что новый ученик Школы принадлежит всё-таки Свету. Сапфир выпал из рук и в ладони лёг осколок чистейшего горного хрусталя.

Растворившись в воде, убийца воспользовался тропой магического перемещения, соединявшей парк и дворец, и к своему неопишуемому изумлению материализовался в туалетной комнате, которая непосредственно примыкала к опочивальне императора. В приоткрытую дверь просматривался властитель Гулума. Он сидел на неразобранной постели спиной к Угрюмцу.

Непрошенный гость решил не утруждать себя изучением обстановки, хотя посмотреть в покоях императора было на что. Изумительное сочетание роскоши, магии и вкуса делали помещение необыкновенно уютным и, с другой стороны, отчего-то грустным, даже траурно-печальным. Эта комната меньше всего походила на спальню, скорее – на домашнюю молельню, где поминали давно почивших предков.

Угрюмец сделал осторожный шаг. Глаз уловил движение, мелькнула хищная тень, но Белоплащик не поспешил на информацию – страж заснул. Никакого чародейства – обычный сонный порошок.

В следующий миг на шею императору змеей скользнула удавка. Руки властителя вцепились в ремешок – к ногам упал портретик белокурой девушки. Вот и верь после этого слухам!.. Пожалуй, тогда империя осиротела бы, если требовалось бы только убить властителя. Но следовало ещё и навести стражу на исполнителя и заказчика преступления. Магическую гильдию. Зарвавшуюся, властную, лишь формально подчиняющуюся законам империи и вечно сующую нос в её дела. Да и прочий мир не желавшую оставить в покое.

Она мотивировала свою деятельность жаждой облагодетельствовать Мир, привнести в него спокойствие. Она утверждала, что следит за Концом Света, точнее – занимается его предотвращением. Сторожит мироздание от разрушения, приглядывает за тем, чтобы вопреки

своей хрупкости и неустойчивости устройство Мира всё-таки работало так, как надо.

Угрюмец что-то не замечал за учителями заботы о Мире. Только о себе! Только во благо себя! Прочим отводилась незавидная роль служения этой и никакой иной цели! И Миру – в том числе.

Но всю Гильдию не обвинишь – самому же достанется, а маги объединятся перед общей бедой...

Вот ведь! Веками грызутся: одна Стихия против другой, женщины против мужчин, сословие против сословия, младшие маги против старших и каждый против любого. Но стоит беде намекнуть о себе – объединяются. Наблюдая за учениками собственного Отделения, Угрюмец не понимал, как такое возможно! И всё-таки оно было – последняя война отличный показатель.

Гильдию нельзя подставлять целиком – только часть. Причём так, чтобы вину доказали сами чародеи, тогда раскол обеспечен.

– Прогуляемся? – прошипел Угрюмец.

Император мгновенно прекратил сопротивление. Белоплащик хорошо рассчитал реакцию владыки Гулума: если не убили сразу, значит, потребен живым. Ненадолго, ваше величество.

По тем же каналам охотник и добыча попали в Публичный парк. Там-то и сказалась первая ошибка в тщательно продуманном плане: заговорщики позабыли, что императора уже убивали. Даром такие уроки никому не проходят. И уж точно не повелителям огромной империи, буквально натаскиваемым на выживание более полутора десятков долгих лет.

Они очутились на желтеющей, усыпанной вечерней росой траве. Длинной – по поздней осени её не косили, тем более, в парке. Вокруг шумели-трепетали трусихи-осины, впереди с тихим шорохом осыпались лиственницы. Отделяющие полянку от неширокой дорожки кусты акации ещё зеленели, но стручки её давно скрутились, высохли, выплюнули семя и теперь с глухим щелчком присоединялись к более скорым братьям. Те устлали землю под родительскими кустами трескучим ковром.

Допевали песни птицы и запоздалые насекомые, нагло звенело комарьё – где-то рядом наверняка спрятался заросший прудик для романтических встреч. В воздухе ещё витало присутствие человека, хотя люди ушли из парка не менее часа назад – убийца не нуждался в свидетелях.

Всё это Угрюмец уловил в какие-то мгновения, когда приходил в себя после материализации. Император на подобные мелочи тратить не собирался: он, ещё не успев собраться воедино, вывернулся из удушающей петли и нанёс удар. Кулаком. В нос. Целился, конечно, в висок, но убийце удалось уклониться.

Повелитель Гулума не владел магией, кроме спящего дара предвиденья... непробудного дара, неразвиваемого... зато воин из императора вышел неплохой, умеющий с толком пользоваться худосочностью или скорее костлявостью и хрупкостью собственной фигуры.

Угрюмец же старался драк избегать, но если ввязывался, то полагался исключительно на чародейство. Волшебникам не пристало размахивать кулаками.

Магия победила воинское искусство: Угрюмец украл из лёгких императора воздух – и владыка упал бездыханный. Но всё ещё живой.

Чувствуя загривком (или даром?), что задержка играет против убийцы, он решил покончить с заданием на месте – смерть императора первоочередная задача. Для уничтожения Гильдии найдутся иные способы... Гремучий яд заполонил вены, в лёгких вместо необходимого воздуха заплескалась вода...

Эх! Знать бы тогда, что яд на императора, сына Змей, не подействует и даже задержит жизнь в умирающем теле до чар чудо-целителей, которые отнимут законную добычу у Угрюмца. Знать бы!

Но тогда была Руника. Вторая ошибка Белоплащика.

Руника Спасаящая – о! как ей шло это имя! – старшая сестра императора, принцесса крови и маг Воды. Видимо, она заглянула к «брату» пожелать покойной ночи и обнаружила беспорядок – брошенный портретик, осколки вазы, спящий страж. Магиня без труда вычислила путь, по которому пришёл (и ушёл) похититель.

Угрюмец имел перед принцессой определённое преимущество – владел всеми стихиями и Светом. Теоретически, к сожалению. Всего лишь ученик, уже в который раз собирающийся держать экзамен на ранг подмастерья. И хотя чародей тоже специализировался в водной стихии, Руника являлась мастером оной. Её дар пестовали с пелёнок... Угрюмец победил и магиню, но завершить начатое не успел – время сыграло на стороне императора. На помощь спешила охрана дворца – когда-то Вольный Отряд «Голодные Волки». Те, что заменили сгинувших навеки «Гончих Псов».

Убийца бежал. Сначала берёзовая роща, затем тучи – они разродились холодной осенней моросью аккуратно у Школы. После в действие пошёл амулет перемещения. Маскирующий, Белоплащик выдал. Конечный пункт был надёжно упрятан. Лицо же Угрюмца скрывала обычная паранджа ассасинов. Снова никакой магии – ткань эффективнее...

* * *

– Закрывается, молодой человек, – из сторожки по ту сторону калитки выглянул опрятный старичок-смотритель.

– А когда откроется?

– Кто знает, сынок? Вот чароплёт закончат, – собеседник заметил гильдейский кулон на груди Угрюмца. – Ты из команды?

– Нет, – попытался улыбнуться маг. – Я всего лишь ученик.

Который почти победил мастера!

– Ох-ты, – старичок покачал головой, сопровождалось это движение тихим, отчего-то деревянным скрипом. – До чего дожил! Ученика от магистра не отличаю! Старость.

Она устала. Она же была на пределе своих сил! И всё равно защищала младшего брата.

– Да нет, вы ещё молодой! – возразил Угрюмец. – У меня дар поздно проснулся. В семнадцать лет.

Тучи наказали лъстеца очередным неприятным дождём. Всё-таки придётся возвращаться в опостылевшую Школу.

Чародей громогласно чихнул.

– Простыл, твоё магичество? – всплеснул руками смотритель. – Заходи – у меня чай брусничный, мёд. И ватрушки.

Угрюмец не сумел отказаться.

В сторожке царили чистота и уют. Пахло луковой похлёбкой, травами и выпечкой, немного котом. И старостью – почти незаметно, на грани ощущений – смерть медленно вползала в этот дом.

У на диво прозрачного окошка притулился маленький деревянный стол. Поверх древней скатерти из качественной мешковины пристроилась огромная плошка мёда с ложкой подстать ёмкости, блюдо с упомянутыми ватрушками, а ещё кренделями с маком и обсыпанными сахаром плюшками. На подставочке парил, что гномья машина, чайник. Рядом, дожидаясь своей очереди, красовались две чашки.

Угрюмец вопросительно глянул на хозяина.

– Давно стоишь, – пожал тот плечами. – А я гостей люблю.

Они сели. Хорошо. И дом хорош, и чай, и мёд. Плюшки хороши. Вдруг нестерпимо потянуло рассказать о себе этому замечательному старичку.

Про времена Колючки – прозвище подстать семейному имени. Тогда жилось тоже плохо, но спокойнее. И была радость. Ака.

Ака Лилия. Не красавица: конопатая, с выгоревшей на солнце рыжей шевелюрой, к тому же кудрявой и жёсткой. Невысокая, тонкая, гибкая, словно ивовый прут. Со стороны она походила скорее на одиннадцатилетнего неказистого пацана, нежели на четырнадцатилетнюю девушку. Манеры имела далеко не женские. И смеялась громко, и в драки лезла, и к шитью-то не приспособленная, зато рыбу руками ловила, силки на дикую птицу отменно ставила.

Однако чем-то она умудрялась зацепить мужской взгляд. Несмотря на показную мальчиковость, Ака всё-таки была особой женского пола. Кстати, в соседней деревушке жених её совершеннолетия, как и своего, дожидался.

С Колючкой она дружила. Чистые, неомрачённые любовью и страстью отношения привели к трагедии. Угрюмец позабыл, за что и почему Ака поцеловала его в губы, но отчётливо помнил, как свидетели-прознатчики – уж слишком часто друзья оставались наедине – устроили гвалт. Сильная духом Ака вдруг не выдержала и ухнула с головой в глубокий омут. Овдовевший до свадьбы жених, тоже один из немногих друзей Колючки, узнал о беде не сразу, но когда проведал, неожиданно вместо мести и поиска новой невесты последовал за старой.

Тел не нашли. Под воздействием боли утраты в Колючке пробудилась сила – он осушил пруд. Ни Аки, ни жениха.

От дикой расправы озарённого спас проезжавший мимо маг. Точнее – магиня. Сама Умелла Облачная.

Надежды на иную жизнь, полную величия и славы, богатства и любви... уважения наконец, не оправдались. Прозвище Колючка сменилось на Угрюмец – и всё.

В Школе при Магической гильдии царили свои порядки, по которым позднему чародею из провинции отводилась незавидная роль. Урождённые смотрели со снисходительной усмешкой, из своих, припозднившихся с открытием дара, присутствовали только заносчивые высокородные. Потом, много позже появились действительно свои, но к тому времени Угрюмец приобрёл другой недостаток – возраст.

О! Если бы на груди висел сапфир...

Вот тогда на пути обиженного на несовершенное устройство Мира и повстречался Белоплащик. Он обещал помощь в отмщении себя. Почему Угрюмец поверил тому, кто называл его чародейчиком? Одно это слово говорило, что Белоплащик не ставит молодого мага ни в медную монету.

Поверил, потому что хотел...

Хозяин вновь со странным скрипом поднялся, шаркающей походкой двинулся к буфету из светлой сосны. Раздался характерный звон переключиваемой с места на место посуды, зашелестели пакеты из тонкой бумаги. На столе появилась новая чашка.

– У меня ещё один гость, – пояснил смотритель и указал кивком на окошко.

За стеклом, настолько чистым, что, казалось, оно отсутствует, хорошо просматривалась калитка, хотя в сторожке, вдруг припомнил Угрюмец, окон не было. Волшебство! Это же Око надзора. Наверняка предназначено для наблюдения за парком.

По ту сторону решётки переминалась с ноги на ногу семнадцатилетняя девушка. Серебристо-серое платье обтягивало стройную, аппетитную фигуру. Тёмно-каштановые волосы, заплетённые в свободную косу, картинно трепетали на ветру. Прекрасное лицо застыло ледяной маской высокомерия. И лишь печальные глаза светились жизнью.

– Я пойду, – Угрюмец поднялся.

– Почему? – подивился гостеприимный старичок. – Она хорошая девочка. Из ваших, кстати.

Верно – поверх платья, контрастируя с остальными серебряными украшениями, висела золотая цепочка с гильдейским кулоном. Она блестела в лучах неожиданно выглянувшего из-за туч солнца. Капля горного хрусталя. К сожалению, она цеплялась за расправившего мощные крылья гордого орла с янтарными глазами.

– Я знаю. Мы с одного Отделения. Это герцогиня Лоран Орлеш.

– Всего лишь младшая дочь герцога Орлеша, – возразил смотритель.

– Всё равно высокородная!

Хозяин отставил чашку и вздохнул.

– Теперь мне ясно, отчего ты, сынок, всё ещё ученик, а не подмастерье.

– И?

– Ты не даёшь себе труда взглядеться в душу!

– Если вы о глазах, – хмыкнул чародей, – то Лоран расстроена тем, что парк, в котором ей захотелось прогуляться, закрыт.

– Ты уверен, что причина кроется только в этой глупой мелочи?

За «оконцем» появился новый персонаж. Юноша, вряд ли многим старше Лоран,

красавец. Затянутый во всё чёрное, что странным образом шло к его золотистым длинным волосам. До неестественного опрятный, даже идеальный. Однако главной деталью его внешности была презрительная усмешка, кривившая чуть полноватые губы.

Старший ученик Чёрного отделения.

– Ах, вот к кому он ходит, – смотритель покачал головой. – Старый дурак! Не догадался...

Правда, идеальная пара?

– Он тёмный, а она светлая!

– И что? Если бы наоборот, тогда да, плохо, а так – замечательно!

Чёрный маг вскинул бровь в немом вопросе.

Хочешь, я для тебя открою запертую калитку?

Лоран отрицательно качнула головой и зашагала прочь. Юноша, резко выпростав руку, завладел изящной ладошкой и притянул к себе девушку. Даже издали было ясно – молодой маг действовал настойчиво, но предельно осторожно. Чародеи оказались друг перед другом, очень близко. Высокомерие пропало, презрение испарилось – лица светились любовью.

Вдруг белая магиня испуганно огляделась – нет ли свидетелей? Чёрный маг указал на её гильдейский кулон – что тебе до других? Девушка несмело улыбнулась и прижалась к юноше, тот обнял возлюбленную. Лоран не видела лица чародея. Нежность. Кто бы мог подумать, что Старший ученик Чёрного отделения способен на подобные чувства?

Наконец, парочка ушла, премило, словно малолетние дети, держась за ручки.

– Не ожидал, – Угрюмец вернулся за стол.

Старичок добродушно улыбнулся и вернул чистую чашку на место.

– Кто-то ещё придёт?

– Обязательно, – кивнул смотритель. Он взялся за тяжёлый чайник – Угрюмец, догадавшись помочь, вскочил. В его чашке заплескалась ещё одна порция замечательного брусничного чая. – Моя калитка счастливая. Ходят слухи, зачарованная!

– Это как? – не понял гость. – Я никакой особенной магии не заметил.

– Никто не замечает, но ваших чароплётгов сюда тянет. Кого я только ни видел! И молодёжь – учеников или подмастерьев, – и мастеров. Даже магистров! И ваш наиглавнейший тоже бывает. Бродит среди деревьев грустный-грустный. С тех самых пор приходит, как дочь не уберёт и жену потерял. Давно это случилось, а он всё плачет. Он дубравку молодую, которая к Водным Вратам ближе, любит очень. Сядет, прижмётся щекой к стволу, а слёзы так и катятся по лицу.

– Что?! Вы следите за посетителями?!

– Зачем – слежу? – искренне обиделся хозяин. – Приглядываю. Вы, чароплётты, народ впечатлительный – не дай Свет и Тьма, с горя какого руки на себя наложите! Для чего же парку смотритель, как не приглядывать за гостями? Я смотрю, чтобы печаль просветлела, влюблённые не разминулись, радость не исчезла. Полезное дело.

– Наверное, – пожал плечами Угрюмец.

Ему деятельность старика, хоть тот и объяснил свою позицию, казалась гадкой. Если всё так, как говорит смотритель, то выходит он – свидетель душевных порывов, слабости чародеев – вроде бы сильных Мира сего. Чем не повод для шантажа?

– А Романда вы встречали?

– Романда? – нахмурился старичок.

– Романда Зелеша. Худой такой, бледный, глазастый... – Угрюмец попытался описать героя Гулума.

– Ох! Тебе только в Тайной страже служить! – хозяин задумчиво посмотрел в «окошко».

Мимо калитки, нисколько оной не интересуясь, прошёл Глава Чёрного Круга Гильдии. Маг явно спешил. – Под твои приметы и его величество поставить можно, благо повелитель наш в парк почитай с мятежа старого, как батюшку, прежнего императора убили, и не заглядывает.

– А как же?.. – начал было Угрюмец, но прикусил язык.

О покушении конечно объявили, но подробностями граждан не баловали. Уже хотя бы поэтому странным казался тот факт, что Имперский совет необычайно быстро и единодушно поверил в виновность несчастного Романда. По всему выходит, кто-то влиятельный сумел воспользоваться непонятным отсутствием, а после невмешательством, как её высочества

Руники Спасаящей, так и герцога Зелеша.

– Вот же! Ну и болтливый народ чароплётёты – что ученики, что мастера! А со стороны и не подумаешь! – воскликнул смотритель. Он заметил досадную оговорку, но объяснил по-своему. Всё свалил на неосторожность расследующей преступление группы. – Меня в тот день на месте не было – отпросился у начальства правнуков навестить.

– А что же другие смотрители? Или вы – единственный?

– Как можно! Достаточно нас, но вот же незадача – у тех двоих, что за моим участком приглядывали, окошки из строя неожиданно вышли. Пока их чинили, беда нагрянула... Ох, слава Свету и Тьме! Госпожа Руника рядом оказалась – и подмогу вызвала, и оборонить императора сумела. Потрясающая женщина! После похода в Орлиные горы вернулась больной, а брата младшенького всё едино спасти кинулась!

Н-да, брата. Младшенького.

Вот тебе и победитель мастера!

– Госпожа Руника тоже через мою калитку ходит. Она, хоть и маг Воды, предпочитает во владениях Земли отдыхать, у Каменного сада. Придёт туда, застынет на месте, будто сама скульптура. Но живая. Наша принцесса прекрасна. Хочешь, покажу? В этом нет ничего... – смотритель осёкся, замер, неотрывно глядя на окошко, а затем с силой хлопнул себя по лбу. – Старый дурак! Совсем мозги растерял! Я же Око на сохранение поставил!

Он кинулся всё к тому же буфету, вытащил из нижнего ящика амулет. Со стороны тот походил на потёкшую по оттепели сосульку. Зажав её меж ладоней, старичок скороговоркой зашептал заклятье. В следующий миг оконце почернело, затем вспыхнуло.

Глазам зрителей предстала кленовая аллея. По ней, злобно пиная редкие камушки, брёл мальчик лет десяти. Угрюмец с трудом, но признал новичка с Отделения Духа – там неопиты были почти такой же редкостью, как и на Белом отделении. Дух – неустойчивая стихия. Многие из его магов не успевали попасть в Школу – сходили с ума.

– Тий-эль, – смотритель досадливо зацокал. – Опять с роднёй поссорился.

Угрюмец скривился – очередной высокородный.

– Двоюродный человеческий брат Ивелейн Златой, эльфийской принцессы.

Ага! Не просто высокородный, а высокородный отпрыск остроухих, но при этом человек. Гадость!

Мальчик в окошке не донёс ногу до очередного, тщательно отобранного для удара булыжника, замер. Его явно что-то беспокоило. И вдруг сорвался с места.

Око вновь вспыхнуло. Тёмное пятно-страшилка ельничка. Вспышка. Три тоненьких рябины вокруг пустующей уютной лавочки. Они залиты кровью пока несъедобных горьких ягод – только зимой, после первых морозов она превращается в простое, но изумительное лакомство. Вспышка. Знакомые осины. Вспышка – Око проскочило место преступления. На переднем плане пирамидка из трёх положенных друг на друга камешков. Рядом – сотни похожих конструкций. Поляна желаний в Каменном саду. Ещё одна вспышка. Опять осины, но под другим углом.

...Отброшенная шагов на семь принцесса падает прямо на кусты акации. Длинные роскошные волосы и ночное – рано же высокородные укладываются в постельку! солнце ещё не село! – платье запутались в переплетении тонких веточек, но женщина не обращает внимания на цепкие объятья. Одежда трещит, на голове гнездо для некапризной вороны. Магиня скачком перемещается к брату. Поздно.

Узкий стилет мягко вошёл в сердце императора. Удовлетворённый убийца – вроде бы мужчина – обращается в облачко пара и исчезает. Руника не идёт по следу – она плетёт странное заклятье. Брат и сестра дёрнулись, словно каждый поймал небесную молнию. Магиня упала. Женщина не обессилела в спасительном обмороке, а упустила дух, но сумела сделать главное – император, всё ещё умирающий, дышал.

Вот и ответ, отчего она не защитила Романда. Возможно, она до сих пор вне сознания. Тело дремлет без ушедшего духа.

– Э-эх, не разобрать! – смотритель вернул Око в прежний режим. – В этой одежде убийца и на тебя, сынок, похож. Да, то не наша забота – чароплётёты не даром же хлеб едят!

– Верно, – согласился Угрюмец.

Добрый старичок, пожалуй, не понял, что уже умер. С Оком пришлось повозиться.

* * *

Мужчина в белом плаще, проводив усталым взглядом молодого ассасина, двинулся напрямик в Императорский дворец. Сегодня заседал Совет.

Сборище баранов! Во всём послушное кнуту пастуха и тьяканию овчарок!

Хозяин белого плаща носил гордый титул графа, что формально всего на ступень ниже герцога и на две императора, но знал толк в подобных сравнениях. Его земли в первую очередь славились острым овечьим сыром и отличной шерстью, по качеству немногим уступающей шуршевой. Покойный батюшка графа считал, что господину не зазорно узнать технологию производства столь известного и востребованного продукта. Опять же, работникам труднее обмануть хозяина. Графу пришлось побывать в роли и пастуха, и сыровара. К счастью, не долго – батюшка вовремя помер. Но репутацию графа это не спасло.

Гелундо Скотовод.

Как какой-то низкородный крестьянин!

Навеки!

Не Сверкающий, не Душевный, не Спасающий! Не Жадный, не Рыдающий... Глава Гильдии купцов – торгашей! – и тот Бедный. А у него, графа не в первом и даже не в десятом поколении, в роду, существующем более трёх веков, имя – Скотовод!

Ничего, ещё наступит его время.

После проигрыша мятежников он сумел выжить и оказаться вне подозрений, хотя и ценой некоторых необратимых изменений в теле – глава Круга Старших Магической гильдии не поспешил ради императора. Теперь граф постоянно мёрз, потому и носил зачарованный плащ шурша. Лекари-маги, правда, утверждали, что это – воздействие стихии Пси и холода на самом деле нет, но всё-таки соглашались, что организм Гелундо подвергся изменению. Смертельному. Однако графу повезло – в районе Духов имеется замечательная лавочка. Услуги её владельцев стоят недёшево, зато они эффективны, и хозяевам района нет дела до подозрительного магазинчика.

Он выжил и он найдёт способ отомстить. Собственно, уже нашёл. Точнее – нашли его.

Гелундо прекрасно понимал, что для него уже всё кончено. В отличие от предыдущего раза, теперь на кону была не власть.

В действительности, граф уже плевал на то, что он Скотовод. Он перестал возмущаться тем фактом, что с его родовым именем всё ещё не сочетается титул герцога. Уже забыл, как мечтал отобрать у Гулума, созданного Змеиным королевством Офидией, своё королевство! На корону поглощённой империей Овиса Гелундо вообще-то прав не имел, но капля королевской крови облагородила его, Змеи же всех прямых наследников старательно повывели – где прикончили, где родней сделали. Всё это ушло, осталось другим – у него была только месть.

Имперский совет мщению не помеха. Но путь преграждает пастух. Их пастух – нет, не император, – герцог Зелеш. Против него борются не один год и даже не одно десятилетие. Его пытались подкупить – целой империей, но, как оказалось, она и без того у его ног. Попробовали убить, но он умел обороняться. Усыпить бдительность тоже не получилось. Единственный способ устранить Первого советника – отвлечь.

Женитьба на годящейся в дочери девушке – неплохое средство. Но не надёжное – молодая жена слишком быстро понесла и умерла в родах. Дети были послушны – не воспользуешься. И вот, наконец, случай преподнёс иномирное вторжение. Во время оно, конечно, Зелеша убирать не стали – глупо, но кое-какие дела за его спиной проверить успели.

Затем почти удавшееся (бзо!) покушение на императора, ложное обвинение младшего сына и неподчинение мальчишки родителю... Эх! Какая идеальная фигура этот Романд Зелеш – оставалось только найти щенка и воспользоваться. Граф не сомневался, что геройчик будет его – житьё в глухомани, среди крестьян, герцогскому сыночку скоро наскучит, а про оправдание ему никто не скажет. Но сначала следует выяснить, кто и почему собрался мальчишку убрать.

Впрочем, с тех пор, как жизнь свела Гелундо с герцогом Зелешем, граф допускал, что в его, Гелундо, действия может закрасться ошибка. Поэтому он велел ассасину дожидаться

Романда в Школе Магической гильдии.

* * *

В Чёрном замке царили тишь да гладь медового месяца. В смысле, Керлик и Марго на радостях (хозяин, возможно, и с горя) упились отменной медовухой и распевали похабные песни. Если прислушаться, то молодожёны наверняка узнали бы множество полезных вещей, но Романду отчего-то икалось. Ему это до крайности надоело – попробуй поцеловать жену в подобном состоянии! Хотя икота лечится задержкой дыхания... Однажды на лицо новоиспечённого мужа вползла коварная улыбка.

Чёрный замок по достоинству оценил странную конструкцию, центром которой являлось ведро с ключевой водицей. Единственное, что расстроило замок, – это недолговечность художественной мысли «коллекционного» мага.

Глава 5 Экзамены, или Красоты столицы

Зима, словно предчувствуя скорую кончину, свирепствовала сверх всякой меры: вьюги и метели не прекращались которую седмицу, набирали силу: сугробы за ночь наметало – дверь не откроешь. От мороза трещало дерево, а камень стал хрупче льда. Волки и волколаки забыли об унылых гимнах богине-луне и жались к человеческим жилищам что собаки, преданно глядя в глаза, виляя хвостами.

В деревнях и баронских замках, что поменьше, скотину переместили из хлева прямо к людям – всё теплее. Без счёту жгли лес – случались сильные пожары: в городах выгорали целые кварталы. Однако за высокими каменными стенами и во множестве жилось лучше и много безопасней, нежели в уединённых хуторах и небольших деревеньках.

Перемещаться на большие расстояния могли лишь чародеи и те, кто был способен оплатить их услуги, а также владельцы шуршей, скакунов с дальнего юга. Внешне шурши походили на стройных серых медведей, передвигались ласковой кошачьей походкой и отличались добрым нравом.

На улицах Главели Серебристой снега почти не было – маги ставили защитные купола. Теплее от этого не становилось, лишь иногда – жарче, ибо в столицу со всех концов и краёв Мира съезжались юные чародеи.

Последний месяц зимы в Школе при Магической гильдии также называли Лютым, но вовсе не по той причине, что крестьяне и горожане, а потому, что ученики сдавали экзамены на ранг Подмастерья. Редко кому удавалось совершить этот великий подвиг без длительной подготовки, то есть не имея за плечами двух-трёх попыток. Однако жаждущих получить пояс и жезл подмастерья с каждым годом не уменьшалось.

В дни сессии под крышу Гильдии, под её родимое крыло возвращались многие: учителя приводили учеников, заслуженные преподаватели готовились принимать (или наоборот) экзамены, мастера и магистры искали себе достойную смену.

Гостиница при Школе и общежитие для студентов мгновенно переполнялись, по коридорам, спотыкаясь о брошенные тут и там вещи, бледными призраками бродили смельчаки-одиночки. В библиотеке, залах, комнатах побольше и даже во дворе собирались компании либо из одногодков, либо (что много чаще) по принадлежности к той или иной природной Стихии. Особняком группировались зазнайки – белые и чёрные маги.

Шуршала бумага, таинственно поскрипывал пергамент, позвякивали склянки с зельями и шелестели просыпанные травы. Взрывались огненные шары, появлялись и исчезали диковинные, несуществующие животные, внезапные порывы шквального ветра натывались на водяные стены, неизвестно откуда взявшийся песок сам собою собирался в круги, поверх которых невидимые палочки чертили иероглифы и руны. Доносился дробный перестук копыт мелких демонов и бесов, замогильные голоса вещали о великих бедах. Иногда проползал зомби,

но их быстро сжигали – некромантия не поощрялась даже среди чёрных магов.

Но главное – шёпот. Тысячи тысяч голосов. Они повторялись, дробились, множились. В коридорах, комнатах, переходах, учебных аудиториях, просто щелях, дымоходах и вентиляционных шахтах. Казалось, шёпот всегда здесь, живёт своей жизнью, незаметной, тихой. И просыпается в последние дни зимы. Новый экзаменующийся вплетал свой голос в общий хор, оставляя частичку себя Школе навечно.

* * *

Рыско и Белей заметили Романда первыми.

– Смотри-ка, и этот задохлик приполз, – угрюмо проследив очумелые взгляды, подивился Зелн, Старший ученик на Белом отделении Школы.

«Задохлик», светившийся здоровьем и, определённо, денежным достатком, с видимым интересом рассматривал личные расписания экзаменов. Хотя он в нём и значился, никто не верил, что отказник осмелится явиться. Какова наглость! Особенно притом, что его бывший учитель в этом году в составе Экзаменационной комиссии!

– Кто это? – мгновенно вклинился в разговор любопытный Крука. Он поступил в Школу с месяц назад, потому на ранг Подмастерья пока не претендовал, но считал своим долгом сунуть нос в любое дело.

– Романд Зелеш, – снизошёл до разъяснений Зелн. – Хотя какой он теперь Зелеш – отец лишил его имени.

– Это тот самый, которого обвинили в покушении на его величество?

– Нет, – не выдержал Рыско, обычно молчаливый высокий парень, которого часто путали с чёрными. Романд не был ему ни приятелем, ни знакомцем, но у них обоих способности открылись слишком поздно, поэтому некоторое время они общались на равных... поздние маги держатся друг друга, впрочем, сейчас половина Отделения была из поздних... пока не выяснилось, что третьему сыну герцога Зелеша достаточно неполной седмицы на то, чему остальные посвящали долгие годы. К тому же, парнишка сам по себе не отличался чрезмерной общительностью. – Это тот самый, который спас нашу империю и Мир!

Быстро же забывают героев!

– Ого! – неподдельно восхитился Крука. – Тогда понятно, откуда у него столько смелости!

– Смелость здесь ни при чём, – сердито хмыкнул Зелн. Рыско его раздражал своей неуловимой похожестью: из провинции, без столичных родственников, небогатый и поздний, да ещё старше на два года. И, несмотря на это да явное тугодумие, сокурсник обучался в Школе куда меньше Зелна. – Полагаю, Романд имеет доступ к новостям и в курсе, что обвинения сняты. Кто-то его неуклюже подставил.

– Ха, неуклюже! – возмутился Белей. Ему исполнилось двенадцать, но в Школу он пришёл вместе с обсуждаемым Романдом, поэтому тоже был почти его другом. Собственно, в этом и крылась причина, по которой Белей на свой страх и риск подал заявку на экзамен, хотя ни по возрасту, ни по сроку обучения в рамки ранга Подмастерья не подходил. – Если бы не побег, то быть бы парню под топором палача. Что толку в оправданиях после смерти?

Зелн сплюнул, но возражать не стал – в данном деле он принимал сторону Романда, как и всякий член Магической гильдии. Враждовать можно сколько угодно, но между собой – выносить споры в людской мир не следует. Таков закон!

– Романд! – непосредственный Крука наплевал на чужие мнение и отношения, ему хотелось познакомиться с героем. – Романд, иди сюда!

Отказник обернулся, недоумённо нахмурился, а потом, вполне дружелюбно улыбаясь, двинулся к группке белых магов.

А хорошо парень выглядел! Вытянулся – с прошлой встречи на целую голову прибавил и останавливаться не собирался, что неудивительно – если к Романду и заглянул полновесный шестнадцатый год, то лишь этой зимой; раздался немного в плечах – знать, ручного труда герцогский сынок теперь не чурается; мясца нарастил, округлился – не потолстел, не обрюзг, но к нормальному человеческому виду со стороны ходячего скелета подбирается. С трудом.

Одежда на отказнике богатая, удобная и на первый взгляд неприметная: рубахи за

длинным шарфом и плащом не видно, но отчего-то берёт уверенность, что она в пару к белоснежным штанам, вроде бы из мужицкого льна, но пропитанного чародейским, специальным составом – нельзя ни помять, ни запачкать. Штанины навывпуск – у чёрных магов модно – почти скрывают серебристо-серые сапоги из чешуи хум-хума, рыбки не редкой, но увёртливой. Для поимки одной требовалось как минимум трое рыбаков. Из верхней одежды – длинный серый плащ с капюшоном и шарф, то и другое на зависть всему чародейскому роду. Издали – балахон, по подобному мага отличают от прочего люда, вблизи – некрашенная вязанка, лишь странствующим целителям и волшебникам, выходцам из крестьян, достойная. А если взглядеться, тонкая работа, вычурная вязь, не простая шерсть – стригли с шурша по зиме. Сейчас, в мороз, тепло, а в натопленном помещении не жарко. Довершала вид котомка за плечами – тоже из белёного льна, удобная и вместительная. И ни одного на парне украшения: ни вышивки, ни ценной побрякушки – только болтается серьга в ухе и из-под шарфа выглядывает цепка с каплей горного хрусталя, символа белого мага Гильдии, и змейкой Зелешей. Уже без права, кстати, носимой.

– Всем здоровья! – поприветствовал собравшихся Романд и внимательно посмотрел на Круку, будто говоря – мол, кто ты, зачем звал.

– Это Крука Попрыгунчик, – представил Зелн. – Он у нас новенький.

– Вижу, – кивнул отказник и протянул руку – так чародеи знакомились. – Я Романд. Пока безымянный.

– Я в курсе, – Крука заулыбался ещё шире. – Я думаю, ты – Романд Смелый.

– Это вряд ли, – хихикнул тот в ответ. – Если ты полагаешь, что я сюда по собственной воле притащился, то глубоко заблуждаешься. Меня тесть выгнал. Сказал, я его личный позор, так пусть буду хотя бы позором-подмастерьем, а не позором-учеником.

Ошарашенная откровением компания переглянулась – скромняга Романд раньше двух слов связать не мог и уж никогда о себе сомнительных шуток не высказывал.

– Это правда? Ты женился? – выдавил Рыско.

– Женился, – кивнул отказник. – С чего бы я такой толстый стал?.. И вот, что я вам по секрету скажу, ребята: если всё-таки вам этакая дурость как женитьба придёт в голову, выбирайте сирот... хотя... – глаза юноши подёрнулись мечтательной дымкой. – Смешать взрыв-траву с сонничкой – и нет тестя. Миленький такой мавзолейчик в огородах поставить можно... Хорошая мысль...

– ЧТО?!

Романд нервно моргнул, возвращаясь к реальности, наслаждался произведённым эффектом.

– Шутка это. Тесть у меня мужик хороший, просто временами строгий – его понять можно, он белых магов... и чародеев вообще недолюбливает, а единственная обожаемая дочь со мной спуталась. Он такого «подарочка» никак не ожидал...

Под недоверчивыми взглядами юноша замолк. Он не хотел проговориться – ещё Керлик услышит! – что в действительности обожает тестя и почитает за второго отца.

* * *

...Керлик с осязательным трудом увернулся от летящей прямо в лицо книги.

Тяжёлый фолиант, обтянутый тиснёной золотом кожей, закрывающийся на три миниатюрных, гномьей работы замочка, настолько древний, что страницы не рассыпались в труху благодаря уже не сохраняющим чарам, а истинному чуду. Или мастерству давно, не одно столетие назад умерших изготовителей бумаги. И такая ценность вдруг выкинута, словно надоевшая игрушка, глупым, вздорным мальчишкой!

Чародей серьёзно разозлился, и миг спустя Романд очутился в том же самом положении, что и на памятной помолвке: ухо выкручено так, что вот-вот оторвётся.

– В нужник с ней сходить не собираешься, поганец?!

Нет, Керлик не повышал голоса. Он говорил тихо, ровно – и наткнулся на яростный, злой взгляд сухих глаз. Такие бывают, когда плакать хочется.

– Что случилось? – смягчился чародей, отпуская зятя, но в ответ получил лишь гордое молчание.

Глубокомысленно хмыкнув, Керлик сплёл пальцы и дунул. Один слой воздуха сместился относительно другого, на стыке задрожал, словно марево в пустыне, потянуло теплом, затем прохладой – Романд почувствовал ветерок, уловил отголосок магии, но увернуться не успел. Воздушный ремень шлёпнул по ягодицам – юноша подпрыгнул на добрый локоть как ввысь, так и в сторону. Сердито, обиженно надулся, но зашевелил мозгами.

Старший чародей удручённо вздохнул. С появлением в семье чересчур молодого зятя выяснилось наличие у молодёжи странной связи между задом и головой – чёткой и прямой. Жаль, на Лите открытие не опробуешь – неэтично и небезопасно.

– Не получается у меня ничего!

– Именно? – уточнил маг.

– Я всё по книге делаю, а ничего не выходит – интонацию воспроизвести не могу, руки не так гну. Но я же всё по книге делаю!!! Как написано!!!

Керлик глянул на обложку – без рисунка, только название да строгая двойная рамка.

– Прикладное волшебство. Том первый: Нападение и оборона. Часть первая, – зачитал вслух. – Романд, а попроще ничего не было?

– Это интересно, – пожал плечами юноша. – К тому же, там в предисловии утверждается, что эта книга для начинающих: все основные жесты объясняются на примере практически применяемых заклинаний. Я решил, что мне подходит – кое-какие заклятья мне известны, от них собирался плясать. Так сказать, сравню описания с моими знаниями, приноворюсь и... Не получается приноровиться!

Известная проблема... Для того-то и нужен юному чародею учитель: показать на примере, направить, исправить ошибки. И ещё внушить уверенность в себе. Это возможно, это легко. А это по-настоящему трудно, но выполнимо...

– Что ты хотел сотворить?

Романд покорно взял книгу, осторожно открыл на тринадцатой странице – торопится, спешит, не с первой начинает – и отдал обратно тестю.

– Воздушная волна. Для её исполнения необходима стандартная концентрация. Достаточно малого магического вливания. Словесной формулы не требуется. Сила зависит от степени магического вливания и предрасположенности творца к воздушной стихии. Магам Огня и Духа не рекомендуется. Действие: направленная ударная воздушная волна. В стандартном случае: резкое увеличение мощи до трёх шагов от заклинателя, далее медленный спад до полного затухания колебаний. Зона поражения (стандартный случай): на уровне груди заклинателя, сектор, соответствующий солнечному часу. Откат и отдача отсутствуют. Применяется при быстром отходе с позиций или разведке боем. Не рекомендуется использовать в морских сражениях, особенно заклинателям, не являющимся магами Воды, Дня и Ночи. Исполнение (левшам рекомендуется действовать в зеркальном порядке): согнуть кисть правой руки так, чтобы большой палец указывал на локоть, остальные пальцы собрать горстью, руку скруглить, затем резко выпростать по направлению предполагаемой зоны поражения. Замечание: в помещениях не тренироваться.

На последних словах Романд отчаянно покраснел, но Керлик сделал вид, что ничего не заметил – в библиотеке давно следовало убраться, а теперь и повод превосходный будет, а стеночка для экспериментаторов ещё с рождения дочери-магини зачарована.

– Показывай, что у тебя изображается, – велел маг. Юноша эффектно скрючился, будто молодое тело внезапно скрутил ревматизм. – А теперь перечитай описания ещё раз. Целиком. Ничего не настораживает? А применение?

– Быстрый отход? – нахмурился Романд. – И разведка боем.

– Давай, остановимся на быстром отходе. Что при нём нужно?

– Простота и удобство – это же обыкновенное бегство.

– Верно, – согласился Керлик. Сообразительный мальчик. И достался почти на халяву. Как Мехен от такого отказался? – Скажи, деточка, как в твоей позе окаменевшего червяка можно бегать? Где простота? Где удобство?

В ответ – недоумённый взгляд, наивный, искренний. Как же ты, мальчик, до сих пор жив-то?

– Расслабься. И руку расслабь. Кисть тоже.

Чародей вплотную подошёл к зятю, осторожно встряхнул – лучший способ освободить зажатые мышцы.

– Видишь, пальчик на локоть всё равно смотрит, а усилий никаких! И теперь представь, что играешь в волшебную тарелочку...

Лицо Романда расплылось в довольной улыбке – хорошие времена припомнил, наверное, – и без разрешения и дальнейших напутствий тестя махнул рукой, словно и впрямь тарелочку соседу-другу бросил. Эффект потряс не только обоих участников полевых испытаний, но и замок. Библиотека (не книжная часть, а та самая, зачарованная) превратилась в руины, в поле боя многочисленных армий... Победу приписали урагану и прочим стихийным бедствиям.

– И, наконец, – как ни в чём не бывало продолжил Керлик, – бежишь за метлой, чистишь комнату и внимательно читаешь ВСЁ, что относится к изучаемому заклинаю: и мелкие буковки, и заметки на полях, и подписи под рисунками...

– Да, – по-военному вытянулся Романд и мысленно добавил: «Учитель!».

Под руководством тестя юноша быстро разобрался с элементарными движениями и кое-как с голосовыми заклятиями, после чего самостоятельные занятия пошли на лад. От помощи Керлика парнишка тоже не отворачивался, принимая её каждый раз с неподдельной и искренней радостью. Хотя в белой магии тёмный чародей помочь ничем не мог, контроль он добросовестно осуществлял, следя тем самым, чтобы Романд и себя, и окружающих экспериментами не угрожал...

* * *

– Бзо! Придурки чёрные!! – Зелн добавил вполголоса нечто, чего и от Керлика, пожалуй, не услышишь.

Романд огляделся. Неподалёку от ярких представителей Белого отделения собрались обучающиеся на Чёрном, в основном – личности тоже небезызвестные. Придурками они если и были, то не меньше и не больше, чем белые, и развлекались, соответственно, не лучше и не хуже. Однако, во-первых, чёрных училось в Школе обычно в два раза меньше, чем белых (и в три-четыре, чем стихийников по каждому направлению), ибо тёмные чародеи рьяно следили за появлением наследников и в Школу обычно попадали крестьянские сироты. И, во-вторых, по традиции Чёрное отделение сдавало экзамены позже Белого, ближе к вечеру, поэтому тёмные старались успеть нагадить светлым, так как понимали – потом уж времени не будет, зато у белых, возможно подмастерьев, оно окажется предостаточно.

Похожие отношения часто завязывались между огненными и водными магами или Духа и Пси... С одним лишь различием: представители враждующих Стихий имели тенденцию превращаться в лучших друзей, отличных напарников или любящих супругов. Когда же объединялись белый и чёрный маг, у Мира чаще всего начинались большие проблемы, ибо такие тандемы обычно создавали полные отморозки. По крайней мере, так утверждала молва.

Группка из пяти чёрных магов, подростков от пятнадцати до восемнадцати лет, во главе со Старшим Отделения расположилась посреди внутреннего двора на мраморном бортике фонтана. Походил тот, кстати, на перекошенный свадебный торт и между студиями так и звался.

Фонтан работал. Однако двор располагался под открытым небом и холодно здесь было, как на улице. Потому вода замёрзла: горки ледяных водопадиков, застывшие в воздухе капельки, колонны замерших струй – словно высеченная из горного хрусталя чудесная скульптура. На удивление чистая и прозрачная, а в солнечный день – рассыпающая весёлые радужные искры. На самом деле, фонтан назывался «Связь стихий», и вода в нём и впрямь текла, но медленно. Чародейство.

От чёрных магов к белым, стоявшим в тени внутренней аркады, тянулось грозное облако. Оно хищно извивалось, порой принимая образ сказочной анаконды, но больше походило на подкрашенный дымок, чем, по сути, и являлось. Однако Зелн – а по его примеру и остальные ученики Белого отделения – сотворил ограждающий воздушный щит. Облако, наткнувшись на преграду, свернулось петлёй – насмешливый оскал, да и только, – и отправилось пугать

остальных юных представителей чародейского племени.

– Чего вы напрягаетесь? – удивился Романд, спокойно отходя с пути дымка. – Обыкновенная чернилка. Безопасная. Даже испачкать толком не сможет.

Юноша мгновенно прикусил язык, пожалев о сказанном. Свои-то на замечание не обратили бы внимания, но разом отвалившиеся челюсти у чёрных свидетельствовала об излишней осведомлённости Романда в области шалостей и терминологии «вражеского лагеря». Юноша тотчас оказался сдавлен требующими объяснений взглядами. Что делать? Не говорить же сокурсникам, что твоя жена чёрная магиня!

К счастью, от публичного позора Романда спас зычный голос.

– Белое отделение! Почему спим?! Или вы экзамен сдавать не желаете? И отчего же вы нас не предупредили – мы бы с удовольствием ещё часок в своих мягких постельках подремали! Куда удобней жёстких лавок!

Ученики, разом вздрогнув, обратились к вопрошающему – почти обычному и почти ничем не примечательному человеку, секретарю Экзаменационной комиссии Хру. Некоторые утверждали, что он – не человек вовсе, а полуэльф, другие – что полугоблин, а кое-кто намекал и на гномье происхождение. Сам же Хру, чёрный как смоль выходец с дальнего юга, о себе не распространялся. Он был неподкупен, честен и к чародейству не имел ни малейших способностей. Но юных магов пугал одним лишь своим видом. Или, что более соответствовало действительности, голосом.

– Итак, первая партия: Зелн Друг, Рыско Репейник и Романд Зелеш... тьфу, просто Романд, если он соизволил явиться. Соизволил? Замечательно! Следующие: Белей Руковичка, Храпик Хро, Лоран Орлеш и Ивелейн Златая. Кто-нибудь, сочувствующий этой даме, предупредите, Комиссии глубоко наплевать, что она наследная принцесса эльфов и если опоздает, ей проставят неявку и пусть ждёт следующего года! – Хру хмуро оглядел двор. – Кстати, объявляю изменения в расписании. Комиссия Чёрного отделения предупреждает, что проводит экзамен сразу же по окончании сдачи на Белом отделении.

– Как?! – в зависимости от характеров юные тёмные маги изобразили разнообразные степени возмущения.

– Просто, – пожал плечами секретарь. – Вы ещё спасибо скажите, что комиссия оповестила вас заранее, – они не хотели, но со мной случилось страшное! Я испытал к вам сострадание, поэтому вы всё знаете... Белое отделение, вы сдаёте или сразу звать комиссию с Чёрного?!

Экзамен на ранг Подмастерья традиционно проходил в аудитории, где преподавали высшую алхимию: просторная восьмигранная зала, далёкий потолок, стены без окон и украшений, из грубого камня. Их скрывали высокие стеллажи, заставленные разнообразной стеклянной посудой, легко добываемыми и не особенно ценными алхимическими ингредиентами, учебной литературой. Пол из неизвестного, но, по-видимому, прочного материала, покрывали трещины, язвенные ожоги и знаки, начертанные мелом, углём или краской.

Для учеников имелись парты, всегда новые и одновременно старые, так как в целом состоянии столы надолго не задерживались. Сейчас они были сдвинуты к стенам, освобождая пространство в центре аудитории. Преподаватели разместились на чём-то, вроде сцены-трибуны. Там же, за покрытым зелёным сукном столом восседала комиссия в составе пяти магов, с краю со свитком и самопишущей палочкой пристроился Хру.

– Соискатели высокого звания Подмастерье! – объявил он. – Зелн Друг. Рыско Репейник. Романд Безымянный. Состав Экзаменационной комиссии! Маллей Мудрый – теоретическая магия, Белое отделение. Мехен Златоликий – боевая магия, Белое отделение. Карла Задумчивый – прорицание, Белое отделение. Умелла Облачная – магия стихий, Белое отделение. Председатель комиссии: глава Круга Старших и Белого отделения Новелль Спящий. Наблюдатели от стихийных отделений присутствуют. Наблюдатель от Чёрного отделения просил передать, что... цитирую... Делать ему нечего, как смотреть на остолопов с Белого отделения, когда своих хватает.

– Не беспокойся, – шепнул на ухо Романду Рыско. – Это обычный обмен любезностями.

Романд не беспокоился – по крайней мере, по поводу специфического юмора чёрных магов в частности и чародеев вообще. Юноше не нравились взгляды, бросаемые на него Мехеном и Карлой, да и от Умеллы шла какая-то неприятная волна... хотя... Какая волна?

Традиция проводить экзамены именно в алхимической аудитории появилась по прозаической причине: помещение было сплошь да рядом увешано разномастными магическими экранами, которые обеспечивали экспериментаторам безопасность от себя, от других, а также (теоретически) не позволяли пользоваться волшебными шпаргалками, запрещали помощь или, наоборот, вред извне.

– Тяните билеты. Если вы приготовили жезлы, то отдайте их Экзаменационной комиссии. Жезлы вам вернут, но только вместе с поясом Подмастерья!

Зелн и Рыско молча покачали головами. Романд порылся в суме и вытащил продолговатый свёрток, по всем правилам – мешковина. В зале воцарилась смертная тишина: приходиться на экзамены со своим жезлом многие годы считалось плохой приметой и уж, тем более, для поганого отказника.

Романд судорожно сглотнул – ещё минус балл – и всё-таки твёрдым шагом двинулся к экзаменаторам, протянул драгоценность Новеллю. Тот спокойно развернул чистые тряпки. На этот раз зрители ахнули: мощную чистую ауру серебряного жезла чувствовали даже самые слабые из стихийных чародеев.

– Откуда у тебя Жезл Подмастерья?

Юноша с трудом сдержался от глупого и частого моргания – жезлов у подмастерьев много, но Жезл Подмастерья один. По преданию он принадлежал первому Подмастерью Мира, именно тому, с большой буквы. Поговаривали, что жезл расплавили в смутные времена какой-то далёкой, прошлой войны, и вот он явился. К Свету... по мимолётной прихоти Тьмы.

– Тесть подарил, – честно признался Романд. – У него много не нужных ему вещей.

– Ненужных? – хмыкнул Карла. – А ты ему не говорил, что жезл на экзамене – плохая примета?

– Говорил. Но он сказал, что отсутствие жезла на экзамене – дурость и нежелание стать Подмастерьем.

– А ты желаешь?

– Конечно, – кивнул юноша. – Зачем бы я тогда сюда пришёл? Экзаменационной комиссией любоваться?

От столь вопиющей наглости Зелн и Рыско остолбенели. Да и не только они – Романд провёл в стенах Школы недолгий срок, за который, однако, успел прослыть тихим, скромным заикой с простительными для высокородного странностями. Обычно юноша молча гулял в одиночестве, а если отвечал, то часто невпопад и с каким-то отсутствующим видом. На общих занятиях Романда предпочитали не трогать. Но при всём при этом герцогский сынок умудрился вывести из себя буквально всех учеников и многих учителей.

– Хм, уместный вопрос, – Новелль попытался скрыть улыбку. Не получилось. – Зрелище-то в целом не из приятных. Тяни билет.

Романд, несмотря на хорошую теоретическую и отличную психологическую подготовку, внутренне похолодел, ноги отнялись. Спину ломило, сердце желало выскочить где-то в области горла и заскакать бесом по аудитории, нос замёрз, желудок взвыл голодным волколаком... Но юноша криво ухмыльнулся, протянул крепкую руку и недрогнувшим голосом зачитал задание.

– Вопрос номер один, теоретический. Призрачные круги: определение, суть, жизненный цикл, виды. Гипотеза Серго Парящего Змея. Опровергающие и подтверждающие факты. Ваше мнение.

Зелн завистливо вздохнул. Вопрос, положив руку на сердце, врагу не пожелаешь: хотя тема интересная, объём удручающий, к тому же, несмотря на накопленный поколениями опыт, знания по нему всё ещё оставались на уровне гипотез. А гипотезы – это такая вещь, с которой можно и соглашаться, и не соглашаться – личное дело каждого. Однако личное дело редко совпадало с мнением преподавателей. В целом, удобный вопрос, особенно – для жаждущих завалить или вытянуть претендента на жезл... Но с Романдом, непосредственным участником недавней войны, остановившем иномирное вторжение, было всё иначе.

– Призрачные круги, – начал юноша, – или природные туннели пространственного

перемещения...

Романд говорил. Говорил, не путаясь, не сбиваясь. Красиво, текуче, завораживающе. Одно слово цеплялось за другое, каждая мысль доводилась до конца и зря не повторялась. Он вещал не о том, что написано в книгах, и в примеры приводил вовсе не свой личный опыт, хотя и ссылаясь на него. Создавалось впечатление, будто Романд если и не общался с Великим Теоретиком, то, по крайней мере, читал его труды в подлиннике, первоизданные, не испорченные высокоумными комментариями.

– ...Различаются следующие виды. Радужные, или Туманные, круги. Отличаются часто наблюдаемым внесезонным туманом или возникновением в яркие солнечные дни радуги. Собственно, Призрачные круги – круги миражей. Под определённым углом зрения можно различить изображение другой местности. В отдельный подвид выведены так называемые Монетные круги. В отличие от первых двух видов их структура идентична искусственно созданным порталам перемещения, однако, более неустойчива к внешним условиям...

Вспоминал юноша не только магистра Серго, но и других представителей Старой Школы. Вскользь сказал что-то о неких, совсем уж специфических и сказочных Божественных кругах, которые якобы позволяли воскрешать недавно усопших. Положенный в такой круг мертвец возвращался живым, здоровым и настоящим. Впрочем, мог вернуться и каким-нибудь зомби – тогда говорили о Кругах некроманта. Ни в тот ни в другой вид лично Романд не верил...

В какой-то момент (где-то по прошествии получаса) юноша остановился.

– Если мне надо продолжить, – прохрипел он, – можно выпить воды? В горле першит.

– А? – очнулся Новелль. – Выпей. И больше не надо... Достаточно. Правильно, коллеги? – Экзаменаторы разочаровано, но согласно забормотали в ответ. – Следующий вопрос.

– Вопрос номер два, боевая магия. Воздушная волна для прикрытия быстрого отхода войск со сданных позиций. – Не успели в стенах аудитории отзвучать слова, как Романд легонько махнул рукой в сторону от магов. То ли в экранах появилась брешь, то ли юноша не рассчитал с силой – шкафы вместе со своим содержимым превратились в пыль, а на каменной стене образовалась ровная щель, словно надрез острым ножом в зачерствевшей булке.

Кое-кто из чародеев сдавленно охнул. Те, что поумнее да поопытнее (имеющие малолетних детей), распластались на полу. Экзаменационная комиссия, кроме застывшего каменным изваянием Мехена, спряталась под стол, несколько не беспокоясь об имидже бесстрашных боевых магов. Стоящие ближе всех к Романду Зелн и Рыско непроизвольно прикрыли головы руками, будто верили, что таким образом можно спастись от ударной волны, способной напугать старших чародеев.

Сам же виновник безобразия затравленно озирался, теребя внезапно покрасневшее ухо.

– И... извините. Я не хотел. Я случайно.

– Случайно, – ровным голосом повторил Мехен.

– Что же у тебя специально получается? – поинтересовалась Умелла. Женщина, осознав, что отражённой волны не предвидится, выбралась из укрытия, оправила не нуждающуюся в этом причёску и изобразила собой воплощённое спокойствие – очень хорошая мина при плохой игре. – Коллеги, Волна выполнена по всем правилам – давно нас не радовали классическим исполнением. Думаю, теоретические основы заклинания можно опустить, как и вопрос по стихийной магии.

– Полностью с Вами согласен, коллега, – кивнул Новелль. Он тоже выглядел так, будто ничего особенного не произошло, однако чувствовалось, что глава Круга Старших держит наготове мощное заклятье. – Продолжайте, молодой человек.

– Э-э, – Романд умудрился изобразить лицом нечто, эквивалентное одновременно простуженному всхлипыванию, тяжёлому вздоху и недоумённому пожиманию плечами, причём сам юноша не пошевелился. – Вопрос номер три, алхимия...

– Не надо! – предложили хором присутствующие.

– Ладно. Хотя там всего лишь о теоретических аспектах создания философского камня, – попытался юноша, но осуждающие взгляды были ему ответом. – Вопрос номер четыре, травоведенье. *Pseudopapaver somniferum*, свойства, применение. *Pseudopapaver somniferum* – ложный мак, или, в простонародье, сонничка. Никакими ярко выраженными свойствами не обладает, кроме как декоративными и эстетическими. Несъедобна, неядовита. Входит в

качестве обязательного ингредиента в лекарственные сборы общего применения или для оказания скорой помощи. Из-за нейтральности позволяет соединять в одном зелье травы, обладающие противоположными свойствами, как бытовыми, так и магическими. В смеси с отдельными растениями даёт интересные эффекты. Например, если её добавить в порошок взрыв-травы...

– Достаточно, – прервал Новелль. – Следующий вопрос!!!

– Но пятый вопрос по стихийной магии, – неожиданно обиделся Романд, однако Комиссия была неумолима. – Хорошо. Шестой вопрос, прорицание. Виды Оракулов, их...

– Расскажите нам про какой-нибудь один, – вмешался Карла. – Например, рунический.

– Как и любой другой, рунический оракул открывает в первую очередь прошлое, истоки нынешней ситуации. Имеет множество подвидов. Наиболее распространённый и доступный – гномий, в основе которого двадцать пять Рун, включая пустую или Чистую. Обычный расклад на один или три. Срабатывание в руках непрорицателей – случайность. Вероятность правильного разложения можно увеличить магическим воздействием...

– Хватит. Сам пользовался?

– Только из чистого любопытства и в качестве развлечения. Лет до десяти всегда на ярмарках ходил в палатку гадателя.

– Не скажешь, что выпадало? – напрягся Карла.

– Нет, мастер. Это моё личное дело.

– Поддерживаю, – резко оборвал намечающийся спор Новелль. – Вопросы билета озвучены. Удовлетворены ли члены Экзаменационной комиссии ответом? Удовлетворены. Желают ли услышать что-либо сверх билета? Нет. Наблюдающие? Нет. Тогда позвольте мне, – чародей откинулся на высокую неудобную спинку стула.

Романд напрягся. С Новеллем Спящим юноша встречался лишь раз – почти год назад, когда отправлялся в рискованный поход в Уединение Орлиных гор. С тех пор маг не изменился... Куда? Зачем? По слухам ему лет за двести, выглядел он на разумные и благородные тридцать с гаком, а светлые, умело скрывающие седину волосы и мягкие черты лица придавали чародею добрый, даже добродушный вид. Мол, я свой парень. Доверься мне – я помогу решить твои проблемы. Романд обходил таких людей стороной, потому что отец... герцог Имлунд Зелеш выглядел так же. Мило, притягательно... но доверяли ему или, хуже того, доверялись лишь дураки.

– Здесь всё-таки экзамен Белого отделения, – очнулся Новелль. – Хотелось бы увидеть наше заклинание. Романд, вызови малый столп Света.

– Но? – вскинулись Карла и Умелла, Мехен нахмурился, Маллей, наоборот, вопросительно приподнял брови. – Такие чары не...

– Никаких но, – отрезал глава Круга Старших. – Романд?

Юноша не отвечал. Склонив голову к правому плечу, он смотрел в пол. Романда просто-напросто заваливали – светлых заклятий много, но о каком-то «столпе» юный чародей не имел ни малейшего понятия. В библиотеке Керлика встречались книги и манускрипты по белой магии настолько высшего порядка, что, чудилось, тёмный чародей должен скончаться в мучениях лишь от одного упоминания об этих заклинаниях. Но там... Следовательно, это тайна, доступная магистрам первого ранга – никак не подмастерьям или ученикам...

Романд прикрыл глаза... Обидно. Керлик... Нет конечно – Зо! Давно юноша звал так тестя. Он поймёт, хотя грозился не пустить домой без жезла. Врал. Но всё равно обидно. И нечестно... Эх, если бы владел чёрной магией, то изобразил бы то странное, действительно со стороны походящее на столп Тьмы заклятье, подсмотренное у тестя в Замке Путей, родовом гнезде Хронов, таинственном и страшном месте...

А почему бы нет? Что он теряет? Повторить движения, но воззвать к Свету – собственно, так он и учил белые заклинания. Жесты, интонация, мимика – они везде одинаковы, источник Силы – иной. Потому и результаты разнятся.

– Взываю к Т... Свету, – неуверенно начал юноша. Сцепленные, словно для молитвы руки, перекошились в лодочку, пальцы, как и было, крепко переплетены, лишь большой левый смотрит в сторону. Вздох. Полной грудью, всем телом. Плечи расправить, выпрямить спину. Успокоение. Тишина. Пустота.

Взываю к Свету
Сыновним плачем.
Во Тьме хожу,
Без сил, незрячий.

Открой же тайну,
Направь дитя!
О, Свет, явись –
Спаси меня!

Слова исказились в соответствии с внутренним замыслом... Сила. Мощь. Если всё в Мире замерло, затаилось, то сам Мир вдруг ожил, вздохнул. Что-то забурлило в его невидимых жилах. Слышались голоса. Звон. Приветствую!

Романда дёрнуло – казалось, молния ударила точно в макушку и, низко, тревожно гудя, пробежала по телу, не причинив вреда, ушла в камень, землю, ниже... Оттуда, из непознаваемых глубин поднялось тепло, скрутилось тугим клубком в животе и рвануло в ладони. Яркий столп Света вырвался из рук Романда, вознёсся к потолку и... Испуганный юноша резко развёл руки в стороны, чуть не переломав пальцы в поспешности. Столп вдруг расплылся мягким облачком, потёрся ласковым котёнком о щеку своего создателя и, явственно мурлыкнув, исчез, рассеялся.

Тишина. Вновь. Та самая, когда не слышно ни дыхания, ни стука сердца – лишь, как течёт время. Неумолимо, вперёд, из никуда в никуда... Скрип. Все как один обернулись. В дверях стоял мужчина в чёрном, поверх – серый плащ из шерсти шурша, такой же, как на Романде. Гость оглядел молчащую аудиторию.

– Если вы собрались нас прикончить, – едким, обжигающим голосом заявил он, – то могли бы выбрать способ гуманнее. Мы тоже люди.

– Я... я случайно, – повторил свою коронную фразу Романд.

– С тобой, дитяtko, я не разговариваю!

– Но-но! Повежливей! Вы! А то повторю! – обиделся юноша и упёр руки в бока.

– Ничего вы не повторите, молодой человек, – прервал его ледяной голос.

– Что? – Романд в недоумении развернулся к Новеллю.

– Я говорю, что экзамен для тебя, Романд, закончился и пререкаться с главой Чёрного отделения Эфелем Душевым можешь в коридоре.

– Спасибо. Избавлю себя от такой радости, – фыркнул новоприбывший чародей. – Я здесь посижу, вдруг у вас ещё какой идиот чего-нибудь случайно натворит.

Романд, сверкнув глазами, шумно набрал в грудь воздуха.

– Вон! – указал на дверь Новелль.

Юноша подчинился.

Наконец экзамен на Белом отделении закончился, дверь за последним претендентом на ранг Подмастерья, опоздавшей всего лишь на пятнадцать минут эльфийской принцессой Ивелейн, захлопнулась. Члены Комиссии, да и наблюдающие, разом вздохнули и утёрли лбы – эксцессов, вроде «представления» Романда, больше не случилось.

– Приступим к обсуждению, что ли, – начал Новелль.

– Приступим, – согласился Карла. – Полагаю, Ивелейн не обсуждаем? Нашли, понимаешь, моду непослушных детишек в Школу отправлять!

– Согласна, – кивнула Умелла. – Как и Романда.

– Почему? – вскинулся Мехен. – Ты на руки его смотрела?

– Мало ли, что и как он ими творит, – рявкнула магиня. – Хоть в штаны к себе запускает! Ты его бросил! И откуда он набрался ТАКИХ знаний – уже не твоя проблема! И уж ТЫ точно не имеешь права кривить рожу!

– Верно, Мехен, – Карла внимательно посмотрел на коллегу. – Оставлять учеников на произвол судьбы подло.

– Подло? А ты уверен, что узнав истинные причины моего поступка, не сделал бы то же?
– Причины? Какие? Откуда? – встрял Эфель, до того умело притворявшийся спящим.
– Не один род Хрон читает Мир, – буркнул боевой маг в ответ чёрному. – А ты, гадатель, изучи Романда. Может, что поймёшь...

* * *

Аннотация: Разговоры, предположения, открытия. А сериалы автора губят. (К предыдущей сентенции)

* * *

Романд торопливо шёл по пустому коридору. Довольно-таки давно шёл и начал беспокоиться, как бы не заблудиться. Школу он знал плохо. Откуда? В её стенах юноша пробыл недолго: познакомился с учениками, перессорился с теми, чей дар пестовали с младенчества, затем – с проснувшимися или поздними, которых с лёгкостью, играючи обгонял-обходил. Потом появился Мехен и забрал к себе. Романду завидовали: не каждому выпадает честь обрести учителя – и такого! Известного, заслуженного, знающего... бросившего.

Пусть. У Романда есть теперь Учитель!

Юноша огляделся. Узкий коридор. Белёные стены через каждые пять шагов прорезали арки, под ними, чередуясь, виднелись то старая тёмная дверь, то ниша с каменной вазой или факелом внутри. Арка потолка и открытый огонь создавали впечатление, что бредёшь не по городскому зданию, а по гномьему горному посёлку или, по крайней мере, находишься глубоко под землёй в катакомбах или позабытых темницах. Вот-вот, навстречу выплывет уныло завывающий дух неизвестного арестанта. Ни запаха горячей смолы, ни дыма – отличная вентиляция. Сухо, но слышно гулкое кап-кап, которому вторит звенящее эхо пугливых шагов. Никого. Обитель чёрных магов, их часть Школы.

Зря он сюда сунулся – проще обойти, но тогда бы они сообразили...

...Из тех, кто пытал счастья на экзамене, без жезла ушли Зелн и Белей. Двенадцатилетний мальчишка плакал навзрыд и успокоился лишь тогда, когда Рыско на правах подмастерья попросил его не позорить Белое отделение перед Чёрным, представители которого с плохо скрываемой тревогой на лицах двигались к алхимической аудитории. Несмотря на предупреждение Хру о переносе экзамена, студии «вражеского» отделения чувствовали себя не в своей тарелке и до сих пор не оправились от коварства родных учителей. Потому чужих слёз не заметили.

Зелн же к очередному провалу отнёсся спокойно – казалось, парень уже свыкся с мыслью, что жезла ему не видать, как собственного хвоста, благо оно и не было. Потому он принял приглашение новоиспечённых подмастерьев прогуляться в кабачок «Пьяное солнышко». Романд под благовидным предлогом отказался.

Однокашники, сочувственно кивая (мол, понимаем, что ты не договариваешь – тесть), особенно не настаивали. И хорошо. Хотя Керлик ничего против не имел, прося только вернуться домой целым, чистым и не ползком, Романд в кабак не пошёл.

Что ему там делать? Надираться? Они всё равно ему не друзья. И, наверное, не будут. Пусть веселятся без него, а он по делам сходит. Но вот ведь неприятность – дела были в районе Духов, который официально принадлежал чёрным магам. Не удружить Керлик не мог – всё для обожаемого зятя.

Прямой и быстрый путь к Духам от главного входа Гильдии был единственный и донельзя очевидный – Романд, никогда подолгу не живший в столице, пользовался исключительно общеизвестными улицами. Обход занял бы не меньше двух часов: Чаровник, квартал музыкантов, Посольский проспект, режущий надвое небезопасный Королевский район. На престоле который век восседали императоры, но район, где селилась приближенная ко двору знать, всё носил прежнее название. Здесь имелся реальный шанс наткнуться на герцога Зелеша, его сыновей или тех, кто лично знал Романда – неприятная встреча выйдет.

Следующим будет район Купцов с его весёлыми улицами: Сыпучей, Золотой, Сахарной и другими, плавно выдвинется на первый план Ремесленка. Где-то там незасыпающий

Привратный Рынок... Всё интересно, захватывающе, но сердце просилось домой. Потом, как-нибудь, когда ему в спину не тыкнут пальцем, обзывая отказником или герцогской отрыжкой, он прогуляется по официальной и прекрасной Главели, обнимая Литу, ведя за руку их малыша... Можно и тестя прихватить, всё равно по дороге «потеряется», и Романд уже догадывался, где именно...

У здания Гильдии существовал не только парадный вход, но и множество боковых: ученические, преподавательские, выходы отделений. Один был недалеко и вёл в район Духов. Естественно, территория рядом с выходом принадлежала чёрным. Романд наткнулся на ход случайно, когда только поступил в Школу. Тогда он ещё не знал правил (да и что ему правила?), не ведал о традициях – он гулял. До того он почти не покидал замок и земли герцога Зелеша, и всё юному чародею было внове, интересно.

Случайная находка более чем двухлетней давности – и он решил, что сможет обнаружить её заново? Отыскать то, чего вполне могло уже и не существовать: измени пространство или вызови строителей – и планировка другая, дороги иные. Или ещё проще – магическая ловушка для незваных гостей, которых не пугает тёмное чародейство. Тогда вместо духа безвестного арестанта, пожалуй, можно встретить и сонмы призраков потерянных студиязов. Хорошенькая перспектива!

Впереди замерцало. Лунный свет! Первый признак приближающегося привидения!.. Романд стиснул зубы, чтобы не стучали, заставил себя идти с прежней скоростью – ни трусливо ускоряться, ни настороженно замедляться нельзя – силу мёртвым придаёт именно страх живых, без него духи слабы и вред причинить не способны.

Через несколько шагов юноша в сердцах выругался, благо бесплатных, добровольных и искренних учителей в этом деле встречал во множестве, и все они норовили преподать Романду жизненный урок. Лестница! Он испугался лестницы! Выложенные мерцающим лунным светом стены, перила и ступени светились потусторонним светом, а крутизна спуска делала собственно лестничный проём незаметным издали.

Не по пути, но других вариантов не намечалось. Романд вздохнул и съехал по перилам – лестница на глазок представлялась небезопасной для ног.

Ягодицы горели, зато прокатился он с ветерком и конечная точка вылета, чуть не приведшая к разбитому о колонну носу, оказалась приемлемой. Юношу вынесло в галерею, почти копию той, где он ожидал экзамена. Однако теперь это был второй этаж. Галерея опоясывала неизвестный внутренний дворик. Вместо фонтана-торта посреди небольшой площадки росло огромное дерево, несмотря на зиму, гордо зеленевшее большими листьями, по форме похожими на дубовые. Прямо напротив Романда зияло чёрным провалом в бесконечность дупло, оттуда посверкивали чьи-то огненно-золотые глаза с узкими вертикальными зрачками.

– Здравствуйте, – Романд был вежливым мальчиком и очень надеялся, что Керлик не в курсе. – Не подскажете, в какую сторону ближайший выход?

Зрачки невидимого жителя дупла удивлённо расширились, огонёк глаз моргнул, затем вспыхнул с новой силой... и растворился в темноте.

– Это последняя дриада Лаурри, великих Дрив. Её зовут Молчание. Разговаривает она, Романд, лишь с теми, кто принесёт ей потомство. Ты, видимо, не подошёл.

– Наверное, она знает, что я женат, – юноша медленно и осторожно обернулся на голос.

– Нет, дело не в этом. Скорее – в том, на ком ты женат, Романд.

Карла стоял, привалившись к соседней колонне, Новелль с изяществом и грацией кошки устроился на узких перилах, беззаботно болтая левой ногой. Оба чародея выглядели так же, как и на экзамене – разве что, смотрели ещё внимательнее и осуждающе.

– Это вторая часть испытания? Вы желаете отобрать жезл?

Маги переглянулись.

– Романд, – Новелль скупно улыбнулся. – Если бы мы считали тебя недостойным Жезла, то поверь, ты бы без него ушёл. И никогда больше его не увидел бы. – Чародей отвернулся, с интересом рассматривая плитку во дворе – мозаика, складывающаяся в странные, непонятные узоры. – Твой тесть, полагаю, знал, что делал, когда дарил тебе Жезл. Не простой артефакт,

которых пруд пруди, а великий древний Жезл Подмастерья!

– Он ему не нужен!

– Конечно, – согласился Карла. – Кстати, выход у тебя за спиной. Правда, ведёт он в район Духов. Тебя устраивает? – Кивка чародей не дождался. – Так вот, Романд, твоему тестю Жезл давно без надобности – такие вещи детям отдают. Но отчего он не вручил его дочери, твоей жене? Не отвечаешь? Я сделаю это за тебя: она потомственный чародей – отец и сам её в подмастерья произведёт, если посчитает достойной.

– Да... С чего?!

– Очень просто, Романд, – глава Круга Старших вновь вернулся к беседе. – Ты хоть сам понимаешь, сколько на тебе волшебных побрякушек? Безопасных для тебя?

– Мало ли, что и где я нашёл, – попытался юноша, отлично уж понимая, что взрослые правы.

– Да-да, мало ли, – Новелль открыто усмехнулся. – Но нам о тебе слишком многое известно. Несмотря на всё своё герцогское происхождение, ты не только не любишь украшения, но и абсолютно в них не разбираешься, а в артефактах тебе пока рановато – значит, нацепил на себя подарки... Не надо, не возражай – ведь сам догадался, что бесполезно... Итак, что мы имеем? Тестя, обеспечивающего тебя возможностью учиться не чему-нибудь, а магии, и дарящего могущественнейшие и полезные артефакты.

– А почему тесть?

– Интуиция, – хмыкнул Карла. – А вообще-то ты сам сказал.

– Хорошо, чародей он. Что с того? – рассердился Романд.

– Ничего, – пожал плечами Новелль и устало откинулся на колонну, которую подпирает Карла. – Речь зашла – вот и поговорили. Собственно, мы тебя искали по другому поводу: как тебя называть в документах? Прости, но Зелешем не имеем права.

Юноша нахмурился – ничего себе «другой повод» !

* * *

– ...Романд, поди сюда. Надо серьёзно поговорить.

Юноша с сожалением оторвался от книг – сегодня был один из тех немногих случаев, когда они с Литой действительно занимались магией совместно, помогая друг другу, а не мешая, не отвлекаясь. Когда они друг друга видели, что происходило нередко, то в крови гуляла иная жажда, нежели стремление к книжным знаниям и постижению мировых тайн.

– Да, Зо? – вздохнул Романд и поплёлся за тестем.

– Не кривись. Это важно, мальчик.

Они расположились в кабинете Керлика – удобной, просторной комнате за библиотекой и, по сути, библиотеку продолжающей. Все стены, даже между окнами, занимали стеллажи с книгами и свитками. На полу стояли различные чародейские приспособления или модели каких-то неизвестных и невиданных механизмов: металлическая птица, в развороченном брюхе которой рядами, словно в учебном классе, расположились миниатюрные креслица, за выпуклыми глазами просматривались такие же и ещё палочки-рычажки. Самодвижущая гномья вагонетка на рельсах, но большая и тянущая за собой штук пять-шесть поменьше, крытых и со всё теми же креслами-рядами внутри – эта «игрушка» даже работала. И прочие, наверняка иномирные чудеса.

Посреди комнаты торчал стол, прямоугольный, громоздкий, тяжёлый. Он словно специально был поставлен для того, чтобы все на него натыкались. Вокруг собрались диванчики.

Позади рабочего кресла, на стене красовалась нарисованная дверь, вполне реально ведущая в сокровищницу. Романд не преминул сунуть в неё свой любопытный нос, после чего джинна, охранявшего магические и обычные богатства Керлика, пришлось на коленях умолять вернуться к своим обязанностям. Слезно «умолял», кстати, Романд под сердитым надзором тестя, утверждая, что он-де случайно, не хотел никого обидеть. Джинн вроде бы поверил, но потребовал, чтобы «этот скверный мальчишка» больше внутри хранилища не появлялся, иначе огненный гений за себя не отвечает! И за сокровища тоже.

– Только что известили, – Керлик кивнул на хрустальный шар, прыщом сверкавший на гладкой поверхности стола, – ты оправдан. Все обвинения сняты, чему способствовали полное здоровье императора и его память. Преступников-исполнителей поймали, заказчика не обнаружили. Но...

– Отец лишил-таки меня имени? – догадался Романд.

– Да. И вряд ли он откажется от своих слов.

– Куда уж ему! Он меня ненавидит! Всегда ненавидел!

– Не злись, мальчик, – попытался успокоить юношу Керлик. – Насколько я понимаю, ты сын второй жены герцога, которая умерла, рожая тебя. В подобных случаях любящие мужья часто винят своих же детей.

– Нет, Зо, – Романд отрицательно покачал головой. – Герцог не любил мою мать. Слуги в замке говорили, что их брак был очень странным. Моя мама была красавицей, и, хотя за ней не имелось богатства, могла выйти замуж за кого угодно – род древний, восходящий к прежней династии. По какой-то причине маму выдали за герцога, причём буквально втюхали ему в жёны, принудили к браку. Они оба не жаждали видеть друг друга законными супругами. Мама даже решила опорочить себя, заявив во всеуслышанье, что имела связь с мужчиной. Оте... Имлунд радостно собрался разорвать помолвку, а в результате они поженились раньше объявленного срока.

– Интересно, – Керлик задумчиво глянул на зятя. – У твоей матери родственники были?

– Нет, мама сирота.

– Почему же тебе не дали её имени?

– Как это? – подивился Романд.

– Просто. Дитячко, ты последний в роду, титулов Зелеша не наследуешь – логично тебя отдать в род матери, если только... – Чародей всё мрачнел и мрачнел. – Если только тебя не пророчили в наследники герцога – как-никак ты его первенец.

– Чего-чего? Какой я первенец? Я – третий сын! Меня, между прочим, в Уединение хотели сослать, мог бы годов через пяток-другой быть главным над всеми храмовниками Мира! К счастью, магом оказался...

– И дитём обзавёлся, – подхватил Керлик. – И всё же, ты первенец, но от другой жены – весомый повод требовать наследство.

– Хм, тогда ясно, отчего Феллон, братец мой старший, бесится, – осенило Романда. – Но как ему в голову-то пришло, что я осмелюсь предъявить подобные требования к герцогу?!

– Надеюсь, не осмелишься. На твоём месте я бы потребовал от императора присвоения тебе имени матери. Он не должен отказать – всё-таки ты оправдан скорее его заботами, нежели чьими-то другими.

Керлик умолк, что-то напряжённо обдумывая, он барабанил тонкими пальцами по столешнице. Затем крутанул хрустальный шар – тот завертелся юлой, не двигаясь по поверхности, будто нанизанный на стальную ось. Вокруг него образовался маленький смерчик, постепенно, в такт движению шара замедляющий скорость вращения – воздушные вихри неожиданно обратились сначала в смазанные, потом чёткие картинки. Какое-то селение, судя по большому храму, не из земель Керлика – по крайней мере, среди храмовников не было венчавшего Романда и Литу.

– Мальчик, почему ты так смотришь на меня? Я тебя обидел?

– Нет, – юноша покачал головой. – Я всё понимаю, Зо. Кто я, чтобы претендовать на ваш род.

– Вот же, чудо гороховое! Дитя наивное! – расхохотался Керлик. – Я давно принял тебя в свой род, но... – маг резко оборвал веселье. – Но это не означает, что я дал тебе своё имя. И я тебе скажу, почему. Ты слышал о роде Хрон? – Романд не ответил. – Вижу, слышал. И странно, что не спрашивал... Так это не сказки, не страшилки для непослушных детей – это чистая... хотя нет, всего лишь малая часть правды. Лучшая.

Юноша широко открытыми глазами посмотрел на тестя, зловещего чёрного мага из ужасного и с тем таинственного да загадочного рода Хрон.

– И я убил отца. Да, за дело – он заслужил, но имел ли я право судить – вот в чём вопрос. И он уничтожил своего отца и тоже по заслугам, а тот своего – у каждого была весомая

причина... – Керлик сверлил взглядом зятя. Понимает ли он? Понимает. – Мне искренне хочется, чтобы Лита и ваши дети взяли твоё имя, какое бы оно ни было, но они, по крайней мере, урождённые рода Хрон. А ты – нет. И ты могущественный белый маг. Имя Хрон не подходит чародеям Дня... хотя бы из-за того, что род Хрон творил с вами...

Керлик отвернулся от юноши, понаблюдал за происходящим в шаре: какие-то люди с отличными мечами, но в ржавых доспехах атаковали храм. Тот уже полыхал по-настоящему синим пламенем – видимо, действовали предатели изнутри. Нет, у Керлика такого безобразия не творится.

– Подумай, хорошо подумай, мальчик, – вернулся чародей к разговору. – И если ты решишь стать Романдом Хроном, то так тому и быть. Но сначала подумай...

* * *

– Называйте, как хотите, – буркнул Романд старшим магам. – Хоть Безымянным, как Хру обозвал!

– Безымянным ты никогда не будешь, герой, – хмыкнул Новелль. – Тесть не желает давать тебе своё имя?

– Вопрос не в нём. Вопрос, желаю ли я этого!.. – юноша полоснул по чародею взглядом, острым как бритва. – Есть ли у уважаемых членов Экзаменационной комиссии и представителей Круга Старших Гильдии ко мне ещё дела? У меня и своих предостаточно, а хотелось бы вернуться домой быстрее. Моя жена на восьмом месяце: задержусь – она беспокоиться начнёт и может родить до срока.

– Нет, Романд, ты свободен, но... – Новелль бросил быстрый взгляд на Карлу. – Только одно: не скажешь ли всё-таки, что являет тебе Рунический Оракул?

– Вы же прорицатель! – юноша обратился ко второму чародею. – Что вам мешает погадать на меня? Впрочем, это не тайна – дядька Соймет, няня Грика... даже герцог и тот же Мехен Златоликий знают! У меня всегда выпадает пустышка. Один раз ярмарочный шарлатан специально Чистую Руну из мешочка вынул, но она всё равно выпала!

– А после сва... – Карла оборвал фразу, когда Романд кивнул и бросился прочь. – До свидания, мальчик! Надеюсь, оно произойдёт в скором времени! – добавил чародей, когда юноша исчез на очередной лестнице, ведущей точно к выходу в район Духов. – И что мы имеем?

– То, что предполагали. Думаешь, я зря потребовал от него одно из высших заклятий Света? Из блажи? Или, как он решил, его заваливая?

– Верно, Нов, жесты странные, но такие использовали представители Старой Школы.

– И кто у нас представители Старой Школы? – глава Круга Старших покачал головой. – Однако, Карла, дело не в жестах – Романд способный и восприимчивый мальчик, он и так бы через годок до чего-нибудь эдакого сам дошёл. И, уверяю тебя, его рукомахательство немногим отличалось бы от нынешнего – Старая Школа естественней и проще.

– Тогда в чём настоящая проблема?

– Для начала встречный вопрос: ты понял, что он сотворил на экзамене? – Новелль смотрел на Лаурри, великое Дриво.

Его обительница (или хранительница?) не показывалась. С магом она не разговаривала с тех пор, как он не уберёт их дочь, последнюю дриаду. Тогда же его покинула жена, обвинив в супружеской измене. Наверное, так оно и было.

– Ну уж, не пресловутый столп Света.

– Конечно, это не какое-нибудь перемещение или стена огня, такие заклинания на интуиции не получишь, из книжек не вычитаешь – нужны знания и наглядный пример. Романд воззвал к Свету о помощи.

– Нов! – взорвался Карла, заставляя друга вновь обернуться к себе. – Ты подумай, что говоришь! Как мальчишка-самоучка может воспроизвести заклятье такого порядка, если ни один из ныне живущих белых магов не способен к подобной магии и, следовательно, никакого наглядного примера дать не в состоянии!

– Карла, Карла, разве я говорил что-нибудь о белых магах? – глава Круга Старших

безрадостно улыбнулся, в его глазах плескались воспоминания о чём-то мучительном и вместе с тем – прекрасном. – Мой Учитель когда-то воззвал к Свету – это последнее, что он сделал в своей жизни. Тем самым он спас меня от Хрона, но до того... До того я видел воззвание ко Тьме. Разница... не в результате даже... она очевидна. Романд обращался ко Тьме. Он же оговорился в начале! Но к магу Дня Тьма не снизойдёт...

– Это плохо?

– Не знаю. Ты же из нас двоих прорицатель... – Новелль нахмурился, будто к чему-то внимательно прислушиваясь. – Однако перво-наперво нам следует понять, с кем же мальчишка связался.

– И как это сделать? Романд явно не жаждет распространяться о тесте.

– Пусть. Но с его языка срываются интересные слова.

– Восьмой месяц? – догадался Карла.

– Именно. А намерение жениться он высказал чуть менее полугодом назад. Чуешь, что послужило основным стимулом? Вообще-то мы и раньше могли сообразить, если бы дали себе волю подумать, – маг фыркнул, заметив гримасу, которую скорчил прорицатель. – Вот и займёмся этим. Из Главели Романд выходил чище горного хрусталя, даже в мыслях – дитя малое. А к Орлиным горам он весь из себя «образованный» явился. Видать, по дороге «знаний» поднабрался.

– И кто же из чёрных на северо-западе окопался? Да с потомством женского пола?

– Сейчас выясним, – Новелль вдруг расплылся в довольной – что волк на охране кошары – улыбке.

Тотчас с луннитовой лестницы донёсся тихий шорох, по нарастающей, как каменная лавина в горах, превратившийся в грохот, который перекрыло сдавленное оханье и долгая, смачная ругань.

– Бзо! Кто такие лестницы строит?! – промелькнуло в прочувствованном монологе нечто более-менее проясняющее ситуацию, затем Карла начал икать – бедняга до этого дня не ведал, что такое можно произнести вслух и не сгореть. – Шмель на ели! – неожиданно прибавилось в конце. – Новелль! Я тебе эти заклатья в задницу засуну и поверну!

– Эфель! – мгновенно откликнулся белый маг. – Если у тебя одна нога за другую цепляется, то передвигайся ползком. Я-то при чём?

– Ага, великий храмовник из Уединения! – в коридор вывалился глава Чёрного отделения. Маг явственно прихрамывал.

– Кстати, почему ты не на экзамене?

– Что мне там делать? – хмыкнул вновь прибывший. – У нас всё гораздо проще: выживут мальчишки – будут подмастерья.

– Ну-ну, – Новелль изобразил нечто, напоминающее веру во всемирное господство любви и дружбы. – Скажи, кто из ваших к северо-западу от Главели обосновался?

– Тебе-то зачем?

– Как это зачем? Провожу перепись чёрных магов – буду точечными ударами изводить, а земли себе забирать. Чего-то власти захотелось...

– Псих, – констатировал Эфель и обернулся к обалдело взиравшему на происходящее Карле. – Пришел бы ты его, пока не поздно.

– Не слушай, Карла, – отсоветовал Новелль, словно и впрямь опасаясь удара в спину. – Он следующий глава Круга Старших – его просто так на блеск не подынешь! Поверь моему опыту.

– Тьфу на тебя, – прокомментировал чёрный маг, на том заканчивая обмен любезностями. – У Орлиных гор из наших никого, по-моему, хотя... А точно! Керлик Молниеносный! Но таких изводить – себе дороже...

Эфель осёкся, глядя на побледневших оппонентов. Карла выпрямился, оставив колонну в одиночестве, Новелль, наоборот, как-то обмяк и чуть было не стёк с перил.

– А у него есть дети?

– Этих Хронов не поймёшь, пока очередной их выродок в Гильдии не объявится, – пожал плечами тёмный чародей. – Впрочем, лет четырнадцать назад я к Керлику заглядывал – у него лестница от падения зачарована была и мелочь какая-то под ногами путалась... – Эфель вдруг понимающе ухмыльнулся. – Вы хотите сказать, что ваше дарование Романд женился на дочери

Керлика? Насколько я этого «очаровашку» знаю, он скорее удавится, чем породнится с белым магом... А, может, и не удавится – Хроны шутки любят, особенно дурацкие.

– Шутка?! – рявкнул Новелль. – Да он целенаправленно выводит двуцветного мага!

– Не пори чушь! – чёрный маг выпрямился, похолодел. Его глаза гневно сверкали глубинным льдом, а лицо вдруг превратилось в каменную маску. – Двуцветные маги имеют свойство специально не выводиться.

– А если за дело возьмётся читающий Мир?

– Какая разница? Двуцветный маг – это не конец вселенной.

– Может быть, – согласно кивнул Новелль, – но ты ведь в курсе Пророчества?

– Которое фактически о том, что род Хрон взойдёт на престол империи? – саркастически гоготнул Эфель.

– В частности. Это не самое худшее в Пророчестве. Так вот, многое уже исполнилось.

– Кроме одного, – чёрный маг переполз из ядовитых усмешек в насмешливую снисходительность. – Но центрального. Насколько я помню, в вашем Пророчестве речь идёт о третьем змеёныше, то есть – о третьем сыне рода Зелеш. Он ещё не появился.

– А Романд? – Карла выглядел, словно обиженный щенок, с которым любимая хозяйка не только не поиграла, но и ни за что ни про что отлупила тапкой.

Эфель расхохотался в голос. Согнулся почти пополам, потом всё-таки вернулся в вертикальное положение и долго-долго всхлипывал, пытаясь восстановить дыхание.

– Карла, такой взрослый мальчик – и не догадался? – наконец смог выдавить из себя маг, походил он при этом на больного лихорадкой – неуёмная дрожь веселья всё не желала покидать тело. – Романд – ублюдок. Чей – понятия не имею, но уверяю вас – он не сын Имлунда! Это очевидно. Иначе, кстати, дорогой папочка Феллона, старшего сына, куда подальше отправил бы – уж Романд ваш много лучше в наследники годится!

Белые маги ошарашенно молчали. Что сказать, когда чувствуешь себя круглым идиотом? Эфель в двух словах прояснил ситуацию... и запутал. Упомянутые совпадения никуда не делись.

– Ну, я пошёл.

– Подожди, – Карла протянул тёмному чародею бархатный мешочек с вышитым на боку раскидистым деревом без листьев, сухим, но будто бы ждущем возрождения. – Вытяни три Руны.

– На кого гадаете? – насторожился Эфель.

– На Романда. Может, Мехен где и встретил ещё одного читающего Мир, а мы всё по старинке, дедовскими методами.

Глава Чёрного отделения флегматично пожал плечами и запустил изящную кисть с длинными, как обычно у магов, пальцами в мешочек. Поочерёдно взору явились Вунджо – Свет, Раидо – Связь и Чистая Руна. Снова Чистая Руна. Как без неё?

– Он даже не заметил, – вздохнул Карла, стряхивая костяшки в кошель.

– Эфель не прорицатель. Я бы тоже не обратил внимания, что Вунджо перевёрнута.

Два белых мага брели вслед за давно исчезнувшим чёрным, впрочем, в район Духов они не собирались – с балкона, который окружал Дриво, брало начало много путей. Некоторые вели в ближний к столице лесок, другие – в Императорский дворец. Встречались и такие, что вводили в дальние углы Мира, а то и вовсе за его пределы.

– Велл. Вел-Ло...

Тихий шелест листьев на лёгком ветру и чуть слышное поскрипывание, будто мягкая женская хрипотца.

Маги медленно обернулись на зов. Позади стояла... да, наверное, это существо являлось женщиной: гибкое, словно прут, тело покрывала нежная, молодая кора. Вместо волос плети тонких веточек с молодыми, только проклюнувшимися листочками. И глаза. Огненно-золотые, со зрачком-волосом.

– Нам надо поговорить, Вел-Ло.

– Прости. Но сейчас не могу – дела. Правда? – лицо Новелля исказилось.

Чародей, казалось, не веря в свои слова, попятился и наткнулся на Карлу. Тот не растерялся и что есть мочи толкнул друга вперёд.

– Нет у него никаких дел, кроме спасения Мира. Оно подождёт.

– Конечно, подождёт, – согласилась с чародеем дриада, но смотрела она исключительно на Новелля. – Когда приходят такие, как тот мальчик-Подмастерье, Мир спасать не надо – бесполезно. Я слышала, Мир приветствовал вашего Ро-Ма-Нд... Пойдём, Вел-Ло. Я хочу поговорить...

* * *

Ёорундо Зелеш гулял. То есть, формально отдыхал. Но шпик никогда не отдыхает, особенно тот, что не имеет хозяев и работает только на себя. Таковым был Ёорундо Зелеш, второй сын герцога Зелеша, полноправный рыцарь империи и торговец информацией. Волей-неволей глаза замечают всё – привыкли.

Вот зажиточный, определённо не в первом поколении кондитер без верхней одежды (в такой-то мороз!), в белоснежном фартуке несётся галопом за попрошайкой, стянувшим сладкого петушка на палочке. Не задумался глупый пекарь, отчего это вдруг голодный и ободранный мальчишка, во-первых, посмел заглянуть в дорогую лавку, а, во-вторых, утащил бесполезную сладость, а не пирог с мясом. В паре работает: в оставленном магазинчике благообразный старичок, сверкая крупными камнями на пальцах, чистит кассу. Конечно та под магической охраной да на гномьих замках, но что до того Дейзику-вору? Снова на дело вышел? Никак очередного правнучка семейному бизнесу обучает.

У лавки золотошвейки остановилась карета: без гербов, чёрная, будто судейская, но на козлах восседает знакомая сутуловатая фигура, выдающая хозяина повозки с головой. Барон Меркуш под предлогом небывалых снежных заносов на дорогах не торопится возвращаться домой, к жене, проматывая её денежки в одном из известнейших (и соответственно недешёвом) борделей столицы.

В узкую, неприметную улочку, почти щель между богатых домов, скользнула фигура в тонком белом плаще – крашеная шерсть шурша – дорогая вещица, так как шерсть шурша поддаётся окраске, да ещё в светлые тона, только при помощи секретного состава. Интересно, куда это граф Верлеш собрался? Ноги сами понесли Ёорундо вслед за человеком в белом... Но он же отдыхает! Как он докатился до такой жизни?..

Будучи вторым сыном, Ёорундо не наследовал ни титула, ни состояния отца, а благодаря правильно поставленному Имлундом воспитанию, никоим образом не являлся конкурентом старшему брату Феллону. Сделать карьеру, выбиться в люди второму сыну можно было только на военной службе – становиться храмовником не хотелось, а к магии не имелось способностей. В десять лет Ёорундо был пажом, а уже к тринадцати прекрасно владел мечом.

Ёорундо уважали, жизнь казалась чёткой и ясной. Он познакомился с девочкой, которой предстояло выйти за него замуж. Всё было хорошо... Но вспыхнул мятеж.

На что рассчитывали заговорщики, убивая законного императора? Конечно на помощь Имлуда Зелеша. Его путь к трону преграждали два венценосных отпрыска – пятнадцатилетний престолонаследник и семнадцатилетняя принцесса. Как выяснилось позже, герцог Зелеш помог, но не тем, кто на это надеялся.

Тогда же, в Ночь Крови Имлунд отступил, словно трус, отвратился от мира и велел сыновьям покинуть столицу, вернуться домой. Феллон и Ёорундо хоть и злились, но подчинились отцу, не зная, не ведая, что служат лишь прикрытием – в обозе среди прочих находился тоненький бледный мальчик, слишком неумелый для слуги, и гордая магиня-стихийница. В дороге оба исчезли.

Вопреки ожиданиям в родовом замке не было скучно – тренировки, турниры, пиры и доступные девушки. Невеста позабылась скоро, и даже известие о её гибели вместе с отцом-мятежником несколько не огорчило Ёорундо.

А потом появилась тихая и прекрасная Нуйита Лиххиль, вторая жена Имлунда.

Золотоволосая, воздушная, взирающая на Мир огромными голубыми глазами, печальная и молчаливая. Она ходила по замку, словно королева дриад по лесу своего молодняка – естественна, плоть от плоти окружения, но не незаметна. Нуйиту сопровождали тишина,

незримый свет и спокойствие – они возвещали о её появлении не хуже, чем торжественный марш о приближении императора.

Оба сына герцога Зелеша мгновенно влюбились в мачеху, что не удивительно – Нуйита по возрасту подходила в жёны Ёорундо, будучи не многим полугодом его старше. Однако перебежать дорожку отцу дети не посмели – бессмысленно и крайне небезопасно. Но сердцу не прикажешь, и каждый попытался по-своему излечиться: Феллон скакал из одной постели в другую, аж обессилел на год потом, а Ёорундо следил за каждым шагом избранницы.

Оказалось, что Нуйита вовсе не дух, а вполне земная женщина – ей требовалась уборная, а по утрам, до очереди гребня и воды, на мачеху-то и смотреть страшновато. Впрочем, самое интересное о Нуйите (да и об отце) узнавалось всё равно случайно, ненароком.

Однажды Ёорундо не спалось. Он решил выйти на замковую стену, подышать морозным ветром. Путь лежал по балкону в малой гостевой зале – наверху во время семейных торжеств рассаживали музыкантов. Уж за полночь, а у полыхающего камина беседуют двое.

– Мой господин, но почему? Ты же мой муж! Я знаю – ты хочешь! – Этот женский голос навеки врезался в память Ёорундо.

– Но ты ведь нет, жена моя. – Юноша не представлял, что Имлунд способен на подобные чувства, на нежность и ласку.

– Ты сердисься, мой господин?

– Нет, Нуйи моя, уже нет, – герцог протянул руку и осторожно, пугливо погладил бледную щеку жены. – Поздно уж. Иди спать, девочка, скоро тебе понадобятся все твои силы.

– Мне страшно одной. Мне всё время кажется, что кто-то хочет прийти за нами! Забрать у нас жизнь!

– Иди сюда, – Имлунд прижал к себе Нуйиту. – Глупенькая, никто не придёт! А если осмелится, то я защищу вас!

Вот как?

Уже тогда Ёорундо всё понял, и когда мачеха столь неудачно для себя разрешилась от бремени, он знал, что Феллону не о чем беспокоиться. И всё-таки ещё одной случайно подсмотренной сцене поразился до глубины души: юноша натолкнулся на отца, стоящего у колыбели. В руках Имлунд сжимал шёлковую подушечку.

– Что мне с тобой делать? Не смотри так на меня! Своими голубыми глазищами. Не смотри! Мог бы родиться девочкой! Беды не знал бы! – Герцог занёс подушечку над кроваткой, явно собираясь придушить младенца. – Что ты ко мне руки-то тянешь?! Дурак, я же тебя убить хочу!!!

Раздался плач испуганного ребёнка, и Имлунд взял малыша на руки, прижал к себе столь же ласково, нежно, осторожно, как когда-то Нуйиту. Почувствовавшее тепло и внимание дитячко тотчас успокоилось.

– Глупенький. Что же мне с тобой делать, Романд? Романд Зелеш... – герцог вздохнул. – Бедненький. Ты не понимаешь, насколько же я тебя ненавижу!..

И ещё долго-долго Имлунд укачивал не своего сына. Другой же, настоящий его сын вдруг понял, что вот такие чужие тайны не только интересны, но и полезны. Для него...

* * *

Фигура в белом плаще неожиданно растворилась в воздухе: вот только что маячила впереди – и нет её. Граф Верлеш к магии не способен – неужто обзавёлся талисманом перемещения? Нет, улочка волшебная – таких по Главели чародеи проложили во множестве. Эта вела из района Купцов в район Духов.

Ёорундо чёрных магов не боялся – и с ними можно сотрудничать да тайны их выведывать. Но с какой стати Верлеш с ними спутался?.. Мысль вдруг исчезла, точнее – запряталась, затаилась до поры до времени. Шпик увидел нечто интереснее и удивительнее.

Граф вывел Ёорундо к перекрёстку Центрального проспекта и Завитушки, забавной и примечательной улочки. Она походила на широкую реку, порой распадающуюся на отдельные многочисленные рукава, но всегда собирающуюся в одно целое. У деревянного столба с указателями-стрелочками переминался с ноги на ногу юноша. Несмотря на существенные

возрастные изменения и не такие уж частые встречи, Ёорундо без труда признал младшего брата Романда.

Что же это он делает в столице? Ах да, сегодня в Школе экзамен – вон и новенький жезл на поясе висит. Сдал, поганец. Но тогда возникает другой вопрос: что же делает новоявленный подмастерье белого мага в сердце чёрного района? Если приглядеться, то сердито рассматривает указатель и сверяет с куском пергамента, будто рисунки совмещает. К чему? Конечно, для неграмотных почти все названия в Главели дублируются какой-нибудь картинкой, но только не в районе Духов – здесь нет случайных прохожих. Да и Романд сызмальства обучен чтению и письму – ублюдок ты там, не ублюдок, а раз носишь славное имя Зелеш, то и соответствовать ему обязан. А уж среди чародеев неспособных по книге заклинание разобрать и в помине нет!

Выйти? Поговорить?.. Нет, не пожелает. Романд даже с Феллоном дольше общался.

Пока Ёорундо раздумывал да взвешивал, братец вдруг вздохнул и треснул кулаком по изучаемому столбу. Экий удар хороший! Да левой! Кто же твоим воспитанием занялся? Тайнственный тесть? Кто же он у тебя, раз ты за неполные полгода в ученика Меча превратился? Интересно...

Ёорундо чуть приблизился и разглядел довольную, донельзя знакомую и виденную у кого-то совсем недавно, улыбку на лице Романда – надпись на стрелочке изменилась. Ох ты! Шуточки чародейские! Юноша, не ощущая слезки, двинулся полевой Ветке Завитушки. Следом скользнула тень, сгусток беззвездной ночи...

Не может быть! Нет! Точно не может быть!.. Ёорундо не верил глазам и воспоминаниям, но когда пришло узнавание, возникло удивление. Как же он не видел раньше? Почему никто ничего не замечает? Это же очевидно!!! Папа. А, папочка? Ты-то в курсе? Нет, вряд ли – ты бы тогда не отринул его, не лишил бы имени... Хотя, с другой стороны, ты точно не оставил бы ему жизнь. Или всё-таки оставил?.. А Романд, ничего не подозревая, шёл вперёд и по сторонам глазами хлопал.

* * *

Разобравшись по-свойски с наглым указателем – с кем шутки вздумал шутить! с подмастерьем белого мага! ну и пусть, что в районе Духов! у нас, между прочим, тесть сам грозный Керлик Молниеносный! – Романд не торопливо, но и не медленно шагал по странной улице.

Н-да, тесть. Да уж, Керлик Молниеносный. Перво-наперво он запретил возвращаться без жезла, что, в принципе, переживаемо и безусловно понятно. Вторым пунктом значился меч. Какой меч? У мага? Что-то у Керлика не видать, а ему надо! И обязательно из оружейной лавки, которая в районе Духов... С другой стороны, когда бы ещё Романд сунулся в вотчину тёмных магов?

Ничего особенного! Ну, улица, которая разбивается на три, а у местных жителей не хватило фантазии придумать названия поразнообразней...

Романд нахмурился, ещё раз огляделся – давно уж должен прийти, – раскрыл заново карту. Та менялась на глазах. Понемногу, по чуть-чуть, будто и впрямь река, ищущая лучшее русло после обильного дождя. Юноша тряхнул пергамент, но рисунок не останавливался – выходит, что выданный Керликом план серьёзен в отличие от указателя на перекрёстке за спиной. По сторонам картина тоже была иной, хотя Романд ни шагу не сделал – точно так же бревно посередине широкой равнинной реки подгоняется вперёд слабым, почти отсутствующим течением.

Юный чародей решительно двинулся в сторону жавшихся к домам пешеходных троп, возвышавшихся над мостовой на целую щиколотку, – кажется, теперь понятно, для чего их создали и откуда пошла на них мода. Это же берега каменной реки Завитушки.

По расчётам Романда оружейная лавка располагалась шагах в двадцати назад – не ошибся. Обыкновенная дубовая дверь с латунной табличкой «Оружейная мастерская Керейна» вела в полуподвальное помещение (а где же, собственно, мастерится оружие?). О появлении новых и уходе старых посетителей хозяев оповещал неуместный и легкомысленный перезвон

колокольчиков, задеваемых внутренней дверью.

Торгово-выставочное помещение оказалось много просторней, чем чудилось снаружи. Где-то один к двум его разделял здоровенный каменный прилавок, заваленный разнообразным тяжёлым оружием, в основном ударным: вокруг огромной, скорее всего декоративной троллей палицы валялись грудой булавы и шестопёры (одно от другого начитанный Романд с грехом пополам отличал), в большем порядке, чтобы не путались ремнями и цепями, были разложены кистени. Глядя на эти «палки», юноша никак не мог сообразить, для чего ему, неумехе, потребен меч. Если дойдёт до рукопашной, то проще воспользоваться жезлом подмастерья как дубинкой. Но слово Зо...

С потолка, словно украшение на зимний праздник Бесконечной Ночи или вовсе связка сосисок в мясной лавке, свешивалась цепь разнокалиберных кастетов. На дальней от входной двери стене, меж двух щитов (прямоугольного и треугольного, но с одинаковыми гербами – парящим среди звёзд орлом) и прямо над проёмом, ведущим во внутренние помещения, висела коллекция странных изогнутых железяк. Что-то подобное Лита прятала под кроватью от отца – называлось оно бума или вертушка, оружие, которое всегда возвращалось к владельцу. И никакой магии!

Другие стены также во множестве покрывало оружие: разнообразное, принадлежащее различным народам и расам, повсеместное или редкое и неизвестное. К прилавку примыкала длинная стойка для алебард, боевых морских багров и острог, гвизарм, похожих на неправильные крестьянские косы, и прочих копий.

Романда встретили пятеро. Двое мужчин, одетых в чёрную кожу, – определённо, продавцы, возможно, хозяева. Один из них, судя по гильдейскому кулону с зелёным камнем, – маг Земли. И трое покупателей: миниатюрная женщина в белом полушубке-курточке и длинной синей юбке, лицо дамы скрывала паранджа – лишь сверкали подведённые серебряной тушью карие глаза с длинными пушистыми ресницами. Ещё двое мужчин стояли поодаль, явно не с ней – аристократик лет двадцати (его бледное надменное личико почудилось Романду неуловимо знакомым) и телохранитель-воспитатель непутёвого отпрыска благородного семейства.

– Здравствуйте, уважаемые! – Приветственный поклон вышел отменным, вежливым – как бы ни повернулась судьба, а воспитывал юношу второй человек в государстве. Капля горного хрусталя поймала свет от волшебных ламп и рассыпала фонтаном радужных искр, змейка, которую Романд отказался снимать, нагло раззявила пасть.

В ответ полетели высокомерно-насмешливые взгляды.

– Что угодно подмастерью белого мага в оружейной Керейна Среброрукого? – после очевидной паузы спросил чародей Земли.

– Не скажу, что уверен, но скорее всего – меч.

– И зачем же меч магу? – фыркнул второй продавец. Судя по высокому, но всё-таки мужскому голосу, в роду вопрошавшего встречались эльфы, а то и вовсе – сирены.

– Говорят, – кисло улыбнулся Романд и пожал плечами, – что боевому магу положено иметь меч.

– Боевому? – усмехнулся бледнолицый, взглядом умело смешивая юного чародея с грязью.

– И кто же говорит? – стихийник явно заинтересовался. Он, прищурился, чуть подался в сторону потенциального покупателя.

– Не кто, – возразил Романд, – а Устав боевого мага.

– Устав?..

* * *

– ...устав? Какой устав?! – изумился Романд, затравленно глядя снизу вверх на своих персональных мучителей – Керлика и Марго. Недавно юноша обнаружил, что сравнялся в росте с Литой, но до её отца ещё не дотягивал, тем более – до высоченного стражника.

Они находились в тренировочном зале, рядом с библиотекой, напротив кабинета Керлика. Мужчины прижали обессиленного Романда к стене, Марго тыкал в юношу деревянным

ученическим мечом. Лита пристроилась с ногами в глубоком кресле у окошка и флегматично грызла огромное зелёное яблоко, кидая левой рукой эльфийские дротики в мишень прямо над головой драгоценного мужа. Беременность пока придавала магине очаровательную и даже аппетитную округлость.

– Устав боевого мага, – отвечив Марго, имея при том вид, будто несколько слов объяснили ситуацию.

– И как же он звучит?

Вопрос привёл мучителей в некоторое замешательство, что позволило Романду вырвать одежду из цепких лап и безвольно сползти по стеночке.

– Что ж, он и впрямь может его не знать, – пробормотал Керлик. – Его же в Уединение отправить хотели.

– Его? – не поверил Марго и обернулся к Лите. Та, возложив ноги уже на спинку кресла, свесила голову вниз и за неимением стрел (закончились) пускала в разноцветные круги маленькие молнии, причём усиленно и показательно попадая в «молоко».

– Бывает, – не согласился чёрный маг. – Итак, слушай, Романд!

Мужчины нагнулись и, подхватив подопытного под мышки, вздёрнули в воздух.

– Настоящий боевой маг в любых условиях отыщет место, где его не найдёт враг и откуда будет наносить удары.

– Но это же подлость! – возмутился Романд. Рыцарем, как братья, он не являлся, но уж правила честного боя знал назубок.

– Нет, это рациональность. Боевой маг сам по себе оружие, и, чтобы военачальники им пользовались и с толком, он должен находиться в безопасном месте... – возразил Керлик. – Однако это место не так уж далеко от врага и довольно быстро раскрывается, поэтому боевой маг должен хорошо бегать.

– Это трусость!

– Нет, военная хитрость. Ведь боевой маг стоит многих бойцов, поэтому его следует уничтожить в первую очередь, значит, за ним погонятся, но, во-первых, он может завести преследователей в ловушку, а, во-вторых, имеется масса готовых заклятий, которым бег не помеха. – Марго наставительно воздел указательный палец, Керлик одобрительно кивнул. – Однако, силы не безграничны, поэтому боевой маг обязан вовремя понять, когда надобно остановиться, развернуться и выхватить меч.

– Смешно!

– Точно. Правда, не все понимают шуток. И тогда необходимо показать тем, кто не помер от смеха или удивления, что связываться с магом, носящим на поясе меч, донельзя глупо...

* * *

– Интересно, – протянул стихийник и ухмыльнулся. – А что делать, если во вражеском отряде находится боевой маг и не один?

– Так это же Устав боевого мага в малых разведывательных операциях с наименьшим шумом и без существенных неприятностей, – бесхитростно процитировал тестя Романд. – Действовать по обстоятельствам, естественно.

– Точно, – продавец прищёлкнул пальцами. – Последний вопрос: почему ты пришёл именно сюда?

– Мне настоятельно советовал тесть. Сказал, что здесь я смогу отыскать оружие именно для себя.

– Верно. Что ж, давай поищем, дружище.

– Но?! – возмутилась женщина.

– Не беспокойтесь, госпожа Олиушо Сверкающая! – очаровательно улыбнулся дальний потомок сладкоголосых сирен. – Ваш заказ уже выполняется, и мы с молодым человеком нисколько не задержим вас.

– А меня?! – естественно взвыл бледнолицый.

– А ты, Душх, слишком тянул с заказом, – оборвал крик стихийник. – Следовательно, никуда не спешил – так что ещё подождёшь. К тому же, магов мы обслуживаем в первую

очередь. Он, – кивок в сторону Романда, – маг, а ты всего лишь племянник представителя Круга Старших Гильдии.

– Он белый! А мой дядя...

– Эфель, что ли? – прозрел Романд. – Встречались. Станный он какой-то. Как есть – Душевный.

Присутствующие одновременно кашлянули, будто разом поперхнулись чёрствым сухарём. Спор заглох.

– Ищи. Или уже выбрал что-то?

Юноша обрадованно кивнул на дальний от себя конец прилавка. Там, отдельно от тяжёлого оружия, в деревянном ящичке под стеклом да на бархатных подушечках лежали небольшие кинжалы, узкие стилеты, чрезвычайно опасные в своей форме и незаметности.

– Как вы думаете, смогу ли я выдать во-о-н тот клинок с рукояткой в виде змеи за меч?

– А твой тесть подслеповат? – удивился стихийник.

– Не замечал, – нахмурился Романд. – Скорее даже наоборот – чересчур зоркий. Жену не поцелуешь, чтобы он рядом не оказался.

– Тогда не валяй дурака! Ищи!

– Как?

– Не знаю, мальчик. Это твоё дело. Ищи!

Романд вздохнул. Вечно с этим старшим поколением проблемы. Ищи? Как? Что? Он всё-таки маг, а не воин. Нет, конечно хорошее оружие от дрянного он отличит – в дворянской семье славных воителей рос, полководцев и обычных бойцов. Более-менее по весу подобрать сумеет, но... Эх, если бы дело касалось магического артефакта, то, пожалуй...

От жалостливой оде своей бездарности юношу вдруг отвлек какой-то звук. Поначалу настолько тихий и незаметный, что принимался за ветер в вытяжке, шарканье шагов или чьё-то дыхание. Затем он усилился, привлёк внимание и стал разборчивее. Звон. Чистый звон металла. Романд огляделся – присутствующие ничего не слышали.

Так вот оно как – искать!

Юноша сделал неуверенный первый шаг – ошибся, звон явственно отдалился, утих. Романд вернулся. Детская забава «обожгись да охладись» получается!

Но ему уж не до антуража – Романд видел, куда идти. К звону-соло добавился ещё один голос – жезл. Он отвечал на зов, тянул хозяина за собой. Вдоль увешанного оружием стен, заваленного красочной ерундой прилавка, минуя иноземные «гнутые железяки» и отворённый шкаф с кольчугами мелкого плетения. К очередному стенду, отдельному, но незаметному в своей простоте и непривлекательности. С правого края, снизу – точь-в-точь для Романда – висел небольшой, прямой меч. Без украшений, без рун, без изъёнов, какого-то серебристого металла. Рядом старые потёртые ножны – уж не распознать их цвета и материала.

– Вот, – Романд несмело погладил клинок, обхватил рукоять ладонью и легко снял меч со стены. словно бы жезл нашёл себе пару. Но разве такое бывает – жезл мага и меч воина? – Это он. Он звал.

– Я слышал, – пробормотал стихийник. – Меч Пажы. Немногие обращают на него внимание, но ты первый, кого он умолял подойти к себе!

– Что это? – Юноша сделал пробный, осторожный замах, выкрутил кистью восьмёрку – рука не устала, меч казался её естественным продолжением. Вот, как оно у рыцарей-то. – Предназначение?

– Может быть, – хмыкнул сладкоголосый, – если у тебя найдутся денежки. Но он стоит очень и очень дорого.

Романд в нерешительности закусил губу. Он знал. Он знал, чётко и ясно, что этот клинок для него. Наверное, столь абсолютного понимания не было даже тогда, когда юноша смотрел на жезл. Нет. И жезл, и меч вместе его! Он уверен.

– Мой тесть велел не экономить на оружии – оно когда-нибудь может жизнь спасти, – Романд с сожалением отложил клинок и сунулся в сумку. – Он сказал, если я найду стоящую вещь, но не смогу расплатиться, то должен отдать вам это.

Юноша достал письмо, запечатанное сургучом – никаких гербов и символов, просто пустой круг. Маг Земли неопределённо хмыкнул, сломал печать, развернул пергамент и быстро

пробежал глазами по аккуратной вязи слов.

– С этого следовало начать, – холодно бросил чародей.

– Что? – изумился резкой смене настроения продавца Романд. Неужто обожаемый тесть удружил по-крупному, с размахом? Керлик ведь может!

– Я бы тебя на порог не пустил!

– Почему?

– Забирай меч и пошёл вон отсюда! – рявкнул стихийник.

– Почему?!

– Вон!!!

– Почему?!!!

Теперь звон услышали все – оружие на стенах вибрировало, задевая друг друга. Разномастные булавы на прилавке раскатились, словно задетая не осторожным крестьянином поленица у дома, тролля палица задрожала в попытках взмыть в воздух. Латы заскрежетали, щиты загудели. Ещё мгновение – и помещение заполнится опасными летающими предметами. Романд в ужасе огляделся – он не хотел, но не в силах был остановиться. Опять...

* * *

– ...отец, вы звали?

Имлунд расположился в своём кабинете в окружении четырёх гостей: известнейшего гадателя Марши Неуверенного и трёх, судя по дорогостоящим цветастым балахонам, высокопоставленных храмовников из Белой Братии, дающих обет безбрачия.

– Да, Романд, звал, – герцог улыбнулся младшему сыну. Тепло, нежно, радушно... вот только, глаза ледяные. Романд уже не боялся этого холода – привык, другого взгляда сын от отца не достаивался. – У меня для тебя хорошая весть. Вчера господин Марши предсказал тебе, что судьба твоя лежит в Орлиные горы, и уже сегодня к нам приехали главные жрецы храма Симулы из их центрального Уединения Печали. Возрадуйся – сегодня ты отправишься в свой новый дом, назначенный тебе роком!

– Но, отец! – юноша умоляюще глянул на Имлунда. – Я не хочу в Уединение! Я не чувствую в себе призвания!

– Почувствуешь, – лицо герцога окаменело.

– Нет!

– Неблагодарный щенок! – Имлунд резко вскочил. Пожалуй, впервые в жизни Романд видел отца таким разгневанным. И никогда до сего момента герцог не кричал на младшего сына. – Вон отсюда!

– Я не хочу в Уединение! И не пойду!

– Пойдешь!!

– Не-ет!!! – взвыл юноша, и тут-то началось форменное мракобесие. Зазвенели стёкла в оконных витражах, отцовский стол отправился на прогулку, взбрыкивая и игогокая. Книги, явственно чирикавая, носились весенними ласточками под потолком и поминутно задевали хрустальную люстру.

В одном из углов образовалось облако и хлынул дождь, сопровождаемый синими молниями и громовыми раскатами, в другом – вспыхнул на пустом месте костёр. В золотых солнечных лучах носилось, подвывая, чьё-то пробуждённое привидение, а случившийся рядом таракан вырос и превратился в крылатую свинью. Один из храмовников схватился за голову, из стен уже полезли камни, когда обессиленный и испуганный Романд грохнулся в обморок.

Мужчины распластались по чудом уцелевшим стульям.

– Мой господин, кажется, я ошибся, – пробормотал Марши, дрожащей рукой утирая пот со лба. – Какое там Уединение! Вашему сыну срочно в Гильдию надо!

– И молитесь, милорд, – подхватил за гадателем один из храмовников, – чтобы Романд оказался магом Света!.. – и уточнил после паузы. – Обыкновенным стихийником он никак не является.

И всё-таки на счёт Орлиных гор Марши был прав...

* * *

Мощная оплеуха уронила Романда на пол. Юноша моргнул, покрутил головой и вместо разноцветных кругов увидел менее приятное зрелище – незнакомого чёрного мага.

– Шарлик! Воды! – резкий приказ, и стихийник прытко бросился куда-то внутрь магазинчика, вернулся, протягивая стакан. – Полегчало, мальчик? Держи. Пей.

– Почему? – Романд отстранился.

– Если закатаешь мне истерику, вылью водичку за шиворот, а она ледяная, родниковая, – ласково, певуче произнёс чародей.

Юношу обрисованная перспектива не вдохновила, поэтому он поспешно выхватил стакан и припал к оживляющему в буквальном смысле напитку.

– Эй, не захлебнись! – усмехнулся маг. – Меня зовут Керейн Среброрукий. А ты ведь Романд, да? – не дожидаясь ответа, хозяин продолжил. – Ты скоро же Керлика Молниеносного увидишь? – и вновь без паузы. – Окажи любезность, передай ему, что если он ещё раз выпустит несформировавшегося чародея в опасное место без поводка, намордника и сопровождающего, то я приду и выдеру одного взрослого чёрного мага, как шкодливого пацана, будь он притом хоть трижды читающий!

– Правда? – изумился Романд.

– Правда. А что?

– А можно, я погляжу? – с надеждой во взоре благоговейно спросил юноша.

– Снимай штаны, – холодно улыбнулся Керейн.

– За что? – взвизгнул Романд.

– За неуважение к старшим! – чародей с серьёзным лицом потеревил пояс, но, не удержавшись, рассмеялся и протянул незадачливому покупателю выбранный меч в потёртых ножнах. – Пошутил я. Держи. Будь достоин клинка, мальчик, раз уж клинок оказался достоин тебя!

Юный маг вскочил и благодарно поклонился.

– Спасибо.

– Ох, порадовал. Слов нет, – хмыкнул Керейн, кивая в ответ. – Не каждый день мне, чёрному магу, кланяются белые да такой силы! Иди уж... Да, мальчик! Учись себя контролировать. И не обижайся на тех, кто ошибается. К тому же, ты прекрасно знаешь, с кем связался: его репутация – действительно его репутация.

Ещё один вежливый поклон, легкомысленный перезвон входных колокольчиков и приглушённый топоток на лестнице – Романд избавил хозяев лавки и её посетителей от своего общества.

– Душх, поди вон – завтра придёшь.

– Но?

– Мальчишка! Может, мне с тебя штанишки спустить или Эфелю присоветовать? – сладко поинтересовался чёрный маг. Понятливому юноше дважды повторять не пришлось – вынесло из оружейной лавки племянничка высокопоставленного дяденьки не хуже, чем до него подмастерье белого мага.

Телохраниль-воспитатель задержался на мгновение. Весь его вид говорил: «А я так надеялся!»

– Почему бы тебе самому не попробовать? – предложил Керейн. – Родственники только спасибо скажут.

В лавке воцарилась тишина. О странном посетителе напоминала лишь сдвинутая каменная стойка да до сих пор качающиеся из стороны в сторону кривые бумы. Остальные предметы оказались в относительном порядке... как и прежде.

– Госпожа Олиушо! Что же вы?! – наконец, укоризненно вымолвил хозяин. – Мальчик не уравновешен ещё в своём даре, сорвался по глупости, а вы не помогли!

– Он белый! – гордо вскинулась женщина.

– Чушь! – рявкнул Керейн. – Прежде всего, он представитель Гильдии! И молодой чародей, нуждающийся в наставничестве и помощи старших!

Магиня, брезгливо передёрнув плечами, заплатила за заказ – набор тоненьких

малюток-звёздочек, оружие ассасинов – и вышла прочь.

– Она права, Киро! – вмешался стихийник. – Этот мальчишка – белый маг в услужении у чёрного. И у кого! У Хрона! Это имя даже у магов Тьмы служит ругательством и проклятием!

– В услужении, – невесело усмехнулся Керейн. – А как бы ты действовал, оказавшись на его месте?..

* * *

Ночь вступила в Главель рано, что по зиме для северного города неудивительно, и Романда нисколько не остановила. Он, позабыв неприятный инцидент в оружейной лавке, с удовольствием гулял по району Духов и попутно выполнял многочисленные поручения тестя. Туда-то отнести письмо, там-то оплатить какие-то счета, здесь купить важную вещьцу или продать ненужную. Мало ли...

Столичная вотчина чёрных магов поражала пустынностью, неприветливостью (или молчаливостью?) и какой-то неуловимой таинственностью. Так, наверное, всегда бывает, когда сталкиваешься с чем-то не то чтобы не известным, а мало знакомым.

Романду всегда нравилось гулять в одиночестве – будь то родной замок, Школа, лес или город, – и в районе Духов никто не мешал. На самом деле, в оружейной оказалось форменное столпотворение. Шесть человек, не считая Романда! Много для этих мест. Затем изредка встречались одинокие прохожие – никто не обращал на белого мага внимания.

Замечательная работа! Романд бродил бы и бродил по странным узким улочкам, вдыхая ароматы остаточных заклятий, но вспыхнули волшебные лампы, перекрывая дрожащий свет далёких звёзд, а холод несмело, но верно пробирался под тёплый шуршевый плащ. Запахло метелью, нешуточным бураном. Погостили – пора и честь знать, дома ждут. На очереди последнее поручение – выполнить и к жене гордиться...

– Оп-па! Кого мы видим!

Романд резко обернулся, в одной руке жезл, в другой – меч. Юноша чувствовал слезку, но хвоста, как ни старался, выявить не смог. Однако за спиной выстроилась утренняя пятёрка с Чёрного отделения из Школы – все сдали экзамен успешно, о чём радостно и многозначительно свидетельствовали жезлы подмастерьев.

– Ну, прямо боевой маг какой-то! – хихикнул тот, что повыше. Собственно, он же заговорил первым. – Что ж ты делаешь в районе Духов, о великий мастер?

– Трактир «У весёлого некроманта» ищу, – Романд, помимо вежливости, славился рыцарской честностью. – Не подскажите, в какую сторону?

– Подскажем, – уверил тёмный подмастерье. – Почему же не подсказать?

Что на самом деле собирался сделать юноша, никто из компании не узнал, так как между чародеями вдруг мелькнула чёрная тень, и перед Романдом приземлилась огромная пантера.

Неужто красавец Жесть? Зелёные глаза гигантской кошки опасно фосфоресцировали во тьме. Обе высокие магические стороны предпочли с паническими воплями разбежаться. Как Романд выяснил минут через пять, данное происшествие заметно ускорило поиск требуемого трактира.

Полуподвальное помещение, внутри больше, чем снаружи – по всей видимости, хит этого сезона в районе Духов. А также место сбора его населения. Трактир «У весёлого некроманта» был переполнен: за тридцатью разновеликими столиками общего зала пустовало от силы три-четыре стула. Дым коромыслом – в нём пиратскими бригами сновали раскрасневшиеся подавальщицы. На маленькой сцене кто-то брэнчал на лютне, невнятно перебиваемый цимбалами. У пивной стойки не протолкнуться. Притом в центре зала кто-то затеял танцы – где оставленные места их исполнителей, представлялось всемирной тайной.

– Праздник у них какой-то? – пробормотал поражённый Романд и сам себя не услышал в стоящем гуле.

– Младше четырнадцати зим не обслуживаем! – рядом с юношей образовался тщедушный старичок в белоснежном переднике. Трактирщик – странно, Романд всегда полагал, что они толстые, как на подбор.

– Мне шестнадцать.

Интересно, как хозяину удалось донести смысл реплики до потенциального клиента? Мыслью он, что ли, беседует?

– Свободных столиков нет, господин подмастерье белого мага, – в голосе мужичонки ощущалось злорадство.

– Мне не нужен столик...

– Пивная стойка занята!

– Вы не поняли, я не за выпивкой или едой. Мне нужен господин Милик Травник! Передайте ему, я от Молниеносного! – крикнул Романд.

– Какого Молниеносного? Фара? Зито?

– Он поймёт. Но лично для вас, – не выдержал измывательства юноша, – от того самого Молниеносного!

– Хм, белый маг? – не поверил трактирщик.

– А вам-то какая разница? Если я вру, то это мои проблемы, не находите?

– Да нет, и мои тоже! – рявкнул старичок.

– То есть, вы предлагаете поискать господина Травника магией? – обиженный Романд уже сцепил руки для какого-нибудь гадкого заклятья, подсмотренного у Литы и переделанного на собственный манер, когда левое плечо больно сжали.

Юноша медленно-медленно, насколько позволяли физические возможности, повернул голову, поднял глаза и старательно улыбнулся.

– Романд, деточка, тебе не говорили, что в чужое Уединение-от-Мира со своими правилами не стучатся? – у Эфеля радость от неожиданной встречи получилась намного лучше. – Или ты решил, раз не удалось уничтожить всех магов Ночи в Главели чародейством Света, то стоит попробовать их доконать своим навязчивым присутствием?

Вместо ответа Романд присел, полностью развернулся и через мгновение выпрямился, кончик его меча упирался главе Чёрного отделения Школы прямо в живот. Посетители трактира соизволили обратить внимание на происходящее в дверях одобрительно-заинтересованным вздохом. Кажется, кто-то начал делать ставки.

– Я всего лишь выполняю поручение! – Бездымные факелы разом мигнули, затрещали, но выровняли пламя. – Мне нужен Милик.

– Хороший клинок. У Керейна покупал? – Эфеля потянуло на светский разговор. – Поосторожней с цацкой – можешь ненароком пораниться. – Чародей неожиданно скользнул вдоль меча, левой рукой до хруста вывернул кисть, держащую рукоять, а правой приставил к незащитному горлу Романда кукри, прародителем которого, серпом, срезали колосья – этот предназначался для голов. – Скажу по секрету, я тоже боевой маг. – Глава Чёрного отделения, зло ухмыляясь, приблизил физиономию к лицу юноши... а затем неожиданно весело и задорно подмигнул левым глазом. – Пойдём, провожу к Травнику, чучело. Трактирщик! Пива и ужин!

– Но... – попытался встрять Романд.

– Вот у этого мальчика, – Эфель стиснул юношу за плечи так, что несчастному почудилось, ещё мгновение и он превратится в гномий глубинный бур, маленькую его копию, – праздник! Во-первых, он сегодня успешно сдал экзамен на славное звание подмастерья мага! Портит впечатление, конечно, то, что он белый, но кто у нас без недостатков? А, во-вторых, небезуспешно провёл первый в своей жизни поединок с боевым магом.

– Небезуспешно? – пискнул юноша, осознав, что от чокнутого чародея никуда не денется.

– А то, – хмыкнул Эфель. – Ты в живых остался! Это дорогого стоит!

И маг эффектно, без видимого труда протащил Романд через всю залу во внутренние помещения. В трактире «У весёлого некроманта» имелось несколько залов – этот оказался поменьше общего, свободней и уютней. Освещался он исключительно свечами – настоящий ароматизированный воск. Обшитые деревом стены увешивали картины, изображавшие идеалистические пейзажи и городские виды. Романд нахмурился – будто вовсе не на рисунок смотрел, а в окошко выглядывал.

– Так оно и есть, – прошептал на ухо сердобольный Эфель и рявкнул во всё горло. – Милик Скородел! К тебе тут от Молниеносного гость пожаловал!

– Пусть подождёт, поужинает – ещё не готово, – отозвался кто-то из трактирных глубин.

– Вот, а ты отказывался от еды, – посетовал чародей.

Юноша страдальчески вздохнул, стараясь не выдать, насколько он голоден, и вцепился в вилку – мода на этот странный, но очень удобный столовый прибор пришла из другого Мира, то ли от тамошних людей, то ли от эльфов. Ароматный молочный поросёнок, впрочем, заставил забыть обо всём, кроме урчащего, нет, волком воющего желудка. Эфель, прихлёбывающий из огромной кружки янтарное пиво, смотрел на Романда с непередаваемым умилением.

– Не жадничай, тебя никто не торопит, – тоном заботливой мамыши присоветовал чародей. – И на пиво не налегай – крепкое, не вино разбавленное!

С последним предупреждением маг несколько припозднился – юноша, не привыкший к народным напиткам, успел основательно окосеть.

– Ну, вот и заказ Молниеносного, – рядом со столиком возникла белокурая девушка.

– Ик, с-спасибо, – поблагодарил Романд, пряча полученный свёрток в суму. – А вы что, Милик?

– Да, – кивнула красавица. – Не похоже?

– Я думал, что ты мужик! – продемонстрировал в ответ своё высокое воспитание молодой чародей и сполз под стол, отмахиваясь руками от злобно жужжащих насекомых. Где-то сверкнуло серебро, послышались крики.

– Нет! – визгливо трактирщик.

– Что? – изумлённо Милик.

– Как ты смеешь?! – возмущённо Эфель.

Но Романд на всё наплевал – последнее задание выполнено, пора домой. Юноша активировал амулет перемещений, выданный тестем.

* * *

Керлик зевнул, чуть не вывернув челюсть. Всё-всё, пора баиньки. Не вернётся сегодня Романд – сам же ему велел отпраздновать удачную сдачу экзаменов с друзьями... Маг тяжело вздохнул. Себя не обманешь! За последние месяцы он хорошо изучил зятя, выведал его тайны, заставил рассказать о жизни – нет у мальчишки в Главели друзей. Нигде нет. Отринутый с младенчества самым дорогим, самым уважаемым человеком – отцом, – Романд отдалил от себя и остальной мир. Интересоваться окружением юноша начал недавно, с появления настоящей, хоть и не совсем нормальной семьи.

И всё-таки его нет... Волнуешься, Хрон? Из-за какого-то мальчишки, белого мага!.. Зря он послал Романда в район Духов – ведь ребёнок ещё, неумелый, неопытный, а задираться научился... не без помощи жены и тестя... Но большую рыбу ловят на жирного червячка... Ладно, ничего сейчас сделать нельзя. Как поговаривают маги Дня, утро вечера мудренее. Спать.

Керлик снова зевнул и растянулся нагой поверх одеяла – жарко сегодня в замке, – прикрыл глаза... Магический всплеск был настолько короток, неуловим и знаком, что чародей не успел отреагировать. Раздался треск – нечто тяжёлое разломало деревянную раму для балдахина, – и на Керлика грохнулось тело. Оно сладко сопело, периодически всхрапывая, отвратительно воняло пивом, дымом и кровью. У мага не нашлось сил даже заорать, когда тело страстно обняло его за шею и ласково пробормотало сквозь сон: «Литочка, рыбка, как я рад тебя видеть!»

– Ох, Романд, – просипел в пустоту Керлик. – Если сюда зайдёт твоя жёнушка и застукает нас в столь красочной позе, я не уверен, кого она прийдёт первым, но точно – обоих.

К счастью мужчин, Лилията мирно спала в своей постели, вместо обожаемого мужа обнимая любимую буму. Покой хозяйки хранила верная Белобрыська. А наблюдающий за всем этим безобразием Чёрный замок чуть не обрушил белоснежные стены на своих обитателей, но по какой-то сугубо личной причине удержался.

Глава 6 Плясовая, или Деловая столица

В кабачке «Пьяное солнышко» царило необыкновенное благолепие. Необыкновенное как для любого заведения подобного типа, так и конкретно для данного кабачка.

Располагался он как раз на стыке Чаровника и Арфистки, граничной улицы небольшого квартала музыкантов. Правда, когда дело касается магов, в Главели всё относительно, особенно нахождение в пространстве.

«Пьяное солнышко» было одним из излюбленных мест сборов чародеев. Потому с утра здесь витали ароматы горького шоколада, бодрящего кофе и душистых чаёв и лишь к вечеру в кубки тонкой струйкой лилось красное вино или огромные кружки заполняло пенящееся пиво. Здесь предпочитали эль. Впрочем, если кто-то требовал молока или ключевой воды, никто выбору не удивлялся – у каждого свои пристрастия. С другой стороны, и надраться самым что ни на есть дешёвым пойлом дозволялось. Маги – тоже люди... ну-у, эльфы, гномы, гоблины и прочая. В общем, разумные существа, которые разум успешно теряют с завидной регулярностью. На том питейные заведения и стоят.

Однако примечателен кабачок был всё-таки не этим – один из двух входов располагался на приличном расстоянии от самого «Солнышка», где-то в районе Купцов. Таким образом, кабачок посещали не только чародеи, что несколько разнообразило обстановку. Особенно сегодня – ни одного мага не наблюдалось.

Хозяин кабачка взглянул на календарь. Экзамены. У Белого отделения, отделений Духа и Огня. И у чёрных – тоже, но они «Солнышко» посещали редко, предпочитая трактиры своего района.

Дзинь. Словно ударили по малому серебряному треугольнику.

– Хозяин, а это кто? – за стойкой бара с раннего утра сидел тощий парнишка с голубыми наивными глазами. С наличностью, одет хорошо, но не по моде, с чуть заметным южным акцентом – по всей видимости, из провинциальных дворян.

С самого своего появления в кабачке юноша задавал один и тот же вопрос. Не такой уж и праздный, надо признать, – хотя в «Солнышке» имелись два входа, они вели в одну и ту же дверь.

– Купцы, наверное.

– А как вы это определяете?

– Если бы входили с Чаровника, мы бы услышали арфу, – пояснил кабатчик.

Он не ошибся – дверь растворилась и впустила двух дородных пропахших холодом мужчин. Глава Гильдии купцов и его помощник без труда узнавались по медальонам – миниатюрным, стилизованным под аптекарские, весам на толстых золотых цепях. Поговаривали, что этими весами изредка пользовались по назначению, но хозяин не мог себе представить настолько дорогой товар.

Новоприбывшие расположились в углу, у кадки с вечнозелёной берёзой – дар магов Земли – и подозвали разносчицу.

– Вот же! – молодой дворянчик стукнул кулаком по столешнице, старательно не попав по чашке с недешёвым в Главели кофе. – Решил, раз уж в столице, посмотреть на чароплётов – и ни одного не увидел!

– А что, у вас дома нет магов? – искренне удивился хозяин.

– Есть. Но они все старые – вот я и собрался проверить, попадают ли среди них молодые... Поспорил с приятелем... Ну, знающие люди сюда направили.

– Правильно сделали. Только вы, господин, неудачное время выбрали.

– Что так?

– Экзамены на ранг Подмастерья.

– И сегодня я никого не встречу? – лицо юноши обиженно вытянулось. – Но я завтра уезжаю!

– Встретите! – кабатчик широко улыбнулся. – Причём уже скоро – обязательно придут сюда щеголять своими новенькими жезлами. Традиция у них такая!

– С чего это вы взяли, что кто-то из них экзамен выдержит? – продолжал допытываться посетитель. – Я слышал, экзамены – трудное дело.

– Трудное, – согласился хозяин. – Но у меня примета верная имеется. С утра я ни одного мастера не встретил – значит, кто-то да сдаст и будет здесь веселиться. А не бойтесь, господин,

на развлекающихся магов смотреть?

– Ха, – фыркнул дворянчик. – Я же за этим и пришёл!

Но голос его чуть заметно дрогнул – хорохорился мальчишка, но любопытство лёгкий испуг всяко перевесит. Не уйдёт, дожждётся. А хозяин – и подавно. Сегодня в кошель рекой потекут золотые и серебряные монетки.

* * *

В сопровождении мелодичного перелива арфы, мороза и веселья в кабачок «Пьяное солнышко» вкатилось Белое отделение в полном составе, исключая только Романда Отказника. Даже эльфийка Ивелейн присоединилась к неожиданно сдружившейся после экзаменов компании.

Угрюмец тоже не отказал себе в удовольствии погулять со всеми и посмеяться, порадоваться жизни, в которой нет ни зависти, ни огорчений, ни предательства. Нет в ней и обязательств, в том числе и перед Белоплащником. Чародей не сообщил нанимателю о появлении Романда в стенах Школы. Пусть маги спорят, пусть способны убивать друг друга и не видят в том ничего зазорного, но без причины против Гильдии и её членов не идут.

Покушение на императора и бой с его сестрой – одно, а слежка за Романдом – абсолютно другое. Нет, нужен Белоплащнику мальчишка, пусть сам его и ищет! Угрюмец против отказника ничего не имеет.

Едва компания появилась в кабачке, за спиной хозяина, среди кубков, бутылей зелёного стекла и пивных кружек завибрировал огромный амулет. Со стороны он походил на ромашку с разноцветными лепестками, а по сути являлся аллегорической моделью Гильдии.

Сердцевину на равных делили большой кусок горного хрусталя в форме полусферы, и того же размера и вида чёрный турмалин. Прозрачность и невидимость. День и ночь. Свет и Тьма. По кругу расположились шесть лепестками камни, символизирующие ту или иную Стихию.

На общем фоне почти терялся дорогой, но отнюдь не приковывающий взгляд тёмно-синий сапфир – Вода, источник жизни. Она всегда рядом, но обычно не заметна. Винно-золотистый топаз Воздуха напоминал, что ничто так не пьянит, не кружит голову, как вовремя сделанный вдох. Кроваво-красный пироп пугал страшной и неукротимой в безумном гневе стихией Огня, а изумрудно-зелёный хризолит, наоборот, обещал безмятежное спокойствие Земли. И, наконец, почти сливались в один «лепесток» молочно-белый опал Духа и водянистый гиалит Пси.

Прозрачный хрусталь с появлением Белого отделения наполнился нестерпимо ярким, ослепляющим светом, затем по кругу, один за другим, вспыхнули разноцветные камни Стихий – и амулет погас, успокоился. Лишь чёрный турмалин, казалось, ещё больше потемнел.

Такова же была и Гильдия.

– Всем вина! – прозвенел неожиданно голосок Лоран. – Я теперь подмастерье!

– И музыку! – подхватила Ивелейн и притопнула изящной ножкой в сапожке на меху шурша.

Обе девушки вдруг заискрились, засияли.

– Танцы? – восхитился голубоглазый паренёк у стойки и, не долго думая, закружил стоявшую ближе всех к нему герцогскую дочку. А та, позабыв обычное высокомерие, смеялась в объятиях незнакомца.

Эльфийка не отставала – потянула за собой до сих пор расстроенного Белея. Упустившее момент Белое отделение не долго простояло в покинутом одиночестве – в кабачке присутствовали женщины и девушки, которые тоже были не прочь повеселиться. Посетительницы, разносчицы, служанки с радостью пустились в пляс – партнёров сразу разобрали. Но вскоре появились новые.

Озарился кровавым отсветом далёких пожаров пироп, весенним утренним туманом напомнил о себе опал – в «Пьяном солнышке» стало тесно от новоиспечённых подмастерьев и всё ещё учеников. Счастье одних и досада, перемешанная с неприкрытым облегчением, других слились в бурном празднестве.

Благородное вино наполняло вытянутые кубки, а огромные кружки с элем надевали впечатляющие по размерам пенные шапки. Руки с одинаковым усердием тянулись к жареным утиным ножкам и бараньим рёбрышкам, пытались ухватить горячий печёный картофель и модные по зиме за дороговизну крестьянские пирожки с зелёным луком. Фрукты и сладости сметались в одно мгновение – чародеи те ещё сладкожежки.

Звенели монеты, но маги не обращали внимания на эту очаровывающую кабатчика музыку – в праздник Жезла не принято скупиться. И не только на золото, но и на волшебство: главную залу «Солнышка» осветили тысячи тысяч пушистых разноцветных огоньков. Они кружили в воздухе, липли к потолочным балкам и стенам, падали на плечи посетителей и мебель. И улыбались. Да-да, за каждым огоньком чувствовалась улыбка. Задорная или нежная, иногда грустная, но всегда добрая.

Центром праздника была плясовая. Круг-хоровод, без конца и начала, при новом танце распадающийся на отдельные пары и вновь сливающийся в целое при весёлом галопе-связке. Символ Мира. Символ Времени. Символ Гильдии.

Угрюмец тоже танцевал. Вот перед ним мелькнула пышногрудая раскрасневшаяся подавальщица, в контрасте скользнула тощая ученица отделения Огня, отпихнула бедром купеческая жена и проход завершился перед идеальной Лоран Орлеш. Девушка лучезарно улыбнулась и сама пристроила ладони Угрюмца на своей талии.

Серые глаза чародея встретились с карими очами магини. Этот миг был прекрасен!

* * *

Произошедшее в сторожке при Королевском парке не забывалось, а слова зрителя навеки врезались в память Угрюмца.

«Ты не даёшь себе труда взглянуть в душу!»

Чародей решил начать с Лоран. Покорпеть и впрямь пришлось изрядно – не то чтобы девушка таилась, но и открытой книгой назвать её было трудно. Судьба и жизнь герцогской дочки оказались непростыми и в то же время донельзя обыкновенными.

Не единственный и не первый ребёнок у отца, к тому же девочка, Лоран была красивой, хорошо отчеканенной, но всего лишь разменной монетой в политических играх и амбициях герцога Орлеша. С самого крика рождения её обещали какому-то заморскому князьку, однако из-за корыстных интересов империи ещё не состоявшийся брак расторгли. Да и болезная девочка, каковой в детстве казалась малютка Лоран, не походила на желанную невесту.

Невеста – будущая жена. Жена – мать наследника. Хилое здоровье младшенькой герцога Орлеша вызывало сомнения, что Лоран способна выносить ребёнка. Девочку оставили в покое и разбаловали – она превратилась в любимую куколку отца и братьев.

Но однажды девочка выросла. Оказалось, что это всё-таки не куколка, а прекрасная девушка. На которую заглядываются мужчины, а выбор их – велик. К тому же, игры с братьями не прошли даром – Лоран окрепла, а заодно научилась великолепно стрелять из лука и арбалета. Последнее – интересно, а первое означало, что она идеальная пара, а кому... Кому – уж отец отыщет!

Далеко и долго искать не пришлось – три жениха маячили перед самым носом. По возрасту и положению, вроде бы не уроды, богатые и... без какого-либо намёка на присутствие невесты.

Первым в честолюбивых планах отца значился сам император. Но его оборону не смог (или не захотел?) пробить даже герцог Зелеш, что уж говорить об Орлеше! Вторым заботливый батюшка выбрал третьего сынка того же Змея – Романда Зелеша. Мальчишка, конечно, не наследник рода, но матушка его не бесприданницей замуж шла. Да и родство с Первым советником императора – не шутка. А когда ещё его внучки подрастут!

Тиллон Яруш, единственный сын графа Яруша, оказался третьим.

Когда двенадцатилетнюю Лоран просветили о кандидатурах, девушка пришла в ужас – и о Романде, и о Тиллоне ходили весьма противоречивые, но всегда неллицеприятные слухи. «Женихов» шёпотом называли странными, того и другого окружали неприятные несчастные случаи, в основном – смерти. Оба жили затворниками в отцовских владениях. Однако, если для

Романда, тогда ещё десятилетнего ребёнка да при много старших братьях, находились приемлемые объяснения, то о Тиллоне, приближающегося к своему первому совершеннолетию – четырнадцати годам, никто ничего хорошего не говорил.

Наслушавшись сплетен и советов, Лоран попыталась склонить папеньку к выбору Романда, тем более что до свадьбы дело дойдёт ещё не скоро. Однако герцог решил, что Орлу по пути с Ястребом, а не со Змеёй. Правда, на эту мысль Орлеша натолкнул недвусмысленный отказ Зелеша, но результат был однозначен – Тиллон. Батюшка жениха, граф Яруш, не возражал.

И дочь герцога решила на откровенное безумие – побег. Подогреваемая страхом, избалованностью и читанными по ночам книгами из отцовской библиотеки, а также малыми крохами волшебства, Лоран умыкнула из конюшен лучшего жеребца и была такова. В погоню за ней отец отправил своего лучшего ловчего, преданнейшего из слуг. И совершил страшную ошибку!

О! Охотник быстро загнал неумелую дичь, но оказался настоящим фанатиком и поведение дочери господина счёл за его оскорбление. Лоран не была запорота кнутом до смерти только благодаря полностью открывшемуся дару. Однако девушка была на краю гибели, когда подоспевший отец собственноручно убил чересчур преданного слугу.

Лично выйдя дочь, Орлеш за руку отвёл её в Школу при Гильдии. О замужестве он не заикался, да и навещать Лоран не осмеливался. Но только пояс Подмастерья и жезл на нём окончательно освободили девушку от обязательств перед родом. Теперь она имела право снять со своей шеи Орла...

– Что-то ты сегодня какой-то не такой! – промолвила через силу Лоран. Девушка раскраснелась в непрерывном танце, слова, в целом, бессвязные, выталкивала с трудом – задыхалась. – Впрочем, мы сейчас все не такие!

– Ты потрясающе танцуешь! – воскликнул в ответ Угрюмец.

– Признайся, ты думал, что в герцогских замках не умеют веселиться! – она рассмеялась и сделала положенный оборот вокруг партнёра.

– Но ведь это крестьянская плясовая. Ею разве что бароны с окраины балуются! – в грохоте притопов и прихлопов, шуме разговоров и звоне весёлой музыки приходилось кричать.

– Кто тебе сказал подобную глупость? – изумилась Лоран. – Видел бы ты, как отплясывает госпожа Руника Л-лотай! Да и император в своё время ноги в этом танце отбил по колени!

Она с показной суровостью оттолкнула Угрюмца – снова менялись пары. На этот раз юноше досталась девушка с гостевого двора при кабачке. Партнерша, очевидно, несколько переусердствовала с вином – её движения не отличались уверенностью и плавностью, а зелёные глаза и заговорщицкая улыбка на что-то намекали. На что – Угрюмец предпочёл не понять.

Встречал он таких не единожды. Хорошенькая, наверняка отличная хозяйка, но всего лишь охотница на мужа. Чародея!

Слухи утверждают, что маги отличаются вольным нравом, но на самом деле это только сказки. Всё в жизни чародея подчинено строгим правилам. По крайней мере, когда речь идёт о подмастерье. С ученика-то ни спросу, ни толку, а мастер, или того пуще – магистр, существо высшего порядка. А у подмастерья всё по-другому.

Соблазнил – женись. И наверняка рядышком матушка-нянюшка девицу караулит, свидетельницей «уговоров да посулов пламенных» служит.

Эх! В подобные моменты можно было завидовать девушкам-подмастерьям. Их жезл освобождал, тогда как юношей – обязывал. Таково различие в новоприобретённой самостоятельности.

На очередном проходе Угрюмец выскользнул из общего круга передохнуть – не один он, кстате, такой оказался – и мгновенно натолкнулся на Белея. Мальчишка под шумок попробовался дорогого вина и теперь протягивал каждому встречному трясущейся рукой бутылку мутно-белого самогона. Судя по запаху калёного железа, гномья «Серди-Гора». Где это уворовал Белей, выведать не представлялось возможным – разумом мальчишка убрёл в

запредельные дали.

От греха подальше Угрюмец изъял опасный «напиток», а его «владельцу» отвесил лёгкий подзатыльник. Белей нисколько не обиделся, так как ничего уже не замечал – свалившись на старшего товарища, мальчишка заснул. Угрюмец вручил это чудо гороховое кабатчику на сохранение. Тот лишь понятиво кивнул и повёл головой в сторону танцующих. Угрюмец благодарно улыбнулся и вклинился в круг. Юноша снова оказался в паре с Лоран.

– Нет силы удержаться, – пояснил он, когда девушка вопросительно приподняла бровь. В ответ магиня вновь рассмеялась.

Угрюмец, стараясь не упустить нить очередного танца, заморожено слушал эту божественную музыку, непостижимым образом перекрывающую грохот, как казалось раньше, нежных цимбал. Следил за плавными ласковыми движениями Лоран и ловил искорки в карих глазах девушки... А карих ли?

Медовых, янтарных, как у всякого представителя рода Орлеш... Они тянули, завлекали. Угрюмец смотрел и смотрел в эти глаза. В какой-то миг они приблизились, заняли весь обзор... а затем удалились в бесконечность – новый проход.

В бешенстве чародей снова выскочил из круга.

Ему почти удалось! Он уже целовал её губы! И она не была против!

На исходе осени, в самом конце Грудня, когда над Главелью резвились снежные северные тучи, Угрюмец чётко осознал – он влюбился. Бесконечно влюбился в высокомерную Лоран Орлеш. Но та искала встречи лишь со Старшим учеником Чёрного отделения и не обращала на своего сокурсника ни малейшего внимания. Но сегодня появилась надежда. По беззаботному поведению Лоран – небезосновательная. Это шанс, которым грех не воспользоваться!

Тин, кажется, так зовут её тёмного, вряд ли выдержал испытание – по собственному опыту Угрюмец точно знал, что Старшим на Отделении называли отнюдь не лучшего, хотя и не худшего, ученика. У Тина экзамен первый, следовательно, ему для успешной сдачи потребуются как минимум ещё две попытки. Угрюмец сумеет отбить за это время Лоран! Достаточно доказать, что белый маг ей подходит больше, чем какой-то чёрный!

Она же светлая магиня! Её союз с тёмным да ещё учеником осудят и свои, и чужие, и посторонние...

На этой почти оптимистической мысли звуки праздника перекрыла задорная трель пастушеской свирели.

– Завитушка? – удивленный голос кабатчика отчётливо разнёсся по мгновенно затихшему «Солнышку».

Амулет-ромашка вновь задрожал и... Нельзя сказать, что чёрный турмалин вспыхнул Тьмой – такого просто-напросто не бывает, но создалось именно это впечатление. Тьма ослепила собравшихся в кабачке не хуже Света.

За турмалином ожил и хрусталь, затем по «лепесткам» пробежала волна разноцветных огоньков. Она символизировала то, что Тьме, как и Свету, доступны все Стихии.

Скрипнула дверь и впустила в залу новоиспечённого подмастерья, бывшего Старшего ученика Чёрного отделения, ненавистного Тина. На его боку сурово сверкал красноватым золотом жезл.

Надежды Угрюмца жестоко разбили прямо у него на глазах.

– Э-э, молодые люди... – хозяин, уловив грозное напряжение, попытался остановить избиение нежданного гостя, однако был перебит задорным и одновременно злым голосом Ивелейн.

– Тинни! Если ты решил испортить нам праздник Жезла, – заявила в тишине эльфийка, – то я отберу твою палочку и так отделаю твою костлявую спину, будешь до смерти лечиться! А если мало покажется, я тебя ещё танцу стрел научу!

Угрюмец довольно ухмыльнулся. Танец стрел – старинная эльфийская забава. Ставишь пленника с одной стороны поляны, ряд лучников – с другой...

– Да празднуйте себе на здоровье! – нисколько не смутился подмастерье чёрного мага. – Только Романда выдайте! Я с ним немного потолкую и уйду с миром!

– Романда? – вклинился в разговор кабатчик. – Отказника?

– Его самого.

– А зачем это тёмному наш Романд? – гневно прищурилась Лоран.

– В глаз кулаком да с хорошего замаха дать! – с подкупающей искренностью ответил Тин.

– В глаз? – Храпик Хро тоже решил, что слишком долго стоял в сторонке. Ещё бы! Оскорбляют своего! Белого мага! – Интересно, и за что же?

– А по-вашему, забавно в ночь Жезла бегать по району Духов от здоровенной пантеры?

Зрители загоготали – до того уморительно-обиженную рожицу скорчил тёмный подмастерье.

– Это, что же, – отсмеявшись, с трудом выговорила Лоран. – Великий чёрный маг Тинни испугался кошечки и пришёл сюда бить нашего Романда?

– Нет, – кисло скривился Тин. – Она меня сюда загнала. Я об этом ходе ничего не знал.

Судя по лицу кабатчика, он – тоже, хотя и определил без труда, откуда явился новый гость.

– О-ой! – протянула герцогская дочка. – Бедная, обиженная нехорошей пантерой деточка. Прибежал к нам жаловаться на плохого гадкого Романда... – Зал полным составом слёг от хохота. – Нам Тинни жалко?

– До безумия! – согласился Храпик и, не сдержавшись, снова прыснул.

– Мы его пожалеем? – продолжала изгаляться Лоран. – Приголубим?

– Приголубим! – неожиданно для себя фыркнул Угрюмец. – Не выгонять же его, тёмненького, маленького, в ночь, на морозец! – он показательно потянул носом. – Там метель начинается.

– Ну, иди сюда! – девушка раскрыла объятия – так же матери призывают своих растерявшихся малышей сделать первые шаги. Ребёнок стоит в одиночестве, но рядом любимая мама, надо только до неё добраться, быстро-быстро, и всё будет хорошо, замечательно, как прежде.

От столь неприкрытого издевательства Угрюмец на месте Тина вылетел бы из кабачка рассерженной пчелой или вовсе превратился в горстку пепла, но тёмный подмастерье, спотыкаясь, поплёлся к Лоран. Сделал один шаг, второй и уткнулся носом в обтянутое кружевной шалью плечико, спина юноши мелко задрожала... В следующий миг Тин крепко сжимал тонкие ручки магини своими лапищами, на лице чародея гуляла наглая ухмылка.

– Белое отделение, – презрительно бросил он. – И кто вас учил верить чёрным магам?

– Н-никто, – пролепетала ошарашенная Лоран.

– Вот поэтому мы и сильнее!

– Уверен? – Храпик одарил пришельца не менее мерзопакостной улыбкой.

Тин недоумённо нахмурился, очевидно подозревая подвох, чем пленница и воспользовалась. Она легко повела кистями и вывернулась из объятий тёмного подмастерья, а затем, на взгляд Угрюмца, повела себя несколько странно. Не по ситуации.

Лоран чуть сдвинулась – её правое плечо оказалось перед носом Тина – и прихлопнула ладонями над левым ухом, лучезарно улыбнулась. Гость в диком возмущении открыл рот.

– Мне что же, танцевать придётся?!

– Видимо, – подтвердил Храпик.

– Ненавижу я это дело, – Тин закатил глаза, но затем с тяжким вздохом полного повиновения жестокой судьбе поклонился «пленнице». Та в ответ притопнула ножкой – и грянула музыка.

Некоторое время посетители кабачка любовались ладной парочкой, а потом весёлый круг восстановился. Угрюмец на этот раз не присоединился. Он с ненавистью наблюдал за Тином и Лоран.

Вот они осторожно покинули общий хоровод и спрятались в тёмном закутке под лестницей, ведущей на второй этаж «Солнышка». Присели на удачно подвернувшуюся лавочку – видимо «романтический» уголок пользовался спросом. Угрюмец незаметно приблизился. Чтобы слышать. И видеть.

– Тин, зачем ты перед всеми позорился?

– Да ладно тебе, Лона, – легкомысленно отмахнулся юноша. – Они поняли, что я дурачусь. И плевать мне на их мнение!.. – он вдруг осёкся. Его лицо исказилось от внутренней боли, рука, будто бы против воли, потянулась к лицу собеседницы. – Лона, я не могу без тебя!

Я так соскучился!

– Мы же виделись ночью, – Лоран несмело улыбнулась и сама прильнула к ладони Тина.

– Это было давно. Очень. Бесконечно!

– Значит, про Романда ты всё придумал? – её глаза говорили о другом.

– Представь себе, нет, – он продолжил беззвучную беседу взглядов. – Наткнулись на него неподалёку от «Весёлого некроманта», это у нас, в районе Духов. Ну-у, не смогли удержаться, за что и заплатились. Впредь наука будет – не связываться с полоумными белыми магами!

– А как же я?

– Я слышал, как меня называли тупицей. Это правда – одного урока мне не достаточно! – Тин второй рукой дотронулся до растрепавшихся волос магини. Сейчас девушка не выглядела идеальной картинкой – щёки красны, платье измято, шаль съехала набок, а кулон с орлом и хрустальной капелькой вовсе переместился на спину.

– А ты знаешь, что Романд был моим женихом? – глаза Лоран хитро блеснули, но надолго удержать выбранную роль девушка не сумела.

– Выходит, мне всё-таки придётся его отыскать и познакомить со своим кулаком? – притворно возмутился тёмный чародей, однако тоже не смог продолжить игру.

На лицах обоих отражалось одно-единственное, всепоглощающее чувство. Рты же что-то говорили, скорее, выпуская наружу ненужные звуки, чем отражая творящееся в сердцах Тина и Лоран.

– Только в мечтах моего отца. И он женился. Думаешь, за что его батюшка имени лишил?

Чародей ничего не ответил – он просто смотрел. Затем вдруг моргнул, очнувшись.

– Лона, пойдём отсюда!

– Праздник Жезла проводят в «Солнышке»! Это традиция Белого отделения!

– Ночь прошла, Лона. Скоро настоящее солнце проснётся и озарит башню Творения. Мы никогда не встречали там рассвет!

– Но...

– Теперь мы имеем на это право. Ты забыла? Мы подмастерья!

– Тогда? – спросила она.

– Поспешим! – подтвердил он.

Лоран и Тин выскользнули прочь из кабачка. Никто не обратил внимания на их исчезновение, кроме Угрюмца.

– Невинная Лоран Орлеш, – процедил он. Лицо его исказилось в ненависти и презрении. Внутри желудка залилась сразу половина припрятанной для худших времён бутылки гномьего самогона. – Согреваешь по ночам чёрного мага? И ведь сама к нему приходишь – наши кельи хорошо защищены от Тьмы! Шлюха! Подстилка!..

Угрюмец осёкся, но его гнева не заметили. Хорошо. Он отомстит этой дряни! И начнёт, пожалуй, с Романда... Почему? Но ведь это он загнал в «Солнышко» Тина и разбил все надежды и мечты Угрюмца! Он! Никто другой! Значит, он первый должен расплатиться! Потом настанет черёд тёмного подмастерья. А последней будет Лоран Орлеш!

Чародей выскочил в район Купцов. Мороз не отрезвил юношу, что тому очень понравилось, к тому же вторая половина «Серди-Гора» нашла своё законное место в без того отравленном организме... Угрюмец рванул из-за пазухи маленький стеклянный шарик на кожаном шнурке.

– Эй, Белоплащик! Герой здесь!

«Я знаю, – ответ, минуя уши, ворвался прямо в мозг. – С ним покончено!»

– Что?! – возопил Угрюмец. Его священная месть была выполнена без его участия?!

«Для тебя у меня имеется другое задание!»

– Какое? – чародей сразу поскуучнел.

«Ключ...»

Ключ – так Ключ. Юноша утратил какой-либо смысл своей жизни. А был ли тот вообще?..

* * *

В Чёрном замке творилось волшебство. Так как разрушения были отложены на

неопределённый срок, Замок философски наблюдал за столь привычным и всегда новым действием. Особенно хороши оказались сонные комментарии белого мага и недоумевающая в поисках их смысла физиономия хозяина.

Глава 7 Предсказания, или Когда всё только начинается

Дзинь! Дзинь-дзинь-дзинь! Романд определённо делал успехи, всё чаще и чаще подставляя меч под клинок Марго. Ещё бы не совал туда же руки-ноги, голову и прочие немаловажные части тела – цены бы мальчику как бойцу не было! Дзинь! Шмяк, бум.

– Ау-у! – вскрикнул юноша. – Больно! У меня рука ранена! Это нечестный поединок!

– Деточка, – усмехнулся Марго. – Честными бывают только рыцарские турниры – и те редко. В бою, знаешь ли, обязательно кого-то ранят и хорошо бы – твоего врага. К тому же, ранка у тебя неопасная, лёгкая. Царапина, в общем.

Керлик хмуро глянул на друга, но ничего не сказал – ни ему, ни зятю. Марго ошибался: если бы не чародейское искусство мага, его умение врачевать и случай, Лита уже сегодня примеряла бы белое платье вдовы.

...Вчера, с осязательным трудом выбравшись из-под Романда – вымахал да отяжелел, каланча! ещё полгода назад, не кланяясь, Лите губы целовал! – Керлик с глубоким сожалением обнаружил, что благополучно остыл и не имеет ни малейшего желания злиться. Поэтому начал думать.

Не нравился чародею принесённый драгоценным зятем запах свежей крови, ох не нравился. Конечно, мальчишка мог и поцарапаться – с людьми такое бывает, но аура Романда сверкала болью умирающего Света. Керлик внимательно осмотрел спящего зятя и ужаснулся.

Из плеча Романда торчал тонкий, острее бритвы серебристый диск-звёздочка, небезызвестное оружие ассасинов. Она глубоко, почти до половины ушла внутрь руки, что не так уж и страшно – хотя зубчатый край существенно осложнял рану, кость не была задета, крови вытекло немного, потому исцелить зятя при помощи волшебства не составляло особенного труда. Если бы не одно но!

Ассасины славились качеством работы: наверняка и сразу – их девиз! Они смазывали металл гремучим ядом и пропитывали чёрной магией – не одно, так другое угробит светлого чародея, причём очень быстро. Ведь Романд должен был уже умереть, но убийца не принял во внимание всех особенностей организма «клиента», как и случайностей, буквально преследовавших юного мага.

Во-первых, юноша родился Зелешем – Змеем, которого змеиным же ядом всяко не отравишь. А во-вторых, накачался он крепким и непростым, сейчас единственно правильным пивом. Керлик принюхался – точно! «Янтарный Свет»! Из запасов «Весёлого некроманта», не иначе. Между прочим, его варили по секретной технологии лишь в одном Уединении-от-Мира, в которое принимали только белых магинь. Но чародей в своё время помотался по Миру, к тайнам разным, великим и не очень, доступ отыскал – секрет «Янтарного Света» крылся в сонничке. Эх, хорош цветок сонничка: пустышка пустышкой, а жизнь человеку спас! Дело же Керлика – в теле её удержать.

Удержал...

– У меня голова болит! – заныл Романд.

Старался он исключительно для жены – кто же ещё пожалеет? Однако Лита не оценила спектакль по достоинству, увлечённо разучивая по книге очередное заклинание.

– Поменьше бы пива хлестал – по утрам похмельем не мучался бы! – наставительно хмыкнул Керлик и вывернул дочери руку. – Не так, Лита! Читай внимательнее! Дополнительных чудовищ, кроме тебя с мужем и Белобрыськи с потомством, в замке не требуется!

– Я всего одну кружку выпил, чтобы этот ненормальный Эфель отвязался! – справедливо

обиделся на тестя зять.

– И была она с бочонок, – ехидно пробормотал старший чародей. – Романд! Сзади! Дзинь!

Собрались члены семейства Хрон и верный Марго (а также усталая Белобрыська с тремя неугомонными отпрысками, уже взрослые, но оттого не менее бестолковые вороны Ххар и Хруст, крысёнок-переросток Кузя и нечто круглое, белое и пушистое неизвестного, но скорее всего, романдо-экспериментального происхождения) в тренировочном зале.

Романд под непосредственным руководством капитана в сочетании с язвительно-нравоучительными советами тестя знакомился с приобретённым вчера в Главели мечом. Не занятая в спарринге компания флегматично наблюдала за избиением нервного подростка.

По времени, а оно близилось к обеду, Керлик и Лита должны были заниматься в библиотеке. Беременность беременностью, а дочь чёрного мага обязана вырасти хорошей магиней – задатки в папу, да и с детьми проблем поубавится. Однако Романд нарушил устоявшееся за полгода расписание.

Спасённый от неминуемой смерти зять нуждался в движении и присмотре опытного чародея, поэтому Керлик с дочерью перебрались в тренировочный зал (тем более библиотека находилась за углом). Маг даже смирился с риском полного провала обоих уроков – несмотря ни на какие обстоятельства, если молодожёны оказывались в одном помещении, их интерес к окружающему Миру резко испарялся.

На этот раз обошлось.

– Папа, – прошептала Лита, когда Романд с Марго ускакали в дальний угол. Юноша забрался на канат и посылал наставнику при помощи меча какие-то хитрые знаки – то ли ритуально-высокородные, то ли бессовестно-неприличные. – Папочка, зачем ты так на Романда? Он же хороший!

– Хороший, – Керлик ласково погладил недавно вывернутую руку дочери. – Малышка, ему и тебе ведь известно, что я ни в коем случае не подозреваю его в пьянках и прочем дурном поведении. Я по себе других стараюсь не мерить, – маг усмехнулся. – А если начистоту, то я верю Романду на слово. Он пока не дал мне повода в себе усомниться.

– Я понимаю, папа, – тихо вздохнула Лита и прижалась к отцу. – Настроение такое. И страшно мне.

– Не бойся, радость моя. Это срок подходит.

– Наверное, ты прав. Но предчувствие у меня какое-то нехорошее. Будто мы сладко спим и вот-вот очнёмся, и увиденное вокруг нам не понравится.

– Успокойся, малышка. Мы все с тобой! – Керлик ободряюще улыбнулся. – Всё в порядке.

Ещё бы самому поверить в собственные слова! Какой уж порядок, если Лита сквозь беременность ощущает плохое? Серьёзный показатель. К тому же, девочка постепенно учится читать Мир. Учится, но без Книги Мира нет цельности, нет полного понимания. А Книга хранится в Замке Путей, родовом гнезде Хронов. Скоро Литу придётся вести домой. Страшно...

Мир благодаря снова Романду избавился от одного из своих кошмаров, уродливого нарыва на теле мироздания, но ужасы имеют свойство возвращаться не спросясь, а раны часто напоминают о себе жуткой болью. Страшно... Но есть Романд.

Керлик в недоумении покачал головой. События, произошедшие ровно через месяц после свадьбы Литы и этого странного и удивительного мальчика, остались навсегда в сердце и памяти чародея. Благодарность Керлика к Романду не измерить.

* * *

...Бледная запыхавшаяся Лита вбежала в библиотеку, где Романд пытался объяснить маленькому забавному пушистому комочку, что тот не существует. Пушистый комочек преданно глядел на создателя грустными глазами и исчезать не собирался, не считая тех случаев, когда играл со своим «папочкой» в прятки среди книг.

– Лита, что произошло? – увидев жену, юноша тотчас оставил Пушистика в покое.

– Романд! Помоги! Пожалуйста! – молодая магиня дрожала, из её глаз тонкими ручейками

текли слёзы, руки молитвенно сцепились на груди. Такой потерянной и испуганной свою грозную и смелую да весёлую Литу Романд за общий, семейный месяц ещё не видел. И не хотел видеть! Ни сейчас, ни впредь.

– Помогу, серебряная! Только в чём?

– Папа... – всхлипнула Лита. – Он в свой замок собрался. В свой настоящий...

– Я знаю, – кивнул юноша. – Зо мне говорил – так надо. Несмотря на риск, надо – он ведь читающий! А полноценно читать Мир можно только там, у него.

– Но я боюсь! Он не вернётся оттуда моим папой! Не вернётся твоим Зо! Не вернётся господином для Марго! Он возвратится нашим хозяином Хроном! Нельзя его отпускать одного! Нельзя!

– Тебе туда точно нельзя, – тихо напомнил Романд.

– Я знаю – я тоже Хрон. Но ты – нет... Пожалуйста, Романд! Миленький! Пожалуйста!

– Я просился – не берёт. Говорит – опасно! А переместиться за ним незаметно не сумею – это к тебе смог, так хотел... – юноша поник головой. – Не научился я ещё...

– Зато я! Я смогу!

Вдруг оба юных мага вскинулись – в Чёрном замке творились мощные чары. Замок Путей далеко – нужен надёжный, устойчивый портал, хитрая и умелая магия, много силы.

– Быстрее! – вскрикнул Романд и сам потащил жену к кабинету Керлика.

Людская молва утверждает, что злодеи живут посреди огромного болота, обязательно знаменитого коварными трясиными, подлыми и страшными чудовищами, обманными огоньками и удушающими испарениями, вонью.

Впрочем, злодеи, они тоже разные – некоторые сырость не любят. Этот подвид обитает среди голых, безжизненных скал, на берегах рек и озёр, заполненных вместо воды лавой, – жар, копоть и за слуг демоны да духи огня. В обоих случаях непривлекательные, угрюмые и неприятные места, без ласкового солнышка и ярких, радостных красок. Поживёшь в таких и волей-неволей злодеем сделаешься.

Нет, на самом деле злодеи предпочитают славные, уютные и тихие местечки.

Керлик стоял на уступе, утопая по колено в изумрудной траве – здесь царил поздняя весна, – и смотрел вниз, на небольшую красивую долину посреди кольца гор. Снежные острые пики гордо серебрились в лучах яркого полуденного солнца. Звенели-шумели многочисленные водопады. Они срывались с зелёных склонов, чтобы дать начало речушкам, питающим огромное озеро, в центре которого, а соответственно и долины, на острове-кляксе высился величавый замок.

Замок Путей, родовое гнездо Хронов.

Ни одна дорога не вела к Хронам, но все пути сходились в их Замке. Ибо в Замке хранилась Книга Мира.

Керлик вздохнул. Красиво! Уютное, милое место, обещающее покой и счастье... Но какова сердцевина этого изумительного цветка-долины!

От ног чародея бежала тропинка, почти незаметная за несмелой травой – здесь редко ходили. Вздохнув ещё раз, Керлик отправился в путь, вниз по склону к кривобокому горному соснячку. Там тропинка скроется под длинными сухими иголками, укутается целебным воздухом и кинет под сапоги огромные пустые шишки, обязательно заставит пожалеть об отсутствии маслят. Для них ещё не пришло время.

Потом отряхнётся, вновь заплетает в траве, огибая неожиданные валуны, заросли кизила и колючего терновника. Затем резко поскачет по ступенькам-скалам вдоль водопадов и спустится к величественным лиственным лесам. И уж к концу дня придёт черёд невысоких, но раскидистых садов – Керлик подойдёт к человеческому жилищу. К своему дому.

Красиво.

Он здесь родился и рос. Несмотря на постоянный страх перед отцом и липкий, вызывающий омерзение ужас его рабов, Керлик находил время для радости, смеха и беззаботности. Они вместе с Жиной носились неугомонными бесенятами по холмам, забирались на скалы, барахтались в ледяных озерцах под водопадами. Играли в разбойников и

принцесс, по осени собирали сладковатый, чуть вяжущий кизил, горную кислую сливу и, если повезёт, грибы. Ещё они ходили за травами, высоко-высоко и загорали там, прямо на белом снегу до черноты.

Зря он вернулся. Не следовало ему! Ради памяти сестры!.. Но долг. Керлик долго и намеренно игнорировал свои обязанности читающего Мир и продолжал бы в том же духе дальше, но в доме появился новый человек. Романд. Не обращать внимание на юного мага было уже не грехом, но чистым безумием...

Из мрачных, тревожных дум чародея вырвал камешек, чувствительно врезавшийся в пятку. За ним последовали собратья. Они, в отличие от первопроходца, сумели обогнуть неожиданное препятствие. Сзади донёсся шорох, переросший в топот и протяжный вопль.

По неизвестной причине Керлик не сдвинулся в сторону, потому принял на себя болезненный удар: затормозил чьё-то костлявое тело, вместе с которым немного проехался по склону. После чего медленно-медленно обернулся и улыбнулся. Точнее – скорчил рожу «кобра медовая». То есть ласковая-ласковая и сочащаяся ядом, словно пчелиные соты мёдом.

– Зо! Ну, у тебя и спина! – как ни в чём не бывало, заявил Романд, потирая рукой ушибленный лоб. – Камни и те мягче.

– Романд! – прорычал Керлик, благо имя зятя позволяло.

– Да, Зо? – невинно откликнулся тот.

– Романд!!

– Зо?

– А, демоны с тобой! – плюнул маг, смиряясь с судьбой. – Ладно, будешь идти со мной, но меня слушаться беспрекословно! Далеко не отходить! Ничего не трогать! И разговорами меня не раздражать!

– Договорились, Зо! – радостно кивнул мальчишка и с криком укатил вниз по склону.

– А потом скажет, что не удержал равновесия, – пробормотал в пустоту Керлик. – Эх, хоть бы кости не переломал!

За месяц проживания под одной крышей маг выявил в зяте человека спокойного, рассудительного и склонного к сидячей деятельности, но где-то внутри мальчишки горел всепоглощающий огонь, который рано или поздно, в зависимости от стимулов и общей ситуации, вырывался наружу и превращал тихоню в бесшабашного парня. В последнее время всё чаще и чаще, что неудивительно – слишком многое он скрывал в себе, сдерживал, а теперь ему позволили накопленное выпустить.

Пусть его. Освободится, очистится – и Керлик с Марго научат, как уравновесить оба начала, безудержное движение вперёд и ледяное сонное замирание... Но только не сейчас.

– Зо, это абрикос?

– Верно.

– А где ягоды?

– Романд, – вздохнул Керлик. – Абрикос – это не ягода. Он не плодоносит, потому что высоко. К тому же, здесь ещё лето не наступило, а абрикосы ближе к осени появляются.

– Не знал, – изумился зять.

– Оно и видно – герцогский сынок, одним словом!

Сейчас Романд походил на щенка-переростка, который всю жизнь провёл на небольшом хозяйском дворике и вдруг был отпущен на свободу за калитку. Как бы под колёса соседской телеги не угодил!.. Так ведь, Романд взрослый и умный мальчик – почти шестнадцать лет, в войне и не простым солдатиком поучаствовал, Мир видел, имя Зелеш при рождении получил... Что с юнцом?

– Зо! А ты здесь родился, да?

– Да, Романд.

– Красивое место.

– Красивое, – согласился Керлик. – Но опасное для тебя, Романд.

Он присмирел внешне.

– И чем?

– А тем, мальчик, что испокон веку здесь рождались, жили и умирали чёрные маги!

– И что? В Главели их сотни! – резонно возразил зять.

– Но там и тысячи обычных людей и других чародеев, а в этой долине небольшое население и царствует над ней аура Хронов! Убиваемых из поколения в поколение, мучивших невинные души, уничтожавших...

– Зо! – младший чародей бесцеремонно перебил старшего. – Зо! Скажи мне на милость! Чем эта аура, чем эта долина страшна для меня? – Романд забежал вперёд и требовательно взгляделся в глаза тестю. – Нет, пожалуй, не говори. Я сам скажу. Здесь я могу быть замученным, стать мёртвым...

– Здесь ты можешь потерять душу! – рявкнул Керлик.

– Наверное, – не стал спорить в этом юноша. – Но даже если оно случится, я не буду виновным... И это будет означать, что ты потерял душу! Эта долина опасна для тебя!

– И что? Что ты предлагаешь?

– Ничего, – просто ответил Романд. – Позволь быть рядом с тобой. Я... Может, я плохо разбираюсь в людях, но я чувствую, что ты хороший человек. Я недавно нашёл тебя и не хочу потерять... и Лита тебя очень любит!

– Лита... – Керлик кивнул. – Следовало догадаться, кто переместил тебя сюда. Хорошо хоть вам обоим хватило ума только тобой ограничиться.

– Она... она ведь мама, – юноша зарделся. – О малыше заботится.

Интересно. Старший маг чуть заметно улыбнулся: потрясающе устроен Мир и существа его населяющие! С Романдом сколько они живут рядышком? Недолго, верно, но вполне достаточно.

Вместе решали его проблемы, иногда очень даже личные, интимные. Он учился под руководством тестя магии и владению мечом, старался помочь в обычных хозяйских делах – Романда как белого мага и «угнетаемого злобным тестем зятя» людишки боялись меньше, чем Керлика и Литы. Мальчик понемногу рассказывал о себе, доверял сокровенные тайны, делился страхами. Да и Керлик не оставался в долгу перед зятем: иной раз поведает что-нибудь из своей жизни, заведёт беседу о приключениях глупой молодости, наконец, примется травить байки.

Но лишь разговор касался Литы и Романда, что-то неуловимо менялось. Юноша смущался и стыдливо прятал глаза, словно любимый племянничек-наследник, застигнутый дядюшкой за ненужным воровством. Керлик же внутренне раздражался и сердился, ощущая себя подло обманутым.

Как же так? Ведь сколько раз он был на месте Романда и в отличие от него не проявил ни честности, ни влюблённости, и, возможно, где-то бегаёт по Миру... Нет, себя не обманешь. У Керлика лишь одна Лита, и та уж принадлежит больше Романду, нежели отцу.

Жизнь – сыновья не уходят, дочери не остаются. Жизнь.

– Видишь вон то дерево, Романд?

– Какое дерево, Зо? – зять вздрогнул от неожиданности, заозирался.

– Да вон то, – указал точнее Керлик.

– Зо! Это же скала!

– Э нет, Романд. Это дерево...

Несколько неуклюже, нарочито весело начав беседу, Керлик не останавливался до большого озера в центре долины. За байками из самого раннего детства дорога и день пробежали незаметно и легко, тяжёлые грустные мысли спрятались где-то глубоко внутри и не смели показываться. Хорошо, что Романд рядом – не так страшен последний путь. Последний.

– А это то самое озеро Грёз, – чародей властным, хозяйским жестом обвёл водную гладь и остров с замком.

Закатное солнышко окрасило гордые вершины в нежные золотисто-розовые цвета, уже нисколько не заботясь об освещении укромной долины. Пользуясь этим, горы укрыли длинными тенями прекрасные густые леса. Склоны почернели, и только луга едва заметно светлели на далёкой высоте, ниже снегов, но всё-таки очень близко к ещё сияющим небесам. Там, в чистой голубизне бледнел тоненький серп луны. С его приходом, не дожидаясь исчезновения солнца, зажглись первые звёзды, правда, пока внизу, в долине – в крестьянских домишках и замке затеплились лучины, заиграли живым огнём свечи и факелы, засияли волшебные лампы.

И одно лишь озеро не признало власти ночи и её предтечи сумерек – оно светилось

изнутри. Словно второе небо.

– Нам на остров?

– Да, Романд.

– Но как же мы туда попадём? – подивился юноша, требовательно и озадаченно крутя головой. – Я не вижу лодок.

– Ох, детка, – Керлик ухмыльнулся, затем не выдержал и хихикнул. – Здесь же дом мага! Зачем нам какие-то лодки?

Чародей спокойно двинулся вперёд, к воде – вот-вот сапоги намокнут, но вдруг, с очередным шагом оказался не в озере, а над его гладкой, спокойной поверхностью. Романд, хоть и был полноценным чародеем со стажем в два с половиной года, во все глаза уставился на чудо, даже рот приоткрыл.

– Пошли? – Керлик обернулся, поманил рукой. – Или решил на берегу остаться?

– Как это? – пролепетал мальчишка.

– Просто. Не бойся, Романд. Ты, помнится, хотел стать воздушным магом – вот и опробуй себя в этой Стихии.

– Здесь водная нужна! – возразил зятьёк.

– Трусишка, – расхохотался маг. – Что ж на это Лита скажет...

Сработало: Романд, словно дитя малое за мамку, ухватился за протянутую руку тестя и поднялся в воздух, под ногами чувствовалась упругая и надёжная, хоть и невидимая, опора.

– Но... я же не...

– Да. И я тоже нет – никакой магии, – подтвердил Керлик.

– Но как же так?

– Романд. Ты забыл, что можно не только творить чародейство, но и пользоваться чужим, готовым? – чёрный маг покачал головой. – Какой ты всё-таки забавный мальчик, Романд! – Они направились к острову, вдвоём, всё так же держась друг за дружку. Вдали по воде скользнула лодочка – припозднившийся рыбак возвращался домой. – Ему мы не помеха, а он – нам, – мгновенно принялся за объяснения Керлик. – Хитрое здесь устройство: на остров попадешь с любой стороны, а уж как захочется это сделать – на лодке, плотике, или просто вплавь, или, как мы, пешком – личное дело каждого.

– А чары какие? Заклятья?

– Вот уж не знаю, – пожал плечами маг. – В книгах об организации озёрной дороги ничего не написано, самому разбираться времени не было. Один раз у папули осмелился спросить. Он чего-то рыкнул – наверное, тоже интересовался в детстве, но тайны не открыл. Чародейство-то единственное на всю долину белое!.. Да, – Керлик по достоинству оценил глупую мину на лице зятя. – Был среди Хронов белый маг. Собственно, он – основатель рода.

– Основатель? – Романд замер на миг, что-то напряжённо вспоминая. – Выходит, тогда, в пещере, когда ты меня от Ловцов Чар спас, ты не понаслышке знал, что говорил о...

– Магах Ненависти? – закончил за юношей тесть. – Да. Хрон Найя женился на белой магине, человеческой дочери эльфийского короля, и ровно через девять месяцев после свадьбы она родила мальчика, тёмного чародея. То ли Хрон решил, что жена изменила ему (а это не так), то ли испугался неведомого (ребёнок не только принадлежал другой стороне магии, но и был сильнее), но отец проклял сына и его потомков, своих потомков... Возможно, причина имелась и серьёзная – кто знает? – но результат один. Проклятый основателем род стал проклятьем для других, а Хрон превратился в истинного чёрного мага, хоть до смерти служил Свету и Дню.

– Быстро он преодолел этот путь...

– Да, Романд. Ведь тысячу шагов можно пройти по прямой вперёд или пролететь со скалы вниз. Хрон выбрал второй путь, обрекая своих потомков всегда ступать на первый, мучительный, долгий, но всегда приводящий на дно всё той же пропасти.

Юноша понурился – не хотел он говорить с тестем сейчас о грустном и страшном, а само вышло. И ясно теперь, отчего Хроны лютой, жгучей ненавистью ненавидели белых магов – за себя, за свою загубленную с рождения... нет, до рождения, далеко до рождения жизнь. Романд вздрогнул – скотина! Как он мог?! Вскинулся, чтобы вымолить (как тут по-другому?) прощение, успокоить Керлика... и с воплем очутился у тестя на руках.

Из воды высунулась маленькая головка на длинной шее – огромная змея, не иначе. Лазоревая чешуя, как сияющее озеро, вся в серых пятнышках – наверное, для маскировки, чтобы неосторожная добыча до срока не заметила. Уляжется чудовище на дно – и поди, отличи от гальки. Глаза печальные – вот-вот заплачет. Двигалась же незваная гостья (или гостеприимная хозяйка?) напрямик к воздушным ходакам.

– Романд! – взвыл ошарашенный Керлик. – Мне семьдесят лет, а сколько в тебе весу! Слезь с меня!

– Змея! – юноша чувствительно боднул тестя головой в челюсть и крепче вцепился в стальные плечи.

– Урождённый Зелеш! Змеёныш! И тебе бояться змей?!

– Она большая, – покрасневший Романд разжал пальцы и тотчас полетел вниз, к ногам старшего мага. Тем временем чудовище, сообразив, что чародеям (по крайней мере, одному) оно без надобности, обиженно мякнуло и величественно поплыло за рыбаком, гребущим в своей лодчонке вдоль берега.

– Кстати, это не змея, а кракозяб – безвредное и бесконечно глупое существо, – Керлик вгляделся в тушу. – И, кажется, это вообще иллюзия, мираж. Ведь не зря же это озеро называется озером Грёз.

– Мм-м?

– Здесь и не такое привидеться может: я, например, всё больше голых баб лицезрел да русалок всяких, особенно после одиннадцати лет.

Романд, надувшись, поднялся, отряхнулся от невидимого мусора и промаршировал куда-то вбок, но через мгновение вернулся и ухватился за руку тестя. Вслед за юношей двигалась настоящая армада разнокалиберных, в основном извивающихся и змееподобных существ. Некоторые из них фосфоресцировали, и все обладали острыми, саблевидными клыками.

Керлик удручённо вздохнул – воспалённая фантазия.

– Впрочем, у названия имеется второй смысл, – грустно продолжил маг. – Здесь, на этом озере расставались с последними иллюзиями, мечтами... грёзами пленники Хронов...

На этом разговор окончательно увял, и остаток пути, вплоть до ворот родового замка Хронов чародеи проделали молча.

– Мне это кажется? – Романд осмелился подать голос.

Они уже минут десять стояли перед огромными, наглухо закрытыми воротами – каждая досочка, их составляющая, из цельного ствола столетнего дуба. Замок Путей был несколько больше, чем представлялся издали.

– Нет, – вздохнул Керлик. – Я всё-таки здесь родился, потому подсознательно выстроил Чёрный замок уменьшенной копией этого.

– Зо, – кисло протянул зять. – И после не говори, что ты надо мной не издеваешься!

Старший чародей промолчал – возразить-то нечем. Романд не о том спрашивал. Поверх надёжных старых врат был размашисто начертан знак Иаф – эльфийская руна, исполненная, правда, в угловатой гномьей манере. Переводилась руна как «изгородь» или попросту «забор». Писали же её не краской или мелом, а чарами, и видима она была только чародеям. Что там видима! Для чародеев и поставлена как предупреждение – вежливый хозяин у замка.

– Романд, внутрь магам без разрешения хозяина не пройти.

– Хозяин – это ты. Верно?

– Да, – согласился Керлик. – Однако мне следует это доказать.

– И как?

– Не то чтобы просто. Отойди-ка, Романд, во-он за тот деревце.

– Зачем это? – насторожился юноша.

– Романд, потому что я тебе так велел, – сердито отрезал Керлик. – Шутки кончились, мальчик! Пришло время магии Тьмы... Мне бы не хотелось случайно тебя задеть – у разъярённой Литы заклятья окажутся сильнее.

Убедившись, что зять осознал серьёзность предупреждения, чародей глубоко вздохнул. Первая часть самая простая и почти безвредная.

Взываю ко Тьме!
Всевидящий сын...
Во Свете брожу,
Всесилен, всевластен,
Ничем не рушим.

Укрой же от знаний,
От тайн огради!
О, Тьма, я молю –
Меня охрани!

Из сложенных кривобокой лодочкой ладоней ввысь, к небесам поднялся... Трудно описать это – будто спускающаяся на долину среди гор ночь сгустилась над Керликом, скрутилась рогом чёрного единорога и пронзила ни о чём не подозревающие светлые небеса. Так же благородный рыцарь насаживает на копьё неудачника-дракона, а ведун-алхимик или другой учёный муж – бабочку на булавку. И словно брюхо раненного ящера кровью, небеса растеклись в месте удара тьмой... А затем изукрашились росписью мерцающих звёздочек – ночь пришла.

Иаф на воротах задрожала и испарилась лёгкой дымкой-иллюзией. Дубовые отполированные створки медленно раскрылись – Замок Путей склонился, приветствуя возвратившегося хозяина.

– Теперь они все... – тихим, срывающимся голосом пробормотал в пустоту Керлик. – Знают, что Хрон в своих владениях.

Романд не слушал. Он дрожал. Ужас... Кто-то поселился... владел его телом, а сила... такая родная, такая привычная... Ведь она всегда была с ним! И сейчас здесь, но он не может... не имеет права её коснуться... даже думать боязно... потому что... никто... не... разрешал.

– Это моя власть, – Керлик заметил полубезумное состояние зятя. – Ты находишься в месте привязки моих корней. Здесь я господин над всем и всеми. Я всесилен и всемогущ... Впрочем, если ты сумеешь уничтожить это место, то уничтожишь и меня.

– Зачем?... – юноша во все глаза уставился на тестя, но тот мастерски изобразил недоумение. Мол, о чём ты, мальчик?

Во внутреннем дворе их ждали – ветхий благообразный старичок в длиннополом плаще склонился в земном поклоне. Казалось, дедок так и останется согбенным – более чем преклонный возраст не позволит разогнуться. Однако встречающий выждал положенные регламентом пять минут и без охов да стонов (и без скрипа, чего подспудно ожидал Романд) вернулся в вертикально-прямоходящее положение.

– Приветствую, господин! – голос у старичка оказался густым, звучным. Закроешь глаза – и внутренний взор явит менестреля. Говор, кстати, тоже подходящий. – Мы рады вашему возвращению!

– Врёте, – буркнул негромко Керлик, мотнув головой на гаснущие одно за другим окна. – Я иду к Книге, а ты за этим присмотри. – Маг кивнул на Романда и специально для того добавил. – А ты стой и ничего не трогай!

«Если услышишь колокол, беги! У тебя в кармане две монеты. Сломаешь одну – перенесёшься в Чёрный замок. Предупредишь там всех. Хватай Литу и ломай вторую – попадёшь в другой Мир. В какой – не знаю, поэтому у вас есть шанс спастись!»

Юноша вскинулся, пытаясь как-то возразить, но тесть уже ворвался внутрь Замка Путей.

«Это приказ! Ради Литы! Ради вашего ребёнка!.. Ради себя и меня...»

Романд покорно запустил руку в карман – там действительно лежали две монетки. Золотые. Те, на которых поверх лаврового венка волшебством чеканится профиль действующего императора Гулума... И когда только тесть успел? Неужели знал, что Романд за ним увяжется?

Внутри Замок Путей существенно меньше походил на Чёрный замок, что не удивительно – скопировать внешнюю оболочку легко, а повторять внутреннее устройство – бессмысленно. Особенно, при столь очевидной разнице в размерах. Впрочем, убранство родового замка Керлик специально не изучал – невелика радость растягивать путь к неизбежной плахе и топору палача. Маг целенаправленно и скоро шёл к центральному покою – округлой комнате. Пустой, без мебели и украшений.

В ней, ближе к восточной стороне – там встаёт солнце, но там же сгущается первая тьма – на алтаре-подставке лежала Книга.

Это действительно Книга, прародительница всех книг. Она огромная – в половину человеческого роста, в руку толщиной. Она всегда открыта. На какой странице – не имеет значения, ею пользуются не как простой книгой. Потому что это Книга Мира.

Вопреки устойчивому мнению, читающих Мир много и у каждого есть своя книга, однако лишь у Хронов имеется Книга Мира. Она передаётся из поколения в поколение. Её не отнять и не скопировать. Она уникальна. И только Хроны способны Её правильно читать. Лишь в Замке Путей, где поселилось родовое проклятье.

Мелькали по бокам двери в покои и тёмные ниши, ловили в давящие объятия огромные залы. В шагах трёх-четырёх впереди вспыхивали факелы и затем гасли позади, превращая путь в длинный угрюмый ход-туннель. Без начала и без конца, предназначенный для одиночества, вечный... Как только эта невесёлая мысль сформировалась, маг сразу же уткнулся носом в ещё одни створки. Тоже ворота, также деревянные и с магической эльфийской руной, выполненной по гномьим канонам. Тэль – конец.

– Спасибо, – проворчал Керлик. – Просветили. А то я не понял!

Он небрежно махнул рукой – Тэль исчезла, однако ворота не собирались распахиваться. Более того – на месте предыдущей руны появилась новая. Амарт. Рок, судьба. Керлик молча склонился – свою судьбу, своё предназначение он принимал... А с проклятием ещё поборется!

Простые палочки-составляющие символ перегруппировались, на миг задержались в форме Феа – дух – и осели замысловатым узором поверх старых досок.

Дверь в Центральный покой открывалась вполне традиционным, несколько старомодным способом – руками Керлика.

Голый, грубый, но чистый – здесь сухо – камень стен, не скрытый за красочными гобеленами, не разбавленный прозрачными окнами. Застоявшийся, но вполне пригодный для дыхания воздух. Нерушимая тишина – некому шуметь.

Здесь всегда мрачно. Не темно, а именно мрачно, печально, траурно. Единственным источником света служит волшебная лампа, подвешенная на столбе – точно городской фонарь в зажиточном районе. Тот же и вид, и результат работы: света хватало на алтарь и Книгу, а вокруг сгущалась тьма. В ней всегда чудилось движение – казалось, там кто-то бродит, бесшумно вздыхает, но не осмеливается подойти ближе к светлomu кругу.

Керлик замер на пороге. Страшно.

Интересно.

Трудно сделать шаг.

Тянет войти.

Он маленький мальчик, впервые заглянувший в эту комнату и увидевший работающего отца. Вот такой, со спины, не замечающий сына, Гакал казался спокойным и усталым. Чудилось, что отец обернётся и ласково улыбнётся... Но Керлик знал, что это не так. Могло быть. Наверняка могло быть! Но не было.

Не так...

Маг покачал головой – нет смысла тянуть. Что бы ни случилось – это его судьба... Керлик шагнул к Книге, перевернул страницу – удобней – и всмотрелся в причудливую вязь. Древний человеческий язык.

– Романд, – попросил чародей.

Буквы изменились на современные, родные. Простые, как и сам текст, ими явленный.

Когда трижды змеёныш озарится Светом,

Закроет Врата и склонится пред Тьмой,
Мир раздвоится, не рухнув при этом,
Но сменится Власть – к Чтецам перейдёт,
И жалобный плач жизни начнёт.

Что?! Ерунда какая-то! До сего «откровения» любой мало-мальски образованный гадатель самостоятельно дойдёт и вовсе не требуется Талант читать Мир, чтобы понять – эти слова связаны с Романдом, но не более того. Не обязаны относиться конкретно к нему!

Да, мальчишка трижды змеёныш – третий сын герцога Зелеша. Родовое имя в переводе с древнего означало «змея», причём не какая-то конкретная, а просто змея, вид живности такой. И остальное сходится один к одному: магический дар проявился неожиданно, вдруг и поздно – вполне мог и не открыться. Как раз о таких случаях ещё при существовании Старой Школы говорили «Озариться Силой», но выражение довольно-таки быстро вышло из обихода. «Озарение» случалось разными Стихиями, в том числе и Тьмой, причём в эпоху правления династии Лоххалей последнее происходило всё чаще и чаще. «Озарение Тьмой» звучало несколько глупо и дико, и о термине предпочли забыть или вспоминать пореже.

Врата, чтобы остановить иномирное вторжение, Романд действительно закрывал, но этим занимались многие, а за Ключом ходила целая команда. Керлику были известны расчёты гильдейских магов: работать с Ключом наиболее эффективно мог именно «трижды змеёныш, озарённый Светом», опять же Романд. Потому мальчишку и послали в опасный поход к Орлиным горам, однако из-за желания Мехена переночевать в Чёрном замке произошёл некий казус, после чего Романд Ключ в руки-то взять не имел возможности, что, впрочем, не помешало юнцу действовать через пажа, который, к счастью, девственность в пути потерять не догадался.

«Склонится пред Тьмой» – тоже ясно, правда, пока не до конца понятно, каким образом. Хорошо бы ограничиться здесь женитьбой Романда на чёрной магине. Но пророчества редко настолько просты и прямолинейны.

Про раздвоение Мира ничего определённого – вполне возможно, что имеется в виду рождение двуцветного мага. Это не катастрофа, но её признак. Тогда, кстати, можно объяснить «жалобный плач» всего лишь криком младенца... Но опять же – слишком прямо, чётко. Не бывает так.

И уж, как объяснить «смену Власти»? Если уж Хроны захватят трон Гулума (а это произойдёт лишь в одном случае – Керлика передёрнуло), то Романд никак не может оказаться причиной – дополнительным средством, не более того. Но в мальчишке чувствовался центр, толчок, импульс... Романд был причиной... Так же думали многие и многие. Даже Книга.

Но неужели Она предложит только эти куцые пять строчек, которые уж давно известны!..
– Романд! – потребовал маг.

И в конце строфы вместо окончания-точки появилось многоточие – неопределённость, продолжение. По привычке Керлик перевернул страницу. Новая строфа, опять не малоизвестная, снова многоточие. Взгляд переполз на соседний лист...

Читай – не читай, не плачь, не проси –
Навеки Книга закроет ответы!
Не грей змей на широкой груди –
Погибель Хрону от пасынка Света!

Пасынка? Ну конечно! Ведь он озарённый и «склонившийся перед Тьмой»! Естественно, не сын, а именно пасынок! Причина!!! Пока не поздно, следует убить мальчишку!..

– Правильное решение, достойное великого мага!

Керлик резко обернулся на знакомый до боли и ужаса неоправданных надежд голос. В темноте действительно кто-то бродил и наконец-то дождался, осмелился подойти к границе светового круга. Гакал.

– Отец?

Маленький мальчик застигнут на месте преступления и в страхе ждёт неминуемого и

немилосердного наказания.

Маленький мальчик смотрит на строгого мужчину и отчего-то видит лишь взгляд тёмных глаз в ореоле каштановых волос. Мягкие, чуть вьющиеся локоны ниспадают на плечи, струятся... Такие же были у Жиины.

– Я. Кого ещё ты собирался здесь увидеть? – Голос. Манящий, чарующий голос. Отец великолепно пел, что сын понял даже по заклинаниям, занудным, без мелодии речитативам. – Смотрю, вернулся к Книге. Это правильно, это твоя судьба. И уже принимаешь решения – это тоже правильно, так как тоже судьба. Это право!

– Нет у читающих никаких прав! Кроме оказания помощи Миру!

– Именно, – не стал спорить Гакал. – Иногда помощь Миру означает уничтожение какого-нибудь человека. Тебе ли это не знать?

– Да. Я знаю! – крикнул Керлик. – Но к одной цели ведёт множество путей! И убийство – наихудший! – чародей шагнул к отцу. – Ты внушил мне эту поганую мысль?

– Какую? – подивился тот в ответ. – Про убийство Романда? – Гакал сочувственно покачал головой и недоумённо развёл руками. – Нет, Кер, нет. Это твоё решение. Это ТЫ захотел убить Романда. А я, – он хмыкнул, – даже не знаю, о ком идёт речь.

– О ни в чём не повинном мальчике, которого я люблю! Я не мог без раздумий приговорить его к смерти! Я люблю! Слышишь?!

– Не ори – не глухой. Ну, любишь – и что? Я тоже любил... например, тебя, – Гакал фальшиво, плотоядно улыбнулся, а в его тёмных глазах вдруг возникло перевёрнутое изображение Жиины. Потом исчезло – отец отвернулся и медленно двинулся прочь от сына.

Что-то вспыхнуло внутри Керлика. Бешенство. Ярость. Поглощающая. Непобедимая... Маг бросился вперёд. В руках сам собою появился нож. Керлик не брал с собой оружия – и что с того, значит судьба. Судьба распорядилась, а он, Керлик, всего лишь её орудие. Возмездие... Он всадил нож в незащищённую спину – всё лезвие, по самую рукоять, – но не удовлетворился и крутанул оружие. Чтобы наверняка... А потом перевернул тело – проверить, убедиться. Гакал всё ещё жил.

– Добро пожаловать домой, сынок! – прошептали белые, без кровинки губы и... тело исчезло.

Замок Путей содрогнулся, когда ударил колокол.

Хрон вернулся.

* * *

Романд честно стоял там, где его оставил тесть, но долго это продолжаться не могло. Пытаясь заняться чем-нибудь не предвещающим опасности, юноша поднял голову.

Громада Замка Путей подавляла. Издали он прекрасен и величав, вблизи вызывал одно желание – убежать, оказаться как можно дальше. И только оттуда, издали, – пугливо созерцать. Чудилось, замок вот-вот обрушится и подомнёт под себя нежданного гостя, белого мага в обители чёрного.

Наверное, во всём виновата ночь и отсутствие освещения – например, Императорский дворец в Главели с любого расстояния похож на кружевную фату невесты. Дунь лёгкий ветерок – и улетит.

Определив причину неудобства, следует искать способ избавления от оногo. Очень просто! Особенно для мага! И уж тем более – белого! Романд, однако, был благоразумным мальчиком и понимал: не стоит тащить огромную пантеру за хвост, поэтому в самый последний момент юноша заменил составляющую Света на стихию Огня. В результате получился замечательнейший язычок пламени, правда, несколько непривычного солнечного оттенка, но никто странностей не заметил. Вроде бы.

При наличии источника света замок отнюдь не прибавил привлекательности – теперь на фасаде плясали зловещие тени. Романд от греха подальше сделал парочку шагов назад и посмотрел по сторонам. Надо признать, внутренний дворик перед парадным входом можно было назвать разве что проходной площадкой или вовсе порожек – двор в малютке Чёрном замке и тот оказался больше.

– Э-э? – юноша вопросительно глянул на старичка-«менестреля».

– Голик, господин, – чуть заметно кивнул тот.

– Это твоё имя? – удивился Романд. Он испытывал какую-то неловкость в присутствии старика. Может быть, разучился говорить прислуге, которая много-много старше его, «ты»? Или что-то ещё?

– Да, господин? Что вам угодно?

– Скажи, Голик, здесь, кроме этого... двора, есть ещё что-нибудь?

– Господин имеет в виду сад? – уточнил старик.

– Да. Что-то вроде этого, – согласился Романд.

– Если господин посветит в стороны, то увидит две арки, – юноша сделал, как предложили. Действительно, в боковых внутренних стенах зияли два дугообразных прохода, чуть поменьше, чем входной. Их увивал вечнозелёный плющ. Из левого весело торчали маленькие розочки. Сейчас они спали, крепко сцепив нежные лепестки. – Там Парковый Лабиринт, а справа от вас, господин, Сад Спокойствия.

Романда откровенно влекло к розам. Он их обожал, о чём, кстати, отлично знал Феллон, который даже не насмехался над младшим братом, чтобы никто не выведал тайну семейного позора. Но юноша решил, что нуждается в успокоении, – молодого чародея бесконечно тревожило то, что прикосновение к силе, использование магии, своего естества, ограничено чьим-то мимолётным капризом-разрешением. Да, творить заклинания было легко, но само знание о возможности запрета нервировало. Сад Спокойствия наверняка получил имя по своему предназначению – скорее всего там медитировали.

– Голик, ты можешь заниматься своими делами. Ты свободен, – Романд заметил, что вслед за ним двинулся и старичок.

– Хозяин приказал присмотреть за вами. Что я и делаю.

Хозяин. Юноша внутренне содрогнулся, но промолчал. Порядки. В чужое Уединение-от-Мира со своими правилами не стучатся. Романд вздохнул и двинулся прочь от роз, в правую арку.

Открывшееся глазам никак не входило в представление юного чародея о садах и местах для медитации. Сразу же за зелёным ходом-туннелем начиналось поле. Огромный ковёр, покрытый короткой, не дотягивающей даже до щиколотки, изумрудной травой. Чем же её стригли? Романд был урождённым герцогским сыном, но в газонах кое-что смыслил – такой идеальной ровности простой косой не добьёшься.

Впрочем, не это удивило юношу – мало ли, не часто он на травку в дворцовых парках смотрел и за модой не следил. По всей площади «сада» вместо деревьев «росли» скульптуры из какого-то белого, светящегося в темноте материала. Фосфорный мрамор? Романд слышал о таком из детских сказок.

– Осторожней, господин. Не прикасайтесь к ним.

– Почему? – подивился юноша.

– Это для вас опасно – до тех пор, пока не станете хозяином.

– Хм, – поперхнулся Романд. – Я никогда не стану хозяином. Что это?

Скульптуры были большими, их явно делал великолепный мастер, который с любовью работает над каждой деталькой, чёрточкой. Такой не забудет ни про морщинку у глаза, ни складочку в чуть помявшейся одежде. Ничего не оставит без внимания. Но что-то случилось – то ли ваятель успел сделать лишь заготовку, то ли после окончания работы фигуры трансформировались из-за свойств материала. Все они казались оплывшими, словно свечи после воздействия огня.

– Маги.

– Что? – нахмурился Романд. – Какие маги?

– Будто вы не знаете, господин! – едко ответил Голик. И тут юноша понял, отчего ему так неудобно рядом со стариком. Источаемая им ненависть натурально валила с ног.

– Почему? Что я тебе сделал?!

– Почему? – он сплюнул. – Мне нечего терять – я один и никем не любим, поэтому выскажусь. Вы все одинаковые! Вы смотрите на Мир невинными, наивными глазами. Вы обещаете покинуть Замок Путей навсегда... и всегда возвращаетесь! Чтобы очередной Хрон вступил во владение душами и телами людскими!..

Романд не успел возразить на обвинение, а старик продолжить оное – Замок Путей

вздрогнул. Низкий, гудящий звон. Он проник в тело, сковал разум. Колокол.

Опасность!

– Хрон! – закончил Голик. – Пожаловал домой! Готовься!

– Что? – охнул юноша и непроизвольно дёрнулся.

Ноги не держали, а руки желали остановить падение. Романд взмахнул правой, словно птица раненым крылом, и наткнулся на ближайшую скульптуру, ту, которую рассматривал. Точнее – должен был наткнуться, но ладонь вместе с мерцающим над ней язычком пламени-света провалилась прямо внутрь фигуры. Та вдруг засияла с новой силой.

Свет. Чистый настоящий Свет.

– Маги? – догадался Романд.

Язычок рванулся ввысь, превращаясь из маленького огонька в столп пламени. Будто понимая, что для столь грандиозного явления необходима дополнительная подпитка, статуя влилась в магический огонь и... Тот резко опал прямо в раскрытую ладонь. Романд закричал от дикой боли. В него возвращалась сила, своя и чужая, обе уже использованные и преобразованные, потому не нужные ни одному из источников, в том числе и магу, Романду.

Не удержать!

Не выдержать!

Больно! Страшно!

Оставь!!

Прочь!!!

Романд видел себя со стороны. Видел, как упал на колени. Как прогнулся, раскидывая руки, заваливаясь на спину. Из напряжённой, готовой лопнуть груди рванул к небесам Свет. Яркий. Ослепительный. Нестерпимый! Наверное, потому столп вдруг взорвался посередине и смёл остальные статуи из «сада».

Юноша обмяк. Замок Путей содрогнулся от основания до шпиля на самой верхней башне, взмыл в воздух и на миг застыл, готовый упасть и рассыпаться... Но удержался и осторожно вернулся на прежнее место, такой же незыблемый и монументальный, как прежде.

Теперь поле и впрямь было всего лишь полем. Его покрывала всё та же изумрудная трава. И то тут, то там, словно круги на крыльях небесной коровки, «красовались» чёрные выжженные проплешины – всё, что осталось от скульптур.

По вискам тёк пот, хотелось пить и распластаться на прохладной земле, забывшись глубоким сном, – слишком много сил потребовал от Романда неожиданный выброс. Собственно, он забрал все силы. И всё-таки чародей сумел поднять взор. Рядом стоял Керлик.

«Глупец. Маленький идиот. Зачем ты играл с огнём? Почему не сломал монетки? Предатель!» Из глаз юноши хлынули слёзы, и он не сразу заметил, что тесть тоже плачет и несколько того не скрывает.

– Зо?

Керлик опустил рядом и обнял зятя. Крепко-крепко.

– Спасибо, Романд! – маг отстранился и по-отечески поцеловал юношу в лоб. – И, пожалуйста, не говори, что случайно.

– Но я же случайно, Зо, – хлюпнул носом Романд. – Что произошло?

– Ты мне замок чуть не развалил, – через силу фыркнул Керлик, поднялся, потащил за собой зятя. – Говорил же тебе: стой на месте!.. Хорошо, что ты не послушался! Благодарю тебя!

...Ударил колокол. Набат, возвешение об опасности. Но Керлик ещё не осознал случившегося. Он тупо пялился на пустые ладони, на место, где только что лежало тело. Всё так и было. Керлик подло, предательски убил отца – иначе не справился бы, а тот расхохотался и на последнем издыхании не преминул объяснить дорогому сыну и наследнику произошедшее.

Новый Хрон пришёл к власти! Никакой жалости, никакой любви! Только ненависть к Миру, что сам ненавидит своих детей. Теперь следует отомстить за те взгляды, какими слуги вознаграждали его, наследника. Господина. Хозяина Хрона!

Керлик гордо выпрямился и шагнул было вперёд к новой жизни, предназначению, судьбе... когда пол явственно закачало. Маг упал – по телу, как и по родному дому,

прокатилась волна колющей боли. В Замке Путей царило тёмное чародейство, но кто-то наглый до глупости и глупый до наглости воспользовался светлым. Чуждым здесь, опасным. Убийственным!

Боль заполнила каждую клеточку, каждую малую часть беззащитного тела, а замок не помогал, не спасал, сам разрушаемый, не в силах противостоять чужому напору. Кто-то ударил по корням, обрезая связь ростка-чародея с землёй-источником. Обессиливал. Уничтожал.

И вдруг всё резко закончилось. Связь с корнями не исчезла, даже не истончилась. Керлик по-прежнему ощущал себя всемогущим и всемогущим в родных владениях, но что-то неуловимо изменилось. В силе, исходящей от источника чувствовалась... чистота, проясняющая сознание, заставляющая думать. И вспоминать.

Да, четырнадцатилетний Керлик в отчаянье, в горе от потери любимой сестры без расчётов, без предварительных планов просто подошёл к отцу и ударил в спину. Подло, но не жестоко – правда, убить сразу не смог. Никто не учил его убивать. Отец успел заговорить, и ненависть схлынула, оставив лишь жалость и даже вину.

– Спасибо, сынок, – с трудом прошептали бескровные губы. И вина пропала – его простили, поблагодарили. – Ты прав – так надо. Только не делай так больше, ладно?.. И... Когда-нибудь ты вернёшься к Книге – в первый раз прочти лишь одну страницу... Это время... Время!.. Прощай, никогда не вернусь. Запомни это.

Он предупреждал сына! Искренне, от всего сердца! Чтобы тот не повторил отцовской ошибки. А сын всё забыл, но, к счастью, обзавёлся замечательнейшим зятем – кто же ещё осмелился бы такое учинить? Кто же ещё, кроме Романда, может сотворить пакость – в обители чёрного со всей дури ударить неизвестно куда и зачем белой магией?

Керлик снова прижал к себе мальчишку. Молодец Лита, молодец девочка! Ты умеешь выбирать!

– Господин! Что произошло? – осмелился Голик.

– Проклятие рода Хрон исчезло, – просто ответил чародей.

– Но как? – поразился старичок. Романд отстранился и тоже заинтересованно посмотрел на тестя.

– Просто, как и всё сложное, – улыбнулся Керлик. – В Замке Путей находились две привязки корней: одна – семейный источник рода Хронов, а вторая – подпитка родового проклятия. Вот это чудо, – чародей кивнул в сторону зятя, – сумело уничтожить второй источник. Я даже догадываюсь, каким образом.

– Проклинал белый маг! – сообразил Романд. – Значит, в основе заклатья (а проклятье – ведь тоже заклатье, да?) белые заклинания, и все последующие поколения Хронов просто не могли увидеть чары! И эти скульптуры-маги...

– Их сила, – уточнил Керлик. – Это не сами чародеи, а их сила – чистый, первозданный Свет. Мы сами, уничтожая на протяжении веков белых магов, лишь укрепляли проклятие, полагая, что используем в целом враждебную нам силу на своё же благо. На деле, мы подпитывали источник Ненависти. Он увеличивался и вместе с тем росли наши возможности.

– А что же сделал я? – Романд недоумённо хлопнул глазами, зачем-то обернулся к Голику, но тот вряд ли что-либо и сам понимал.

– Ты сотворил какое-то заклатье, требующее постоянного вливания силы. Ближайшая и родственная к тебе какая? Правильно – Свет. А вокруг его да задарма – вот ты всё себе и забрал, ничего не оставив Ненависти. Жадный.

– Но это не означает, что я уничтожил проклятие! – возразил юноша. – Всего лишь хапнул силу, а само заклатье как было, так и осталось.

– Конечно. Но ты дал мне время – необходимое и с толком использованное. Спасибо, дитя!

– Да случайно я!

– Верно, – Керлик расхохотался в голос. От искреннего восторга он запрокинул голову к небесам. – А ещё ты случайно за мной увязался. Случайно не послушался и устроил себе экскурсию. Случайно сотворил белую магию, случайно же замаскировав её под обыкновенную стихийную – ни я, ни замок, ни проклятие не обратили на тебя внимания. Подозреваю, ты и себя убедил, что это обычный Огонь. Случайно! – чародей всмотрелся в зятя. – Ну и что?!

Случайно, специально, какая разница, если ты хотел этого, рад произошедшему? Ты спас мне жизнь и душу! И не только мне! Поэтому спасибо! От всего сердца, спасибо!

Романд покраснел, потупился – не привык он к похвалам.

– Господин? – позвал Голик.

– Да?

– Он же использовал белую магию?

– Именно, – Керлик в недоумении обратился к старику, Романд последовал примеру тестя.

– Но... то есть, он – белый маг?

– Белее не бывает, – согласился чародей.

– Но как же так? Вы отец белого мага?!

– Я?!

– Он?! – Романд с воплем отскочил от тестя. – С ума сошёл?! Это я, – юноша стукнул себя кулаком в грудь. – Это я отец его внука!

Керлик от стыда за выходку зятя прикрыл лицо рукой и удрученно покачал головой.

– Как так?

– Просто, – хмыкнул старший чародей. – Ты наверняка человек семейный и знаешь, как это бывает. То дочурка твоя пешком под стол ходит да интересуется, что это за штучка у тебя между ног болтается и почему такой штучки нет у неё. То отвернёшься на миг, а она уже в подоле «подарок» принесла.

– Она у тебя спрашивала? – скривился багровый Романд.

– Ну, бабы в замке селиться начали недавно, – отчего-то принялся оправдываться Керлик. – И у кого ей данным вопросом интересоваться, как не у отца?.. Впрочем, по первой она спрашивала у стражников и Марго, затерроризировала бедных, пока те не догадались ко мне любознательное дитё отослать. А я что? Они, между прочим, могли бы под деревьями да кустами не пристраиваться. Да и в уборную дверь не плохо бы закрывать!.. И вообще, когда у самого дочь появится, посмотрим, как ты запоёшь!

Невольного свидетеля инцидента да и его участников вдруг неожиданно скрутило от хохота – только спасали души и Мир, а теперь за перебранку и выяснение личных отношений принялись...

* * *

Романд уронил меч, что не удивительно – размахивать оглоблей, словно мельницей себя воображать, и висеть на канате. Трудно не уронить. Зато как метко получилось! Рукояткой и Марго по лбу.

– Бзо! Поганец! Уродский кролик! – взревел капитан, выдёргивая Керлика из воспоминаний. – Живо слезай!!!

Теперь юноша уронил и себя, причём с тем же результатом – опять пострадала голова стражника.

– Ах ты, сучий потрох! Трижды змеёныш!! Поди сюда!!!

Романд правильно расценил состояние наставника и сиганул прочь, Марго за ним. Керлик не вмешивался – ничего плохого юнцу не будет, а ругался капитан всегда изошрённо и не для детских ушей, да Лита с зятьком уж давно всё слышали и знали.

Трижды змеёныш... В первый раз всё казалось простым, несложно объяснялось. Трижды змеёныш – третий сын герцога Зелеша. Но даже тогда Керлика не покидало ощущение неправильности, не стыковались части. И явная нелюбовь Имлунда к младшему ребёнку, и отказ в материнском имени, желание отправить дитя в Уединение, фактически лишая мальчишку возможности завести собственных детей. Будто герцог отлично ведал о Пророчестве или... В «или» Керлик убедился довольно-таки быстро.

Романд после памятного хождения в Замок Путей и ознакомления с его озером Грёз решительно взялся за изучение иллюзий, мороков и прочих галлюцинаций. Главным источником миражей служит мозг, на мозг же чары и воздействуют – страхи, желания, воспоминания. Юноша воссоздал портрет матери...

Конечно, дети часто не похожи на обоих родителей, однако здесь различие было особенно ярким – Романд, хоть кое-какие черты унаследовал от матери, в целом пошёл в отца, но не в Имлунда Зелеша. Теперь поведение герцога объяснялось однозначно: раз дал родиться, то уж

изволь вырастить и воспитать, однако речь об имени матери просто не могла зайти. Если бы Романд стал Лиххилем, то Имлунду скрыть позор не удалось бы.

Однако такое положение дел отрицало Пророчество. Романд – не трижды змеёныш, но совпадения-то никуда не делись. Снова вопросы.

– Марго, оставь это сокровище! Пойдём, ты мне нужен в делах! – Керлик встал. Зять определённо поправился, умирать не собирался, так что без пригляда обойдётся, а работы много. – Романд, отрабатывай удары самостоятельно! Лита приглядишь за муженьком?

– Нет, – устало улыбнулась дочь. – Мне что-то не по себе – пойду полежу.

– Иди. Романд, ничего с твоей женой не случилось – дай Лите отдохнуть. На ней висит моё Око Охранения, – пояснил маг. И на тебе тоже – добавил мысленно.

Семейство Хрон разбрелось – у каждого имелись свои дела.

Счета, счета, счета, счета. Вот, чем приходится заниматься уважаемым грозным чародеям и иногда капитанам стражников.

– Эх, надо бы завести профессионального казначея, – посетовал Керлик, отодвигая стопку дорогой бумаги. Он и Марго расположились в кабинете. Тихо и думается хорошо. – До обеда, наверное, не успеем.

– Тогда, можно, я пойду, господин?

– Предатель...

– Нет, господин, я как твой стражник, должен иметь крепкую нервную систему – это великим магам можно быть сумасшедшими! – возразил Марго. – А разбор счетов ведёт лишь к психическим расстройствам!

– Благодарю, – хмыкнул Керлик. – Ладно, вали отсюда... Хотя нет, постой! Скажи-ка мне, друг, почему ты обозвал Романд трижды змеёнышем?

– В сердцах. Ты только ему не говори, – потупился стражник. – Обидится же! А обиженный маг и герцогский сынок...

– Что это такое? – нахмурился чародей.

– Буквальный перевод с драконьего ругательства «Ши-ш-шу».

– Да, я что-то подобное слышал от Си-х-Ха. Что это означает?

– Бастард. Точнее – ублюдок... В общем...

– Незаконнорождённый, – закончил Керлик и устало откинулся на спинку кресла.

Пророчество выкручивается. Пророчество не собирается рассыпаться... На этом «жизнеутверждающем» выводе раздался грохот. Снова кто-то стоял за входными воротами и стремился попасть в Чёрный замок.

Чародей по уже сложившейся традиции встал и отправился вниз, однако, наученный горьким опытом, открывать не собирался. Но в замке обитало несколько поколений. Как только старшее поумнело, младшее принялось совершать те же ошибки. Керлик только выполз во внутренний двор, а Романд и Лита уже радушно распахнули входную калитку. И как успели-то опередить? Один еле тащится после вчерашнего и сегодняшних тренировок, другая с трудом ходит!..

На пороге высилась фигура в серебристом плаще. Лицо гостя скрывал глубокий капюшон. У ног незнакомца пристроилась чёрная тень – пантера спасителей Мира и папочка Белобрыскиных деточек.

* * *

За покрытым чёрным бархатом столом сидел мужчина и раскладывал карты.

Хороший стол, удобный, большой. На нём расположились в ряд изящные хрустальные чернильницы-непроливайки – по парам или по тройкам в композиции, в них чёрные и красные, имелись даже дорогие синие чернила. По краям столешницы, в специальных лотках лежали пергаментные свитки и листы бумаги, как исписанные, так и девственно чистые. Особнячком пристроились три толстые книги, обитые кожей, на замках, и резной ларец орехового дерева, видимо для важных и, возможно, секретных документов.

Слева, несколько смазывая впечатление о строгости и деловой серьёзности хозяина, на столе высилась волшебная лампа – обнажённая дева, шествующая по крупным камням. Они стискивали, душили маленький, звенящий ручеёк, а дева, подняв высоко над головою фонарик,

с таинственной улыбкой всматривалась в исчезающую в неравной борьбе с валунами воду. Красивая беломраморная статуэтка смотрелась на столе неуместно, безвкусно, как и чёрный бархат, однако хозяин не убирал её из личных соображений. Впрочем, по прямому назначению – светить, когда темно, – он её тоже не использовал. Не любил хозяин волшебной дребедени и по вечерам предпочитал зажигать качественные восковые свечи.

Хозяину довольно-таки часто приходилось работать с наступлением темноты – за минувший день ему редко удавалось выполнить задуманное и, более того, нужное.

– А ведь многие почитают меня за бездельника и прожигателя жизни, – вздохнул хозяин, выкладывая на очищенный от бумаг и писчих принадлежностей центр стола очередную карту размером со свою ладонь. – Хотя нет, я не прав – таких всё меньше и меньше. Верно, Жесть?

Он посмотрел на пантеру, лежащую на подоконнике настезь распахнутого, несмотря на лютую зиму, окна. Та раздражённо шлёпнула себя хвостом по лоснящемуся боку – сердится. Мало погуляли и с любимчиком своим, Романдом, Жесть не пообщался.

– Что поделать, Жесть. Что поделать... – хозяин тряхнул головой – чёрные волосы встали на миг дыбом и осели в идеальную причёску.

Человек за столом, что бы ни случилось, выглядел ухоженным и красивым. Даже тогда, когда на его глазах убили отца и чуть было не надругались над сестрой, когда он знал, что то же ожидает и его, он светился великолепием. Его так воспитали, он не умел иначе... хотя одновременно не умел многое и многое, необходимое для банального выживания... Тогда, не сейчас.

Человек выложил карты крестом, рубашками вверх – Игральный крестовик.

– Ну, судьба! Что там у тебя на уме? – хозяин перевернул северную карту.

Он ни в коем случае не являлся чародеем или гадалцем, но людские пасьянсы получались у человека отменно. Вероятность исполнения велика, причем, по картам многое не предскажешь: встреча-разлука, деньги-разорение, иной раз любовь... Так, всякая мелочь, ерунда, но в делах помогает.

Оруженосец Меча. Слабая Атака. Несколько неожиданно, учитывая, на кого и что гадал человек. Впрочем, в Игральном крестовике обычно сама карта (её масть и достоинство) ничего не значила – предсказание велось по сочетаниям.

– Посмотрим на южную, – хмыкнул хозяин. Паладин Копья. Серьёзная опасность. – Э-ге, это уже тенденция! Не хватало для полной картины Щита.

Будто выполняя просьбу, западная карта оказалась Паладином Щита, однако восточная выбилась за рамки Рыцарских мастей, явив взору Магистра Посоха. Человек покачал головой.

– В таком сочетании? Надо запомнить, – он протянул руку к центру. – Ну, в этой мы не сомневаемся, правда, Жесть? – Пантера в ответ демонстративно зевнула, сверкнув острейшими клыками. Кроме Пустышки, Чёрной карты, ни человек, ни животное ничего не ожидали – так оно и было. – Что же, пора кидать трёшку сверху.

Мастер Пульсара, Принцесса Дерева и Трус.

– Вторая из когорты Чёрной карты! – воскликнул человек и резко осёкся. Жесть чихал и недовольно тёр лапой чувствительный нос. – Кто здесь?

Человек не ощущал чужого присутствия – в кабинете не изменились запахи, звуки, чистота воздуха. Не сигналили магические и храмовые амулеты, не беспокоилась пантера – только чихала. Но человек твёрдо знал, что рядом кто-то есть, и этот кто-то выдал себя случайно.

На хозяина часто покушались, и он научился оберегать свою жизнь, для чего следовало обращать внимание на любые мелочи и странности. Жесть от природы обладал слабым нюхом, но во младенчестве был подвергнут волшебному воздействию – сейчас кто-то, осведомлённый об этой особенности большой кошки, забил пантере нос.

– Выходи! – хозяин умел повелевать. Кто? Свой – раз прошёл через надёжную и грозную, особенно сейчас, охрану. Но кто?

– Хорошо, – перед столом образовалась тень. Человек, закутанный с ног до головы в чёрный плащ, лицо скрывают глубокий капюшон и полотняная маска ассасинов. Гость идеально подходил к обстановке кабинета, но бледнолицый хозяин был плоть от плоти этого помещения и его творцом. – Я не намереваюсь причинять вам вред.

– Зачем пожаловал? – хозяин не проявлял вежливости. Если его не собираются убивать (на что похоже), то велика вероятность шантажа. Хозяин был искушённым человеком. Впрочем, и он ошибался. И часто. В последнее время – слишком часто.

– О! У Вас многообещающее свидание на носу! – вместо ответа радостно воскликнул гость, указывая на красующуюся в центре стола Принцессу Дерева.

– Нет, в сочетании с Трусом и Мастером Пульсара она всего лишь особо неприятная встреча, – едко возразил хозяин.

– Понятно, – кивнул гость. – К делу – так к делу. А касается оно Романда... Только не говорите, что не знаете такого! Глупо! Его вся империя знает! И пока ещё помнит.

– И что Романд? – спокойствие нелегко далось хозяину – он слишком быстро сообразил, о чём пойдёт речь.

– Вы хороший актёр, – чувствовалось, что гость улыбается, – но вам это положено. И так, Романд ваш сын. И не надо дёргаться – здесь вы не отоврётесь! Вы на одно лицо! Не ведаю, чем вы воспользовались – скорее всего, обыкновенным локальным затуманиваем, наложенным прямо на Романда при рождении профессиональным маскировщиком, – но эти чары легко разрушить. Достаточно объявить Миру о вашем родстве. Верно ведь?

– Объявляй.

– Нет, я не дурак.

– Неужели?

– Мне тоже показалось это удивительным, – согласился, ничуть не обидевшись, гость. – Если весь Мир узнает, что вы отец Романда, то будет масса неприятностей... Однако, ситуация изменится к худшему, если об этом прискорбном факте проведают сначала лишь Феллон Зелеш. Или Имлунд. Его может и удар хватить, что вряд ли – герцог крепкий человек, а вот всепрощение не его конёк.

– Чего ты хочешь? – сдался хозяин, усталым взглядом окидывая кабинет, уютный и печальный, всегда напоминающий о смерти родителей и о первой... единственной любви. Почему Мир столь неудачно устроен? И зачем делать его ещё хуже?

– Всего лишь обещания... вашего обещания выполнить мою просьбу. Одну.

– Какую?

– Этого я не могу вам сказать до того момента, как вы пообещаете её выполнить.

– Но как я, по-твоему, могу пообещать то, о чём не имею ни малейшего понятия?! – возмутился хозяин.

– Это условие нашего мирного сосуществования и безмятежного жития Романда и вас, – Маска дёрнулась – гость снова снисходительно улыбался. – Я понимаю, неизвестность и неопределённость – это тяжело, на них трудно решиться, поэтому даю на размышления три дня. Не пытайтесь меня найти и остановить... Ах да, – гость уж было двинулся к выходу, но на полдороге остановился и обернулся. – Это вам для того, чтобы Мир раньше времени не узнал о вашем внезапном и неожиданном отцовстве.

Для разнообразия несколько оберегов предупреждающе (впрочем, снова запоздало) вспыхнули, звякнул бубенчик Шута.

– Ничего страшного, всего лишь слабенькая Печать – продержится три дня, – пояснил шантажист.

– Без тебя понял, – хмыкнул хозяин. – Хочешь, я на тебя погадаю?

– Нет.

– Дело твоё, – пожал плечами человек за столом. – Но я это уже сделал. – Хозяин бросил карту, которую на протяжении неприятного разговора вертел в руках. Поверх Принцессы Дерева легла Шлюха. – Тебе тоже неопределённость в напутствие!

– Спасибо. Но это ваша неопределённость.

– Вряд ли, – возразил хозяин. – И... Я не накладывал на Романда чары затуманивания. Это сделал кто-то другой, не известный мне. Подумай, может, не стоит идти против него?

– Обязательно подумаю. А вы размышляйте над моим предложением. До встречи.

Нежеланный гость ушёл, а хозяин открыл последнюю карту. Магиня Дома. Странно – спокойствие, любовь... Он рассчитывал на Смерть. Чью?

* * *

Имлунд Зелеш стоял на пыльном чердаке у голубиноного окошка и смотрел в небо над Главелью. От ночной метели не осталось и следа – небо сияло морозной чистотой середины Просинца, не иначе маги с погодой перемудрили. Ни облачка, ни солнца не видать, а светлее, чем днём. Значит, вечером носа на улицу не высунешь.

– Не больно-то и хотелось, – буркнул в пустоту герцог.

Чего он действительно желал, так это вернуться домой, в родовой замок, и жить себе, спокойно поживать и обычными поместными делами заниматься. Вершить господский суд, обучать воинов, за казной следить. Одним своим присутствием девок на выданье пугать, а их женихов злить – право первой ночи не отменено. Впрочем, Имлунд им никогда не интересовался. Жизнь.

Женщины, женщины... Они такие хрупкие...

И одного щенка никак пленить не могут! Не из блажи Имлунд безвылазно торчал в столице более полугода, с самого триумфального возвращения Романда. Дела-дела да всё государственные. И одно из них – наследник короны, а, следовательно, брак. Накануне вечером Имлунд поставил перед императором вопрос ребром – мол, пора и точка. А этот поганец! Мальчишка!..

– ...Вы, герцог, прекрасно знаете, что я не женюсь.

– Эфа!!

Мало кто осмеливался обращаться к императору по имени, и уж только Имлунд имел право повышать на монарха голос. Каких усилий герцогу стоило просто-напросто не выпороть мальчишку! Может, зря? Может, тогда образумился бы?

– Я не женюсь, у меня не будет детей. У сестры моей тоже... – император всмотрелся в наставника и спасителя ясными глазами с едва уловимой золотой искоркой в глубине. – Но я прекрасно понимаю, что без официального наследника трон ни в коем случае оставлять нельзя. Это преступление с моей стороны! Поэтому... – он запнулся, но взгляд не отвёл. – Поэтому в Праздник Весны я объявлю о смене династии. Вы, герцог, и ваши сыновья – будущие императоры Гулума!

– Что?!

– На Праздник Весны в Главели соберутся все представители главных семейств империи, придут послы от соседей, обещались навестить даже монархи! Да и простого люда прибежит немало – хорошее место и отличное время для важного сообщения, не находите, герцог?..

Имлунда подмывало взвыть: «Моим мнением поинтересоваться не желаешь, мальчишка?! Хотя бы формально...» Но он сдержался – зачем? Вы заслужили, герцог! Это ваше законное право!.. От судьбы не уйдёшь, не спрячешься.

– Отец, завтрак подан, – Феллон подошёл тихо и незаметно, но Имлунда не обхитрил. Опыт.

– Тебе известно, откуда эти строчки? – не оборачиваясь, спросил у сына герцог.

Звения, сойдётся серебро:

Из двух – одно,

Случайно, роком и судьбою

Разрушит Мира все устои.

Смещает верх, смещает низ

Дитя всевластного каприз.

Убей... Не сможешь...

– Неудачная вирша от уличных бродяг, – пожал плечами Феллон.

– Дурак ты! Третий десяток зим уж давно разменял, а всё ума не нажил! Вирши уличных бродяг на редкость удачными выходят, потому и популярны в простом народе, а высокородными не любимы, – Имлунд обернулся и, вдоволь налюбовавшись глупым выражением на сыновнем лице (Ох! А с тобой что мне делать?), вздохнул. – Пойдём, нас ждут.

«Эти слова из книги, которую ЧИТАЮТ, сын...»

* * *

Романд и Лита с интересом, даже пристально рассматривали незнакомца – ничего, что проясняло бы личность гостя, углядеть они не смогли, но упорно и молчаливо таращились и добились-таки определённого результата. Ошеломлённый «душевым» приёмом пришелец дёрнулся всем телом и медленно протянул руки к капюшону, откинул тот на спину, являя на свет роскошную, чуточку взъерошенную гриву чёрных волос и бледное лицо. Бледное, нездоровое, с впалыми щеками и, пожалуй, худое. Не узкое, а именно худое и даже хрупкое.

– Приветствую хозяев дома, – вежливо поклонился гость. – Могу ли я войти?

Лита флегматично пожала плечами – ничего любопытного в черноволосом она не заметила, кроме, быть может, того, что при прочих равных приняла бы его за очередную иллюзию от обожаемого, но несколько странноватого муженька. Зато Романд светился каким-то узнаванием и... ехидством.

– О-па! Император! – возбуждённо воскликнул он и подмигнул жене. – А что его величеству императору всея Гулума понадобилось в доме... этого... как его?... О! Великого мага и читающего Мир Керлика Молниеносного, урождённого Хрона?

– Я полагаю, поговорить с «этим как его»! – раздался позади донельзя сердитый голос упомянутого чародея.

– Вы абсолютно правы, читающий, – император улыбнулся, и его лицо тотчас как-то неуловимо потеплело, обрело жизнь. – Так, мне можно войти?

– Конечно. Но без кошки.

Предупреждение оказалось лишним – почуяв приближение Керлика (в особенности, его настроение), пантера позорно сбежала прочь от хозяина и спряталась за ближайшим валуном. Теперь из-за серебрящегося зеркальным льдом камня торчала любопытная хитрая морда – мол, я тут ни при чём. Вы, конечно, мне не рады, но я просто мимо проходил. А как там, кстати, Белобрыська?

– Проходите, ваше величество, – чародей тоже улыбнулся, однако добрей и гостеприимней выглядеть не стал. Впрочем, императора это несколько не испугало. – А тебе, Романд, должно быть стыдно!

– За что? – изумился зятьёк. Доченька поддержала мужа недоумённым взглядом.

– Идите-ка вы оба на кухню и поторопите их с обедом! У нас как-никак монаршая особа остановилась.

– Но...

– Быстро, Романд! – рявкнул Керлик. – Лилийта! Тебе отдельное приглашение требуется?

Молодожёны, насколько позволяло физическое состояние обоих, унеслись прочь. Наблюдавший за всем этим безобразием, Чёрный замок отчётливо понял, что ничего хорошего из встречи и предстоящего разговора императора с хозяином не выйдет. Впрочем, веселье и разнообразие уже несколько приевшейся спокойной жизни обеспечено.

Чёрный замок подло стяхнул с белых стен утренний снежок прямо на голову крадущейся пантере.

Глава 8 Тайны, или Быстрые дела

– Что они делают? – император, тяжело опираясь на высокий подоконник, с детским любопытством вглядывался куда-то вниз, во внутренний сад Чёрного замка.

Укрытые нежной пелериной из пушистого снега, не тронутого ни птицами, ни садовником, ни даже ветром, деревья выглядели довольными жизнью молодыми жёнами, что с нескрываемым удовольствием следили за своими шаловливыми чадами. Вдалеке, ближе к сияющим стенам, где сад переходил в парк, меж двух маленьких ёлочек, красовался немалых размеров сугроб, в котором при определённой фантазии ещё угадывались очертания «мощной» крепости. Природа продолжительными снегопадами сумела взять её штурмом, и теперь на развалинах «цитадели» танцевал враг. Точнее – прыгал белый комочек, который, судя по живости и траекториям полёта, был несколько теплее материала крепости.

Ближе к окну, под кривобокой, но раскидистой вишней... Император не то чтобы разбирался в деревьях, особенно зимой, однако на этом, словно табличка висела с рисунком для неграмотных и с выведенными размашистым почерком рунами для подслеповатых, – «Вишня». Как вон то – яблоня, те низкорослые кустики – чёрная смородина, а эта группка – груши. Причём не простые груши: император лишь раз такие пробовал – сладкие, сочные и формой от обычного яблока не отличишь. Выдаёт плод желтоватая кожица с чёрным крапом... Под вишней расположилась неугомонная парочка – Лилийта Хрон и Романд.

Юноша, молитвенно сложив руки на груди, толкал определённо прочувствованную речь. Его жёнушка вполне натурально скорбела – грустно (по внешнему виду) вздыхала, качала головой и прикладывала кружевной платочек к глазам. Почему-то император не сомневался, что к сухим.

– Кажется, они похоронили меч Романда, – хмыкнул Керлик, наблюдавший странную картину из-за плеча гостя. – И теперь сотрясают воздух. Ты был нам другом, мы тебя никогда не забудем... И далее в том же духе да на прежний мотив.

– Романд уже успел сломать свой меч? – поразился император. – По моим данным у мальчишки только вчера появилось мужское оружие.

– А по моим данным оно у него вполне целое, – уверил гостя хозяин, не показывая, насколько словосочетание «мужское оружие» его покорило.

– Но?..

– Вот сейчас мы и устроим воскрешение «дорогого друга». Наверняка мальчик обрадуется...

Холмик под ногами Романда вдруг взорвался фонтаном снега и грязи, и перед поражёнными зрителями прямо из земли вылез-вырос серебряный меч, взлетел в воздух, покрутился, словно красуясь. Солнце играло на чистом клинке, не давая повода усомниться, что меч цел, остёр и готов к работе. Однако ни радости, ни убеждённости и уж тем более фанатичного восторга лицо Романда не отразило.

Мальчишка ухватился за рукоять и попытался затолкать оружие обратно в могилку, но меч выскользнул из предательских ладоней, развернулся и плашмя врезал хозяину по ягодицам. Звук шлепка и последовавший за ним возмущённый вопль донёсся даже до кабинета Керлика.

Романд, понимая, что от меча нет спасения (по крайней мере, на месте), со всех сил рванул к стенам, чтобы укрыться за надёжными дубовыми дверьми ближайшей сторожевой башни. Но коварный клинок отличался особой юркостью и скоростью: меч втиснулся в полуоткрытое слуховое окошко, и уже через миг юноша, сочетая на словах несочетаемое, пробежал в противоположную сторону.

Оставленная в гордом одиночестве Лилийта упёрла руки в бока и сердито смотрела сквозь стекло на Керлика, но никаких действий против отца не предпринимала.

– Воспитанная у вас дочь, – поразился император.

– Вообще-то мной, – хихикнул в ответ чародей. – Она просто беременна, а я занят. К тому же, девочка не без основания подозревает, что Романд мне какую-нибудь грандиозную пакость придумал, если уже не осуществил. Фантазия у мальчика с некоторых пор бурно работает – я не всегда успеваю предугадать, что он намеревается отчебучить. Впрочем, иногда мне кажется, что и он – тоже.

Мужчины некоторое время молча глядели в окно. Литя укувыляла раненой уткой по личным делам, мимо снова пролетел Романд, за ним меч и радостно верещащий белый комочек, неизвестно кого или чего.

– Полезно, – хмыкнул Керлик и устроился за столом, гостю недвусмысленно указав на стул, где недавно восседал Марго. – Итак, зачем Льеэфа Л-лотай, император Гулума пожаловал ко мне, не буду говорить, скромному чародею?

– Просить защиты.

– Интересно, – скучным, ледяным голосом прокомментировал маг. – Кого же вы опасаетесь, если обращаетесь к Хрону? Я, конечно, не папуля, но и меня подарком не считают. И, насколько мне известно, Круг Старших Гильдии, а туда входят чародеи всех мастей и стихий, в том числе – чёрные и белые, вас поддерживают целиком, полностью и безоговорочно. Знаете ли, ваше величество, это редкое явление, и связь со мной может резко усложнить

установившийся порядок и испортить вашу жизнь.

– Верно, Круг Старших на моей стороне. Но защита нужна не мне, а Романду.

– Мальчик без того под моим покровительством, что, впрочем, помогает слабо – за одно лишь зачатие моего внука Романда жаждут убить многие и многие.

– Верно, – император устало, но с заметным усилием потёр лоб рукой. Ещё чуть-чуть и гость, пожалуй, продавил бы себе череп пальцами. – Но эта причина одна из нескольких, дополнительная из дополнительных.

– Существует нечто глобальное? – насмешливо, даже презрительно поинтересовался Керлик.

– Да.

– Что же вы мне не скажете, ваше величество? Бойтесь? – маг был готов плюнуть собеседнику в лицо. – Что же вы? Это очевидно!

– Я знаю!!! – взорвался взбешённый император – с ним так даже Имлунд не смел разговаривать, а герцогу позволялось всё. – Я просто физически не могу этого произнести!

– Сядьте, сядьте, ваше величество, и успокойтесь, – доброжелательным, ласковым тоном проговорил хозяин. – Вижу. Снять?

– Не надо, – Эфа резко вспомнил, с кем ведёт беседу, и быстро взял себя в руки. Конечно, данный Хрон необычен, но всё-таки это Хрон. – Мне не известно, кто наложил на меня заклятье... У меня есть время его вычислить.

– Понятно, – кивнул Керлик. – Здесь я вам ничем помочь не могу – налагал не чародей, поэтому я способен лишь указать изготовителя заклинания. Клеймо нечёткое, но читается: трилистник, око и облако. Так понимаю, что творцы стихийники: маг Земли... хотя, возможно, Универсал по природным стихиям, маг Пси и... Вообще говоря, облаком многие пользуются. Навскидку – Воздушный или Водный, но мне отчего-то кажется, что это маг Духа... Дорогая компания – вас решил...

Хозяин неожиданно вскинул вверх руки и крутанул кистями, словно выбрасывая вперёд два незримых маленьких лассо. Император тотчас уловил изменения – кабинет будто накрыло воздушным колпаком, все звуки стали тише, приглушённой. Неживыми.

– Это от ушей любопытных особ, – пояснил Керлик. – Боюсь, несмотря ни на что, Романд искренне привязан к Имлунду, и мальчик не обрадуется, узнав, что герцог ему не отец. Впрочем, когда-нибудь он до этого неприятного факта додумается – хоть и прикидывается дурачком, умное он дитячко. Ваше же родство его расстроит... потому что вы не желаете его признавать!

– Не желаю! И тому есть масса причин. Наши реалии таковы, что невзирая на рождение Романда вне брака, мальчик становится законным... Понимаете?! Законным!.. престолонаследником. У него прав больше, чем у кого бы то ни было! Тем более что Имлунд, лишив Романда своего имени, фактически освободил его для любого другого, то есть – моего! При этом в мальчике воссоединились две династии... Его не попросят, его не предложат – его ПОТРЕБУЮТ на трон! Но, с другой стороны, именно Зелешей ожидают увидеть во главе Гулума. Я вчера САМ обещал это Имлунду! – император снова вскочил и затравленным зверем заметался по кабинету, чудом не задев ни одной из иномирных загадочных игрушек. Затем так же резко и неожиданно остановился и вернулся к прерванным объяснениям. – Это – раскол! Которого только и не хватало после войны! Раскол, которого не избежать! Если раньше Имлунд был безоговорочно на моей стороне, то сейчас – вряд ли... Демоны! Ведь всё произошло случайно – я не знал, что она его невеста. Просто не знал! Иначе бы сдержался... А она мне не сказала!.. Впрочем, пусть. Предположим, что герцог простит меня... хотя такие оскорбления смывают кровью – моей и Романда... Есть ещё Феллон Зелеш.

– Да уж, – хмыкнул чёрный маг. – Романд для Феллона с самого рождения являлся конкурентом и не слабым. Мальчишка вздохнул свободно, когда папочка младшего «братца» имени лишил, да ошибочка вышла. Только в качестве Зелеша Романд не имеет прав на престол.

– Именно это я и сказал, – сердито буркнул Эфа. – Романд как законный сын Имлунда мог бы стать наследником Зелешей, а, следовательно, очередным императором Гулума. Однако как мой сын, но с именем Зелеш, он всего лишь ублюдок. Сейчас же, безымянный, он мой и ничей более сын, а, значит, мой наследник... – Император зашёлся в кашле: в запале получилось

произнести запретные слова, но не без последствий – внутри будто взорвался вулкан и по жилам вместо крови проложила путь раскалённая лава. – Феллон его затравит. А ещё эти пророчества и предсказания! Магом быть не должен! Жениться не имеет права! Детей рожать нельзя! Побери его демоны!! На Романде будто свет клином сошёлся!..

– Это точно. Свет на Романде сошёлся и покидать не собирается! – оборвал гостя Керлик. – Но я не понимаю, чего вы хотите от меня. Шантажиста... а я понимаю, что вас шантажируют... я не найду. В моих владениях и в моём непосредственном присутствии мальчик более-менее в безопасности. Но Романд достаточно самостоятельный человек и свободен в выборе. Насколько я его понимаю, он желает заботиться о своей семье и быть ей полезным, из чего логично следует, что сиднем сидеть и ничего не делать он не станет.

– И что вы хотите сказать, читающий? – изумился император. – Романд примется работать по специальности? Странствующим врачом или гадателем? Или, шляясь по весям и сёлам, превратится в грозу всевозможной нечисти?

– Кха, – поперхнулся от подобных предложений хозяин. – Излечить это чудо сможет разве что от жизни – порок, конечно, страшный, но вряд ли найдётся толпа желающих добровольно избавиться от этой болезни. Гадатель же из мальчишки такой же, как из любого другого мага, не более. И упаси нас Тьма от радости стать свидетелем встречи Романда с каким-нибудь вурдалаком! – Керлик насмешливо улыбнулся. – Однако, не сомневаюсь, мальчик справится. Чтобы боевой маг не справился...

– Боевой маг? – расхохотался Эфа. – Кого вы называете боевым магом? Мальчишку, который, несмотря на заботу моих лучших телохранителей и Жести, выжил в походе к Орлиным горам случайно!

– И сумел выполнить возложенную на него задачу. На мой взгляд, кстати, потому выжил и выполнил, что боевой маг. Знаете ли, это не то же самое, что воин и прочие мече– да рукомахатели!

– Я понял. Романд будет наёмником? – император изливал яд, снова позабыв, зачем он, собственно, сюда пожаловал.

– Надеюсь, что нет, – Керлик пока не ставил гостя на место, давая тому шанс опомниться самостоятельно. Конечно, император магу не указ, но с правителями лучше лишний раз не ссориться. К тому же, хоть и формально, владения чёрного чародея малой своей частью принадлежали Гулуму... Не так уж, вообще-то, и формально – налог с земель (одного засеваемого поля, молодой дубравы и села с храмом, откуда и явился приснопамятный храмовник, венчавший Литу и Романда) платился исправно и полностью. – Это один из Талантов Романда. Впрочем, достаточно распространённый – каждый тридцатый маг боевой и почти любой при определённых обстоятельствах и желании может таковым стать. Обычно желания не хватает, да и Талант надо проявлять и развивать.

– Что-то я не припомню среди Круга Старших боевых магов.

– Они все поголовно, – уверил с покровительственной улыбкой императора Керлик. – Многие не по Таланту, а по ситуации. Есть у Романда и другие Таланты, интересные и уникальные. Например, он изобретатель, экспериментатор. Он создаёт новые заклинания и не боится комбинировать старые. Он в состоянии сотворить и предмет, и жизнь – это уже даже не Талант. Это Дар! Опасный – что правда, то правда, но всё-таки полезный. Мы найдём, чем заняться Романду... Но я вряд ли смогу стать для него полноценным защитником.

– Можете! Именно вы и можете, читающий! Он женился на вашей дочери и...

– Вы предлагаете белому магу дать имя Хрон?!

– Среди Хронов имелись белые маги...

– Подготовленный мальчик, – Керлик заледенел. До чего же неприятные люди, эти политики! – Но, кажется, о моём покровительстве мы уже говорили.

– Одно дело находиться под покровительством Хронов и другое – носить их имя. Принадлежность к вашему роду вычеркнет Романда из претендентов на корону империи... Я не хочу мальчику моей участи! И нечего делать магу на троне Гулума!.. – император с трудом перевёл дух и снова сел. Когда он успел вскочить? И уж который раз за этот недлинный разговор! – Впрочем, я отлично понимаю и ваши сомнения, и наверняка отсутствие у Романда тяги к вашему имени, поэтому сначала я попытаюсь найти и обезвредить шантажиста. Если это

мне не удастся...

Входная дверь с грохотом приложилась о стены, и в кабинет буквально влетел Романд. Юноша зацепился ногой о порожек, взмахнул руками, что лебедь (гусь костлявый – уточнил про себя Керлик), и, упав на пол, эффектно проехался на брюхе вплоть до ног императора. В которые и врезался головой.

Следом за пришельцем в помещение ворвался с угрожающим свистом меч. Прошмыгнув перед самым носом гостя, клинок явно и целенаправленно попытался проколоть глаз (навылет) Керлику, но чародей флегматично сдвинулся в бок, и взбесившееся оружие, вильнув, сигануло в окно, которое соизволило распахнуться за миг до фатального столкновения.

– Я случайно! – пояснил императорским сапогам Романд.

– О! Вот и мой дорогой зятёк пожаловал! – одновременно с ним воскликнул чёрный маг и после паузы добавил ласковым тоном. – Как раз вовремя, хотя жаль, что без предварительного стука.

Юноша притворился мёртвым, но, вспомнив, что тесть образован и ему наверняка известно о неразговорчивости мёртвых, кроме отдельно взятых привидений (а это уже не совсем мёртвые), Романд медленно поднялся, огладил руками помятую одежду и осмелился паразитить окружающих высоким герцогским воспитанием.

– Вина хотите? – Юный маг осторожно попятился к выходу. – Не хотите, как хотите. Ну, я пошёл.

– Стоять!

Романд, судорожно сглотнув, замер на месте.

– Его величество собирается покинуть нас. Романд, проводи нашего гостя.

– Я что – привратник? – мгновенно обиделся юноша.

– Не похож, – вынужденно признал Керлик. – Но пойми, мальчик, раз уж открыл дверку, то и закрывай её сам.

С железной логикой трудно спорить – Романд тоже согласился.

– Вы обещаете? – император всё-таки не мог просто так уйти. – Читающий, вы обещаете?

Вместо ответа Керлик высокомерно вскинул бровь.

– До встречи, ваше величество. И не беспокойтесь – в моём доме всегда порядок.

В недоверности этих опрометчивых слов Эфа убедился уже на лестнице, ведущей на первый этаж: мимо промчался испуганный Жесть, за ним с возмущённым рыком пантера-самка. Следом за мамашей бежали её котята, видимо считавшие происходящее весёлой игрой, а не очевидной семейной разборкой.

– Эх же вы с Жестью синхронно сработали, – пробормотал ошарашенный император.

Романд неопределённо кашлянул и осторожно поднял с пола ворона – тот пытался провести воздушную атаку и долбануть пришлую пантеру в макушку, но не вписался в очередной поворот и на полной скорости врезался в стену. Птицу, кстати, собственный просчёт и невнимательность несколько не смутили, и уже через минуту с оглушительным карканьем она продолжила травлю. Последним в гончей команде оказался тот самый, виденный в заснеженном саду, белый комочек. Он с улюлюканьем прыгал по ступеням и вращал над собой малую пику. Чем он её держал, для императора осталось вселенской тайной.

– Пойдёмте, ваше величество.

Жесть покинул Чёрный замок вместе с императором – Белобрыська не обрадовалась ухажёру. Природа взяла верх над приобретёнными магическими способностями: память предков утверждала, что красавец-самец, пришедшийся по нраву самочке, сейчас опасен для потомства. Когда детёныши вырастут, тогда можно и обдумать – продолжать ли знакомство с самцом или другого поискать. Правда, к Белобрыське закрадывались определённые сомнения в том, что она найдёт другого, а такого – и давно, но это потом.

Сейчас надо проверить детей – опять не вылизанные и подрались, – проследить за хозяйкой, чтобы отдыхала чаще, и при случае помощь ей оказать. Своего самца она почему-то при себе оставила, а он приставучий! А хозяйка его поощряет почём зря – вон, как мордочкой о лапу его трётся.

– Романд, ты уже минут десять стоишь, – Лита ласково, но настойчиво потянула мужа прочь от ворот. – Замёрзнешь. Что ты интересного увидел?

Ничего. Император проделал шагов двадцать от силы и активировал амулет перемещений, многообразный, дорогой. Кажется, Романд разобрался, как тот работает и какими силами сделан: стихии Воздуха, Огня и Духа постарались. Ещё чуть-чуть и юноша сам такой сотворит! А, может быть, наконец-то научится перемещаться при помощи своего дара... Почему-то пространственные скачки с места на место Романду не давались со дня неожиданной помолвки.

– Литочка, скажи, а Зо политикой когда-нибудь занимался?

Юноша даже не обернулся. Он всё смотрел и смотрел на постепенно исчезающую под позёмкой цепочку следов – отпечатки сапог и лап. Император тяжело шагает, печатает пятку, каблук глубоко уходит в снег – незельфийская походочка. Жесть же будто скользил над землёй, чуть задевая ту и смазывая след.

– Да ты что, Романд! У Хронов множество недостатков, но страсти к политическим играм да интригам не наблюдалось!.. По крайней мере, после того, как мы начали читать Книгу. Хотя скажу тебе по секрету: были у нас в роду принцессы и короли, были, но с твоим императорским происхождением моя родословная не сравнится.

– Что?! – юноша, наконец, соизволил обратить внимание на жену. – Что?! Какое императорское происхождение?!

– Как какое? – Лита испуганно отпрянула от мужа. Нервный он какой-то, бросается. – Ты же сам рассказывал про свою маму! Она из рода Лиххиль, восходящего к первой династии империи Гулум. Папа у тебя Зелеш. Среди Зелешей императоры вряд ли мелькали, но уж королей Офидии, Змеиноного королевства, предтечи Гулума, всяко встретишь не в единственном экземпляре. Если тебе интересно, я твоё генеалогическое древо на десять сотен лет назад проследить могу!

– Как? – Романд подозрительно прищурил глаза.

– Просто. Я пока ещё не читающая, но кое-что уже умею. И малая копия Книги у меня тоже имеется.

– Ты мне не говорила.

– А ты не спрашивал, – резонно возразила Лита.

– Тьфу! Чёрная магиня!

– Чёрная, – согласилась жёнушка. – Магиня. А скажи мне, свет мой, что это ты вдруг так возгорелся пристрастиями папочки?

– Интересно мне, – вздохнул Романд. – Ты говоришь, что Зо политикой не занимается, а к нам неожиданно император собственной персоной да без охраны притащился. Отобедал, с Зо побеседовал и ушёл. И, между прочим, без охоты ушёл – Зо его выгнал. Мол, погостили, пора и честь знать!

– Папа не имперский подданный, чтобы книксены перед каким-то коронованным снобом выделывать! И вообще, раз ты такой любопытный, у папы и спрашивай!

– Ой, делать мне нечего! – тут же отозвался муж.

– А тебе есть что делать? – Лита попяtilась, заметив в глазах Романда ехидный огонёк, а на устах – коварную, соблазняющую улыбку.

Былобрыська раздражённо хлестала себя по бокам хвостом. Что и требовалось доказать! Настырный! Приставучий! Эх, как мордой своей о мордочку хозяйки трётся! Цепляется, будто съест собирается. Разок-другой хозяйку за загривок укусил и думает, что вот так пастью можно?! Повезло ему, что хозяйка глупая попалась – нравится ей. Ага, отцепился! Так нет же! Теперь хозяйка мордочкой своей о него трётся, сама цепляется, кусается...

Не выдержав отвратительного зрелища, пантера пнула двуногого самца по месту, где хвосту торчать положено, и самец догадался продолжить приставание к хозяйке внутри тёплого замка, а не на холодном дворе.

* * *

– Марго, вылезай.

Нарисованная на стене дверь подёрнулась дымкой, потекла, и из замковой сокровищницы выбрался капитан стражи. Марго погрозил на прощание джину кулаком, вернул ему печатку с изображением кусающей хвост змеи – символ вечности – и в кабинете Керлика восстановился прежний вид.

– Что это было?

– Проверял твою сокровищницу на качество охранения, господин. На джиннов надейся, но сам не плошай!

– Ох, Марго-Марго, – вздохнул чародей.

– А что Марго? Старые привычки изжить трудно – был я вором, был я наёмником. Помнится, с голодухи парочку могил разорил и один фамильный склеп...

– Клептоман! – рассмеялся Керлик. – Ты, главное, постарайся, чтобы дети ни свои, когда заведёшь, ни мои не приметили, как ты по чужим сокровищницам лазишь. Да не пусти меня по Миру!

– С твоим джинном разве с сумой побродишь, господин...

– Ну, если только Романда подключить... – маг при упоминании зятя мгновенно погрузился и напрягся. – Всё слышал?

– Да-а, – протянул стражник. – Дела-а. В политику высокую вляпались, хоть и зарекались. Но, с другой стороны, радуйся, господин! Пророчество-то твоё развалилось.

– Как же так?! Мы только что подтверждение получили, что Романд трижды змеёныш!

– Э-нет, господин, – Марго с ногами плюхнулся на диванчик, сонно потянулся. – «Трижды змеёныш» – выражение драконье, а у них с родственными связями ох как сложно и запутанно. У наших высокородных почти так же. – Стражник напрягся, и столик с вином медленно, но верно пополз к капитану. Хорошо быть волшебником... что Керлик наглядно продемонстрировал, одним движением останавливая гулящую мебель и возвращая её на прежнее место. – Помнишь, я сначала оговорился и перевёл ругательство, как бастард.

– Какая разница-то? – подивился чародей. – Что ублюдок, что бастард – всё одно, незаконнорождённый.

– Не одно, – возразил стражник. – Сказывается твоё имя простецкое!

– Что?! Моя мать принцессой была... Хоть и заморской, а самой настоящей! – обиделся Керлик.

– А имя у тебя крестьянское – ничем от того же Ратика не отличишь.

– Меня кормилица нарекала, потому что мать родами померла...

– Хорошее у тебя имя, не горячись, господин. Обидеть тоже не хотел! – Марго вздохнул.

– Не обидел – ты прав. К тому же, я и сам ублюдок, – чародей кисло улыбнулся. – Продолжай уж.

– С удовольствием, – вскочивший было капитан снова развалился бесформенным тюком на диване и опять предпринял попытку умыкнуть вино. – Ублюдок – это незаконный сын матери, кем, как мы думали, и является Романд. Если бы он родился у Имлунда, то есть оказался внебрачным сыном отца, то его можно было назвать бастардом. Впрочем, ты прав – в целом это одно и то же, в пророчество вполне впишется. Но наш мальчик сын правящей особы, причём он единственный ребёнок – с таких клеймо родительского прелюбодеяния смывается. Таких, между прочим, побочными сыновьями зовут, младшими принцами нарекают... А по законам Гулума он и вовсе принц крови без всяких оговорок.

– Натяжка. Ты бы ещё меня принцем крови обозвал!

– Нет, не натяжка. Будь он сыном Имлунда – да, а в сложившейся ситуации – нет. Абсолютно, стопроцентно – нет! – капитан неожиданно чихнул. Аллергия на волшебство, что ли, сказалась? – Кстати, ты, господин, не бастард и не ублюдок – ты владетель. И вообще, к магам вся эта родовая канитель не слишком-то относится. Вы вне человеческих рангов и категорий.

– Может быть.

Керлик безучастно следил, как бутылка «Синего снега» пикирует на стражника. Марго прав, но также маг отлично понимал, что не ошибается в своих чувствах. Романд и не кто иной – трижды змеёныш! В первый раз Керлик сомневался, теперь не позволял себе ошибиться снова. Пророчество уже один раз вывернулось... Чародей усмехнулся. Что же получается:

судьба с предопределённостью спорят? Но разве это не одно и то же? Или здесь следует рассуждать, как с ублюдком и бастардом?.. Романд, кто же ты? Что ты?! Зачем ты?

– Зо-о! – раздалось из-за двери, затем она сотряслась от ударов, которые с трудом классифицировались как вежливый стук. – Зо! Можно войти?

Тьфу ты! Помяни Свет – день и настанет!

– Заходи, Романд. Похлопай Марго по спине. Сильнее – он вином поперхнулся.

– Зачем он его лёжа пьёт? – поразился юноша. – Неудобно же!

– Что случилось?

– Мой гильдейский кристалл почему-то пульсирует, – Романд в доказательство явил кулон. Тот действительно часто и тревожно мерцал, растеряв за странной игрой света свою неповторимую прозрачность. – Лита велела к тебе за разъяснениями идти.

Судя по недовольной мине и припухшим губам, юноша не очень-то рвался к постижению новых знаний, но с беременными жёнами, да к тому же чёрными магинями, не спорят.

– Мехен не рассказывал о гильдейском кулоне? Ничего? – поразился Керлик. – Вот же, скотина! Сволочь! – чародей в сердцах треснул кулаками по столу. К счастью, мебель не попортил – лишь сам ушибся. – Извини, мальчик, погорячился. Гильдейские медальоны ведь не просто так на шею вешаются – украшение из них аховое. Ты имеешь право (и даже обязан!) спросить любого из белых магов, какими свойствами обладает кулон и для чего он используется. Тебе должны рассказать, по крайней мере, положенное для ума подмастерья.

– То есть, ты не знаешь?

– Знаю, но кое-что. Мы к одной Гильдии принадлежим, но формально, – чародей дёрнул указательным пальцем, и кристалл юноши тяжело поднялся в воздух, таща за собой извивающуюся змейку и цепь. – Это сигнал общего сбора.

– А-а, беспокоиться не о чем?

– Нет, есть. Ты обязан явиться в Школу, на своё Отделение... Молчать! Поцелуй жену и собирайся – через пятнадцать минут чтоб был готов! Не забудь меч!

Романд невежливо отказался дослушать наставления тестя, развернулся и, злобно бурча под нос непотребщину, удалился.

– Это быстро! – крикнул ему вслед Керлик, зять неопределённо пожал плечами, но не обернулся. – Марго, отправишься с ним. Надеюсь, не будешь возражать и спрашивать, зачем?

– Не буду. Я всё слышал, господин, и склерозом не страдаю – малыш нуждается в качественной охране.

– Ни на шаг от него не отходи! И постарайся попасть в здание Магической гильдии, – чародей нахмурился. – Не нравится мне это, не ко времени. Как можно быстрее возвращайтесь: сделали дело – и тотчас назад, вчерашнего покушения достаточно. Я ведь даже не сумел разобраться с исполнителем: чародейство-то знакомое, почерк близкий, а кто конкретно – не понять.

– Ассасины, – мотнул головой Марго. – Кто ж ещё?

– Они, – согласился Керлик. – Но какая секта, подразделение? Может, вовсе одиночка. Аура размыта – профессионал действовал. Такой если и попадётся, то заказчика с него не снимешь... Нехорошо это всё. Может, и впрямь обойдёмся без сбора?

– Сам же, господин, сказал, что раз зовут, значит, надо идти.

– Теперь сомневаюсь, – чёрный маг отвернулся от друга. – Непокойно мне, не по себе...

Ладно, Марго, тебе тоже жену поцеловать необходимо. Нет, подожди! – Капитан в недоумении обернулся. – Всё хотел у тебя спросить. Почему Романд меня постоянно Зо называет? Я не против, но... интересно.

Стражник неожиданно потупился и покраснел что нашкодившее дитя – в сочетании со своими габаритами выглядел он забавно.

– Я так и предполагал, что это производное от «бзо». Ты чему ребёнка учишь, извращенец?

– Не-ет, господин, – Марго неуклюже переступил с ноги на ногу. – Он очень переживал, как к тебе обращаться. К отцу своему, к Имлунду в смысле, он на «вы» обращался, а мы его сразу «тыкать» обучили. Господином тебя мальчику как-то не с руки обзывать, да и обидишься ты. Керликом – не дорос, а папой – язык не поворачивается. Вот я ему и рассказал, что на

наречии моей матушки «зо» означает «второй отец». Малышу понравилось... хотя сходство с «бзо» своё пагубное влияние на окончательный выбор несомненно оказало.

– А то мы не о Романде говорим, – хихикнул Керлик.

Марго, кивнув на прощание, вышел.

В очередной раз хлопнула дверь, и веселье с лица чародея словно ветром сдуло. Не следует отпускать их одних... Впрочем, есть же шар, в который за мальчиком подглядеть можно, и Око Охранения с ребёнка никто не снимал. Если капитан не справится, то Керлик всегда успеет прийти на помощь.

На душе скребутся кошки...

Ставим мы не тот акцент –

Это, братцы, понарошку!

Это просто их концерт...

Маг усмехнулся. Давно он не вспоминал эту песенку. Они с Марго были тогда до безобразия молоды и безответственны. Они одновременно вступили в Вольный Отряд «Кукушки», фактически превратились в наёмников. Пускались во все тяжкие и веселились вместе... В этом Отряде Керлик получил прозвище Молниеносный. Красиво звучит, но кто бы знал настоящий смысл – уж точно не в скорости дело!..

...В свои четырнадцать лет Керлик никак не являлся обученным магом. Да, умел многое – папочка регулярно занимался с сыном-наследником, но даже за четверть века хорошим чародеем не станешь, что уж говорить о неполных пятнадцати годах. Все заклятья в новой, самостоятельной жизни Керлика отчего-то имели тенденцию оканчиваться молнией, грозовой или маленькой шутихой – это уж как повезёт.

Кукушкам, откровенно говоря, «подающий надежды волшебник» оказался без надобности, особенно после случайного попадания шикарнейшей молнии в старшего сержанта. Керлику этот скользкий тип с первой встречи пришёлся не по нраву, но специально убивать воина начинающий вольник не собирался – насморк весенний лечил. От расправы чародея спас Марго, мощный, умный, опытный – к Кукушкам он перешёл из «Гончих Псов». Собственно, перешёл – громко сказано. Псы попали в ловушку, и Марго послали за помощью – к сожалению, он не успел и остался у Кукушек. Керлик записался в Отряд в тот же день.

Несколько позже выяснилось, что убиенный сержант злоумышлял против капитана. Керлик уравнился в даре, повысил мастерство. В какой-то неуловимый момент молодой чародей дослужился до первого помощника, с лёгкостью обогнав старших товарищей, в том числе и Марго... А потом всё как-то одновременно навалилось: Керлик то ли создал, то ли нашёл книгу, копию той, что пылилась в Замке Путей. Такая имеется у каждого читающего. Тёмный маг принялся её читать. Вовсе уж неожиданно прорезались другие Таланты, как применять их и что с ними делать, без квалифицированного специалиста да с ходу разобраться не удавалось. Пришлось сразиться в дуэли с каким-то шибко умным чародеем, признавшем в Керлике Хрона...

У вольников не принято расспрашивать о прошлой жизни, кто и зачем да почему. У каждого свои грехи, свои демоны, свои преступления – в Отряде же ты лишь член Отряда. Хочешь – рассказывай, твоё дело, не хочешь – молчи, твоё право. Но даже вольники не пожелали бы иметь дело с Хроном. «Весёлая» наследственность.

В конце концов, Керлику надоело не быть собой. Не используемый в полную силу дар бурлил в крови, личная мощь возрастала, а разум гнал вперёд – маг покинул Кукушек, так и не став капитаном. Хотя мог...

С Марго они встретились без малого два десятка лет спустя, тот тоже ушёл от вольников первым помощником...

А где-то Вольный Отряд «Кукушки» маршировал, прятался по оврагам, воевал и пел простую песенку-гимн, в которой не было ни слова о кукушках. Отчего-то суровым мужчинам понравились немудрёные стихи и мелодия от одного трусоватого мальчишки, который пытался всего лишь заглушить свой страх перед первым в жизни боем.

Эта песенка – единственное, что Керлик сумел сочинить.

На душе скребутся кошки...
Ставим мы не тот акцент –
Это, братцы, понарошку!
Это просто их концерт...

Ох, не ври-ка ты, дружище –
Вовсе это не концерт!
Где-то ждёт нас пепелище –
Вот он, правильный акцент.

Противно, ржаво скрипнули петли. Керлик вздрогнул, хотя за годы пора привыкнуть – Лита всегда открывала дверь в кабинет в сопровождении неприятных звуков. Дочка словно предупредила папочку, что явилось его неповторимое, личное чудо. Обожаемое чудо!

Ожидает неприятель,
Враг ярится у ворот,
Неизвестно, кто предатель
И кто знамя уволок.

Но сдаваться не умеем –
Мы покажем им концерт!
Пусть их много – мы смелее.
Вот он, правильный акцент!

Голос у Литы высокий, звонкий, мелодичнее родительского, да исполнение подкачало – фальшивила дочь так, что и Керлика переплюнула, и упомянутых кошек. Впрочем, отцу было не до недостатков девочки – не всем же сиренами рождаться, – мага волновало другое.

– Литочка, откуда ты эту песню знаешь?

– Мелодию у тебя подслушала... Да, что мне до мелодии – сам знаешь, – юная магиня задорно улыбнулась. – Слова в книге прочитала.

– И кого ты читала?

Лита стыдливо зарделась и огладила живот.

– Романда? – не поверил Керлик.

– Нет, папа, – магиня попыталась по привычке взгромоздиться на стол, но ничего не вышло. – Я никак не могла выбрать между тобой и им, поэтому брякнула «Марго». Красивая песенка. А на тебя, кстати, всякие пошлости вылезают. Я уж подумываю записывать – может, после родов пригодится.

– Но-но! – прикрикнул чародей, теперь уж сам краснея на глазах. – Романд заикой станет... Кстати, где твой муженёк? Копаются, что цаца перед балом? Выбирает, какие кальсоны надеть – в горошек или цветочек?

– Па-а, у Романда нет кальсон в цветочек, – возмутилась Лита. – И в горошек тоже!.. Он с Марго давно замок покинул.

– И со мной не попрощался? Какой у тебя невоспитанный муж!

– Он собирался, но наткнулся на Марго, – пожал плечами магиня. – Тот сказал, что идёт вместе с Романдом и у него всё готово. В общем, они решили, что чем раньше выйдут, тем быстрее вернутся.

– Быстрее! – передразнил Керлик. – Спешка, глупая и вредная! Я бы им хорошие амулеты перемещения выдал. У Марго же все старые, неточные – разброс в половину Главели случиться может!

Маг досадливо покачал головой и невидяще уставился в шар. Отчего-то в хрустальной глубине опять проглядывался храм, который вновь брали штурмом несуразные, но обученные войска. Лита, оставив стол в покое, с удобством расположилась на низком диванчике и открыла

свою книгу.

Чёрный замок резко, но неслышно захлопнул все двери и окна и со стороны походил на нахохлившегося воробья, что во время недавней драки кувыркнулся с головою в сугроб. Замок беспокоился: идеально гармонирующий со стенами белый маг сегодня не вернётся... Такие перемены замок не очень любил.

Глава 9 Встречи, или О пользе точности и пунктуальности

– Эй, смотри, куда прёшь! – Романд пнули в плечо с такой силой и злостью, что юноша развернулся флюгером на полный круг и удержался на ногах лишь в силу элементарного отсутствия пространства для падения и иных манёвров в окружающей толпе.

– Бзо! Колдун недоделанный!

– Развели, понимаешь, моду людей честных пугать, из воздуха на головы прыгать!

– Извините, – затравлено пискнул «возмутитель» спокойствия и заработал очередной тумак в без того болезную после тренировок спину.

Вместо площади перед главным входом в здание Магической гильдии или, на худой конец, Чаровника Романд материализовался точно посреди толчеи Привратного Рынка. Вечно бурлящий страстями, кипящий эмоциями, сдобренный жульничеством и воровством и подслащённый радостью удачных покупок котёл. Под ним – негаснущее пламя жажды лёгкой наживы и надежды на дешёвизну без последствий.

Здесь торговали всем – от репы до изумрудов и могущественных волшебных артефактов (часто поддельных, но попадались и настоящие), продавцы выставляли чёрную муку в огромных мешках и заморские специи в малюсеньких резных шкатулках. С одинаковым усердием на Рынке кричали друг на друга нищие, порядочные крестьяне и горожане, прославленные рыцари, величественные маги. Встречались среди торгующихся и члены высших благородных семей. Поговаривали, что однажды сам император сюда заглянул, инкогнито, разумеется.

Рынок не умолкал ни днём, ни ночью, не исчезал ни в полуденный зной Сензорника, ни в холод зимних полуночей. Утверждали, что на Привратном можно приобрести всё. А если что-то не найдётся, то этого не отыщешь и во всём Мирае, по крайней мере, в этом. Конечно, глупое хвастовство, но основания под ним имелись... Однако Романду было не до истории столичной достопримечательности.

– Ты куда встал, скотина?! Кто заплатит за мой первосортный товар?!

Шестым, но вряд ли связанным с магией чувством юноша понял, что обращаются к нему. Под каблуком противно закрипело и, кажется, пискнуло. Это что же он придавил?

– Не наклоняйся, – шепнул на ухо знакомый голос и следом грозно добавил. – Ты как разговариваешь с пресветлым Романдом, смерд?!

Кто сильнее испугался окрика – жулик или упомянутый «пресветлый», – трудно сказать с уверенностью. По крайней мере, первый счёл за лучшее слинять в неизвестном направлении, а второй нисколько не сопротивлялся, когда Марго тащил его, словно тюк с зерном, прочь из толпы. Но стоило юноше и стражнику выбраться на более-менее свободный от людей пяточок, как Романд очнулся и заорал на капитана, присоединяя свой голос к общей какофонии.

– Что сие значит, Марго?!

– Всего лишь то, что тебя хотели приложить по голове чем-то увесистым и обчистить, Романд, – флегматично ответил воин с заботливостью, достойной Литы, расправляя шуршевый плащ и наводя прочую красоту на подопечном. – И лежал бы ты весь такой магический в одних подштанниках и рубахе да ковриком для ног грубых служил. Хорошо, если тебя в острог бы отволокли, а ведь и впрямь затоптать могут!

– Цепь с гильдейским кристаллом снять не получится, Змею Зелешей не посмеют, – презрительно скривился юноша. – На посох и меч позариться побоятся, а суму мою не всякий магистр в руки без спросу взять отважится! И ты прекрасно понял, о чём я тебя спрашиваю!

Романд раздражённо передёрнул плечами и зашагал прочь от Привратного Рынка, ко входу в Ремесленку. Двигался юный маг, сердито печатая размашистый шаг, зло вдавливая каблук в камни мостовой.

– Скажи спасибо, что это вообще Главель! – буркнул, задыхаясь, Марго. Стражнику не сразу удалось догнать юнца – уж очень поразился, глянув на Романда со стороны. Вылитый отец: даже походка папкина, не говоря о лице, фигуре и манерах заносчивых.

– Спасибо, – «поблагодарил» маг, и у проплывавшей мимо лавчонки прямо на головы брызнувшим во все стороны клиентам рухнула вывеска – огромный сапог с загнутым по катаяской моде носком и несуразной рыцарской шпорой на пятке.

Хозяин, выскочив на улицу, собрался было отколошматить пакостливого колдунишку, но натолкнулся на бешеный взгляд зелёных глаз и быстро отказался от идеи немедленной расправы над чароплётном, а недвусмысленное поглаживание серебряного жезла и вовсе лишило сапожника пыла и задора. Мастер только и смог, что погрозить здоровенным кулаком в спину высокородному (а какому иначе?) юнцу.

– Если бы мы воспользовались новым амулетом, то, возможно, уже дома были!

– Ладно, не горячись! Один час роли не играет, – фыркнул Марго. – И когда ты ещё по Главели погуляешь?

– Я вчера весь день гулял! Сегодня мне не хочется!

Мимо просвистел, изрыгая пламя, дракончик-флюгер, за ним, чинно кудахча, выводок разноцветных леденцов-петушков на палочке.

– Романд! Смотри, что ты натворил! – не на шутку обеспокоился капитан. – Держи себя в руках! Или хочешь вновь повстречать Ловцов Чар?!

Упоминание страшной гончей команды мгновенно отрезвило юного чародея. Быть снова затравленным, сидеть в тюрьме, терпеть злые насмешки охраны (Когда им ещё удастся поиздеваться над герцогским сыном и неслабым магом? Плевали они, что именно этот юнец фактически спас им жизни!) – нет, Романд в повторении не нуждался. Первый урок оказался слишком уж доходчиво изложен.

– Извините, – юноша обратился к ближайшему из пострадавших лавочников. – Я заплачу за ущерб.

– Идите-ка вы отсюда, пресветлый, в... Гильдию, – отмахнулась от предложения толстушка-хозяйка. Из-за шубы и пухового платка женщина походила на огромного мехового колобка. – Я как-нибудь сама разберусь!

– Извините. Я не хотел. Я случайно, – понурился Романд и побрёл прочь.

* * *

Позвеним мечами, други, –
Чем, скажите, не концерт?
Тренькнут арфой наши луки,
Ставя правильный акцент!

Мы предателя скрутили –
Вон, в петле даёт концерт.
Знамя в полк мы возвратили...
Чем не правильный акцент?

Песню принёс очередной порыв ветра. Два голоса старательно, что выдавало немалую степень опьянения их обладателей, выводили немудрёные слова. Один – высокий, мягкий, мелодичный. Как-то сразу понималось, что он принадлежит чистокровному эльфу. Другой – грубый, пропитой, с чуть уловимым подскрипом, но неожиданно глубокий и даже приятный. Заслышав странный дуэт, Марго резко остановился, и Романд, к тому времени прочно обосновавшийся позади капитана, затормозил носом куда-то между лопаток воина.

– Что случилось? – подивился юноша, проверяя на целостность немаловажную часть лица. Та оказалась в первоначальной форме и без кровавых подтёков, поэтому маг кинул взгляд по

сторонам.

Они находились в начале пустынного Посольского проспекта, и до Школы им ещё идти и идти.

– Почему мы остановились? – вновь попытался Романд, но ответа, как и на предыдущий вопрос, не дождался. Тогда юноша догадался выглянуть из-за плеча стражника вперёд.

Картина, которая открывалась глазам, была достойна занесения в анналы истории, великие чудеса Мира и в список самых красочных галлюцинаций озера Грёз. Навстречу замершим безмолвными изваяниями людям, пошатываясь, брела не очень трезвая парочка: двое мужчин, крепко обнявшись для пущего равновесия, вышагивали по замысловатой зигзагообразной траектории, пытались пуститься в пляс, размахивали бутылками и горланили песню.

Мы сдаваться не умеем –
Мы покажем им концерт!
Пусть их много – мы смелее.
Вот он, правильный акцент!

Всё бы ничего – пьяниц среди бела дня и в Королевском районе встретишь, не удивишься, но данная парочка оказалась особенной, неповторимой. Тонкий и хрупкий с толстым и громадным – классическое, пожалуй, сочетание, но... Тонкий и хрупкий, он же – гибкий как малый лук, изящный словно молодое деревце и просто красивый. Высокий, статный, привлекающий, самый эльфийский из всех когда-либо виденных Романдом эльфов. В нежно-зелёном лесном плаще и легкомысленной вязанной шапочке с помпонами в виде колокольчиков, эльф буквально висел на мощном, закованном в сталь с головы до пят грозном полутролле.

– Вы ли это, братцы? – подал голос Марго, когда стало ясно, что парочка, отскочив от ближайшей стены, врежется точно в стражника... или в Романда, что вероятнее.

– Ой ли! – воскликнул полутролле и тряхнул эльфа. – Клякса, смотри! Кажись, это Маргариточка наша!

– Он, цветочек, – икнул остроухий и с готовностью перекочевал на шею капитана. – Сколько листьев сменили Великие Древа! Пойдём, выпьем!

– Нет, спасибо, Клякса, – попытался отцепить от себя эльфа Марго, однако проще отколупать присосавшегося лесного клеща. – Что вы здесь подельваете, братцы?

– Молодёжь местную мечемахательству обучаем, – прогудел полутролле. – А за встречу всё-таки глотнуть надобно!

– Братцы, вам и без того хватит!

Парочка вдруг одновременно затрясла головами, и через миг на стражника укоризненно взирали абсолютно трезвые глаза.

– Ох, можешь ты всё испоганить, начальственная твоя морда, Марго! – прозвенел досадливо эльф. – Нам с Камнем, чтобы напиться, императорских винных подвалов не хватит!

– Прости, Клякса. Забыл – со стороны бы вы себя увидели! – повiniлся капитан.

– Забыл он, – по-драконьи фыркнул полутролле. – Маргаритка! Ты никогда ничего не забываешь – это я хорошо помню! А с друзьями за встречу пить положено!

– Ребята, я честно не могу! – вздохнул Марго. – У меня важные дела. И я не один.

Тут-то вся компания соизволила обратить внимание на переминавшегося с ноги на ногу Романда. Юноше ни общаться, ни красоваться не хотелось, как и торчать посреди Посольского проспекта – день уже отмерил половину, скоро появятся местные жители, а это не случайные прохожие Ремесленки. Признают бывшего Зелеша за один мимолётный взгляд!

– Ой! Что это такое смазливенькое? – обрадовался эльф и ухватил тонкими пальцами подбородок юноши. – Маргариточка, ты опять связался с волшебными мальчиками... Или это твоё?

– Упаси меня боги! – хихикнул стражник. – Помните Кера?

– Молнезада, что ли? – нахмурился Камень (Романд сдавленно кашлянул). – Как же его забудешь? При каждом «концерте» вспоминаем! Эх, такой бы капитан из него вышел – жаль,

что сбежал от нас мальчишка! – полутролль внимательно всмотрелся в юного мага. – Это, что же, его сокровище? Не похож!

– Естественно, не похож, – хмыкнул Марго. – Это его зять.

– У Кера дочь?

– Да. Красавица! А этот... – стражник лишь удручённо вздохнул. Мол, не доглядели, что девка выбирает – вот теперь и возимся. Романд сердито надулся. – И ты красавец. Успокойся, дитяtko.

– Я спокоен. Но мне в Гильдию надо!

– Ой-ой-ой, какой голосок... воркующий! – обрадовался эльф и попытался вновь завладеть подбородком юноши, но не успел – Романд испуганно попятился. – Фу-ты! Маргариточка, кажется, он этим сказкам про нас верит!

– Честно признаться, – хмыкнули в один голос человек и полутролль. – Со стороны и мне верится.

– Тьфу на вас да с королевской морды, – несколько странно ругнулся Клякса. – Но выпить надо!.. – эльф поднял руки, останавливая возражения. – Всего одну кружку – за встречу! Договоримся, где соберёмся без малолетних – и всё. К тому же, идти недалеко.

Полутролль согласно кивнул и указал кулаком себе за спину, на закрытые ворота. Высокие, как и немалой протяжённости забор, украшенные по катаяской моде и выкрашенные в зелёный цвет, в тон плащу Кляксы. Сверху красовалась огромная вывеска в форме отчего-то красного (таких в природе не существует) дракона, на боку которого золотом сияла надпись.

Школа Меча Гирелингеля Непонадающего и Делица Невыносливого.

– Ну, у вас и имена, братцы! – прыснул Марго.

– Ага, – пробурчал под нос Романд. – Мы вас безумно рады видеть, но вы не задерживайтесь и проходите мимо.

Внутренние строения не проглядывались, однако теперь слух уловил крики, звон, шлепки и удары – всё то, в чём опытный человек определит школу единоборств и что юноша не любил с детства, а его окружение эти чувства поддерживало. Отец не дал в руки меч, так как собирался, что выяснилось почти три года назад, отправить «дорогого» сына в Уединение. Старшие братья не желали возиться – сказывалась громадная разница в возрасте, у Имлунда и Феллона и то была меньше. В Магической гильдии боевые искусства как обязательный предмет (да и необязательный тоже) не предусматривались.

– Кто бы говорил, Маргариточка? – фыркнул нисколько не обиженный эльф. – Сам-то своего имени стесняешься.

– А вы на стены вывешиваете, чтобы людей пугать, – не остался в долгу стражник. – Что нам с мальчиком делать? Его поить нельзя. Категорически! Он вчера умудрился надраться одной кружечкой пива.

– Вот и не будем, – усмехнулся полутролль Делиц. – У мальчика на поясе меч висит... Что-то в этом мече... знакомое... не пойму. Неважно. Главное: раз мальчик с тобой рядом топает, а ты клинок не отнимаешь, то меч у ребёнка по праву. Пока старшие разговоры вести будут, пусть посидит в зале, на мастеров меча посмотрит – полезно.

– Ладно. Вы, братцы, и мёртвого уболтаете! – отмахнулся Марго. – Но недолго! Мы действительно спешим!

– Мы обещали, – развёл руками Гирелингель-Клякса и подкупающе улыбнулся.

– Это-то меня истораживает!

– Но?!! – попытался встрять Романд.

– Ты хочешь, чтобы мои друзья на меня обиделись?

– Нет, Марго, – честно признался юноша. – Но я не хочу, чтобы меня исключили из Гильдии.

– Это всего на пять минут, – убедительно у Марго не получилось. – Мы поговорим, а ты просто посидишь, по сторонам помотришь... и ничего не будешь трогать!

Романд сдался. К братьям по дару и ремеслу юношу тоже не тянуло. И, судя по погасшему кристаллу, молодой чародей уже успел безнадежно опоздать – теперь в самом деле

лишний час роли не играл.

Зал, в котором оставили Романда с очередным строгим напутствием молчать и ни к чему не прикасаться, оказался увеличенной копией тренировочного зала Чёрного замка. Ничего особенного и выдающегося: в одном углу плетёные циновки, уже порядком истрепавшиеся по краям, в другом – три истукана, крутящиеся брёвна с поперечными палками-выступами разной длины для отработки ударов. По периметру: лестницы, канаты, снаряды-тренажёры и стойки с ученическим оружием. Под потолком система верёвочных «мостков». Глядя на них, Романд внутренне похолодел – ничего подобного в Чёрном замке юноша не встречал, но почему-то его не покидала уверенность, что и эта попытка не за Орлиными горами.

Однако, самый важный элемент в обстановке зала отсутствовал. Кроме киснувшего на лавочке Романда никого внутри не наблюдалось.

– И где же мастера, взирая на которых, я должен возгореться «великим искусством»?

Пустота не ответила. Юноша не настаивал, искать тоже никого не собирался, поэтому вытянул усталые ноги и облокотился на лестницу за спиной. Закрыл глаза и...

– А ты мог бы сидеть не на проходе?!

Романд отреагировал на окрик вполне естественно: испуганно дёрнулся, отчего ноги съехали в сторону и... пришлось, судя по ощущениям, по чьим-то коленным чашечкам. Несчастный обладатель оных упал на юношу, тот прогнулся, инстинктивно махнул руками для равновесия, чем его и нарушил, но от падения спасли пристроившаяся под тощим задом лавочка и треснувшая от удара лестница. Обладатель коленных чашечек скатился с глухим стоном-стуком на пол, освобождая от себя Романда. Юноша вскочил и открыл глаза, огляделся.

Это был не скоротечный кошмар. У злополучной лестницы отломилась три палочки-ступеньки, а в ногах скорчился парень лет четырнадцати-шестнадцати.

– Я случайно! – сообщил Романд и протянул руку. Ею благодарно воспользовались, затем юноша ощутил краткую радость полёта. Спина на этот раз не очень-то и возмущалась – привыкла, наверное.

– Теперь мы квиты, – роли поменялись, местный парень помог подняться Романду. – Ты новенький?

Подмастерье мага, потирая ушибленные части тела, с интересом посмотрел на «собеседника», очевидно ученика меча или, чем Тьма не шутит, оруженосца или рыцаря. Станный парень, даже забавный: тощий, впрочем, рядом с Романдом боец казался упитанным, жилистый, не высокий, но и не маленький, с широкими плечами. Этаким ходячий треугольник, что подчёркивалось странной одеждой: длинным, до пят, лазоревым халатом с туго затянутым на талии салатовым с золотой вышивкой поясом. Лицо у парня оказалось тоже не стандартным: смуглое, с крючковатым носом, большими карими глазами и тонкой ниточкой рта. И по облачению, и по внешности вряд ли катаец.

– Насмотрелся, – хмыкнул боец. – Я не совсем человек – гоблины в роду часто встречались.

– А, – Романд глупо приоткрыл рот. – А я думал, что здесь всё катаяское.

– Малыш, – усмехнулся собеседник. – Если на заборе нарисован дракон, крыша загнута краями кверху, а в прихожей положен коврик с пионом, это ничего не значит. Тем более, когда Учителя Школы эльф и полутроль, а Директор – бывший вольник. Так ты – новенький?

– Вот уж! – возмутился юноша. – Чтобы таким шутом, как ты ходить?!

Боец расхохотался в голос, от дикого восторга на грани изумления он даже согнулся пополам.

– Знаешь, мальчик, вообще-то ты меня оскорбил, и я должен тебя, по крайней мере, выпороть. За отличное воспитание! – потомок гоблинов хищно улыбнулся – вылитый коршун, чему способствовала оригинальная форма носа. – Ладно. Я прекрасно понимаю, что с твоей точки зрения я цирковой артист, не более. С моей, кстати, ты тоже.

– Ты не местный, – догадался-таки Романд.

– Верно. Меня сюда из моей Школы с письмом прислали, вот ответа от Директора дожидаясь, – боец протянул правую руку (маговское приветствие – традиция, пришедшая, как и многое другое, вместе с переселенцами из иных Миров), чародей с готовностью её пожал. –

Горша. А ты?

– Романд.

– Эге, высокородный?.. Я о себе рассказал, теперь – твоя очередь, длинноногий. Ты-то чего здесь делаешь, если не учиться собрался?

– Со знакомым пришёл, – Романд не видел смысла что-либо скрывать, тем более что вопрос был резонным и Горша как в некотором роде представитель хозяев имел право на ответ. – Он дружков встретил, а мне от него велено ни на шаг... Бзо! Телохранитель хренов!!

– Что?! Телохранитель?! – лицо парня неприязненно перекосилось, он с явственным отвращением отшатнулся от Романда, вытер правую руку о халат. – Барышня. И я с тобой разговаривал!

– Я не барышня! – мгновенно обиделся чародей. – Что плохого в телохранителях?!

– Подстилка! – вместо объяснений почти плюнул Горша.

Оскорблённый до глубины души, причём непонятно за что, Романд размахнулся, и звон пощёчины разлетелся по залу, отразился от стен, размножился... Или это произошло только в ушах да воображении двух мальчишек?

– Как ты посмел?! – взревел боец, и его кулак молнией двинулся прямо в нос мага.

Романд инстинктивно присел и чудом сумел уклониться, затем бездумно поднял руку и заблокировал, остановил сразу два удара. Ответил. И поражённо застыл. Те самые упражнения! Занудная муштра, фактически издевательства Керлика и Марго вдруг оказались полезны! Они превратились в рефлекс! Он, Романд, неумеха научился драться! По-настоящему, по-мужски! Нет, не драться – биться, бороться! И это юноше нравилось!

– Врун! – завопил Горша.

Очередной удар маг естественно пропустил. И следующий. Один, два. Пять. В какой-то момент Романд обнаружил себя вновь лежащим на спине, а гоблинский парень заносил над головой палку. Откуда? Зачем? Да, что он ему сделал?! Неважно, потом думать – сейчас ему череп проломают!.. Однако никакие блоки не вспоминались, но руки сами поднялись ладонями вверх. Палка разлетелась в щепу от соприкосновения с воздушным щитом.

– Колдун?!

– Точно! – рявкнул Романд и толкнул щит от себя. Горша отлетел к стене, упал, но живенько вскочил и метнул под ноги «собеседнику» очередную ступеньку от очередной пострадавшей лестницы. Молодой чародей попытался перескочить деревяшку, но болезненно получил по кости и упал, теряя необходимую для магии концентрацию. Впрочем, юношу такой поворот событий нисколько не расстроил: Романд кувыркнулся и со всего приобретённого ускорения ткнулся головой в живот обидчику. В результате маг и боец сцепились в тугой ком и заколошматили друг друга кулаками... Поединок резко превратился в мальчишечью драку. Жестокою, но всего лишь драку.

* * *

«Эльфийский снег» засиял в хрупких, вычурных бокалах глательского хрусталя. Гулумская Гильдия стеклодувов не зря славилась на весь Мир мастерством и искусностью своих членов.

– Красота, – оценил Марго как вид, так и вкус. – Как ты не боишься держать их прямо в Школе?

– В наших комнатах никто не смеет устраивать драки, – прогудел польщённый полутролль. – Мы Учителя! И в этом имеются кое-какие преимущества.

– Точно!

– Да, Маргариточка, – Делиц осторожно отставил свой бокал. – Но мы подстраховались: храним их в заговоренном ящике.

Помещение наполнили мелодичный звон и вздохи восхищения.

– С каких это пор, Маргариточка, ты стал разбираться в посуде? – подождав, когда опустевшие бокалы снова заполнятся, поинтересовался эльф.

– Ты, Клякса, как был язвой, так и остался! – хмыкнул стражник. – Кер помешан на всяческих чашках, тарелках и супницах. У него этого барахла целый шкаф! Под таким

влиянием волей-неволей даже разные сорта глины различать научишься. А чувство прекрасного, между прочим, и мне доступно! – И стекло зазвенело, будто песнь сирен. – У меня, кстати, встречный вопрос. Как это двух самых вольников из вольников угораздило осесть и не где-нибудь, а в Главели? Не просто кем-то, а главными в уважаемой Школе... Ведь не за красивые голоса вам позволили организовать на Посольском проспекте.

– Это заслуга Ледышки, он у нас Директор. А мы – Учителя!

– Ледышки? – нахмурился Марго. – Это что-то новенькое. Он после меня в Отряд вступил?

– После, – кивнул Гирелингель. – И не в «Кукушки». Смешной он паренёк был. Тогда мы его Ледышкой прозвали за безразличие к бабам: двадцать лет пацану и ноль внимания. Надолго среди вольников он не задержался – всего три года... Впрочем, целых три года – такие как он или Молнезад созданы повелевать Миром, а не месить грязь под командованием вечно пьяных капитанов. Мы пробовали отговорить Ледышку, но... Никого не спрашивают, кем ты был до вольников, и его тоже. Парень сбежал не за деньгами и приключениями – от семьи. Его женили в двенадцать лет, в семнадцать у него родился второй ребёнок, а третий в двадцать – уже нет. Жена не разродилась... Его обвинили в гибели супруги. А он просто-напросто пытался стать примерным мужем. И всё.

– Случается. Если бы сам не слышал, не поверил! – поддержал полутроль. – Естественно, когда-нибудь совесть у такого-то проснулась бы! Понял, что нехорошо поступает, и вернулся домой к детям да родителям.

– А вы?

– А мы... – Камень тяжело вздохнул. – В Вольных Отрядах в основном люди. Вы приходите и так быстро уходите, а мы... мы остаёмся. Мы устали, но всё же боролись, пробовали доказать себе, не другим, что ошибаемся, что наше место среди вольников.

– Бросили «Кукушек», ушли к «Шутам», добрались до «Голодных Волков» ... Собственно, там с Ледышкой и познакомились. Потом были «Безумные Гиены» ... И всё! Мы решили: хватит! – эльф в недоумении глянул на бокал тонкого стекла в своих изящных длинных пальцах. – Впрочем, война не ушла от нас.

– Последняя? – догадался Марго... он-то её пересидел в Чёрном замке.

– Она само собой, – отмахнулся Клякса. – Нет, мы подались в Главель аккурат в восстание против императора. Бойцы вроде нас в стороне не остались бы – не смогли, не удержались. И неожиданно объявился Ледышка... В общем, втянул. А потом строго нам говорит, будто старше нас на сотню-другую лет, а не наоборот. Мол, пора, братцы! Уму-разуму молодёжь учить, опыт передавать. Хватить по кабакам пьянствовать... Мы согласились.

– И рады тому, – Камень вдруг неожиданно заметил, что в руках у него посудина, а в той вино, – выпил одним гигантским глотком. – Самим бы трудно пришлось, а под началом Ледышки хорошо. Хоть он и аристократ аристократом, морда надменная, славный он парень... Герцог Зелеш. Слышал наверняка?

– Кто?! – очнулся Марго. – Имлунд Зелеш?!

– Он самый. Ты чего переполошился?

Но капитан не слушал: сметая со своего пути всех и всё, он кинулся к оставленному без присмотра Романду. И опоздал.

* * *

Имлунд искренне любил свою Школу. Пожалуй, именно она помогала смириться с необходимостью оставаться в Главели.

Разбирать счета, думать, как сделать Школу самокупаемой, смотреть на юных, полных надежд учеников. Принимать интересные и новые решения: в Гулуме к боевым искусствам не допускались женщины (кроме, магинь, разумеется – им попробуй что-либо запретить!), а Имлунд дозволил, впустил в Школу девушку. Потом вторую. Теперь их в Школе десять. Старшая (первая) – рыцарь империи и при этом жена и мать.

Разразился скандал: трубочист подрался с младшим бароном, учеником Школы, и вышел победителем. Оказалось, мальчишке платить было нечем, но к Директору или Учителям он

идти не осмелился, тогда и придумал подглядывать в окна да щели в заборах. Барон застучал, началась потасовка – результат известен. Имлунд принял мальчишку в Школу и постарался сделать так, чтобы бедняки не боялись приходить к воротам... Впрочем, центром, как Магическая гильдия, Школа пока не стала. Чересчур громкое имя у её Директора...

Герцог нутром чуял, что смерти ему не избежать, ощущал, как она приближается. Пятьдесят лет, конечно, не возраст при доступной магии, но это – время, когда уже прекрасно понимаешь, что вечной жизни нет. Даже эльфы умирают.

Конец близок, а Имлунд, положивший себя на процветание империи, не мог оставить Школу, своё детище, на произвол судьбы. Он умрёт, но и после должен быть порядок. Ёорундо казался неплохим кандидатом в преемники – если научится прислушиваться к Учителям.

Сегодня Школа ни радости, ни отдыха не принесла. Какая-то апатия навалилась на Имлунда. Весна? Предчувствия? Усталость? Ничего не хотелось. Думать. Делать. Не думать. Не делать. Разницы нет. Всё равно. Но долг... Въелось в герцога это слово, вросло. Один раз он изменил долгу – больше никогда. Долг привёл к ученикам и заставил работать. Ёорундо помогал.

Прислал письмо из Западной Гоблинской Школы магистр Вах-хо Загадочный. Прибыл для разбирательств граф Нулиш – благодаря его задиристому младшему сынку в Школе фактически содержались трое учеников, но из-за такой малости терпеть его дурацкие выходки и далее Учителя (а Имлунд в данном случае полагался на их суждения) считали нецелесообразным. Кое-что по мелочи...

– Отец. Мне слышится?

Имлунд оторвался от бумаг и недоумённо посмотрел на Ёорундо, затем перевёл взгляд на притихшего Нулиша. Герцог нахмурился.

– Нет. Или у нас обоих что-то не в порядке с головой и слухом.

Со стороны тренировочных залов неслись... крики «давай!», «так его!», «задавака гоблинский!», «магово отродье!», «колдун недобитый!» и далее в том же духе. Драка, вне всяких сомнений. И собралась она немалое количество зрителей.

– Граф! Если это ваше сокровище устроило, то сегодня же он отправится домой, к мамкиной юбке! – взревел Имлунд и вылетел прочь из кабинета, чуть не зашибив дверью Нулиша-младшего. Тот в обнимку с ведром и мокрой тряпкой упорно полз на шум. – Холо! Хочешь попасть в карцер?!

– Нет, Директор! – пискнуло чадо и сигануло, расплескав воду по коридору, прочь.

– Мой сын моет полы?! – возмутился во весь голос Нулиш-старший. – Я за ЭТО плачу?!

– Скажите спасибо, что он именно моет полы, граф! Следовательно, не он зачинщик драки и сегодня домой не отправится!

* * *

Они ворвались в зал одновременно: Марго впереди, эльф и полутроль позади в одну дверь и герцог Зелеш с сыном в другую. По периметру стояли младшие ученики, попадались, к сожалению, и старшие. Они восторженно кричали, советовали и подбадривали, но ни лезть в драку, ни разнимать сцепившихся в тугой ком мальчишек не пытались. Да и как их разнять, если они похожи на творожный колобок в масле: то один покажется бок, то другой? Мелькнёт серое, сверкнёт лазерное...

– Прекратить! – взревел Делиц.

– Остановиться! Разойтись! – не отставал Гирелингель. Марго помнил, что если эльф так разорется, то жди беды – полетят головы... или, наверное, заработают розги, в данном случае.

Напор Учителей будто отрубил у всех голоса. Десятки лиц залились краской стыда, кто-то потупился, пряча глаза. Но худшее ждало их впереди – они заметили Директора. Одно дело учитель... и даже Учитель – выпорот, нотацию прочтёт, загонит до седьмого пота, что к демонам в гости запросишься! И другое – взбешённый Директор. Его опозорили – пусть здесь только свои. Оно и хуже, что только свои – никаких поблажек, ни толики снисхождения.

– Кому говорят?!

Но ком в центре зала не распался. Напряжённо сопя, пыхтя и издавая иные несколько странноватые звуки, дерущиеся врезались в Имлунда. В следующий миг драчуны и герцог растворились в воздухе, за ними – Ёорундо, видимо затянутый в воронку от портала перемещения.

* * *

Мощный удар сбил Имлунда с ног, но далеко герцог не улетел, ощутив под задом нечто гладкое, твёрдое и тёплое, откровенно напоминающее камень на солнцепёке. На другую сторону столкновение тоже неплохо подействовало: ком распался на две части – лазоревую и серую. Обе вскочили.

– Горша Разумный, – хмыкнул герцог. – Вам не стыдно? Опозорили Учителя! Он-то о вас хорошо думал и отзывался! – отчитав потомка гоблинов, Имлунд перевёл взгляд на второго участника драки и остолбенел. Романда он ожидал увидеть в последнюю очередь. Точнее – вовсе не ожидал.

Подросший... Возмужавший, округлившийся на жёниных харчах, но всё тот же мальчишка. Встрёпанный, себе на уме и испуганный. Стоит, казалось бы, сейчас в новую драку кинется, но плечо вперёд выставил, отгораживаясь, и руки по-девичьи прижал к груди. Что-то прячет... гильдейский кулон, вроде бы. И всё те же голубые глазщицы. Те, которые шестнадцать лет назад спасли Романду жизнь.

Имлунд скривился. На следующий день после так и несостоявшегося убийства герцог узнал, что у... сына красивые зелёные, почти изумрудные глаза – в роду Зелеш у них имелся явный приоритет. Но для Имлунда у Романда они всегда обращались в материнские: голубые, сверкающие далёкими звёздами, притягательные, испуганные и вопрошающие. По одной этой особенности легко было догадаться, что это не простой ребёнок, а нечто уникальное, удивительное... Но Имлунд не желал разбираться, и вот он снова видит этот взгляд, эти странные глаза. И отчего-то рад, что режущая зелень так и не появилась для него... отца, бросившего, предавшего сына.

– Итак, мне хотелось бы услышать ваши объяснения. В чём причина драки? – что бы ни творилось внутри, голос оставался ровным и ледяным, знакомым, привычным. Наверное, оттого Романд вздрогнул, но вместе с тем и расслабился, уронил руки.

Змейка. Змея Зелешей! Вот оно что! Юноша недоумённо огляделся и...

– А где это мы?

– Вообще-то из нас ты маг, – хмыкнул досадливо Имлунд. – Вот ты и объясни нам, где мы!

Юный чародей знакомо открыл рот и округлил глаза. Герцог тихо вздохнул и серьёзно подумал о позорном побеге или хотя бы о возможности заткнуть уши ладонями – в ответе Имлунд не сомневался. Опыт.

* * *

Он просто миг, звено в цепи,

Но то, что замыкает круг...

Начал было читать Керлик, но его прервал грохот: книга выскользнула из ослабевших рук Литы и каким-то образом задела оставленную Марго бутылку вина. Та упала, и теперь алая, словно кровь, жидкость беспрепятственно стекала на пол.

– Папа! Я не чувствую Романда! – на чародея взирали тёмные полные паники глаза.

– Успокойся, девочка! – подскочил к дочери Керлик. – Он же светлый, забыла?

– И что?! Я всегда знаю его примерное местонахождение. А теперь нет...

– Это беременность, – соврал маг. – Срок.

Белые стены Чёрного замка вспыхнули, на миг ослепив жителей деревеньки и пролетающего мимо дракона Си-х-Ха. Бедный ящер ушёл в крутое пике, но в самый последний

миг всё-таки сумел выровняться и не врезаться в мёрзлую землю. Чёрный замок не обратил на досадное недоразумение ни малейшего внимания. У замка имелись свои проблемы – он переживал.

Глава 10 Тонкий расчёт, или Согласованность действий

Романда-змеёныша Гелундо Скотовод встретить в Главели никак не предполагал.

О странном, на самом деле странном мальчишке, так толком и не побывавшим героем всея Гулума и Мира и явно не желавшим им быть, разузнать ничего не удалось. Где он? что он? как он? – каждый вопрос без ответа. При этом тот, кто сдал змеёныша Ловцам Чар, отыскался без труда. Вот только общаться с глупцом не хотелось. По крайней мере, пока.

Гелундо оставил Романда без внимания. И гадёныш, словно ждал, тотчас обратил оное на себя: идя по району Духов – холод мучил тело, а боль не желала покидать своё вместилище надолго, – Гелундо едва не столкнулся нос к носу со змеёнышем. Мгновенно вопросы вернулись, а прежние планы на мальчишку засверкали новыми изумительными красками.

О! Одного взгляда хватило, чтобы понять: по поводу Романда все заблуждались. Судя по богатой одежде, плащу из шерсти шурша, гадёныш вошёл в дом не безродных крестьян, а твёрдый хозяйский шаг и гордый разворот плеч свидетельствовал в пользу того, что в новой семье отказник на хорошем счету. Но, с другой стороны, в дом жены Романд принёс только себя: своё тело и магические способности. Происшедшее отчасти уравнивало уравнивало мальчишку с небезызвестным бароном Меркушем, который женился на богатой, но некрасивой баронессе, живущей на окраине империи, и теперь старался как можно чаще и дольше «задерживаться» в столице, вдали от дражайшей супруги и их дочери.

Такие, как Меркуш и Романд, болезненно ищут независимости и самоуважения. Такими всегда можно воспользоваться. Впрочем, Романд не совсем Меркуш, поэтому следует действовать предельно осторожно... Не получилось...

* * *

– ...граф, что ты задумал?

Гелундо резко обернулся на голос и увидел того, кого и ожидал: благообразного старца в тяжёлом кожаном плаще на меху. При встрече с этим человеком Гелундо каждый раз мучился одной и той же загадкой.

Чародеи, проводив без лишней печали юность, выглядели всегда так, как желали: обычно они предпочитали зрелость, от тридцати пяти до сорока пяти лет, но порой среди них встречались и старики. Новоприбывший – то самое исключение. Но почему? Неужели настолько эксцентричен? Нет, вроде бы нет. Значит, с ним что-то произошло, сила дала сбой... или просто-напросто он очень и очень стар. Страшно находиться рядом с таким человеком.

– Здравствуй Великий! Какими судьбами?

– Этот, тварюшка ползучая, – маг кивнул в сторону ни о чём не подозревающего Романда. – Ты как-то странно на него смотришь.

– У нас есть шанс его использовать!

– Нет! Его надо убрать!

– Великий, у тебя с ним свои счёты? – изумился Гелундо. – Но не следует ли наступить на свою гордость? Мальчишка отличное оружие против Змея!

– Нет, – чародей покачал головой. – Отличное оружие – это то, которое действует как надо. А этот мальчишка непредсказуем! Я лично не берусь предугадать его поступки... Но не суть. Мальчишка стоит у нас на пути, поэтому от него и следует избавиться.

– На пути?

– Именно. Ключ – вот, что мы действительно можем использовать. Мы об этом говорили, и не раз. И мне известно, как с ним обращаться.

– Но причём здесь змеёныш? – Гелундо знал об артефакте, его назначении и роли

Романда, как, впрочем, и любой гулумец, потому в искренность собеседника не верил. Обычная месть – умеет мальчишка находить общий язык с опасными людьми, ничего не скажешь.

– Граф, как ты думаешь, Гильдия оставила бы мага такой силы и дел под топором палача?

– Насколько мне известно, нет. Но я полагал, что это твоя заслуга, Великий.

– В конечном счёте – да, – чародей на миг умолк, провожая недоумённым взглядом какого-то мужчину. Тот прошёл мимо, настолько близко, что чуть не задел собеседников, но так и не заметил их. И лишь ветерок, родившийся от движения незнакомца, пошевелил полу белого плаща Гелундо. – Где-то я его видел... Романда отослала закрывать Врата лишь по одной-единственной причине: на мальчишку каким-то образом замкнулся Ключ. Подозреваю, что дело в его мамаше. Наткнулась на артефакт, потрогала. На себя, конечно, замкнуть не могла – не магиня, не девственница, но вот плод...

– Великий! Разве Ключ не находился в Орлиных горах? – искренне изумился Гелундо.

– Находился, – согласился маг. – Чего только стоило выкрасть его из родового замка Лиххилей!

– Но? Как тогда мать Романда могла?..

– Вот именно – как? Змей! Везде этот проклятый Змей!.. Связанный с Ключом имеет полную власть над артефактом, несмотря даже на то, что может уже физически не подходить как владелец. Я намекнул Кругу Старших, что не стоит мальчишке иметь на руках такую «игрушку». Они охочи до власти и боятся её потерять – мгновенно проглотили приманку. Борясь с узами, они чуть не упустили Романда – только тот и сам как-то сумел выкрутиться, а с Ключом ничего не вышло. Связь создана до рождения – следовательно, исчезнет после смерти. Так что теперь у нас есть выбор: непонятный змеёныш или абсолютно ясный, по крайней мере для меня, Ключ.

– Я тебя понял, Великий.

– Отлично. Когда избавишься от мальчишки, пошли своего человечка за артефактом. Сам я, как ты понимаешь...

– Понимаю, – повторился граф.

– И запомни! Змей никогда не действует необдуманно. Он всё просчитывает наперёд...

* * *

Против разумных доводов Гелундо никогда не спорил и, хотя использование Ключа считал не самой удачной идеей мага, согласился уничтожить Романда. Что удивительно, это графу не удалось. Нет, сам он и не собирался пачкать руки, но он даже не успел отдать приказ – кто-то всю грязную работу сделал по личной инициативе.

Хорошо. Но очередная загадка без ответа восторга не вызвала. Кто, зачем и почему – на этот раз действовал профессионал, а тот, кто подставился по дурости осенью, определённо был вне подозрений.

Однако, загадки загадками, а раз поставленная задача решена, то необходимо перейти к следующей. Ключ.

Молодой ассасин, ученик белого мага, утверждал, что артефакт находится в здании Магической гильдии, но конкретного месторасположения не знал. Н-да, толковый мальчик! Тьфу! Пришлось всю организацию дела взять на себя.

Не мудрствуя лукаво, Гелундо применил старый как Тьма приём: распустил слух среди нужных людей (в этом и ассасин сгодился), что готовится кража Ключа. Чародеи отреагировали мгновенно: засуетились, перенесли артефакт в более надёжное место и усилили охрану оногo. Таким образом Гелундо выяснил, где находится Ключ, осталась сущая малость: подготовиться и ждать удобного случая. Последний наступил неожиданно. Как обычно.

И снова главную роль сыграл Змей. Более того, он в очередной раз преподнёс сюрприз.

Имлунд Зелеш исчез. На глазах у многих, при невыясненных обстоятельствах и в неизвестном направлении.

* * *

Человек, облачённый в чёрное, мерил нервными шагами небольшой внутренний дворик старого дома на окраине Главели. Со стороны, особенно, когда не на что равнять, трудно было сказать: мужчина это или женщина – свободный крой одежды скрывал очертания тела, а одиночество утаивало даже габариты. Впрочем, никто не интересовался этим человеком. Редкостная удача!

Вот человек в чёрном споткнулся в незрячем гневном о низенькую скамеечку для ног, явно ушибся и остановился. Развернулся. Резко и вместе с тем небрежно махнул рукой – в свежескрашенную мишень впились три одинаковые серебряные звёздочки, образовав правильный треугольник.

– Бзо!

От движения капюшон упал на плечи и явил отсутствующим наблюдателям длинные, необычного оттенка волосы, забранные в косу сложного плетения. Женщина.

– Рр-рокоз!!! – рыкнула она.

Мишень разлетелась на куски от удара ледяным кнутом. Неповреждённые звёздочки осыпались на плитки дворика мелочью из прохудившегося кошелька. Магиня.

– Сукин сын!!!!!!

В ярости.

Опасное сочетание.

– Ты за это получишь! – теперь она шипела.

Её взгляд метался по пространству дворика, изменяя оное до неузнаваемости: задымилась перевёрнутая скамеечка, в мелкую пыль обратились каменные кадки, а облетевшие деревца в них скукожились и усохли. С трёх глухих стен сыпалась штукатурка, в окнах четвёртой тревожно звенели стёкла, трещали ставни и дверь. Воздух наполнился ароматом калёного металла.

Женщина только вернулась из гильдейского архива. Искала она там редкое заклятье, но нашла нечто иное.

– Заплатишь! И мало тебе не покажется!

Магиня ударила кулаком по подпорке для винограда. Сейчас, зимой, он представлял жалкое зрелище: одревеневшая лоза обвивала столбик и решётку, соседние плети, саму себя. Не столько жалкий, сколько – ужасающий вид. Казалось, растение умерло, задушив себя в попытке добраться до солнца.

Ничего подобного.

Весной стебли оживут, на них проклюнутся листочки, а к середине лета, ближе к концу Сензорника лёгкая решётка затрещит под тяжестью гроздей ещё зелёных, кислующих ягод. Не зря в южных землях империи и там, где хозяева сильнее обычного доверяют магии, месяц Сензорник называют Виноградником.

Чудом не переломав кости о подпорку (или наоборот?), женщина пришла в себя.

– Госпожа! Госпожа! – дверь в дом медленно отворилась и из-за неё показалась вихрастая головёнка девчушки лет семи. Новая ученица. Чем малышка-чародейка нравилась женщине, так это смелостью – вот так сунуться под руку к разгневанной магине не каждый сможет. – Там ваш амулет пляшет!

– Сколько тебе говорить: не госпожа, а учитель! – женщина отчитала ученицу исключительно для порядка. – Спасибо. А теперь иди и займись чем-нибудь полезным. Платье себе заштопай, а то ходишь, словно нищенка, а не гордая магиня!

– Да, госпожа, – с готовностью кивнула девочка. – А скажите, почему он трясётся?

– Это меня вызывает магистр Новелль Спящий, любопытная ты моя.

– А как же он может вас вызывать, если он светлый чародей, а вы тёмная магиня?

– Иногда это и меня удивляет, – откровенно хихикнула женщина. – Но вообще-то он глава Круга Старших Магической гильдии и по пустякам никого не тревожит. И запомни, моя дорогая, когда дело касается Гильдии, мы забываем, к какой Стихии принадлежим! Мы – маги!

– Я поняла, гос... учитель!

– Хорошо, – магиня улыбнулась. – Беги. И не трогай мои звёздочки! Если поранишься и зальёшь дом кровью и соплями, убирать сама будешь.

Девочка мотнула головой в знак согласия, взметнулись фонтаном разноцветные ленты – и

ребёнок скрылся на лестнице, ведущей в подвал. Улыбка с лица чародейки испарилась, как и не бывало.

– Ох! И достанется же тебе, Керлик Молниеносный. Достанется!

Оригинальную волшбу читающего женщина почувствовала в архиве. Сейчас отголосок магии докатился аж до окраины Главели. Мощные заклятья и непонятные. Они беспокоили магину, по всей видимости Круг Старших – тоже.

* * *

На Юго-западе огромной империи Гулум, среди вечнозелёных холмов раскинулось укутанное горьким ароматом хмеля Уединение Ясности.

Купцы и караванщики, регулярно, четыре раза в год, наведывающиеся в это Уединение-от-Мира, между собой прозывали оное несколько иначе – Уединение Тумана. Ибо только в Уединении Ясности варили столь удивительное по вкусу и качеству пиво. В том числе и знаменитое на весь Мир «Янтарный Свет», за секретом которого порой посылали солдат. Но воины не в силах взять Уединение, так как его хранило божество и служащие ему храмовницы. По всей видимости, они же и защищали секрет от шпионов и прознатчиков.

За «Янтарным Светом» ездили в середину зимы, месяц Просинец. Впрочем, здесь, где снег считали выдумкой бродячих менестрелей, а холод измеряли по времени, когда требовалась вторая льняная рубаха, Просинец имел другое название – Рыдальник или вовсе Ревун, что изумляло и путало столичных гостей, полагавших этот месяц началом осени. Тем более что первый месяц весны, в который Уединение выставляло на продажу светлое, почти прозрачное пиво «Слезинка», прозывался, как и в Главели, Сухой.

Цикадник, что после Травня, славился «Мраком», а Листопад, здесь конечно же Овечник (когда-то по Хмельным холмам шла граница исчезнувшего королевства Овис) – «Усмешкой».

К производству пива на всех его сложных этапах допускались только женщины. Вот и сегодня все они были заняты изготовлением оного. Кто трудился среди вьющегося зелёного хмеля, кто присматривал за прорастающими ячменём или пшеницей. И прочая. На территории самого Уединения сейчас не встретишь ни одной уединённой или храмовницы, изредка попадались молоденькие призванные, занятые повседневными, обычными женскими делами. Время молитв – поздний вечер или раннее, ещё до встречи солнца, утро. День же – время трудов.

И только одна женщина, казалось, предавалась недостойному безделью.

В центральном храме Уединения Ясности царила гулкая тишина: любой звук, даже почти неуловимый шорох опавшего лепестка белой розы разносился громовым раскатом, который ещё и подхватывало да дробило-повторяло настырное эхо. А роз в этом храме росло превеликое множество.

Центральный, или Общий, зал главного храма Уединения Ясности являлся сильно вытянутым эллипсом, что, надо откровенно признать, замечалось с трудом. Снаружи, сверху храм выглядел как симметричный, хоть и разносторонний многоугольник. Неплохая задумка, однако картину портила крыша, усыпанная разновеликими куполами, покатыми и блестящими, словно лысина наёмника.

Внутри округлость стен терялась за странными архитектурными решениями – строители попытались воплотить верование данного Уединения в главном храме оного. Большую часть зала занимали две колоннады, замкнутые одна в ромб, другая в прямоугольник – этакое подобие подзалов.

Прямоугольный был ближе ко входным вратам. Колонны, даже столбы, стояли редко, но отличались толщиной и грубым необработанным камнем. Рядом с ними даже могучий великан чувствовал себя карликом, настолько давящими они казались. Словно чтобы исправить нелюбезное впечатление, у каждого колосса располагались глубокие чаши-вазы. Не то чтобы изящные, но приятные взору.

На окаёмках чаш крепились лёгкие треноги с лампами, в которых трепетали язычки настоящего живого пламени. Огонь отражался в воде, заполнявшей вазы, отчего странная

нереальность и вместе с тем удивительная действительность окружения казались ещё более пугающими.

В свою очередь, второй ромбический подзал создавали тонкие, не толще девичьей ручки, беломраморные колонны – существующие явно не без помощи магии. Их-то и увивали до самого потолка розы. Здесь пол храма устлали белоснежные лепестки, а в воздухе царил ни с чем не сравнимый тонкий аромат утренней росы, осыпавшей только-только раскрывающиеся цветы.

Середину беломраморного хоровода занимала ванночка в виде распустившегося лотоса. Её тоже наполняла вода из ключа-тычинки, не бьющего фонтаном, а скорее таинственно будоражащего водную гладь. Рядом с каменной лилией, на плетёной циновке замерла женщина в полупрозрачных светящихся одеждах. Божественная Уединения.

Она невидяще смотрела вглубь чаши. Глаза женщины отражали яростные вспышки далёких нездешних солнц. Так, не шевелясь, словно превратившись в статую, ещё одну странную колонну Общего зала, божественная сидела уже вторые сутки, и ничто не было способно вывести её из мертвенного оцепенения.

Но вдруг очередной лепесток расстался с материнским цветком и легко спланировал вниз, чтобы усохнуть на холодном каменном полу. Храм наполнился эхом – женщина вздрогнула и очнулась.

– Хрон, – выдохнула она.

И гулкая тишина сменилась обычной. Божественная вылетела прочь из храма своего божества. Не замечая ни подобострастных поклонов очередных просителей, ни уважительных книксенов призванных, ни недоумённых взглядов уже собиравшихся на молебен прочих храмовниц, она пронеслась по Уединению прямо в свои покои. Там женщина без сил рухнула на огромное, неподобающее её рангу ложе.

– Проклятый Хрон... – прошептала она и заснула.

* * *

Храпик Хро восседал, что единственный петух в курятнике, на лестничном парапете и смотрел вниз, на первый этаж и по совместительству холл для общих собраний студиязов Белого отделения Гильдии. Сейчас там находились только двое, причём один из них – ни в коем случае не маг Света.

– Не боишься сверзиться, Соня? – раздалось позади.

– Если ты не будешь подкрадываться, Остроухая, нет, – не оборачиваясь, откликнулся новоиспечённый подмастерье белого мага. Он без того отлично знал, кто рядом.

– Слышал? – Ивелейн Златая оперлась на парапет рядом с задом Храпика. – Старее я, что ли?

– Нет, вина в ночь Жезла перебрала – тебя же за версту учуешь!

– Врёшь.

– Вру. Ты же в курсе моего абсолютного слуха – сама же мне за это тёмную устраивала.

– Злопамятный.

– Не то слово, – хмыкнул юноша. – А что это тебя ещё в Леса не отправили?

– Его величество Король эльфов, то есть вроде как, по утверждению моей матушки и мага рода, мой батюшка, намекает Кругу Старших, что неплохо бы провести для меня испытание на мастера пятой ступени...

– Что как минимум через три года?

– Именно, – подтвердила эльфийская принцесса.

– Учителя Школы этого не переживут!

– Думаешь, восстанут? – любопытствовала девушка. – Или свяжут меня, посадят в пыльный мешок и отошлют отцу?

– Зачем же? – фыркнул в ответ Храпик. – У нас строптивых девиц замуж выдают.

– Это ж кого так осчастливят? Императора вашего, что ли?

– Вряд ли. Я конечно в высокородных делах не специалист, но Совет удавится, если императрицей окажется остроухая, почти бессмертная эльфийка. Уж лучше крестьянка

безродная или магиня из людей – всё свои. Да и пристрастия нашего повелителя не располагают к браку.

– Вот уж, напугал эльфа пристрастиями! – тихо рассмеялась Ивелейн. – К тому же, они супружеству не помеха – так, досадное недоразумение. Но кто же тогда будет моим мужем?

– Ну, я, например.

– Раскатал губу.

– Я, по-твоему, на голову ударенный?! – возмутился молодой чародей. – Если предложат, не откажусь – возвращаться домой желания нет, но по собственной воле...

Они умолкли, наблюдая за парой внизу. Красивые парень и девушка, идеально подходящие друг другу... Что там! Созданные друг для друга! Они стояли на нижних ступеньках лестницы, наверху которой расположились оба подмастерья, и о чём-то беседовали. Судя по эмоциональным взмахам рук, разговор вёлся на высоких неласковых тонах.

– Ссорятся? – спросила Ивелейн с тяжким вздохом.

– Ссорятся.

– Давно?

– Да уж час точно прошёл.

Парень внизу раздражённо пожал плечами. Девушка гордо выпрямилась.

– Дура, – констатировал Храпик.

– Что? – не поняла эльфийка.

– Я говорю, что она дура. Он же сейчас уйдёт. Ну что ей стоит зареветь? Он же тотчас на коленях приползёт!

– Магини не плачут!

– Плачут, – безапелляционно заявил чародей. – Только не тогда, когда надо.

Как он и предсказывал, юноша вдруг рванул прочь от обсуждаемой девушки. Та некоторое время постояла гордым памятником ревнивой глупости и кинулась за возлюбленным.

– Поздно, – где-то хлопнула дверь. – Теперь он не сможет войти, пока Зелн не вернётся. А у того, насколько я помню, были глобальные творческие планы на вечер и ночь.

– А мы не сможем отпереть? – поинтересовалась Ивелейн.

– Не-а, я проверял. Там хитрая система, что-то связанное с заклятьем замыкания. Схема чуть ли не такая же, как узы между Романдом и Ключом.

– Романдом? – ухватила эльфийка. – А как тебе в качестве моего мужа Романд?

– Ха! С ним дела обстоят ещё хуже, чем с императором. Во-первых, если бы некая девица не опаздывала на экзамены, то она знала бы, что он женат. Я, конечно, подозреваю, что и это для остроухих проблемой не является, но у людей всё гораздо сложнее. Во-вторых...

– То, куда я не опоздала?

– Ах, четверть часа – краткий миг вашей жизни, принцесса... Вообще-то не знаю. Об экзамене от Рыско и Зелна ничего путного добиться так и не удалось. Не к Эфелю же с Новеллем обращаться? Проще уж тебе у госпожи Умеллы всё выпросить!

– Так что же тогда?

– Ритуал Выбора.

– Мм-м, я тот год пропустила... ладно, опоздала.

– Я ходил. Смотрел.

– И что?..

* * *

...В просторной комнате (судя по партам и чёрной длинной доске на стене – учебном классе) все доступные поверхности были уставлены, точнее – беспорядочно завалены, камнями. Разной формы, размеров и цвета. Обработанные умелыми руками и такие, словно минуту назад взятые из копей. От простых речных катышей до прозрачных слёз-алмазов, которые, пожалуй, нечем оплатить даже императору.

На одинокой лекторской трибуне лежал огромный амулет в виде ромашки – как объявили новичкам, символ Магической гильдии. Таких цветочков существовало не очень много: один,

например, находился в кабачке «Пьяное солнышко», другой, утверждали, хранился в императорской сокровищнице, а этот – третий. О других ничего не говорили, но Романда не покидала уверенность, что где-то он видел такую «ромашку» или нечто очень и очень похожее.

Рядом, не подпуская к амулету ни претендентов в ученики Школы, ни взрослых магов, стоял экзотичный Хру. Он следил за тем, чтобы новички сделали выбор самостоятельно – амулет лишь подтверждал или опровергал решение.

Желающих попасть в Школу Магической гильдии пришло немало. Они, никак не ожидавшие такой непритязательной встречи и обыденной обстановки, потеряно бродили по помещению и пытались отыскать единственно верный камень, который откроет путь в чародейский мир. Не все из прибывших уже явили магическую силу – некоторые просто хотели быть магами. На Ритуал Выбора допускали всех, кто в нём ещё не участвовал, так как случилось, что хотение есть не что иное, как открывшийся Талант Предвиденья. Но это редкость.

Однако, всем присуща хотя бы толика силы: если её оказывалось чуть больше обычного, то обладателя одной отправляли в какую-нибудь подходящую Школу. Если имеется желание и талант, то почему бы не дать им развиваться? В Главели оставались только истинные маги.

Романд, в отличие от многих пришедших, знал всю подноготную Ритуала Выбора. Как и был в курсе того, что сам он, Романд Зелеш, младший сын Первого советника императора, является настоящим чародеем, поэтому из столицы никуда не денется. Открытием для высокородного неофита не являлось и то, какой камень связан с которой из Стихий. Собственно, именно поэтому Романд не суетился, а с тоской изучал золотистый топаз. Тот отвечал полной взаимностью, печально мерцая в свете множества ламп.

– Романд Зелеш! Сколько бы вы на него не паялились, он не взлетит. Вы не маг Воздуха!

Мальчик вздрогнул от грубого окрика и огляделся. Все уже сделали и проверили свой выбор: у доски переминались с ноги на ногу три представителя Стихии Огня, гордо задирали нос девятилетний маг Света, тихо всхлипывала девчушка-водница. Кажется, припомнил Романд, все три огневика были её родными старшими братьями. Забавно.

В углу под приглядом мастера Духа безвольными куклами застыли двое воришек, пытавшихся под шумок стянуть алмаз и синий сапфир. Наивные! Остальные претенденты огорчённо вздыхали у зашторенных окон.

– Предупреждаю! – продолжил Хру. – Ждать вас до ночи мы не намерены! И на Ритуал Выбора допускаются единожды!

Романд славился послушанием и тихим нравом, но вдруг разум затопил гнев. Как он смеет?! Этот человечиска, который представления не имеет, что такое чародейская мощь!!! Неповинный топаз резко взмыл в воздух и с силой врезался в стену над Хру. На головы близ стоящих посыпались блестящие мелкие осколки, словно не камень разбился, а обычная стекляшка.

– Взлетел! – обиженно заявил Романд.

– Мы видим, – рядом с испуганными студиями возникла величественная женщина. Как позже выяснил мальчик, сама магистр Умелла Облачная. – Господину Хру не известно, что вы, молодой человек, уже приняты в Школу и Ритуал Выбора для вас хоть и обязательная, но формальность. Так вот, после того, как вы откроете Миру, к которой из Стихий принадлежите, вы отправитесь в кабинет господина Хру, где узнаете, какое наказание заслужили.

Неофит не нашёлся, что ответить, поэтому молча двинулся к амулету-ромашке. Формальность – так формальность! Не станет он рыться в этих ценных побрякушках!

Цветок никак не реагировал на приближающегося Романда до тех пор, пока от трибуны мальчика не отделил всего один, последний шаг: все камни неожиданно вспыхнули. Одновременно! В том числе и хрусталь с турмалином. Словно амулет говорил: ну, выбирай, что хочешь! Будто конкретная Стихия не присуща чародею с рождения... Абсолютно не понимая, что творит, Романд протянул руки и дотронулся кончиками пальцев до какого-то из камней – амулет раскатился на составляющие и прекратил своё существование. На деревянной поверхности стола одиноко сверкала хрустальная капелька. На осторожное, пугливое прикосновение Романда она отреагировала чистейшим, но не слепящим светом.

Несмело оглянувшись на Умеллу, других чародеев, с интересом наблюдающих за происходящим студиязов не первого года обучения, Хру, остальных, мальчик понял, что теперь-то ему действительно достанется.

– Но я не специально! – попытался объяснить он со слезами на глазах. – Я случайно!
Однако никто не оценил искренности Романда Зелеша...

* * *

– Ты с самого начала знал, что он сын Змеинового герцога? – удивилась Ивелейн.

– Знал. И как ты понимаешь, не я один. Но после того, что он устроил на Ритуале Выбора, никто не обратил внимания на столь интересный факт, пока батюшка не соизволил навестить сыночка уже в стенах Школы.

– Да, – кивнула эльфийка. – Я помню. С того посещения Романд выставял свою змейку напоказ. Не хотел он этого...

Девушка неожиданно схватила руку Храпика и поцеловала его ладонь.

– Ты чего?! – отшатнулся чародей, выдирая конечность и едва не падая вниз, в холл.

– Дурак! – рывкнула Ивелейн и убежала.

Храпик невесело усмехнулся. На его месте хотели бы оказаться многие и многие, но маги – это не многие. И он – тоже. Он не мог ответить эльфийке взаимностью. Он любил другую. Другую, которая отдала сердце тёмному магу. Прекрасную Лоран Орлеш.

* * *

Белокурая девушка, наклонив голову к левому плечу, рассматривала стеклянный вольер-аквариум. В мутноватой воде, среди колышущихся водорослей плавала необычно маленькая, всего шаг в длину, ехидна. Змея словно красовалась перед единственным наблюдателем – гадину, хоть и символ прежней династии, посетители главельского зверинца не любили.

Антрацитовая чешуя головы и тела пугающе блестела, а кроваво-алое брюшко навевало мысли о бесчисленных жертвах этой страшной хищницы.

Девушке нравилась змея. Нравилось, как та безупречно движется в воде, элегантно ныряет, выплзает на бережок. Гостья обожала смотреть на изгибающееся, сворачивающееся в кольца безупречное тело. Красавица.

Откинув на спину мешающие волосы, девушка поднялась по лесенке, приставленной к стенке вольера.

– Госпожа! Осторожно! – рядом с посетительницей мгновенно появился смотритель. – Она ядовитая!

– Я знаю, – кивнула девушка, огладив кулон Магической гильдии. Доброхот отступил. – И очень.

Она протянула руку в воду. Ехидна с удовольствием подставила голову под протянутую ладонь.

– Мы уничтожим этого ублюдка, верно? – ласково спросила магиня у змеи. – Мы справимся с ними со всеми. И никто больше не встанет у нас на пути... Да, мой дорогой?

Гадина не ответила. Девушка со вздохом спустилась вниз, на землю, брезгливо стряхнула грязную воду с ладони. Ехидна магине нравилась, но девушка не любила ни воду, ни змей.

* * *

– Змей исчез!

– Да, я знаю, – Гелундо нахмурился. – Членов Совета оповестили сразу.

– А императора?

– Безусловно. Однако он не счёл эту новость достойной внимания и поездку прервать не соизволил.

– Как удачно!

Они встретились в районе Духов. Замечательное место – вотчина тёмных магов. Место загадок и тайн. Здесь без труда укроется ещё один секрет. И никому нет до него дела. Свобода.

– Надо действовать.

– Но?..

– Отличный момент: ни Змея, ни его ставленника, ни его отродий!

– Мы должны всё просчитать, подготовиться! – попытался снова граф.

– Мы готовы. А если всё просчитывать, то пойдём по пути Зелеша, по его правилам – и снова проиграем. Нет, наша надежда во внезапности... нет, в спонтанности! И я подстрахую, не бойся. Скажи своему человечку, что его будут поджидать. Он поймёт – кто.

Гелундо склонил голову в знак согласия. И великого почтения.

* * *

Чёрный замок начал что-то подозревать. Однако свои подозрения он решил оставить при себе – хозяева у него правильные, хорошо подобранные. Разберутся.

Глава 11

По ту сторону, или Загадки

Шёл дождь... Дождь? Для потока воды, который низвергало на землю небо, даже слово «ливень» слабо отражало суть происходящего. Стена? Река соединила верх и низ, и замерший между, попавший в её объятия неминуемо захлебнулся бы. Впрочем, глупец погиб бы раньше, раздавленный водой, вдолбленный в землю... Хотя о какой земле речь? Она и сама должна исчезнуть под безумным, всесокрушающим напором!..

Романд сумел удивить Имлунда: вместо своего коронного «я случайно» юнец захлопнул рот и внимательно осмотрелся.

Они очутились посреди ровной и, насколько хватало глаз, бескрайней разнотравной степи. Преобладал ковыль (к счастью, не опасная хищница тырса), его шелковистые ости серебристыми барашками танцевали на поверхности таинственного, завораживающего травяного моря. То тут, то там его прорезали острые кончики лисохвоста, и впрямь чем-то напоминающие своего имядателя – лисий хвост с запутавшимся в нём репейником семян. Не позабыли явиться взору маленькие лапки мятлика и рыхлая ежа, ревниво пытались отстоять законное место густые метёлки тонконога. Гордо качала алыми колокольчиками чудом затесавшаяся среди далёких родственниц наперстянка, и с ней неудачно спорили розовые цветочки дикого лука. Вблизи просматривались люцерна и полошник.

У валуна, на котором императором восседал Имлунд, настырно раскинулась молоденькая конопля, не желающая умирать, несмотря на ужасное соседство мясистой, режущей глаз своим неестественным окрасом заразики.

– Представления не имею, где мы, – вынес вердикт после тщательного изучения территории Романд. – По-моему, это степь.

– Потрясающе! – похвалил наблюдательность и сообразительность юноши герцог. Если бы он не знал мальчишку и не сам воспитывал того с сопливого младенчества, то уверился бы, что парень издевается. – Как мы сюда попали?

– Переместились, – пожал плечами Романд. Имлунд досадливо сплюнул – маги! Любят отвечать так, что их ответы никому не нужны!

– До этого как-то я и сам додумался, – пробормотал герцог и всё-таки поднялся. – Не нравится мне это место... что-то тихо стало.

Действительно, и без того негромкие звуки пропали – никто сердито или зазывно не стрекотал в траве, да и сама трава застыла, замерла. Когда подобное случалось с ковылём? Правильно – редко... Ветер, подтверждая подозрения, возвратился в стремительном порыве, неся то, что не додал миг назад. Только что голубые небеса посерели – по ним со всех сторон,

прямо к месту, где в недоумении озирались мужчина и два подростка, неслись грязно-синие тучи. Кольцо сжималось, горизонт прорезали тонкие линии дождя.

– Отец! Какая-то неправильная это буря! – Позади стоял Ёорундо. – Надо бы в укрытие.

Он приглашающим жестом указал на пещеру за спиной. Посреди ковыля высился заросший клевером холм, в нём дыра...

– Чересчур удачно, – снова буркнул Имлунд, – но выбирать не приходится. И я очень надеюсь, что это не гроза.

* * *

Беременность – хорошее объяснение для той, которой подходит срок родить. Даже не объяснение, а временное успокоение. Лита – тонко чувствующий человек, к тому же магиня и читающая, от неё не скроешь собственную неуверенность и недоумение.

Романд действительно пропал, исчез, не оставив после себя следов. Нет, следы, конечно, были, и обрывались они в Главели, но в том-то и дело, что обрывались, как запах сбежавшего каторжника у ручья. Из Чёрного замка не понять, в каком из двух направлений продолжать поиски. Не ясно даже – стоит ли переходить «речушку» вброд. Это настораживало: никаких сомнений не вызывал тот факт, что мальчишка покинул родной Мир, однако ничто не объясняло неожиданное ослепление Ока Охранения – перемещение между Мирами амулету не помеха. Талисман выведен из строя мощной магией.

Таким образом, вырисовывалась безрадостная картина: имелся (точнее – наоборот) не умеющий перемещаться в пространстве Романд, который не поддавался поисковым заклинаниям. Вывод: украли мальчишку, а операцию по спасению нельзя проводить, сидя в Замке, но и Литу оставлять в одиночестве не хотелось. Приходится выбирать.

Если бы Марго не отправился в столицу вместе с Романдом, Керлик бы не колебался ни секунды, но... Впрочем, что это он?! Зачем он столь плохо думает о родной дочери?! Лилийта принадлежит роду Хрон, она чёрная магиня огромной силы – справится, а стены Замка помогут! Кроме Романда ещё никому не удавалось взять малую твердыню Хронов волшебством. Да и кому оно надо? А преданные стражники помогут госпоже, и бабка Любавуха одну молодую мать, свою любимицу, не оставит.

* * *

Внутри пещера оказалась просторной, сухой, чистой и явно рукотворной, хотя и удачно стилизованной под природную. Создатели её вряд ли пытались кого-либо обмануть – лишь никогда не видевший лесов и лугов человек мог бы поверить, что сооружения, вроде странного холма, возникают в голой степи самостоятельно. У входного проёма, прямо напротив первого валуна, лежал камень, плоский и удобный для сидения. В глубине пещеры, на той же линии располагался ещё один – Имлунд на нём и устроился. Горша, не задумываясь, уселся прямо на пол, покрытый скорее пылью, нежели песочком. Ёорундо стоял, как и Романд.

– Ты как здесь очутился?

– Затянуло, отец, – я оказался слишком близко к вам, – объяснился Ёорундо. – Материализовался по ту сторону холма. Там, кстати, такая же пещера.

– Понятно, – кивнул герцог, будто и впрямь что понимал. – Садись. Не стой над душой.

Сын подчинился. Тишина окутала людей – только шум странного дождя смел её нарушить. Не успели они укрыться, как вода рванула с небес на тёплый камень, коноплю и заразику, ковыль. Внутри пещеры влага не проникала – видимо над входом имелся уступ-kozyрёк, а под ногами небольшой уклон.

Романд, сторонясь прочих, расположился у самой кромки ливня. Юноша подпирал плечом стену и задумчиво, даже вдохновенно ковырял носком сапога пол, затем вдруг вытянул под дождь руку и быстро отёрнул. Ушибся – таков оказался напор.

– Здесь нет магии.

– Что? – дёрнулся Имлунд.

– Здесь нет магии, – повторил Романд, всё так же бездумно глядя на воду. – Я не чувствую

силу, я не могу воспользоваться даром.

– Отчего ты так уверен в этом? С тобой когда-либо случалось подобное? – уточнил Ёорундо.

– Да! – юноша резко обернулся. Лицо его вытянулись больше обычного, глаза метали злые молнии, а руки сжались в болезненные кулаки. – Случалось! И я не удивлюсь, что из-за тебя!

– Щенок! Как ты смеешь?! – обиженно взвыл старший брат, но его перекрыл грозный и мощный окрик.

– Прекратили! Оба! – рявкнул Имлунд.

Ёорундо воззвание отца вразумило сразу, без повторений, но Романда оно лишь разъярило.

– Вы мне никто, чтобы раздавать приказы!

– Да, конечно, – спокойно согласился герцог. – Однако, я старше, причём намного. И... ты, Романд, как чародей присягал империи. Или ты успел от неё отречься?

– Ни от кого и ни от чего я не отрекался! В отличие от других!

– Конструктивной беседы у нас не получается, – хмыкнул Имлунд. Юноша этого замечания не выдержал и сиганул из пещеры. – Куда, дурак?!

Герцог рванул следом и замер, чуть не врезавшись в младшего сына.

Местность разительно переменялась, словно прошедший дождь действительно вымыл, проломил землю. Степь исчезла, взамен неё они расположились на нешироком горном уступе, под ногами пропасть, далеко внизу – окутанные туманом леса. Позади – всё та же пещера, с камнем у входа и водопадом, прячущим её.

– Говоришь, здесь нет магии? – поражённо прошептал Имлунд.

– Нет, – столь же тихо ответил Романд.

– Давай, не будем стоять у самого края, – герцог осторожно, но крепко обнял плечи сына и потянул того прочь от пропасти. – Но как такое возможно?

– Магия не доступна мне, – юный чародей озирался с каким-то потерянным, полубезумным видом. – Она в природе, в предметах...

Вдруг он осёкся и, бесцеремонно стряхнув с себя Имлунда, принялся рыться в карманах шуршевого плаща. Охнул, на что-то наткнувшись. На покрасневшей от новых мозолей ладони блестели две золотые монетки: одна целая, другая переломившаяся пополам. Лицо юноши осветилось улыбкой, радостной и вместе с тем недоумённой.

– Что?.. Вы?.. – внезапных восклицаний Горши оказалось достаточно, чтобы Романд испуганно дёрнулся. Его ладонь дрогнула, и обе монетки полетели в пропасть.

– Нет! – юный маг попробовал их поймать и не удержал равновесия, оступился. Имлунд, пытаясь остановить Романда, рванул его за пояс, но в результате только ускорил падение, и оба, сын и отец, рухнули вслед за губительным и губящим золотом.

Сердце подскочило к горлу, непомерно раздулось, а внутри сжался маленький ком, который тщился прокачать кровь для организма и всё больше походил на плотину, что вот-вот прорвёт взбесившийся поток... Наверное, это был предсмертный ужас, но Романд не успел продумать до конца странную мысль – удар, ещё один. Сгруппироваться... Это что-то из жизни. Снова удар, круговерть... И россыпь звёзд.

* * *

Наказав Лите стеречь дом и дожидаться мужа (вдруг-де тот разминётся с обожаемым тестем), стражникам – беречь молодую хозяйку, а Любавухе – приглаживать за несмышлёным дитятей, Керлик удалился в кабинет и без труда перенёсся на место, где обрывался след Романда. Действо оказалось на редкость несложным: несмотря на то, что уход зятя ознаменовался странным облаком остаточной магии – накрыло половину Главели! – точка выброса силы, а её в чистом виде фиксировалось не так уж и много, просчитывалась легко. Поэтому над перемещением Керлик не задумывался, а стоило бы.

– Молнезад?!

Зрение прояснилось чуть позже слуха, из-за чего маг поначалу едва не оглох от звона-вопля, затем увидел забавно одетого эльфа в пустынном зале и лишь после понял, что означает присутствие остроухой, нагло ухмыляющейся морды.

– Клякса? – не поверил Керлик. Узнавание пришло с трудом – эльф, хоть и занимал немаловажное место в жизни чародея, был вытеснен на задворки памяти событиями последних пятидесяти лет и общей склонностью любого мага к авантюрам.

– Он самый, – подтвердил встречающий. – А ты не за своим ли зятьком явился?

– Могу, если желаешь, соврать, что пришёл навестить старых друзей, – хмыкнул Керлик, растягивая рот в кислой улыбке. – Но вообще-то за ним. Как ты догадался?

– Маргаритка, естественно, растрепал, – эльф, не замечая (или игнорируя?) дурное настроение гостя, двинулся напрямик к чародею с откровенным намерением обнять того. Керлик по старой, как оказалось, вжившейся в тело, памяти попятился. – Скажи-ка мне Кер: это я мнителен или твой парнишка действительно похуже тебя будет?

– Нет, ты, как всегда, необычайно наблюдателен, – волевым усилием чародей остановил позорное бегство – всё равно ничто не убержёт от стыковки. – Если бы он ограничился только пусканием молний по чужим задам, то я был бы счастлив! А вот теперь ответь и ты на мой вопрос. Где я нахожусь?

– Как где? – обиженно надулся Клякса, что при общей вытянутости лица эльфа требовало длительных и постоянных тренировок. – В Школе Меча, в которой мы с Камнем Учителями!

– Мне именно так и показалось, да вот уточнить решил на всякий случай, – кивнул Керлик и добавил, обращаясь исключительно к системе канатов под потолком. – Хотелось бы мне понять, за каким демоном это чудо и мечта учителя о гении-ученике потащилось в Школу «обожаемого» папеньки. Что-то я не замечал у него склонности к самоубийству. Даже моральному.

– Если ты про своего сладкого мальчика, – недоумённо нахмурился эльф и приостановился, – то это мы его сюда привели. Точнее – мы позвали Марго, а тот уж взял ребятёнка с собой для присмотра... Стой! Как «Школу обожаемого папеньки»? Ты хочешь сказать, что сие хмурое, бледное и недоедающее дитя сын Имлунда Зелеша?

– Ага. Младший, – Керлик вздохнул. – Отказник.

– Не может быть! Но... – Что желал объяснить чародею эльф, осталось загадкой, так как беседу неожиданно прервал грохот обеих дверей. В зал ворвались новые гости и в достаточном, если не чересчур, большом количестве.

– Хрон? И почему меня это нисколько не удивляет? – глава Круга Старший Новелль Спящий счёл приветствие излишним.

Керлик, по достоинству оценив тон новопривывшего и вытянувшееся в крайнем недоверии лицо вольника, решил, что для организации спасательной экспедиции за Романдом (вообще-то взрослый мальчик, вполне способен и сам справиться!) следует остаться в живых, и потому можно уйти из Главели, не прощаясь. Однако гостеприимство белых чародеев не имело границ: магия отсутствовала не только в окружающем пространстве, читающий обнаружил, что его внутренние резервы резко иссякли.

Н-да, повезло! Последний раз Керлик перемещался в обезмаженный центр чуть менее двадцати лет назад. Не то чтобы ничего хорошего тогда не случилось – тот перенос косвенно повлиял на появление Литы, однако и смерть на вечный постой к магу не перебралась лишь по счастливому стечению обстоятельств. Попросту – благодаря везению.

– Здравствуйте, господа и дамы! – Керлик с усмешкой посмотрел на чародеев Света. Чуть ли не всем своим главельским составом заявили, даже Мехен в задних рядах мелькал. – Чем обязан?

* * *

Звёзды замерли, выстроившись полукругом, своеобразной аркой перед Романдом. Юноша понятливо кивнул и принял приглашение – без оглядки двинулся в «проём». Кажется, не ошибся: проход привёл в... или скорее – на площадку в пустоте.

Интересное и необычное место: стены отсутствовали, пол устилала двуцветная плитка. Белая, вернее – молочная, тускло светилась, чёрная же вовсе была невидимой, казалась дырами-кротовинами в ничто. Романд на всякий случай проверил одну из них носком сапога и, только убедившись, что не провалится, решился ступить на чёрную часть пола. Но этого и не понадобилось: достало сделать один шаг из-под звёздной арки, как под ногами образовалась дорожка из трёх белых плит в ширину. Романд, не особенно задумываясь над происходящим, принял и это предложение. Почему бы не пройти к центру площадки?

В какой-то момент стало ясно, что матовая «тропка» ведёт вверх, а затем юный чародей чуть не споткнулся о невысокую ступеньку. Вторая была уже заметна и очевидна – постамент-пирамида рос на глазах. Однако Романд снова не обеспокоился и беспечно карабкался вверх, пока имелась такая возможность. Наконец подъём прекратился, и юноша, не пожелав спускаться с противоположной стороны, огляделся.

Площадка в пустоте оказалась вовсе не квадратной, как чудилось уткнувшемуся носом под ноги Романду, а треугольной. Звёздная арка никуда не делась, всё так же мерцая за спиной, как и светящаяся дорожка. По углам, у несуществующего края расположились три колонны. Вновь белые и вновь недостаточно яркие, чтобы разогнать странный, туманный полумрак.

Одна откровенно напоминала гигантские песочные часы, в другой без труда опознавалась гномья клепсидра – вычурная, с избытком украшений и огромным циферблатом. Похожую юноша встречал в Императорском дворце во время приёма-благословения на спасение Мира. Какой-то разговорчивый паж объяснил тогда юному магу, что клепсидру запускали, только когда к императору заглядывали послы и делегации подгорных жителей или их вечных соседей, врагов-друзей кобольдов – шум воды мешал спать всему немалочисленному населению дворца.

Третья колонна оказалась всего лишь длинной стелой. Романд нахмурился – что-то знакомое! И мгновенно вспомнил. Такая же махина высилась в одном из внутренних дворов Школы – обыкновенный, древний как Мир, гномон, солнечные часы.

– Что бы это значило? – вслух спросил у себя Романд, не замечая, что несмотря на напряжение голоса, не издал ни звука. – Земля. Вода. А здесь? Свет или Тьма?

Юноша захлопнул рот. Почему-то хотелось решить неожиданную дилемму, выбрать. Гномон не работает без солнца, но орудием ему служит тень... Тень! Романд резко обернулся, уловив краем глаза движение и охнул от ужаса – колонны вдруг налились красками, обрели жизнь. Зашелестел песок, мерно закапала вода, под стелой появилась новая тёмная полоса, однако не это испугало юношу. Что он, чудес не видел?

Нет – каждую фигуру украшали змеи. И теперь гадины, покинув свои насесты, целенаправленно двигались к чародею. От песочных часов величественно ползла, посверкивая оранжевыми пятнами, серо-бурая гюрза шага четыре в длину. Клепсидра вышвырнула из своих недр ехидну – та блестела мокрыми боками, оставляя за собой отчётливо видимый на белых плитах след. Из-за гномона несмело выглянула найя, однако уже спустя мгновение она оказалась у возвышения, на котором переминался перепуганный Романд, вытянулась и значимо, с намёком раздула капюшон.

Керлик был прав, когда удивлялся неприязни зятя к змеям, но юноша не мог пересилить себя: Зелеш он, конечно, Зелеш, но гадин ползучих ненавидел, поэтому решил бежать прочь, обратно к звёздам. Но даже не сумел пошевелить ногами... Предчувствуя самое худшее, чародей посмотрел вниз и на этот раз действительно чуть не умер от страха – помост-пирамидка оказался не чем иным, как свернувшейся в десятки толстых колец царицей змей, сказочной анакондой. Вот, она подняла голову... улыбнулась и прошипела:

– Романд...

Знакомый голос!

– Романд, – тихо, но настойчиво. Голос привык повелевать, и не сомневался, что ему подчинятся. – Романд. Открой свои чудесные голубенькие глазки, мальчик.

Интонация не изменилась, зато ощущения – очень. Лёгкое дуновение ветерка, и по лицу ударили, болезненно и неприятно. Пощёчина – всегда неприятно. Вторая – тем более. Третью Романд предотвратил: почувствовав движение-ветер, юноша дёрнулся и перехватил руку, с силой сжал. Затем с трудом разлепил веки... Непонятно, в руке сила палаческих тисков, а в

ресницах тяжесть оков каторжника.

– Да, не зря ты меч себе на пояс нацепил.

Имлунд, как обычно (а умеет ли он иначе?), холодно улыбнулся и палец за пальцем, медленно и осторожно оторвал от своей ладони руку сына.

– Плохо выглядите, герцог, – губы, чем-то склеенные, раскрылись с трудом. Они болели, казались распухшими и одновременно сухими – дотронься, и лопнут.

– Ты, шутник, не лучше, – хмыкнул герцог.

Странно было видеть его всего исцарапанного, встрёпанного, с кровоподтёком на лбу. Из одежды в поле зрения попадал кружевной воротник – тоже измаранный и драный. И несмотря ни на что, в Имлунде без труда угадывался властитель и повелитель. Господин. Романд не знал, что отец сейчас улавливает в сыне то же самое. То, что делает короля королём в каменоломнях, среди измождённых и грязных нищих, на смертном одре, – ранее в Романде это пряталось глубоко внутри, а теперь смело и нетерпимо выбиралось наружу.

– Что произошло?

– Ты решил полетать, – Имлунда не испугали сузившиеся по-кошачьи... или, что вероятнее, по-змеиному зрачки. Он и сам на такие фокусы горазд.

– А вы, наверное, поддались приступу старческого маразма и составили мне компанию! – прохрипел Романд. Отец в ответ тихо рассмеялся, в этот миг в глазах герцога юноша уловил что-то знакомое и... человеческое. Имлунд искренне веселился, хотя и сдерживал себя.

– РоРРХам, – констатировал он. – За такое пороть положено.

– Извините, – Романд покраснел от стыда. Что он, в самом деле?! Зачем человека оскорблять, если проблема не в нём, а в самом себе?

– Значит, пороли, – правильно понял Имлунд, – но от задницы до языка путь не близкий, правда, до мозгов ещё дальше... В общем, полетать мы с тобой полетали, а с посадкой нехорошо вышло. Мне вовсе не повезло: приземлился прямо на тебя, а ты у нас ещё тот мешок с костями – лучше бы уж на камни.

Романд дёрнулся – захватить бы по этой наглой роже! Чтобы окосела!!

– Ого! Живчик! – усмехнулся герцог. – Следовательно, можем встать. Убираться отсюда надо – не дай Свет и Тьма ещё каких небесных «подарков».

Юноша, гордо отказавшись от предложенной помощи, вскочил и не сдержал крика. Правая нога превратилась в сплошную боль, в её воплощение в Мире. Не видя ничего перед собой из-за брызнувших слёз, Романд замахал руками и собрался повалиться куда-то вниз, явно не на уступ, на котором до того лежал. Однако Имлунд, сдавленно матерясь сквозь зубы, подхватил сына под мышки и втянул под нависающий над головами кусок скалы. Вовремя – сверху радостным весенним потоком брызнула каменная лавина.

– Ро-оманд, – протянул герцог, с ощутимым трудом, но быстро выбираясь из-под безвольного тела юноши. – Ты у нас в Орлиных горах был? Был. Тебе объясняли, что не следует делать в горах? Объясняли. Так какого демона ты вопишь?

И вся тирада на одном дыхании, холодным, медленным тоном.

– Я случайно, – чародей вновь залился краской, аж побагровел. – Нога.

– Вижу, – Имлунд тяжело вздохнул и присел, примериваясь к сапогу сына. – Сейчас посмотрим, как там у тебя дела... Да, не дёргайся ты! Опухнет – вообще не стащим!.. Или ты портянки год не менял? Ничего, переживу. Вместо компенсации тебе на нос повешу.

Герцог, словно костоправ или лекарь записной, сноровисто закатал штанину, расшнуровал хитрые узелки и осторожно стянул сапог, отставил. Затем ласково ощупал икру и лодыжку, одобрительно хмыкнул и крутанул ногу. Романд взвыл, предусмотрительно заткнув себе рот рукавом.

– Молодец, мальчик, – улыбнулся Имлунд, и вновь юноша что-то почувствовал за этим. – Перелома нет, только вывих – завтра, думаю, ходить да горным козликом прыгать будешь.

– Завтра?

– Естественно, завтра, – уже темнеет. Ребята только поутру за нами спустятся.

– А спустятся ли? – невесело спросил Романд.

– Спустятся, умник. Тут путь один... если они, конечно, в пещере ещё куда не переместятся, – герцог усадил сына поудобнее. – Ты скажи, зачем тебе эти монеты

понадобились?

– Это был наш шанс отсюда убраться – они зачарованные!

– А как насчёт отсутствия магии?

– По какой-то причине я её не могу коснуться, но в предметах она сохранилась, – кисло признался юноша. – Та монетка, которая сломана, нас сюда и доставила. Выходит, опять я виноват.

– Ладно, не горюй. Выберемся как-нибудь, – отмахнулся Имлунд.

– Не выберемся! Это другой Мир!

– И что? – герцог пристроился рядом и осторожно погладил Романда по голове, юноша недовольно отстранился. – Если мы вошли, то сумеем выйти... По крайней мере, стоит на это надеяться. А теперь спи – сон лучший доктор. И за ужин сойдёт.

Чародей послушно закрыл глаза, но организм желал бодрствовать. Нога не беспокоила, взамен заныло раненное вчера плечо, зачесались разом все царапины, ушибы напомнили о себе, да и ложе из острых камней – не пуховая перина. Романда трясло.

– Эх тебя колошматит, – Имлунд коснулся холодной ладонью лба сына, тому немного полегчало. – С какой такой радости?

– Наверное, из-за отсутствия магии, – прошептал юноша и с ужасом ощутил, как отец подсаживается к нему ещё ближе и прижимает к груди. – Что? Что вы делаете?

– Тихо, малыш, тихо, – Имлунд гладил Романда по лицу, волосам. – Раз шуршевый плащ тебя не согрел, то лишнее утепление тебе не поможет. Подойдём к проблеме по-другому: воспользуемся опытом и рефлексамии... Ты во младенчестве спокойным был, но взял моду – луна с рождения твоего мелькнула – вопить по ночам. Да так надрывался, что не всякому взрослому по силам заорать. Кто придумал выражение «спит как младенец»? Что тебя беспокоило, понять мы не сумели, хотя теперь, думается мне, догадываюсь я о причине, но не суть. Кормилица и няньки не утешили, маги да лекаря детских болезней не отыскали...

– И что? – юноша развернул голову к отцу. Зелёные глаза герцога сверкали в темноте таинственным глубинным светом.

– Я не выдержал – не спать по ночам, когда день в заботах, трудно, – пришёл к тебе и наорал.

– Вы редко это делаете...

– И не зря. Ты заверещал так, что няnek от испуга сдуло из твоих комнат, и возвращаться дуры не собирались. Как я этого ни не хотел, но пришлось тебя укачивать... Выводы налицо – забрал я твою колыбель к себе в спальню. Ты стал вести себя прилично, по ночам даже титьку не просил, а пелёнки только к утру портил... Ладно, спи... – Имлунд попытался изобразить сонный тон, но на этот раз обман не удался. – Ты что-то хочешь спросить у меня, Романд?

– Нет.

Вновь воцарилась тишина. Видимый из-под скалы краешек неба медленно подпускал к себе ночь, зажглись первые нетерпеливые звёзды, выбрался бледный серпик луны – королева ночи умирала, чтобы вскоре возродиться и порадовать своих детей и пасынков, волков и волколаков. В горах темнеет быстро, над горами очень медленно – это-то и губит неосторожных путников. Кажется, видишь малейший камушек, а на самом деле слеп как крот.

Романд внешне спокойно наблюдал, как безвозвратно угасает день, как появляются странные непривычные звуки: шебуршание, тихие шорохи, заунывный вой ветра. Кто-то явно присел на уступ, погостил молча, скрежетнул коготочками по камням и так же тихо улетел. Умиротворение... и время, когда ничто не мешает не думать, но и думать, к сожалению, тоже.

Юноша думал. И сердце всё учащало скорость биения. Холодные руки Имлунда, его мерное дыхание только подстрекали, взвинчивали и без того напряжённые нервы. Романд осторожно обернулся и внимательно посмотрел на отца. Не спит. Даже не делает вида. Глаза не по-человечески сверкают: хищник ждёт. Жертвы? Нет, когда подросший детёныш попросится на охоту.

– Почему? – решил Романд. – Неужели лишь за то, что ослушался вашей воли?

– Ты не о том хочешь спросить, – сразу ответил Имлунд. – Я тебя лишил имени не поэтому – имелись другие причины... Ты, конечно, тоже не с боку постоял, но ты не виноват. Прости.

– А не проще было бы сделать так, чтобы я не родился. Мать померла и плод издох!..

Юноша осёкся – герцог схватил сына за волосы и потянул на себя. Отец был в ярости и вполне мог свернуть шею Романду, но юноша молчал, даже не пискнул, не попросил пощады.

– Дурак! – сдавленно прошипел Имлунд и успокоился, отпустил. – Кто тебе сказал, мальчик? Ёорундо? Он знает... Или дар?

– Дар. В некотором роде, – признался Романд. – Но вы мне не ответили.

– Ох, дурной ты ребёнок, – тяжело вздохнул герцог. – Ты даже не понимаешь, как только что меня оскорбил... Впрочем, наверное, ты прав – ведь я собирался тебя убить, почти сделал это, но ради твоей матери я остановился. Я чуть не предал её, но, к счастью, у тебя красивые голубые глаза... как у неё.

Романд недоумённо моргнул и вновь обернулся. Неудобно, и шея болела, будто голову всё-таки открутили и затем обратно приставили.

– У меня зелёные глаза...

– Верно, – не стал возражать Имлунд. – Но... Не следует об этом говорить.

Герцог оказался прав, причём во всём. Нога Романда поутру почти не беспокоила, и окажись местность несколько поровнее, юноша смог бы ковылять на приличной скорости, в горах же требовался помощник. Два претендента на эту роль спустились сверху примерно через час после рассвета. Правда, Ёорундо и Горша чуть не прошли мимо укрытых в тени скалы вчерашних любителей полётов – их тела по расчётам среднего Зелеша должны были обнаружиться пониже. К счастью, «первопроходцы» уже проснулись, и Имлунд подал голос.

Дальнейший путь к подножию горы прошёл на редкость легко, в особенности под строгим и неусыпным контролем герцога. Романд как слабоходячий почётным призом кочевал с плеч Горши на руки Ёорундо и обратно. Очевидная и вместе с тем непонятная неприязнь первого и холодность второго нисколько не повлияли на удобство ноши, отказов от помощи Романду также не поступало – оба бойца не могли представить себе Имлунда, тащащего на своём высокородном горбу отказного сына. Отчего-то ни среднему Зелешу, ни потомку гоблинов не пришло в голову обдумать интересную вещь: а как, собственно, не терпящие друг друга отец и сын провели вместе, на одном уступе, бок о бок целую ночь.

Если бы Ёорундо узнал, что Романд и Имлунд не только сидели рядом и мирно беседовали, но хуже того – «братишка» дрых на груди герцога, а тот ласково гладил сына по голове и шептал очень странные слова взамен колыбельной, то очень бы удивился. Серьёзно удивился и испугался бы. Не на всякий случай, а тоже серьёзно.

– Прости меня, дитя моё, прости, – губы складывались в беззвучные слова, а пальцы осторожно перебирали казавшиеся неожиданно чёрными в темноте волосы. – Прости меня за то, что я так подло поступил с тобой – ты не виноват... Собственно, никто не виноват, кроме меня, но я за это и ненавижу тебя... ненавидел. Ох, прости... Какая же я сволочь!

А подросток спал, прижимаясь к мерно поднимающейся груди отца, и блаженно улыбался. Как и в не столь уж далёком младенчестве мальчишке оказалось достаточно того, что рядом находится он, отец, который успокоит и защитит. Защитит.

Эта странная и, пожалуй, пугающая картина останется с Имлундом навсегда. К кому ты, глупый, тянешься?... Но Романду нет дела до разумных вопросов и доводов...

Герцог моргнул – на миг утратив ощущение реальности, он едва с оной не распрощался. Задумавшись, Имлунд с трудом вписался в поворот, подвернул ногу и упал, скользнул, поднимая облако каменной крошки, вниз. На удачу, поездку выдержали не только кости, но и штаны с сапогами – хорошо делали, на совесть.

В дальнейшем герцог не отвлекался на внутренний голос и воспоминания – скорость спуска в результате снизилась.

* * *

Подножия (или точнее – кромки настоящего леса) маленьких отряд достиг к закату

второго дня. Все четверо злые, усталые и голодные. Никто в отряде не испытывал к другому тех чувств, которые позволяли беззаботно болтать о пустяках, поэтому спуск проходил в гнетущем молчании, изредка нарушаемом короткими приказами Имлунда и тихой неразборчивой руганью, когда кто-то оступался, ушибался или за что-то цеплялся. Давящая обстановка не способствовала повышению настроения и вызывала резкий упадок сил с не меньшим успехом, чем неудобная дорога.

Гора представляла собой лестницу с гигантскими ступеньками: сначала обрыв, оказавшийся вполне преодолимым без снаряжения и лишних изменений тела, затем некрутой склон, который заканчивался площадкой-уступом, этакой дополнительной ступенькой на ступеньке, а далее вновь обрыв. Благодаря именно такому виду горы Имлунд и Романд не разбились, но, с другой стороны, приноровиться к спуску было невероятно трудно.

Кроме того, среди камней ничего не росло, не считая пучков пожухлой травы. Ещё и солнце, забравшись высоко в голубые небеса, исправно жарило, потому середина дня отдавалась на откуп сонному, отупляющему ничегонеделанью: к полудню путники забирались под тень скал, вроде той, где ночевали Романд и Имлунд. Иначе кто-нибудь наверняка получил бы тепловой удар и потерю сознания.

С едой дела обстояли ещё хуже, чем с растительностью. В небольшом отряде все, кроме Романда, умели выслеживать дичь и охотиться, но даже у Горши-горца не вышло добыть хотя бы мелкую мышку, а, судя по ночным звукам, они вполне здесь водились, как и птицы. Но много ли наохотишься, имея из метательного оружия только камни под ногами? До крылатых не добросишь – скорее себе по лбу попадешь; бегая за подскальными жителями, быстрее обвал вызовешь, чем кого поймаешь. И готовить тоже не на чем: костёр не разожжёшь, на солнце сгорит, вялить некогда.

Однако существенней, нежели отсутствие пищи, путников беспокоила вода. Куда исчезал водопад с вершины, разгадать не удалось. Надежда отыскать драгоценную влагу появилась лишь тогда, когда отряд добрался до леса.

– Так, мальчики, – Имлунд, как обычно, взял командование на себя. Говорил он в привычной насмешливо-холодной манере. – У нас имеется дерево, а, значит, и возможность разжечь костёр. Используйте её – что-то мне подсказывает, ночь предстоит не из тёплых. А я пойду поищу воду.

– Милорд! – тотчас встрепенулся Горша. – Не лучше ли мне этим заняться?

– Не лучше, – отрезал герцог. – И смотрите мне! Ведите себя хорошо!

Окинув многообещающим взглядом молодёжь, в которую он включил и среднего сына, Имлунд удалился под сень деревьев. Оставшиеся члены отряда с тяжелым синхронным стоном разбрелись. Лучший способ не поцапаться – не пересекаться друг с другом.

Горше из трёх возможных направлений досталось худшее: участок, на котором молодой боец пытался собирать хворост для костра, являлся границей камнепада. С одной стороны тот самый, труднопроходимый безжизненный склон, с другой – зелёная, сочная трава и лес. Непривычная в откровенной неправильности местность, но выбирать не приходилось. А всё этот, Романд!..

Юноша скривился и скосил глазом на колдуна. Тот, прихрамывая, вышагивал ближе к деревьям и тщательно всматривался в землю. Работающий. Да и удар у него что надо! И магией парень не обделён, явно умеет пользоваться даром. Зачем мальчишке при его способностях и умениях проклятая профессия?.. Неожиданно Горша вздрогнул и запнулся. А что? Что если он неправильно понял Романда и оскорбил того из-за собственной глупости и тупости?

Боец досадливо дёрнул головой и резко развернулся к магу – лучше выяснить всё сейчас.

– Романд!

– Что? – мгновенно откликнулся тот и приблизился к Горше на несколько подпрыгивающих шагов, хотя элементарная вежливость требовала именно от молодого бойца аналогичных телодвижений.

– Скажи, что означает слово «телохраниль»? ?

Романд озадаченно нахмурился и открыл рот, но вместо нормального ответа сам разродился вопросом.

– Что это у тебя под ногами сверкает? – юноша указал пальцем в траву.

Горша недовольно поморщился, но проследил направление и действительно уловил какой-то блеск, наклонился. Монетка. Золотой, высшее достоинство. Поверх рисунка выступал магический профиль Романда. Боец ощутил дрожь в коленках и почувствовал, что находится на грани обморока. Это же... кого... он... посмел...

– Ты император Гулума? – жалобно пролепетал гость империи.

– Чего?! – глупо вылутился на него предполагаемый правитель. – Тебе голову на солнце не напекло?

– А почему здесь твой портрет? – обвиняющим тоном протянул Горша и, зажав улику между большим и указательным пальцами, предоставил её на просмотр обвиняемому.

Романд в недоумении наклонился, чтобы рассмотреть находку, и огласил окрестности радостным воплем:

– Так это же!..

Юноша не закончил мысль – Горша нервно дёрнулся и в попытке удержать монетку стиснул пальцы. В следующий миг перед Романдом уже никого не было. Молодой чародей ознакомил окружающее пространство со своим немало увеличившимся за последние год-два словарным запасом. Выдохнувшись, Романд жалобно огляделся и наткнулся на двух благодарных слушателей.

Заметив, что бедовая парочка, устроившая неожиданный поход в горы и разрушившая далеко идущие планы Ёорундо – данный императору срок на обдумывание «заманчивых» предложений заканчивался, – решила воссоединиться, рыцарь попытался к ней приблизиться. Если опять сцепятся, будет возможность их разнять, иначе мало ли что произойдёт! Ёорундо не брался предугадать, к чему приведёт очередная драка Романда и Горши. Однако побоище не состоялось – гоблинский парнишка исчез, и воин обратился в слух. Младший братец умел изумлять: некоторые, особо заковыристые фразы Ёорундо слышал в первый раз.

– Эк загнул, – цокнул Имлунд. Он вернулся из леса как раз к исчезновению Горши, но Романда не перебивал – хотя выражения герцог знал, у сына получалось настолько прочувствованно, что грех не послушать. К тому, ещё и музыкально: юнец расставлял ударения и акценты по собственному разумению. – Материшься, что вольник со стажем. Откуда словес таких поднабрался.

– Тесть и Марго, стражник его, в «Кукушках» служили, – буркнул Романд, заливаясь краской стыда.

– Хм, интересно, – герцог вскинул брови. Мир тесен, и не он один. – По какому поводу разорвался-то?

– Да он, – юноша досадливо махнул рукой и грохнулся на собранную кучку сушняка, тот треснул. – Гоблин нашёл монетку, которую я на вершине уронил, и случайно сломал. Тьфу! Ну, посмотрим, как он обрадуется месту, в котором очутится!

– Да?

– Это замок тестя, – пояснил Романд.

– Ну, если он тобой дорожит, – встрял Ёорундо, – то поговорит с Горшей и вытащит нас отсюда. По крайней мере – тебя.

– Дело не в том – дорожит он мной или нет, – кисло протянул в ответ чародей, высокомерно пропуская мимо ушей оскорбление. – Зо... в смысле тесть... сделал первый амулет перемещения таким хитрым образом, чтобы поисковые заклятья не обнаружили воспользовавшегося талисманом. Вряд ли рассказ Горши поможет – тесть наверняка продумал и такой способ поиска.

– Зачем? – Зелеш-средний удивлённо вгляделся в брата.

– Да так, – Романд отвёл глаза.

– Проклятие Хронов? – предположил всезнающий Имлунд.

Юный маг промолчал. Можно ли скрыть что-либо от герцога Зелеша? Или только от его сыновей? Ёорундо со сдавленным оханьем опустил голову напротив брата.

– Ты ненормальный? Ты на ком женился?!

– На ком захотел, – огрызнулся Романд. – Мне компания чёрных магов да Хронов милее твоей!

– Что?! Ах ты, щенок!!! – взвился рыцарь, но продолжить не успел – намечающуюся перепалку прервал грозный рык Имлунда.

– Заткнулись! Оба! – рявкнул герцог. – Оторвали задницы от земли, хворост в руки и за мной! Я нашёл замечательный ручей.

Не зря Имлунду пророчили пост капитана Вольного Отряда «Голодные Волки», и несколько десятков лет при (или – за?) императорском троне пролетели не просто так – сыновья разом захлопнули рты, позабыли причину раздора и личную неприязнь, быстренько похватили сушняк и двинулись вслед за отцом. Ручеек и впрямь оказался замечательным, но без рыбы, да и воду набрать было некуда.

* * *

Сквозь развесистые кроны неизвестных деревьев с осязательным трудом пробился солнечный свет и яростно атаковал Ёорундо. Тот сладко зевнул и открыл глаза. В поле зрения попала заспанная помятая физиономия Романд – картина не из приятных. Рыцарь отвернулся и приподнялся на локте, младший брат неосознанно повторил движение – оба застыли, затем переглянулись. Оба одновременно поняли, что ночью использовали в качестве подушки, но поверить в это не могли. Подушка досадливо хмыкнула.

– Вот и я думаю, что с вашей стороны поступать так со старым человеком по меньшей мере невежливо, – Имлунд помолчал, но сыновья на замечание не отреагировали. – Ладно, забудем, что два здоровенных лба пинали меня всю ночь, пытались друг у друга выхватить и взбить для пущей мягкости. Остановимся, например, на... Ну, хотя бы на том, что вы скажете «Доброе утро, папа!».

– Доброе утро, папа! – младшие Зелешы проявили завидное послушание, видимо, спросонья.

Имлунд закатил глаза, но вспомнив, что разум либо есть, либо напрочь отсутствует, кряхтя поднялся и принялся наводить порядок в «подразделении».

– Умойтесь. Романд, займёшься костром – вчера у тебя неплохо получалось. Ёорундо, пойдёшь со мною в лес – есть возможность что-то словить. Всю ночь завывало и топало, иногда даже ваш храп перекрывало, но редко. Если нам с дичью не повезёт, я подумаю, кого из вас двоих употребить первым. Выбор, надо признать, не велик: один костлявый, другой жёсткий... Ну, что разлеглись? Подъём!!!

Романд и Ёорундо вскочили. Ни тот, ни другой с полной уверенностью не мог сказать, что Имлунд пошутил. Привычки к шуткам за герцогом раньше не наблюдалось. С чего бы ей сейчас появиться?

Охотникам улыбнулась удача: Ёорундо, как и Романд, сохранил меч при переносе. Воин срубил несколько ветвей, при помощи которых да ещё нескольких камней и ленты, поддерживающей волосы, удалось смастерить приличный силочок. В него довольно-таки скоро угодили две птицы, отдалённо напоминающие небольших тетеревов. Конечно, не пир при дворе императора, но после двух дней голодовки в животе словно выла стая рассерженных волколаков, а птички обещали этот «концерт» утишить.

Довольные Имлунд и Ёорундо возвратились к ручью. Там их встретила замечательная картина.

Голый по пояс Романд, сверкая через драные штаны кальсонами в голубой цветочек (незабудка – признал Ёорундо), с сосредоточенным видом зачем-то ворошил золу длинной мокрой палкой. Рядом, в шаге от юноши горел новый маленький костерок, в котором наравне с хворостом располагались во множестве небольшие камни. Чародей как раз развернулся и перенаправил прут в сторону странного топлива, когда...

– Ро-оманд, – протянул Ёорундо. – А что, кальсоны в розочку закончились?

Что узнаёт Феллон Зелеш, то мгновенно становится известно Ёорундо Зелешу – средний брат не упускал возможности выведать тайны старшего. И младшего, если на то пошло: восхищение розами и боязнь змей – не единственные пороки, свойственные Романду.

В ответ юноша подскочил на добрый шаг, и раскалённый камень из костра полетел точно

в Имлунда. К счастью, герцог обладал хорошей реакцией – увернулся без труда и напряжения.

– Извините! Я случайно! – рефлекторно воскликнул Романд. – Вы меня испугали! – И понял высказывание брата. – Какие розочки?

– У тебя штаны порвались, – Имлунд, старательно пряча улыбку, не позволил среднему сыну открыть рот. Мальчишки. – Сзади.

Юный маг закружился волчком, словно глупый пёс в погоне за неуловимым хвостом, быстро обнаружил беспорядок и потемнел лицом.

– Если я отсюда выберусь, – процедил юноша сквозь зубы, в прищуренных глазах сверкнула изумрудная молния, – он у меня в кружевах походит!

Старшие Зелеш не рискнули уточнить, о ком идёт речь.

– Что ты делаешь? – сменил тему Имлунд.

– Готовлю, – Романд позабыл причину собственного гнева и гордо указал палкой на золу от первого костра. – Я корешков нарыл – запекаются. Без соли, конечно, гадость, но съедобные. А камни грею, чтобы улиток поджарить – за ручьём их много и большие...

– Корешков?! Улиток?! Да, за кого ты нас принимаешь?! – взорвался позеленевший Ёорундо.

– Прекрати! – оборвал его герцог. – Двух птичек на трёх здоровенных голодных мужиков явно недостаточно, а Романд, если ты помнишь, маг – думаю, в травах да прочем сене разбирается и нас не отравит. К тому же, в некоторых странах виноградные улитки – это деликатес.

– Они вкусные, – подтвердил чародей. – Правда, те, которые я насобирав к виноградным трудно отнести. И готовить я их не умею.

– Это видно, – согласился Имлунд и принялся за странные манипуляции с камнями и улитками. Ёорундо и Романд озадаченно переглянулись. Интересно! Есть хоть что-нибудь, о чём герцог Зелеш не знает и чего не умеет? – Ну, что стоим, словно храмовница перед ротой евнухов?! Или мне и птичек ощипывать?

Братьев долго уговаривать не пришлось.

* * *

Первое впечатление подтвердилось: лес действительно оказался странным, в горах такие не растут. Обычная равнинная чаща располагалась на очередном, хоть и немалой протяжённости уступе и уже к вечеру, но до зари, закончилась. Прежняя «лесенка» продолжалась – впереди отряд поджидали сразу две «ступеньки». Первая – узкая, там, где к ней подошли отец и сыновья, выглядела обычной летней полянкой, усыпанной белой кашкой. Над ней во множестве гудели трудолюбивые и грозные шмели. Остальным пространством «ступени» владели светлые берёзовые рощи.

Вторая была огромным маковым полем.

– Что это? – жалобно пискнул ошарашенный Романд. Он не желал верить безумству, которое открывалось глазам. – Это неправильно... – Тотчас рука Имлунда грубо заткнула юноше рот. Одновременно Ёорундо с силой придавил брата к земле.

Юный маг круглыми глазами воззрися на родню – старшие Зелеш одинаковым жестом поднесли указательные пальцы к губам. Романд быстро закивал, тогда Имлунд постучал себя по уху – чародей понимающе моргнул и прислушался. В ответ рука герцога переключалась со рта на плечо сына – полного доверия Романд, видимо, ещё не заслужил.

Пусть. Юноша напрягся... и сжался – до него донёсся ненавистный, но чересчур знакомый звук. Звон мечей. Хлопки, удары, ругань, треск. Они приближались. Вот, среди берёз замелькали тени – на поляну, распугав сердитых шмелей, выскочил вооружённый отряд. Один сражался против десяти.

– Мы должны помочь! – Романд в самый последний миг сумел совладать с голосом и не закричать, а лишь жарко, почти беззвучно зашептать.

– Это не наша битва, – хмыкнул Имлунд. – Откуда ты знаешь, что этот парень не преступник?

– Это Марго!

– Кто?

– Ну, тот стражник, из-за которого я в Школу попал. Телохранитель... вроде бы... мой. Зо, теть, его со мной послал! – сбивчиво принялся объяснять юноша.

– А что он делает здесь? В этом Мире? – герцог недоверчиво всмотрелся в сражающихся.

– Я же говорил, что он вольник. Он в «Кукушках» служил! А до того – вовсе в «Гончих Псах». Это же самый грозный Вольный Отряд!

– Да... – согласился Имлунд. – Был. И что?

– У Марго амулеты мощные, но старые. Наверное, настроился на наш след перемещения, но из-за большого радиуса разброса попал в несколько иное место.

– Ясно. Давай меч.

– Но? – попытался возразить Романд.

– Малыш, – перебил его Ёорундо. От нетрадиционного обращения юноша лишился дара речи, чем старшие Зелеша воспользовались. – Мы рыцари, а ты пока ещё паж. Не усложняй нам задачу. Мы сможем помочь Марго, если не будем задумываться о твоей безопасности. Спрячься, посиди тихо... – Ёорундо на миг замолчал. – Малыш, в этом нет ничего зазорного. Сейчас твоя задача – не мешать нам.

– К тому же, – хмыкнул Имлунд. – Ты, кажется, боевой маг. Устав помнишь?

– Помню, – снова округлил глаза чародей. Такого несокрушимого всезнания не замечалось даже за Керликом, который уж всяко был старше герцога. – Но сейчас от моей магии...

Однако юношу уже никто не слушал. Романд вздохнул и занялся выбором места с наилучшим обзором. Как выяснилось позже, поступил юный маг разумно.

В древних сказаниях да эпических легендах один воин запросто сразит десятерых, в настоящей реальности и трое, если они не маги с активной силой, против десятка плохой расклад. Марго с Зелешами спасало лишь чуть лучшее, нежели у врагов, владение оружием. Но долго им не продержаться – и без того нехорошее положение дел ухудшилось. Романд со своего естественного наблюдательного пункта заметил, что у деревьев появились дополнительные, неправильной формы тени. Двигающиеся.

– Лучники! – завопил юноша. – Слева!

И предусмотрительно переместился за другой валун, благо на склоне их имелось во множестве. Впрочем, стрелы до верхнего уступа не долетали, и подмога быстро забыла про невидимого крикуна, так как троица воинов нокаутировала четверых из отряда и отступила в лес на противоположной стороне поляны. Лучники бросились на помощь мечникам, не озаботившись осмотром лежавших без сознания товарищей. А они очнулись. И скоро.

Романд сориентировался, примерился и шуганул первого из вознамерившихся подняться камушком (со свой кулак) по лбу – воин решительно продолжил «отдых». Со следующим получилось хуже – точность во врождённые Таланты юного мага не входила, поэтому очередной снаряд вместо затылка пришёлся в плечо. Неприятно, больно, но терпимо. Пострадавший зарычал разбуженным медведем, обернулся и в упор уставился на обидчика. Романд, не мудрствуя лукаво, вскочил, занёс над головой камень и, не удержав равновесия, скатился кубарем вниз.

Не то чтобы положительного эффекта не последовало – придавленный чародем первый теперь точно не поднимется. Второй, получив каблуками в грудь, отлетел к самому краю «ступени», где решил подняться и, в итоге повторив недавний подвиг Романда, любовался кроваво-алыми маками. Однако остались ещё двое: очнувшиеся, поднявшиеся, озлобленные, с мечами... Юный маг с трудом сглотнул и сжал свой жезл.

– Смотри-ка! – подал голос один из оставшихся бойцов. Судя по ухмылке, ему очень понравился неосознанный жест Романда. – Это же чароплёт!

– Как пить дать – чароплёт, – тотчас согласился другой.

– Да! Я маг! – гневно выкрикнул юноша, выхватывая свой личный, отработанный и заработанный артефакт. Серебро заиграло на солнце, вспыхнуло заревом далёких пожаров – пришла вечерняя заря. – Что вы на это скажете?

– Что скажем?... – говоривший задумался. Нет, сделал вид. – Скажем, что обожаем

магов! – Он злорадно ухмыльнулся. – Потому что они такие заносчивые, гордые, всемогущие... но кое-чего не знающие, к их великому сожалению. Здесь не работают твои заклятья, чароплёт!.. Ну, что сделаешь?

Романд вместо ответа нанёс удар – невежливо, не по-рыцарски, но где тут рыцарь? Нет рыцарей, как и их умений: тот, на кого напал юноша, с лёгкостью отбил мечом направляющуюся прямо в лоб палку, затем поймал, крутанул – и жезл по дуге отлетел к лесу. Обезоруженный Романд отскочил к земляной стене, по которой столь неудачно спустился.

– Умный мальчик, – одобрил боец, второй согласно кивнул.

Юноша испуганно вжался в склон. Воины приближались с боков, синхронно крутя перед собою мечами по направлению друг к другу – Романду эта картина очень не понравилась. Скоро здесь будет его очень много, хоть и маленьких – подобный способ размножения молодому чародею по вкусу не пришёлся. Поэтому, улучив момент, когда оба клинка двинулись вниз, Романд прыгнул вперёд рыбкай, кувыркнулся, чуть не вывихнув плечо, и очутился вне опасных тисков. Рядом нагло сверкал жезл. Юноша подхватил имущество, развернулся и довольно ухмыльнулся, вычерчивая «палочкой» восьмёрки.

– Эффектно, – оценил нападающий, его напарник всё так же продолжал игру в молчанку. – Неплохо тебя натаскали, чароплёт. Неплохо. Но не забывай, деточка, твой жезлик всё-таки не меч.

И сделал смертельный выпад. Романд, испуганно ойкнув, сумел заблокировать вражеский клинок – раздался скрежет и посыпались искры, но опытного воина они не испугали. Он вновь без труда выбил из рук мага не предназначенный для подобных боёв жезл, занёс над головой тяжёлый двуручник. Романд инстинктивно вскинул руки.

– Меча не хватает? – почти заботливо, с определённой толикой сочувствия поинтересовался убийца.

– Да, – пискнул-всхлипнул юноша. В следующее мгновение на несчастную головушку обрушился страшный и по виду, и по силе, вложенной в удар, меч... который натолкнулся на тоненький серебристый клинок.

Родной! Желанный! Поющий! Ещё так недавно висевший без хозяина в лавке чёрного мага, теперь он пришёл по первому зову... Мелькнула на задворках сознания страшная мысль, что это означает – Романд оставил Имлунда безоружным во время битвы! Понимание сверкнуло грозовой молнией и мгновенно погасло, исчезло, сметённое болью в вывихнутом запястье. Клинок, не сломавшись, остановил чужой меч, но не силу, отданную удару.

Романд взвыл, роняя оружие. Глаза заволокли слёзы – ослеплённый юноша согнулся пополам, пошатнулся и на что-то натолкнулся. Это что-то мешало, и Романд боднул препятствие, надеясь убрать его с дороги. Убрал, ибо препятствие заорало благим матом и упало, увлекая за собой чародея. Оба, Романд и его противник, придавили не вмешивавшегося в «диалог» молчуна, что, естественно, воина несколько не обрадовало. Он оттолкнул два мычащих беспомощных, но тяжёлых тела, вскочил и напоролся шеей на три острых клинка.

– Романд, а ты опасный человек, – сверкнул белозубой улыбкой Марго. – Садист натуральный. Я-то, наивное существо, полагал, что головой ты исключительно думаешь, формулы свои магические изобретаешь, а ты, оказывается, ею между ног честным воинам заезжаешь. Извращенец.

Юноша лишь всхлипнул и, с трудом приняв сидячее положение, начал укачивать руку.

– И спасибо за меч, – поддержал стражника Имлунд. – Хороший, удобный, но чересчур лёгкий для меня. У него, случаем, имя не Парящий?

– Скорее, Испаряющийся, – фыркнул капитан.

Романд поднял виноватые глаза на отца.

– Извините, – прошептал он. – Я не хотел. Я случайно.

И тихо, словно прячущийся от взрослых маленький ребёнок, заплакал, уткнувшись носом в колени. Рядом опустился Ёорундо и осторожно погладил брата по голове.

– Малыш, – среднему Зелешу с трудом дались ласковые слова и тон, но от этого странного действия вдруг стало очень хорошо. – Ну что ты? Они же просто шутят – сами испугались! Они прекрасно знают, что именно ты, а не кто-то другой, спас наш Мир. Ты настоящий воин! Ну что ты?

Романд пожал плечами и безучастно уставился прямо перед собой. Ему хотелось домой, к жене, к Лите. Она бы такой ошибки не допустила! Она всегда понимала, когда можно шутить, а когда следует просто помолчать и посидеть рядом... Лита его выбрала и позвала. Лите ничего не требовалось от него – ей нужен был он сам. Лита.

* * *

– Лилията. Лита, – озадаченно улыбнулась магиня, чувствуя, что подобное уже имело место в её жизни.

– А что ты тут делаешь?

– Живу, – с готовностью ответила молодая женщина, так как по непонятной ей причине ожидала именно этого вопроса вслед за односторонним (в её лице) знакомством со странным парнем, вдруг материализовавшимся в её спальне, рядом с кроватью.

Симпатичный мальчик, стройный, но маленький, с интересной внешностью. Гоблин?.. С этим предположением до Литы резко дошло, что в сложившейся ситуации неправильно.

– Стоп! – взревела бешеной львицей магиня. – Я хозяйка этого дома! Ты ввалился в мою спальню, используя коварные заклинания, и учишь меня допрос! Кто ты?! И зачем сюда явился?!!

Заклятье сплелось само собой, и Лита зажала в правой руке небольшую молнию – так рисовали в древних книжках божеств гроз, – готовая в любой момент обрушить на голову незваного гостя страшную смерть.

Паренёк испуганно пригнулся и выставил над головой скрещенные руки, словно деревенский малыш, играющий с дружками в домики-салки. Кажется, припомнила Лита, – она читала много книг, – это гоблинский призыв к мирным переговорам.

– Ну? – поторопила магиня. – Я жду объяснений!

– Прости меня, о хозяйка! Ради Великих Старцев, прости! – воскликнул «приободрённый» гость. – Меня зовут Горша Разумный из Западной Гоблинской Школы, ученик магистра Вах-хо Загадочного. Я настолько... стыдно признаться... испугался и повёл себя невежливо и грубо, но случилось столько событий, о хозяйка! Неожиданных, странных, удивительных... А всё из-за этого Романда, хозяйка! Я...

– Романда? – перебила Лита. – Ты имеешь в виду великого белого мага Романда, моего мужа? Где ты его видел?

– Великого белого мага?.. – повторил юноша, его лицо резко посерело. – Мужа?..

От явного переизбытка чувств Горша сотворил то, что не делал никогда в жизни. Молодой воин грохнулся в настоящий обморок. Лита флегматично приподняла левую бровь. Что бы это значило? Неужели, даже будучи похожей на несурзанный шарик с ножками, она ещё способна кого-то напугать до полусмерти?

Наблюдавший за безобразием, творившемся в спальне хозяйки, Чёрный замок имел другое мнение. Хороший у него белый маг – не только к интерьеру подходит, но и одним своим именем может довести до обморока кого угодно. Прямо как старший хозяин! Это хорошо. Очень хорошо и весело!.. Если бы не одно но: Замок был уверен, что пропускает домой затерявшегося белого мага, а выходит – ошибся. Неприятно это!.. Впрочем, гость тоже представляет некий интерес. Если бы парнишка поставлялся в паре с разноцветным летающим ящером, то приобрести сие чудо Чёрный замок был бы не против.

Глава 12

Снова гости, или Как скрасить радушие хозяев?

– Итак, Хрон, я сразу разьясню тебе ситуацию и расстановку сил, чтобы ты, не дай Свет, не полез совершать лишние глупости.

– Уж будь так любезен, разьясни, – вежливо «разрешил» Керлик. Опрометчивость собственных поступков и общая неопределённость чрезвычайно раздражали мага, а разглагольствующий Новелль давал время успокоиться и немного разобраться в том, что же

всё-таки произошло.

– Внутренний периметр, то есть Школа, охраняется рыцарями империи. Все мастера, сам понимаешь, – тебе один на один с ними без магии не справиться! – глава Круга Старших покровительственно улыбнулся. – Да и с магией проблематично.

После своего эффектного появления вокруг Керлика маги Света не менее впечатляюще покинули тренировочный зал, оставив тёмного чародея в компании Новелля и ошарашенного Гирелингеля. Белый маг не выставил эльфа вон, считая, что Учитель в отсутствие Директора имеет право знать о происходящем на территории его Школы.

– Это спорное утверждение, – хмыкнул Керлик просто потому, что требовалось вставить своё «веское» слово.

– Возможно, – не пожелал вступать в дискуссию Новелль. – Поэтому внешний периметр охраняют Ловцы Чар – также в преизрядном количестве.

– Но как я понимаю, ты и ими не ограничился?

– Естественно, – кивнул белый маг. – Далее расположены волшебные щиты. Световые...

– О! Значит, тёмные к этому празднику жизни не имеют никакого отношения, – вклинился Керлик. – Интересно, а как отнесётся Эфель Душевный к творящемуся за его спиной произволу светлых?

– ...а за ними наши чародеи, – спокойно закончил Новелль. – Эфеля мы ждём с минуты на минуту – я прекрасно понимаю, что тебе весь Круг Старших Гильдии подавай! – и мы решим, что с тобой делать, Хрон.

– Зачем со мной что-то делать? Я кому-то мешаю? Я, между прочим, даже вашего придурка Мехена не тронул!.. Почти...

– Хрон, ты своим рождением помешал многим, впрочем, речь не о том. Сегодня здесь произошёл мощный выброс чёрной магии, неизвестной направленности. Слепок Чар указывает на тебя... Мы, конечно, в чёрном волшебстве не специалисты, но не беспокойся – тёмные подтвердили наши предварительные выводы. Ты сотворил некое заклятье, в результате чего из Мира исчез герцог Имлунд Зелеш, второй человек в государстве. Кстати, император собирался провозгласить герцога престолонаследником...

– Император его переживёт, – буркнул вполголоса тёмный чародей, и вновь его слова проигнорировали.

– ...Также пропал Ёорундо Зелеш. Он допущен к государственным тайнам...

– Спасибо, что рассказал. Буду знать.

– ...Помимо всего прочего, у Круга Старших накопилась к тебе, Хрон, масса вопросов...

– Не озвучишь?

– ...как, например, то: использование Книги в своих личных целях...

– Бзо! А ты, конечно, со своими пророками да предсказателями трудишься исключительно на благо общества?!

– ...целенаправленное выведение двуцветного мага...

– Оно и видно, что матери тебя с твоими детьми не знакомили и что такое скупающая девица тебе не известно!

– ...взятие под контроль белого мага...

– Да он сам припёрся! Мне, между прочим, теперь его и его потомство кормить!

– ...Пока советую подумать над ответами на эти вопросы...

– А что я до сих пор делал?

– ...К тому же, ты должен понять, что тебе придётся понести наказания за преступления твоего рода, Хрон...

– А как же принцип «Дети за родителей грехов не имеют»?

– ...Счастливо оставаться! Мы тебя не связываем, так что чувствуй себя как дома и готовься принять свою участь. До встречи, – Новелль коротко кивнул (вежливый, собака!) и двинулся к дверям.

Керлик, осознав, что все его замечания были пропущены мимо ушей – со столь избирательным слухом только двоежёнцем быть! – бросил недоуменный взгляд на Кляксу (эльф ответил тем же) и крикнул вслед белому магу.

– Стой! Император-то придёт?

– Ты совсем обнаглел? – изумился Новелль. – Это дела Гильдии. Императора они совершенно не касаются! К тому же, он часа три назад покинул столицу... Или ты настаиваешь?

– Да нет, – пожал плечами Керлик, про себя размышляя, что будь Эфа в Главели, светила бы одному магу встреча не с Кругом Старших, а с прочной пеньковой верёвкой. – Просто проверял, слышишь ли ты меня. Мгновение назад мне показалось, что нет.

– Ты что-то говорил? – озадаченно нахмурился белый чародей, потом махнул рукой и покинул зал.

– Н-да, ничего себе спектакль... – Керлик тяжело вздохнул и устало опустился на ближайшую скамейку, вытянул ноги, как до него зять. – Что же всё-таки происходит?

– Если бы я знал, – рядом пристроился Клякса. – Скажи, Кер, ты вправду Хрон?

– Хроннее не бывает, – чародей обернулся к вольнику. – Возненавидишь ли меня за это, эльф Гирелингель из забытого королевского рода?

Клякса ощутимо вздрогнул и отсел от собеседника, но не ушёл, как можно было ожидать.

– Откуда знаешь?

– Я же читающий, – спокойно пояснил Керлик, – но не всегда умел быть им – сначала требовалось научиться читать. В молодости отчего-то кажется, что лучше всего выведывать судьбы друзей. Проще и приятней. Не понимал, дурак, что совершаю подлость. Хорошо хоть после тебя и Камня немного соображать начал – Марго уже не тронул... Прости.

– Ничего, те времена прошли. Их не вернуть... – Эльф внимательно посмотрел на младшего друга, немножко ученика и одновременно с тем непонятного незнакомца. – Кер, я возненавижу тебя лишь тогда, когда пойму, что только этого ты достоин. Если подобное случится, то я попробую тебя убить.

– Понятно. Тогда не сможешь ли мне уйти отсюда! Я клянусь! Я не совершал преступлений... по крайней мере, тех, за которые меня имеет право судить Круг Старших!

– Нет, Кер. Пятнадцать лет назад я присягнул империи...

– Но... Впрочем, не суть. Расскажи, что тут случилось. Что ты видел?

– Это я могу.

* * *

...Ком из драчунов со всего размаху врезался в Директора, тот не удержал равновесия и упал, однако пола так и не достиг – замерцал, подёрнулся рябью и исчез в обнимку с виновниками скандала. Спустя краткий миг, когда и моргнуть-то не успеешь, в воздухе растворился и Ёорундо Зелеш. Он стоял неподалёку от отца, и, по всей видимости, молодого воина задело краем воронки от портала переноса (а чем могло ещё быть странное явление?!), который затянул сына вслед за родителем. Собравшиеся в зале ученики Школы разумно отскочили прочь от опасного места – ничего не произошло.

– Кто дрался?! – рявкнул взбешённый Клякса.

В ответ – гробовое молчание. Похвальная, конечно, солидарность с послушниками, но не время выказывать командный дух, когда явно случилось нечто нехорошее. Поэтому Камень ласково улыбнулся и обвёл учеников нежным, печальным взором – в исполнении полутролля простенький и добрый жест давил на психику мощнее, нежели даже рёв, казалось бы, воздушного по сути эльфа. Результат не заставил себя ждать.

– Горша Разумный из Западной Школы, – вперёд выскочил один из младших учеников. – А второй – какой-то колдун в сером плаще... Неплохо удары держит...

– Романд! – как-то совсем не по-мужски охнул Марго и прыгнул на пустующий пятачок, вытянул из-за ворота золотой амулет на тонкой цепочке да был таков...

* * *

– Только Маргаритка улетучился, как белые скопом начали в зале материализовываться. Чуть всех детей не пересшибали – хорошо хоть не новички, увернуться сумели... Впрочем, они все наказаны! – Эльф спокойно встал на место, откуда испарилась компания из пяти мужчин. –

С белыми несколько чёрных притащилось, но мало, что мне, кстати, странным показалось. Где Новелль, там Эфель. Ну, я спросил и... не поверишь!

– Неужели и он исчез? – поразился Керлик.

– Именно. И он, и Керейн Среброрукий, и ещё трое из верхушки. Даже Милик Скорodel исчезла, хотя она в Круг Старших только формально входит.

– Повстречаешься ты с этой «формально входящей», сразу «даже» позабудешь!

– А я и встречался, – неопределённо хмыкнул Клякса и задумчиво прикрыл глаза. – К счастью, недолго. Фантазия у дамочки мощная: на что я эльф да как-никак принц – и я подобного вообразить не смог. А аппетиты... На вид хрупкое создание, но до рассвета глаз не даёт сомкнуть. И вот солнышко поднимается, я труп трупом, а она на вселенскую несправедливость начинает жаловаться. Мол, был когда-то у неё паренёк: всё молниеносно делал, но старанием отличался и выносливостью, а потом, неблагодарный, взял и утёк. Не о тебе ли речь, Керлик... Молниеносный, если не ошибаюсь?

– Нет, – щёки мага неожиданно порозовели. – Я с самого начала Милик другом заделался, но историю тоже слышал – по моим подсчётам выходит, что это то ли второй, то ли третий император Гулума так развлекался.

– Ой! Это же до моего рождения случилось! – схватился за сердце вольник.

– Не паясничай. До твоего – и что с того? Она такая, насколько выглядит, – чародей на миг примолк. – Так ты говоришь, что белые сразу объявились после исчезновения Марго, а к тому моменту пропал и Эфель с командой?

– Именно так.

– Странно всё это. И знаешь, – Керлик поднялся, – что меня удивляет более всего?

Поведение Новелля.

– На мой взгляд, ничего необычного: заблокировал зону, тебя арестовал...

– Точно – арестовал, а не жизни лишил, как того требовала логика!

– Наверное, потому, что он знает о твоём специфическом родстве с Романдом. Ведь, насколько я понял, он белый маг.

– Ой, если бы я желал скрыть, какой у меня в семействе казус случился, я бы зятяка своего в Главель не отпустил, – с лёгкостью отмахнулся от предположения Керлик. – Кстати, Новелль интересовался Романдом?

– Нисколько. Я вообще думаю, что он даже не подозревает о причастности Романда или Горши к исчезновению Директора. Новелль не в курсе, что ребята пропали... – Эльф напряжённо взгляделся в чародея. – Скажи, кто виноват – Романд или всё-таки Горша.

– Насколько я разобрался, Романд, но в конечном итоге – я.

– Как это? Не объяснишь?

– Объясню, – согласился Керлик. – Но давай ты заодно покажешь мне Школу. Чует моё сердце, здесь я надолго.

Два бывших вольника, мирно беседуя, двинулись по запутанным коридорам.

* * *

Лита отчаянно скучала – муж не согревает большую постель, отец не спорит до хрипоты ни с дочерью, ни с зятем, Марго не травит пошлые байки из своей изобильной на любовные приключения жизни. Белобрыська угомонила детёнышей, и теперь кошащее семейство сладко урчало в углу спальни Керлика. Для воронят-переростков и Кузьки погоня за пантерой-самцом даром не прошла: троица тронулась, хотя и ранее разумным поведением не блистала. Они вообразили себя летучими мышами и прибились к проживающей на чердаке, под самой крышей стае – на данный момент они неплохо выучились висеть вниз головой на балках и уже не падали от охотничьего писка соседей. Даже неугомонный Пушистик куда-то забился спать.

Книги не читались и не читались, вязание не шло, готовить некому (да и на ногах долго не продержаться), играть не интересно – Любавуха всё равно победит, а стражники проиграют. Даже бездумно созерцать картинки в хрустальном шаре не хотелось.

Так и не найдя себе подходящего занятия, Лита оказалась перед небогатым выбором: либо беспокоиться в неизвестности, на что малыш во чреве брыкнулся, сердце закололо и заболела

голова, либо безопасно скучать. Молодая мать выбрала второе, всячески глуша тревогу – в результате, обессиленный организм поразила бессонница. Тогда-то и раздалось первое:

– Бум!

– И кому по ночам дома не сидится? – проворчала недовольно Лита. У неё получилось настолько сварливо, что не отличающаяся покладистым нравом Любавуха окинула госпожу донельзя осуждающим взором. За спиной бабки молодой стражник, сын небезызвестного конюха Ньюки, подменил игральные кости на свои. – Скребуются под дверями невинных людей аки нечисть полуденная.

Одна из «невинных» обитателей Чёрного замка (Любавуха) уличила шулера и отвесила ему звонкий подзатыльник. Из рукава бабки тотчас высыпалась целая колода для игры в Крестовик. «Скрежет» продолжал сотрясать ворота.

– Пойду-ка я посмотрю, кто там, – решила Лита, благо иное занятие она так и не отыскала.

– Не стоит, госпожа, – встрепенулся стражник.

Магиня недовольно и капризно скривилась, но бравого молодца неожиданно поддержала Любавуха.

– Девочка, Ньюка дело говорит.

– А я хочу! – топнула ногой Лита и, охнув, упала обратно на стул.

– Теперь поняла? – поинтересовалась Любавуха. – Ты – мать. И чтобы ни произошло, ты и только ты сейчас ответственна за своего малыша! – Магиня пристыженно покраснела и кивнула. – Впрочем, почему бы и не глянуть, кто к нам в гости заявился?

Лита во все глаза уставилась на помешавшуюся, не иначе, бабуку.

– Только мы пойдём вместе, втроём, – хихикнул довольный Ньюка-младший. – И сразу дверь открывать не станем.

Сказано – сделано. Магиня уткой-инвалидом поплелась вниз, стражник и знахарка двигались чуть позади. Шагов через десяток Ньюка всё-таки сообразил обогнать госпожу и, вытащив откуда-то из-за пазухи волшебный фонарь, осветил путь, а заодно провёл «разведку боем». Мало ли что!

Стук не прекращался до тех самых пор, пока троица не очутилась рядом с воротами. Вслед за этим была нарушена одна из основополагающих традиций Чёрного замка.

– Кто там? – спросила Лита, предусмотрительно не допущенная близко к калитке и, тем более, к смотровому окошку – всё равно оно за долгие годы приклеилось к раме и превратилось в декорацию.

– Чёрный Круг Магической гильдии! – раздался с той стороны зычный мужской голос. Троица раздосадованно вздохнула, так как всерьёз полагала, что незваные гости оказались менее терпеливыми и благополучно ушли.

– А чего вам надо? – ошалев от собственной наглости, Ньюка испуганно посмотрел на госпожу, та одобрительно кивнула.

– Прекратили балаган! – теперь из-за ворот явственно доносилось чужое раздражение. – Именем Чёрного Круга, откройте!

Лита, недоумённо пожав плечами, указала стражнику на калитку. Ньюка кисло улыбнулся, но подчинился – на пороге вырисовался высокий силуэт, тёмный на фоне мерцающего звёздами неба: мужчина в длиннополом плаще с глубоким, скрывающим и без того вряд ли видимое лицо, капюшоном. Что-то сегодня зачастили такие в Чёрный замок!

– Проходите, – проворковала хозяйка и вежливо повела рукой, приглашая гостя внутрь. И оказалась низвергнута ещё одна, на этот раз общемировая, традиция: «Не зови в свой дом чёрного мага!»

Незнакомец дрогнул в нерешительности, но затем чуть нагнулся и прошествовал во дворик Чёрного замка. Вслед за первым гостем появились ещё шестеро. Потом исполнительный и предупредительный Ньюка запер калитку на огромный засов. И тотчас новоприбывшие вспомнили о третьей традиции. Не принимай приглашение Хрона!

– Ой, – Лита широко зевнула и сладко потянулась. – Что-то меня в сон клонит. Пойду я...

– Эй! – обиженно звякнул во мраке женский голосок – среди гостей определённо затесалась и чёрная магиня. – А как же Хрон?!

– Из Хронов здесь только мы, – радостно сообщила молодая хозяйка и погладила себя по

животу, затем снова зевнула. – А па часа три как в Главель смылся... Да, он Замок зачаровал, так что вам теперь папулю дожидаться... Упокойной вам ночи, Чёрный Круг.

– Девчонка?!

– Я, кстати, в Гильдию не вхожу... – пробормотала Лита и неожиданно заснула, где стояла.

Нюка и Любавуха, буркнув нечто вроде «располагайтесь, где желаете да как сможете», подхватили госпожу под локотки и увели её в опочивальню. Столь радушного приёма новоприбывшие чародеи ещё ни разу в жизни не удостаивались.

– И как сие понимать? – поинтересовался третий голос.

– Хроны! – выматерились Милик, Эфель и Керейн хором.

– А я ведь вас предупреждала, – добавила Скородел.

В Замке воцарились сон и тишина.

* * *

Ночь в Школе Керлик цинично проспал, не предпринимая, хотя бы для вида, попыток покинуть «гостеприимных» воинов. Впрочем, по здравому размышлению хороший отдых представлял собой не что иное, как первый шаг к побегу, но тёмный чародей распространяться о своих думах не пожелал.

Наутро, точно к ученической перекличке, маг устроил себе вторую, теперь самостоятельную экскурсию по школьному комплексу с открыванием окон через неравные промежутки времени. Реакция охраны была отменной: рыцари, как и обещал Новелль, не оставляли деятельность пленника без внимания. Иногда они появлялись рядом с Керликом, едва тот брался за щеколду, иногда – когда он уже по пояс высывался наружу, но всякий раз вовремя. Если они не могли схватить «беглеца» за шиворот, то успевали поднять тревогу – маг с невинной миной на лице утверждал, что захотел подышать свежим воздухом. Охрана вежливо кивала, но не верила. Зря – Керлик пока никуда не собирался, хотя представься хорошая возможность для побега, маг ею воспользовался бы.

* * *

Наверное, Керлик удивился бы, проведай он, что происходит в его доме. Впрочем – нет. Скорее, это его незваные гости поразились бы, если узнали, что, по сути, заняты тем же, чем и запертый в Школе Меча хозяин Чёрного замка.

Убедившись в том, что они младшей Хрон как солнцу до луны, а Замок и впрямь никого выпускать не собираются, представители Чёрного Круга Магической гильдии единогласно решили обыскать жилище проклятого собрата. Чем Тьма ни шутит, может, удастся обнаружить и изъять Книгу Мира – не то чтобы она оказалась кому-то полезной, кроме истинного читающего, но Хрон, по крайней мере, был бы лишён своего главного оружия и защиты в одном лице.

Высшие чародеи жили не первый век не потому, что откладывали собственные решения в долгий ящик, засим, разделившись, они принялись методично исследовать Замок.

Поначалу всё шло хорошо, даже скучно... Н-да, и старики, бывает, не в ту сторону сворачивают. Никогда не гуляй по лабиринту вокруг сокровищ, если они принадлежат магу. Чёрному. Со специфическим чувством юмора. И вовсе – Хрону... Чёрный Круг припомнил о старой присказке несколько поздно. Точнее – убедился в её истинности.

* * *

Лита проснулась в отличном расположении духа и приняла на удивление разумное решение: посвятить нарождающийся день исключительно себе и своему малышу. Папу ребёночка отыщет дедушка, гостями займутся Замок и слуги, а Мировые проблемы магии никогда не интересовали, хотя бы потому, что Лита прекрасно понимала: она и сама по себе из их числа. Молодая мама наслаждалась жизнью и смиренно ожидала своих мужчин, когда на её

головушку посыпались развлечения. Лита не была бы Литой, если бы с радостью не приняла в них участие. Что поделатъ – даже маги всего лишь предполагают!

Бодрящий утренний душ, кусок свежееиспечённого хлеба с золотым маслом, белоснежная манная каша... и истошный женский визг вместо кружки молока. Все планы стать образцовой матерью, женой и дочерью канули во Свет – Лита, не раздумывая, сиганула на звук, в библиотеку. И нисколько не пожалела об опрометчивом поступке.

В царстве науки вместо обычного торжественного порядка хозяйничал хаос, тоже, надо признать, частый гость библиотеки. На стенке для испытаний появились новые фигурные трещины; глушащие шаги ковры свернулись аккуратными рулонами и теперь скромненько стояли по углам. Центральные стеллажи сдвинулись, а из тех, что крепились к стенам, вывалилось большинство книг, столики и кресла радовали взор кривыми ножками. В целом – тот самый привычный вид, когда Романду попадалась новая книга или приходила в голову очередная гениальная идея. Аналогичный кавардак приключался и тогда, когда Лита реализовывала заклинание, не потрудившись дочитать оно до конца.

Вслед за разором в библиотеке традиционно и без посторонней помощи материализовывались метла, ведро и тряпка. Они, как и положено, красовались посередине библиотеки. Рядом же нетерпеливо прыгал Пушистик с изгрызенной пантерами пикой с ржавым наконечником и радостно пищал. Игра в прятки среди книг была вторым по значимости из любимейших развлечений странного зверька. Первым, конечно же, являлось хождение за Романдом и попытки ему во всём подражать. Однако в этот раз в библиотеке имелось нечто новенькое.

На верхних полках, под самым потолком сидела Милик Скородел собственной персоной и визжала, что цаца при виде серой мышки.

– Тебе там удобно, великая чёрная магиня Милик из рода Лотта? – Лита вежливости училась у отца и мужа – «учителя» могли гордиться достойной «ученицей». – А что ты там делаешь, уважаемая?

– Зачем тебе ЭТО?! – Вместо ответа незваная гостья дрожащей рукой указала на Пушистика, не замечая, что хозяйка откуда-то знает о произнесённом вслух имени магини. – Зачем ЭТО в доме чёрного мага?!

– Пушистик? – удивилась Лита.

– Какой «пушистик»? – недоумённо моргнула Милик, кажется, даже успокаиваясь. – Я спрашиваю об этом пищащем комке Истинного Света!

– Истинного Света? – у хозяйки дома глаза на лоб полезли. – Его Романд создал. Это зверь... необычный – вот и всё.

– Зверь?! Ты сдурела?! Ослепла?!!

Из кабинета Керлика, перекрывая возмущённые вопли женщины, донеслась отборная ругань, воспевающая в основном какого-то шмеля на ели. Лита, пожав плечами, бросила Пушистику «охраняй!» (тот отсалютовал пикой, но не удержал равновесия и растянулся на полу) и двинулась проверять отцовскую сокровищницу. Не ошиблась.

Среди россыпи золотых монет различной чеканки... Как известно, драконы, джинны и маги питают страсть к разглядыванию своих богатств, что много удобней делать, когда эти самые богатства раскиданы по полу. К тому же, смотря на золотые кучи, чувствуешь себя куда более состоятельной особой, нежели являешься на самом деле. Помимо этого, монетки имеют свойство звенеть даже под мягким сапогом – неплохое дополнение к охране – и притягивают взгляды недалёкого ума воришек, оставляя без внимания оных действительно ценные вещи. И наконец – чародеи предпочитают серебро и драгоценные, а иной раз и не очень, камни, так как то и другое больше расположено к длительной и устойчивой магии, чем пошлое и кровавое золото... Так вот, среди этого самого золота и сидел великий чёрный маг Эфель Душевный.

В отличие от обычных воров чародей прекрасно знал, что и где искать, однако и для таких проныр в сокровищницах уважаемых и опытных магов имелась дополнительная защита. Заклятья, жертвой одного из которых стал Эфель: правая рука магистра оказалась прижата к выложенному мраморной плиткой полу сапфировой змейкой – раз. И два – то, что не давало возможности избавиться от волшебного капкана, – охранник. Джинн.

– Ещё один скверный мальчишка на мою голову! И откуда вас здесь столько

поразвелось?!!

Огненный гений летал вокруг озадаченного Эфеля. Вообще говоря, чародей залез в сокровищницу не воровать, потому защитные заклинания обязаны были проигнорировать вторжение.

– И, мальчик, нельзя говорить такие нехорошие слова! – Джинн остановился и наставительно поднял полупрозрачный указательный палец. – Это неприлично!

Затем охранник разразился длиннющей тирадой. Эфель, затаив дыхание, благоговейно внимал джинну, а Лита закрыла одной рукой ухо, второй место, где располагался пупок, – чтобы и самой не набраться, и малыш грубостей раньше времени не услышал.

– Чего это он? – поинтересовался гость, когда джинн, заметив позу хозяйки, умолк.

– Романд к нему однажды заходил, – пояснила Лита.

По понятливому кивку молодая чародейка определила, что дальнейших объяснений не требуется. По всей видимости, глава Чёрного Круга был знаком с Романдом лично. Проверить предположение магине не удалось – на чердаке запищали растревоженные летучие мыши. Лита тяжело вздохнула и перенеслась наверх – в отличие от дорогого мужа она умела плести заклятья перемещения, хотя пользоваться ими, как и прочие начинающие чародеи, не любила.

Лита подросла точно к моменту, когда испуганные вампирчики вылетали в разбитое слуховое окошко. За ними с довольным карканьем следовали вороны. Они, словно в детской сказке, тащили в лапах палку, на которой пристроился крысёнок. В острых коготках Кузи застряла синяя тряпка – паранджа. Её хозяйка панически пыталась прикрыть руками серебряные, как и ресницы, волосы от уже покинувших чердак летучих мышей.

– Крысы! Мыши! Зачем вам вампиры?! И пусть они вернут мою накидку!

Лита окинула гостью недоумённым взглядом. К чему, спрашивается, лезть на чердак, если не любишь летучих мышей?.. Очередное знакомство с очередным чёрным магом заставило подозревать юную чародейку, что рассказы о сумасшествии рода Хрон несколько преувеличены. Существенно, если подумать.

– Они избавляют нас от насекомых – не требуются экзорцизмы, – хмыкнула Лита и высунулась в окошко. – Кузя! Ххар! Хруст! Назад! Верните госпоже Олиушо её тря... платок!

– Это не платок!

Но юная магиня уже перемещалась в кладовую, так как там хозяйку дожидался очередной, требующий внимания гость.

Керейн Среброрукий в жизни не попадал в столь дурацкое положение. Нет бы застрять в оружейной! Но магу не повезло: он зашёл в кладовку, наткнулся на мешок с мукой и услышал позади себя угрожающее рычание. Обернулся.

Чёрных пантер Керейн не боялся, однако, когда увидел эту красавицу с горящими яростью глазами, не смог не попятиться – и в итоге, оказался загнанным в угол между мешками с пшеном и гречкой. Громадная же кошка села напротив чужака свирепым сторожевым псом и вдруг принялась внимательно обнюхивать чародея. Керейн просто-напросто растерялся и искренне обрадовался, когда рядом материализовалась юная хозяйка дома.

– Белобрыська! Тебе не стыдно?! – возопила, нисколько не притворяясь, Лита. – Уважаемый господин Керейн не собирается воровать пшено! К тому же, даже если бы собирался, ты всё равно его не ешь!

Пантера окинула магину снисходительным взором и, откровенно виляя задом, удалилась. Вернулась зверюга скоро – оба чародея даже не успели толком осознать, что же всё-таки произошло. За загревок Белобрыська несла одного из своих детёнышей. Мать спокойно, с достоинством, приблизилась вплотную к Керейну и положила драгоценную ношу к ногам мага, тяжело вздохнула и вновь направилась к выходу. Маленькая кошечка бросилась за Белобрыськой, однако та неожиданно резко обернулась и наподдала чаду лапой. Чёрная тушка отлетела обратно в угол и жалобно захныкала. Удивлённый гость поднял маленькую брошенную пантеру на руки – кошечка тотчас довольно заурчала.

– Что это значит? – изумился Керейн.

– Кажется, Белобрыська решила, что ты будешь хорошим хозяином для её дочки, как я для Белобрыськи, – Лита погладила себя по животу и вдруг озорно усмехнулась. – Теперь тебе

осталось завести собственную дочь, а там и до зятя не далеко!

– Девочка, у моей дочери уже есть муж.

– А дети? – нашлась магиня.

– Нет, – нахмурился гость. – Зачем мне внуки от мага Земли?!

Лита в ответ молча потупилась.

– Понятно, – Керейн покачал головой. – Ты права. Раз уж она замуж за стихийника выходила, то пусть от него и рождает. Да и мальчик он ничего, нормальный... только бестолковый.

– Ты не слышал, как папа Романда называет...

В очередной раз Литу прервали. Магине это уже порядком надоело, и она перенеслась в отцовский кабинет.

– А теперь, дорогие гости, все сюда! – рявкнула чародейка и переломила специальный кристалл.

Члены Чёрного Круга, в каком виде их застал зов, в таком и появились рядом с хозяйкой дома. К четвёрке, отмеченной личным вниманием Литы, присоединились ещё трое тёмных магов. В руках одного извивалась скользким угрём вертушка из супружеской опочивальни Романда и Литы (оскорблённая магиня пообещала себе запомнить чрезмерно настырного чародея), на голове второго сверкал рыцарский шлем (из-под роз), позади третьего со звоном приземлилась любимая сковородка Литы (та самая, памятная, которой магиня «поприветствовала» вернувшегося женишка).

– Итак, – ласково улыбнулась хозяйка, словно старый сержант перед новобранцами. – Поставим после всех заклинаний многоточия.

* * *

– Итак, – ласково улыбнулся Керлик. В этот момент дочь и отец выглядели настолько схоже, что никто в здравом уме и твёрдой памяти не смог бы усомниться в родстве чародеев. Но ни рядом с Литой, ни в окружении Керлика здравым умом и твёрдой памятью уже никто не обладал. К счастью, наверное.

Впрочем, именно сейчас рядом с Керликом вообще никого не было.

Маг, благосклонно соизволив разделить обед с учениками и учителями Школы, заявил, что теперь ему как «старому, больному человеку» требуется заслуженный сон. Чем тот заслужен, присутствующие в столовой не поняли, но уточнять отчего-то не захотели, предоставив «гостю» спальню. Керлику, естественно, опочивальня не пришлась по вкусу – маг попытался найти «более удобную». Поиски затянулись, и сопровождающие плюнули на выходки сбрендившего чародея, оставив того в полном одиночестве – всё равно не сбежит. Конечно же Керлик продолжил экскурсию.

И кое-что нашёл.

Дверь.

Ясно, что в любом нормальном здании множество дверей, ведущих в различные помещения. В Школе Меча, например, в учебные классы, бойцовые залы, ученическое общежитие и спальни учителей, кладовые и хранилища, библиотеку, покои Камня и Кляксы, директорский кабинет и прочая, прочая, прочая. Всё за неполный день обойти невозможно. И не нужно. Достаточно заглянуть за интересные двери. Одной из них являлась дверь в рабочий кабинет Имлунда.

Отыскал её Керлик очень просто: спросил у пробежавшего мимо младшего ученика, тот, не задумываясь, показал. Чародей вежливо поблагодарил доброго ребёнка и вошёл – дверь оказалась не заперта. То ли хозяин позабыл в спешке, то ли доверял посетителям Школы, а возможно, в комнате нечего было красть. Или незачем.

Действительно, из более-менее ценных предметов в кабинете находились лишь выигранные Школой на турнирах мечи, неподъёмные и неподвластные магии, да бухгалтерские книги с документами, необходимыми всякой организации, которая имеет дело с большим количеством людей и средним денежным потоком. Остальное представляло собой мебель и

милые побрякушки, подаренные благодарными учениками любимому Директору.

– Какой же ты разный, – нахмурился Керлик. – Младшего сына, хоть и ублюдка, в бесчувствии своём задавил, а над здешними детьми трясешься, что наседка над выводком. Что же ты?

Чародей взял с письменного стола бумажку – докладная записка на недостойное поведение некоего Нулиша-младшего – и положил обратно, глянул на следующую – счёт краснодеревщика.

– Для каждого своя маска. Но какой ты на самом деле, герцог Имлунд Зелеш? Кто ты на самом деле?

Читающий мог прочесть о Директоре, но вот беда – книга молчала. Следовало обратиться к Книге Мира, но настолько острого желания посетить Замок Путей, как в случае с Романдом, Керлик пока не испытывал. Да и боялся. Пока боялся вернуться домой навсегда.

– Здесь ли ты истинный? Если да, то покажи лицо!

Керлик щёлкнул пальцем по вызолоченному гусиному перу – ими как писчими принадлежностями уже не пользовались, наверняка подарочек от Гирелингеля. Эльф любил подтрунивать над друзьями, устраивать мелкие забавные пакости, дарить вроде бы не бесполезные, но давно вышедшие из обихода или моды предметы.

– Да. Я уверен, что ты прячешься здесь, Имлунд Зелеш. Ведь здесь ты на виду и оттого надёжно скрыт.

Маг пробежался взглядом по книгам в стеллаже и замер. Вот оно! Корешок одной из книг несколько более мятый, потёртый – эту книгу определённо чаще брали в руки.

– Ну-с, посмотрим, – хмыкнул Керлик и потянул находку. Однако книга сопротивлялась. Нет, она не застряла – просто упала на корешок, и тотчас послышался тихий шелест, где-то заработал отлаженный механизм.

Чародей чуть не расхохотался в голос, когда стеллаж легко отодвинулся от стены. Да! Оригинал! Кто бы мог подумать, что во времена расцвета бытовой магии, Имлунд воспользуется механикой. Впрочем, не совсем точно – тайны герцога скрывали и заклинания, но благодаря деятельности Новелля и Белого Круга Гильдии чары временно рассеялись.

Книги скрывали дверь.

– Итак, – ласково улыбнулся Керлик.

По всей видимости и у неё имелось магическое прикрытие, капкан-ловушка на непрошенных гостей, но тоже сейчас обезвреженная: если магии не осталось даже внутри живых существ, что уж говорить о предметах. Правда, Имлунд не поленился поставить и обычный, точнее – гномий, замок. Такой вскрыть трудно, но у Керлика было бурное прошлое. Целых три месяца чародей ходил в учениках у знаменитейшего вора-домушника Дейзика. Поговаривают, что этого парня так и не смогли словить с поличным и повесить.

– Приступим, – Керлик вернулся к столу Имлунда и, порывшись в незапертых ящиках, отступился. Взгляд чародея вновь упал на золочёное перо. – А почему бы нет? Я не собираюсь скрывать своего визита. Более того! Я ожидаю, что ты ко мне придёшь, Имлунд Зелеш. Нам предстоит долгий разговор.

Уже через минуту маг убедился в том, что разговор с герцогом предстоит не просто долгий, а, пожалуй, бесконечный.

– Подонок, – тихо прошептал Керлик, глядя на небольшой портрет золотоволосой девушки, матери Романда, Нуйиты Лиххиль, чей род восходил к прежней династии Лоххаль. – Подонок. Ведь он не виноват. Он вдвойне не виноват!

Под осуждающим взглядом голубых глаз чародей спрятал за пазуху тоненькую книжечку. Теперь Керлик точно знал, что Имлунд придёт в Чёрный замок, а если понадобится, то и в Замок Путей. Не может не прийти, ибо без этой книжечки... книги герцог не в состоянии спокойно жить. Имлунд Зелеш был читающим.

* * *

Лита браво промаршировала вдоль неровного строя представителей Чёрного Круга Гильдии. Точнее, это магине казалось, что промаршировала и что браво. На самом деле она в

своей сердитой сосредоточенности со стороны представляла донельзя забавное зрелище – с огромным животом трудно выглядеть грозной, особенно когда еле ходишь. Однако никто из магистров не позволил себе хотя бы мимолётную улыбку – они видели магиню из страшного рода Хрон, рода чёрных магов, за которой по пятам следовал сгусток Истинного Света, принявший форму шарообразного пушистого зверька.

– Не передразнивай! – кинула Свету хозяйка и замерла.

На лице Литы блуждала неожиданно тёплая задумчивая улыбка – теперь магиня выглядела, как и подобает выглядеть будущей матери: нежно, величественно и незащитно. Впечатление несколько портили тёмные глаза, не позволяющие ни на миг забыть, кто эта дамочка.

– Ах да, – очнулась Лита. – Что же вы, гости дорогие, ищете в замке?

– Э-э, – кисло протянул Эфель, остальные благоразумно промолчали.

– О! Не утруждайте свою фантазию, уважаемый глава Чёрного Круга, – отмахнулась хозяйка. – Вы скопом решили отыскать, пока папочки нет, Книгу Мира. Должна вас огорчить... – магиня замолчала и направилась к дверям, прочь из отцовского кабинета, но на полдороге остановилась, будто вспомнив, что «разговор» не окончен. – Книги здесь нет. Папа построил Чёрный замок не так давно, а Книга Мира существует не одно тысячелетие.

– И где же она хранится? – осмелилась встрять с вопросом Милик Скородел. Она к некоторому удивлению окружающих всё ещё не отошла от потрясения, испытанного при встрече с Пушистиком, и дрожала, словно больная лихорадкой. Впрочем, голос женщины отличался прежней твёрдостью и спокойствием.

– Там, где и положено находиться Книге Мира, – пожал плечами Лита. – В родовом замке Хронов. В Замке Путей. Слышали что-нибудь?

Керейн и Эфель красноречиво сели на пол, тот парень, что боролся с бумой, всё-таки дополз до ближайшего диванчика. Остальные ограничились мертвенной бледностью.

– Скомороший балаган! – возмутилась хозяйка. – Вы же все прекрасно знаете папочку! Так зачем вам этот бездарный спектакль?!

– Привычка, – стыдливо признался Эфель.

– Привычка-привычка. Я в Замке Путей ни разу не была, но Романд говорил, что там неплохо.

– Романд посещал Замок Путей? – судорожно сглотнул чародей. Видимо, ему вновь перешла роль голоса всей компании.

– Посещал. Особенно он нахваливал некий Сад Спокойствия. Муженёк там вроде бы ба-альшой взрыв устроил, чуть Замок не развалил... Романд любит взрывы.

– Сумасшедший, – констатировал Эфель. – А так умело нормального изобразил!

– Нет, Романд не сумасшедший! – в деланной обиде крикнула Лита. – Он никак не может быть сумасшедшим... Ну, чуточку эксцентричный.

– А это то же самое.

– Нет, – снова возразила хозяйка, но на этот раз «гости» заметили игру. – Романд благородный человек, поэтому он не сумасшедший, а эксцентричный.

– К-ха, благородный?

– Конечно. Ведь у него в роду сплошные императоры!

– Императоры? – Эфелю роль дурачка уже порядком надоела.

– Да. Он же из...

– Рода Зелеш, хочешь сказать, – прервал магиню чародей. – Нет, девочка, в этом роду императоров не встречалось – только короли. Впрочем, мама Романда принадлежала роду Лиххиль, а уж там этих императоров...

– Верно, – кивнула Лита, стараясь скрыть волнение, – что-то молодой женщине не нравилось в тоне Эфеля. И правильно не нравилось.

– Нет, не верно! – возразил глава Чёрного Круга и запустил руку в глубокий карман шуршевого плаща, порывлся и достал золотую монетку высшего достоинства, показал остальным чародеям. – Кажется, среди предков Романда императоры встречались гораздо чаще, чем в семье его матери.

На монетке сгустился профиль обсуждаемого белого мага. Вот только правителем Гулума

Романд не был.

– Оговорилась, девочка, – ехидно заметил Эфель.

– Ой, а с Романдом получилось, – прокомментировала Лита с кислой улыбкой на устах и удрученно почесала затылок. – И что же мне теперь папе-то наврать? Скажите ему, что сами догадались, ладно?

Вечером Чёрный Круг собрался в обеденной зале Чёрного замка для позднего ужина. Все семеро уставшие и злые – собственная магия в обители Хронов работала плохо, а замыкающее заклятье не давало покинуть «гостеприимные» стены. К тому же, расстроенная или, скорее, обескураженная хозяйка заставила магистров убирать в библиотеке. Даже тёмные чародеи не смогли отказать в «просьбе» беременной женщине... которая обещала натравить Истинный Свет на магов, если они не «помогут».

Затем настала очередь кухни, кладовой, чердака и даже сокровищницы Керлика, впрочем, оттуда джинн-охранник гостей выгнал довольно-таки быстро. И вот (наконец!) пришло время долгожданного ужина.

– Господа, дамы, – в залу вплыла Лита, за ней тенью следовала Белобрыська. Хотя пантера отдала своего отпрыска Керейну, она хотела проверить, как новый хозяин заботится о её дочурке. – Вынуждена вас снова огорчить.

– Что на этот раз? – вздохнул Эфель. – Ты хочешь, чтобы мы и уборные ваши вычистили?

– Неплохая идея, – хмыкнула хозяйка, – но нет. Дело в том, что я не могу выпустить вас из замка, так как сама в свою очередь не в состоянии его покинуть. Папа ведь именно от этого накладывал заклятье.

– Зачем?!

– Чтобы я не сделала глупость и не бросилась искать Романда самостоятельно.

– Искать? – нахмурилась среброволосая Олиушо. – А он пропал?

– Да. Кажется, переместился в другой Мир.

Гости со стоном повалились на стол, кое-кому не повезло угодить лицом прямо в материализовавшиеся из кухни тарелки с салатом.

Лита, вдоволь насмотревшись на странную картину, пожала плечами – видимо у Чёрного Круга так принято – и удалилась прочь. Эту традицию магиня не понимала, посему тактично не стала вмешиваться и задавать вопросы.

Чёрный замок одобрительно скрипел ставнями. Он искренне гордился воспитанностью молодой хозяйки.

Глава 13

Где-то ушло, или Где-то появилось

– Что ты здесь делаешь, Хрон?!

Керлик внутренне похолодел, так как не слышал шагов, и обернулся на женский голос. Изобразил на лице свою лучшую обворожительно-насмешливую улыбку.

– Естественно, сую свой наглый нос во все интересующие меня щели.

– А не боишься, что щель – это всего лишь пространство между дверью и косяком? Пройдёт кто-нибудь сердобольный, захлопнет дверку – и нет твоего наглого носа!

В полном соответствии с голосом сзади стояла женщина. Высокая для представительницы Гулума, но всё-таки коренная имперка. От неё веяло силой и вместе с тем беззащитностью. Женщина смотрелась воинственно и одновременно нежно. И на ней красовался тёмно-синий халат учителя Школы Меча.

– Определённый риск имеется, – согласился Керлик. – Но жизнь – это вообще риск.

– Верно, – кивнула женщина. – И раз я тебя застукала, Хрон...

– Керлик, – предложил чародей.

– ...то будь добр, верни украденное, – закончила она и добавила. – Хрон.

– Я ничего не крал, – улыбнулся маг, хотя нисколько не сомневался в том, что ему не поверят. Керлик знал эту женщину – сплошное противоречие... и давняя любовница всего на

одну-единственную случайную ночь.

Интересно, а помнит ли эта женщина мужчину, которого она поутру вытащила из тёплой постели, чтобы показать ему великолепный сад... и показать этого мужчину хозяйке сада. Матери Литы.

– Твоя снисходительность меня не обманет, – хмыкнула учитель Школы. – Ты маг. Такие, как ты, знают цену женщине.

– Ты права, – снова не стал возражать Керлик. – Но я ничего не крал.

– Позволь, я проверю.

Она подошла к чародею вплотную и, не стесняясь и не церемонясь, обыскала его. Керлик понял, что они снова поладят.

– Что это?

– Книга, – честно ответил чародей. – Я её не крал.

На всякий случай Керлик не стал уточнять, что он всего лишь одолжил этот предмет у Имлунда.

– Вижу. Почему в ней только чистые листы?

– Это книга, – повторил маг, но видя, что его не понимают, уточнил. – Которую читают. Тебе наверняка сказали, что я читающий Мир.

– И сейчас она не работает, – полюбопытствовала женщина, – из-за того, что Белый Круг призвал Ловцов Чар?

– Нет, она работает, – отмахнулся Керлик. – Она всегда работает, просто ты не видишь. Ты не читающая.

– Но как? Сейчас здесь совсем нет магии! Как здесь может работать волшебная вещь?

– О! Принцип действия такой же, как... – чародей задумался. – Э-э, как бы объяснить-то попонятней? Я в Школу переместился при помощи магии.

– Ага, текст так же попадает на страницы книги, но почему я ничего не вижу? – женщина вопросительно смотрела на собеседника, однако тот не отвечал, предоставляя ей отгадывать загадку самостоятельно. И женщина отгадала. – Чтение Мира это не волшебство?

– Да.

– Я так и думала! – она вернула книгу Керлику. – Моё любопытство удовлетворено. Так понимаю, твоё – тоже. Теперь тебе, Хрон, лучше проследовать в свою спальню.

– Может, лучше в твою? – чародей снова улыбнулся и чуть не окосел от мощной затрешины. От дальнейшего рукоприкладства мага спас очередной ученик, пригласивший учителя Алай Строптивную и гостя Школы Керлика Молниеносного на ужин – быстро же время пролетело!

* * *

Полтора дня для Чёрного Круга в компании ненормальной Хрон, её живности, слуг и страшной бабки Любавухи тоже пронеслись незаметно: точно так же, полагая, что только начинаешь жить, обнаруживаешь на пороге смерть. К исходу второго дня (или к наступлению третьей ночи?) пребывания в Чёрном замке все магистры поголовно желали лишь одного – повеситься... Но вдруг хозяйка дома исчезла, оставив взамен себя странного парня в грязно-салатовом халате, с явной печатью предков-гоблинов на лице. Сомнительная замена.

Несмотря на испытанный шок, Горша очнулся всего лишь от одного кувшина ледяной воды и споро, почти не заикаясь, рассказал Лите, где и когда виделся с Романдом в последний раз. Молодая магиня пришла к двум неутешительным выводам. Первый заключался в том, что дорогой муж находится в другом Мире. Впрочем, в этом-то ни отец, ни дочь нисколько не сомневались. А вот в каком – не смог бы определить даже Керлик. Собственно, это благодаря ему след Романда терялся в неизвестности, и вряд ли пояснения Горши хоть сколько-нибудь окажутся полезными в поисках.

Второй вывод оказался тоже не из приятных. При перемещении была задействована мощная магия, чёрная, особенная, принадлежащая лишь одному – Хрону. Сей аномалией не мог не заинтересоваться Белый Круг Магической гильдии, особенно в отсутствие Чёрного. Лита

отчётливо поняла, что безрассудно кинувшись на помощь Романду, отец обязательно попадёт в ловушку светлых чародеев. Поэтому магиня поступила аналогично.

Способ обмануть замыкающее заклятье Лита нашла ещё вчера, наблюдая за стаей летучих мышей, испуганных госпожой Олиушо, – по воздуху. Но левитация здесь не поможет – волшебного летуна папочкино заклинание разворачивало, и поэтому следовало пользоваться обыкновенными человеческими способностями.

Магиня оделась потеплее, переместилась на верхушку одной из сторожевых башен и бросилась вниз. Ради отца и мужа Лита была готова на безумства... и только приземлившись рядом с главными воротами Школы Меча, оставшись без магических резервов, молодая женщина осознала, что лишь Великим Чудом сохранила жизнь себе и своему ещё не рождённому ребёнку.

* * *

Второе утро заключения началось весело: Алай вдруг резко вскочила и вытолкала Керлика вон из нагретой за ночь постельки. Чародей предпринял попытку взять кровать или хотя бы одеяло и подушку штурмом, но женщина не зря носила халат учителя Школы. В итоге, Керлик оделся как раз к приходу мужа Алай. С воплем «Предупреждать надо, ненормальная!» маг ретировался в ближайший коридор, зная по опыту, что драка с мужьями дело неблагоприятное – либо накостыляет он, либо обиженная супруга, так что, как ни крути, любовник всегда в проигрыше.

Бесцельно проблуждав по школьным коридорам, Керлик нагулял нешуточный аппетит и неожиданно вернулся в тот же зал, куда переместился позавчерашним вечером и откуда, по словам Кляксы, исчезли Романд и Марго. Сейчас делать в зале было абсолютно нечего, разве что потренироваться на хороших снарядах. А почему бы и нет? Почему бы не воспользоваться с толком выпавшей возможностью?

Маг, теперь из чистого любопытства, огляделся, посмотрел вверх и присвистнул. Вот чего не хватало в обучении зятя! Да и самому Керлику неплохо бы бегать по «воздушным мосткам» хотя бы раз в седмицу. А то заплыл жиром! И Марго с его ребятами, и Лите, когда, конечно, позволит женская доля.

– Ой! Кто это здесь?

Керлик обернулся. Ему уже порядком надоело, что в Школе Зелеша все к нему подкрадываются незаметно. Этак и нервный тик заработать недолго!

– Поговаривают, великий чёрный маг.

Позорила Вольный Отряд «Кукушки» в лице Керлика всего лишь троица мальчишек в форме Школы. Заводилой явно был младший – рыжий парнишка лет двенадцати, по мордашке, хоть и усыпанной золотом конопушек, из высокородных. Двое других – четырнадцати лет – казались выходцами из крестьянских или, что вернее, из небогатых городских семей.

– Проклятие нашего Мира! Зло!

Высокородный, однако, отличался ещё и болтливостью: именно он задал вопрос и ответил же на него. Его спутники молчали. Но не боялись.

– Именно, – согласился со всем Керлик. – Я – чёрный маг Керлик Молниеносный из рода Хрон, читающий Мир. Что дальше?

– Дальше? – рыжего отповедь не смутила. – Займёмся твоим воспитанием!

– Малыш, я тебя более чем на полвека старше, – хмыкнул чародей. – Не тебе заниматься моим воспитанием. Скорее – наоборот.

Мальчишка разумный довод проигнорировал истинно по-высокородному и мотнул головой. Тотчас, повинуясь безмолвному приказу, один из дружков рыжеволосого, жгучий брюнет – несомненно южанин, запер входную дверь на замок. Ключик отдал главарю.

– Э-э, мальчики, – Керлик попятился ко второй двери, которую буквально пять минут назад сам случайно захлопнул. – Откуда у вас ключи. Вы заранее готовились?

Ребята предоставленной возможностью одуматься не воспользовались и медленно окружили жертву.

– Детки, мне почти семьдесят! – напоследок попытался чародей. В следующее мгновение

они ударили. Первым оказался, как ни удивительно, рыжий, что в данном случае Керлик расценил за хороший знак – мальчишку можно и перевоспитать.

Не успели ученики сдвинуться, как те, что постарше, впечатались задами в дальние скамейки, главный же забияка оказался в плачевном положении. Керлик уткнул мальчишку носом в деревянный пол и надавил ногой (в сапоге с каблуком) на незащищённую шею. Раздался тихий писк. Впрочем, скорее произвольный, чем умоляющий.

– Итак, мальчики, – обратился чародей к четырнадцатилетним, – желаете, чтобы я отделил его дурную голову от хлипкого тела?

– Бейте его, ребята! – простонал куда-то в доски рыжий.

К счастью, его дружки сумели верно оценить ситуацию и лишь покачали головами, следя за ногой мага.

– Молодцы. Правильное решение, – улыбнулся Керлик и нагнулся к буквально распластанному по полу лицу заводилы. – И кто же тут размахивает кулачками да в присутствии рьяно оберегаемых гостей?

Мальчишка гордо промолчал. Ни дать ни взять – партизан Драконовой войны. Но мага он не впечатлил – Керлик чуть сильнее надавил на шею и рявкнул.

– Как тебя звать, рыжее отродье?!

– Холо, – выдавил ученик. – Холлон Нулиш. Младший сын графа Нулиша.

– А-а, Холо Забияка, – припомнил чародей директорский кабинет. – Следовало бы догадаться.

И подцепив мальчишку носком сапога за подбородок, отшвырнул прочь. Юнец приземлился точно между дружков. Не будучи в состоянии предпринять какие-либо активные действия, Холо судорожно ощупал шею – та оказалась цела, как и челюсть с зубами. Всё верно – Керлик калечить мальчишку не собирался, хотя в какой-то момент очень того захотел.

– Ну, а теперь я жажду услышать объяснения!

Маг не остановился на достигнутом. Он рванул к Холо. Тот в свою очередь попытался отклониться, тем самым натолкнулся на лестницу и загнал себя в ловушку: Керлик поставил ногу на скамью – колено упиралось в грудь незадачливому забияке, носок сапога расположился в опасной близости от паха.

– Ну! – чародей наклонился, опираясь на колено.

Мальчишка снова дёрнулся и болезненно приложился затылком о деревянную ступеньку. Видимо, столкновение заставило говорить – по крайней мере, Холо открыл рот.

– Мы п-подумали...

– Нет, – перебил Керлик. – Вы не подумали! Эти, – он кивнул на сидящего справа ученика, видимо для контраста светловолосого – коренной гулумец, – вообще не думают, ты же – не удосужился! Как это интересно! Втроём загнать в ловушку человека, по вашему скудному мнению, не имеющего возможности к сопротивлению, и избить! Замечательная идея! И кто после этого из нас четверых зло?

Губы Холо дрогнули. Он попытался сдержать всхлип, но не сумел, из глаз юнца отдельными крупными каплями покатались слёзы. Понял.

– Я ничтожество! – прошептал Холо. – Мне нечего делать в Школе. Одним своим присутствием я её позорю! Позорю Директора, Учителей! Отца!

– Ты небезнадёжен, – прервал сбивчивую речь Керлик. – И ты вовсе не ничтожество, раз сумел осознать свой поступок. Ты совершил ошибку – больше не надо, – маг осторожно хлопнул мальчишку по щеке и отошёл. – Ну, дружков своих сам перевоспитаешь.

Холо согласно шмыгнул носом и принялся себя ощупывать на предмет опасных ран. Со стороны это действие выглядело настолько... хм, непривычно, что невольные свидетели, одновременно покраснев, отвернулись.

– Что я – не мужчина? Садист, что ли? – пробормотал вполголоса Керлик и погромче добавил. – Несколько синяков и ушибов воину не мешают!.. Кстати, насчёт того, что в Школе Меча тебе делать нечего, ты всё-таки прав. Как и твоим друзьям.

– Э-э?

– Вам бы в Школу Магической гильдии надо.

– Что?!!! – троица вскочила.

Вот сейчас, пожалуй, Керлик с ними не справился бы – неудержимая ярость обелила их лица. Чародей замер. Ещё никогда он не встречался с подобной реакцией на, казалось бы, радостное и удивительное известие: кто же не хочет стать магом? Да-да, были радость и гордость, панический до безъязычия ужас, но ещё никто не посчитал себя оскорблённым – такое произошло с Керликом впервые.

– Не кипятитесь, мальчики. Я говорю то, что вижу: вы – маги. И в этом нет ничего зазорного.

– Мы бойцы! Мы воины!

– Я тоже, – Керлик поднял руки в успокаивающем жесте. – Я – боевой маг. Поэтому с вами и справился без труда... Вы – чародеи! И преступление против Мира не развивать свой дар!

– Какой дар?! – возмутился Холо. – Какое преступление?! И вообще как вы можете что-либо видеть, если здесь и сейчас нет магии? Во всей Школе нет! И не только в ней!

Интересная информация. Хотя... Новелль ведь предупреждал и, похоже, не обманул.

– Вижу я глазами, – усмехнулся чародей. – Как я вижу, что он, – Керлик снова указал на светловолосого, – блондин, а он – брюнет. А ты, Холо, рыжий, словно лис.

– Но для того чтобы видеть магию, нужно ею пользоваться! А вы сейчас этого не можете! – Нулиш-младший нашёл правильный аргумент.

– А вот здесь ты ошибаешься. Для того чтобы видеть мага, не требуется магия – необходим маг!

– Как это?

– Зрение особое, – не стал распространяться Керлик. Трудно объяснить слепому, как выглядит голубая роза, а потом доказать, что таких не существует. Но данный «слепой» скоро прозреет. Либо Керлик ничего не смыслит в чародействе!

Холо озадаченно нахмурился: маги славятся железной логикой – не поломаешь и не обойдёшь, а как оно выглядит извне, чародеи не интересуются. Мальчишка повздыхал и решил зайти с другой стороны – вдруг да получится.

– Ну-у, и какой же я маг? А они?

Керлик прищурился и всмотрелся в парней, словно пытаясь нарезать их глазами на кусочки. Ученики Меча побледнели, даже посинели под ничем не примечательным взглядом. Потом, много позже, чародей выведаль, что же так испугало тогда ещё бесстрашных мальчишек. Взгляд.

Взгляд? Но что может взгляд, пусть даже злой, когда отсутствует подкрепляющая его магия? Ничего. И воины должны об этом хорошо знать, как и быть в курсе того, что взгляд всего лишь отвлекает внимание противника, заставляет терять бдительность. Заполняя всё перед глазами, завораживающий взгляд уводит из-под ног землю, отнимает оружие и щит, оголяет спину для вражеского удара. Взгляд опытного воина не предоставит противнику полезной информации, поэтому взгляд надо игнорировать.

Но как проигнорировать две щели, два зева в жилище демонов? Как в ужасе не смотреть на провалы в обитель чёрного огня и понимать, что алое пламя пред ним, словно новорожденный котёнок домашней кошки перед громадным самцом пантеры?

Керлик тогда ни о чём не подозревал, а во все глаза смотрел на испуганную пристальным вниманием троицу.

– Триум! – шёпотом воскликнул маг. – Да какой силы! Во главе с тёмным! Давно такого не бывало.

– Что? – всё-таки осмелился Холо. И чёрное пламя исчезло – мальчишка видел перед собой пусть и опасного, но обычного, несколько даже растерянного мужчину.

– А сами по себе слабые. Конечно, их никто и не заметил!

– Что такое триум? Почему и чего не заметили?

Тёмный чародей мотнул головой, возвращаясь к реальности. И к прежней снисходительной манере общения.

– Триум – это устойчивая группа из трёх магов, тёмного, светлого и универсала.

– Универсала? – мгновенно принялся уточнять любопытный Нулиш-младший.

– Чародея, способного ко всем шести Стихиям, но ни ко Тьме, ни к Свету, – пояснил

Керлик и, предупреждая вопрос, добавил. – Устойчивая группа – это когда маги могут без труда объединять свою силу и пользоваться общей мощью довольно-таки долго, при этом не возникает проблемы разногласия в действиях. Конкретно в вашем случае, триум – единственная форма существования вашей магии, так как каждый из вас сам по себе очень слабенький чародей. Хорошо, если вы сможете свечу мыслью зажечь!

– И кто же из нас кто? – Холо уже поверил, но боялся себе признаться, потому старательно напал на Керлика, пытаясь подловить на какой-нибудь оговорке или просто глупости, чтобы прищёлкнуть пальцами и завопить. Обманщик! Это не так! Никакие мы не маги! И нет сложностей да лишних размышлений.

– Догадайся.

– Я универсал, – не долго думая, предположил мальчишка. – Он белый, а он – чёрный.

– Ты что, по цвету волос вычисляешь? – закашлялся чародей. – А мозгами поработать? Я же сказал, что ваш триум возглавляет тёмный маг. Кто из вас троих главный?

Холо недоумённо заморгал, действительно не понимая вопроса. Зато его товарищи спокойно указали на друга.

– Ребята, вы чего?

– Того, – хмыкнул Керлик. – Мальчик, если взялся командовать, то командуй! И не бросай тех, кто доверился тебе!

– Значит, тёмный я? Но выходит, если у меня в друзьях светлый маг...

– Ой! Оставь досужие сплетни деревенским бабкам! Ты взрослый образованный человек! Мужчина!

– Но?

– Подумай, если существует такая вещь, как триум, то это уже означает, что маги Дня и Ночи не просто могут, но должны работать вместе! И вообще, это дурацкое деление по Стихиям – недавнее введение...

Керлик осёкся, вновь рассматривая ребят. Да, надо рассказать. Необходимо! Они чародеи. Они особенные – и это что-то значит для Мира. Тёмный триум не появлялся, наверное, с образования империи Гулум. А это было давно. Очень.

– Раз уж вы маги, то... – чародей помолчал. Прошёлся вдоль притихшей троицы – смотрят на него, глазищами сверкают. Интересно им. Секреты всегда интересны, особенно когда знаешь только то, что они существуют. Керлик уже сказал, что тайна есть, теперь пора открыть её. Понравится ли им? Кто знает? – Дело в том, что сила для заклятий одна и та же, но источники её разнятся. Да-да, процесс и даже немного результат могут показаться абсолютно разными, но ведь вы по-разному сражаетесь уже сами по себе. А если возьмёте, например, рыцарский меч или алебарду, то со стороны всё выйдет по-другому. Но когда вы сразите противника, то результат будет один!

– Верно, – согласился тот, что светловолосый, универсал. – Но раны от меча и копья различаются.

– Конечно! И учиться владению мечом и копьём нужно отдельно, особенно если ты по той или иной причине способен пользоваться лишь одним видом оружия, – не стал спорить Керлик. – Поэтому в Старой Школе существовало три Отделения: Ночи, Дня и Стихий. С годами пугающая всех Ночь превратилась во Тьму, а затем и вовсе – в чёрный цвет. День, исключительно в противовес, прошёл стадию Света и оказался просто белым. Однако Ночь и День от этого не изменились. Зато мощь Стихий росла и стала разниться.

Сначала появился Дух. Потом от него же отделился Пси. По сути, Дух и Пси сейчас всего лишь две стороны одной медали: первые связаны с мёртвыми, эфиром призраков, вторые – с разумом, его строением, страхами и мороками. Но то и другое – работа с Духом! Поэтому, кстати, представители этих Стихий ненавидят, когда их путают, что происходит часто. Как не спутать то, что не только похоже, но и одно и то же?

Остальные Стихии распались на естественные, природные составляющие: Огонь, Воздух, Воду и Землю. Для тех, кто обладал, как и раньше, всеми Стихиями, придумали название «универсал». Поэтому сейчас в Школе Магической гильдии девять Отделений, хотя сама Гильдия делится на восемь частей. Однако по отношению к самой магии это деление неверно.

Да, пусть у нас есть восемь Стихий – не буду спорить. Они – источник. Но к источнику

надо уметь обращаться... и не перепутать источники. Я ведь вас немного обманул, когда утверждал, что Сила одна. Нет, она действительно одна, но разнородна. Без Веры мы никогда не увидим её. Без Воли – стремления – не сможем воспользоваться. Без Чувства она бесполезна... И берегитесь, когда этим чувством станет Ненависть!

Керлик остановился перевести дух. Мальчишки заворуженно следили за чародеем. Черноволосый приоткрыл рот, видимо, собираясь задать вопрос, но позабыл его за рассказом и теперь имел несколько наивный глуповатый вид.

– Значит, нам следует оправиться в Школу при Гильдии. Её врата, кажется, всегда распахнуты для новых учеников... – пауза несколько затянулась, и не привыкший к долгим размышлениям Холо решительно заполнил её.

– Э-э, не стоит так сразу! – Керлик понял, что перестарался, и вряд ли теперь троицу остановить. – У Гильдии сейчас дела.

«Да такие! Им не до тёмного триума! Ох, попадётся под горячую руку!»

От мучительных раздумий чародея уберегла судьба. В одну из дверей, ту, которую заперли мальчишки, кто-то попытался войти. Не получилось. Раздался удар, и вслед за ним – ругань на два голоса. Участники ладного дуэта отлично узнавались.

– Бью-ю-ют! – завопил Керлик, вполне квалифицированно постанывая. Нет, не даром чародей в молодости вонял в Тайном Обществе Нищих, которое с завидной регулярностью разгоняли маги, лекари, городская стража, не менее тайное Общество Воров и даже милосердные храмовники, но так разогнать до конца не могли. – Бедных, беззащитных, старых чёрных магов... Бью-ю-ют!!!

Холо со товарищи во все глаза уставился на предателя.

– За каждое преступление должно следовать наказание, – наставническим тоном произнёс Керлик, но после едва заметной паузы добавил. – Если, конечно, не умеешь его избегать.

«Чёрный я маг или нет?!»

Дверь слетела с петель и чуть не пришибла «избиваемого», когда тот прятал под сапогом улику – ключ, вывалившийся из кармана Холо при полёте.

– Что здесь происходит?! – взревела Алай. Керлик с удовольствием отметил, что мужа при воинственной дамочке не наблюдается.

– Мы... учитель...

– Повздорили, – оборвал Нулиша-младшего чародей. – Из-за меня обе двери в зал оказались закрыты. Мальчишки в сердцах высказались... Учителей –то много! А мои нервы, в свою очередь, не выдержали столь рьяного издевательства над моими ушами – я ответил. Ну-уу, и-и...

– Н-да, позорище! – оценила женщина. – Сколько вам говорить, что слова – это только слова! И втроём на одного. И кого – мага! В карцер! На хлеб и воду! До возвращения Директора!

– Хорошее решение, – согласился Керлик.

Юнцов увели старшие ученики. Судя по выражениям лиц, мальчишки ещё дёшево отделались. Да и карцер, если припомнить докладные на Холо, им дом родной. Ничего, теперь детишкам есть, чем занять мозги, а с ними руки да играющую в крови жажду действия. И проступок свой троица всё-таки осознала...

– Хорошее? – Клякса дождался, когда исчезнут посторонние уши и взгляды, и осторожно, но настойчиво стукнул по ноге Керлика. Чародей неохотно сдвинулся, являя взорам злополучный ключик. – Гнать идиотов взащей из Школы надо... Эх, плохо ты, Кер, для чёрного мага врешь.

– А я и не врал, – нисколько не погрешил против истины чародей. – А как уж другие интерпретируют слова – не моё дело.

– Тьфу! Чёрный маг!

– Что? – Алай хмуро смотрела на пол. – Эти целенаправленно собирались его избить? Как мерзко!

– А ещё – глупо! – добавил эльф. – Нападать на человека, который не отмерив двадцати зим, сумел дослужиться до первого помощника капитана Вольного Отряда – дурость, какую

ещё и поискать надо!

Женщина-рыцарь теперь недоумённо изучала ночного визитёра. Чем Керлик и воспользовался.

– Клякса, не наказывайте их больше нужного! Они уже поняли, что поступили подло, осознали это и каются до слёз. К тому же, они получили урок – не всё таково, как кажется со стороны. И... – чародей скорчил виноватую гримасу. – Они же к конкурентам вашим уйдут.

Удивлённые взгляды были ему ответом.

– Я им рассказал, что они триум. Тёмный.

Ни Алай, ни Клякса никак не прокомментировали признание «гостя», усиленно переваривая оное.

– Мне, пожалуй, пора. Побегая немножечко, жирок растрясу...

Вторая дверь в тренировочный зал неожиданно распахнулась, и в проёме образовался медведеподобный муженёк Алай Строптивой... Уже через миг вслед Керлику нёсся слаженный вопль трио: «Скотина!!!»

«Никогда не спорил...»

Размышляя над тем, какой пример подаёт дорогому зятю, Керлик обежал Школу вширь и ввысь и без заметного по лицу раскаянья ввалился в столовую на завтрак. После чего навязался на длинный разговор к Делицу, посетил местную библиотеку и спел дуэтом с Гирелингелем. Сии подвиги, безусловно, спасли Керлика от гнева мужа госпожи Алай, так как рогоносец не был лучшим бегуном Мира, а расправиться с зарвавшимся магом желала аж половина Школы. К вечеру чародея всё-таки смогли загнать... в столовой. И быть великому магу Керлику Молниеносному битым, если бы не разразился куда более грандиозный скандал.

– ...Учитель Алай! Учитель Алай! Там какая-то дамочка у ворот! – в зал вбежал младший ученик, судя по чуть заметно дрожащему в волнении голосу, новичок.

– И что? – хмуро поинтересовалась женщина. Кажется, ей, в отличие от Керлика, гонка не пришлась по вкусу.

– Она требует, чтобы её немедленно впустили. Говорит, здесь её жених.

– И что? – повторилась учитель. – Во имя Света, какой жених? Даже если он здесь, то пусть ждёт его возвращения там, откуда явилась!

– Там меня отец из дома выгнал! – визгливо пискнули за спиной гонца, и в центр столовой выкатилось нечто шарообразное на несурзных ножках. – Вот, что ученик вашей Школы со мной сотворил!

На посетительницу было жалко смотреть: дрожащая, задыхающаяся, наверное, симпатичная девчонка, но растерявшая всю красоту, отдавшая все свои жизненные силы грешному плоду. Алай приняла единственно правильное решение.

– Как его имя?!

– Селька Губошлёп, – вздохнула дурёха. – Он обещал жениться, но за месяц до свадьбы уехал на заработки в Главель – мол, чтобы дом нам поставить, – и пропал. Мы думали – сгинул, волколаки по дороге задрали. А недавно отец его признался, что сынок-то ему писал. Поступил он в Школу Меча Гирелингеля Непопадающего и Делица Невыносливого и возвращаться не желает...

Керлик удручённо покачал головой – складно врать у Литы не получалось – и бочком двинулся к ближайшему окну, пока Алай не надоела игра и женщина не выгнала прочь «обманутую невесту».

– У нас такого нет, – хмыкнула учитель, делая вид, что не заметила неувязок в истории. – Но он мог поменять имя... А ну-ка! В шеренгу стано-вись!

Ученики с очевидной неохотой выстроились вдоль стены.

– Ну! Смотри! Который из них?!

Гостья неуверенно помялась на месте, но всё-таки решила подойти к испытуемым. Переваливаясь откормленной гусыней, она медленно шла вдоль ряда стройных учеников, на миг замирала перед невысокими мальчиками, но неизменно качала головой и двигалась дальше. Рядом с затесавшимися в строй девицами недоумённо и глупо моргала.

– Может, он с тех пор, как ты его видела, повыше стал? – язвительно «подказала» Алай.

Девчонка ухватилась за возможность с такой надеждой в тёмных глазах, что учитель на миг поверила в утверждения гостыи. Но и среди высоких та тоже не отыскала жениха.

– Может, здесь не все ученики?

– А, может, ты не в той Школе ищешь?

Гостыя потупилась, из глаз её хлынули слёзы.

– Значит, Селечка в Магической гильдии... – пролепетала она сквозь судорожные всхлипы и поплелась к выходу. Авантюристку никто не остановил. И лишь когда девчонка исчезла, Алай вспомнила, у кого видела такие же пронзительные и необычные, тёмные глаза.

Алай Строптивая, Алай Тхай, первая женщина-рыцарь империи Гулум, учитель Школы Меча, с чувством выругалась. Керлик Молниеносный оставил в память о себе лишь открытое настежь окно.

– Не уйдёшь, – прошипела женщина.

* * *

Лита спешила, как могла. Там, в Школе, она не играла, когда плакала, – слёзы и сейчас никак не желали останавливаться. Со лба стекал крупными каплями пот. Магиню бросало то в жар, то в холод, лицо местами, особенно ресницы, покрылось тоненькой корочкой льда – что-то в нём, его существовании, чувствовалось неправильное, неестественное, но Лита не могла понять что. Да и не до того ей было: каждый шаг давался с ощутимым трудом. И всё же молодая женщина шла вперёд. Она плотнее запахнулась в шуршевый плащ, словно в неумелой попытке отгородиться от Мира, и шла, шла. Ей так хотелось покинуть это ужасное место, где не было и намёка на магию.

«Дура! – корила себя чародейка. – Дура! Куда же ты потащилась, клуша?! Неужели ты настолько плохого мнения об отце и муже? Они бы и без тебя справились! «Как Лита ни пыталась идти быстрее, всё медленнее поднималась нога для очередного шага, да и тот становился короче. Ощутимо. Магиня казалась сама себе виноградной улиткой, пытающейся убежать от проворных рук сборщика. Смешно! И страшно.

Холод, ветер и безлюдная ночь – разве не лучшее время для тёмных сил? Возможно, да. Но не для усталых беременных женщин. Безумный прыжок с башни, перемещение в неизвестную Главель вкупе с переживаниями и не утихающей тревогой за родных забрали из Литы всю жизнь, оставив лишь малую часть, которая позволяла не упасть на месте, а двигаться вперёд.

Магиня не смотрела по сторонам. По ширине дороги Лита определила, что находится на одной из главных улиц города, зажатой между двумя рядами фонарных столбов. Однако лампы на них оказались зажжены ровно в том количестве, чтобы быть бесполезными: фонари освещали не столько путь, сколько путника. Хватало не споткнуться, но что творилось за границей света – уже не разглядеть. Странно?

Нет. Главель – центр магического мира. Конечно же, хозяева города пользовались плодами магии: например, освещали при помощи чародейства улицы, по крайней мере, главные. Но, с другой стороны, Главель – столица огромной империи Гулум, здесь проживал её правитель, на которого могли напасть. Покушения – они разные и по-разному осуществляются. Предполагаемый враг вполне был способен накрыть город противомagическим куполом. И из-за такой мелочи погружать столицу великой империи во тьму? Вот и ставились на улицах не только волшебные фонари, но и обычные с обычным же маслом. Сейчас они пригодились.

Вокруг никого – не из-за лютого мороза или позднего часа, а потому, что исчезновение магии беспокоило не только чародеев. Ведь волшебство оно во всех – просто у магов его существенно больше. И только-то.

Лита постаралась отрешиться от ненужных мыслей, тогда с новой силой навалился ничем не сдерживаемый страх. Магиня не любила бояться. Лекарство от страха – это знание или смех. Попытка развеселиться напомнила лишь о намеренно бездарном... Хотя, о чём это она? Как сыгралось – так сыгралось! Спектакль в Школе был бездарен, но он помог уйти и ей, и отцу...

– Девочка, постой!

Чародейка не могла сбежать, поэтому подчинилась команде и обернулась к Алай.

– Стою, – прошелестела Лита.

– Куда ты так спешишь?

– В Школу при Магической гильдии, конечно, – вернулась к прежней пьесе магиня.

– Но тебе в другую сторону.

Лита тяжело вздохнула. Она чувствовала, что ей следует поскорее покинуть обезмаженную зону и вернуться домой, выпить тёплого молока и, завернувшись в плед, дремать в кресле у камина. Тогда всё будет хорошо, вернётся сила, исчезнет лихорадка... Возможно... точно появится Романд, ласково погладит по животу. Папа, обязательно хмурый, заглянет в комнату, но в уголках его бездонных глаз будет плясать весёлая и гордая улыбка... Всё будет хорошо.

– Ошиблась я, – слова из горла вырывались с хрипом – гортань резало, словно в ней поселилась семейка ежей. – Я плохо знаю Главель. И в голове туман какой-то.

Хотелось пить... Магиня посмотрела вокруг себя, вверх, на небо – нечем утолить жажду, даже снег не шёл. Фляги на поясе тоже нет – Лита не собиралась задерживаться в столице. У Алай, казалось, бессмысленно спрашивать.

– Наверное, хорошо, что ошиблась, – осознав, что обратный путь ей не под силу, чародейка решила не играть. – Зачем мне муж, который не ведаёт о смелости и ответственности?

– Верно, незачем, – согласилась учитель. – Но ты вернёшься со мной в Школу.

– К чему?..

– Я так решила! – Алай шагнула к беглянке и, крепко вцепившись в ледяную руку Литы, дёрнула за собой.

Магиня не сопротивлялась. Ей было уже всё равно, куда идти, зачем, – только бы в тепло. Внутри полыхал огонь, но хотелось ещё и ещё... И всё-таки, когда позади раздался родной голос, магиня на краткий миг очнулась.

– Оставь её! Тебе нужен я!

– Нет, вы мне нужны оба, выродки.

– Выродки? – Керлик озадаченно нахмурился. – Если я выродок, то кто же ты? Ты, затащившая меня в постель?!

Женщина промолчала, инстинктивно шаря рукой вдоль пояса – искала позабытый меч.

– Не можешь ответить?

– Папа! – вмешалась Лита. – Что же это! Я тебя спасти прилетела, а ты здесь развлекался?!

– Ну-у... – маг покраснел, не понимая, сердится ли дочь, возмущается или просто шутит. Какое-то подобие улыбки на бледном лице говорило в пользу последнего варианта.

– Папа? – удивление Алай не имело границ. – Это твоя дочь? – женщина всмотрелась в свою пленницу. – Это дочь Келейты?

Лита встрепенулась, Керлика передёрнуло.

– Ты полагал, что я тебя забыла, Хрон?

– У моей дочери нет матери, – спокойно отозвался маг.

– Презираешь? – догадалась женщина-рыцарь. – Вы, чёрные, никогда не могли смириться с силой белых! А ведь испокон веков светлые магини выходили замуж за тёмных чародеев и рожали им сыновей, наследников! Они впитывали материнскую мощь, но силу брали отцовскую... Ведь так же появился ты, Хрон!

– Если ты говоришь о моей матери, то уверяю тебя, она чудом считала даже фокус ярмарочного шарлатана, – Керлику нелегко далась ухмылка – он ненавидел врать в глаза. – А белее Хрона разве что снег в горах.

Алай открыла рот выразить недоверие, но чародей ещё не закончил.

– Что же касается светлых магинь, то... «испокон веков»? А, может, на заре?! И они любили своих мужей, души не чаяли в сыновьях... И Келейта не светлая магиня.

– Да, она светлая богиня!

– О нет, дорогая моя... – Керлик покачал головой. – Впрочем, называй её, как пожелаешь. Лично я никакой божественности в ней не заметил. А теперь позволь мне отправить дочь

домой! Я обещаю – я вернусь вместе с тобой в Школу. Слово мага!

Чародей шагнул к Лите, уверенный, что Алай поступит как должно, но та отшатнулась, увлекая за собой и молодую волшебницу.

– Алай Тхай не зря стала учителем нашей Школы! – гулкий бас Камня заставил Керлика в очередной раз вздрогнуть – маг снова не заметил гостей! – и обернуться. Рядом с полутроллем, как и всегда, пристроился Клякса. – Алай не поверит слову Хрона.

– А вы? Вы поверите слову вольника?

– Нет, – эльф грустно улыбнулся. – Мы давно уж не принадлежим к Вольным Отрядам. Ты – тоже. И мы...

Керлик не слушал. Он не мог ни поверить в реальность происходящего, ни понять, что вообще творится. Какое-то безумие! Бред! А если учитывать то, что чародей выведет в Школе... и тоже – нет. Действия Имлунда Зелеша подчинялись железной логике, а когда всё-таки её теряли, были вполне объяснимы.

– Папа. Романду нужна помощь. Он в другом Мире. Ему не выбраться оттуда, даже если он сильно захочет – в том Мире нет магии. Алай не причинит мне вреда. Никто меня не тронет. Уходи, папа!

Молодец, девочка! Умничка, Лита! Сначала информация, затем пояснения – и время на стороне Керлика. Есть возможность сбежать, но...

– Я слышал, как упоминали Романда, – к тёплой компании присоединился ещё один любитель зимних прогулок. Из-за ближайшего фонаря вышел не кто иной, как сам Новелль Спящий, глава Круга Старших Магической гильдии и по совместительству член Имперского совета.

– Та-ак, – протянул Керлик. – Вот теперь я точно никуда не уйду.

– Почему? – подивился чародей Дня.

– Потому что по дурацким представлениям именно я мастер! И мне очень интересно, что за спектакль здесь устроили вы и какую роль отвели мне и моей дочери! И, наконец, Нов, никогда бы не подумал, что стану свидетелем заката твоей карьеры!

– Что?! – небеса прорезала молния, яркая, белая, с таким едва уловимым фиолетовым отливом по краям.

– То! – ткнул Керлик пальцем вверх. – Какого демона магия возвращается?! По сценарию, если я правильно разобрался, она несколько опережает события.

– О Великий Свет! – Новелль ощутило побледнел, теперь сам вполне годясь за волшебный фонарь. – Кажется, они сняли Ловцов...

– Они? – тотчас уловил неладное тёмный чародей.

– Все в круг! – проигнорировал светлый. – Девчонку прикройте!

– Ты что? Поставил на мою дочь ловушку?!

– Нет, на тебя. На твою дочь я как-то не рассчитывал...

Новелль прервал полный страха и муки стон.

– Папа... я, кажется...

И Керлик сделал то единственное, что мог в его положении сделать любящий отец.

Посередине залитого светом волшебных фонарей Королевского проспекта стояли трое: белый маг, эльф и полутролле. Доселе чистое небо неожиданно заволочли тучи, готовясь обрушиться на Главель колким снегом. Ветер набирал силу и заунывно предвещал нешуточную метель.

– Нов, может, последуем разумному примеру? – предложил Гирелингель.

– Нет. По-твоему, я зря весь этот спектакль устроил? На потеху Хрону? – Маг щёлкнул пальцами – рядом с троицей появились волшебные силуэты исчезнувших Алай, Керлика и его дочери. – Не бойтесь, мои ребята скоро будут.

– Мы вольники! – фыркнул Делиц. – Пусть их много – мы смелее! Кер сочинил.

– Кстати, а что насчёт Кера? – Эльф спокойно, без суеты складывал малый лук. В предстоящем бою пригодится. – Он ведь ушёл.

– Ну и что? – отмахнулся чародей. – У него дочь рождает. Ты полагаешь, что Хрону есть ещё до чего дело?

Первый пробный огненный шар зашипел в стене воды – гости пришли, их встретили.
– Эх, вольники! Надеюсь, ребята действительно успеют!

* * *

Чёрный замок с тревогой вслушивался в душераздирающий крик. Надрывалась молодая хозяйка, а хозяин сидел рядом и нисколько не пытался успокоить её. Странно. Чёрному замку не удавалось разгадать поведение обоих, поэтому он замер в ожидании. И дождался.

Глава 14 Алое среди алого, или Открытый разум

Алые головки мака мерно качались на едва заметном ветерке. Вправо-влево, вправо-влево. Они завораживали, очищали голову до пустого звона, усыпляли. Они забрали мысли, желания, тягу к действию. Утащили, увели и тупую, ноющую и скучную боль. Обволокли туманом спокойствия и бездумья.

Впрочем, вряд ли во всём был виноват исключительно мак. Да и не мак это.

После боя на берёзовой «ступеньке» в Романде что-то оборвалось. Он утратил какую-либо способность воспринимать окружающее. Юноша не удивлялся поведению брата, не радовался появлению Марго, не приставал с вопросами. Не видел, что сделали с оставшимся в живых воином, с которым он сцепился. Не замечал яростной неприязни, вспыхнувшей между Имлундом и капитаном, очевидной и бешеной ненависти мужчин друг к другу, хотя во время стычки они действовали как одно целое.

Романд сидел в траве, здоровой левой рукой теребил белоснежную кашку, пугая вернувшихся шмелей. Трудяги недовольно гулко и низко жужжали, но не трогали наглого человека, возможно, понимая его состояние или, что вероятнее, осознавая – им здесь, на такой высоте не место, как и кашке, как и лесу на предыдущей «ступеньке», светлой рощице на этой или даже маку на следующей.

Юноша сидел и смотрел на закат. Розовый и золотой, нежно-голубой, белый цвета смешались в причудливый узор, неповторимый и виденный сотни раз, вечный и мимолётный. Романд неотрывно смотрел перед собой, в небо и слушал ласковый шёпот берёз. Молодые листочки на верхушках деревьев обсуждали грядущую ночь, те, что пониже, – отгремевшую битву или молодого чародея, застывшего подобно статуе древнему божеству.

Голову медленно покидала последняя мысль.

Лита.

Так проще, безопаснее.

Марго заявил, что пока светло, следует спуститься вниз – не оставаться же в окружении трупов. Имлунд и Ёорундо согласились. Романд покорно поднялся и последовал за остальными, не отрывая взгляда от заката. Не раз падал, но так ничего себе не повредив, продолжал путь. Когда старшие остановились, он – тоже. Вновь сел.

На миг разум взорвало удивление: то, что Романд принимал за мак, оказалось сонничкой. Юношу неожиданно посетила уверенность, что весь склон зарос этим, в общем-то не редким, но не любящим большие пространства цветком. Бесплезным в этом Мире, где магия жила лишь внутри предметов, цветком.

Однако любопытство не смогло справиться с апатией – огонёк в глазах Романда угас, юноша улёгся прямо на землю и наблюдал за алыми цветами, пока сон не взял своё, не смежил усталые веки, не отправил дух в мир эфемерных грёз и бессильных кошмаров. Впрочем, только со стороны казалось, что Романд спал: он всё так же смотрел на качающуюся сонничку. Теперь – вверх-вниз, вверх-вниз.

* * *

Сон к Ёорундо не шёл, но совсем по другой причине, нежели к Романду. Если чародей не думал, то рыцарь только этим и занимался. И ему очень не нравилась складывающаяся в голове картина. К тому же, война беспокоило внезапно появившееся желание опекать младшего братца, наконец-то соизволившего свихнуться. Удивляло поведение отца, готового носить ублюдка на руках, раздражал и отчего-то пугал странный Марго. Странный и чем-то неуловимо похожий, словно Ёорундо смотрел на себя в зеркало времени. Не каждого порадует такое зрелище.

В попытке отвлечься воин сквозь ресницы посмотрел в небеса. Что в них увидели безумные глаза Романда? Буйство красок заката уже давно уступили место глубокой, с просинью, черноте с яркими, пожалуй, неуместными точками звёзд. Луны не было. Незнакомое небо. Но человеческий мозг, жаждущий во всём увидеть строгий порядок, уже складывал хаотичный крап в фигуры новых или, чем демоны не шутят, старых, привычных созвездий.

Крест и Треугольник. Лук, Меч и Щит. Лик Прекрасной девы. Тёмный магистр. Охотник. Боевой серп – кукри...

Ёорундо вздрогнул и оторвался от созерцания далёкого неба – кто-то поднялся. На слух не определить – Имлунд или Марго, настолько их повадки похожи. Одна школа – вольники. Крадущийся, ласковый, как медленная отравка, шаг – и встаёт второй из воинов. Шпик напрягся, осторожно перекатился на бок, чтобы незаметно наблюдать за происходящим.

– Куда-то собрался, Марго... или как там тебя?

– Какое твоё дело, Зелеш?

Оба произносят слова тихо, но отчётливо – так говорят в ночной засаде, когда приходится говорить. Враг не должен услышать, но раз открыл рот, свои обязаны уловить всё.

– Мы сейчас вместе. Согласен – вынуждено, но вместе. Следовательно, всё, что касается тебя... Марго, касается и меня.

– Вряд ли, – отозвался знакомец Романда. Ёорундо отчётливо уловил в голосе кривую ухмылку. – Зелеш, ты меня в чём-то подозреваешь?

– Что ты! Просто интересуюсь твоими действиями, – судя по тону, лицо герцога по эмоциональности разве что камень переспорит. И тот с натяжкой. Кажется, припомнил Ёорундо, Учителя Школы называли Имлунда Ледышкой. – Но если ты по нужде, то извини...

– Я хочу проверить, как там малыш.

– С мечом в руке?

– Повторюсь: ты меня в чём-то подозреваешь?

– Нет.

– Тогда, что тебе от меня нужно, Зелеш?!

– Поговорить, – хмыкнул Имлунд. – Вспомнить прошлое. Ведь у нас с тобой столько общего! Мы служили в Вольных Отрядах. Ты, как я слышал, в легендарных «Гончих Псах», а я... в их кровниках, «Голодных Волках».

– Паскуда! – взревел Марго.

Меч со свистом разрезал воздух – и клинок ударился о клинок, звон всколыхнул маковое поле.

Ёорундо вскочил, чтобы увидеть потрясающий танец смерти в исполнении двух Магистров Меча. Имлунд не зря пророчил сыну пост Директора своей Школы – младший Зелеш сумел по достоинству оценить зрелище. Отец искусно владел мечом – впору быть не Директором, а Учителем Школы, – однако Марго имел перед Имлундом множество преимуществ.

Приятель (или телохранитель?) Романда мог похвастаться куда более молодым телом, нежели герцог, а следовательно, большими силой, выносливостью и здоровьем. С другой стороны, чувствовалось, что Марго много раньше взялся за свой первый клинок – значит, в опыте Имлунд тоже проигрывал. И отец держал в руках трофейный меч, когда его противник сражался своим, привычным, удобным. Имлунд отступал.

Понимая, что вряд ли сможет оказать достойное сопротивление, Ёорундо всё же кинулся на выручку отцу. Да, между ними имелись разногласия, но рыцарь точно знал одно: никогда Зелеш не предаст принадлежащего роду. Убить может, но не предать. Ёорундо атаковал.

– Подожди, змеёныш, когда зубки ядом наполнятся, – рыкнул Марго и с лёгкостью не

только отбил выпад шпика, но и вывел из поединка – родной меч отлетел в одну сторону, Ёорундо в другую. Однако тем самым Имлунд получил возможность перевести дух... которая ему не помогла.

Противники двигали мечами иной раз так нарочито медленно, словно мастера, показывающие приёмы ученикам, то вдруг клинки исчезали, превращаясь в смертельные вихри. Битва порой распадалась на отдельные па-передышки, то становилась стремительным, неразделимым целым – нельзя прервать выполнение фигуры, не испортив танцевальный узор. Но всё имеет конец – завершился и этот поединок-танец.

Мужчины застыли друг напротив друга. Меч Имлунда со звоном переломился и стёк из рук в траву, острый клинок Марго уже резал кожу на шее герцога – кровь тоненькой струйкой стекала на драный кружевной воротник, когда...

– Что происходит? – из травы поднялся позабытый всеми Романд. Было бы странно, если бы шум битвы не разбудил мальчишку, но чудом казался блеск мысли в зелёных, фосфоресцирующих, как у Имлунда, глазах. – Марго? Отец?

Герцог молчал – чуть дёрнется и лишится головы, – а Марго заговорил.

– Отец?... – повторил он вслед за чародеем. – Как бы не так! А что происходит? Я убиваю этого подонка!

– Почему? – нахмурился Романд.

– Много причин, малыш. Слишком много. И одна из них – ты.

– Марго, если ты о том, что Имлунд лишил меня имени, то не беспокойся. Мне даже удобней, – юноша казался озадаченным. И он точно не понимал, что герцогу грозит реальная смерть. – Имя ведь не только права, но и обязанности...

– Имя?! К демонам имя, Романд! Он лишил тебя не имени! Он лишил тебя ВСЕГО!!!

– У меня разве что-то было?

– Да, Романд! – Марго старался проявить терпение. – Он оставил тебя без империи! Ты сын самого Льеффы Л-лотая! Ты! Ты престолонаследник, а не какой-то Феллон Зелеш! Понимаешь?... Или тебе нужны доказательства? Тогда поройся у себя в карманах – наверняка найдёшь золотую монетку. Ты увидишь на ней своё лицо... Лицо настоящего отца!

Юноша послушно запустил здоровую руку в карман, потом, скрючившись, полез в другой, отрицательно покачал головой.

– Нет? Но тогда поверь мне, твоему другу, на слово.

– Не слушай его! – попытался вмешаться Ёорундо и осёкся. В глазах младшего брата он прочёл приговор, то же увидели и Марго с Имлундом.

Победитель не стал дольше, чем требовалось, медлить – он сделал молниеносный замах и... Романд сдёрнул левой рукой с пояса серебряный жезл. «Отомстить за себя! – сверкали зелёные глаза. – Отплатить за все годы, проведённые под крышей родового замка Зелешей! Наконец, сделать то, что хотелось всегда!» Но как этого собирался добиться мальчишка, Ёорундо не понимал. Наверное, даже сам Романд не ведал, что творил. Он швырнул в Имлунда жезл, словно копьё. Глупо! К тому же, неумело – чародей был правой... Но вряд ли здесь и сейчас стоял умненький мальчик Романд – только обиженный ребёнок.

Жезл пролетел половину пути, когда вдруг над маками раздался бесшумный звон – так откликается меч на зов хозяина. Станный клинок из оружейной чёрного мага сорвался с перевязи, слился с жезлом в одну серебряную молнию... которая воткнулась прямо в глаз Марго. Романд элементарно промазал.

– Звеня, сойдётся серебро: из двух – одно, – взгляд юного чародея остекленел. – Случайно, роком и судьбою разрушит Мира все устои. Смещает верх, смещает низ дитя всевластного каприз.

– Убей... – продолжил хриплым шёпотом Марго. – Не сможешь...

И победитель упал, побеждённый. Вместе с ним без сил рухнул Имлунд.

– Романд? – позвал Ёорундо.

Юноша моргнул и посмотрел на брата.

– Что ты натворил?

– То, что должен был.

– Ты целился в Марго, своего друга? – не поверил рыцарь.

– Да.

– Но почему?

– Ну-у, – Романд пожал плечами. – Как говорил Марго... или кто уж он там на самом деле... у меня имелось много причин. Например, я знал и без него, что мой настоящий отец император Гулума.

– И ты не боишься говорить об этом при Имлунде?

– Ёорундо! Прошу тебя! Не притворяйся идиотом!

– Да, ты прав. Отец знал. Нуйита, твоя мать, была такой честной... она не могла не признаться...

– Ёорундо! – юный чародей, казалось, хотел крикнуть, но выдал лишь усталый вздох. – Ты вправду столь наивен, как изображаешь?!

– Ты... – средний Зелеш запнулся. – Ты хочешь сказать, что Имлунд просто-напросто свёл Эфу с Нуйи? Мальчишка! Да что ты себе...

– А как ты думаешь, где лучше прятать престолонаследника, последнего в роду, – в обветшалом замке обедневшего дворянского рода или в надёжной крепости Зелешей? – оборвал гневную отповедь Романд.

– Да... я понял. Но зачем ему?

– Вот сейчас и спросим... – юноша осёкся, увидев, как побледнел брат – тот вглядывался куда-то за чародея. – Что?

Романд резко обернулся. Спрашивать было уже не у кого – рядом с трупом Марго лежал герцог. Из его шеи торчал меч – смертельные судороги сыграли смертельную шутку.

* * *

Известие об исчезновении Имлунда Зелеша застало Феллона в пути – отец отправил старшего сына проверить семейные владения. Что да как? Не отбились ли вассалы от рук? Работают ли крестьяне? Не нужна ли где помощь господина? Не требуется ли суд или наказание?

Раньше Феллон не любил инспекторские проверки – лучше по бабам шляться, чем выполнять обязанности наследника рода. Но на этот раз младший герцог просто жаждал покинуть столицу – как же всё надоело! Хотелось спокойствия, отдыха, жену увидеть. Пусть дура, зато родная... Ох, на какое деяние она подвигла не более умного мужа! Феллон до сих пор, хотя минуло полгода, краснел от сты... нет, не краснел – бледнел от горя и всё никак не мог понять, почему отец простил эту «выходку»!

Романд всегда был для Имлунда особенным – Феллон по молодости бесился, теперь же он отчётливо понял, что ему повезло. Несказанно повезло...

...Имлунд и Феллон не спеша прогуливались по галерее Предков, довольно-таки длинному, заметно скруглённому коридору с чуть ощутимым уклоном пола. Наверху, в глухом конце разместились покои главы рода Зелеш. Непривычное и странное расположение. Неподобающее!

Покои назывались Детскими, или комнатами Воспитания. В них рос Имлунд, но ни Феллон, ни Ёорундо не успели там похозяйничать – во времена их младенчества дед с бабушкой занимали истинные покои Рода, Брачные покои Зелешей. Сейчас они принадлежали Феллону, его молодой жене и полугодовалой дочке. В этом не было ничего удивительного – оба брака Имлунда Зелеша не длились сколько-нибудь долго, потому никаких претензий на Брачные покои с его стороны не поступало. Однако почему не устроиться получше?

Герцог уж давно взрослый мужчина... если не старик. Хотя нет – ему всего тридцать пять лет, но когда на них смотришь с девятнадцати... Сейчас в Детские покои следовало заселить малыша Рода. Впрочем, Романд там и жил – лишь оттуда не доносился дикий, страшный плач младенца. Но отчего-то Имлунд остался вместе с младшим сыном.

Феллон, кажется, догадывался о причине. Отец и дед испытывали друг к другу острую неприязнь, к счастью, не перешедшую в ненависть.

О! Имлунд всегда был послушным сыном. По крайней мере, на то намекали воспитатели,

слуги, бабушка. Да и дед никогда не утверждал обратного.

Решил прежний герцог Зелеш, что Имлунда пора к наукам приобщать, и мальчишка вместо игры в цветные камушки, волшебную тарелочку и прочей детской возни просиживал дни, вечера, а порой и ночи в душных пыльных комнатах в строгой компании учителей – магов, ведунов-алхимиков, архивариусов и других учёных мужей.

Сверкнул молнией первый десяток – наследнику рода меч в руки пора брать. И без вопросов Имлунд уезжает прочь из родного гнезда, но не пажом к кому-нибудь, а отправляется в Западную Школу Меча. Ох, несладко там пришлось герцогскому сынку. Риск, к тому же, немалый и неоправданный: Имлунд – единственный ребёнок Зелешей и другого не будет. Мать Имлунда, первая жена прежнего герцога, постаралась. Обладая слабеньким магическим даром, она сумела наложить на мужа... вдовца чары бесплодия, чтобы именно к её сыну перешёл титул герцога.

Дед пытался избавиться от заклятья, но чароплётки только руками разводили – смертные заклинания сильны и устойчивы.

Долго «прохлаждаться» в стенах школы Меча дед Имлунду не позволил – взбрело герцогу женить сыночка. И двенадцатилетний мальчишка покорно шагает под венец с девочкой, мягко говоря, не красавицей, зато последней в захудалой ветви рода О-оваш, уже несуществующего королевского рода исчезнувшего Овиса.

Приказал дед обзавестись наследником – и пятнадцатилетние подростки родили Феллона. А вот Ёорундо появился у них уже по личной инициативе... ещё один сын не увидел Мира, унеся с собой и мать. Тогда же дед отлучил наследника от дома на целых три года – Имлунд и здесь не сказал ни слова против. Вот только вернулся из изгнания отец истинным главой рода Змей. Деду пришлось смириться с этим, как и с титулом старшего герцога, всего лишь отца герцога Зелеша.

Потом несчастный случай унёс из Мира деда и его вторую жену, но Имлунд так и оставался в своих, Детских, покоях. Не один, но одинокий.

Пятнадцать месяцев назад его одиночество растворилось в заботе сначала о белокурой, ранившей пасынков своей неземной красотой Нуйите, затем об их сыне Романде. Эх! Такая ведь ладная пара была! А малыш их, наверное, без разума... Любимый малыш, первенец.

Сейчас, оставив Рода разбираться со своими игрушками, отец и сын вышли в галерею Предков на разговор. Имлунд не зря выбрал этот коридор, а не свой рабочий кабинет – разговор предстоял очень серьёзный и важный.

– Феллон, ты плохо поступаешь, – герцог, как обычно, спокоен, но эмоции без труда угадываются: усталость и недовольство сыном. Впрочем, его Имлунд хорошо понимает, поэтому недовольство – скорее лёгкое осуждение. – Возвращайся к жене. Иначе её взгляд остановится на ком-нибудь из окружения, прислуги... Нет, не возражай. Ты не можешь приставить к ней уродов – не велика разница, и по ночам темно, а в холодной постели неуютно. Вовсе оградить от мужчин тоже не получится. Но даже если удастся, то ей придётся пользоваться тем, что есть.

– Женщинами? – осмелился вставить Феллон.

– И ими тоже, – кивнул отец. – И это всё на глазах твоей дочери. Ты хочешь научить их обеих греху, а то и nepotrебству?

Сын испуганно мотнул головой. Сам он был не прочь, когда его ласкали сразу две, а то и три женщины, но...

– А когда желание перестанет приходить при взгляде на чью-то пышную грудь, обратишь внимание на мальчиков?

Феллон внутренне похолодел – вчера так и вышло. Он-то списал на общую усталость после долгой тренировки. А что если это то, о чём говорит отец?

– Ты любишь дочь и свою жену. Я знаю. Но зачем ты заставляешь свою малышку смотреть, как её мать плачет? И теряет за непрерывными слёзами свою красоту? – герцог на мгновение замолк. – И как мне смотреть в глаза твоего тестя? Он отдавал в мой дом неповторимо прекрасную девушку, а что он увидит, когда придет навестить дочь и внучку?

Младший герцог залился краской вины, отвернулся от отца, чтобы не видеть его осуждающего взгляда. И наткнулся на множество таких же взоров прежних Зелешей. Не зря

Имлунд выбрал для наставлений галерею Предков.

Одна из стен коридора была обшита светлыми, почти белыми, деревянными панелями. Они сияли в солнечных лучах, врывающихся днём из многочисленных окон напротив, и таинственно мерцали в свете волшебных ламп по ночам. На этой стене через равные промежутки висели портреты предков Змей. Не все, конечно, начиная с сына Зелеша, последнего короля Офидии, – Зелеша-младшего. Того самого, который помог отцу создать империю Гулум и отказался от её короны в пользу младшего брата Лоххаля Ехидны, родоначальника первой императорской династии.

Потом род захирел и, в конце концов, разродился единственной дочерью. Она приняла имя Лиххиль и через своего последнего потомка, Нуйиту, вернулась к Зелешам. На трон взошёл потомок Л-лотая Гюрзы, третьего сына Зелеша Офидийского. Династия формально сменилась, а недавно чуть было не прервалась в результате мятежа. Впрочем, если бы прервалась, корона просто-напросто вернулась бы к законным владельцам – Зелешам.

С каждого портрета на Феллона взирали мудрые, пронизывающие разум, читающие душу глаза. Чаще всего зелёные, иногда желтоватые и нередко – с узким вертикальным зрачком. Змеиные. Неуютные взгляды. За этими взглядами не видно ни внешности (обычно притягательной), ни одежды (та различалась в зависимости от эпохи), ни мастерства художника.

Сейчас глаза, казалось, фосфоресцировали.

Феллон в испуге обежал одним быстрым взглядом все портреты и наткнулся на отца. В конце ряда, у выхода из галереи висело зеркало в деревянной раме. Оно обозначало ныне здравствующего главу рода. Имлунда Зелеша. Его застывшее отражение в тот миг ничем не отличалось от предков, навечно вмёрзших в древние холсты.

Все они осуждали потомка. Не за измену жене – мужчина имеет право расслабиться, а за безответственное поведение.

Провинившийся наследник рода сдался и опустил очи долу. Да так и застыл в изумлении – по холодному каменному полу никем не замеченный и вовсе позабытый полз за взрослыми Романд.

Малыш, наверное, хотел, чтобы папа с ним поиграл. Но папа ушёл, не слыша ни зова, ни крика обиды. Папа был занят. Однако младенцу того не понять. Папа не видит, потому и не замечает, что сын приглашает на игру. Значит, надо показаться папе на глаза – тогда он всё поймёт! Вполне возможно, что именно так рассуждая, Род решил на долгое и неудобное путешествие прочь из своей комнаты.

Как ребёнок без посторонней помощи да столь быстро сумел выбраться из огороженного вольерчика, Феллон не представлял. Однако, как-то выбрался и теперь упорно полз вперёд, не обращая внимания на холод и пыль. Те не были заметны под сапогом на толстой подошве – слуги следили за порядком, но для младенческой ладошки и коленок, пусть и скрытых за вязаным комбинезоном, малейшая песчинка являлась опасностью, сравнимой с осколком стекла. К тому же, Род передвигался, словно раненая собака, на трёх конечностях. В правой ручке он сжимал свою дурацкую погремушку. И какая скотина подсовывает эту дрянь ребёнку?!

Эта погремушка была семейной реликвией, которую прятали в сокровищнице, так как боялись или не могли избавиться. На вид, в целом, ничего особенного, кроме отменного качества: она представляла собой гроздь разнокалиберных, разноцветных шариков. Если умудриться тряхануть отдельный шарик, то услышишь свой, неповторимый звук. Вся гроздь тоже гремела по-особенному. Неплохое развлечение для младенца, если бы не тёмная аура.

Давно эту погремушку подарил для кого-то из новорожденных Зелешей не очень близкий родственник, могущественный чёрный маг, после чего случилось множество неприятных, если не сказать хуже, событий. Игрушку решили уничтожить – не получилось. Тогда её спрятали в сокровищнице. Но надо же было такому приключиться – беременной, уже очевидно не переживущей родов Нуйите очень понравилось перебирать драгоценности.

Любила мачеха разглядывать серебряные цепочки и разноцветные топазы да траурные шерлы и гагаты, при этом сама если и носила, то исключительно фамильные украшения, где явное предпочтение отдавалось золоту и горному хрусталу. Уж что приключилось с Нуйитой – драконова болезнь или иное затмение ума, свойственное беременным женщинам, не понять,

однако по приближении срока она всё чаще и чаще пробиралась в сокровищницу и сидела там часами, пока кто-нибудь не спохватывался и не забирал молодую герцогиню обратно в её покои. Из-за этой странности, а ещё умения Нуйиты выскальзывать из-под опеки, Романд даже родился на россыпи серебра.

Рядом с новорожденным и его умирающей матерью лежала погремушка.

Игрушку забирали, прятали, увозили из замка, но по прошествии какого-то времени она всегда оказывалась в колыбели Рода... Вот теперь она была в его руках и определённо мешала ползти. Малыш пытался догнать папу побыстрее, но и не хотел расстаться с погремушкой. Не понимает, глупый, что придётся выбирать – либо скорость и удобство, либо игрушка.

Видя мучения брата, Феллон со вздохом шагнул к нему и натолкнулся на твёрдую руку отца.

– Не стоит, Фел, – покачал он головой. Оказывается, герцог внимательно наблюдал за обоими сыновьями.

– Он же себе все руки с этой гадостью сотрёт!

– Мы его с собой не брали, – хмыкнул отец. – Сам захотел – пусть сам и выкручивается.

Чтобы ни чувствовал Феллон к Романду, одно младший герцог знал точно – отец сейчас поступил очень жестоко. Нельзя так с неразумным ребёнком. Единственная надежда, что малыш догадается выкинуть игрушку, хотя с его-то предполагаемой болезнью...

В очередной раз ухнувшись на животик и ушибив ручку о любимые шарики, Род всё-таки остановился и сосредоточенно посмотрел перед собой. На две пары ног. Явственно хмыкнул, глянул на свои ручки, затем на ножки в пинетках с пушистыми помпонами. Всё-таки отложил погремушку и упёрся ладонками в холодный пол. Однако на этом свою деятельность не ограничил.

Род поставил ножку не привычно на коленку, а как у взрослых – на ступню. Утвердился. Затем повторил то же со второй своей ногой. После чего оттолкнулся руками от пола и упал на попку. Однако неудача малыша не остановила – он попытался ещё раз. Получилось. Род стоял, чуть раскачиваясь с непривычки, и рассматривал пространство вокруг себя. Необычно, как необычно! – говорили его глаза.

И снова брат не остановился на достигнутом. Он потянулся за погремушкой – конечно упал. На этот раз малышу понадобилось целых четыре попытки, чтобы сообразить: игрушку не поднять. Тогда Род подполз к шторе и встал на ноги, цепляясь за угрожающе трещащую ткань. Теперь, чтобы добраться побыстрее до взрослых, требовалось научиться ходить.

Перед первым падением малыш умудрился сделать целых пять шагов. Потом был только один и уже отчего-то не требовалась штора. На третий раз после двух шагов Род обнаружил, что за ним следят, – с размаху плюхнулся на попку и заревел.

Феллон бросился поднимать ребёнка, однако его опять не пустил отец.

– Не надо, Фел. Он может, но не хочет. Ему лень.

Видя, что помощи не дожидаться, Род судорожно всхлипнул, поднялся и проделал оставшиеся до взрослых семь шагов за один раз. Однако подошёл не к отцу, а к брату. Теперь-то Феллон взял малыша на руки.

– Романд, ты хотел мне что-то показать? – позвал Имлунд.

Ребёнок после очевидной паузы обернулся, обиженно надул губки, а потом протянул отцу погремушку.

– На, папа, – первые слова в жизни и надолго, чуть ли не на год, единственные.

– Давай его сюда, Фел, – герцог ласково и довольно улыбнулся. Ему было, чем гордиться: Род такой маленький, а уже умеет ходить и говорить. Вот только нормально ли это?

– Кажется, он мокрый.

– С младенцами такое случается, – хмыкнул отец и сам отобрал младшего сына у старшего. – А ты, Фел, возвращайся к жене. Правильно это. К тому же, пора бы и наследником обзавестись.

– Но?

– Я уже обзавёлся, – напомнил Имлунд. – И мои сыновья – это только мои сыновья, а тебе, Фел, род Зелеш продолжать!

И пошёл прочь, к своим покоям, сюсюкаясь с Родом. Отчитывая и одновременно хваля,

отирая грязные ладошки своим белоснежным платком, звеня погремушкой... Как же тогда Феллон ненавидел брата! За... за... Да, хотя бы за то, как менялся голос отца в разговоре с Романдом! И только теперь, сейчас, младший герцог вдруг понял. Если со старшими сыновьями Имлунд Зелеш разговаривал всего лишь спокойно, то младшему доставался исключительно лёд... ненависти...

Всё к демонам! Во Тьму! – Феллон стряхнул с себя воспоминания. Сейчас его интересовало одно: он жаждал увидеть жену и дочерей...

В замок Феллон добирался на шуршах – младший герцог прибыл глубокой ночью и не успел перешагнуть порог, как рухнул на пол. Сердце распухло от боли. Горячей, нестерпимой, плавящей рёбра, жгущей лёгкие.

– Отец...

Очнувшись, Феллон оттолкнул от себя перепуганных слуг и бросился в кабинет Имлунда. Там, за зачарованной стенкой прятался простой кувшин, без украшений, без рисунка – только с надписью.

– Вскрыть после моей смерти, – разум отказывался воспринимать очевидное, поэтому Феллон зачитал её вслух и снял печать. Внутри покоился свиток с последней волей герцога Зелеша.

Феллон прочёл и активировал магический амулет перемещения. Как ни стремился новый глава рода прочь из столицы, ему пришлось в неё возвращаться. В скором порядке. На Имперский совет.

* * *

– А-а-а!!!

От последнего, особенно громкого и протяжного крика дочери Керлик оглох на одно ухо. Это чародею ещё повезло – остальные уже давно на оба.

За окном медленно, но неумолимо светало, а Лита всё никак не могла разрешиться от бремени. Конечно, для первых родов это в порядке вещей – по-хорошему пустым схваткам длиться ещё половину дня... Нет, по-хорошему схваткам начаться следовало через месяц, но безумное и безответственное поведение девочки ускорило процесс. Впрочем, сейчас время не ругать малышку – сам вырастил, – а помогать ей. Лита уже рожала.

Рядом с Керликом и Любавухой пристроились Алай Строптивная и Керейн. Хозяин, сняв замыкающее заклятье, отпустил Чёрный Круг – Имперский совет объявил общий сбор. Оставшемуся чародею тоже требовалось явиться в Главель, но, быстро разобравшись в плачевном состоянии молодой хозяйки замка, чёрный маг категорически отказался уходить. И хорошо – Керлик вдвоём с Любавухой не справился бы.

– Вот так, правильно, – ласково прошептала Алай.

И новоявленный дед оглох-таки на второе ухо – внучок надрывался, словно две тысячи двести двадцать два демона.

– Ой, посмотри, какой у тебя мальчик, – не слыша себя, забормотал Керлик и поднёс к матери сына. – Глаза маменькины, а в остальном такой весь страшненький, в папеньку. Только волосёнки чёрненькие – Романду не понравится. Ну ничего, я что-нибудь убедительное придумаю: типа у тёмных магинь светловолосые дети не рождаются. Честно-честно, я Сельку не выдам.

Лита устало улыбнулась дурацким шуточкам отца. Она видела, что их с Романдом сын самый красивый в Мире мальчик. Чародейка хотела протянуть руки, коснуться маленького создания, чтобы увериться в его реальности, когда вдруг побледнела и часто-часто задышала. Глаза молодой матери округлились в панике.

– Ой, – оценил Керлик.

– Ага, – согласилась Любавуха, нисколько не ждавшая такого поворота событий.

– Я этого не выдержу! – признался Керейн.

И лишь женщина-рыцарь Алай Тхай оставалась спокойной.

– Тихо, девочка, тихо, – заговорила она. – Дыши медленнее. Ты уже это проходила. Сейчас будет куда легче.

Спальню прорезал новый крик. Лита всё так же отчаянно боялась, но знала, что сможет сделать это.

* * *

Романд застыл, глядя на отца. Герцог всё такой же величественный и ледяной, хозяин жизни, но скованный смертью распластался среди спящей соннички. Рядом валялся изуродованный и бесконечно мёртвый Марго, но, казалось, что Имлунд отстранился от стражника. Каждый из павших воинов был сам по себе. Впрочем, сейчас чародей не замечал наставника Меча.

Потом, когда они выберутся из этого проклятого Мира, когда Романду придётся объясняться с Зо, когда тесть не поверит словам, тогда юноша вспомнит о Марго. Сейчас время Имлунда.

Герцог лежал на земле, вокруг плакала сонничка... Или это Романд плачет? Меч, удивительный, изогнутый, но непривычно заточенный с обеих сторон, чистый, словно не участвовал ни в одном бою, серебрился в свете звёзд. Или, может, его заставляла сиять собственная, внутренняя сила.

Глаза в первый раз обманули юношу: клинок вошёл не в шею Имлунду, а рядом, в плечо, после таких ран бывает... Романд кинулся к отцу, в отчаянной надежде приложил левую руку к его груди. Кажется? Нет? Не понять!.. Юноша позвал собственный меч. Странное посох-копье дёрнулось, выскочило прочь из тела Марго и распалось на составляющие. Жезл упал к ногам владельца, клинок скользнул в потную ладонь.

– Что? Ты? – Ёорундо мгновенно оказался рядом, но Романд опередил брата. Юноша осторожно поднёс вдруг заледеневший меч ко рту отца – на клинке образовались капельки. Герцог дышал.

– Ёорундо! Он жив!

Воин ошарашено кивнул. Однако, что им с этого? Имлунд жив, но ненадолго – без магии и опытных лекарей это всего лишь краткая отсрочка замешкавшейся где-то смерти.

– Надо обыскать Марго! У него наверняка имеется исцеляющий амулет!

Ёорундо вновь согласился и обшарил труп, но кроме цепочек ничего не обнаружил – если Марго и имел какие-то артефакты, то они все разрушились. Ничего не оставлять врагу – принцип вольников.

Романд поник. Он всё так же сидел рядом с отцом, вновь возложив левую руку на его грудь. По обе стороны от герцога лежало волшебное оружие мага – Жезл и Меч, они как и прежде сияли. На щеке юноши сверкала одинокая звёздочка-слезинка. Между маковыми головками, алыми, несмотря на темень, вился туман, белёсая, какая-то склизкая на вид мгла. На эту нереальную картину взирало сверху равнодушное чёрное небо в белую, едва уловимую крапинку.

Где-то Ёорундо уже встречался с подобным. Иллюстрация в книге? Витраж в позабытом храме? Воин не помнил, но знал – он видел. Что-то должно случиться, что-то предвещала эта картина.

– Род, – детское, младенческое имя брата всплыло в мозгу неожиданно. – Род, не надо. Оставь. Пусть отец умрёт спокойно. Не плачь над ним, пожалуйста!

Юноша вздрогнул, будто бесцеремонно вырванный из глубокого сна. Моргнул. Слезинка пробежала по щеке и, на миг зависнув на подбородке, упала на герцога.

– Ты хоть представляешь, Руно, – голос Романда был мёртвым, ненастоящим, как, казалось, и всё вокруг, – всю мою силу? Нет. А я – да. Теперь – да. Я очень сильный маг, я обладаю мощью, которой сейчас не в состоянии похвастаться никто... но я ничто. В этом проклятом Мире, я ничто! – теперь юноша говорил страстно, с жаром... с ненавистью. – Я ничего не могу!

– Не можешь, – согласился Ёорундо. – Но даже если бы мог, ты умеешь исцелять?

– Нет. Но, порой, достаточно одного сильного желания.

– Неосознанного желания, Род!

– Нет, – чародей решил заикнуться на этом маленьком словечке. – Маг становится великим не только тогда, когда научается владеть своей силой, но и когда умеет понимать и исполнять свои неподкреплённые знанием желания!

– Хорошо, я понял. Но здесь...

– Да! Здесь всё это бесполезно! Этот Мир бесполезен! Он наполнен магией, которую не достать! В каждом предмете – камне, дереве, шмеле, даже в маковой росинке полно волшебства, но... – Романд осёкся, круглыми глазами посмотрел на брата, потом на себя, здоровой рукой огладил свои плечи. – Подожди... Руно! Я же тоже предмет! Предмет, который заполнен магией!

– Верно. Но ты не можешь её достать. Твоя магия не взаимодействует с этим Миром! – напомнил Ёорундо.

– Не взаимодействует, – Романд вскочил.

От резкого движения у парня, по всей видимости, закружилась голова, так как он упал, но снова поднялся и кинулся чуть в сторону, к маку. Схватил первый попавшийся цветок, будто намереваясь высыпать в ладонь семена, но одной рукой, естественно, ничего не получилось.

– Романд! Что ты?! – вот теперь-то юный чародей точно свихнулся.

– Руно, помоги, нарви цветов!

– Зачем?

– Мне нужен сок!

– Малыш, ты хочешь забыться больным сном? – догадавшись, охнул воин. – Маленький! Не надо! Имлунд всё равно бы когда-нибудь умер! Мы ведь все смертные! Не надо обращаться к больному маку!

– Ты не понимаешь, Руно! Это не мак! – Романд смотрел на Ёорундо отчаянными, но вовсе не безумными глазами. – Это сонничка. Ты же сам сказал, что моя магия не взаимодействует с этим Миром, то есть, я не соединён с ним, а сонничка... Сонничка любым чародеем используется именно для того, чтобы заставлять взаимодействовать несоединимое!

– Ты полагаешь, что если измажешься её соком, получишь волшебство?

– Это надежда.

Ёорундо замер. Брат умел преподносить сюрпризы. Он не сходил и не собирался сходить с ума. Одна лишь последняя фраза неоспоримо доказывала: Романд отлично понимает, чем занимается, что делает. Он надеется на Истинное Чудо и осознаёт, что оно не обязано свершаться. Истинное Чудо – это не желание, это надежда.

Воин больше не задавал вопросов и не медлил – он собирал так похожие на больные маки цветы, затем выдавливал из них сок, смазывал руки брату. Потом отступил.

Романд вновь застыл над телом отца. Вполне возможно, что уже мёртвого – они не проверяли.

– Мне понадобится твоя помощь!

Ёорундо понял без дополнительных объяснений, подошёл к Имлунду и ухватился за меч. Прежде чем залечивать рану, следует удалить из неё лишние предметы.

– Давай!

Воин дёрнул. Из плеча фонтаном брызнула кровь – значит, герцог всё ещё жив, – окатила с ног до головы Романда, обагрила утопанную землю.

– Род! Если сейчас ничего не случится, то мы уже не сможем ему помочь! Он потеряет слишком много крови! У нас нечем перевязать такую рану!

Юноша не откликнулся, сосредоточенно вглядываясь в свои, покрытые чужой кровью ладони, возложенные на грудь отца.

– Романд!

– Свет! Помоги! Приди!

– Романд! Ты с ума сошёл?! Взывать к Свету ночью, во Тьме!

– А к чему, по-твоему, должен взывать белый маг? – чародей обратил бешеный взор на брата. Ёорундо вдруг заметил, что Романда колотит в истерике. – Хотя... ты прав. Во Тьме не обращаются к Свету... – юноша запрокинул голову к чёрным небесам. – И я уже делал по-другому... Тьма! Мы все твои дети! Мы все вышли из тебя! Дай дорогу Свету!

Пожа-алуыста!

Ёорундо понял, что Романд всё испортил – сила признаёт силу, от силы надо требовать, а не просить, но...

Юноша дёрнулся. В макушку, как тогда, четыре дня назад, на экзамене, словно ударила невидимая молния. Тёплая, гудящая волна-дрожь прокатилась по кровеносным сосудам, ушла в ноги, рванула в землю. Ниже, ещё ниже. И в этом странном Мире, как когда-то в родном, всё замерло – даже сонничка не качалась на ветру. Впрочем, каком ветру? Тот тоже застыл. Не исчез, а именно застыл. Но сам Мир пришёл в движение.

Приветствую!

Сила приближалась, готовая вернуться обратно в Романда.

– Помоги!

Ты хочешь?

– Да!

Даже ты обязан заплатить.

– Знаю. Понимаю. Согласен.

Хорошо...

Мироздание... Мир отозвались. Сила прокатилась по телу Романда и вырвалась из рук – одной живой, другой сейчас мёртвой. Свет. Слепящий, яростный. Властный.

– Случайно, роком и судьбою разрушит Мира все устои, – казалось, это говорил не Романд, а вызванный... призванный им Свет. Собственно, наверное, здесь и сейчас не было Романда.

Свет скатился с кончиков пальцев, окутал герцога, ворвался в него. И исчез.

На миг Ёорундо почудилось, что весь этот грандиозный спектакль так ни к чему и не привёл. В следующее мгновение Имлунд открыл глаза.

– Романд?

Юноша безмолвно рухнул на грудь к отцу. Чародей был жив, но дух его покинул и вряд ли собирался возвращаться.

* * *

Лита спала, несмотря на то, что её дети нет. Мальчик надрылся в руках Керлика, девочка – в объятиях Любавухи.

– Нов обрадуется, – хмыкнул Керейн, наблюдая за семейной идиллией.

– Что? – не понял новоявленный дважды дедушка.

– Эфель говорил, Нов боялся, что ты выводишь двуцветного мага.

– Такие специально не выводятся, знаешь ли! – возмутился Керлик.

– А что до этого Нову-то? – отмахнулся маг-оружейник. – Зато теперь обрадуется – всё оказалось куда банальнее. Не двуцветный маг, а близнецы – белый и чёрный.

– Ага...

– Кер, ты извини, но нам с госпожой Алай пора на Совет. И будь готов, тебя могут вызвать.

– А император будет? – с надеждой уточнил Керлик, хотя прекрасно знал ответ.

– Конечно. Это же Имперский совет, а не сбор Круга Старших Гильдии.

– Но мне Нов говорил, что Льеэфа не в Главели.

– Вернулся, – Керейн несколькими волшебными пассажами привёл в порядок одежду и взял женщину-рыцаря за руку.

– Тогда я к вам не приду. Принципиально.

– Почему?

– Меня император убьёт. Одним взглядом.

– К-ха, его величество в курсе, что Романд его сын? – недоверчиво хихикнул гость. – Ну, не бойся, Кер, – мы тебя в обиду не дадим. Это же какая возможность ткнуть Хрона в его беспомощность!

Маг и рыцарь исчезли. Любавуха посмотрела на господина, господин на Любавуху. В глазах обоих поселилось недоумение.

- А мне-то, дура, всегда казалось, что смеяться над временным бессилием таких как ты, чароплёт, опасно, – наконец смогла выговорить бабка трепыхающуюся раненой птицей мысль.
- Может, Мир вдруг взял и изменился? – соглашаясь, предположил Керлик.
- Это вряд ли. Слушай, чароплёт, а ты чего мне не сказал, что наша тощая смазливость императорский сыночек? Или не знал?
- Ну, почему же? Знал. Меня интересует другое: а есть ли кто-нибудь, кто не знает?

Чёрный замок с интересом изучал новое приобретение. Оно ему нравилось – такое симметрично-гармоничное. Правда, Замок не предполагал, что хозяйка ради него пойдёт на такие жестокие мучения. Вообще-то Замок думал, что подобные подарки доставляются в корзинах к воротам странными светящимися женщинами... но люди, они непонятные существа, непредсказуемые. И разные. Потому и выбирают разные способы. А Замку-то что? Ему хорошо.

Глава 15

Классификация кругов, или Различные пути

– А теперь кто-нибудь соизволит объяснить мне, что происходит?! – Эфа попытался устроиться на троне поудобней. Не получилось.

Троны, как не без основания подозревал император, вообще не предназначались для сидения. Даже малый трон, по сути являющийся креслом-переростком, имел настолько твёрдую поверхность, что всего через какие-то десять-пятнадцать минут ягодицы не чувствовались. Прямо-таки бери и подушку подкладывай, да нельзя! Слуги басен насочиняют – и после смерти не отмоешься.

По прошествии получаса спину начинало ломить, шея затекала. Дальше – хуже. Вот поэтому-то все правители не отличаются добрым нравом! Попробуй-ка вершить праведный суд, если занят исключительно своим задом или размышлениями, как повернуть голову, чтобы та не отвалилась, или вовсе недоумеваешь, отчего снова позабыл приказать сделать себе в подарок новый, удобный трон.

Однако больше всего Эфа мучился на официальных приёмах послов на свой День рождения с их буквально неоскудевающим потоком подарков и на заседаниях Имперского совета – то и другое никогда быстро не заканчивалось, а второе ещё и могло начаться в любое время дня и ночи. И кто сказал, что правителем быть хорошо? Явно тот, кто господ в глаза не видел.

– Ради чего вы прервали мою поездку и вытащили в Главель? – продолжил император, обводя сердитым взором всех присутствующих.

За странным, вытянутым в форме капли столом расположился Имперский совет. С отгремевшей войны он помимо глав старших родов Гулума, представителей храмовников, рыцарей и главных Гильдий империи, фактически, включал в себя весь Круг Старших Магической гильдии, хотя ранее чародеи ограничивались Новеллем и Эфелем да двумя-тремя стихийниками. Последние от заседания к заседанию менялись, словно часовые на посту, Эфель изображал мебель, говорил (если уж соизволял открыть рот) за всех Новелль.

Хотя Круг оказался немалочисленным, Совет пока не возражал против такого вливания. Эфа полагал, что они ждали, когда маги откроют своё истинное лицо – по склокам, сварам, подковёрным интригам чародеи могли переплюнуть кого угодно. И чего ещё ожидать от тех, среди которых с равной вероятностью встречались представители крестьян и аристократии, попадались замшелые старцы и юные выскочки (правда, кто из них кто со стороны разобрать было несколько проблематично)? От тех, кто не считал заторным убить собрата из-за одного личного превосходства в силе... Разброда, конечно.

Однако маги как были одним целым, так им и оставались. По крайней мере, во внешней политике Гильдии. И Эфа не сомневался: чародеи не сорвутся хотя бы потому, что они только утверждали об убийстве как о норме, умерщвлять друг друга маги не особенно и спешили.

Сегодня в единстве Магической гильдии, пожалуй, убедился и Совет. Чародеи умудрились заявиться не то что Кругом Старших, а Чёрным и Белым чуть ли не в полном

составе. И это – не считая стихийников. Поприветствовав друг друга особенно «радушными» взглядами, маги расселись за столом так, чтобы рядом не находились представители одной Стихии. С точки зрения политики, молчаливая пощёчина Имперскому совету – сборищу отдельных групп.

– Если вы решили сообщить мне об исчезновении герцога Имлунда Зелеша, то я в курсе, – Эфа естественно догадывался, что не Первый советник причина встречи, но следовало выплеснуть раздражение до того, как речь пойдёт о деле. – И уверяю вас, господа и дамы, пропажа герцога для империи не смертельна.

– Нет, ваше величество, – со своего места поднялся Феллон Зелеш, рядом с ним сиротливо пустовало кресло отца. – Совет созывал Новелль Спящий.

Эфа постарался не выдать своё безмерное удивление. Младший герцог Зелеш, мягко выражаясь, не отличался умом, но сумел-таки понять, что означают гляделки магов, и постарался хотя бы немного, но задеть выскочек. Мол, не такие вы и единые – решения принимал один из вас, а не все вы скопом.

Как и следовало ожидать, чародеи не отреагировали на колкость.

– Однако, если позволит созывающий, я бы хотел взять слово первым, – Феллон обернулся к Новеллю.

– Потерпим, – развёл тот руками.

– Совет не возражает? – младший герцог дождался кивков и продолжил. – Я вынужден сообщить, что... Имлунд Зелеш погиб.

– Как?! – Эфа не сдержал эмоций и подался вперёд. – Ты видел его тр... тело?

– Как герцог погиб, я не знаю и тела его не видел, но Имлунд Зелеш мой родной отец. Я почувствовал его смерть.

Родовая магия – так это называли, хотя к чародейству оно не имело ни малейшего отношения. Узы рода, связь с каждым его членом. И чем крепче род, тем мощнее узы. Род Зелеш, наверное, сейчас самый крепкий в Мире и смерть его главы, да такого, как Имлунд, заметили все представители рода.

– Ты хочешь заявить права на титул герцога? – император устало потёр виски. Вот, от чего болела голова. Вовсе не вызов Имперского совета пробудил Эфу. Не вызов.

– Сомневаюсь, ваше величество. Я хочу отдать вам это, – Феллон протянул императору свиток. – Последняя воля моего отца.

Эфа, недрогнувшей рукой, развернул пергамент, пробежал по тонкой ровной вязи – Имлунд имел красивый почерк – и швырнул свиток в полыхающий камин.

– Вот, что я сделаю с этим, – холодно заявил император.

– Мой отец предполагал такую реакцию, ваше величество, – хмыкнул Феллон. – Это всего лишь одна из многочисленных копий, а оригинал защищён магией.

Имперский совет и Круг Старших застыли в ожидании.

– В этом свитке говорится следующее, – герцог не стал затягивать паузу более того, чем требовалось. – Тот, кто известен вам как мой младший брат Романд, на самом деле является родным сыном его императорского величества Льеэфы Л-лотая. По сути, Романд – законный престолонаследник империи Гулум... – Феллон помолчал. – Впрочем, так как Романд не был рождён в браке, решать Имперскому совету. Однако прежде чем приступить к обсуждениям и спорам, хочу напомнить, что Романд – потомок двух императорских династий – Л-лотай и Лоххаль, восходящих к королевскому дому Офидии, Змеиною королевства. Надеюсь, все присутствующие помнят, что оно – сердце империи... – герцог поднял обе руки, останавливая гомон. – Я не закончил! Романд член Магической гильдии, причём не рядовой, а подмастерье, поэтому Гильдия имеет право опротестовать любое решение Имперского совета. Расширенный Совет с участием всех родов Гулума, в свою очередь, может лишить Гильдию голоса. И последнее, Романд женат. Слово его тестя, хотя он мне и неизвестен, имеет тот же вес, что и слово Магической гильдии.

– А слово императора?

– Вряд ли, ваше величество, – Феллон поклонился и сел. – Теперь всё.

Эфа откинулся на неудобную спинку неудобного трона. Столько лет скрывать, чтобы вот так, сразу, в одно мгновение... А когда же прознал Имлунд? Год назад, когда впервые сын и

отец встретились, оказались рядом, такие схожие? Или три, когда мальчик сформировался настолько, чтобы стать копией родителя?.. Впрочем, глупые вопросы! Имлунд всё знал с самого начала! До того, как об этом проведал Эфа!

О Свет! Имлунд знал даже до того, как я встретил Нуйи!

Подонок!

За что ты отобрал у меня жену и сына?!

Император не выдал, что творится внутри него, и спокойно наблюдал за Кругом Старших. Сейчас решение за ними.

А чародеи вели себя очень странно. Они ждали ответа от Новелля и Эфеля, те в свою очередь, синхронно подперев щеки руками – деревенские барышни да и только! – безмолвно глядели друг на друга.

– Бзо, – оба мага не выругались, а так, просто сказали. В комнате воцарилась тишина.

– А я тебе говорил, что Имлунд – геморрой похуже Хрона будет, – пробормотал, словно себе под нос, тёмный чародей. – А ты не верил, Нов.

– Почему же не верил? – откликнулся светлый. – Очень даже верил, но, как порядочный маг, надеялся на чудо.

– И как это понимать? – поинтересовался Феллон. – Каково решение Круга Старших?

– О-о, – Новелль внимательно посмотрел на герцога. – Круг Старших собирается найти тело вашего батюшки, воскресить и вторично очень долго и мучительно убивать. Не беспокойтесь, у нас получится. Что же касается Романда, то это дело Имперского совета и тестя уважаемого Романда... Впрочем, не думаю, что сейчас вопрос о правах мальчика актуален.

– Отчего? – вопрос задало сразу несколько голосов.

– Романд, боюсь, исчез в том же направлении, что и Имлунд Зелеш. А так как мальчик на данный момент не принадлежит ни одному из известных нам родов, определить жив ли предложенный уважаемым Феллоном кандидат на престол не представляется возможным даже для Магической гильдии.

– Разве Кругу Старших не всё известно о членах Гильдии? – усмехнулся глава Гильдии купцов.

– Я всё сказал, – отрезал Новелль.

* * *

Безумная ночь неожиданно закончилась: из-за странной горы-лестницы вдруг выглянуло золотое солнце и осветило склон, поросший сонничкой. Тени от деревьев с предыдущей «ступени» не достигали места, где лежал Имлунд.

– Ёорундо.

Воин, с недоумением рассматривавший пройденный за предыдущие дни путь и удивительное небо, оставил бесполезное изумление и кинулся к отцу. Бережно перенёс Романда с груди герцога на землю, затем помог Имлунду сесть – потеря крови сказывалась, отец вряд ли смог бы подняться самостоятельно.

– Что произошло?

– Что! – досадливо хмыкнул Ёорундо. – Наше магичество в очередной раз всех удивило и поступило исключительно так, как само хотело!

– Он жив?

– Жив, если вы имеете в виду желание дышать, пить, есть, но он упустил свой дух.

– Зачем ты ему позволил?! – взъярился Имлунд. На сдерживание эмоций сил у него не осталось.

– Позволил? Ну, хотя бы потому, что не меньше его желал видеть вас в живых! И мне всё равно – верите вы мне или нет!

– Не всё равно, – спокойно возразил герцог. – И я верю. А ещё я знаю, что не позволить ты просто не мог. Романд бы наплевал на твоё «непозволение».

– Да, – Ёорундо склонил голову перед отцом. Никогда ещё воин не видел Имлунда таким... беззащитным, открытым. Чего только стоили эти эмоциональные перепады! То бесится, то снова льдина. Необычно. Но, может, именно сейчас герцог всё-таки ответит на

вопросы? – Отец, скажите, наконец, зачем вам понадобился этот ублюдок? Зачем вы его... хотя, ведь вы не...

– Зачем я сделал так, чтобы он появился на свет? Зачем я свёл Нуйи и Эфу?

Ёрундо ошарашено кивнул.

– Я эту часть предположений Романда ещё слышал, – пояснил Имлунд. – Всё банально: я воссоединил две ветви одного рода.

– Нет, отец! Это объяснение не годится! Банально – если бы вы их поженили... или, в крайнем случае, Нуйита понесла после вашей с ней свадьбы. А я, кстати, помню тот спектакль, который вы оба устроили для Имперского совета. Роли не вы ли писали, отец?

Герцог молчал. Правильно: зачем отвечать, если вопрос ещё не задан – сын всего лишь констатировал факт.

– Красиво сыграли, убедительно. Имперский совет поверил в ваше прямо-таки страстное желание не жениться на Нуйите, годящейся вам в дочери, и, в свою очередь, её страх перед замужеством вообще и со стариком в частности. Унизить последнюю из славного рода, подчинить вас своей воле – Совет клюнул, проглотил наживку вместе с удочкой и чуть было не оттапал руки рыбаку. Они объединились ради такой глупости, как ваша скорая свадьба. Когда же Нуйита «неожиданно» скоро забеременела, вас искренне поздравляли и шутливо журили – мол, зачем вы отказывались, если вам сейчас так хорошо! А вы стыдливо краснели и смотрели на жену влюблёнными глазами, та, кстати, отвечала вам тем же... Невинная богиня Нуйи! А по мне – уличная актёрка и шлюха!

Имлунд не отреагировал на очередное оскорбление, так как теперь оказался по ту сторону эмоций, когда испытывать уже попросту нечего, сонливая слабость овладела телом. Хотя мозг действовал.

Сын причинил отцу страшную боль, заставив вспомнить тот год. Вспомнить, как бледная, дрожащая, но решительная Нуйи пала к ногам жениха, покаялась в своём «смертельном грехе». А Имлунд встал в позу всепрощения.

«Ты сердисься, мой господин?»

«Нет, Нуйи моя, уже нет...»

Стараясь искупить свой «проступок», Нуйи делала всё, о чём просил муж, и конечно предлагала ему себя. Она была хорошей женой. Но Имлунд не взял дар. Не имел права... и снова поступил с Нуйи нечестно. Она любила мужа всем сердцем, всей душой... Эфа? Что Эфа? Это всего лишь краткий умопомрачительный миг для всегда одинокой девочки. Девочки, рядом с которой на мгновение оказался мальчик, тоже одинокий, но трусливый в отличие от той, что полюбил. И – герцог знал – любит до сих пор. Как и Имлунд.

Муж любил жену, но не сумел признаться в том, насколько подло с ней поступил. А потом стало уж некому признаваться... Бедная девочка, которой так не повезло оказаться на пути двух трусов: один не посмел отстаивать, другой побоялся отдать... или хотя бы взять целиком.

Однако Имлунд не расскажет об этом Ёрундо – только Романду. Если младший сын на этот раз не найдёт силы простить, то так тому и быть. Но это потом – сейчас следует послушать среднего, заговорившегося, заставившего вспомнить всё до мельчайших деталей и успокоиться, прийти в себя.

– Кстати, – Ёрундо неожиданно припомнились слова императора. – Кто наложил на Романда заклятье?

– Мехен. По моей просьбе.

Младший Зелеш вздрогнул. Да, прав Эфа – перед тем, как затевать шантаж, следовало разобраться в ситуации до конца, понять, с каким противником по-настоящему имеешь дело. Имлунд не тот орешек, который грызут своими зубами.

– Это была моя ошибка.

– Почему? – изумился Ёрундо откровенному признанию слабости.

– Этот урод играл в свою игру. Точнее – он числился пешкой не только среди моих фигур, – Имлунд невесело усмехнулся. – Он скрыл не только происхождение, но и дар Романда... Хотя такое не скроешь.

Оба – отец и сын – посмотрели на чародея. Спит. Чуть заметно шевелится при дыхании

грудь. Собственно, вовсе не заметно, но Имлунд и Ёорундо знали, что юноша жив, а потому и дышит. Лицо умиротворённое и усталое, несмотря на размазанную по щекам кровь, бледное до прозрачности и вновь узкое как у императора. Всего каких-то трёх дней хватило, чтобы здоровая, только-только появляющаяся сытая округлость исчезла, и лишь нежный пушок намечающейся первой бородки как-то спасал положение, не давая лицу превратиться в посмертную маску.

– А ведь он не похож на Эфу! – ни с того ни с сего произнёс Ёорундо. – Вроде бы одинаковые, как две капли воды, а... а не похож.

– Потому что эта капелька уловила солнечный лучик, отразила окружающий мир, засверкала, – Имлунд улыбнулся. – Помоги мне. Мне нужно быть рядом с ним.

– Зачем, отец? Что вы можете для него сделать?

– Позвать, – пожал плечами герцог. – Позвать как Старший в роду.

– Отец! Ничего не выйдет – он не нашего рода.

– Тебе напомнить историю, Ёорундо? Род Л-лотай и род Лоххаль всего лишь ветви рода Зелеш...

– Да-да, – оборвал объяснения сын. – Вы – Змей. Л-лотай – гюрза. Лоххаль – ехидна. Но не мне вам говорить, что происхождение не означает принадлежность. Л-лотай не принял, Лоххаль не знал и, наконец, Зелеш отринул. Если бы этого не было, Романд и впрямь бы носил звание третьего змеёныша... А ведь он даже змей боится!

– И всё-таки я попробую – в нём кровь нашего рода.

– А думаете, он, очнувшись, обрадуется, увидев вас бездыханным?

– Зов не причинит мне вреда, мне не станет хуже, чем есть. И без еды и питья я скоро сам окажусь в том же состоянии, что и Романд. Ты останешься с двумя живыми трупами на руках, Ёорундо! А если я пробужу Романда, то у нас появится реальный шанс отсюда выбраться. Что-то мне подсказывает, Романд найдёт выход, отыщет верный путь прочь из чуждого нам Мира!

– Как знаете, – сдался воин и перетащил отца ближе к брату.

Герцог наклонился к лицу младшего сына и тихо шепнул:

– Романд...

* * *

Керлик яростно наматывал круги в своём кабинете. Мебель, обычно предпочитающая кидаться под ноги любому посетителю сего славного места, испуганно жалась к книжным стеллажам. Нарисованная дверь в сокровищницу притворялась ещё более нереальной, нежели была. Хозяин изволил сердиться. Совсем не потому, что личный кабинет носил следы присутствия Чёрного Круга и пятидневного отсутствия прислуги, а по причине глубоких раздумий на неприятные темы.

Лита благополучно разродилась двумя замечательными малышами, сильными, достойными рода Хрон чародеями. До того Керлик добыл потрясающую по значимости информацию и нашёл книгу Имлунда, при этом неплохо повеселился. Правда, действия Новелля пока оставались загадкой, но маг сомневался, что надолго. Самое время заняться Романдом. Не получалось.

Беседа с Горшей только подтвердила первоначальные предположения о случайно сработавшем заклинании побега. Но проблема в том, что заклятье подобным образом не работало.

Золотые монетки обычному человеку не переломить – здесь требовалось вполне сформировавшееся, хотя не обязательно осознанное, желание, чтобы запустить магию. Сломанная денежка скорее побочный эффект, нежели причина, этакое вспомогательное звено – проще иметь дело с каким-то предметом, чем с собственной, запутавшейся в панике мыслью. А Романд должен был сильно испугаться преображённого Хрона... чего, кстати, не случилось.

Но предположим, что по какому-то непредусмотренному стечению обстоятельств чары запустили механизм перемещения – и снова всё неправильно. Романду следовало оказаться в Чёрном замке – ведь в первую очередь спасти от проклятия Хронов требовалось беременную

Литу, наследницу рода. Ан нет, мальчишка переносится в другой Мир. Причём по свидетельству всё того же гоблина в Мир, в котором Романд бессилён в своём могуществе – Керлик этого не хотел. Он специально настроил магию на место, пусть и неизвестное, где зять смог бы успешно обороняться.

Ко всему прочему пропал Марго. А этот-то куда делся?

Керлик заставил себя замереть.

– Пушистик, – позвал он. Зверёк с радостным писком выскочил из библиотеки и уселся на рабочий стол, попытался изобразить второй хрустальный шар. В том, кстати, виднелся приснопамятный храм, объятый синим пламенем. – Может, ты знаешь, где твой создатель?

Комочек пушистого света тяжело вздохнул и распластался грустным оладушком по деревянной поверхности. Зверёк скучал.

– Не переживай, малыш, я верну нашего Романда. Он от нас не отвертится! – Керлик ласково погладил белую шёрстку. Да, конечно, Истинный Свет смертелен для мага Тьмы. Но так это если не думая! А если знать правильный подход... – Н-да, правильный подход.

В центре кабинета, на полу лежали три книги: конфискованная у Имлунда, временно отобранная у Литы и, собственно, Керликовская. Вообще-то они не лежали, а валялись... но не зря же они расположились в столь интересном порядке, словно на что-то намекая.

Кляня Свет, демонов и склонность к авантюризму, Керлик вошёл в образованный книгами круг. По голове будто ударили пыльным мешком – в горле запершило, хлынули слёзы, нос зачесался. Чародей, не сдерживаясь, чихнул – тотчас неприятные ощущения исчезли, зато появилось кое-что новое. Книга. Книга Мира. Точнее – её полупрозрачный, но вполне узнаваемый призрак. Читабельный призрак.

Керлик принялся читать.

Из поколенья в поколенья
Теряем память о корнях.
Тех, на которых мы росли,
Ты не найдёшь, как ни ищи.

Чародей кашлянул. А он-то полагал, что на данный момент это именно он самый бездарный рифмоплёт Мира.

Но, впрочем, есть звено в цепи,
Которым замыкают круг.
Его ты тоже не ищи...

– Он сам найдётся, этак вдруг, – не дочитывая, досочинил Книгу Керлик. – Та-ак, дорогуша! Я твои творческие потуги терпел долго! Если не желаешь общаться в прозе, отдам Имлунду. Вот герцог обрадуется!

Книга, по всей видимости испугавшись угрозы, задрожала, перелистнула пару-другую призрачных страниц и явила взору обычный текст. Фраза «Так-то лучше!» не смогла сорваться с уст, ибо было существенно хуже. С другой стороны, теперь Керлик знал, что делать. Звать.

Собственно, больше делать и нечего.

– Пушистик, а ещё меня кличут чирьем на заднице Мира! – пожаловался Свету чародей. – А как же тогда называть Зелеша?.. И вот же паршивец! Пятидесяти мальчишке нет, а меня уже обогнал на несколько шагов вперёд.

* * *

Имперский совет спорил, ругался, шипел – в целом, создавал ровный, монотонный гул, почти усыпивший Эфу.

Чародеи, не обращая внимания на дебаты, с азартом резались в какую-то свою разновидность Крестовика – насколько император разобрал со своего места, магических мастей было существенно больше двух. Кроме посоха и пульсара, в колоду входила молния – тоже

популярная масть – и множество других, неизвестных Эфе. К тому же, достоинств у карт было, по крайней мере, восемь, а не привычные пять.

Разыграть колдунам не дали – Совет пришёл к решению спустя каких-то полчаса.

– Ваше величество, – слово отчего-то вновь взял глава Гильдии купцов. – Мы пришли к выводу, что вам следует признать Романда своим сыном и наследником, принцем Гулума.

– Хорошо, – не стал спорить Эфа. Он в вердикте нисколько не сомневался – Имлунд умел подобрать правильные слова и условия. – Но, полагаю, о Романде следует говорить позже. Теперь мне бы хотелось узнать, для чего Новелль Спящий, глава Магической гильдии, созывал Имперский совет. Надеюсь, не для того, чтобы продемонстрировать мне, как он умеет мухлевать в карты.

– Зачем говорить, когда никто не слушает? – флегматично отозвался чародей. По его взмаху фиалил азартного дома перестал существовать. – Мятежники.

– Что?! – с Эфы слетел сон.

– Да, именно, мятежники. Причём те самые, которых не добились пятнадцать лет назад.

Совет разом напрягся. Ведь кто-то из них был милостиво прощён.

– Но это смешно! – возмутился император.

– В целом, да, – согласился Новелль. – Если бы они не страдали редкостным идиотизмом. Общение с Зелешем их ничему не научило. На этот раз они связались с силами, способными разрушить мироздание. Впрочем, не только способными, но и желающими это сделать.

– Разве не Магическая гильдия обязана следить за Концами Света? – хмыкнул всё тот же разговорчивый купец.

– Она, – откликнулся белый чародей.

– Но не вся... – неожиданно встрял молчаливый Эфель. – Некоторые Концом Тьмы занимаются.

Присутствующие не обратили внимания на замечание-пересмешку, сказанное вполголоса скорее себе, нежели другим. И только маги внутренне напряглись – глава Чёрного Круга напомнил об очень страшной вещи. Когда кончается Тьма, ничего не остаётся – кончается Мир.

– Однако Магическая гильдия никогда не утверждала, что всеильна, – несколько торопливо продолжил Новелль. – А мятежники нашли правильное время – Магическая гильдия была втянута в войну и не могла следить за всем, что творится в Мире. На подобное разве что Хрон способен. И тот вряд ли.

– Хрон? Какое имеет отношение к мятежникам нынешний Хрон? – император скривился, словно от зубной боли. – Насколько мне известно, он не интересуется политикой.

– Читающий –то? – светлый маг покачал головой. – Отношение же к мятежникам он имеет прямое, словно пыточный кол. Мятежники (точнее – те, кто ими управляет) желают убить Хрона. И их жажда настолько велика, что они решили воспользоваться первой возможностью, когда Хрон оказался беззащитен. По их мнению, естественно. К счастью, это была наша ловушка – мы отбили нападение, но с информацией у нас туго. Да и остановить войну уже не сможем. Она начнётся не завтра и не через год, но готовиться к ней надо начинать сегодня.

– Хрон... – Эфа не слушал, а никто другой не догадался поинтересоваться, зачем при такой постановке вопроса понадобился экстренный вызов. – Хотелось бы мне увидеть сейчас Хрона.

– А мне – Имлунда, – тихо отозвался Эфель.

Будто в ответ на его слова воздух над столом поплыл жарким пустынным маревом, затем вспыхнул фиолетовым огнём, который закрутился в бесконечную спираль, к стенам устремились тоненькие, извивающиеся змеями, молнии. Посередине комнаты образовывался портал для перемещения в пространстве. Творец портала явно любил покрасоваться.

* * *

Романд очутился в уже знакомой темноте, в окружении звёзд. Впереди гостеприимно сверкала приснопамятная арка, но юноша демонстративно от неё отвернулся. Он помнил, что этот ход ведёт на странную площадку с часами и ненавистными змеями.

Чародей с детства боялся змей. Страх был вполне объясним. Первое, что вспоминалось

Романду из его недлинной жизни, это змеи, жаждущие причинить ему и его близким вред.

...Большая комната, громадная деревянная кровать с решётчатыми стенками, чтобы наблюдать за миром, изучать его. Вокруг сюсюкающие нянюшки, печальная кормилица, пахнущая вкусным молоком, и гремящие шарики. Роду очень нравились шарики – каждый звучал по-своему и неожиданно. Их почему-то всё время убрали из кровати, но Роду требовалось лишь захотеть ударить по шарикам – и те тотчас появлялись под рукой или ногой. Женщины начинали охать и кричать друг на друга. Это Род не любил, но он хотел поиграть с шариками.

Однажды шарики не послушались желания. Род заскучал, но не надолго. Когда не было шариков, Род смотрел за решётчатую стенку – там происходило много интересного. Род с любопытством наблюдал и в один момент обнаружил, что кто-то глядит на него в ответ. Этот кто-то был злым. Плохо.

Род в отличие от окружающих разбирался в том, что плохо и что хорошо. И знал: плохого больше. Кормилица о чём-то всё время плачет, нянюшки чем-то недовольны, папа всегда сердится. Но при всех своих плохих чувствах люди вокруг были добрыми. Незнакомец... кто-то – злым.

Род не сразу нашёл убежище злого – большая дырка, в которой жил добрый и тёплый зверь по имени Огонь. Дырка называлась камином. Из него по вечерам выползали чёрные жирные змеи, но никто их не замечал. Род попытался сообщить остальных об опасности, но отчего-то добрые люди не слышали предупреждения. Змеи насмешливо шипели. Но Род не сдавался. И обманул змей – папа прибежал на зов. Однако змеи, понимая, что теперь-то их уничтожат, ринулись в атаку первыми. Испуганный Род закричал.

Папа всех победил, а потом забрал Рода в другое место. Там тоже имелась дырка для тёплого зверя, но змей не было...

Конечно, это не воспоминания, но Романду представлялась именно такая картина из его младенчества. Тем более что теперь, после беседы с Имлундом юноша точно знал: оно было! Герцог тогда спас приёмного сына... А потом Романда ещё спасали.

Ёрундо от страшной служанки, в косе которой жила змея. Дядька Соймет тоже от змеи, схватившей за ногу пятилетнего Романда и пытавшейся утянуть на дно глубокого озера. Даже Феллон однажды освободил брата и снова от змеи, свалившейся с дерева и обхватившей беззащитную шею. И таких случаев Романд мог припомнить во множестве.

Нет, к змеям – ядовитым или нет – он не пойдёт. К тому же, среди звёзд появилось много интересного помимо арки.

Треугольник и крест Романду не пришлись по вкусу, зато манил идеальный круг – венец, корона. Юноша с улыбкой, как когда-то к связке гремящих шариков, протянул руки к цепочке звёзд. Мгновение – и она в ладонях.

Корона или ожерелье? Из сверкающих камушков или прямо из кусочков Света? Такое тоже бывает. Как Пушистик, например. Тоже кусочек, частичка Света. Где-то он? Скучает? И не обидится ли зверёк на создателя, когда у того появится малыш? Ведь Пушистик тоже ребёнок, просто необычный. И плохо, если он начнёт ревновать к человеческому брату или сестричке. Надо подарить зверьку вот это ожерелье – когда Романд не сможет общаться с Пушистиком, тот будет играть со звёздочками. Хорошая мысль.

Решив так, юноша осмотрел себя и с удивлением обнаружил из одежды только подштанники. Развеселившие Ёрундо незабудки с ткани исчезли – видимо тесть использовал неустойчивый морок, который со временем развеялся. Действительно, ради глупой шутки портить хорошую вещь не стоит.

Романд вздохнул и, так и не найдя места, куда пристроить подарок для Пушистика, водрузил ожерелье (или венец?) на голову. Мир изменился – корона, подобно арке, являлась ходом в иное место.

Он утопал по колено в изумрудной траве. Босые ступни из-за прикосновения с мокрой землёй замёрзли и почти не чувствовались, но он не обращал внимания на досадное

недоразумение. Он наслаждался холодящим обнажённое тело ветерком. Хорошо.

Однако, в конце концов, Романд продрог и принялся осматривать окрестности в поисках укрытия. Позади, ниже по склону волновалось поле соннички. Прекрасный, чудесный, волшебный цветок... Отчего-то алые головки качались не в такт усиливающемуся ветру, более того – вразнобой. Юноша прищурился и сдавленно охнул. Поле кишело змеями. Опять змеями! Какой обман! Казалось, среди соннички собрались все гадины, которых породил Мир. Живущие в воде, на суше, даже на деревьях. Одна, с неким подобием маленьких крылышек на блестящих боках, парила над цветами. Ядовитые и любительницы придушить. Мелкие, крупные и громадные. Все они собрались вокруг царицы – анаконды – и ползали, ползали, ползали. И шипели.

Пока они не обратили внимания на гостя, Романд осторожно, но быстро, старательно не переходя на панический бег, двинулся прочь от опасного места. Вверх. К вершине.

– Ро-оманд, – позвал сзади знакомый голос. Но юноша решил не оборачиваться – наверняка ему чудится – и шёл вперёд.

Вскорости сочная трава понизилась, пожелтела, пожухла и вовсе исчезла. Под ноги теперь стелился камень. Неустойчивый, острый, норвящий обязательно врезаться в самую нежную часть ступни, белую серединку. Впрочем, и более привычные к неудобствам пальцы быстро разбились в кровь и болели. Романд жутко устал. Но он не желал останавливаться.

Юношу посетила неожиданная мысль – он опустился на колени и пополз, как тогда, давно, когда убежал от Ловцов Чар. Вышло ещё хуже: подштанники не защищали острые колени и уж тем более ладони и локти. Романд был вынужден подняться – весь исцарапанный, из-за неудобного способа перемещения спину ломило, правую ногу свело судорогой. Но чародея уже не интересовали потребности возмущённого обращением тела.

Он видел свою цель. Видел то, к чему шёл. Храм. Тот самый странный храм из хрустального шара Зо. И никаких захватчиков. Никаких хозяев. Синего пламени тоже незаметно.

Спасение! Иди!

И Романд шёл. Ему осталось всего-то ничего – перейти мостик, соединяющий две горные вершины. Мостик смотрелся, конечно, не очень надёжным – эфемерным, воздушным, если уж начистоту, – но юноша, некогда закрывший межмировые Врата, и не по таким хаживал.

– Ро-оманд! – снова раздалось позади. Но на этот раз зов оказался несколько неожиданным – шипящим. Как можно прошипеть имя «Романд»? Юноша настолько удивился, что решил взглянуть на талант, обернулся. Перед чародеем извивала тело в огромных кольцах анаконда, та самая, с поля соннички. Возможно, она же встречалась на чёрно-белой площадке в пустоте.

Серая, с редкими пятнами более тёмного оттенка, блестящая змея, чудилось, покрыла собой весь склон, но она была ещё очень далеко. У Романда есть шанс сбежать, если он поторопится ступить на мостик... Путь перекрывала улыбающаяся смутно знакомой улыбкой найя. Гадины вообще любят улыбаться, но у кобр это получается особенно убедительно и страшно.

Найя казалась миниатюрной по сравнению с анакондой, но зато она умела стремительно кидаться вперёд и вонзать ядовитые зубы в мягкую плоть. В Романде плоти хоть отбавляй – нога, рука, голый торс... Из вежливости снисходительного победителя найя предупреждающе раздула капюшон и покачивалась из стороны в сторону – попробуй подойти, красавчик, и узнаешь, что такое настоящая змея!

И кого же выбрать? Ту, которая задушит, или ту, которая укусит? Хорошенький выбор! Но через кобру, по крайней мере, можно попробовать перепрыгнуть.

Словно почувствовав неладное, найя зашипела и попятилась (у Романда округлились глаза) ближе к мосту, но на него не заползла. Удивлённый поведением гадины чародей нахмурился и по наитию, подобрав из-под ног камушек, швырнул его в ажурную арку. Снаряд, пролетев перила, ухнул в пропасть.

Идиот! Если бы не кобра, изучать тебе заклятье левитации на практике!

Плечи захлестнула петля, поползла по груди к поясу, скрутила ноги – анаконда добралась-таки до своей жертвы.

Обманула! Захватила!

Кольца сжались, выбивая воздух из лёгких.

«Но. Ведь... – мысли стали такими же отрывочными, короткими, как и дыхание. – На. Йя. Спас. Ла!»

Щека ощутила змеиную кожу – чуть тепловатую, приятную, вовсе не склизкую, как кажется со стороны. И нахлынули воспоминания. Настоящие, а не преобразованные детским страхом.

Змея в воде – коряга. Та, которая падает с дерева, – ядовитый плющ. В косе служанки обыкновенная лента, которой, впрочем, Романда вполне реально желали придушить. И наконец гадины из камина – злая, тоже охотящаяся на невинного младенца магия, которую остановила власть Имлунда. Охранявшие опочивальню герцога волшебные, невидимые змеи рода Зелеш пожрали убийственные чары.

Змеи спасали, а не желали причинить вред Романду.

Грудь кольнуло. Дурак! Как он мог подозревать змей, если одну из них носит на шее?

Юноша медленно поднял взор и натолкнулся на гипнотизирующий взгляд анаконды.

– Папа? – узнал Романд.

Змея ослабила хватку.

* * *

Романд резко согнулся пополам, чуть головой не выбив Имлунду челюсть, и со свистом-охом вдохнул – так же рвутся к воздуху утопленники. За первым живительным глотком последовал столь же судорожный и необходимый второй.

– Ёорундо, подними меня!

Воин, ошарашено наблюдающий за очередным невозможным воскрешением, беспрекословно подчинился приказу отца. Романд, всё ещё не до конца понимающий реальность, попытался встать и бессильно упал к ногам герцога на колени. Имлунд воспользовался ситуацией: он торжественно возложил на голову сыну руки. Впрочем, со стороны могло показаться, что ослабевший мужчина просто опирается на юношу.

– Отныне и до скончания Света и Тьмы! – провозгласил Имлунд, пока Романд не догадался возразить. – Ты принадлежишь роду Зелеш. По одному лишь слову Змеи защитят тебя. Но не смей идти против них без веской причины!

Юный чародей во все глаза уставился на отца. Не понимал, чему удивляться: то ли принятию в род Зелеш, то ли странности этого принятия.

Грудь что-то кольнуло – золотая змейка Зелешей дёрнулась, царапнула кожу миниатюрными зубками и вновь замерла обычной безделушкой.

– Родовые медальоны ведь не просто так на шею вешаются – украшение из них аховое, – косо ухмыльнулся Имлунд.

– Ой, прямо, как тесть, говорите, – ойкнул юноша и уточнил. – Без веской причины?

– Угу, – хмыкнул Ёорундо. – Змеи вообще оригинальные существа.

– А имя?

– Прости... – герцог виновато покачал головой. – Зато я могу сделать другое. нарекаю тебя Романдом Случайным!

На миг старшим почудилось, что маг заревёт в голос, но тот ограничился обиженной гримаской – надул губы и гордо отвернулся. Точь-в-точь наказанное за проступок дитяtko.

– Это потому, что я всё делаю случайно?

Имлунд, несмотря на усталость, и Ёорундо расхохотались. И от смеха вдруг стало хорошо.

– Нет, – герцог опустил рядом с сыном, пригладил ему взъерошенные бесёнком волосы. – Потому что ты случайный.

– Может быть, – недовольство не покинуло лицо Романда, но приобрело оттенок явной наигранности. Понимал, мальчик, вложенный в слова смысл. – Я случайно знаю, как нам отсюда выбраться.

– Как? – Имлунд смотрел вниз так же, как и анаконда из сна, поэтому юный чародей

уверился в правильности своих ощущений.

– Привиделось, когда бродил среди звёзд.

– Малыш, мне показалось, что у тебя там случились неприятности. Более того, я почувствовал опасность, от которой спас тебя не я, а кто-то другой! – герцог нахмурился. Он разобрался в личности добровольного помощника и понял, что встречи и длинного неприятного разговора не избежать.

– Да, опасность имелась, но не в том, что меня притянуло к себе плохое место, а... – юноша запнулся. – Ну, это вроде того, как если бы вы увидели во сне крадущихся убийц и вступили с ними в бой, когда правильной было бы проснуться и проверить, в чём дело. То ли кошмар после трудных дней посетил, то ли интуиция предупреждает об опасности. В обоих случаях лучше вернуться в реальный Мир. Со мной произошло нечто похожее – моя сила, мой дар подсказали мне верный путь, с волшебниками случается, но я отказался очнуться и попытался спастись во сне. В результате мой дух улетел бы, а тело погибло.

– Понятно. И куда же нам идти?

– Вверх, по склону. На вершине находится храм, а дальше разберёмся, – Романд махнул рукой за спину.

Молча наблюдавший за беседой Ёорундо собрался было обратить внимание брата на «досадную мелочь», что в указанном направлении находилась вовсе не вершина, а подножие, но, наткнувшись на предостерегающий взгляд отца, не сказал ни слова.

«Смещает верх, смещает низ дитя всевластного каприз...» – беззвучно прошептали губы Имлунда.

– Вверх, так вверх, – согласился воин.

Измученная тройца, пошатываясь, двинулась вниз. Позади, в алой, словно свежая кровь, сонничке остался гнить труп человека по имени Марго. Романд позабыл о друге, Зелеша предупредительно не напоминали.

Они шли ещё двое полных суток, не останавливаясь ни на сон, ни на принятие пищи. Последней не было, первого все трое боялись. Ёорундо страшился не встать, Имлунд и Романд – не проснуться. То, что эта странная парочка жила, вовсе чудо.

Юный чародей, растратив все силы на отчаянье, брёл за братом исключительно по воле отца. Тот возвратил дух и приказал идти – Романд шёл, опираясь на плечо брата и иногда повисая на нём, но каждый раз стараясь выправить шаг. Пожалуй, юноша пополз бы, чтобы не мешать Ёорундо, но не мог – вывихнутая в драке правая рука омертвела и висела плетью погибшего плюща. Вполне возможно, что Романд лишился конечности, но пока он об этом не задумывался. Сейчас следовало идти вперёд.

Имлунд вовсе лежал на среднем сыне. Герцог ожил, мог мыслить и говорить, но силы его утекли вместе с кровью – нечем их восстановить. Однако Ёорундо не сдавался и упорно тащил на себе отца, поддерживал спотыкающегося брата и шёл, доверившись магической интуиции Романда.

Не зря. Буквально через полчаса, как они покинули царство соннички и под ноги легла сочная изумрудная трава, воин почувствовал, что спуск превратился в подъём. Искажалось ли пространство или работала сила Романда, а, возможно, то самое желание, о котором упоминал чародей, но они действительно шли вверх. Ёорундо уверился в правоте брата... и был поражён до глубины души, когда они всё-таки добрались до вершины.

Ни моста, ни храма, ни даже пропасти. Местность вновь преобразилась: вместо гор появилась равнина – безводная разнотравная степь, вступившая в знойное лето. Ещё красивая, ещё цветущая и благоухающая... но убивающая всякую надежду. Тихая, словно заброшенный погост.

– Романд, ты ошибся.

– Не должен, – прохрипел засыпающий навечно брат.

Ёорундо оставалось сделать то единственное, что он ещё мог.

Получилось так, что воин вывел родню к древним развалинам какого-то замка или вовсе крепости – более-менее сохранился круг внешних стен да несколько перекрытий, благодаря которым внутри царилась тень и какое-то подобие прохлады. Рыцарь перенёс в круг Имлунда и

Романда, сам присел рядом, отдыхая. Пусть они умрут просто во сне, а не сгорев на безжалостном солнце.

Под спиной влажный камень – это кажется. Откуда здесь вода?

Ёрундо попытался отодрать от щёк засохшую кровь – им нечем было её смыть.

– Я с вами посижу и пойду, ладно? – тихо сказал воин, не замечая, что бормочет уже во сне.

* * *

– Лита, мне нужна твоя сила.

– Хорошо, папа.

Чёрный замок с недоумением наблюдал за хозяином и молодой хозяйкой. Те, не обращая внимания на требовательный крик двух младенцев, сидели друг напротив друга в окружении трёх книг. Они искали белого мага, тоже хозяина... Но как же дети?

И вдруг Замок осенило. Хозяева доверили малышей ему, Замку! Ну, наконец-то они догадались!

Чёрный замок принялся осторожно раскачивать колыбельки – дети успокоились и заснули, не слыша, как падают на пол книги с огромных стеллажей, тяжёлая мебель, кухонная утварь. Замок исполнял роль заботливой нянюшки впервые и гордился результатом.

Глава 16

Мировые проблемы, или Личные неурядицы

Обе просьбы сильных Мира сего – императора и главы Чёрного Круга – были высокомерно проигнорированы. Ни Имлунд (в призрачном или в зомбированном состоянии), ни Керлик Хрон из портала не появились. Оттуда донеслись голоса.

– ...ты думаешь, госпожа? – приятный мужской тенор. Многим из присутствующих он показался знакомым, но из-за магического искажения – обладатель голоса в проекции на Мир мог находиться очень далеко – никто бы не заложил и медной монетки под свои предположения.

– Иногда со мной случается, – это без сомнения рыцарь Алай Строптивая.

– Ох язва! Оно и видно, что с мужиками мечом машешь. Для разнообразия не пробовала иголочкой поработать? Тоже колкий предмет.

– Отчего же не пробовала? Пробовала – я, знаешь ли, Керейн Среброрукий, когда-то храмовницей стать пыталась.

– Ого! – оценил собеседник. – Что же случилось, если храмовница сразу же в воительницы подалась?

– Глупость, причём донельзя банальная.

– Однажды в ваше Уединение притащился мужчина, который тебя соблазнил... – начал чародей.

– Не то чтобы соблазнил – это изначально было обоюдным желанием, – женщина говорила легко и, наверное, любую другую аудиторию сумела бы обмануть, но невольными слушателями оказались Имперский совет и Круг Старших. Они уловили за непринуждённостью потаённые боль и ярость. – Его отобрала, увела наша божественная. Пробыла она с ним не очень долго – бросила – и всё смеялась, поучала нас, что только так следует поступать с самцами.

– Разве в Уединениях не дают обет безбрачия?

– В нашем – дают, но кто посмеет напомнить о правилах божественной? Божественной, которая вообразила себя богиней... а ведь, пожелай тот «самец», она бы превратилась в его домашнее животное и не испытывала большей радости, чем приносить ему по утрам в зубах тапочки! – из-за магического заслона донёсся звук смачного плевка. – Впрочем, одним мужиком больше, одним – меньше. Взбесило меня, поверь, другое. Божественная родила и подбросила дитя отцу...

– Ну и?

– Отец назвал девочку Литой.

Почему Керейн зашёл в сдавленном кашле, догадались немногие – Чёрный Круг и император, смутные подозрения посетили и Новелля.

– Вот именно! – подтвердила Алай. – Она знала, кому отдаёт ребёнка. Известно было и мне, и ещё двум её приближённым. Будучи уверенной (и правильно уверенной, кстати!) в том, что мы не донесём малышку до родителя, она сама, лично, занялась «доставкой». Это подкосило меня, лишило веры – я ушла.

– И сразу же подалась в рыцари империи? Проще вступить в Вольный Отряд!

– Никуда я не подавалась! Просто шла, куда глаза глядят, и, подозреваю, в хорошее место они не смотрели. Если бы не Имлунд и мой будущий муж... – воительница замолчала, но эту часть жизни первой женщины-рыцаря Гулума знали многие. Поговаривали, что воспоминания о встрече с Алай Строптивной до сих пор заставляли непоколебимо-ледяного герцога Зелеша краснеть, словно влюблённого мальчишку на свидании. – Скажи, чародей, Кер действительно служил в Вольных Отрядах? Как-то удивительно для мага...

– Ничего удивительного – я тоже служил. В «Гончих Псах», когда они только-только появились как отдельный Отряд. Лучшие вольники, ещё не помышлявшие о службе императору.

– «Псах»? – в голосе Алай сквозило изумление, откровенное недоверие. – И отчего же ты не помог братьям?

– Бывшим братьям, хочу напомнить... Я не успел – их зов глушили, умело и зло. Даже «Голодные Волки» опоздали, хотя их крик достиг в первую очередь – кто-то полагал, что кровники придут добивать. Они бежали спасать. Потом пытались мстить. Того, кто предал, они не нашли...

Со стороны, не считая молний-малюток и непотребного цвета, портал перемещений напоминал положенный плашмя смерч с той лишь разницей, что воронка зависла на месте и не притягивала к себе ничего, кроме недовольных взглядов. Тонкий, извивающийся хвостик указывал на уставшего императора, широкая часть – на магов. Стенки псевдосмерча находились в постоянном движении и вызывали неприятные ощущения – от них явственно тянуло холодом, грозой и опасностью. Прикасаться к воронке и впрямь не следовало – могло забросить в любую часть Мира, этого и не только.

Странными, нереальными казались голоса, доносившиеся изнутри портала – чудилось, что сейчас из горлышка воронки выплывут два полупрозрачных искрящихся привидения, однако на стол ступил начищенный мужской сапог из чешуи хум-хума. Он, как и положено, красовался на ноге, облачённой в чёрную штанину навыпуск. Нога же в свою очередь принадлежала человеку – тёмному магу Керейну Среброрукому.

– О! – оценил тот место прибытия.

Капелька-стол – штука дорогая, да и будь иначе, по мебели не ходят.

– Вообще-то за столами принято сидеть, – Феллон сердито скривился.

– Ну, – Эфа неожиданно поддержал нового герцога Зелеша. – Это касается людей.

Чародей бровью не повёл, словно всю жизнь занимался перемещением в подобные места. Он спокойно обернулся к portalу и протянул руку. Алай осторожно переступила «порожек», затем позволила себя спустить на пол – рыцарь была женщиной и никогда от того не отказывалась. Воительница ценила галантность, любила представляться нежной и хрупкой, зависимой от мужчины.

– Как там? – Эфелю способ перемещения Керейна откровенно понравился, но сейчас главу Чёрного Круга интересовало другое.

– Двойня, – улыбнулась Алай. – Я не знаю почему, но Керлик Молниеносный просил меня передать Новеллю Спящему, а также остальным припадочным и помешанным на пророчествах магам (и не только им) следующее. Лилията Хрон родила от Романда отказного Зелеша мальчика и девочку. Мальчик вне сомнения обладает чёрной магией, девочка – белой... Ну и где ваш двуцветный, уроды?!

– Это Алай Строптивная цитирует, – пояснил Керейн и, немного помолчав, добавил. – Меня.

– Э-э, – глубокомысленно ответил Новелль. – Ошибся. С кем не бывает?.. Кстати, ваше величество, ребята докладывают, что всё сделано.

– Тогда мне пора, – хмыкнул Эфель и невежливо исчез.

– Наконец-то! – Эфа, не обращая внимания на поведение мага, вскочил. – Дамы и господа, вынужден вам сообщить, что Имперский совет арестован. Весь, исключая Феллона Зелеша, госпожу Алай Тхай и представителей Магической гильдии.

Двери в зал Совета распахнулись с эффектным грохотом, и возмущённых и ошарашенных советников увели предупредительные, но строгие стражники в форме личной императорской охраны – на камзолах и зелёных плащах красовалась оскаленная пасть сумрачного волка. Вольный Отряд «Голодные волки» принял на себя обязательство «Гончих Псов» – вечное служение династии Л-лотай.

– Новелль, – шёпотом произнёс император, вновь усаживаясь на неудобный трон. – Надеюсь, у тебя веская причина! Из-за глупости мне бы не хотелось рассориться с Имперским советом в полном составе! Нам с Имлундом Совет многого стоил. В том числе и Романда, как я теперь понимаю.

– Не бойся, Эфа, – маг внимательно всмотрелся в повелителя. – И не трать на меня яд, сын Змей. Тебе ещё пригодится... А твой Совет начнёт тебя благодарить, когда поймёт, что ты просто-напросто спас их! За работой мы не позабудем сохранить доказательства.

* * *

Лоран, понуро склонив голову, брела по пустынным тёмным коридорам. Ей было плохо. Ужасно! Она поссорилась с Тином. Разругалась вдрызг. Навсегда!

Они уже ссорились и ругались и тоже навсегда. По одному и тому же поводу. Глупому, если вдуматься, поводу. Тин называл Тьму наиглавнейшей силой, а Лоран – всего лишь равной Свету. Для обоих тема оказалась болезненной.

Чародейка во всём была готова поддержать возлюбленного, но только не в этом вопросе, потому что если Тьма главнее, то Свет – слабее. Следовательно, она, Лоран, белая магиня тоже слабее. Лоран не хотела даже в мыслях считать себя таковой, ибо бессилие причинило ей боль. Бессилие было написано на роду Лоран как женщины и младшей дочери влиятельного политика, члена Имперского совета герцога Орлеша. И в конце концов бессилие превратило её в лишнюю карту «Крестовика» ... Лишние – наислабейшие, их сбрасывают и забывают. Забытые – это смерть.

А Тин не понимал. Не мог. Или вовсе не желал.

Шрамы горели на спине.

Сегодня спор зашёл слишком далеко. У Тина-подмастерья ум зашёл за разум из-за «главенства» Тьмы. Лоран не преминула донести эту простую и очевидную мысль до друга. Тот сердито ответил, девушка не осталась в долгу. Слово за слово – и Лоран надоело. Абсолютно. Она в сердцах, ставя точку в дурацком споре раз и навсегда, топнула ногой. А Тин... Тин со своей излюбленной презрительной ухмылкой бросил, что она, Лоран, всего лишь капризная девчонка, которую мало пороли в детстве.

Она замерла, казалось, на вечность, а потом развернулась и молча ушла. Теперь по-настоящему. По-настоящему, навсегда.

Как он мог?! Ведь он знал! Всё знал! Никому в Школе, кроме него, не было известно, что «украшает» спину Лоран. Он даже это видел. Она показала...

Да, ещё об этих страшных уродливых рубцах знали госпожа Умелла Облачная и Ивелейн, единственная подруга Лоран. Они предлагали излечить, избавить «чудесную спинку» (по выражению эльфийки) от ужасающего зрелища, но девушка отказалась. Чтобы помнить – нельзя быть слабой... К тому же, шрамы и не сводились... И всё-таки эти две замечательные женщины не знали того, что ведал Тин.

Раны болели, всегда. Лоран свыклась с этой болью, притерпелась к ней, но иногда спина вспыхивала огнём – кнут отцовского слуги был непростым. В такие мгновения... это действительно длилось не долго, но Лоран казалось, что вечность... В такие мгновения хотелось выть, визжать, сдирать с себя кожу. Однажды девушка потеряла над собой контроль,

но рядом случился Тин – одним касанием он избавил бедняжку от страданий.

А потом Тин стал приходиться по ночам в келью Лоран – и пропали кошмары. Кнут взмечтается над головой мучителя с безумными глазами и опускается, снова поднимается. Родовая магия не помогает – блудной дочери не докричаться до небес, не призвать гордых и далёких Орлов. Для истинного чародейства уже не хватает сил – она жива благодаря дару, но не ведаёт об этом. Она кричит... и слышит клёкот в ответ. Это Тин поёт ей колыбельную – и кнут исчезает, остаётся лишь ласковая успокаивающая прохлада.

Только на острых коленях Тина Лоран нашла покой... И вот теперь она его лишилась!

Подонок! Как он мог?! Обычный мужик, которому нужно только одно!

Лоран вздохнула, прекрасно понимая, что лжёт себе, но так было легче... Она столько мечтала о жезле. И он у неё на поясе, заслуженный. И принёсший беду. Рассвет на башне Творения оказался последним мигмом радости, потом были только споры, споры, споры. И наконец – лишь капризная девчонка, которую мало пороли в детстве.

Что ж, наверное, это правильно. Отношения с Тином – это слабость, а она собиралась быть сильной. И теперь её некому отвлечь, никто больше не сделает её слабой. Она посвятит себя магии и станет магистром как наставница, Умелла Облачная. И ничего кроме.

– Э-э, госпожа подмастерье, куда это мы собрались?

Ядовитый голос резко вырвал девушку из мрачных дум, словно ледяной водицей с утреца окатил. Лоран вздрогнула всем телом и огляделась.

За размышлениями, воспоминаниями и оплакиванием потерянной любви магиня и не заметила, как покинула Школу и очутилась собственно на территории Гильдии, куда уже третий день не рекомендовалось (читай – запрещено) ступать чародеям ниже мастеров третьего ранга. Более того, сейчас Лоран находилась в Радужном зале, открытом для магистров. Туда даже мастера первого ранга без разрешения самого Новелля Спящего да за визой Эфеля Душевного входить не имели права.

Сама девушка была в зале всего лишь раз, более четырёх лет назад, когда сопровождала Умеллу Облачную. Магистру что-то потребовалось, а Лоран она потянула за собой. Только теперь девушка поняла, что наставница решила поддержать новенькую ученицу Школы.

Кнут отходил спину, но не лишил избалованности, не избавил от привычки повелевать и не научил ни терпению и пониманию, ни полной самостоятельности. Герцогской дочке и позднему магу было очень трудно в стенах Школы, где царили совсем не те порядки, что в родном замке. Здесь Лоран не являлась центром Мира, а лишь неуклюжей неумехой, которую обязательно требовалось ткнуть в её незнание общеизвестных вещей.

Потом уж, с появлением Тина Лоран осознала, что никто её специально не задевал – так уж получалось. Ученики Белого отделения все как на подбор оказались не очень весёлой судьбы и каждый жил в своей, может быть, и не уютной, но всяко привычной раковине, с внешней стороны которой щерились жутким оскалом шипы. Лучше – смазанные ядом. К тому же, тогда на Отделении были только мальчишки, все, кроме Зелна, Рыско и двух парней, которые на днях получили звание мастеров пятого ранга, того возраста, когда любая девочка воспринималась явно не героиней любовных баллад.

Ивелейн разбавила это мужское стадо через год – ученики уже начали понимать друг друга. И себя. Лоран могла тогда себе признаться, что находишь эльфийка в Школе сразу, то вряд ли они бы стали подругами – чересчур надменными и капризными они обе были. А потом возник Тин.

Но сначала было очень трудно. И однажды пришла магистр Умелла и взяла с собой в Радужный зал. Лоран запомнила ту прогулку на всю жизнь.

Зал оказался хрустальным. Пол, потолок, стены, витые тонкие колонны – всё из прозрачного, как гильдейский кулон, хрусталя. Впрочем, это только на первый взгляд. Хрусталь встречался и дымчатый, и золотистый. Попадались в нём вкрапления мелких голубых, розовых и зелёных песчинок, однако общее ощущение чистоты от этого разнообразия только усиливалось.

Стены занимали стеклянные полочки, на которых покоились хрупкие, как и всё в зале, артефакты. Мощные, удивительные по красоте, часто уникальные, но всё-таки не настолько ценные, чтобы бояться за их сохранность. Матовые рога единорогов, странной формы сосуды,

хрустальные шары и пирамидки, декаэдры с изображением внутри каких-то неведомых строений – дворцов, храмов, а иногда вовсе не разобрать чего. И прочая – за один раз не разглядишь всего.

Центр зала занимало раскидистое, несколько корявое стеклянное дерево. Оно представляло собой цельную конструкцию, однако ствол и ветви были чуть заметно выкрашены в коричневый, листочки – в зеленоватый, а распускающиеся цветы – дымчато-голубой. На развилке, словно некое подобие гнезда, покоился ещё один хрустальный шар, размером с головку новорожденного. Его Лоран в прошлое посещение не видела – наверное, недавнее приобретение магов.

Среди хрусталя притаились волшебные лампы. Они испускали белый, такой любимый Лоран свет. Тот пронизывал всё помещение, преломлялся и дробился внутри артефактов и украшений. По залу гуляли и танцевали радужные искры, порой складывающиеся в странные удивительные и нездешние картины. Благодаря этим искрам зал и получил своё название. Радужный...

Сегодня неповторимое волшебство портил Зелн в коричневых одеждах самого непотребного оттенка.

– Э-э, госпожа подмастерье, куда это мы собрались?

Сколько его помнила Лоран, он не мог говорить не язвительно. За что его, кстати, ученики Белого отделения прозвали Зелн Язва.

– Прямо, – буркнула магиня, пытаясь обойти ученика. Однако тот прытко сдвинулся в сторону и преградил девушке путь.

– Э нет, прямо, Лоран, ты не пойдёшь. Подмастерьям здесь не место.

– Как и ученикам, – хмыкнул за спиной ещё один мужской, не отличающийся добротой голос.

Лоран обернулась – сзади стоял Рыско-переросток. Никто уж и не верил, что он сможет получить жезл, однако парень умудрился-таки сдать экзамен. В отличие от Зелна, кстати.

– Если у господ подмастерьев на почве зазнайства выработалась слепота, то поясню – я здесь убираю. Думаете, эта красота при помощи магии держится? Нет. При помощи мокрой тряпки.

Действительно, в руках он держал тряпку, а у его ноги примостилось ведро, тоже стеклянное, но далеко не прозрачное из-за грязной воды внутри. Оба новоиспечённых подмастерья в один голос фыркнули – им-то теперь никакая уборка не страшна.

– За что это тебя? – Лоран ухмыльнулась.

– А, – махнул в ответ Зелн тряпкой. – После ночки в «Солнышке» решил я проветриться. Ну, спокойно вышел из кабачка да натолкнулся на кого-то – желудок мой жестокого обращения не выдержал. Всё бы ничего, но кто знал, что Эфелю Душевному приспичит ранним утром по району Купцов бегать!

– Герой, – оценил Рыско. – Так ты ещё легко отделался – всего лишь уборкой.

– Ага, до конца этого года, – кисло скривился ученик. – И заверением, что подмастерьем я никогда не стану. В таких вопросах Эфелю верить можно.

Н-да, со словом магистра да к тому же главы Чёрного Круга не поспоришь – Лоран и Рыско сочувственно вздохнули.

– Так что, ребята, неприятностей мне без того до конца жизни хватит – может, не станете усугублять ситуацию?

– Зе-елн, – Лоран умоляюще взглянула на Старшего ученика. Ей так хотелось посмотреть на радужный танец – душа её нуждалась хоть в таком мимолётном утешении.

– Ох, Лоран, ты и зомби уговоришь! Значит так, мне водичку надо бы сменить. Но вы ничего не трогайте! Ладно?

– Конечно.

Зелн с ведром и тряпкой убрёл прочь. Лоран тяжело вздохнула, подняла взгляд к потолку да так и застыла. Разноцветные искорки складывались в неповторимые узоры, но не простые круги, пусть даже с пушистой бахромой, а в эльфийскую вязь со смыслом, таким явным и одновременно таинственным.

Вен – «дева», Мен – «путь» ... А вот и Мел – «любовь», и рядом Бард – «тюрьма». Лицо

Лоран искажилось от боли. Путь любви – неволя... Хотя нет, Мел немного в стороне. Может, она ошибается?

– Посмотри, Рыско, – указала наверх девушка. – Что ты видишь?

– Мел, затем Тур – «могущество», и Энгвар – «слабость». Кажется: любовь сильного есть слабость.

– Как это верно! – Лоран с судорожным всхлипом отвратилась от потолка. И здесь тычут ей в лицо её же ошибками... Но почему? Почему она хочет, жаждет, мечтает быть слабой, только чтобы её любили... Нет, нельзя быть слабой!

– Что-то случилось, Лора? – Рыско в беспокойстве нахмурился.

Девушка вздрогнула – она ненавидела это сокращение её имени. Но ведь сокурсник не специально – он видит, что ей плохо, хочет ей помочь, утешить. Но... Принимать утешение – тоже слабость.

– Нет, ничего, Рыско. Ничего существенного... – во избежание дальнейших вопросов Лоран, изображая живейший интерес к стеклянному дереву, двинулась в центр зала. Запутавшийся в хрупких ветвях шар неожиданно засветился. Сначала робко, незаметно, но с каждым шагом Лоран свет внутри артефакта разгорался всё сильнее и сильнее. Наконец, сияние заполнило весь зал, при этом оно не мешало видеть, не слепило глаза. – Рыско, какое чудо!

Неподдельное восхищение пробудило настоящее любопытство – и Лоран, забыв про просьбу Зелна, протянула руки к шару, сняла с дерева... и охнув, чуть не выронила. Шар оказался тяжеловат для девушки. К счастью, Рыско успел подскочить и подхватить артефакт, чтобы в свою очередь не удержать.

– Он жжётся! – воскликнул подмастерье.

Шар с глухим звоном упал на пол, покатился прочь... и натолкнулся на сапоги чёрной кожи.

– Рыско! Ты, случаем, не с башни Тревоги грохнулся?! Это же тебе не мяч по полу гонять! – Тин нагнулся и без чрезмерных усилий поднял артефакт, тот, было погаснув, вновь засиял всё тем же ярким, но не яростным светом. Что, откровенно признать, тёмному магу явно не понравилось. – Это же Печать... или Ключ, по-вашему.

Он уверенной походкой двинулся к дереву и вернул шар на прежнее место.

– И, кстати, что ты здесь делаешь, Рыско? Подмастерьям ход в Радужный зал запрещён!

– Вот именно, подмастерьям, – светлый чародей насмешливо приподнял бровь. – Тинни, сам-то ты, зачем сюда пожаловал?

– Мне почудилось, что я слышал голос Лоран. Лоран Орлеш. Ты её не видел? Нам поговорить надо!

– Не о чём нам с тобой говорить, Тинни, – отрезала девушка.

Юноша озадаченно моргнул – он только сейчас заметил магиню и был несказанно и искренне удивлён.

– Но...

– Дама сказала, что вам не о чём разговаривать, – оборвал его Рыско. – Значит, вали-ка отсюда, тёмный!

Как ни странно, гневная отповедь подействовала на Тина. Он понимающе кивнул и направился к двери. Плечи юноши опустились, светлые длинные волосы поникли сальными космами, а сам он весь как-то съёжился, растерял свою гордость, вечное презрение ко всему Миру... А было ли это презрение? А не та же ли это раковина-доспех, из которой Тин выбрался ради Лоран?

Видя его такого зашибленного, непривычно слабого, магиня хотела крикнуть... Пстой! Я тебя ни в коем случае не простила, но ты побудь со мной, поговори. Дай мне посмотреть на себя... Найди слова, чтобы я передумала... Но вместо зова изо рта вырвался душераздирающий вопль. Боль в спине достигла апогея – и Лоран позабыла всё.

Тин отлично понимал, что за последнюю выходку, миг какого-то безумного помрачения, он не заслуживает ни внимания, ни тем более прощения, и, получив недвусмысленный отказ даже в разговоре, не стал спорить. Нет у него на то права. Уже за огромными дверьми матового стекла чародей услышал полный муки крик Лоран. Юноше слишком хорошо было известно,

что это означает. Он кинулся обратно, на помощь.

Путь вновь преградил Рыско.

– Она не хочет тебя видеть.

– Идиот! Ей больно! – Тин не стал объяснять, а просто оттолкнул бестолкового сокурсника. Раздался звон разбитого стекла, но чародей видел лишь катающуюся по полу Лоран, его Лону, в безумном припадке.

Обнять, прижать, успокоить.

– Лона. Лоночка! Я здесь! Я рядом! Я не уйду! Никогда! Я просто кретин. Прости! Я не хотел! – Тин сжал в своих объятиях девушку и гладил её по голове, путаясь пальцами в роскошных волосах, ласкал её спину.

Ему хотелось вопить и плакать, но как и прежде он не смел, иначе Лона поймёт, что боль никуда не уходит, не исчезает. Она просто-напросто переселяется в другое тело. Тело Тина. Как и кошмары – в его разум и сны. Лона запретила бы исцелять, но Тин не мог допустить, чтобы его возлюбленная мучилась. Её страдания из-за него – вот он и будет за них платить!

– Солнышко моё! Душа моя!.. Свет мой! Я люблю тебя! Я люблю тебя всем сердцем!

Она, дрожа, подняла на него свои медовые глаза.

– Какая же я всё-таки дура!

– Что? – не понял Тин.

– Скажи, – Лона запрокинула голову. – Скажи, Тин, что ты видишь?

– Мел, – он взглянул в потолок с рунами-искрами. – Любовь – это сила слабого.

– А я, дура, перепутала...

От её крика листья на стеклянном дереве зазвенели. Тин попытался отнять боль, но на этот раз ничего не вышло – Лоран билась в его руках, а он ничем не мог ей помочь.

– Контакт. Нужен контакт с кожей... – он сдёрнул шаль и разорвал платье Лоран. Девушка вдруг резко затихла. – Их нет, Лона. Они пропали! Исчезли!

– Конечно, – она шептала сорванным голосом куда-то в грудь Тина. – Я излечила их.

– Но как? Не понимаю.

– Я приняла себя. Приняла себя такой, какая я есть – пусть и магиня, но всё-таки слабая женщина. И я приняла свою любовь к тебе, Тин. К тебе, мужчине и чёрному магу. И куда более сильному, нежели я, чародею... – Лона отстранилась, чтобы видеть его глаза. – Только не обижай меня больше, ладно?

– Никогда. Обещаю!

Как?! Как же ей теперь сказать всю правду?!

– Бзо и шуршевый медвежонок!!! Что же тут за разврат массовый творится? Да прямо под Ключом!! Вам келий своих недостаточно?!!!

Подмастерья, разом вздрогнув, обернулись на гневный голос. Зелн со стеклянным, наполненным водой ведром и половой тряпкой в руках смотрелся бы комично, если бы не белое от дикой ярости лицо.

– Рыско! А ты-то что?! Взрослый мужик – схватил бы этих кроликов и на мороз вышвырнул. Вот пусть там и тискаются!

Тин было вскочил, но догадался посмотреть на Лону. Та в разодранном и разъехавшемся платье выглядела, как жертва необузданной страсти. И всё равно прекрасная... Спohватившись, Тин стянул с себя камзол и облачил в него девушку. Та несмело улыбнулась.

– Выметайтесь отсюда!!! – рявкнул Зелн.

– С удовольствием... – Тин поднялся.

– Нет, – холодно возразил Рыско. В подбородок тёмному подмастерью ткнулось нечто холодное, продолговатое, наполненное магией. Жезл. Чужой, потому опасный. – Сначала мы кое-что отсюда возьмём. И прогуляемся.

* * *

Когда Лоран выгнала прочь Тина, а тот, в свою очередь, ушёл, почти уполз побитой уличной шавкой, Угрюмец понял – Свет на его стороне, на стороне его любви и красть Ключ не имеет смысла... тем более что в руки артефакт не давался, а левитация, как и прочая магия, на

него не действовала. Но потом Лоран закричала – припадочная! – и Тин прибежал к ней.

Они целовались-миловались, лепетали о любви, чуть не отдались друг другу прямо на глазах Угрюмца. По всей видимости, это доставляло им удовольствие... Ну что же! Раз так, то здесь Угрюмцу искать больше нечего, ибо способ выкрасть Ключ был отыскан. Только вот, Зелн вернулся не вовремя, но что может ученик против подмастерья...

– Рыско? Ты сдурел? – поинтересовался Старший Белого отделения. – Ты опять нажрался?

– Стой, где стоишь, Язва!

– Иначе что? Ты заклеишь Тинни Светом и личной силой через свой жезл? – хмыкнул Зелн. – Да пожалуйста! Никогда не питал к нашему господину Презрению дружеских чувств...

Угрюмец осознал, что с захватом тёмного подмастерья дал промашку – Старшие двух враждующих Отделений славились особой, неповторимой «теплотой» отношений. Впрочем, не беда – для заложника есть кандидатура получше и доступней. Резко оттолкнув от себя Тина, Угрюмец переместился к Лоран – девушка даже не успела подумать о сопротивлении, когда на нежную шейку дохнуло холодом металла.

– Звёздочка ассасинов, – прошептал тёмный подмастерье. Какое наслаждение видеть ужас в его глазах!

– Именно, Тинни, – подтвердил Угрюмец. – И по всем правилам она смазана ядом. Убивающим Свет... ведь ассасины принадлежат Тьме. Не так ли?

– Нет! Они принадлежат Ненависти! И ты тоже! – вместо молодого чародея ответил Зелн. – Поэтому яд не причиняет тебе вреда... Как ты мог, Рыско? Зачем тебе? Зачем ты стал магом Ненависти... ты – День... зачем?!

– Что ты несёшь, Язва? Какая Ненависть?.. Впрочем, неважно. Сейчас я заберу Ключ, – Угрюмец дёрнул висящую безвольным кулем Лоран за волосы. – Тинни, если не желаешь, чтобы твоя простыночка засмердела, возьми Ключ. Мы немного прогуляемся по Главели.

– Не трогай Лону, пожалуйста! – прошептал Тин и медленно, стараясь не терять из виду Угрюмца, двинулся к дереву, осторожно взял в руки шар. Тот вновь засиял. – Что мне делать дальше?

– Иди за мной. Зелн отвали!

Старший ученик сдвинулся в сторону и неуклюже задел ведро с водой. Оно упало, со звоном разбиваясь вдребезги – от неожиданного звука рука Угрюмца дёрнулась и полоснула звёздочкой беззащитную шейку Лоран. Однако раны нанести так и не успела.

Тин, видя, что его возлюбленной грозит теперь уж точно неминуемая смерть, отбросил злосчастный артефакт и кинулся на помощь, но он не мог опередить быструю руку... Зато это сумела вырвавшаяся вдруг из его груди птица – она чуть заметно искривлённым клювом выхватила у Угрюмца смертоносную звёздочку. В следующий миг Лоран и Тин оказались на полу, негодные к сопротивлению, но живые и очень далеко от ассасина. Щеку тёмного подмастерья рассекала тонкая кровотокающая царапина.

Рядом был только мокрый Зелн, который сплёл пальцы в замысловатой фигуре и произнёс первое слово неведомого заклинания.

– Язва, ты полагаешь, что ученик способен справиться с подмастерьем? – хмыкнул Угрюмец и тотчас нанёс магический удар, однако ничего не произошло. Более того, его спеленали воздухом как мумию бинтами да к тому отрезали от силы.

– С таким, как ты, смогу, – Зелн даже не вспотел. И от Старшего веяло такой мощью, каковая Угрюмцу не виделась и во снах.

– Что ты делаешь? Помогаешь тёмному?!

– Нет. Во-первых, я спасаю двух представителей Гильдии. А, во-вторых, да, помогаю. Друзьям.

– Тинни – твой друг?

– Представь себе, Угрюмец. И если бы ты хоть сколько-нибудь интересовался делами Школы или умел шевелить мозгами, ты бы сообразил, что Тин не имел возможности проходить на территорию Белого отделения без моего на то разрешения, – неожиданно Зелн усмехнулся и обернулся ко всё ещё лежащей паре. – Вот только не понимаю, чем они там занимались по ночам целых четыре года!

– Изучали на примере процесс размножения, – сплюнул на сверкающий пол ассасин.

– Я также думал до сего дня, но, Рыско, – нет. Знаешь ли, Ключа может коснуться лишь чистый телом и помыслами.

Оказавшийся в центре внимания удивлённых глаз, в том числе и глаз Лоран, Тин явственно покраснел.

– Э-э, насчёт помыслов – это вряд ли, – пролепетал он.

– Ай, – отмахнулся Зелн. – Лично я считаю, что хотение своей женщины – помысел почище, чем наоборот... тем более – жениху свойственно желать невесту.

– Невесту? Жениху?

– Ну да, Рыско. Перед тобой младший граф Яруш – Тиллон – и его невеста Лоран, урождённая Орлеш. А ты не знал?

– Этого и я не знала! – магиня вскочила.

– Ой, – от неожиданного открытия Зелн чуть было не растерял концентрацию и не упустил пленника, но к счастью в Радужный зал вошёл Мехен Златоликий. – Мастер! Нам нужна ваша помощь!

– Вижу, – хмыкнул боевой маг, и Зелн отлетел в ближайшую колонну, чары с Угрюмца исчезли. – Кто из них?

– Оба. Но Лоран просто не под силу долго нести шар.

– Значит, девку убей. А вы, граф Тиллон, поднимаете Ключ и, не сопротивляясь, идёте впереди меня.

– Обойдётся, – хмыкнул Эфель Душевный и приложил белого чародея по голове ручкой от своего кукри. – Всегда мечтал это сделать.

* * *

Вызов на общий сбор Круга Старших пришёл к Керлику, когда Чёрный замок погрузился в тишину (наконец-то!) и уставший, расслабившийся маг уже засыпал.

Чародей вздохнул, но покорно оделся, однако на сбор отправился не сразу. Сначала Керлик подготовил пути отступления – прошлого перемещения в Главель за глаза хватило – и просветил остающихся в замке об их обязанностях.

Для Литы отец оставил записку.

* * *

Двойная смена «власти» в Радужном зале произошла на редкость быстро и незаметно. Убедившись, что физическая расправа им не грозит, Тин обернулся к Лоне. Теперь она знает правду. Теперь она вряд ли поверит объяснениям и уверениям, она даже слушать не станет – слишком долго ей лгал Тин. А Лона – гордая дочь Орлов. Тогда он хотя бы в последний раз на неё посмотрит.

Запомнит.

Шелковистые длинные волосы непривычного для имперской аристократки коричневого оттенка. Иногда даже почти чёрные, порой янтарные. Кое-где пробивались тонкие нити серебра – нет, не символ пережитого позора и страха, а касание магии. До Тина доходили рассказы, что Лона вначале своего ученичества, не без помощи сокурсников-мальчишек, напутала состав какого-то зелья, в результате чего осеребрила себе волосы. Краска оказалась долгоиграющей – родной коричневый цвет вернулся быстро, но время от времени какой-нибудь отдельно взятый волос или даже целая прядь принимали на себя зачарованное серебро. Лону прозвали на Отделении Среброволосой – для мага почётное имя.

Белоснежную кожу лица, шеи, рук. Это только по зиме. Лона от природы, как и всякий Орлеш, была смуглой и летом, на ярком солнце облачалась в лёгкую одежду янтарного загара. Отличительная черта, родовая гордость и признак Орлов.

Тонкие пальчики, на которых никогда не сверкнёт обручальное кольцо Ярушей. Такие нежные, ласковые. Когда они касались лица Тина... даже в заслуженной пощёчине... он забывал обо всём. Как приятно было ощущать эти пальчики, зарывающиеся в его волосы. Как

он любил прятать маленькие ладошки Лоны в своих ладонях... Сейчас эти изящные пальчики стиснуты в гневные кулаки на двойном кулоне – орёл древнего рода и хрусталь белых магов – и прижаты к груди.

Стыдно признаться... Тин никому и не признавался. Он в первую очередь обратил внимание на грудь Лоны, тогда такую маленькую, только появляющуюся. Но Тин был всего лишь мальчишкой, который впервые видел столько разнообразных женщин вокруг – раньше юного графа держали взаперти в нескольких комнатах, одного, к нему пускали лишь троих слуг. Всяко – не женщин. Слишком ужасен оказался дар маленького Тина. Ужасен в своей бешеной несдержанности. И только к первому совершеннолетию дядя уговорил отца отдать молодого чародея в Гильдию, в столицу, под пригляд и прямую ответственность дяди.

При первом взгляде Тин заметил в Лоне женщину, непонятное ещё для себя существо, а при втором – страдающего человека, нуждающегося в помощи. Тогда гибельный, неподвластный хозяину дар вдруг сделал хорошее дело, воистину хорошее...

Тин навсегда запомнит и тот момент, и ту Лону. И сегодняшнюю – тоже.

Губы. Нечувственные – тоже отличие Орлов. Как и Ястребов, но Тин не унаследовал от отца этой черты. Губы Лоны кривились в высокомерной ухмылке, но Тин видел, что скрывается за этой маской, и пытался стянуть её, выставить напоказ всем нежную приятную улыбку... Хотя сам понимал, что пока не избавится от своего грима-презрения, ничего не выйдет и с Лоной.

А затем взгляд зацепился за глаза. И уже не было возможности оторваться от них.

Непостижимого цвета – медовые. Они зимой напоминали о лете, а весной – об осени, но никак не наоборот. Они мерцали по ночам и темнели днём. Они притягивали, заставляли замереть и смотреть, тонуть. Только бы видеть их! И чтобы ни одной, ни единой даже очень маленькой капельки слёз...

Вот на миг мёд исчез за ресницами, и Тин зажмурился. Он боялся заметить искру гнева и ярости, он хотел запомнить Лону ласковой и нежной. Нет...

Глаза распахнулись под напором слёз, рот растворился, чтобы выдать крик-писк, – ухо обожгло мимолётной болью.

– Всё, – тихо проговорила Лона и отпустила Тина.

– Что?

Она повела глазами вниз. Юноша послушно посмотрел на орла – одного из хвостовых перьев не хватало. Серьга. Если невестам дарили кольца, то женихам – серьгу. Обычай, пришедший в незапамятные времена с Юга и распространившийся повсеместно по империи. Серьга – приметна, почти часть тела, её так просто не снимешь, чтобы забыть.

– Что?

– Я ведь это знала, – то ли ответила, то ли высказала собственные мысли Лона. – Догадывалась, но снова боялась себе признаться, объяснить, что оно значит. Ведь ты пел мне колыбельные, изгонял кошмары, а я слышала клёкот. Клёкот ястреба!

– Ты...

Девушка осторожно взяла лицо Тина в свои ладони, заставляя молчать.

– Бедненький! Что же ты чувствовал, узнав мою историю! Но ты ведь не виноват – это был исключительно мой выбор.

А потом она просто взяла и поцеловала его. Голова закружилась, и Тин повалился на пол. Или он там и находился? Тин ничего уже не замечал, не понимал. Его занимало только одно – даже зная правду, Лона любит его!

* * *

– Зелн, ты там живой?

– Да вроде как, Эфель, – хмыкнул Старший ученик. – Чего не скажешь ни о многих артефактах, ни о моей самооценке.

– Ну, – фыркнул в ответ глава Чёрного Круга. – Мехен всё-таки мастер первого уровня и постарше тебя будет этак на век!

– Постарше! Первого уровня! – пробухтел недовольно Зелн. – Во-первых, это

элементарное заклятье, которое я сам неоднократно применял и от которого успешно отбивался. А, во-вторых, ты меня предупредил, что никому, кроме тебя и Нова, верить нельзя. А я... «Мастер! Нам нужна ваша помощь!» Тьфу!..

– Да ладно тебе, со всеми бывает – я, например, в Мехене сомневался. Он же Врата по-настоящему, рискуя жизнью, закрывал!

– Предположим, не он, а Романд... Тебе помочь?

– Сам справлюсь, – Эфель повёл руками над бездыханным телом светлого мага – то пропало. – Здесь осторожность и аккуратность не требуются – Мехен не ассасин... Кстати, об ассасинах. Зелн, ты что за комедию ломал? Любитель спектаклей! Ещё мгновение – и девочке конец бы пришёл!

– Ой-ой-ой! Помолчал бы! – белый чародей скривился так, что чёрному стало немножко стыдно. – Сам ведь тоже стоял в сторонке и не вмешивался. И правильно – Тин молодец, сделал всё как надо. И эти двое разобрались друг с другом!

Маги обернулись к обсуждаемой молодёжи. Те и впрямь разобрались и продолжили усиленно это делать – слёзы на глаза наворачивались от умиления.

– Кха, пойдём отсюда, что ли? – предложил Зелн. – Нехорошо. Хотя местечко они выбрали...

– Нехорошо? Местечко?! – Эфель на мгновение застыл, что-то прикидывая в уме, и рванул к позабывшей окружающей Мир паре, подхватил лёгкую Лону. – Не-не-не, он мне девственником нужен!

– Дядя! – возопил побагровевший Тин. – Как вы о нас думаете! Кто мы по-вашему?!

– Ну-у, на радостях всякое случается, – пробормотал пристыженный чародей. – Вы ведь решили пожениться, так ведь, Лоран?

Девушка, мило порозовев, кивнула. Говорить она, казалось, разучилась.

– Вот через два месяца устроим вам свадьбу.

– Но почему так долго? – нет, не разучилась.

– Что вам стоит? Четыре года терпели – ещё два месяца подождите! – Эфель улыбнулся. Осторожно, робко, умоляюще, чтобы молодые ни в коем разе не сочли это за насмешку – ведь её нет. – Мы такую вам свадьбу организуем! Пышную, красивую! Императора с престолонаследником пригласим. А как ваши родители порадуются – ведь они вам ничего дурного не желали! А тут такое счастье, свидетелями которого они уж и не чаяли стать!

Лоран и Тиллон переглянулись, пожали плечами, улыбнулись только друг для друга. Они подождут. Главное они уже выяснили – они любят и любимы. Им не надо ни прятаться от чужих глаз, ни скрывать друг от друга неприглядные тайны. И ещё они могут принести кому-то радость... Когда знаешь, что такое боль, ведаешь и как приятно дарить кому-то радость.

– Хорошо, – согласилась Лоран.

– Только... дядя, зачем я вам понадобился девственником?

Эфель поражённо хмыкнул – это был всего лишь вопрос, желание выяснить непонятную ситуацию. Маг вздохнул. Насколько же он стар и циничен, если позабыл, что случается вот и такая, искренняя и чистая любовь.

– Затем, Тин, что ты у меня тупица.

– Что?

– То! Сколько раз я тебе говорил не трогать артефакты, о назначении и применении которых ты не знаешь?!

– Вы про Печать, дядя? – юноша недоумённо нахмурился. – Но я знаю...

– Неужели? Понадобился весь Круг Старших, чтобы разорвать... нет, не верно, истончить связь Печати с Романдом! И вот, когда нам срочно потребовалась Печать, мимо пробегает очередной мальчишка и замыкает её на себя!

– Дядя, следовательно, я могу её использовать – проблем-то.

– Не можешь! Для использования нужна составляющая Света, а в тебе этой гадости ровно настолько, чтобы любой желающей знал, какой у меня робкий и стеснительный племянничек... извини, Лоран.

Девушка улыбнулась и ласково, успокаивающе погладила возлюбленного – тот было напрягся, но мгновенно расслабился. Понял, что последние слова Эфеля всего лишь безобидная

мужская подначка-шуточка.

– Если я не могу работать с Печатью, пусть через меня кто-нибудь из белых действует, раз уж время поджидает.

– И кому ты, тёмный, себя не побоишься доверить?

– Лоне.

Глава Чёрного Круга окинул юную магиню внимательным, оценивающим взглядом.

– Сможешь, Лоран?

– Да, – уверенно ответила девушка.

– Вот и ладненько, – неожиданно вклинился в беседу Зелн. – Эфелюшка, может, отправишь ребят спать? Уже рассвет, а они здесь целную ночь маялись. Да и с Ключом работать, не отдохнувши, опасно. И, кажется, я слышу, что Круг Старших зовёт тебя на сбор.

Челюсти подмастерьев отвалились от явного нахальства Старшего ученика. Эфель озадаченно нахмурился.

– Зелн, что ты здесь делаешь?

– Любуюсь на великого чёрного магистра? – предположил чародей.

«Великий чёрный магистр» лицом превратился в сплошное недоумение. Затем вдруг хлопнул себя по лбу.

– Тьфу! Склероз! Всё забываю тебе сообщить! Зелн, позор ты наш гильдейский, у тебя через седмицу Испытание.

– Что? – возопил обиженный ученик. – И как вы это провернули? А? Как вы сумели собрать Экзаменационную комиссию только для того, чтобы в очередной раз не вручить мне жезл?!

– Какой жезл? Какая Экзаменационная комиссия? – мгновенно вскипел чёрный маг. – У тебя Испытание на мастера третьего ранга! Это в компетенции Круга Старших!

– Нет! Какой мастер третьего ранга?!

– Ай, а ты собираешься сразу на второго? – Эфель изумительно улыбнулся и стало очевидно, что до этого чародей просто-напросто измывался. – Зелн, я верю, что ты пройдёшь Испытание, но я бы не советовал. Побудь годика два всё-таки мастером третьего ранга. И проще, и попривыкнешь.

– Я Нову буду жаловаться!

– Это его позабавит. Я лично считал, что ты и пятым рангом обойдёшься.

«Ученик» открыл рот, чтобы разразиться возмущённой репликой, но ограничился изображением выброшенной на берег рыбы. Затем помотал рукой, нахмурился... и расплылся в довольной улыбке. По всей видимости, Зелна осенила гениальная мысль.

– Мастером? – пробормотал он. – Мастером! Это же выходит, что жениться я не должен!.. А, ну тогда согласен! Я пошёл!

Чародей, даже не глянув напоследок на зрителей, вылетел прочь из Радужного зала. В следующий миг под стеклянным деревом образовался маленький воздушный вихрь. Он не спеша двинулся к стенам – занялся банальной уборкой.

Эфель некоторое время смотрел на самоуправство стихии Воздуха, затем хмыкнул.

– Хорошую всё-таки Нов себе замену вырастил. Даже как-то совестно мальчику сообщать, что невесту ему сам Имлунд Зелеш подбирал, а мы согласились... Нет! Это не Магическая гильдия! Это какой-то филиал владений Змей! Да, чтоб тебе там, в посмертии, икалось Зелеш Офидийский!!!

– М-м? – подала голос Лоран.

Глава Чёрного Круга обернулся к подмастерьям. Обручённые, мило обнявшись, круглыми глазами взирали на тёмного магистра.

– Дети, вы бы вняли доброму совету – идите спать!

– Зелн – мастер? – проигнорировала Эфеля Лоран. – Но ведь он даже не смог получить жезл!

– Не захотел, – возразил тот. – Если человек истово не желает быть подмастерьем, зачем его им делать?

– Но мне показалось, что и мастером он тоже не хочет быть, – удивился Тин.

– Э нет, мастером он уже является.

– Но это получается, что он...

– Да, Лоран, – Эфель тепло улыбнулся. – Он приглядывал за вами всеми. Но, девочка, то, что не касалось учителей, до них и не доходило – Зелн умеет хранить тайны. Впрочем, ваша любовь слишком сильна, чтобы её скрыть от кого бы то ни было... зрячего. Вы идите. Я же вижу: вы на ногах еле держитесь – поиски себя отбирают силу. Идите.

Пара мило улыбнулась в ответ и, всё так же обнимаясь, удалилась. Магистр не сомневался – в келью Лоран, но он не стал напоминать о своей просьбе. Он верил в этих двоих. И он знал, что они достойны доверия.

– Пойдём, Рыско, – Эфель обернулся к ассасину. Тело юноши было спутано заклетьем подчинения – магия Земли и Пси. – Тебе предстоит долгий разговор.

– Меня арестовали?

– Да, – чародей в недоумении посмотрел на пленника. Тот так ничего и не понял. Как грустно!

– И по какому обвинению? Попытка украсть Ключ?

– Убийство.

– Но если мне не изменяет память, покушавшихся на жизнь императора казнили!

– Я ничего не говорил об императоре. Но спасибо, что напомнил, – Эфель покачал головой. Ему была жаль этого недалёкого, запутавшегося в чужих интригах мальчика. Искренне жаль. – Предупреждая твой вопрос, никого не казнили. Это маленький спектакль.

– Император достоин смерти! Я знаю! Мне известно, что именно он убил своего отца! Значит, он считал, что их род недостоин короны Гулума – я всего лишь помогал ему! – возопил Рыско. Белоплащик ему всё рассказал о мятеже.

– Нет, ты не прав. Льеэфа Л-лотай не убивал отца, хотя и оказался невольным посредником. За что его величество заплатил и очень дорого! – Чем же забита твоя голова, мальчик? Почему твои глаза закрыты? Отчего ты глух к словам? – Но не беспокойся, император не станет обвинять тебя в попытке убить его. Ему всё равно... Однако из-за тебя чуть не погибли госпожа Руника и престолонаследник. За сына прощения не жди.

– Сына?... – Рыско отмахнулся от «глупости». – Тогда не понимаю, в чём меня обвиняют?

– В убийстве, – повторился Эфель. – В убийстве без причины. И в преступлениях против Гильдии.

– Как я слышал, вы, магистр, тоже когда-то убивали без причины!

– Да...

Чародей не стал объяснять, что это вырвался на свободу его страшный дар, такой же, как у Тина. Учитель погиб от рук Хрона, друг за то возненавидел всех тёмных магов – и некому было помочь... Тогда Эфель носил имя Безумный. К счастью, друг опомнился и спас...

– Да, поэтому я тоже против тебя ничего не имею. И Новелль тебя простит, потому что он виноват перед тобою – он не заметил тебя, – тёмный магистр помолчал, давая возможность Рыско понять. Это шанс... Рыско не понял. – Отдельный человек, отдельный маг может тебя простить, но не Гильдия. Гильдия не прощает!

– Гильдия! Да плевал я на Гильдию! Не будет теперь Гильдии! Скоро! А из меня вы ничего не вытяните – хоть триум собирайте! Потому что я ничего не знаю!

– Жаль... – Эфель без труда перехватил необычное с точки зрения юноши заклетье. – Я сражался и против истинных ассасинов. А ты всего лишь ученик.

– Я подмастерье! – взвыл Рыско.

– Нет, – чародей снова покачал головой. – Ты получил жезл, потому что тебя пожалели...

Мир для Угрюмца померк. Эфель взял за руку безвольное и сейчас безразумное тело и повёл за собой. В глазах магистра Тьмы стояли слёзы. Это мы тебя упустили. Как жаль. Как жаль, что ты не воспользовался данным тебе шансом. Мы надеялись, но... Как жаль!

Круг Старших ждал.

* * *

Чёрный замок наблюдал, как просыпается его молодая хозяйка. Вот она сладко потянулась, словно её пантера-подруга, проверила детей. Затем отправилась к хозяину, но

нашла только бумажку. Чёрный замок беспокоился – ему очень не хотелось, чтобы недавняя история с побегом повторилась. К тому же, хозяин теперь не ставил никаких заклятий. Но хозяйка флегматично пожала плечами и принялась наводить порядок в своих владениях.

Замок был рад до такой степени, что не заметил очередного гостя. Женщину в сияющем длиннополом плаще.

Глава 17 Предназначение, или Агрессивная приманка

Зал опустел – Волки вывели членов Совета, маги исчезли сами. С Эфой остались верные телохранители да Новелль с Феллоном. Каждый на своём прежнем месте, каждый в глубокой задумчивости. Напротив главы Круга Старших присела Алай Строптивая. Она пустыми далёкими глазами смотрела на кресло Имлунда – кто-то из магов успел шепнуть ей о гибели Директора родной Школы.

– Ваше величество, у вас ко мне есть вопросы? – вдруг очнулся новый герцог Зелеш.

Выглядел он как-то по-другому, необычно, не как всегда. Что-то в нём изменилось. В нём не было ни холодности, ни надменности, ни презрения. Впрочем, рядом с императором никто не выказывал подобных чувств – слишком далёк правитель сам по себе, не дотянуться. Но Феллон вполне мог это сделать – он как наследник рода Зелеш и один из спасителей императора знал многое.

Теперь ещё больше.

И всё-таки герцог дал волю только усталости.

– Нет, Фел, – вздохнул император. – Из нас двоих, как мне кажется, вопросы должны быть у тебя.

– К вам? – Феллон покачал головой. – Скорее, они имеются к отцу... Прошу простить меня, но если я сейчас не нужен империи, то позвольте откланяться. Я с дороги – хотелось бы выспаться.

– Иди... И всё-таки нам надо поговорить!

– Возможно, Эфа. Но не сейчас.

Герцог встал, вежливо – Зелеш всегда вежливы, даже тогда, когда при всех безжалостно втаптывают в грязь их честь, – кивнул и вышел прочь из зала Совета. Дороги он не спрашивал – в Императорском дворце у Феллона имелись роскошные апартаменты.

Апартаменты, которые никогда не станут императорскими покоями. Всё по воле Имлунда Зелеша. Всё – по воле твоей!

– Каллей, Галло, – Эфа дождался, когда за герцогом затворятся огромные резные двери. – Присмотрите за ним.

– Хорошо, – кивнула беловолосая воительница, но с места не сдвинулась. С её мужем в разговорчивости и подвижности могли поспорить разве что две колонны, подпирающие потолок за малым троним императора. И, пожалуй, колонны не проиграли бы. – Я позову гнома.

Женщина потянула за кожаный шнурок на шее – из-за ворота показался каменный шарик. Скорее зелёный в крапинку катыш, ласкаемый долгие годы морской водой, чем творение рук разумного существа.

– Не надо, – остановил воительницу Эфа. – Брожа с «Волками». Он мне нужен там. При герцоге следует быть вам.

– Ладно, – Галло не спорила. – Каллей догонишь?

– Оба. Прошу вас!

– Мы твои телохранители, а не его! – вскинулся воин.

– Но вы же хранили Романда от опасности, – возразил император.

– Мальчика хранили его сила и Мир. Мы были лишь орудием Мира, одним из многих... – Каллей помолчал. – К тому же, защищать твоего сына, Эфа, – честь и радость. Даже если ты и посчитал нас недостойными знать твою тайну.

– Это не моя тайна. Была... Я прошу вас! Как друг! Защитите Феллона. Он сейчас стоит

перед тронном Гулума и имя Зелеш теперь герцогу не защита!

– Как и тебе! – напомнила северянка. – И мы помним, чем для тебя закончилось наше отсутствие рядом с тобой прошлой осенью.

– Сейчас я не один. Со мной магистр Новелль, глава Магической гильдии! Вам недостаточно?

Оба воина повернулись к белому магу.

– Я пока никуда не собираюсь, – уверил он телохранителей. – У меня слишком много дел к императору, чтобы позволить ему избавиться от моего общества. К тому же, если вам нужно видеть рядом с Эфой бойца, то и госпожа Алай Тхай пока здесь. Каллей, ты сам, я помню, однажды назвал её северянкой. Я сомневаюсь, что ты и твоя жена из тех людей, кто расточает незаслуженные комплименты.

– Ну, смотрите, – хмыкнул воин. – Если Эфа отправится к своим богам и предкам, то мы не поглядим на всю вашу силу – расплатитесь, что мало не покажется! – телохранитель переключился на господина. – А ты, Эфа, не забывай: женщинам Севера доступна некромантия. Галло – в том числе. А я знаком с магией Духа. Твой путь к богам, Эфа, будет очень долг. И это – угроза.

– Не беспокойся, Лей, – из неприметной двери за малым тронном вышла черноволосая женщина. – С ним буду и я. Вам не понадобится некромантия и шаманство.

– Вам, госпожа Руника, мы доверяем, – воины поклонились и, прекратив спор, двинулись следом за новым герцогом Зелешем.

– Вот теперь мы можем спокойно ожидать нападения, – хмыкнул Новелль. – И на Феллона, и на тебя, Эфа.

– Теперь ты мне всё объяснишь, Нов! – рыкнул раздражённый император.

* * *

Женщина в светящемся плаще с интересом изучала Чёрный замок. Она передвигалась полупрозрачным призраком из комнаты в комнату, плыла по коридорам и галереям, поднималась по лестницам. Тихая и незаметная. Ещё одно привидение из сонма других, неожиданно нашедших последний приют под кровом тёмного мага.

Она не спешила в помещения, где горели факелы или волшебные лампы, и уж точно не стремилась попасть туда, где царил дневной свет, пробравшийся внутрь каменной громады замка через незашторенные окна. Но в темноте женщина не заметила ничего достойного внимания. Тогда незваная гостья изменила тактику. Теперь женщина ориентировалась только на тишину. Это решение принесло свои плоды.

После получаса блужданий гостья наткнулась на очевидно кабинет господина. Пустой. Но не совсем: на огромном столе, клеймящем хозяина как обладателя дурного вкуса, сладко похрапывал кусочек пушистого белого меха. Женщина, пискнув от умиления, попыталась ласково погладить находку, но белоснежная шерстка вдруг заискрилась и наградила возмутительницу спокойствия маленькой молнией. Станный зверёк и не подумал проснуться.

– Хранитель Света? – женщина скорее удивлённо, нежели возмущённо рассматривала пострадавшие, в синих отметинах пальцы. Руку на миг свело в судороге. – Зачем Хранитель Света в обители мага Тьмы?.. – гостья озадаченно нахмурилась, но через миг её лицо разгладилось. – Или мне просто не о чем беспокоиться? Это было бы хорошо. Очень.

Она выскользнула прочь из хозяйского кабинета. Теперь женщина двигалась прямо на голоса.

Келейта Всевидящая, божественная Уединения Ясности, желала встретиться со своей дочерью Лилией Хрон.

* * *

– ...скажем так, мне кажется, что нападение на Главель началось несколько раньше запланированного, – Новелль внимательно посмотрел на каждого из слушателей.

Чародей и не подумал пересесть поближе к императорскому трону, в результате чего Эфе

для нормального, спокойного разговора пришлось занять место рядом с Алай. Император был благодарен магу за отсутствие внешнего почтения – стулья по сравнению с тронном казались воздушными облаками рядом с острыми скалами.

– Это и мне ясно. Если считать, что Гильдия на стороне империи...

– Гильдия на стороне империи в лице тебя, – уточнил Новелль.

– Да, – кивнул Эфа. – Но сейчас все те, кто выступает против лично меня, действуют и против Гулума. Возможно и не осознанно, но сути это уже не изменит – из твоих слов, Нов, я понял, что нынешние мятежники обратились к внешним силам.

– Верно.

– Так вот, если считать Гильдию сторонницей империи... а ни у кого нет причин считать иначе, даже если это в действительности не так... то, на мой взгляд, несколько глупо нападать на Главель во время ваших экзаменов.

– Ты имеешь в виду количество магов в Главели? – усмехнулся глава Круга Старших. – Как раз здесь ты ошибаешься. Экзамен на ранг Подмастерья приводит в столицу многих и, что существенно, малознакомых между собой чародеев. К тому же, в Гильдии...

– Раскол? – в ужасе вскинулась Руника.

– Нет, что ты, моя девочка, – маг устало покачал головой. – Предательство. Впрочем, иной раз мне чудится, что это много хуже раскола. В расколе хотя бы всё расставлено по местам, с предательством ничего не известно.

На миг в зале воцарилась тишина. До слуха донеслось лёгкое хлопанье тяжёлых гобеленов на сквознячке, покашливание за дверьми рыцарей из Парадной стражи.

Трудная у ребят работа, опасная. Если произойдёт нападение, то расфуфыренные точно веерные птицы стражники сгинут первыми, ибо они чересчур яркая и удобная мишень для врагов. Привратники, так их называли, знали всё о своей участи, но продолжали беззаботно играть свою казалась бы глупую роль – они отвлекали внимание от истинной охраны дворца.

– Но ты прав, Эфа, нападать во время экзаменов глупо. Сейчас, – продолжил Новелль, – следовало лишь привести своих людей, укрепиться в Главели. И прочая. Начинать действовать лучше ранней весной. Хорошее время с любой точки зрения, только не оборонительной. Однако обстоятельства...

– Романд? – догадался император.

– Да нет, – чародей досадливо хмыкнул. – Романд-Романд. Знать бы, что с ним делать... Однако на данный момент мальчик не из важных фигур. Конечно, когда малыш притаился на экзамен, как-то было бы странно, если предоставленным шансом не воспользовались бы. Несмотря на потерю мальчиком невинности, Ключ... ну, тот самый артефакт, который иномирцы использовали для вторжения... связан и достаточно крепко с Романдом. И, честно признать, мы пока не отыскали способа разорвать эту связь, кроме как...

– Убийства Романда, – закончил Эфа. – Но зачем мятежникам Ключ? Я ещё могу понять обращения к силам разрушения, ибо они принадлежат нашему Миру. Но ваш Ключ приведёт толпы иномирцев... Или эти идиоты полагают, что в состоянии вызывать подмогу в том количестве, в котором сами нуждаются? А потом отправлять её обратно?

– Возможно. К тому же, ты уверен, Эфа, что мы имеем дело не с представителями той стороны? Я смотрел на тот Мир глазами Романда и его посредника. Мальчики заглянули туда, когда работали с Ключом, но к их счастью разумом не запомнили увиденного. Тот Мир буквально рвётся по швам. Он не умирает, он готов существовать дальше и порождать новую жизнь, но беда его в том, что он не в состоянии вместить эту жизнь в себя. Его представители без усталости ищут другие Миры и, насколько я разобрался в ситуации, довольно-таки часто находят. Но не каждый Мир им подходит. А если и подходит, то его ещё требуется подготовить.

– И ты, – император усмехнулся, – считаешь, что в основе мятежа стоят такие глобальные силы и стремления?

– Нет, я просто говорю, что это более чем вероятно, – Новелль вернул собеседнику холодную ухмылку. – Я бы склонился именно к этому предположению, если бы Ключ создали пришельцы. Но он творение нашего Мира. Что он собой представляет? Для чего он? Почему... Кто знает...

– Ублюдки!!! – Алай, треснув ладонями по столу, вскочила. – Побери вас Тьма и ослепи Свет! Вы ведь не уничтожили эту дрянь из простого любопытства!

Эфа и его сестра застыли. Они понимали, что рыцарь права, но и знали, что испытывать терпение Новелля Спящего не следует. Однако тот отнёсся к гневной вспышке воительницы спокойно.

– Наверное, – маг флегматично пожал плечами. – Ключ действительно необходимо уничтожить, но... мы не можем.

– Почему?! – потребовала женщина.

– А ты бы смогла сломать хороший меч, зная лишь то, что клинок смазан смертельным ядом?

– Смогла бы, – без раздумий ответила Алай. – В особенности, будучи в курсе того, что я не в состоянии удержать этот меч, а мой враг – вполне.

– Значит, ты сильнее нас, воин, – Новелль поднял руки вверх, предотвращая крики возмущения. – Не беспокойтесь! Сейчас этот отравленный меч в безопасности. Более того, сейчас это даже не меч, а приманка в лисьем капкане. Мы собираемся вычистить ряды Гильдии, – чародей опять замолчал и снова открыл рот, чтобы тихо добавить. – Хотя бы частично...

Поражённые откровением слушатели во все глаза уставились на мага.

– Ну и что вы так на меня вылупились? У меня рога неожиданно выросли?.. Хотя зная мою жену, могли и вырасти... – Новелль скривился.

– Почему же ты сидишь здесь, а не караулишь свой капкан? – изумился вслух Эфа, старательно игнорируя сомнительную шуточку.

– Это же лисий, а не медвежий капкан. Справятся и без меня! Но даже если на запашок польстится дракон, думаете, Эфель безрукий?

– Нет, не безрукий, – император прищурился и чуть повёл головой в сторону – признак недовольства, остался с тех пор (или появился?), когда его, ещё принца-наследника, пытались излишне близко да против воли познакомить с добротной пеньковой верёвкой. – Но если здесь находится сам глава Круга Старших Магической гильдии, не ожидается ли дракон где-то в окрестностях? Наживка-то из фактически последних представителей рода Зелеш явно не для лисьего и даже не для медвежьего капкана.

– Это точно, – согласился Новелль. – Но, мальчик, если бы до тебя дошёл слух, что желают выкрасть твою парадную корону, как бы ты повёл себя?

– Тебе честно или по существу?

– Если честно, то про это я и без тебя знаю. Ты вора доплатил бы за оказанную услугу... что, впрочем, не помешало бы тебе натравить на них Тайную стражу.

– Только после переплавки этой «божественной красоты»!

– Какая подлость! – Алай вновь резко и громогласно вклинилась в беседу и на этот раз решила не щадить «утончённо-нежный» слух окружающих негосподскими выражениями, но под тремя изумлёнными взглядами стушевалась и замолчала.

– Это всего лишь тонкий расчёт, девочка, – хмыкнул Новелль. – Ваш Директор ещё дождался бы, когда воры что-нибудь полезное из награбленного сделали!

– До этого и я бы догадался, – отмахнулся император. – Если же по существу, то я бы усилил охрану сокровищницы да ещё бы добавил ловушек и патрулей... хотя нет, патрули бросаются в глаза – воры насторожатся.

– Именно. Так мы и поступили. Единственно, мы всё-таки увеличили количество патрулей. Нам необходимо, чтобы воры насторожились. Кстати, о роде Зелеш, – глава Круга Старших обратился к Эфе. – Имеются и другие представители Змей.

– Если ты о девочках Фела, – понял император, – то в родовом замке они в полной безопасности. Да и убивать девочек глупо – при разумном подходе их можно сделать матерями своих детей.

Алай встрепенулась.

– Такова жизнь, – Руника осторожно сжала руку воительницы. – И наше счастье, враги просто-напросто не понимают, что таким образом они только продолжают род Змей.

– Что же ты, принцесса, не родила ребёнка?

– Ты имеешь в виду наследника? Но зачем, если он родился без моей помощи? – удивилась магиня. – Магистр Новелль, а что с детьми моего племянника?

– Эфель меня уверил, что замок Хрона неприступен. Трудно захватить даже деревенское кладбище, если на нём долгие годы проживает чёрный маг. Там, где обретает Керлик Молниеносный, когда-то хоронили оборачивающихся.

– Королей волколаков?! – в один голос воскликнули обе женщины, Эфа для разнообразия поддержал их молча. – Он ненормальный?

– Ну-у, – замялся чародей. – Это было довольно-таки давно, Эфель с трудом уловил ауру... Но вообще-то вы абсолютно правы – он ненормальный.

* * *

Келейта осторожно приоткрыла дверь и заглянула в комнату.

Супружескую опочивальню, даже если в ней находятся две колыбели с надрывающимися младенцами и спуют явно посторонние люди, женщина признала с одного мимолётного взгляда. И дело вовсе не в том, что в помещении встречались и женские, и мужские вещи – даже в спальне непримиримого холостяка можно наткнуться на флакон духов или кружевной платочек. Нет, это были ощущения.

В комнате, которую изучала Келейта, делили одну общую жизнь двое. Возможно, не очень удачно и умело, но вместе и, пожалуй, во всём. Делили, но при этом оставались самостоятельными личностями со своими привычками и вкусами.

Высоко, под самым потолком на гвоздиках-крючках висели колокольчики, между ними неожиданно затесалась охотничья бума. Ближе к двери в гардеробную или туалетную комнатку расположился небольшой зеркальный столик. Его сверкающую поверхность занимали склянки, флакончики и коробочки всевозможных форм и размеров, лежали гребни. Наверняка чем-то подобным полнились многочисленные ящички. Впрочем, не исключено, что в них хранились нитки, иголки и прочий инструмент рукодельницы.

К туалетному столику привалилась сложенная ширма, на резной спинке стульчика висели мужские панталоны в розочку. Это уже обыкновенный беспорядок.

В углу, у небольшого стеллажа, лишь наполовину заполненного книгами и свитками, а в остальном какой-то очевидно мальчишечьей дребеденью, стояла огромная плоская корзина. В ней лежали порядком измятые подушки.

Хозяйка, та, которую и искала Келейта, сидела на супружеском ложе и с опаской наблюдала за люльками и старухой, стоящей между ними.

– Любавуха, почему они постоянно плачут? – жалобно пролепетала Лилийта. Судя по сморщившемуся личику, молодая мать сама была на грани истерики.

Келейта с интересом рассматривала дочь. Пожалуй, несмотря на полноту, невысокий рост, бледность и преобладание во внешности черт ненавистных Хронов, девочка была красивой. Собственно, её папаша тоже уродством не отличался.

– Малютка, они плачут по разным причинам, – проскрипела старуха. – Например, они могут быть мокрыми или мучаются животиками. Или вовсе хотят привлечь внимание мамы.

– А сейчас?

– Сейчас, я думаю, они хотят есть.

– Но как же?.. – простонала Лилийта. – Что? Я не знаю. Я не умею... Я боюсь! Они маленькие!.. Не трогай – ты их раздавишь!..

– Тихо-тихо, – рядом с госпожой присела другая женщина. – Ничего страшного. Сейчас мы поучимся. Верь нам.

– Начнём с мальчишки, – старуха склонилась над одной из колыбелей. – Девочка у тебя вроде бы поспокойней.

Уже через мгновение, бесконечное для Лилийты и неуловимое для остальных, молодая мать с блаженной улыбкой наблюдала за причмокивающим довольным младенцем на руках. Казалось, ребёнок испускал мягкий, ласковый свет. Или не казалось?

– Он сияет! – поражённо воскликнула та женщина, что помоложе.

– Конечно, – Лилията теперь смотрела на сына гордо и вместе с тем спокойно. – Ведь у него папа великий белый маг! Вот, видите? У него даже волосы светлеют!.. Наверное, он потому и плачет, что ему не хватает внимания папы... – она судорожно всхлипнула. – Ну, где же он? Как мне его не хватает!

Ребёнок не отреагировал, просто-напросто заснув, что отвлекло его мать от очередной истерики. Лилията умолкла на полуслове и замерла, вновь рассматривая своего малыша. Теперь свет окутал и её.

– Проклятье! – прошипела сквозь зубы Келейта и было рванулась к дочери, но откуда-то с боку донеслись мужские голоса.

– Мастер Горша...

– Ньюка! Я не мастер!

– Мастер Горша, я не думаю, что сейчас можно заходить к госпоже Лите. Она с...

– Я видел, как она ходила по замку.

– И что? – изумился названный Ньюкой. – А ты, мастер, летаешь перед тем, как сходить в уборную, что ли?

– Э-э, – смутился Горша. Он обладал каким-то странным, но знакомым акцентом. – Ой, а что это?!

Келейта поняла, что её заметили, и кинулась прочь.

– Ты куда, мастер?

– Там стояла светящаяся женщина. Она подглядывала за нами!

– Призрак, наверное, – легкомысленно отмахнулся молоденький стражник. – У нас их много. А батя меня уверял, что раньше ещё больше было – жить не давали, любопытные бестии!

– Что-то я не замечал раньше!

– Ты у нас недолго гостишь, мастер. К тому же, весна приближается. Это новая жизнь, а призраки охочи до погляду на зарождение – сами-то они давно умерли.

– Я всё равно проверю, – недовольно буркнул Горша. – Не слышал я ничего о привидениях, которые охали, когда о дверь ударялись.

Келейта решила не искушать судьбу. Женщина взмахнула плащом и исчезла. Вслед ей сквозь пространство несло:

– А я тебе говорил, мастер!

* * *

– Ненормальный, – прошептала Алай.

Её рука сама собой коснулась шеи. В том самом месте, где её целовали жаркие губы Керлика. Так недавно и столь давно... Рыцарь полагала, что пережила те разочарование, ярость... и боль, когда исцелённый гость Уединения Ясности заставил свою врачевательницу желать греховных ласк. Когда он взял её за руки, притянул к себе и поцеловал.

Она искренне собиралась посвятить себя всю служению своему божеству, соблюдая обеты и клятвы. Ей было горестно и страшно, когда она поддалась безмолвным уговорам первого в своей жизни мужчины. Она стыдилась себя, но была готова кинуть (и кинула) всё к его ногам. Тогда ей показалось, что и он испытывает то же.

Тогда, окрылённая неожиданным счастьем, она ухватила Керлика за руку и потянула за собой, чтобы познакомить с божественной, покаяться и испросить благословения на брак, долгую счастливую общую жизнь. Глаза Керлика и божественной встретились – и Керлик пропал для Алай. Он пропал для всех, он видел лишь одну Келейту.

Алай потребовалось не так уж и много времени, чтобы понять: Керлик никогда не принадлежал ей, но он ничего и не обещал. Да и расстанься они по-хорошему, так, как надо, Алай бы остались лишь тёплые воспоминания о странном госте. Но божественная...

И вот они встретились вновь. Его губы снова коснулись её. Она поняла, что безумно влюблена в Керлика Хрона, в ужасного и ненормального чёрного мага. Одна ли она?

– Ну-у, для чародея Тьмы вполне логично поселиться где-нибудь в окрестности кладбища, – Новеллю определённо не хватало уверенности в собственных словах.

– Скажи мне, глава Круга Старших! – Алай резко отдернула руку-предательницу. – Почему Гильдия не уничтожила Хронов? Ведь вы сами называете их проклятием Мира? Или у магов нет сил? Или снова виновато ваше кошачье любопытство?

– Вот мы и добрались до сути, – светлый чародей безрадостно улыбнулся. – Убить Хрона нелегко, но если за это взяться, то всяко возможно.

– И ты говорил, что мятежники начали действовать, так как увидели способ убить Хрона! – ухватился за мысль Эфа.

– Именно, – кивнул Новелль. – Дело в том, что в Школе поработала мощная магия. Магия Хрона. Мы с Эфелем решили воспользоваться шансом и просто-напросто распустили слух, что готовим ловушку на Керлика Молниеносного. К нему самому я отправил Чёрный Круг...

– Оперативно работаете, – оценила Алай.

– Бывает. Но кто же знал, что этот умник действительно сунется в наши сети!

– А что такого?

– Ну да, спектакль удался на славу – наши дорогие мятежники вылезли из нор и теперь не останутся. Однако за папашей в Главель отправилась и дочурка. А вот это очень плохо... – маг вдруг заснул (или задумался?).

– И что?! – рявкнул император. – Что интересного в том, что Хронов могли прикончить? С точки зрения мятежников, я имею в виду.

– О-о, – нет, Новелль вовсе не спал. – Во время нападения девочка начала рожать. Теперь известно, что в Мире одновременно существует три поколения читающих, чего не было с тех пор, как Хрон основал род.

– И? – Эфа закатил глаза. – Маги не могут говорить сразу всё и ясно? Что такого в трёх поколениях Хронов? Для чего убивать читающих? И, с другой стороны, почему Гильдия этого не делала?

– А ты напряги мозги, мальчик. Вдумайся! Кто такие читающие?

– Те, кто читают?

– Да. А теперь следующий вопрос. Что они читают? Книгу Мира? Точно. Но почему они должны читать Её правильно? Кто тебе сказал, что читают они только Её? И наконец, что произойдёт, если найдётся кто-то умеющий писать, а читающие прочтут написанное?

– И? – на этот раз Эфу хором поддержали женщины. – Что?

* * *

Покинув зал Совета, Феллон скорым шагом двинулся в свои покои. Герцог не видел (и не смотрел), куда шёл – его вёл инстинкт наподобие того, который по осени тянет перелётных птиц к их гнездовищам на Юге. В какой-то момент «инстинкт» вынудил замедлиться, а потом и вовсе остановиться. Феллон огляделся.

Н-да, кажется, привычка решила власть поиздеваться над своим хозяином и творцом: перед герцогом в насмешливом оскале ощерился ход в Тронный зал. Отчего-то ворота были настезь распахнуты. Точно напротив Феллона, на небольшой площадке, подобии сцены, разместился огромный императорский трон. Для чьего зада создавали «креслице», сказать было трудно – таких щепок, как Эфа или тот же Романд, в оном разместилось бы до пяти штук без особого стеснения.

– Отец, что же ты задумал? – тихо пробормотал герцог. – Что?

Три ступеньки, ведущие к трону, на самом деле являлись телом каменной змеи – та окольцовывала площадку с «креслицем». Голова гадины нависала венцом над правителем, а янтарные глаза гипнотизировали всякого, осмеливавшегося нарушить тишину зала. Её гнезда. Угрожающе раздутый капюшон, служивший спинкой трона, предупреждал врагов, что их недобрым замыслам не суждено сбыться.

Сейчас глаза гигантской кобры из коричневой яшмы смотрели прямо на Феллона. Феллон – один из немногих, кто нисколько не боялся пронзительного взгляда. Признаться, герцог не обращал на оный внимания, занятый всегда одними и теми же мыслями. Почему кобра?

Родная анаконда, в которую многие не верили, так как она не встречалась даже в Офидии, отметалась сразу – всё-таки страну возглавлял не род Зелеш. Да и не следует выставлять

напоказ свою власть настолько рьяно. Ехидна предыдущей династии и гюрза нынешней не выглядели впечатляюще – тоже верно. Но кобра? В Змеином королевстве та встречалась, но редко. К тому же, это был маленький и, хоть и коварный, но легко отлавливаемый вид. И всё-таки трон императоров Гулума охраняла именно она.

– Мой господин.

Феллон вздрогнул – из зала, откуда-то сбоку вышел мужчина.

– Верлеш? – не сразу признал члена Совета герцог. Без привычного белого плаща граф смотрелся необычно.

– Любуетесь троном? – вместо ответа поинтересовался тот.

– Вот уж! Я его столько раз видел! – отмахнулся Феллон и нахмурился. – Граф, что вы здесь делаете?

– Да, я понимаю – моё место на Совете, но... – Верлеш смутился. – Дело в том, что я шёл мимо. Двери были раскрыты – и я не удержался. Императорский трон – это произведение искусства. И он очень символичен. Герцог, вы замечали, что он похож на расколотое яйцо?

– Оно и есть. Змеиное.

– Даже так, – граф вскинул изящные брови. – Логично. Когда-нибудь он станет вашим, герцог.

– Нет. Никогда, – спокойно возразил Феллон. – Пусть Романд на нём задницу натирает.

– Романд? Почему?

– Потому что, граф, на экстренные заседания Имперского совета из-за склонности к искусству не опаздывают! – вот теперь герцог позволил себе быть резким. – Мой отец, Имлунд Зелеш, погиб. Я только что зачитал перед Советом завещание. Совет согласился с последним словом герцога.

– Имлунд Зелеш всё-таки объявил своим наследником вашего младшего брата? – не поверил Верлеш, в его голове столь странное решение Змея не укладывалось.

– С какой стати?! – возмутился Феллон. – Я герцог Зелеш по праву и долгу рождения! Романд – наследник короны.

– Каким это образом?

– Естественным. Романд – принц по крови.

– Он сын Льеэфы Л-лотая? Но... ведь... император не...

– Граф, – расхохотался новый герцог Зелеш. – Вы-то хоть не верьте в эти дурацкие сплетни, что Эфа любитель мальчиков!

– Хм... Но как же так? Ведь ваш отец...

– Мой отец не хотел жениться на Нуйите Лиххиль, считая, что их разница в возрасте слишком велика. В свою очередь, Нуйита честно призналась Совету, что она понесла от другого мужчины. Но Совет не захотел слушать, в том числе и вы, граф! В результате...

– В результате вас лишили вашего трона, мой господин!

– То есть? – не понял Феллон. – Какого моего?

– Трон ваш. Империя Гулум ваша! Это же факт! Это известно последнему нищему из провинции!

– Что за чушь?!!

– Герцог, – Верлеш укоризненно покачал голов и снисходительно улыбнулся – на его взгляд, юнцу не хватало актёрских способностей, не то что его папаше. – Герцог, вы ведь понимаете, что я прав... иначе вы бы не упрятали Романда осенью в тюрьму Ловцов Чар.

Феллон отшатнулся, голова его дёрнулась, словно от хорошей оплеухи.

... Дверь в Брачные покои Зелешей с грохотом и, пожалуй, треском приложилась о стену. Молоденькая служанка испуганно пискнула и вылетела прочь из комнаты.

– Опять? Ты же обещал! – вскрикнула младшая герцогиня Зелеш и осеклась, наткнувшись на удивлённый взгляд мужа. Тот сидел за рабочим столом. В руках Феллон держал палочку и изрядно помятый листок, по всей видимости чья-то докладная, которую герцог собирался отправить к стопке аналогичных бумажек. Рядом лежал огромный талмуд, он был открыт.

– Она просто убирала, – пояснил Феллон.

– При тебе?

– Я тоже удивился. Но так как она мне не мешала, я решил не мешать ей – пусть работает, – младший герцог встал, представляя себя на строгий осмотр жены. – И я всегда держу обещания!.. К тому же, эта рутинка отбивает всякое желание.

За последнее «признание» Феллон заработал пощёчину, но лёгкую и шутовую. Подхватив «карающую длань», герцог осыпал ту поцелуями. Он потратил очень много времени на поиски своей женщины, чтобы обнаружить её у себя под боком, свою жену и мать его дочерей, и теперь не намеревался её терять. Ни из-за своих естественных желаний, ни из-за её теперь уже неоправданной ревности.

– Милый...

– Да, моя дорогая?

– Я тебе не говорила. Я опять...

Феллон отстранился, долго-долго глядел на жену, а потом ласково улыбнулся, осторожно погладил пока ещё плоский животик.

– Честно сказать, мне очень нравится смотреть на тебя беременную.

– Да ты меня другой редко видел! – смущённо хихикнула та в ответ. Сейчас она напоминала себя ту, совсем девочку, когда их, будущих жениха и невесту, познакомили родители. Ещё не тесть тогда рассердился на глупое поведение дочери, а Феллону и Имлунду оно наоборот пришлось по вкусу.

– Ха! У нас всего лишь четыре дочки. Пятая нисколько не помешает!

– Это сын... Я сходила к твоему отцу. Его светлость уверен.

– Наследник! – герцог задохнулся от счастья, но увидев печаль на лице жены, нахмурился. – Тебя что-то беспокоит?

– Я боюсь, что наш сын останется ни с чем!

– Почему?

– Романд.

– Милая моя, он же теперь не Зелеш! Он ушёл!

– Но угроза не миновала. Его светлость может и передумать, простить. Ведь это его сын! А я знаю: его светлость только со стороны кажется холодным, на самом деле он очень любит своих детей!.. А пока Романд не Зелеш, ты имеешь полное право...

Он сдался. Он поддался её уговорам, забыв, что никогда его жена не удумала бы такой гадости! Феллон не сумел понять, что из-за боязни за ребёнка, из-за новой, почти первой беременности – их младшенькой уже исполнилось десять – жена временно утратила разум и припомнила все те страхи и сомнения, что мучили Феллона в ревнивой молодости.

Романд – любимый сын.

Романд – первенец.

Романд – наследник.

Это была навязчивая идея герцога. Триумфально-тоскливой осенью она перекинулась на его жену... Выкидыш случился ровно в момент ареста младшего брата – Мир покарал преступников. Феллон от горя даже не придавал должного значения тому, с каким презрением смотрел на него отец.

И всё-таки – снова этот Романд! Надоело!

– Что вы хотите от меня, граф? – устало вздохнул Феллон.

– Я? – Гелундо Верлеш улыбнулся. – Я хочу только справедливости. Вам – Гулум...

– А вам?..

– Всего лишь Овис. Его корона принадлежит мне!

– А ещё чего хотите?.. – поинтересовался герцог, но ответить графу не дал. – Скотовод – он и есть скотовод. – Феллон презрительно сплюнул. – Тебе никогда не понять, почему я собирался убить Романда. За то, что он Зелеш. А если он Л-лотай, то это его проблемы, меня никоим образом не касающиеся! Прощай, назначенный.

Гелундо дёрнулся всем телом. Так графа ещё не оскорбляли. Назначенный – это сын получившего титул. Получивший заслужил титул, а его дети – назначены, они обязаны доказать, что тоже достойны носить полученный титул.

– Род Верлеш ненамного моложе рода Зелеш!

– Но ты, Скотовод, всего лишь назначенный. Ты позоришь свой славный род! – Феллон отвернулся от искуителя-неудачника.

– Значит, не согласен? – Герцог не отреагировал. – А я хотел по-хорошему... впрочем, я собирался избавиться от всех Змей. И от тебя в том числе.

Феллон резко остановился и обернулся. Он ошибся – зев Тронного зала исторг человек десять, все в форме «Голодных Волков», однако манера держаться – каждый в отряде был как бы сам по себе – выдавала в новоприбывших самозванцев.

– Кто вы? – Феллон попятился, хотя отлично понимал, что спасения нет. Время для бегства он потерял, а верный меч поможет разве что подороже себя продать. – Кто вы?

– Это – «Пасынки Света», – представил сообщников Гелундо. – Настоящие ассасины.

– Ассасины? И ты, глупец, решил, что они действуют в твоих интересах?!

– Нет, – граф вздохнул. – Им нужен этот Мир. Они пришли его захватить. Собственно, для этого их и создали. А в моих интересах уже никто не действует – у меня уже не осталось интересов. Я умираю. Но вас, Змей, я прихвачу – это уже моё предназначение!

Феллон скривился. Даже он настолько не играл во «властителя судеб» – заговорился Скотовод, дал время. И информацию. Теперь-то герцог не умрёт... Вот только поймёт, как это сделать... Нужно как-то защититься, защитить себя и свой род... Угроза роду – требуется защита... Защита... Ну конечно же! Он же глава рода! Магия рода!..

Каллей и Галло опоздали. Они заметили опасность, так как не встретили по пути ни одного из стражников и слуг, да и Тронный зал не оставляют нараспашку, чего Феллон Зелеш мог и не знать, потому и попал в ловушку – супруги даже не успели крикнуть «Беги!».

– Сонный порошок, – мгновенно сориентировался Каллей. – Всех накроет, но без вреда.

Галло молча полезла в один из многочисленных мешочков на поясе, но вместо того, чтобы распылить его содержимое, досадливо выругалась.

– Что?

– Магия тью-тью, – пояснила воительница. – Причём граница прошла аккурат по нам.

– Выйдем?

– Не поможет: во-первых, внутри круга чары применимы только косвенно – потолок, например, молнией извне обвалить. А, во-вторых, вся наша магическая дребедень вышла из строя безвозвратно. Ассасины – чтоб их!

– Значит, сразимся с «Пасынками» ?

– Да. За наших! За «Псов» !!

Однако воины не успели броситься в атаку – Феллон вдруг заискрился, окутался дымкой и как-то потёк.

– Что это? – Галло замерла. Несмотря на неподходящий момент, её лицо озарило наивное любопытство.

– Кажется, сила Зелешей, – Каллей изумлённо покачал головой. – Не предполагал, что стану свидетелем подобного.

Гелундо жаждал загнать Имлунда Зелеша, но тот, как и прежде, оказался неуловим. Он снова обошёл всех – на этот раз просто умер. Но слово «просто» к Змею неприменимо! Сыграл по-своему, так, как никто от него не ожидал. Умер, подлец! Но оставил сына. Своё наследие. Тот тоже умел преподносить сюрпризы. Что ж, этот последний!

Однако Феллон имел другое мнение. Неожиданно пол под ногами графа дрогнул и вместо Зелеша Гелундо увидел гигантскую анаконду. Серое тяжёлое тело просто-напросто заполонило пространство вокруг. Ассасины не успели отреагировать – змея придавила их. Насмерть.

– Как это? – пролепетал ошарашенный граф. – Магии ведь нет!

– Узы, – прошипела анаконда. Её стеклянистые глаза, раздвоенный язык и знаменитая улыбка были куда страшнее морды яшмовой кобры из Тронного зала. – Поэтому-то ты назначенный.

Гелундо попытался отойти от гадины, но та казалось бы лениво пошевелилась и обвила удушающими кольцами графа. А потом раскрыла пасть – Феллон решил не повторять ошибку

противника. Упиваться властью не так уж и приятно, если подумать. Сейчас главное – защитить род!

* * *

Новелль дёрнулся, словно очнулся ото сна – видимо не зря магу дали имя Спящий. Затем окинул троицу недоумённым взглядом.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Это я так. Размышляю.

– Да... – Алай всё-таки высказалась, однако заметив, что не произвела на мага и представителей голубых кровей ни малейшего впечатления, повернулась к принцессе. – Госпожа Руника, вы бы не могли переместить меня в Школу Меча, пожалуйста? Я, конечно, дойду и своим ходом, но...

– Вы не останетесь с нами?

– А нужно? – рыцарь с тоской посмотрела на кресло Имлунда. – Я полагаю, что моё место сейчас в Школе. И... – голос женщины дрогнул, – наверное, лучше я сообщу Учителям о смерти Директора. Его светлости Феллону Зелешу без того тяжело, не следует взваливать на него ещё и этот груз.

– Хорошо. Иди.

Через мгновение Алай Строптивная исчезла.

– Какая скорость, – буркнул Новелль.

– Что? – не понял Эфа.

– Кажется, у наших врагов неплохие Ловцы Чар, – вместо главы Круга Старших ответила Руника. – Магия исчезла.

– Надеюсь, мы не собираемся ожидать нападения прямо здесь?

– Конечно нет, твоё величество, – хмыкнул светлый чародей. – Если мы сейчас не устроим «паническое бегство», то спектакль мы затевали напрасно.

* * *

Когда дымка рассеялась, глазам телохранителей императора предстали десять плоских – хоть сейчас в рулон скатывай – ассасинов и определённо живой Феллон Зелеш. Герцог взирал на окружающий его мир несколько ословелыми глазами и икал, не то чтобы часто, но сыто и довольно.

– А куда делся предатель? – осмелился поинтересоваться Каллей.

– Кажется, я его проглотил, – заявил советник и поднёс руку ко рту.

– Зачем?

– Не люблю овец, – глаза Феллона сфокусировались на переносице, затем всё-таки вернулись в нормальное состояние. – К тому же, он претендовал на Овис. А он мой по праву рождения! – герцог наконец заметил меч Галло, приставленный к шее. – Мм-м?

– Ты хотел убить Романда.

– И что?

Воительница опешила от столь неприкрытой наглости.

– Он сын Эфы! – вмешался её муж.

– Ой! Эфа! – очнулся Феллон. – Он в опасности!

Троица, забыв разноголосия, кинулась к залу Совета. Там никого не было.

* * *

К вящему удивлению Литы близнецы всё-таки успокоились и заснули, поэтому магиня решительно настроилась на отдых – прогулку по любимому замку в одиночестве. Посещение кухни обязательно. Этот пункт программы был выполнен великолепно, а с одиночеством ничего не получилось. В одном из не пользующихся спросом коридоров хозяйка натолкнулась на сдружившуюся парочку – Горшу и Ньюку-младшего.

Гоблинский парнишка пристально рассматривал пол, стены и даже воздух. Молодой

стражник хихикал и отпускал сомнительные шуточки.

– Мастер Горша, уверяю вас, здесь нет потайных ходов! – хмыкнула Лита. – А наша сокровищница не для разумных существ – там обитает джинн с нервным расстройством.

Молодых людей окатила волна сухого жаркого воздуха, по ногам ударил ярко-жёлтый песок, губы мгновенно высохли, а выход из коридора задрожал, словно марево в пустыне. Огненный гений показывал, что всё слышит.

– Нервный, – нисколько не смутилась хозяйка дома. Чёрная магиня она или нет?

– Госпожа! Во имя Великих Старцев! Не подозревайте меня – я не собираюсь грабить тех, кто дал мне кров и пищу! – воскликнул Горша.

– Я пошутила. А чем вы заняты?

– Он пытается найти призрака, какую-то женщину, – вклинился Ньюка.

– Это не призрак! Это настоящий человек! – юный воин обиженно надулся.

– Вам кажется, мастер Горша. Здесь много призраков, а сейчас станет ещё больше – весна приближается. Да и я недавно родила – они любят наблюдать за младенцами.

– Я знаю, что я видел!

– Твоё дело, – не стала продолжать уговоры Лита и двинулась в библиотеку, но вдруг остановилась и полуобернулась. – Кстати, никто не хочет сыграть со мной в «Мастера Мечей и Вышивальщицу»?

Горша встрепенулся. Он уже наслушался от Ньюки, что госпожу сумели обыграть только двое: знахарка Любавуха, которая воспользовалась тем, что Лита просто-напросто заснула, и господин Керлик из-за склонности к жульничеству, правда, с поличным главу семейства не поймали.

– Я! – хором выкрикнули мальчишки.

– Вот и ладненько, – улыбнулась искусительница.

Чёрному замку эта идиллия тоже пришлось по душе, но белого мага Замок не забывал, поэтому неусыпно следил за хозяйкой. Так, на всякий случай.

Глава 18 Намерения, или Маги предполагают, а...

Керлик молча стоял и смотрел прямо перед собой. К его взгляду, маг и сам это отлично понимал, органичнее всего подходила овисская поговорка «Уставился как овца на новую кошару». Учítывая, что чародей играл в гляделки с собственным отражением в огромном зеркале, кто где овца Керлик не определился.

– Интересно, что я здесь делаю? – пробормотал он вполголоса.

Отражение пожало плечами.

– Ну, а ты-то как здесь оказалось?

Зеркальный Керлик покрутил пальцем у виска, явно демонстрирую своё мнение об умственных способностях чародея, который не только разговаривает сам с собой, но ещё и позабыл законы науки и магии.

– Та-ак, с тобой всё понятно, – недовольно буркнул напоследок Керлик и отвернулся, однако успел заметить, как отражение сделало ему длинный нос обеими руками. – В детство впало!

Он внимательно осмотрелся. По крайней мере, он находился в стенах Гильдии, в Главели, а вот где конкретно и почему не в обществе Круга Старших, Керлик не понимал. Нет, если бы он оказался в центре закланий триума или в застенках тюрьмы Ловцов Чар, или... не важно, вопросы бы снялись или были бы переформулированы, но тянущийся в обе стороны от мага светлый коридор вызывал недоумение.

Когда пришёл вызов от Круга Старших, Керлик подготовился морально, физически и магически и активировал амулет перемещения. Можно, конечно, и самостоятельно сплести заклинание, но чародей решил экономить силы: Магическая гильдия – это не Школа Меча, в которой Керлику отводилась всего лишь роль приманки. Та, кстати, и реальной-то быть не обязана – не зря же Чёрный Круг знакомился на собственном опыте с гостеприимством Чёрного

замка и отменным воспитанием Литы. Впрочем, чародей сомневался, что послужил причиной нападения, для отражения которого понадобился сам Новелль Спящий – настолько глобально да при живых свидетелях Керлик ещё никому не успел насолить. С другой стороны, целиком род Хрон... н-да...

Чародей мысленно перепроверил состояние амулета – вроде бы ничего не изменилось с прошлого (очень давнего) раза. Чихнул он, что ли, во время перемещения?

«Я случайно», – тотчас всплыла в голове любимая присказка Романда. Тьфу! Утром проснёшься – со Светом столкнёшься! Неужели «талант» зятька на тестя перекинулся? Только этого не хватало!

Вообще-то несоответствие намерений позднего или чересчур юного, недоучившегося мага результатам довольно-таки обычное дело, но в случае Романда дела обстояли существенно хуже – в пору заподозрить абсолютную безучастность мальчишки к собственной судьбе. Или же наоборот – несогласие с этой самой судьбой. Керлик склонялся к последней версии, так как зятьёк казался чересчур довольным тем, во что выливались сыпавшиеся на него неприятности.

– Эх, мог бы, в кои-то веки (льстец!), довериться гильдейским талисманам, – посетовал вслух маг и скосил глазом на зеркало – отражение собезьянничало. – Да ну тебя!

Керлик двинулся в том же направлении, в каком повернулся, и с интересом принялся за изучение коридора. Надо признать, ничего особенного, но забавно: матовым плафонам многочисленных ламп следовало ослабить и рассеять свет, но выкрашенные белым потолок и стены только усиливали оный и при этом не причиняли вреда глазам. Явно прибежище белых, хотя исключать пси хов или дух овных тоже не стоит.

По полу вились цветочные (и цветастые) узоры, напоминавшие те, что вышивали на повседневных одежах представители северных гулумских народов. Только глянув не точно себе под ноги, а вдаль и под углом, Керлик обнаружил, что необычные вьюнки и фигурки складываются в слова, всё та же северная символическая вязь. Земля ники? Они большие любители сюрпризов. Впрочем, как и все маги. Из-за желания дочитать очередную фразу Керлик не стал сворачивать в боковые коридоры-ответвления.

– Свет Тьме: невест нет – закончились. Приходите через полгода. А лучше вообще не приходите. Хотя нет – приходите, вы нам выкуп ещё с прошлого раза зажали! – на этом чародей приложился головой о дверь.

Шутники! Судя по всему, в скором времени намечалась свадьба тёмного и светлой, которую за просто так отдавать собратья не намеревались. Н-да, намучится женишок, раз уж к выкупу невесты начали готовиться загодя. В том, что свадьба не завтра, Керлик не сомневался. Его интересовал другой вопрос.

Личный амулет мага ничем не отличался от гильдейского, являясь его абсолютной копией, – настоящий Лита испортила очень и очень давно. У девочки резались зубки – грызла она тогда многое. Конечно, амулет вышел из строя не из-за маленьких зубок, а благодаря неустойчивым и странным младенческим заклетьям. Значит, дело не в талисмане.

Возможно, виновата перепланировка... Нет, чары настраивались на местопребывания членов Круга Старших. Неужели дело в искажении магического поля из-за щитов Ловцов Чар? Но те возводили у Школы Меча. Та на Посольском проспекте – далековато от здания Магической гильдии. К тому же, щиты убраны, да и времени прошло более чем достаточно.

На ум приходило всего лишь два объяснения. Одно – дурацкое: Круг Старших вызвал Керлика до полного сбора, тогда как формально рядовой член Гильдии Керлик мог переместиться только к Кругу Старших или к большей его части. Второе чародею очень не нравилось. Оно относилось к серии тех, что возникали при размышлении о Романде, которого явно никто в Главель не требовал. По крайней мере, не Белое отделение.

– Ладно, по ходу разберёмся, – вздохнул маг и взялся за дверную ручку. Дверь не шелохнулась. Керлик прищурился и обнаружил простенькое заклинанье, замаскированное под сложное: беспрепятственно выйти имел право только белый чародей, а войти, соответственно, – чёрный.

Керлик быстренько переделал заклятье и спокойно вышел. Только после этого он понял, что наоборот вошёл. Странно было бы выйти из коридора, особенно после того, как прочитал начертанное на полу послание. Маг развернулся.

– Идиот, – прокомментировал он свою деятельность.

Керлик просто-напросто перевернул направленность чар: теперь в коридор мог выйти любой из белых, чёрный нуждался в разрешении. Всё бы ничего, но чары изменились намертво. Впрочем, устранить их Керлик сумел бы, но магия настолько сложна и непредсказуема, что лучше воспользоваться услугами так называемого сторожа. Тот обладал правом впускать-выпускать. Да и предупредить хозяев тоже стоило, иначе студии Белого отделения (а это скорее всего оно и было) объявят глобальную войну Чёрному, против чего, в целом, Керлик ничего не имел, но расстраивать из-за глупой ошибки чужую свадьбу тоже не хотел.

* * *

– ...Барон имеет не только права, но и обязанности, – наставительным тоном произнесла строгая сухопарая женщина в узком тёмно-зелёном костюме и вытянула указательный палец к небу. – Барон должен следить за казной и законами, обязан заботиться о подданных, защищать от врагов. Барон – гарант порядка. В понятие порядка входит и наличие наследника.

Женщина чуть повернулась и прошла мимо Зелна. Тот с интересом принялся рассматривать её затылок – мать (а это была вдовья старшая баронесса Друг) любила строгие причёски, вроде тугих пучков, которые всегда принимали удивительную, неповторимую форму. Сегодня это была полураскрывшаяся роза, вчера – любопытная улитка. Зелн мог поклясться, что улитка шевелила рожками-глазками.

– Сын! – старшая баронесса обратила внимание, что единственный её слушатель занят чем угодно, но только не слушаньем.

– Матушка, разве мне не рано заводить наследника? – выдал тот свой основной козырь.

– Конечно, рано! Тебе до первого совершеннолетия ещё два полных года ждать! – Зелн облегчённо вздохнул, но баронесса ещё не закончила. – Однако жениться уже пора!

– Зачем? – недоумевал двенадцатилетний сын. – Если я не собираюсь пока заводить наследника, зачем мне жениться?

– Иначе кто-то другой успеет сделать это до тебя.

– Ну и пусть!

– Ей, а, следовательно, и её мужу, перейдут неплохие владение, замок и приличное состояние! – воскликнула мать. – А мы, к тому же, соседи – мы могли бы объединить наши баронства!

– Скоро будет нечего объединять, – фыркнул просвещённый Зелн. Ещё один козырь. – Барон их с сумой по Миру пустит.

– Тем более, необходимо поторопиться со свадьбой, – подал голос до сих пор молчавший светловолосый мужчина. Столичный гость. Юный барон Друг не без основания подозревал, что именно незнакомец виноват в несчастьях Зелна: с появления в замке высокородного матушка возгорелась страстным желанием приобщить сына к семейной жизни. – После свадьбы состояние перейдёт младшей баронессе – таков закон в вашей провинции. Дочка насчёт своего папаши иллюзий не питает, поэтому не выделит ему на содержание ни медной монетки... ну, или самую малость – только ради любимой матери.

Зелн осознал, что при столь мощной атаке придётся обороняться всем, что есть.

– Я не имею права жениться!

– Почему? – в один голос воскликнули баронесса и её гость.

– Потому что я – маг! – юный барон гордо задрал веснушчатый нос.

– Ты? – рассмеялась мать и сразу как-то растеряла строгость. Такую маму Зелн любил больше. Такой она, собственно, чаще всего и была, пока дорогой сын опять не принимался за проказы. – Кажется, ты перегулял на последней деревенской ярмарке. Бродячие фокусники и менестрели – это не маги.

– Конечно, не маги! Это я – маг! И у меня есть доказательства! – Зелн решил раскрыть абсолютно все секреты. – Помните, матушка, я вам подарил розу?

– Да, – баронесса снова улыбнулась. – Мне она очень понравилась. Ты ещё сказал, что вырастил её сам.

– Это правда. Только росла роза всего два дня!

– Невозможно!

– Без помощи магии – да. А ещё это я вытащил дочку нашей поварихи из-под обрушившейся поленницы – я брёвна порывом ветра разметал! Вот!

– Звёздочка моя, – недоверчиво усмехнулась баронесса. – Что же ты не похвастался? Всей округе не растрезвонил?

– Я стеснялся, – покраснел Зелн.

– А маги не стесняются.

Юный барон сердито нахмурился и топнул ногой – таким образом он однажды заставил бить из-под земли ключ с чистойшей и очень вкусной водой. К сожалению, ключ исчез после неожиданного оползня.

На этот раз отозвалась не земля, а небо – чистую синеву распорол изумрудная молния в виде подмигивающей рожицы. Чары – вне сомнения.

– Верно, маг, – изумлённо хмыкнул светловолосый гость. – Что ж, ты прав – не под венец тебя вести, а в Магическую гильдии придётся.

– В Главель? – возопил Зелн.

– В неё самую.

– Урра-а-аа-аа!!! – юный барон изобразил танец тысячи бесенят. – Пойду мальчишкам расскажу – обзавидуются!

Новопризнанный чародей убежал прочь, но на полдороге ко двору замка вспомнил, что не получил разрешения у матушки. Свою матушку Зелн очень уважал, поэтому бросился назад и случайно подслушал не предназначенный для его ушей разговор.

– Отпустите его, не бойтесь.

– Вы уверены, мой господин?

– Конечно, баронесса. Он маг и необычный – работает с растениями, ветром и огнём. К тому же, я думаю, он способный мальчик. Пусть выучится, быстро сдаст экзамен на ранг Подмастерья, а потом вернётся и женится.

– А Гильдия?

– Я передам Кругу Старших, что он обручён. Ведь так оно и есть – Зелн сосватан с самого рождения.

– Хорошо, – кивнула матушка. – Вы меня уговорили.

С того самого момента Зелн твёрдо решил, что никогда не станет подмастерьем. В разумности принятого решения он убедился буквально на следующий день, точнее – ночь.

Мать не имела привычки откладывать дела в долгий ящик, если, конечно, это не касалось выдержки их коньяка – тот набирал популярность среди соседей-баронов. Уже наутро Зелн сидел в седле, на добротной выносливой лошадке, не красавице, как у свиты светловолосого, но любимой и послушной только хозяевам. В сопровождении да под приглядом высокородного гостя юный барон отправился в столицу, туманную и недоступную, сказочную, волшебную Главель Серебристую. По дороге они ночевали в разных замках – называемый всеми и всюду господином светловолосый явно имел возможность заказать себе прямой портал до столицы, но отчего-то не делал этого. В первый раз они остановились у «невесты».

Наречённую Зелн так и не увидел, но прислуга замка шепнула ему, что дочка вся в матушку. Кошмарное лицо баронессы иногда являлось Зелну, особенно, когда надвигалось что-то очень и очень нехорошее. После таких «видений» юного мага мучила долгая бессонница...

Зелн встрепенулся, дёрнулся и едва не упал со стула на пол. Ужасная харя (иначе не скажешь!) несостоявшейся тёщи в свете частых вспышек зеленоватых молний снова оказалась обычным кошмаром. Чтобы полностью удостовериться в этом, Зелн посмотрел точно перед собой.

Огромный чертёжный стол – для карт. Хаотично заваленный разномастными свитками, наполовину истлевшими книгами, обрывками пергамента, ещё чем-то. Одну из наиболее выдающихся по кривизне и высоте стопку венчало надкусанное зелёное и сморщенное яблоко, на дальнем углу стола мерцала безопасная свеча. Открытый тёплый огонь всегда заставлял Зелна мыслить ясно.

– И как я теперь найду нужный да разберусь что здесь что? – осипшим спросонья голосом поинтересовался сам у себя юноша.

Звуки, пусть и такие, окончательно возвратили его из мира грёз и кошмаров к реальности.

– Свет! Я столько времени потратил на их сортировку!

Вспору добавить что-нибудь покрепче да позаковыристей, но Зелн сдержался: душу-то он отведёт, а порядка всё едино не добьётся.

С тяжким вздохом окинув собственноручно устроенный погром – в пляшущем огоньке свечи беспорядок казался ещё и давним, как вечность, – чародей встал и протянул руку к ближайшему свитку. Большой, тяжёлый, нанизанный на две жерди красного дерева, украшенные золотыми рунами, – из гильдейского архива. Работа «Искусственное воссоздание Радужных кругов» Новелля Спящего, тогда ещё мастера второй ступени, на соискание степени мастера первой ступени. После защиты Новелль стал магистром третьего ранга. Впрочем, магистром он уже был на практике, но в Гильдии старались практику подкреплять теорией, и наоборот. Даже Великий Теоретик Серго Парящий Змей не был исключением.

Кстати, здесь же лежали его ещё ученические работы «Искажающие эффекты при наложении Порталов перемещения на Призрачные круги. Случай Монетных кругов» и «Чары внемировых переносов и предметная магия» – обе впоследствии вошли в классическую теорию магии перемещения. Эти книги, как и трактат Новелля, Зелн прихватил исключительно из любопытства – уж очень хорошо рассказывал Романд на экзамене. Сам-то студюоз занимался теорией вторичного зачарования, тоже предметная магия.

Зелн с сожалением отложил работу Учителя и уже нацелился на другой свиток – да так и замер. По коридору кто-то бродил. Молодому чародею это не понравилось. Совсем. Из-за шумной ночной гулянки ребята только улеглись и видели всего лишь первый на сегодня сон – Зелн всегда обходил территорию общежития, прежде чем заниматься своими делами или попросту лечь спать, да и определённо незнакомая на слух поступь выдавала в госте нежданного. Помимо того, без спросу открывалась дверь – это вызывало уже тревогу. Ох, не зря у Отделений имелись сторожа! И не из блажи Зелн потратил уйму времени, чтобы Тин, несмотря на все перипетии своей любви (так-то он был ответственным мальчиком), не пренебрегал обязанностями Старшего ученика!

Нащупав на шее три амулета собственного изготовления и прихватив подарочки Новелля и Эфеля, Зелн выскользнул из кельи. Свечу потушить он не забыл – мол, устал и отправился баиньки. В ближайшем коридоре мелькнула тень – Старший ученик тихо, но быстро двинулся за ней... чтобы лбом натолкнуться на мужчину, спокойно и по-хозяйски вышедшего из перекрёстного хода.

– Тьма! Это какой-то лабиринт наичернейшего из чёрных магов, а не ученическое общежитие Белого отделения! – ругнулся гость. Был он атлетического (воинского) телосложения, обладал коротко стриженной шевелюрой и сверлил Мир тёмными, словно дыра в неизвестность, глазами. Судя по гильдейскому кулону с турмалином и общим ощущениям, чёрный маг. Наследственный. И незнакомый.

– Тихо! – почти беззвучно, но всё-таки рявкнул Зелн. – Слышите?

Насторожившие юношу шаги издавал не этот маг – они никуда не исчезли и доносились откуда-то справа, от общего холла.

– Кому-то ещё поздним утром не спится, – пожал плечами гость.

– По-моему, кто-то крадётся.

– А ты бы предпочёл, чтобы он топал как голодный дракон?

В ответ старший из чародеев получил настолько красноречивый взгляд, что имей бы он хоть капельку разума, испарился бы в неизвестном направлении. Но гость даже не шелохнулся.

– Ещё один Эфель на мою голову! – раздосадовано буркнул Зелн, высокомерно игнорируя гордое «Я хуже!», и осторожно выглянул в общий холл, отмечая, что неожиданный собеседник действует аналогично.

– Ух ты! Златоликий! – восхищённо воскликнул тот.

– Не может быть!

– Почему это?

– А вы, собственно, кто? – они вернулись в коридор.

– Да я дверью ошибся – надписи у вас на полу интересные, – признался чёрный маг. – Ты ведь и есть сторож?

– Ну да... – нахмурился Зелн. Этот типчик его раздражал, но чрезмерного, то есть несвоевременного, опасения не вызывал. В образовавшуюся паузу было слышно, что Мехен (а это, как ни подозрительно, оказался именно он) прекратил топтаться на месте и куда-то шёл. Студиоз, а с ним и гость, опять заглянули за угол. – Бзо! Он направляется к келье Лоран и Тина.

– Судя по именам, разнополые ребята. Муж с женой, что ли?

– Да нет, – отмахнулся Зелн. Они, тихо, словно лёгкий сквознячок среди бумажных фонариков, переговариваясь, шли следом за боевым магом. – Только сегодня официально обручились. Свадьба месячишка через два.

– Хм, так это, оказывается, модно среди столичных магов? – недоверчиво хмыкнул гость. – А что же мне Романд ничего не сказал? Я ему ухо тогда бы не отрывал.

– Романд? – Зелн резко остановился и обернулся, опять чуть было не столкнувшись с чёрным магом. – Какое вы имеете отношение к Романду?

– Я счастливый дед, – хмуро пробурчал маг.

У Старшего ученика брови поползли вверх, чтобы спрятаться под длинной чёлкой. Гость понял действие по-своему.

– Я слышал, что вы светлую магиню за тёмного выдаёте. А наоборот уже нельзя, что ли?

– Если верить магистрам, то нельзя, – Зелн возобновил движение. – Да, кто ж им верит-то? Я просто удивился, что вы ещё живы – взрыв-трава в смеси с сонничкой даёт потрясающий эффект!

– Да? С этого места поподробней, пожалуйста.

– Э-э, – юноша на миг задумался, но Романда решил не подставлять – не настолько тот ему не нравился. – Кстати, меня зовут Зелн... Зелн Друг.

– Не молодой барон ли? – изумился собеседник, белый чародей молча кивнул. – Так мы соседи. Я – Керлик Молниеносный.

– А-а! Матушка писала, что у вас огромный храм отгрохали! Приятно познакомиться! – маги на ходу пожали друг другу руки. – А когда дедушкой стать успели?

– На рассвете.

– Значит, мощный маг Света будет!

– Ага! Сейчас! – улыбнулся гость, живо напомнив Зелну кобру. Н-да, и как при таком тесте Романд заикой не стал? Более того, ещё и распоясался сверх всякой меры? Хотя... – Время рождения никоим образом не связано с принадлежностью к конкретной силе. Я, например, в полдень родился, а тот же Романд – в такую жуткую ночную глушь, что самому страшно.

– Я это так, для поддержания разговора, – студиоз невинно моргнул и вновь скривился.

– Что случилось? – насторожился Керлик. – Мехен?

– Именно, – кивнул Зелн. – Не может быть это Мехен! Я своими глазами видел, как его Эфель по черепушке приложил.

– Значит, удар был плох. Или Душевный не на Мехене подлые удары репетировал – у Златоликого особенная аура, к тому же, давно вписавшаяся в Мир. Я этого идиота в первый раз без представлений узнал и сейчас ни с кем не спутаю.

– Тогда всё очень плохо!

Собеседники свернули в очередной ход и замерли: звуки шагов, как и производивший их, исчезли – перед магами красовался пустынный коридор, увешанный по стенам различного качества и содержания гобеленами (такого добра среди учеников чародеев хватало), и приоткрытая дверь в чью-то келью.

– Он у них, – неслышно шевельнул губами Зелн. – Я пойду посмотрю, а вы останьтесь здесь – в моём-то появлении нет ничего подозрительного...

Керлик молча кивнул.

Круг Старших, не успев разлететься, был вынужден собраться вновь. На этот раз, правда, не у императора, а у себя, в здании, принадлежащем Гильдии. Эфель Душевный, мягко говоря, опоздал, заставив всех ждать – не то чтобы маги изнывали от нетерпения, но ничего приятного в ожидании они не заметили. Вместо Новелля вовсе явился только его помощник Карла Задумчивый, который даже по рангу не мог иметь какого-либо отношения к Кругу – так, мастер первой ступени.

– Что, демоны вас заберите, у нас происходит? – сформулировал общий вопрос глава Огненного круга.

– В стенах Гильдии враг, – спокойно, будто о вчерашнем насморке, сообщил Эфель.

– И почему мы сидим здесь, а не ловим его?

– Ловим-ловим, – отмахнулся тёмный магистр. – Думаете, Нов у императора в посохи-круги играет? Или нашей версии Крестовика обучает?

– А почему тогда «в стенах»? – магистр Огня не дал себя запутать – не мальчик, всё-таки.

– Э-э, – сконфузился Эфель, Круг Старших собирался не по его инициативе.

К счастью, от позора его спасла задержавшаяся где-то Умелла Облачная. Она распахнула дверь ногой и сказала нечто такое, что переводилось на человеческий, как «Что вам всем от меня надо?! Я только спать легла!»

– Интересно с кем? – тотчас откликнулся чародей, переходя со скользкой темы на прямо-таки опасную.

– Как это «с кем»? – искренне возмутилась магиня. – Я замужем! И если мой муж шляется неизвестно где, то я его примеру следовать не намереваюсь!

– А зря, – ответили хором несколько мужчин. Об Умелле мечтали многие, но сердцем чародейки владел лишь один.

– ЧТО?!?!

– То, – передразнил Эфель. – Без мужика ты у нас бесишься! – Глаза магини приобрели идеальную форму круга. – А раз ты желаешь только мужа, так иди и возьми!

– Прямо сейчас? – уточнила она.

– А тебе что-то мешает? Он в Императорском дворце.

– Ну хорошо! – Присутствующие вздрогнули под взглядом разгневанной хищницы. – Меня уже Круг Старших полным составом оскорбляет! Он мне за это заплатит!

С тем же грохотом, что и появилась, чародейка и ушла. На миг в зале воцарилась тишина. Первым оправился Карла.

– Эфель, всё-таки ты сволочь.

– А что такого? – не понял тот. – Им с Новеллем пора бы и помириться – целый век нам нервы треплют! К тому же, теперь с Эфой будет ещё один маг... и Нов, если сильно понадобится, к нам сможет без труда заглянуть.

– Мило, – кивнул Карла. – Вот только ты не учёл, что дриада Молчание снова заговорила. Догадаешься с кем?

– Ой, – оценили все хором.

– Кажется, Эфель, ты прославишься как маг, благодаря которому Конец Мира всё-таки наступил, – добавила глава Круга Пси.

Тёмный магистр, наконец, соизволил стыдливо покраснеть. Он даже не притворился.

* * *

Скорчив озабоченно-недоумённую гримасу, Зелн отворил уже открытую дверь и заглянул в келью – он так часто поступал, поэтому его поведение не вызывало подозрений. Не должно было.

На кровати мирно спали двое: Тин разметался по подушкам – точь-в-точь божество ночных мечтаний, Лоран прильнула щекой к его груди. Старший ученик Белого отделения скептически хмыкнул – сомнительное удовольствие, но чего ни сделаешь ради любимой девушки! Впрочем, парочка Зелна не очень интересовала – его внимание привлёк тускло светящийся шар на тумбочке у изголовья кровати. Ключ. Правильно: где же ещё хранить артефакт, как не у того, на ком он замкнут? С другой стороны, честную первую брачную ночь

Ключ тоже обеспечит – этакое взаимное охранение получилось.

Кроме сладкой парочки в келье никого больше не наблюдалось. В ошибочности своего опрометчивого предположения Зелн убедиться не успел – его приложили по шее ребром ладони.

– Так ведь и знал, что ты сунешь в мои дела любопытный длинный нос, – презрительно хмыкнул Мехен и пнул бесчувственно тело у ног: не из злобы, а для проверки. – Кто у нас второй?

Сбежать Керлику не удалось, так как искажающий магическое поле щит Ловцов Чар находился вовсе не в Школе Меча на Посольском проспекте, а на территории Белого отделения Школы Магической гильдии. Да и мгновенно окружившие чародея ребята отличались профессионализмом – чем-то они неуловимо напоминали вольников, но (Керлик готов был поклясться собственным родом!) не вольники.

– Хрон? – изумился Мехен. – Мило-мило. В один капкан и медведь, и дракон сунулись, да к тому ещё и попались. Очень мило.

Керлик счёл за лучшее промолчать – ничего умного в голову стучаться не желало, но не утерпел.

– Я тут мимо проходил, – сообщил он. – Может, я дальше пойду?

Белый чародей тяжко вздохнул.

– Попробовать имело смысл, – вернул вздох Керлик. – А поинтересоваться, чего тебе надо вообще и от меня в частности?

– Ты же читающий.

– Книгу дома оставил.

– Ничего, мы тебе свою напишем...

Тёмный чародей с тоской осмотрел окруживших его воинов: масса колющего оружия и ни на одно он нанизаться не успеет. Напишут?

– Кто нам нужен? – подал голос кто-то из нападавших.

– Парень, – хмыкнул Мехен.

– Девку убить?

– Конечно нет – мальчишка будет поговорчивее, если она попросит. Если же она умрёт, этот свихнётся – с сумасшедшим неконтролируемым связующим у нас ничего не выйдет.

– Эй, – привлёк к себе внимание Керлик. – А, собственно, кто вам сказал, что я буду читать вами написанное? Я уже проделывал и с Книгой такие фокусы.

– Последствия отразятся на этом Мире.

Тёмный маг припомнил наводнение, землетрясение и мор кроликов в Мёртвых лесах на восточной границе империи. Повеселился он тогда изрядно, но последствия ему не понравились. К тому же, они были не теми, на которые он рассчитывал.

По лицу Мехена Керлик понял, что выдал свои чувства и мысли.

– А вы уверены, что напишете хорошо?

– Мы не будем писать. Просто в нашем Мире есть Книга для вашего.

– Да поглотит вас Тьма и ослепит Свет! Кто вы такие?! – наконец, не выдержал пленник, но внятного ответа не добился. Вообще-то, с ним и без того проболтали непростительно долго.

Белый маг повернулся к Керлику спиной и перешагнул через распростёртого на полу Зелна – пора будить молодёжь, так как Эфель скоро обнаружит подмену и поймёт, что, как и обещали слухи, главная цель – Ключ. И не что иное. Керлик Мехену достался в качестве ценного приза. А если же ещё и повезёт, то в Императорском дворце передуют этот выводок Змей. Потом Мехен примется за девок Феллона Зелеша – маг не впустую общался с Имлундом и отлично знал, что власть Змей передаётся и по женской линии.

Чародей шагнул и вдруг повалился на пол: казалось бы бездыханный Зелн выпростал руку и вцепился в щиколотку обидчика. Керлик, видя такое дело, врезал локтем ближайшему из воинов и рыбкой нырнул через студиоза в келью. К сожалению, на голову Мехену приземлиться не получилось, зато вышло подцепить мальчишку и втащить за собой, толкнуть за кровать со всё так же, как и раньше, мирно сопящей друг на друга парочкой.

– Стой здесь! – рявкнул на Зелна Керлик и сам перемахнул через ложе, одновременно срывая с себя пояс. – Старайся, чтобы между тобой и ними находились ребята.

– Что?!

– Их не тронут – подходящих девственников для уз в округе маловато! – пояснил скороговоркой маг и щёлкнул тонким металлическим кнотом, затем ответил на невысказанный, но отчётливо читаемый в удивлённых глазах вопрос. – У каждого боевого чародея своё особенное оружие. У моей дочурки, например, – бума. Гадость страшная.

– Пасынки! Не стрелять без моей команды! – подтвердил предположение Керлика Мехен, ловко избегая близкого знакомства со смертоносной струной. В свою очередь, чародей стряхнул из рукавов горсть звёздочек ассасинов. Те фонтаном брызнули в Зелна и Керлика. Студиоз, не раздумывая, присел и спрятался за кроватью, тёмный маг выкрутил кисть в замысловатой фигуре – спящих подмастерьев осыпал блестящий металлический дождик.

В следующий миг стальная плеть отрубилась одному из нападавших руку по плечо, а второму – голову.

– Зелн, постарайся определить, кто из них Ловец Чар, – прохрипел Керлик. – В магии Мехен так себе. По сравнению со мной. Я проверял.

– А как?

– Ну, у тебя там под кроватью место спокойное – ты всё обдумаешь, оценишь, – хмыкнул старший чародей, отмахиваясь от следующей порции звёздочек – воины предводителя не послушались, хотя в спящих тоже не целились. – Примешь правильное решение.

– Ага, по сапогам? – Зелн высунулся из-за высокой спинки и чуть было не схлопотал острым металлом в глаз. – Ну, пусть будет этот. – Ткнул пальцем в обидчика юноша.

Керлик обернулся и упустил момент, когда Мехен разумно метнул звёздочку не в самого противника, а в его оружие – кнут развалился на две бесполезные для боя половинки.

– Ой, – тёмный маг присоединился к Зелну. – Вот теперь мы попали.

И дела обстояли именно так, но вмешался случай: подмастерья всё-таки очнулись и одновременно сели, внимательно осмотрели келью. Лоран чуть ли не сверлила каждого из застывших «гостей» взглядом. Вот она посмотрела на ассасинов, особенно на того, который баюкал истекающее кровью плечо (и как он жив да в сознании остался?!), перевела взор на Керлика, нахмурилась при виде Зелна. Затем магиня наткнулась на Мехена. И как порядочная девушка при встрече в собственной опочивальне с толпой незнакомых (в основном) мужчин, завизжала.

От неожиданного поворота событий противники замерли, оглушённые и абсолютно дезориентированные. Они не понимали, как поступить да что делать. Тин же, которому по идее досталось больше всех – Лоран выдавала потрясающие по высоте и мощи звуки, – рванул Ключ и швырнул в дальнего от себя ассасина. Артефакт разлетелся на мелкие осколки.

– Моя любимая лампа, – посетовал юноша. – Мне её дядя в прошлом году подарил. За успехи в учёбе!

Воин упал – магия вернулась.

– Метко, – оценил Керлик и сплёл заклинание.

При взгляде на то, что осталось от ассасинов, молодёжь судорожно рассталась с ужином и прочими «перекусами да заедалками». Обездвиженный Мехен лишь презрительно кривился.

По прошествии какой-то секунды на пороге материализовались Эфель, Карла и часть Круга Старших.

– Это что же, не Ключ? – утирая губы поинтересовался Зелн.

– Нет, – хмыкнул тёмный магистр и лучезарно улыбнулся Мехену. – Печать до сих пор валяется там, где этот обалдуй её кинул.

Лоран набрала полную грудь воздуха, немного подумала – дождалась, когда Керлик и Зелн заткнут уши – и снова завизжала. «Обалдуй» ограничился точным попаданием изгаженной подушкой в лицо обожаемого дяди. Дядя не очень огорчился, хотя его улыбка несколько померкла.

* * *

– И всё-таки, как же?

Большая часть Чёрного Круга и Керлик расположились в уютной гостиной, на территории

Чёрного же отделения. Весело пылал огонь в большом камине, потрескивали берёзовые поленья и ветер старательно выводил занудные рулады в трубе. На низеньком столике, рядом с которым и сидели в глубоких креслах тёмные маги, дымились вместительные чашки с вином, приятно пахло чуть подгоревшей корицей и свежавыжатым соком грейпфрута. Домашняя идиллия, если не считать, что в комнате находились одни из самых опасных и часто проклинаемых людей.

– Да вот так, – хмыкнул Эфель, обнимая ладонями кружку. – Когда никто из Круга Старших не в силах определить вызывающего, притом, что большинство либо носится по Главели, разбираясь с «Пасынками» и с примкнувшими к ним наивными идиотами, либо отдыхает от этого же, волей-неволей настожишься да задумаешься, не отвлекают ли нас.

– Хорошенький способ, – буркнула Милик. – Мехен ещё бы нас в келье Лоран собрал для пушего эффекта.

За окнами догорал всё ещё короткий зимний день, однако вечерних прохожих видно не было, как и самой улицы Завитушки – чародеи окончательно забросили погоду, и месяц Лютый, казалось, решил отыграть за все годы ограничивающих заклятий.

– Не скажи, Скородел, – возразил Керлик белокурой магине. – Я так полагаю, что для Круга Старших малые возмущения магического поля из-за щитов Ловцов Чар не проблема. Да это и понятно: вы уже столько времени собираетесь в одном и том же месте, что оно стало устойчивой точкой притяжения – в стенах Гильдии при прочих равных вас выкинет именно туда. В отличие, кстати, от других членов Гильдии, вроде меня. Собравшись вместе, вы бы перво-наперво принялись за выяснения отношений (ведь, в целом, так оно и случилось), а вот поодиночке, особенно те, кто находился не на улице, сразу бы обратили внимание на странности. Чего в здании Гильдии не может быть по определению, так антимагических щитов. Но Эфель?

– Да, ты прав, – согласился глава Чёрного Круга. – Я отлично знал, что в первый раз мы взяли не настоящего Мехена, а замаскированного под него ассасина. Очень хорошо замаскированного: если бы нам заранее не была известна игра и её правила, то, поверь, мы бы попались. Конечно, ненадолго, но достаточно, чтобы оказаться неготовыми к последующим действиям противника.

– Вы что! У Златоликого убойная аура!

– Для тебя, Кер, а вовсе не для нас. Ты читающий – для тебя открыты узоры Мира. Правда, ты в некотором роде тоже был слеп, так как не интересовался, когда начинается узор Мехена.

– Давно, – Керлик на мгновение задумался, проверяя ощущения. – Очень давно. Где-то во времена Королевств, а не империи.

– Более точно, во время рождения Зелеша Офидийского, того самого. Я думаю, Мехен тысячу раз пожалел, что не обратил тогда внимания на одного венценосного карапуза! Но Златоликий лишь появился в нашем Мире, под другим именем, со своей историей, и конечно ещё не мог просчитать последствия рождения одного-единственного ребёнка... Впрочем, последствия в логике Мира, – Эфель озадаченно хмыкнул. – В общем, тебя Мехен не интересовал как личность, нас – тоже. Ведь мы его знали: существовал мальчишка в Гильдии с этим именем, что мы пропустили, так его уход к «Пасынкам Света». Пустое место занял другой маг. Учитель.

– Но как вы?..

– Таланты Обращения, Иллюзий и Изменения. Попросту – великолепный маскировщик!

– Да, – понятно кивнул Керлик. – Копирование не столько внешности, тела, сколько духа и силы. Но это накладывает существенные ограничения.

– Естественно. В то время студия Мехен, не отличавшийся умом, обладал нужными Талантами и был белым магом.

– То же светило Романду?

– Э нет, с ним шла иная игра. Началась она с Имлунда Зелеша.

– У меня на это имя скоро паранойя образуется!

– Не у тебя одного, Кер, – Эфель отпил из кружки и, прикрыв глаза, проследил, как горячее вино прокатилось вниз, к желудку, по пути до боли обжигая позвоночник. Лишь после

продолжил. – Этот мальчишка превзошёл даже тебя.

– А что я-то?

– Помолчал бы, – хмыкнул Керейн, наконец-то решившийся последовать примеру коллег и насладиться согревающим напитком. – Пацанёнок...

Керлик удручённо вздохнул: скрывай – не скрывай, а о его истинном возрасте старшим в Гильдии известно. Читающий – не та фигура, за которой не следят в отличие от, пусть и прославившегося, но обычного мага Мехена Златоликого. Да и Хроны благодаря проклятию не славились долгой жизнью и, с другой стороны, отчего-то всегда, из поколения в поколение, приходили и вступали в Гильдию. Вообще-то Керлик знал – отчего.

– Кошку бы у нас забрал, дедуля земля ника, – пробурчал он вполголоса, но все услышали. – Так, что же с Романдом? Или Имлундом?

– С обоими. Вернее, со всё тем же Зелешем Офидийским и его сыновьями. Впрочем, Имлунд достойный продолжатель дела предков, – Эфель неодобрительно посмотрел на мага-оружейника, тот вернул взгляд. – Мехен... пусть будет Мехен, другого имени мы всё равно не знаем, да и неинтересно оно... Так вот, Мехен с небольшим отрядом явился в наш Мир, чтобы подготовить его к вторжению. Да, именно так просто и банально. Но «засланцу» не повезло: в то же время род Змей набирал силу, что вылилось в тягу Офидийского короля к завоеваниям... Ну, дела обстояли не совсем так – имелись некоторые проблемы и причины, оправдывающие кровь и захват власти, но на данный момент это не очень важно. Да и историю пишут победители. Главное – родилась в Мире империя Гулум, которая мешала планам Мехена и его пославших.

Империя объединила разобщённые в кровавой вражде Королевства, обрела силу и мощь, вес в Мире – она была готова оказать сопротивление любому противнику, а также убедить других сражаться. Гулум хитро устроен (чего только стоит наша Гильдия!)... Однако перечислять достоинства или недостатки с точки зрения Мехена нет смысла – без того всё ясно. Самое же неприятное заключалось в том, что годные для вторжения межмировые Врата открывались тоже на территории империи – магия.

– Орлиные горы когда-то принадлежали Гулуму? – не поверил Керлик.

– Нет конечно. Там, образно выражаясь, находится ручка и замок.

– Который закрыт Печатью?

– Нынешний – да. Собственно, для этого замка Печать и является Ключом. Однако, как ты понимаешь, ничего из рассказанного сейчас, мы не знали. Для Мехена свержение рода Зелеш и разрушение Гулума, что в целом одно и то же, превратилось в острую необходимость. По всей видимости он испробовал многое, но на наше счастье – безрезультатно. И всё-таки ему улыбнулась удача – в образе Златоликого Мехен умудрился стать другом семьи.

– Но дружба дружбой, а влияние – совсем иное.

– Ты умный мальчик, Кер, верно догадался. А Мехен не понял. Может, с ним сыграла дурную шутку его новая личность – не идиот же он в самом деле, что бы о нём ни говорили! Может, Зелеш вблизи были ещё сложнее, чем считается издали. Кто знает? Но получив казалось бы явное преимущество, Мехен уничтожил его ошибками. Сначала он попытался принять участие в воспитании как Имлунда, так и его детей, – ему не позволили стать даже обычным учителем. Затем не удосужился выяснить, где шляется три года герцогский сынок, – удовлетворился туманными отговорками. По мелочи набиралось немало, хотя подозрений у Зелешей он сумел не вызвать.

И всё-таки воспользоваться близким знакомством со Змеями у Мехена не вышло. Однажды Имлунду понадобилась помощь. Помощь друга! Я полагаю, дело касалось Романда – требовалось скрыть его родство с Эфой. Златоликий сработал хорошо. Качественно! И в некоторой степени этично – чары затуманивания действовали и на творца. Впрочем, на этом этика и заканчивалась: Мехен добавил кое-что на свой вкус (это мы поняли тоже недавно). Коснувшись Романда первым из магов, он отлично понял, что тот из себя представляет, – Мехену только не хватало среди Змей великого чародея!

– Замаскировать силу да такую невозможно!

– А если наложить на ребёнка подходящую личность? Целиком подменить Романда не вышло бы – родовые узы Зелешей не позволили бы, но маленькую частичку – вполне... да и не

подменить, а всего лишь добавить.

– Однако естество взяло верх, – неожиданно встряла Милик. – Не могло не взять – у такого-то! К тому же, Мехен – оригинал. Я не маскировщик и не в курсе всех тонкостей, возможно, потому мне не под силу понять, отчего он выбрал для Романда Лоран Орлеш. Впрочем, какова бы ни была причина, личность во многих отношениях неподходящая. Скрыть урождённого мага под личностью спящего...

Керлик озадаченно хмыкнул: не в этом ли таилась причина любви Романда к розам и неприязнь физических тренировок? Нет, вряд ли. Романда тянет к красоте: розы прелестны, а когда меч из рук вываливается, ощущаешь себя уродцем. Видел Керлик, что зятю нравится хорошо исполненный блок. И по здравому размышлению, не могла чужая и, пожалуй, чуждая личность оказать на мальчишку заметного влияния – ей приходилось бороться с его даром и Талантами.

– Забавно ещё и то, – продолжил Эфель, – что наложение личности Мехен провёл до затуманивания, в результате он и сам забыл о силе Романда. Зато он помнил, что оказал Имлунду дорогостоящую и неоплаченную услугу, более того – дружескую! Следовательно, у него есть право влиять на герцога. Очевидно, у герцога имелось диаметрально противоположное мнение. Поняв по восстанию, что Имлунду трон империи без надобности и, следовательно, род Зелеш крепок, Мехен решил снова действовать через семью. Семья – не род, в семье особые отношения.

– Здесь всё ясно, – хмыкнул Керлик. – Два первенца.

– Верно. Особенно, если учитывать, что Романд – Зелеш, а не Лиххиль... Скажу откровенно, Имлунд всех удивил отречением от сына – многие были уверены, что герцог ждёт наиболее удобного момента для объявления о смене наследника рода. К тому же, у старшего только дочка, а средний и вовсе без детей, хотя женат второй раз (это у них, кажется, семейное) и давно. Кому род-то продолжать?.. Ёорундо Мехен втянул в какие-то подозрительные игры. Потом возникло пророчество про третьего змеёныша, которое имело два последствия: Златоликий испугался Романда и вспомнил о Хронах.

Если второе на тот момент являлось не более чем полезной информацией, то с первым требовалось разбираться и быстро. Привлечь к этому делу Имлунда, конечно, не получилось, убить мальчишку во владениях Зелеша тоже не вышло – вокруг дитятки столько мертвецов, а тот, кстати, даже не замечал их. Отсюда закономерный вывод: необходимо вытащить Романда за пределы отцовских владений и его охраны. Это удалось сделать нескоро и случайно...

– Будто мы не о Романде говорим! – на этот раз бурчали дуэтом Керлик и Керейн.

– ...Не беспокойтесь, мне тоже досталось, – подтвердил Эфель. – Мальчик повзрослел – любое слово или действие могли привести к разрушению оболочки чужой личности и неконтролируемому магическому выбросу. К тому же, Лоран как два года в Главельской Школе платья протирали... В общем, взрыв силы произошёл – свидетели утверждали, что Романд едва отцу замок не разнёс, и если бы хоть по камешкам, а то по неизвестным тварюшкам...

– То-то я смотрю, он и мои замки в полёты отправляет, – подумал вслух Керлик. Чёрный Круг счёл за лучшее не комментировать.

– Но всё это было позже. Сначала Мехен пытался взять Имлунда под контроль.

– Долг?

– Именно. Вот только у этих двоих разное понимание сего маленького слова. Мехен вытянул «козырь» из рукава: признался, что подучил матушку Имлунда, как наложить заклятье на его батюшку. Имлунд вместо того, чтобы спеть оду «благодетелю», взбесился и разорвал со Златоликим отношения.

– Откуда вы узнали?

– Герцог в запале нам сказал... хотя, какой запал, если Имлунда даже вольники Ледышкой обзвали? В общем, сыграл и с нами, впрочем, он не лгал. Расстаться с Мехеном он расстался, но теперь носом землю рыл, чтобы всё о нём разузнать. И нас подключил. К счастью.

– Надо отметить, информацию об истинном, или первичном, назначении Мехена нам обнаружить не удалось, – со вздохом призналась Олиушо Сверкающая. Она открыла лицо, но платок с волос не сняла и походила теперь на обычную человеческую женщину, если бы не сверкающее в полутьме серебро губ. – Это мы выяснили недавно. И Мехен, видимо, уже играл

не на первых ролях, хотя не скажу, что на вторых: иномирцы в нём нуждались, но он чересчур долго возился с нами. А в результате мы просто-напросто не могли уничтожить «засланца».

– Но как Нов позволил Златоликому взять Романда в ученики?!

– Потому что никто другой не претендовал, – криво усмехнулся Эфель. – От мальчишки следовало избавиться, иначе мы бы получили не Белое отделение, а малый филиал Ненависти! Нов тогда головой о стену бился. Надо же, какая радость! К магам присоединился третий самого герцога Зелеша! А, возможно, и первый...

– Баловень судьбы?

– Да. На поверхностный взгляд, но кто бы смотрел на Романда внимательно, если даже Зелн Друг и тот его невзлюбил? А это, поверь, умный мальчик.

– Верю.

– Романд не нуждался в деньгах. На деле, он не понимал, на что их тратить: в Школе его кормили и одевали, а для остальных развлечений ему хватало глаз, рук и мозгов. Романд не искал друзей – привык к одиночеству и без общества вполне обходился. Ему не приходилось тратить чрезмерных усилий на учёбу: как любой поздний маг он относился к своему чародейству с ощутимым недоверием, но не испытывал при этом никаких проблем с творением заклинаний – схватывал всё налету. И к перечисленному – паинька, такой тихенький мальчик. Правда, и он срывался... но наказание за этим следовало вовсе не то, на какое рассчитывали окружающие. А всё потому, что Хру совершил большую ошибку: после устроенного на Ритуале Выбора мальчишке вручили швабру и велели убирать, но забыли объяснить герцогскому сынку, что имелось в виду.

– Эй! – возмутился Керлик. – У меня Романд отлично управляется даже с ведром и тряпкой! Да и служанок он в папашинем замке наверняка встречал.

– Но замечал ли? Да и неважно, главное, как он повёл себя тогда: не долго думая, он тоже велел убирать... швабре. Она убралась, а затем в саду проросла – миленькое деревце вышло... В целом, Романд вызывал как минимум неприятие и раздражение, а Мехен был на тот момент единственным, кто мог увести мальчишку прочь из Школы. Нам пришлось выбирать между свихнувшейся Школой и возможным убийством одного-единственного чародея. Не находишь, мы правильно решили?

– Уроды.

– Сам такой. Мехен себя по рукам и ногам связал таким учеником.

– Ладно, уговорили, – не стал настаивать Керлик. – Но как вы могли отправить Златоликого в Орлиные горы?

– Потому что туда должен был идти Романд – особо напрягаться не пришлось, чтобы выяснить его связь с Печатью. А разделить Ученика и Учителя трудновато, и спугнули бы мы Мехена. Зато в качестве охраны мы отправили трёх последних из «Гончих Псов», императорских телохранителей, и ещё Имлунд добавил одного «Волка» из своих друзей.

– Принцесса?

– Голубая кровь – что-то там гадатели увидели, а Зелеш, думается мне, не возражал из-за родовых уз. Дополнительная охрана для мальчика.

– А пажи?

– Ну-у, то, что их было двое – обычная перестраховка. А... Понимаешь ли, если про госпожу Рунику увидели что-то, то про Романда – вполне конкретно. Карла истерику развёл, затем Марши Неуверенный заявился: в один голос выли «Да не коснётся он Печати – лишь невинному она доступна!». Мы не поверили, но на всякий случай...

– Мудро, – хмыкнул Керлик, а потом неожиданно расхохотался. – Мехен всё-таки круглый идиот!

– То есть?

– Он же так и не понял, что сотворил!

– Верно, – изумилась Милик. – Зелеш ли Романд, Л-лотай ли, а всё едино – Змей. И дети его – змеёныши.

– Это само собой, – отмахнулся Керлик. – Фактически, благодаря Мехену Змеи соединились с истинными читающими, чем ненавистный Златоликому род Змей обрёл защиту от уничтожения.

- А мне-то показалось, что Мехен собирался тебя убить, – ехидно заметил Эфель.
– Почему бы нет? – пожал в ответ плечами Керлик. – Если в запасе ещё троица... Кстати, вы бы не могли мне рассказать кое-что ещё?
– Именно?
– Кто такие «Пасынки Света»? Не похожи они на обычных ассасинов.
Четыре мага Чёрного Круга переглянулись: магини отрицательно покачали головами, Эфель, наоборот, кивнул.
– Это первый Вольный Отряд, – решил Керейн. – Собственно, это настоящий Вольный Отряд. Мы полагали, что уничтожили его. Ошибались.
Керлик устало откинулся на спинку кресла.
– Я тоже вольник. Почему я ничего не знаю?

* * *

Эфа с наслаждением потянулся, благо всё болело и ныло, открыл глаза и с удивлением обнаружил, что сидит на коврике и упирается спиной в кровать. Оригинально. Только заметив в кресле напротив Рунику, император вспомнил вчерашнее и обернулся. В его постели яростно тёр кулачками глаза мальчишка лет двенадцати.

- Как спалось, Крука? – Эфа улыбнулся.
– Кажется, лучше, чем вам, ваше величество, – парнишка встряхнул головой: встрёпанные длинные волосы на миг стали дыбом, затем улеглись в замысловатую причёску вроде общежития для ворон-любительниц повышенной комфортности. – А вы не такой, как о вас рассказывают. Вы хороший!

Прежде чем ответить, император пересел с пола на кровать.

- Запомни, Крука, маг не должен верить слухам.
– Но вы-то не маг – откуда вам знать?
– А я правитель – мы немного похожи на магов.

Они помолчали. Отчего-то Эфе казалось, что спальня наполнилась солнечным светом, хотя по ощущениям время близилось к вечеру, да и окна скрывались за тяжёлыми плотными шторами. Наверное, сияние исходило от ребёнка, такого жизнерадостного, позабывшего, что несколько часов назад его убивали. Если не хуже...

- А кто это? – Крука протянул руку к стоящему на тумбочке портретику и осторожно коснулся золотых локонов Нуйиты. – Красивая.
– Красивая, – согласился Эфа. – Это мать моего сына.
– Сына? У вас есть сын?
– Есть. Но он не знает...
– Ему надо рассказать! – пылко воскликнул мальчик. – Ведь у него такой замечательный папа!

Император с трудом сдержал слёзы – глядя на этого ребёнка, Эфа бесконечно завидовал Имлунду, но уже ни в чём не винил. Не следует вешать на других свои ошибки.

- Не беспокойся, ему расскажут. Если он вернётся...
– А можно?.. – Крука посмотрел на портрет.
– Нет.
– Простите! – мальчик поник головой.
– Ну что ты! – остановил его Эфа. – Позволь мне кое-что подарить тебе.

Он нащупал на шее самый маленький из медальонов, снял, затем надел на Круку.

- Открой.

Маленькая золочёная крышка откинулась и над донышком плавно закружилось объёмное изображение Нуйиты Лиххиль.

- Я не могу!

– Можешь, – снова улыбнулся Эфа. – А теперь иди. В Школе тебя наверняка хватились, а магистрам только не хватает пропавших учеников! И... – он дождался, когда юный чародей доскачет до выхода из комнаты. – Никому не говори, где ты ночевал, а то нам обоим не поздоровится.

– Буду нем как рыба хум-хум на ногах чёрного мага!

– Отлично! – Дверь захлопнулась за Крукой. – Руни, ты зачем тут?

– Леэ, следила за тобой: видимо я плохая магиня – слухов берегусь, – принцесса перебралась к брату и ласково наклонила его голову к своему плечу. – Вообще-то просто заснула там, где упала. Как и ты... А всё-таки с тем мужиком ты сла-адко целовался!

– Руни!!! – взревел Эфа. Сестра в ответ довольно рассмеялась, как в давние-давние времена, когда она любила подтрунивать, иногда не очень хорошо, над младшим братиком.

Однако формально повод имелся.

... «Паническое отступление» удалось на славу. В том смысле, что как и при настоящем необдуманном бегстве, троица быстро наткнулась на засаду. Но не попалась, потому что в неё угодила кто-то другой, над кем демонстративно измывались.

Император, принцесса и глава Круга Старших, словно испуганные дети, осторожно выглянули из-за угла. Их глазам предстала неприятная картина: с десятков воинов в форме «Волков» окружили мальчонку, не знавшего и первого совершеннолетия.

– Кто же это? – в притворном изумлении протянул самый большой. Судя по нашивкам, командир. – Никак маленький чароплёт?

– Да! – гордо пискнул ребёнок. – Я великий белый маг!

– Что? Возьмём его к себе?

– Не нужны вы мне! Я верен императору и империи!!

Взрослые расхохотались – мальчик походил на молоденького петушка, который вдруг обнаружил, что байки старших петухов-задир – глупое враньё и жизнь в курятнике не вечна, более того, она уже подошла к концу, о чём недвусмысленно свидетельствовал острый тесак в руках хозяйки птичника.

– Похвально, – пробормотал осуждающе Эфа.

– Крука? – изумлённо выдохнул над ухом Новелль. – Но что он?.. Ух Зелн! Ты у меня схлопочешь!

– Сначала ты! – троица в ужасе обернулась на резкий (и как это удалось его обладательнице?) крик-шёпот.

Позади них стояла разгневанная женщина. Её свободное белое платье яростно, но беззвучно развевалось на несуществующем ветру, что в купе со светящимся гильдейским кулоном придавало гостье нереальный вид. Словно это – не земная женщина, а сама Проводница, та, которая встречает умерших и провожает к их богам. Она добра, но всегда поступает в соответствии с выбором души ещё при жизни, после смерти уже передумать никак нельзя.

– Мел? – кажется, у главы Круга Старших появились проблемы со словарным запасом. – А как ты? Магии-то нет...

– Остаточное воздействие туннеля перемещения, – спокойно объяснила Умелла Облачная. В тот же миг платье опало, небесный свет исчез.

– Что ты здесь делаешь?

В ответ Новелль получил нечто пространное, но с явным смыслом. Светлый магистр посерел.

– Т-ты уверена? – заикаясь уточнил он, в глазах чародея мелькало что-то подозрительно похожее на панику. – К-круг С-ст-тарших так и сказал?

– Именно. Что уйдём, или прямо здесь?

– Там Крука! – попытался Новелль.

– Вижу, – кивнула магиня, ловко перехватывая законного мужа за пояс. – Нет, ты никуда не пойдёшь! Это – «Пасынки Света».

– Знаю.

– С ними трудно справиться без заклятий даже боевому магу! Надо бы вывести из строя Ловца Чар. Это тот, большой, у которого лычки неправильно пришиты... – глава Круга Старших снова дёрнулся. – Куда?! Мы будем действовать как подобает чародеям – из-за угла.

– Но? – взгляды магов скрестились на Эфе. – Мел, мы его охраняем.

– Ничего с ним не станется!

– И в бою я не очень, – попробовал император.

– А я говорила про бой? – Умелла на всё имела ответ. – Достаточно вывести из игры Ловца, а дальше мы тебе поможем.

– И как же это осуществить без боя? Да чтоб мальчишку не задеть?

– А твоё знаменитое на всю империю очарование? Ты только посмотри, какие мужчины!

– Чтоо-о?! Я не!.. – возопил оскорблённый правитель Гулума и, получив ногой под зад, вылетел в коридор с приличным ускорением. Прятаться не имело смысла: на грохот обернулись все, в том числе и мальчишка. Надо признать, Эфа привлек к себе нездоровое внимание вовремя – ребёнку грозило что-то очень и очень нехорошее.

– Эй вы! Для своих игрищ не могли бы найти кого-нибудь по возрасту и габаритам? – рявкнул император, думая с горечью, что ему не по рангу такие банальные тирады. Тем более, с габаритами он бессовестно себе польстил. – Отвалите от мальчика!!!

– Ой, а это что за птичка запела?!

– Я не птичка, Волк! – орать самодуром Эфа умел, что могло пригодиться только в случаях, подобных этому: ассасинов гордой силой не возьмёшь, а вот презрением к туповатому, трусливому слабаку... – Я твой господин!! – настоящий Волк на такое не клюнул бы – «Голодные Волки» отлично знали императора. – На колени!!!

Эфа неумолимо приближался к отряду, те двинулись навстречу, преступно забыв о мальчике. Тот, к сожалению, не воспользовался шансом: вместо того, чтобы убежать, дурной ребёнок решил досмотреть представление. А ведь достаточно одной маленькой звёздочки – и жизнь мальчика прервётся... Как и твоя, император. Почему они медлят? Неужели я нужен живой?

– На колени? А что-нибудь ещё не хочешь? – улыбнулся командир-великан.

«А что можешь предложить?» – императора так и подмывало поинтересоваться, но он сдержался и понял, что кроме слова «очарование» в голове ничего нет. Что ж, если не знаешь, как поступить, то делай что делается... Привстав на цыпочки, Эфа неожиданно даже для себя впился в губы ловца. «Угадал», – почувствовал император и нащупал нужную точку на шее. Маги сработали отлично. Эфу вывернуло от омерзения за содеянное.

– Вот и разобрались, – хмыкнула Умелла, деланно отряхивая ладони от иллюзорной грязи. – Думаю, теперь вы в безопасности. Крука, вернись в Школу! Магистра Новелля я забираю.

– Нет уж! – рявкнул взбешённый император.

– Не кипятись, мальчик, – мгновенно отозвалась магиня, остальные разумно не вмешивались. – Уверяю, тебе ничего не грозило! А насчёт репутации не беспокойся: и слепой увидит, что ты больше по женской части, – это просто у меня такой талант внушения. Никакого чародейства. А с тем мужиком тоже всё ясно.

– Ясно?! Внушение?! – Эфа ревел львом со своего медальона. – Ты просто сумасшедшая баба! Если бы не ты, мы спокойно бы задействовали один механизм – вон там шторы снимают, карниз аккуратно по черепушке этого уroda приложил бы! И никаких проблем!

Умелла под столь яростным напором отступила, но так как и сама находилась определённо в не особо адекватном состоянии, быстро сообразила, что ответить.

– Нов, твою жену оскорбляют!

– Дорогая, – скривился тот. – Если мою жену убивать начнут, пальцем не пошевелю!

Нервы чародейки окончательно сдали, и она без особых изощрений ударила мужа кулаком в глаз.

– Поговори мне! – супруги исчезли. Некоторое время царила благословенная тишина – маги свидетелей ошарашили так ошарашили.

– Никогда не женюсь, – подал голос Крука.

– Женишься, – отмахнулся император. – Женщины того стоят.

– От большого ума говоришь, – хмыкнула Руника и обратилась к мальчику. – Крука, ты только никому не рассказывай про магистра Новелля и магистра Умеллу.

– Да что, я не понимаю? – удивился юный маг. – Мой старший брат на южанке чёрной-чёрной женился. Так они постоянно друг другу такого наговорят, потом самим стыдно, а слова не воротишь, да все слышали! Темперамент. Вот и госпожа Умелла тоже с Юга... А

потом над ней всё время магистр Эфель подшучивает, так как то ли ей, то ли магистру Новеллю каким-то родственником приходится, мол, об их семейном счастье заботится...

Венценосные брат с сестрой переглянулись – интересные отношения в Гильдии.

– А откуда ты... – начал было Эфа, но его прервал окрик.

– Пригнитесь!

Троица дисциплинированно, будто всегда этим занималась, распласталась на полу. Волосы на затылках встали дыбом от разряда – судя по низкому гулу, молния.

Руника перекадилась на спину и вытянула руки, нанося магический удар – дальнюю часть коридора затопило. Тем временем Эфа оттолкнул Круку за первый попавшийся выступ и потянулся было к сестре, но оказался пленён крепкими руками Феллона Зелеша.

– Посиди-ка! Без тебя разберёмся! – огорошил императора герцог и усадил на того сразу и мальчишку, и принцессу. Однако обещание выполнить не успел – посередине хода материализовалась Умелла Облачная.

– Надоели! Имею я право на личную жизнь?! – завопила магистр. И на этот раз действительно всё кончилось.

Спустя четверть часа гном Брожа, оставленный на охране «арестованного» Имперского совета, доложил, что дворец очищен от «Пасынков», командиры (почти все) взяты в плен и императорской семье, а также «арестованным» ничего не угрожает.

– Хорошо, – вздохнул Эфа. – Подержите их ещё немного. Магов дождёмся – они в Главели разбираются. А дальше решайте сами. Лично я иду спать. Только мальчика провожу.

– А как вы догадались, что я живу во дворце? – изумился Крука.

– Кажется, я видел твоего брата, а ты на него очень похож. Но я не пойму, почему ты гулял, когда всем это запретили?

– Потому что не знал, – мальчик покраснел. – Я теперь на самом деле живу в Школе, а там скучно – то у них любовь, то экзамены. Сейчас даже учёбы нет! Вот я домой и отправился, когда выпала возможность – кто-то чары на нашей двери обернул. Вот.

– Ага, – император кивнул, стараясь не удивляться странным порядкам в Гильдии. – Но сначала мы с госпожой Руникой тебе кое-что подарим.

– Зачем? – искреннее изумление превратило личико Круки в забавную рожицу маленького бесёнка.

– На память. Ты ведь сражался бок о бок с императором и принцессой Гулума. Но если ты не считаешь...

– А какой? – не дал договорить юный маг.

– Это уж сам выбери, – улыбнулся Эфа. Они вошли в его покои, присели вроде как перевести дух, да так и заснули, кто где упал. Круке повезло больше всех – у Эфы были пуховые подушки и перина.

* * *

В комнатке-закутке неподалёку от входа в общежитие Белого отделения за простым столом, на жёстких деревянных стульях сидела троица студийцев Школы Магической гильдии. Их отличал неповторимый зеленоватый цвет лица, красные воспалённые глаза, общая угрюмость и ненависть, с которой они взирали на парящий огромный чайник и чашки, наполненные до краёв травяным настоем. О позднем завтраке они даже не заикались, об обеде думали с отвращением, с намечающимся ужином прощались в тоске – желудки троицы наотрез отказывались принимать пищу, хотя об отравлении речь и не шла. Всего лишь воспоминания.

– Моя келья не выветрится, – вздохнула Лоран. – Я туда не вернусь. И на своей кровати спать не буду.

– Если ты туда не вернёшься, то конечно не будешь спать на своей кровати – кто её тебе притащит? – вяло съязвил Зелн.

– А ты переезжай ко мне, – предложил Тин, но без всякого энтузиазма в голосе.

– Обойдётся, – Старший ученик Белого отделения попытался придать себе подобающе строгий вид, но вышла лишь мина всемирного мучения. – Не положено невесте с женихом в одной комнате ночевать, молчу уж о кроватях! Да и прекращал бы ты вынюхивать, какой выкуп

мы с тебя требовать собираемся!

– Чего?

– А ты думал, что мы нашу Лоран так отдадим? Мол, пришёл тёмный светлую воровать?

– Лоран ты спросил? – буркнул подмастерье и обернулся за поддержкой к возлюбленной. – Лона?

– Тин, – слабо улыбнулась та. – Зелн прав. К тому же, скоро наши родственники в Главели собираться начнут – нехорошо выйдет, если они узнают о наших отношениях.

Девушка постепенно приходила в себя – и снова от страха. Да, они разобрались с Тином, расставили все недоразумения по местам, наконец-то поняли друг друга и себя, но... С уходом одной проблемы появилась иная: Лоран боялась предстоящего замужества. Как оно обернется? Понравятся ли они друг другу? Не испортят ли то, что создали сейчас? Они столько лет были полудрузьями-полувозлюбленными, а супруги – это... Что – магиня не знала.

А ещё Лоран очень-очень хотела стать магистром. Как наставница. Как Учитель. Как великолепная Умелла Облачная.

– И, Тин, тебя и без того мои братья бить придут, – завершила мысль девушка.

– Бить? – как ни странно, большее впечатление сказанное произвело на Зелна. Тёмный подмастерье, казалось, даже не услышал.

– Они вроде обещали, что поколотят моего жениха. В воспитательных целях. Но это давно было.

– Бить? – повторился белый маг. – Кстати, о битье. Признаться, вы очень удачно проснулись.

– А мы и не спали, – пожал плечами Тин и всё-таки решил глотнуть горького отвара. – Точнее, проснулись, когда тебе дали по шее – ты громко падал.

– То есть ты знал, кто из ассасинов Ловец?

– Да. У меня же с кровати обзор был лучше, чем у тебя из-под неё, – похоже, подмастерье тоже возвращался в реальный мир.

– А зачем Лоран визжала?

– Второй раз из принципа, – покраснела девушка. – А первый – надо же было дать Тину прицелиться.

– Так вы это уже на ком-то опробовали? – поразился Зелн.

Парочка, молча кивнув, заговорщицки переглянулась – лица обоих озарились глуповатыми довольными улыбками: видимо вспоминали приключения. Наверняка сомнительные – куда ещё мог втянуть порядочную девушку тёмный маг? Уж точно не в архив писать мастерскую работу! Вот бы он, Зелн...

Так они и сидели, постепенно расставаясь с болезненной прозрачностью лиц и возвращая тягу к жизни, пока главная дверь Отделения не затряслась под настойчивыми ударами. Зелн отметил, что колотили уже пяткой, – вежливое постукивание костяшками и крики он пропустил.

– И кого там?

На пороге стоял Крука Попрыгунчик. Он самозабвенно долбил ногой дверь и рассматривал что-то у себя на груди. При очередном ударе нога нащупала только воздух и новичок ухнул прямо на Зелна.

– Ой, а я думал, что ты восстановил завет, – вместо приветствия произнёс мальчик.

– Не успел.

– У вас опять любовь? – фыркнул Крука, заглянув к Лоран и Тину, оправившимся уже настолько, чтобы придвинуться друг к другу поближе и обняться.

– Ты где шлялся?

– Так я тебе и сказал! – гордо выпятил подбородок юный ученик.

– А что это ты прячешь в кулачке?

К некоторому удивлению Зелна, Крука скрываться не стал и показал небольшой, инструктированный дымчатыми топазами медальон.

– Это мне император подарил. Там портрет матери наследника престола. Но вам я его не покажу. Вот.

От столь потрясающей информации троица разом и окончательно пришла в себя, чтобы

раскидать свои челюсти по полу. Довольный произведённым эффектом, Крука двинулся в личную келью, по дороге морщась от странно знакомого и неприятного запаха, который тянулся со стороны общего холла.

– И всё-таки келья не проветрится, – хором вздохнули Лоран и Тин. Зелн согласился.

* * *

– Почему я ничего не знаю о «Пасынках Света»? – Керлик выжидательно посмотрел на Керейна.

– В Вольных Отрядах историю не преподают, – флегматично ответил маг-оружейник. – Впрочем, о «Пасынках» мало, кому известно. Собственно, только прослужившим в «Гончих Псах» и «Голодных Волках».

– Первых... то есть, по официальной версии первых Вольных Отрядах? – уточнил читающий.

– Для нынешних Отрядов они действительно первые...

Завитушка за окном полностью скрылась за метелью и ночной тьмой, а представители Чёрного Круга и Керлик всё так же сидели вокруг столика, заставленного кружками с остывшим вином, рядом с постепенно затухающим камином – единственным источником света в комнате.

– Мехен пришёл не один. Он привёл отряд (а, может, они были сами по себе, но с теми же целями и желаниями). Магия магией, а подрывную деятельность можно проводить по-разному. Ассасины... хотя наши ассасины их тоже считают полоумными отщепенцами, а это показатель!.. Так вот, ассасины Мехена создали отряд «Пасынки Света» и обозвали его Вольным. Были они обычными, но более умелыми и организованными наёмниками, берущимися за дело не по цене, а по каким-то иным критериям. В этот отряд принимали всех, предлагая забыть прошлое и нисколько им не интересуясь, обучали, одевали, кормили и заставляли служить себе. И ещё они обещали... В целом, неплохое прибежище для преступников, обиженных, недовольных – тех, кто станет выступать против родного Мира, ища лучшего для себя.

«Пасынки» росли быстро. Настолько быстро, что достало лишь десятка лет для появления ещё двух подчинённых, а потом и набирающих волю Отрядов. Оставив эти Отряды без пристального внимания, «Пасынки» допустили фатальную ошибку. А ещё они не смогли понять... представить, кто у нас зачастую оказывался обиженным и недовольным.

– Маги? – кивнул Керлик.

– Даже величайшие маги своего времени, да и иных времён тоже. Конечно, магов можно использовать в личных целях... как и пантеру в охоте на мышей, но что если у тебя очень много пантер? К тому же, Гильдия уже существовала, и маги всегда возвращались в неё. Даже такие, как ты, Кер!

– Не возвращались, а приходили.

– Ты прав. Именно – приходили! Ведь ни один чародей не ушёл в Отряды после вступления в Гильдию. Мы в некотором роде похожи на вольников: мы к себе не зовём, не тащим силком, не ходим с отбирающими инспекциями по городам и весям – да, когда-то оно было и чародеи заплатили за себя же слишком дорогую цену. Нет, если не хочешь быть магом, то не будь – главное, не причиняй другим вреда.

– Не будь стихийным бедствием, – поправил Эфель.

– Это понятно, – Керейн поднял руки, призывая всех к тишине. – К нам приходили по желанию и тоже забывали прошлое. Конечно, не навсегда – прошлое, если оно есть, возвращалось и использовалось, но разве в Отрядах не так?.. Маги «Псов» и «Волков» почувствовали неладное – Ненависть «Пасынков». Не одного человека, не двух, а целого Отряда. И разобрались. Долго разбирались. А потом рыскали по Миру, уничтожая заразу. Затем, когда вольники решили, что избавились от пришельцев и их прислуги, они поклялись не отдавать свою верность в вечность – если придёт беда, то Отряды послужат Миру, а не господину. Да и не с руки Вольному Отряду иметь постоянного хозяина.

«Псы» нарушили клятву. Империя Гулум и её императоры оказались на пути

возродившихся «Пасынков» – Псы сочли Л-лотаев (они тогда пришли к власти) частью Мира, достойной службы. Отряд продолжал существовать как обычный Вольный Отряд, но из года в год Псы отсылали лучших и проверенных ребят в охрану императора.

Волки решение братьев не приняли, но возражать не стали, предпочтя не пересекаться с ними и не иметь общих дел. Чем оно кончилось, тебе известно – случилось уже на твоей памяти. Выжили немногие: те, кто находился рядом с императором. И вот, что странно, – Керейн застыл, его глаза сверкали воспоминаниями, а разум вовсе ушёл за их пределы, – нападение хорошо организовали, но выглядело оно банальной мстостью. Но «Пасынки» не умеют мстить – для этого надо уметь чувствовать, их же Ненависть пуста и бездушна... Волки пришли к Л-лотаем недавно: Имлунд Зелеш выбрал единственно правильный для себя Отряд, а потом отыскал слова, чтобы призвать вольных Волков на службу.

– Но если вы всё знали о «Пасынках», то как...

– Ничего мы не знали. Они – Ненависть, причём неоправданная. Её уничтожают, потому что такая она прямая угроза Миру. Кто мог представить, что одновременно она оружие иномирцев? Это же... Кто станет убивать оленя для пропитания отправленной стрелой, если яд действует и на охотника? Или захватчики полагали, что имеют противоядие?..

– И ещё эти гады научились отбирать наших учеников, – лицо Эфеля исказилось от боли. – Они уводили их из Гильдии. наших мальчиков и девочек! – чародей обхватил голову ладонями. – Но как? Как им это удалось?!

– Успокойся, – Керейн с сочувствием посмотрел на главу своего Круга. – Последний, Рыско, был таким сам. Здесь ничего не поделаешь...

– Мы могли бы...

Керлик не слушал, да он и не знал, о ком шла речь. В голове читающего крутились строчки из Книги.

Читай – не читай, не плачь, не проси –

Навеки Книга закроет ответы!

Не грей змей на широкой груди –

Погибель Хрону от пасынка Света!

– Что? – воскликнула Милик. Оказывается, Керлик произнёс прочитанное вслух.

– Не грей змей, – бездумно повторил он и очнулся. Что-либо сказать четырём вопрошающим взглядам Керлик не успел – ему помешали.

Многообещающе скрипнула дверь, в комнате разом вспыхнули все свечи и лампы, на мгновение ослепив магов. Потухший было огонь в камине взметнулся к укрытым тучами небесам, основательно подпортив трубу.

– Спим? – ехидно поинтересовались с порога. – Или страшилки друг другу рассказываем?

Зрение чародеев Тьмы прояснилось настолько, чтобы разглядеть Новелля. Собравшимся картинка показалась нереальной, поэтому они разом зажмурились, затем открыли глаза и снова уставились на главу Круга Старших. Синяк на правой скуле не исчез.

– Да, он настоящий, – подтвердил Новелль. – И кто-то мне за него заплатит.

– Э, Нов, подожди, – вмешался Керлик. – У меня вопрос. Я нужен в Главели? В Гильдии?

– Зачем? – не понял белый маг.

– Ну-у, убить. Ещё чего полезное сделать.

– Это у тебя шутки такие?.. Хотя меня предупреждали, что они у тебя дурацкие...

– Значит, я могу домой возвращаться? – уточнил читающий.

– Катись. Я, лично, сюда не из-за тебя пришёл, а разобраться с одним уродом! – Новелль посмотрел на Эфеля. – Встал!

– Ты мне? – тёмный магистр медленно приподнялся.

– Нет, твоему креслу. А теперь подошёл ко мне!!!

Чародей осторожно приблизился. Новелль размахнулся – Эфель упал, затем поднялся.

– А это для симметрии!

Глава Чёрного Круга снова оказался на полу.

– Эй, что вы смотрите?! Вашего бьют! – возопил в «праведном» гневе Эфель.

– Ты желаешь, чтобы мы присоединились? – удивилась Милик. – Ты уверен? А то я руками никого не бью – маникюр, а сапоги у меня с каблуками. Больно будет. Очень.

Остальные маги кивнули. Видя, что расклад не в его пользу, Эфель подхватил полу шуршевого плаща и сиганул куда-то сквозь стену.

– Он полагает, что я стану за ним гоняться? – в недоумении спросил Новелль.

– Женил бы ты его, – вместо ответа хмыкнул Керейн. – Успокоился бы.

– С его энтузиазмом – вряд ли.

Керлик подумал, что по сравнению с главельскими магами он образец спокойствия и нормальности, потому и был, наверное, обозван странным. Но правильные мысли чародей вежливо придержал при себе, зарекаясь иметь ещё какие-либо дела с этими сумасшедшими.

– Всем приятно оставаться! – попрощался он. – Киро, заberi свою кошку! Белобрыська запрещает её кормить, и девочка плачет. К тому же, в подвале ей одиноко.

– Ладно, – вздохнул Керейн. – Заберу.

* * *

Сутки после возвращения хозяина в Чёрный замок прошли на удивление удачно, по-семейному тихо и спокойно. Большую часть времени обитали замка спали... точнее, большую часть того времени, когда спали самые маленькие хозяева замка. Когда близнецы бодрствовали, та же участь постигала и остальных – глотки дети драли, аж зависть брала!

Идиллию портило отсутствие молодого хозяина, белого мага. Замок уже серьёзно опасался, что тот не вернётся... А потом от переживаний белоснежную недвижимость отвлекли две женщины у ворот и неожиданно взбесившийся Пушистик.

Глава 19 Возвращение, или Решения сердца

День выдался чудесный: солнце забралось высоко в чистое небо и вовсю сияло, обещая настоящее тепло, а не привычный уже зимний холод – похоже, месяц Лютый всё-таки решил уступить бразды правления Снеженю без лишних скандалов. Метели с морозцем как не бывало – и не поверишь, что ещё седмицы не прошло, когда нос из дома за просто так не высунешь. Снег ещё покрывал землю, но уже сверкал отдельными крупичками-льдинками, намекая, что бурное таянье не за Орлиными горами. Весна, скоро за капелью Снеженя расцветёт месяц Сухой.

Такой день предвещал радость как минимум на ближайшие сутки, а при везении – на целый год.

Стук в ворота Чёрного замка застал Керлика врасплох. Когда это произошло, хозяин очень удивился. Нет, не из-за времени прибытия гостей – тот же император вовсе к обеду притащился (наверное, рассчитывал). Не оттого, что стук разносился по всему замку – устройство молоточка и входной калитки заставляло подозревать их создателя в наличии и смекалки, и несколько сомнительного чувства юмора. Здесь применялась как механика (трубы, кувшины и даже зеркала), так и магия (амулеты, заклятья и чуточку фантазии). Всегда что-нибудь работало. Проектом калитки Керлик искренне гордился – за него чародея одновременно пригласили в Горно-строительный университет гномьего царства Волтткейс, центральное учебное заведение Орлиных гор, и главельскую Школу при Архитектурной гильдии. Откуда там и там пронюхали о калитке, Керлик не выяснил, но понимал, что у всех свои источники информации. Также на руках мага имелось бессрочное разрешение на поступление без экзаменов в Институт механики и немагической инженерии, который в королевстве Симия на далёком Юго-западе, что очень лестно. Правда, к Керлику закрадывались подозрения, что симийцы просто-напросто не знали о его принадлежности к чародеям вообще и к роду Хрон в частности...

Гости поразили Керлика тем, что стучали они, несмотря на громоподобность, вежливо. Такого не случалось с момента установки ворот, то есть – никогда. Даже местные из Чёрной

Волны не проявляли подобной заботы о господине: если они и стучали, то исключительно по праздникам Урожая. Деревенские его отмечали с не меньшим размахом и последствиями, нежели Керлик.

Размышляя о превратностях воротостроения, маг отложил бумаги, которыми так и не успел заняться. Время-то выпало, но думать о счетах и прочей мишуре не было сил – мысли сворачивали на Романда. Чем смог, тем Керлик помог зятю, но возвращение целиком и полностью лежало на мальчике – чародей всегда славился качеством работы, а уж с амулетом-монеткой превзошёл сам себя. Керлик не оставил ни одной лазейки для Хрона, а, значит, для себя... И всё-таки амулет действовал неверно.

С тяжким вздохом маг покинул кабинет. Надеяться, что гостей впустит Ньюка, не приходилось, так как сын конюха увлёкся поисками фантомной женщины, примерещившейся Горше. Другие стражники неукоснительно следовали заветам своего бессменного капитана Марго: дверьми дома обязан заниматься хозяин, а не те, кто у него на службе. Приснопамятные слуги суетились в двух местах: комнатах Литы и малышей или кухне и близлежащей территории.

Итак, по ряду причин Керлик очутился у ворот в абсолютном одиночестве.

– Интересно, – пробормотал он под нос, – кто-нибудь догадается просто взять и войти?

Маг отворил калитку и замер.

– Вы? – не поверил он.

– Мы, – подтвердила Олиушо Сверкающая, оправляя не нуждающуюся в этом паранджу. – Но мы не вместе – случайно пересеклись.

– И что вам надо? – Керлик честно попытался придать голосу нотку вежливости, но ноты – это музыка, а с нею у чародея имелись большие проблемы.

– Когда мы вместе с Кругом нанесли визит в замок, Кер, я увидела твою библиотеку, – Милик Скородел тряхнула головой, и золотые локоны с новой силой засверкали в лучах почти весеннего солнышка. – Хотелось бы ознакомиться, если, конечно, ты не против.

Керлик перевёл взгляд обратно на вторую магиную.

– Как ни странно, но я по тому же поводу.

– И когда же ты успела наткнуться на его библиотеку, если пугала мышек на чердаке? – ревниво чуть ли не взвизгнула белокурая чародейка.

– Да всё по твоей милости! Забыла, как мы убирали устроенный тобой погром?! – с не меньшим запалом прошипела Олиушо.

Керлик принял единственно верное решение: потянулся к ручке калитки, чтобы захлопнуть оную. Когда две умные и опасные женщины ссорятся на глазах мужчины, словно влюблённые ревнивые дурочки из-за смазливой парнишки, то мужчине следует серьёзно подумать, прежде чем продолжать наблюдение. Тем более что конкретно этих двух женщин Керлик в качестве мужчины никогда не интересовал.

Петли ржаво скрипнули – и тёмные магини резко пришли в себя. Взгляды их светились одним и тем же вопросом.

– Похвальное единодушие, – осмелился на комментарий Керлик. – Заходите, раз явились.

Дамы не заставили хозяина ждать и даже не застряли в проходе, на что Керлик с тайным злорадством очень надеялся.

– Располагайтесь, – маг обвёл библиотеку рукой. – Там пюпитр, там столы, кресла и стулья. Та стена зачарована.

– А ты куда? – тотчас всполошилась Милик. Олиушо согласно моргнула серебристыми ресницами.

– Полагаю, что дамы уже минут через пятнадцать обвинят меня в отсутствии гостеприимства. Пойду, соображу вам чего-нибудь горячего. Но – не горячительного.

Взгляды женщин мгновенно потеплели. Милик ласково улыбнулась, Олиушо открыла лицо.

– Какой ты всё-таки хороший мальчик, Кер, – тихо произнесла она.

– Бывает. Наверное, что-то находит, – вздохнул в ответ хозяин. – Я сейчас. – Керлик почти вышел, когда его настиг мысленный зов дочери. – Только с Литой парой слов

перекинусь...

Лита, распустив длинные волосы, сидела с ногами на кровати в одной ночной сорочке и смотрела куда-то в сторону.

– Малышка, что за вид? Ты не настолько плохо... – начал было отчитывать дочь Керлик, когда заметил, на что та глядела. – И давно это с ним?

В углу, рядом со сложенной ширмой и туалетным столиком беспорядочной кучей-малой валялись различные безделушки Романда. Там встречалось и его бельё, и нечто, отдалённо напоминающее тряпчатую метёлку. Блестели стеклянные шарики (мальчишка!), сверкала алчным золотом брошь-булавка для воротника, играла бликами опасная бритва. Здесь же лежали две книги, грамота Подмастерья и свиток с начатой ещё с месяц назад мастерской работой – что-то на тему иллюзий. Керлик однажды попытался отговорить зятя, со стороны видя, что грёзы не совсем то, к чему расположен мальчик, но Романд не согласился с чужим мнением. Керлик не настаивал – зятёк порой мог быть очень упрямым и непробиваемым.

По всему этому безобразию прыгал Пушистик и яростно хлестал пол кальсонами Романда. Те уже растрепались по краям и приобрели грязно-серый оттенок. Магические розочки давно истаяли, так как срок действия шуточных чар истёк.

– Где-то пять минут. Я сначала подумал, что он поиграть хочет, а... Это связано с Романдом?

– Боюсь, ты не ошибаешься. Жаль.

Керлик осторожно приблизился к куче и присел на корточки, перехватил у носа чужие портки.

– Пушистик? – позвал маг.

Зверёк, лишившись орудия избиения пространства, замер и печальными глазами посмотрел на чародея.

– Что-то случилось? Романд?

Белый комочек вдруг заплакал: огромные тяжёлые слёзы падали сверкающими шариками на пол, разбрызгивались фонтанчиком и собирались в лужицу. Воздушная шёрстка Пушистика потускнела, растеряв казалось бы вечный, врождённый Свет. Сейчас магический зверёк выглядел так же, как Белобрыскины котятка, когда перевернули на себя ведро с ключевой водицей, предназначавшееся Керлику от любимых дочери и зятя.

– Я сейчас, – чародей выбежал прочь.

Лита ещё не успела запаниковать, когда отец вернулся с тремя книгами, разложил их кругом. Состояние магини было таково, что она не смогла и восхититься тем, что впервые видит Книгу Мира, пусть и не саму, а только призрачный образ.

– Мы должны позвать Романда вместе – одного меня не хватит, – сказал Керлик, помогая дочери сойти с кровати. – Лита, мне нужна твоя сила.

– Хорошо, папа.

Чёрный замок содрогнулся, словно с Орлиных гор докатилось очередное землетрясение, но отец и дочь не обращали на каменную лихорадку внимания. Они спасали дорогого им человека.

* * *

В лучах жаркого беспощадного солнца из степи уходили последние признаки жизни: исчезал горьковатый аромат высыхающих трав, выцветали весёлые краски, оставляя лишь грязно-жёлтый, буроватый и серый. Звуки давно покинули это место: ни вечной трескотни цикад, ни лёгкого шелеста прозрачных крылышек насекомых, ни осторожного топотка лап мелкого зверья, ни хищного клёкота степного орла. Ничего. И никого.

Заброшенное кладбище животному миру, а степь – высохшие цветы на могилках. Молчаливым и ещё величественным надгробным камнем высились развалины небольшой крепости. В тени её растрескавшихся, осыпающихся мелкой пылью камней полулежали три, по всей видимости, случайных посетителя огромного погоста. Уже не посетители, пожалуй, а те, кто найдёт на нём последний приют.

Все трое светловолосые, покрытые коричневатой коркой грязи, обязательно привлёкшей

бы тучи мух, если бы последние здесь водились, со впалыми от жажды щеками. Один – подросток в чём-то похожем на серый плащ. Другой – зрелых лет воин, впрочем, это скорее домыслы несуществующего наблюдателя – судорожно стиснутый меч ещё не свидетельство профессии. Третий... А вот о третьем трудно сказать что-то конкретное: возрастом явно не подросток, в одежде ни намёка на пристрастия и занятия и лишь лицо свидетельствовало о привычке к власти. Но власть ничем не могла остановить медленно приближавшуюся к этому человеку смерть.

Трое незваных пришельцев становились всё неотличимее от окружения, превращались в составную часть принимающей лето степи... А рядом, совсем близко к одной из стен, лучше сохранившейся, ещё высокой и почти неприступной, радостно сверкали весёлые и чуждые до инородности радуги. Но люди не видели их, хотя нельзя сказать, что они вообще ничего не видели...

Романд брёл через туман. Склизкий, противный, тяжёлый, тот казался однородным и вместе с тем клубился. Юноша с осязаемым трудом пробивался сквозь молочную мглу, будто вновь угодил в трясину каменного болота, что в Орлиных горах. Грудь еле вздымалась – лёгкие отказывались принимать белёсую муть вместо воздуха. Кружилась голова. Знобило.

Чародею не нравилось это место. Он хотел в полюбившуюся спокойную Тьму, к мириадам ярких точек-звёзд – там двери в неведомые Миры, где обязательно встретят страшные и опасные змеи. Но Романд уже не боялся змей, он уже знал, что они помогут. Поэтому, несмотря на яростное сопротивление, юноша побежал, на ходу разрывая в ключья-лоскуты опротивевшую муть. Однако к чёрному ночному небу Романд так и не выбрался – там, где он оказался, было ещё лучше.

Воздух. Над головой, по бокам, под ногами – воздух. Он летел – давняя мечта. А, может, и стоял. Но в воздухе, посреди воздуха, а вокруг сворачивались в спирали или же висели обычными коромыслами радуги. Тысячи, миллионы, миллиарды! Бесконечное пространство заполняло бесконечное множество радуг. Иногда они собирались в островки-кляксы, как тот, на котором стоял Замок Путей. Порой вытягивались длинными манящими дорожками-тропинками. А бывало и так, что они вовсе распались на составляющие, на отдельные цвета – и фиолетовый перемешивался с красным, являя взору озорной малиновый.

Романд счастливо рассмеялся и побежал вперёд – ветер свистел в ушах, а за спиной чудились мощные крылья. Он летел. Летел! Летел!! А затем резко остановился, уловив краем глаза что-то странное, инородное для этого радужного пространства.

Свет.

Это центр – осенило Романда, – оттуда и появляется радуга. Конечно! Свет – источник радуги!

Теперь юный маг шёл осторожно и не спеша. Щурясь в любопытном нетерпении, вытягивал шею, чтобы высмотреть источник Света поскорее, но при этом не спугнуть его. Почему-то Романд уверился, что если он поторопится, то Свет исчезнет.

– Пушистик? – в какой-то момент сияющее пятнышко собралось в комочек, живой и забавный и такой знакомый. – Пушистик!

Зверёк вздрогнул и сиганул прочь от создателя.

– Пушистик! Это же я! Романд! – молодой чародей со всех ног бросился вслед за любимчиком, но тот лишь ускорил бег-полёт. – Пушистик!

Пуховой комочек поднырнул под очередной горбик-радугу, перепрыгнул две жёлто-зелёные дорожки, проскакал по цветным спиральям вверх и, ухватившись за малиновую искру, унёсся к скопищу фиолетовых островков, где и исчез. Произошло всё это быстро, но Романд не зря играл в библиотеке с Пушистиком в прятки-догонялки – он заметил путь и с лёгкостью повторил его, опасаясь сокращать, чтобы не запутаться в различных радугах.

В близи островков, где скрылся магический зверёк, оказался не таким уж и маленьким, как чудился издали: он по размерам подходил даже человеку. И обладал непростым рельефом: разноцветные холмики перемежались с полянками, на которых весело сияли пушистые комочки. Они были разной величины и даже формы, кто-то стоял на месте, кто-то бегал и пищал, они и светились неодинаково. И со стороны немного походили на стайку кроликов.

– Пушистик? – Романд окинул остров изумлённым взглядом, ища своего малыша. – Пушистик!

Зверьки замерли, их огромные глаза смотрели на юного мага... и вдруг стайка кинулась врассыпную.

– Пушистик! Не бросай меня! – юноша заплакал, но слёзы отказались литься из сухих глаз. – Пушистик...

Романд опустил на опустевшую поляну и уткнулся головой в колени. Вот, он не нужен и Пушистику. Всё правильно. Зачем он кому-то?

* * *

– Не могу, – обессиленный Керлик облокотился спиной о кровать. – Он отдаляется. Он снова выстраивает стену «своей ненужности и никчемности»! Я не понимаю! С его-то бешеной жадной жизни! Один раз он сорваться может, ну, два, но чтобы снова...

– А если это чары? – Лита с недоумением осмотрела комнату: отчего-то все предметы, кроме намертво прикрепленного к стене стеллажа, находились в абсолютно не тех местах, где они были какое-то мгновение назад. Зато дети в колыбелях сладко спали, умилая мать своим нежным и, пожалуй, непривычным спокойствием.

– Чары? Но я недавно его проверял... Я тебе не говорил, но когда Романд вернулся из Главели, он умирал.

– Я это почувствовала, но ты не хотел беспокоить его и зря пугать меня, поэтому я не стала выяснять, – Лита слабо улыбнулась. – Но что если эти чары глубоко запрятаны, вплетены прямо в его личность, дух и действуют только в определённых случаях?

– Идиот! – хлопнул себя по лбу Керлик. – Мне же про Мехена столько понарасказывали! Он жаждал уничтожить Романда. Когда взял в ученики, подавлял волю... Конечно же не отец его затюкал – он мальчика просто к себе не подпускал, а вот Мехен постарался! Да и одним заклятьем при маскировке способностей не ограничился. А что лучше всего уничтожит личность, чем ненависть к самому себе? Для чего достаточно лишит человека веры в себя...

– Папа? – дочь посмотрела на отца многообещающим взглядом Хронов, и Керлик вдруг понял, что Олиушо и Милик перед Литой, что весёлая летняя морось перед весенней грозой. – Ты мне что-то ещё не рассказал!

– Да. Но это пока – обещаю, я расскажу всё, что пожелаешь... даже сколько у меня было женщин на самом деле, – чародей криво усмехнулся. – Давай сейчас вернём нашего Романда, а то из достоверных источников мне стало известно, что он называл меня хорошим мужиком, который «просто временами строгий». Надо бы разобраться!

– Папа, не успокаивай меня. Не нужно – я в порядке... Или ты себя?

– Сам не ожидал, вот, – Керлик кивнул и развёл руками. – С таким настроением мы к Романду не пробьёмся, а тот, кто может проложить путь, – пред внутренним взором предстал горный склон и огромная анаконда полностью его занявшая, – сам нуждается помощи. Я это чувствую.

– Но там есть кто-то ещё! – припомнила Лита. – Такая серая змея с пятнышками, большая – шагов двенадцать в длину.

– Разве ж, это большая? – хмыкнул отец и потряс головой, пытаясь избавиться от устрашающего видения, и вдруг резко выпрямился. – Ёорундо Зелеш! Точно! Новелль говорил, что и он с ними исчез. Конечно, он не может никого позвать, да и мы способны только попросить его, но это шанс! Лита, мы попробуем ещё раз!

– Я готова, папа.

* * *

Ёорундо Зелеша окружала вода. Наверное, это океан – один раз воин ездил на побережье. Бесконечные водные просторы поразили Ёорундо, они манили и звали, ему хотелось услышать плач чаек и взойти на корабль, повязав голову Лихим платком... Конкретно этот океан был пресным и мелким – вода достигала пояса, но столь же безграничным, как и настоящий. И

безбрежным. Воистину безбрежным – вокруг одна лишь вода.

Вода обрушивалась на Ёорундо и с неба, хотя над головой не проплыло ни одной тучи или даже маленького облачка, впрочем, в прозрачной синеве не наблюдалось и солнца. Тёплые струи безжалостно хлестали лицо воина, но не причиняли вреда – они, так и не достигнув тела, разлетались прочь: кто возвращался в небо, кто воссоединялся с прародителем-океаном. Из-за последних водную поверхность покрывала мелкая сетка-рябь, однако рядом с воином стихия вычертила круг спокойствия – видимо брызги отразившихся «кнутов» обладали их мощью.

Сапоги Ёорундо что-то задело, в чистой воде промелькнуло продолговатое тело, вода у ног заволновалась – вдруг прямо перед воином из океана игривым дельфинов вылетела найя.

– А кобры не плавают! – зачем-то сообщил ей Ёорундо.

Та в ответ насмешливо раздула капюшон – мол, убеди меня в обратном.

– Уж поверь мне, гадина.

Она зашипела и качнулась, словно предупреждая, что готова нанести удар.

– Ой! Напугала Зелеша! Иди! С Романдом играйся!

Найя метнулась вперёд. От неожиданности Ёорундо отшатнулся и чуть не упал в воду: в попытке удержать равновесие воин взмахнул руками и отступил назад. В следующее мгновение он обнаружил, что у его океана всё-таки имеется берег. Шпик огляделся. Нестерпимо захотелось пить – Ёорундо наклонился зачерпнуть водицы, но вместо океана обнаружил море, причём сухое – умирающую степь.

– Нет! – рявкнул сам себе воин, вспоминая, что происходит. – Нет! Живи! Очнись!

И он открыл глаза, чтобы вернуться к реальности.

Отца могли спасти лишь чародеи. Но ещё могли. Однако к чародеям следовало попасть. Только один человек способен в этом помочь... Ёорундо рванул к Романду – одна нога зацепилась за другую, и воин шлёпнулся на брата. От удара тот пришёл в себя.

– Род! Ты говорил, что здесь спасение! Где оно?! – юноша ответил отсутствующим взглядом. – Романд, да очнись же ты! Ты нужен нам! – шпик грубо потрянул брата.

– Вам? – разлепил маг сухие губы.

– Да. Отцу. Мне. И себе ты нужен!

– Нет, – Романд закрыл глаза.

Ёорундо отлично понимал, что брат сейчас поверит лишь Имлунду, который уже ничего не мог сказать. И тогда воин вспомнил, почему он оказался здесь, рядом с ними. Как оказался.

– Ты же всё это время шёл, жил вопреки законам природы. Ты жаждал жить! Почему сейчас ты желаешь умереть?

– Потому что я никому не нужен.

– Никому?! Ну конечно... – Ёорундо попытался добавить в голос сарказма, и у него даже вышло, так как брат нахмурился. – Человека, который никому не нужен, не пытается убить целая организация!

– Что? – Романд приподнялся.

– Да. Ассасины. Особенные. Мы с отцом не знали, кто они такие и почему хотят тебя уничтожить, поэтому я внедрился в их организацию... Правда, меня быстро раскрыли – я бежал, так ничего и не выведав... – под вопрошающим взглядом брата Ёорундо отстранился. – Или нет? Не бежал, а был отпущен?..

Воин привалился к стене и зажмурился. Перед внутренним взором появилась картинка: кровавое поле соннички и Романд плачущий над телом отца, Романд, маг Света, взывающий ко Тьме. А потом нахлынуло чувство, что он уже видел это. Где-то видел. В храме. Точно! Он стоял в храме перед витражом. В храме неизвестному и позабытому божеству – о нём ничего не знали даже те, кто хозяйничал в святилище сейчас. Тем более они не понимали картин на окнах.

Ёорундо тоже не понимал, но смотрел на них, чтобы остаться в сознании, чтобы не поддаться чужой воле... Его схватили и заставили что-то выпить, прочли заклятья и теперь переговаривались за спиной, не считая его свидетелем.

«Как он?»

«Сильная воля – на многое не хватит. Но нам многого не нужно...»

«Ты уверен? Не проще ли убить?»

«Нет. Змей начнёт искать виновного, а так – не заметит. И шанс лишним не бывает!»

«Зачем нам смерть мальчишки?»

«Он мешает нашим планам»

«Нашим? А не их?»

«И их тоже. Но меня не интересуют их планы!.. Он, маг Света, призовет Тьму»

«Разве мы не поступаем так же?»

«Нет, его способ иной. Он отберёт нашу силу и власть!»

Ёорундо вспомнил, как всколыхнулась в его груди ненависть к брату, когда воин увидел того и крадущуюся по пятам пантеру, когда понял, что оно значит. Потом он следил за Романдом, забрался в трактир «У весёлого некроманта» через заднюю дверь. Из потайного кармашка вывалилась отравленная звёздочка – хорошо, что на руках толстые перчатки. Вот звёздочка хищно впивается в тело брата, а он, Ёорундо, идёт к императору, чтобы шантажировать того сыном, которого убил.

На следующий день он воспользовался вложенной в него силой для переноса к исчезнувшей родне.

– Не может быть. Я пытался тебя убить, но... да, я тебя не любил... это отец тебя любит... но убивать. Как?..

– Вот, а ты говоришь, что я кому-то нужен, – тихо оборвал бормотание Романд. – Если меня убивает родной брат... хотя, какой родной? Я ублюдок, который никому не нужен! Даже настоящему отцу!

– С чего ты взял? – изумился Ёорундо.

– Он сам сказал Зо. Он к нам в замок приходил.

Шпик покачал головой: Эфа достойный ученик Имлунда – сыграл по-своему, не стал ждать милости от шантажиста. И как сейчас объяснить брату, что сделанное императором защита не себя, а в первую очередь империи, а затем и Романда? Как заставить понять, что Ёорундо сам не осознаёт, каким образом он поднял на брата руку? Пусть не очень любимого, но своего, которого он, не раздумывая, отправился защищать, хотя в итоге оказался опасен для него. Как?

Нет. Сейчас он не услышит... Но ведь для Романда есть и другие аргументы...

– Значит, считаешь себя ненужным? А скажи-ка мне, умник, ради того, кто не нужен, кобра научилась бы плавать?!

– Кобра?

– Да. Самая настоящая кобра... ну, маленькая такая, найя...

– Найя? – Романд моргнул. – З-зо?

– Ну уж не знаю – по мне так хоть бзо! – рявкнул Ёорундо – брат аж подпрыгнул... сидя. – Жалеет себя, помирать собрался, а тебя баба брюхатая ждёт! Ты вообще подумал, что она там извелась?! Она, может, родила от испуга!! Дитё малое сиротой оставить захотел?! Молодуху свою – вдовицей?!!

– Нет!!! – юный чародей вскочил, из его глаз пропало бездумье. – Что со мной было?

– Не знаю, но ты умереть намеревался.

– Зачем?

– Я же говорю, что не знаю, – повторился Ёорундо. – Давай отложим поиск объяснений. Сначала надо выбратья!

– А мы где?

– Представления не имею. Ты сказал, что увидел путь к спасению, и перед тем, как окончательно потерять силы, объяснил, что это должен быть какой-то храм...

– Нет, я ошибся. Храм – просто изображение, моему подсознанию требовалось как-то интерпретировать увиденное. Этот храм у Зо в шаре крутится – вот, наверное, я и воспринял путь домой, как путь к храму. Здесь должно быть нечто... необычное. Оно нам поможет. Либо я ничего не смыслю в магии!

Подобное заявление из уст мальчишки, и трёх лет не обучавшегося чародейству, не обнадеживало.

– Руно! Осмотрись! Что тебе не нравится? Что кажется неправильным, несоответствующим остальному?

– Неправильным? – Ёорундо пожал плечами. – Здесь нет воды, а я жутко хочу пить.

– Нет воды? А тогда это откуда? – Романд указал на разноцветные искры у дальней стены. Действительно, радуга здесь казалась неуместной, как и тоненький усик тумана, стелящийся по сухой траве. – Это же Призрачный круг! – завопил юный маг так, что на голову Ёорундо посыпалась каменная пыль. – То есть Туманный... тьфу, Радужный! Нам туда!! Скорее!!! Я, правда, не знаю, куда он приведёт, но там, внутри работает магия... Я постараюсь, чтобы мы вернулись хотя бы в наш Мир!

Романд бросился к Имлунду, но как до него брат, не удержался на ногах и растянулся на земле, добавив себе в коллекцию ещё несколько царалин и ушибов.

– Не суетись. Сам ползи, – буркнул Ёорундо. – А отца я как-нибудь дотащу.

– Только мы должны войти в Круг вместе, держась друг за друга.

– Хорошо...

Воздух над степью дрожал знойным маревом, солнечный жар набирал силу – ещё мгновение назад зелёные травинки скрутились в сухие жёлто-коричневые спирали. Степь сгорала.

* * *

– Малышка, оставляю тебя за хозяйку дома, – Керлик раскидал ногой книги и, подхватив Литу, словно дитё малое, перенёс на кровать. Дочь окинула отца изумлённым взглядом, но не сопротивлялась, так как и впрямь не имела сил просто подняться. – Отдохни. Затем хватай Ньюку – достаточно он ерундой занимается, и заставь его организовать уборку. Не замок, а помойка какая-то! Сама причешишь!

– Ты уходишь? – Литу всегда умилял процесс её воспитания в исполнении отца. Магиня твёрдо решила, что со своими детьми будет построже, иначе вырастут в маму.

– Да. В Главель нужно с кое-кем парой слов перекинуться.

– С папой Романда?

– А ты-то откуда знаешь? – изумился Керлик.

– Я же читающая, – фыркнула дочь. – Возвращайся побыстрее... У нас получилось с?... – она не договорила.

Отец молча кивнул и ласково погладил Литу по щеке, затем поцеловав свою девочку в лоб, вышел. У дверей в библиотеку чародей на мгновение задумался – что-то он позабыл, но ничего не вспомнилось, поэтому Керлик с чистой совестью переместился в столицу. В Императорский дворец.

* * *

Алай Тхай безмолвной куколкой сидела за столом-каплей. Женщине не было дела до гомонящей расфуфыренной толпы. Не интересовали воительницу и пустые кресла – их имелось немного. Этот Совет и его члены воистину оказались преданы империи и императору. Или, по крайней мере, они обладали здравым смыслом и понимали, когда следует остановиться и на что хватит сил. Да и против Мира, в котором обитает, разумное существо не пойдёт.

Имперский совет, как и привык, шумел, шипел и ругался, но они уже признали законность и правильность действий Льеэфы Л-лотая и Магической гильдии – если бы не «арест», то Совет уничтожили бы «Пасынки». С другой стороны, легко выявились предатели... Дураки-предатели – уточнила про себя Алай. Умные могли присутствовать здесь и сейчас. Впрочем, какие умные? Это же как раз те, кто шёл против Мира.

Мысль мелькнула и уплыла – Алай сейчас оставила мировые проблемы другим. Одно кресло всё-таки завладело вниманием воительницы: то, что стояло между малым тронем Эфы и местом Феллона Зелеша. Оно тоже пустовало... Директор.

Алай не хотела говорить, но ученики, даже младшие, самые-самые новички, каким-то образом проведали о смерти Имлунда Зелеша. Нет, они не впали в отчаянье, не предались унынию – они рвались в бой. Отомстить за любимого Директора! Они умоляли учителей взять их с собой в рейды против «Пасынков», доходило до слёз – конечно, никуда детей не пустили. К счастью, запирать никого тоже не потребовалось – достало напомнить, что Директор не

одобрил бы столь безответственное поведение.

Алай тоже не взяла. Точнее – она отказалась сама. Её место в Школе. Пожалуй, рыцарь приняла правильное решение: за заботой об учениках она не вспоминала герцога, но сейчас, вынужденная явиться на Совет, в целом бессмысленный, воительница уже не могла ни о чём другом думать, как только о смерти Имлунда.

На душе было муторно, хотелось забыться чёрным сном, а затем очнуться и обнаружить, что всё это лишь кошмар, дурное видение... Но так не будет! Алай обожала Директора. Он столько для неё сделал! Он не только спас её жизнь, но и возвратил к оной, придал новый смысл существованию. Для Алай Имлунд стал вторым отцом... и теперь его нет...

– ...Магическая гильдия уверена, что опасность миновала? – это глава Гильдии Купцов. – Полностью?

– Да, – солгал Новелль Спящий. Зачем напоминать о войне, которая начнётся через десятилетия, если не столетия? Да и о нынешних заботах магов не стоит распространяться.

Эфель Душевный кивнул – колыхнулся капюшон, прячущий лицо тёмного магистра. Большинство присутствующих распирало от любопытства, но никто не осмелился поинтересоваться, что же скрывает за полотном грозный чародей. Не синяки же под глазами!

– Сейчас, – по неясной для себя причине всё-таки уточнил глава Круга Старших. – На самом деле, проблема долговременная.

– Вы хотите нас оскорбить? – мгновенно откликнулся кто-то из высокородных.

– Я?!

– Вы намекаете на бессмертие магов!

– Ну конечно, – буркнул чародей и вполголоса добавил. – Лучше бы я сюда не приходил.

Капюшон Эфеля снова мотнулся сверху вниз. В ответ Новелль смерил коллегу столь многообещающим взглядом, что Совет напрягся в предвкушении долгожданной ссоры между великими магистрами, однако сцене помешали. Над центром капли-стола взорвался фейерверк: разноцветные искры засыпали всё помещение весёлым карнавальным снегом. Алай вскочила, выхватывая меч. И так повела себя не одна она.

– Не беспокойтесь, госпожа Тхай, – поднял руку Новелль. – Это портал перемещения. Тот, кто его открыл, не несёт опасности. Фейерверк – всего лишь вежливое предупреждение, что-то вроде стука в дверь.

Воительница, не убирая клинка, села, чтобы снова вскочить: мерцание рассеялось – посередине стола переминался с ноги на ногу Керлик Молниеносный.

– Это ещё кто? – поинтересовался за всех герцог Орлеш.

– Ой. Я вообще-то к императору на огонёк заскочил, – вместо ответа заявил маг. – Но вижу, что не вовремя. Зайду попозже.

– Это, – Эфа не утерпел, – тесть престолонаследника.

– Кого?! – рывкнул ошарашенный Керлик. Он мог ожидать всякого, но на подобный «сюрприз» не рассчитывал. Император лишь развёл руками – мол, я здесь ни при делах – и кивнул в сторону магов, что гость понял однозначно. Керлик развернулся. – Вы совсем оборзели?!!!

– Он не в нашу сторону кивал, – донеслось из-под капюшона Эфеля. Голос магистра был глух и сопровождался многократным эхом, словно чародей находился в огромной, глубокой, но очень далёкой пещере-колодце.

– В вашу-вашу, – огрызнулся правитель, тем самым показывая чародеям, что не одобрил их политику невмешательства. – Господин Керлик Молниеносный против? Окончательное решение за вами – вы можете заблокировать решение Совета.

– А я-то думал, что это Романда следует спрашивать, желает ли он быть принцем Гулума.

– Не тот вопрос, чтобы оставить его на мальчишку, не достигшего второго совершеннолетия, – опять вмешался герцог Орлеш. – Так вы против, господин Керлик?

– Да.

– Решение окончательное? – уточнил Эфа и, чтобы сразить присутствующих наповал, добавил. – Керлик Хрон.

– Абсолютно, – кивнул тот.

– Хрон?! – дошло неожиданно до Совета. – Читающий?

– Нет, рисующий, – хмыкнул император. – По-моему, логично, если от Романда рожают детей Лилията Хрон, то её отец – из того же рода. Не находите?

– Кстати, – Керлик не дал выдержать ошеломлённую паузу. – Я действительно рисую. Хотите, сейчас намалюю картину «Зверское убийство императора и Имперского совета одним безумным чёрным магом» ?

– Не очень.

– А захотеть не хотите? – «настаивал» чародей. Вдруг он замер, словно к чему-то прислушиваясь, и затем резко спрыгнул на пол – ядовитая змея в стремительном броске. Многие члены Совета вскочили, готовые защищать императора от ужасного Хрона не на жизнь, а на смерть. Однако гость, даже не глянув в сторону Эфы и других потенциальных жертв, отошёл к стене, явно уступая для кого-то поверхность стола.

* * *

Внутри туннель перемещения оказался именно таким, как представился во сне. Точнее, лишь войдя в портал, Романд осознал, что привидевшееся в степи и есть внутреннее строение Туманного круга. Или Радужного – оба название подходили ему не только благодаря внешним, естественным эффектам. Юноша отчётливо видел стену-трубу клубящегося тумана, как и во сне она не вызывала приятных ощущений – чародея передёрнуло от омерзения. Хотя, что такого страшного в тумане?

К счастью, от белёсой мги людей отделяла другая стена – радужная. Здесь, вдали от солнца она выглядела точь-в-точь как мыльный пузырь, выдуваемый ребёнком из соломинки. В детстве Романду нравилось наблюдать за пузырями: за их несмелым появлением на конце трубочки, за увеличением от ещё некрасивой горошины до крупного яблока с тонкими переливающимися стенками. Они уже блестели и находились в постоянном движении, при этом почти не дрожали, как вначале... а потом пузырь лопался и падал на пол тяжёлой пенистой, мыльной каплей. За любованием на недолговечную жизнь в целом бесполезного чуда малыш Род даже забывал капризничать, когда его купали. Вдруг припомнилось, что первым пускал для мальчика пузыри не кто иной, как отец: он заставлял пузырьки танцевать по всей комнате, а ещё у него было колечко на палочке, из которого пузырьки вылетали стайками. Они отличались небольшими размерами, но кружились исключительно над лоханью для мытья и очень долго, всегда вызывая радостный смех Рода.

– Что дальше, Романд?

Заданный Ёорундо вопрос оказался донельзя актуальным. Они вошли-вползли в Радужный круг втроём: Имлунд лежал на полу, упругом и таком ненадёжном на взгляд и ощупь, братья сидели рядом и держали спящего отца за руки.

– Представления не имею, Руно.

О Кругах Романд знал исключительно по книгам, чего для ответа на экзамене вполне хватило – требовалась только теория. Но сейчас возникла острая необходимость в практике... под чьими-нибудь руководством и подсказкой. Да только вот из троих путешественников среди Миров лишь Романд смыслил в магии переноса, но окружающая действительность существенно отличалась от искусственных порталов. Раньше юный чародей случайно да самостоятельно или при помощи чужой магии перемещался в другую точку Мира мгновенно. Естественно, небезопасное развлечение – кто знает, что там в конце? Впрочем, Мир старался вытолкнуть пространственного «ходака» в пригодную для того точку... Например, не в толщу камня, а воздушный мешок в оной.

– По-моему, надо идти вперёд, – Романд вспомнил о туннелях: многие чародеи ими пользовались именно из-за проблем с пунктом выхода, хотя времени такое перемещение отнимало гораздо больше, чем прямое, к тому же, оно требовало от творца постоянного напряжения. Внутри очень опасно: шаг в сторону – и нет чародея. – Пока не увидим свет.

– И долго?

– Скорее всего – да.

– Мы не сможем, – Ёорундо покачал головой. Он был прав: последний бросок к Радужному кругу отобрал последние же жизненные силы. – Ты говорил, что здесь работает

магия. Перенеси нас в Главель. Или прямо домой, в родовой замок.

– Я не умею, – Романду снова хотелось плакать. – И я забыл, что чародейство в естественных порталах искажается. Результат непредсказуем!

– Род, ты забыл другое – ты случайный. Непредсказуемость – твоя стихия! – старший брат внимательно посмотрел на младшего. – Да и терять нам уже нечего.

– Наверное. Но я могу лишь выкинуть нас прочь отсюда – достаточно, я думаю, разорвать радужную стенку... – юноша нахмурился, его осенило. – Подожди! Руно, ты же перемещался вслед за нами, а не вместе. Так ведь?

– Да. Это как-то связано с приказом тебя убить.

– Что если мы воспользуемся этим? Я пробью дыру в туннеле, а ты пожелаешь переместиться в то место, где ты сможешь набраться сил для моего уничтожения.

– Романд! Я не хочу тебя убивать!

– Это шанс, брат. И ты ведь сам, только что сказал: нам уже нечего терять... И сразу ты меня не убьёшь, а потом мы справимся! Маг я, или нет?! – юноша сглотнул. – Ты пострадал из-за меня – следовательно, я в ответе...

– Пострадал? – не понял Ёорундо.

– Да. Ты хотел спасти мне жизнь!

Брат ничего не ответил – всё-таки Романд действительно непредсказуем. Даже в своей непредсказуемости, как бы оно странным ни казалось.

– Тогда вперёд? – уточнил тот. – Доверимся моей случайности!

– Вперёд!

* * *

Мысль о резком заболевании Преждевременной памятью минула Совет и к нему примкнувших по разным причинам. Керлик, например, не присутствовал на двух предыдущих представлениях – разве что на последнем косвенно. Алай Тхай аналогично – на первом.

Очередной портал перемещений, хоть и открывался над всё тем же злосчастным столом, не походил ни на прилёгший отдохнуть смерчик, ни на цирковой фейерверк. Теперь это был круг болотных огоньков-обманок. В отличие от первых двух порталов он не расширялся, а наоборот сужался: неверные, словно и впрямь исходящие от гнилушек или пещерных грибов огоньки выплыли из стен, осторожно обогнули людей и собрались по периметру стола. Каждое маленькое пятнышко мутноватого света неожиданно вспыхнуло, соединив пол и потолок, – от вспышки Эфель отшатнулся, да и Керлик, предусмотрительно отошедший подальше, вздрогнул. Затем «столбики» расширились, сливаясь с соседними, и свет заполнил образовавшийся над столом «круг».

– Что за мода пошла?! – рявкнул Эфа. Не любил он беспорядок и магию.

– Это не мода, – Новелль перемигнулся с остальными чародеями. – По-моему, это спонтанный портал...

– Я бы сказал, природный, – уточнил Эфель.

– Верно, природный, естественный. А конкретно в этой комнате и над этим столом из-за предыдущих перемещений истончилось пространство – нерукотворный портал и притянуло. Здесь легче осуществить выброс инородных тел. Природа (и природная магия в том числе) стремится идти по наиболее простому пути.

– В Мире полно стационарных порталов, а этот притянуло на мой стол!

– О, ваше величество, этот портал, по-видимому, настроился на Главель, стационарные же никогда ничего не притягивают – они ограничены и надёжно защищены, иначе бы наш Мир давно заполнили кусочки других Миров. А личное перемещение магов создаёт...

– Новелль! Избавь меня от лекций! Я не колдун и в чародействе не разбираюсь! И не намерен! – прервал объяснения взбешённый Эфа.

– А зачем тогда спрашивал? – искренне изумился глава Круга Старших.

– Я?! – Император яростно ударил кулаком по подлокотнику трона (по столу разумно опасался), послышался треск. Эфа взвыл от нешуточной боли, но судя по частично развалившемуся креслу, сломал он всё-таки не руку. – Распоясались! Уроды магические!

Имлунда на вас не хватает!

– Э-э, – подал голос Эфель. – Мальчик, шипеть шипи, но давай обойдёмся без ужасных проклятий!

– Имлунд! – нецензурно выругался император из принципа.

Словно испугавшись или обидевшись недостойного поведения Эфы, свет над столом вспыхнул и рассеялся, явив для изучения три тела. Через мгновение, когда мозг ещё отказывался верить глазам, нос навязчиво сообщил, что троица на столе, скорее всего, жива – разлагающиеся трупы обычно смердят по-другому.

– Нет, этого ребялёнка одного оставлять ни в коем случае нельзя! И в компании родственничков – тоже. Он так не вон... не пах во все предыдущие встречи вместе взятые! – Керлик в отвращении закатил глаза, постоял, вновь к чему-то прислушиваясь, и раскинул руки.

– Не смей! – вопль Новелля опоздал.

Тёмный чародей уже творил магию, не ведомую никому из присутствующих. Со стороны казалось, что из ладоней Керлика вырвались... две змеи... или два столпа шевелящегося дыма... или струи ночной воды... или гибкие плети кнута... или... Трудно разобрать, каждый видел что-то в соответствии со своей фантазией или отсутствием оной и только в одном был абсолютно уверен: это переливалось оттенками чёрного, от глубокой тьмы до бесконечного мрака, и оно рванулось к незащитной, неуловимо светлой фигурке Романда. Грубо ворвалось в мальчишку, на миг сонно свернулось ядовитой гадиной, а затем взорвалось, проникая в кровь, окутывая сердце и мозг, наполняя лёгкие, растворяясь в каждой клеточке тела. Свет, царивший в юноше, с жалобным, слышимым плачем отступил – Тьма изгоняла хозяина, убивала его. Однако Романд не умер.

Организм юноши вцепился в жизнь, дух – в ослабшее тело. Молодой чародей рывком сел на столе и непонимающим взглядом окинул комнату, потом взялся за изучение в ней присутствующих.

Рядом с Романдом Керлик аналогично пользовал Имлунда Зелеша. Правда, приходит в себя герцог пока не намеревался. Ёорундо очнулся самостоятельно.

– Где мы? – спросил воин. Он хрипел так, будто провёл в безводной пустыне год. Вполне возможно, что так оно и было в действительности.

– Не знаю, – простонал в ответ юный маг. – Перед глазами плывёт.

– Романд, братец, ты в следующий раз не мог бы заняться нашим перемещением не в момент издыхания, а чуточку раньше?

– Я тебе же говорил, что я не умею! Это не я перемещал! – забубнил юноша, не замечая, что Ёорундо истратил все силы на «возмущённую» тираду и потерял сознание. – Мы же Радужным кругом пользовались. Он работает... Я про него экзамен сдавал...

Романд перегнулся через край стола, словно неудачливый пассажир корабля через бортовые перила. Юношу рвало. Долго. Со всеми сопутствующими эффектами. Оказавшимся рядом членам Совета не повезло.

– Откуда? – изумился юный чародей. – Я же ничего не ел. Давно.

– Это чёрная магия, – Керлик осторожно утёр зятю лицо. – Ты же маг Света и твой организм отторгает Тьму, хотя и не против того, чтобы она его подлечила.

– Зо? – Романд, не веря глазам, дотронулся до тестя, убедился в его реальности и вдруг абсолютно по-детски прижался к нему. – Зо.

– Ага. Я. И скажи-ка мне, чучело, где же ты шлялся, когда твоя жена рожала?

И словно не было усталости, будто юноша только миг назад не находился при смерти – Романд вскочил и почти исчез, но Керлик успел перехватить зятя за ворот драного плаща.

– Только посмей показываться им на глаза в таком виде!

– Зо! – юноша рассмеялся, весело, живо, довольно. – Зо! Неужели я обманул смерть для того, чтобы меня отправила на встречу с ней любимая жена? Я знаю, ты плохо обо мне думаешь, но верю, что не настолько.

Вывернувшись из цепких рук, Романд кинулся вперёд, с разгона натолкнулся на каменную, не задрапированную гобеленами или шторами стену и нисколько не огорчённый повторил попытку. Во второй раз получилось – он перенёсся в Чёрный замок.

– А говорил, что не умеет перемещаться, – изумился Эфа.

– Не умеет, – подтвердил Новелль.

– Именно, – согласился Керлик. – И тебе, Нов, придётся его этому научить. А то от его спонтанности одни неприятности. Уже поверь мне!

– Тебе? – фыркнул светлый чародей. – Не надо мне приписывать большую дурость, чем я обладаю.

– Нов, ты и сам прекрасно справляешься...

Члены Совета разом вздрогнули. Они на протяжении разговора-спора смотрели на стол. Внимательно смотрели, но всё равно не уловили того момента, когда Имлунд Зелеш очнулся – и телом, и духом, и разумом. Восставший из мёртвых сидел, чуть сгорбившись и согнув ноги в коленях, левой рукой то ли поддерживал, то ли проверял на наличие голову.

Выглядел Зелеш, как и подобает мертвецу, плохо. И великолепно. Неприятный запах пота и засохшей крови уже не чувствовался – окружающие притерпелись. Грязная, порванная, почти отсутствующая одежда не замечалась. На бледные запавшие щёки, болезненные круги под глазами, спутанные светлые волосы и прочее разум не желал обращать внимания. Виделось иное.

Сила. Воля. Внутреннее сияние власти. Имлунд как никто другой походил на властителя Мира. Господина. Повелителя. Всё в нём кричало или, точнее, возвещало – я ношу Корону!.. И ведь он носил. Но невидимую.

«Скажите мне, герцог, почему вы не желаете быть императором?» – Эфа наконец задал мучивший его более пятнадцать лет вопрос. Вопрос, на который он по-настоящему знал ответ... потому и задал мысленно.

«А зачем?» – ответили глаза Имлунда.

Действительно, зачем? Зачем подтверждать своё право власти, если на него никто не покушается? Зачем Имлунду требовать себе подчинения, если даже могущественные маги выполняют его желания? Его. По сути простого человека, который столь недавно пересёк свою первую половину века, а внешне выглядел ещё моложе – на четыре десятка, не более.

– Почему все на меня так смотрят?

– Я почувствовал вашу смерть, отец, – Феллон подошёл к Имлунду, протянул руку и... осторожно дотронулся до Ёорундо, словно боялся удостовериться в призрачной природе герцога.

– О, я тоже её почувствовал. Но рядом находился Романд, – Имлунд фыркнул. Вышло не очень натурально. – Ты же знаешь, когда дело касается твоего братца, уверенность в том, что устройство Мира сработает так, как надо, резко пропадает.

– Отец, я огласил ваше завещание.

– Отлично, – Имлунд с трудом пожал плечами. – Одной проблемой меньше. Надеюсь, Совет не против кандидатуры наследника?

– Да, – вместо сына Зелешу ответил герцог Орлеш.

«Куда они денутся, когда за дело берётесь вы, герцог!» – Эфа знал, что Имлунд его слышит, потому что вновь прочитал по его взгляду ответ. – «Верно, Эфа, никуда не денутся, – зелёные змеиные глаза Зелеша встретились с наполненными гневом, вдруг вспыхнувшими жёлтым и тоже змеиными глазами императора. Эфа открыл рот. – Молчи, мальчик! Змея не укусит змею, и вряд ли яд гюрзы причинит вред анаконде... Ты же сам говорил, что не заведёшь детей, – пришлось об этом позаботиться мне!»

– Иму! – разорвал безмолвную беседу женский крик. – Иму!

Алай, позабыв всё, кинулась обнимать своего Директора. Ей было плевать, как оно выглядит со стороны. В этот момент Керлик с ужасом подумал, что сцена ему абсолютно не нравится. Ревнуешь?

– Дозволит ли его величество и Совет мне удалиться к себе? Вместе с сыновьями? – устало спросил Имлунд.

Император не ответил. К чему? И лишь запомнил, как на миг сцепились взоры Хрона и Зелеша.

– Герцог, подождите! – Новелль, однако, имел свои планы. – Может, теперь-то вы объясните ситуацию с третьим змеёнышем?

– Да, я в курсе этого глупого пророчества, – Зелеш внимательно смотрел на мага из-за

плеча Алай. – А ещё мне известно, что пророчества такая вещь, о которой узнаёшь лишь после того, как оно исполнилось. Ты ищешь третьего змеёныша? Ищи. Причём тут я?! Мой третий сын умер со своей матерью, даже не успев родиться... как и мой первый внук. Мой старший осчастливил свою жену только дочерьми и больше у него детей нет – можешь проверить. Это легко, особенно для чародея. Да и будь у меня внук по его ли линии, по линии Ёорундо – это всего лишь змеёныш. Любой мальчик рода Зелеш в праве именоваться третьим змеёнышем хотя бы потому, что все мы Змеи! Откуда вести счёт?.. Намекаешь на Романда? Он сын Эфы. Они оба змеёныши, но не более, чем я, Фел, Руно... В общем, мой тебе совет, глава Круга Старших Магической гильдии: брось заниматься глупостями!

Феллон Зелеш, дождавшись повелительного кивка, активировал амулет переноса. Маги посмотрели на пустой стол и исчезли. Остальные члены Совета немного посидели и тоже разошлись – сегодня обсуждать уже нечего, всё сказано и сделано. Пора заниматься своими делами.

Эфа остался в одиночестве. В своём вечном, безмерном одиночестве. Одиночестве служения империи. Одиночестве искупления вины, юношеской ошибки.

– Леэ, – Руника присела рядом со сломанным тронem. Её маленькая ладошка легла поверх кулака ярости, в который сама собою сжалась левая рука Эфы. – Леэ.

Старшая, умная сестра ласково улыбнулась. От неё веяло грустным спокойствием, силой, отданной в подчинение брату и его империи. А ещё – влагой, солнечным летним ручейком.

– Успокой своё сердце, Леэ, – её голос был подобен журчанию воды среди камней. Сама же магиня напоминала волну на поверхности глубокого озера. – Имлунд считает себя твоим отцом. И как отец не покинет тебя, хоть ты и совершаешь ошибки и, порой, непростительные глупости. Он даже не винит тебя в гибели нашего отца...

– Романду он назывался вовсе родным отцом. Но достало одно ослушания, чтобы лишить мальчика своего имени и поддержки!

– Неужто? – теперь Руника походила на облачко или даже на грозную тучку. Вместе с настроением менялось и одеяние магини. Поначалу она была облачена в строгое синее платье, теперь тело женщины окутывала лёгкая на вид, но на деле грозная паутинка-кольчуга. Впрочем, Эфа знал – то и другое иллюзия для младшего братишки, сестра никогда не позволяла себе одеться неподобающим принцессе образом. – По-моему, Имлунд защищал Романда. Да, жестоко, но действительно. И теперь, спустя столько лет, ты обрёл сына.

– Нет, – император нервно заёрзал на кресле, но под спокойным взглядом сестры замер. – Нет, Руни, теперь я его потерял навсегда. Если Романд назовёт меня отцом, значит, ему велел тесть. Или Имлунд.

– Леэ, Леэ. Сдаётся мне, Романд назовёт тебя отцом только тогда, когда сам захочет.

– Он не захочет.

– Скорее всего – да, – не стала спорить Руника. – Но из этого не следует, что ты не можешь быть его отцом. И уж другом стать точно получится! Ты только дай ему возможность разглядеть себя, увидеть то, на что смотрит Имлунд, что открывается мне.

– Как это сделать, Руни? – Эфа сейчас донельзя напоминал сына с его вечным наивным «А как это, госпожа Руника?» или виноватым «Я случайно!».

– Для начала познакомься с Романдом. Не бойся, но собери все свои силы – ты получишь то, что заслужил.

* * *

Керлик вернулся домой. Жутко хотелось спать, немного есть. И нестерпимо – помыться и уничтожить одежду. Аромат вернувшегося Романда, казалось, пристал к рубахе намертво.

Неспешно выполнив последнее желание, чародей со стоном лишил себя первых двух. Судьбы Мира, конечно, вещь серьёзная и изматывающая, но управлять хозяйством тоже надобно. После исчезновения Марго Керлик так и не закончил разбираться со счетами. А ведь Ратик Губошлёр как староста поднадзорной деревушки просил учинить господский суд.

Маг хмыкнул. После его вердиктов все недовольны, обзываются (нарочито громким, но всё-таки шёпотом) за спиной свихнувшимся злобным чароплётom. А чего тогда звали? Керлик с

удовольствием бы обошёлся без этой своей обязанности. С другой стороны, когда в Чёрной Волне относились к господину как-то по-другому? Ведь сам таких смешных воспитал. Или они – его?

Деревня стояла у холма-волны задолго до появления в этих местах Керлика. Чародей просто шёл мимо, направляясь в Орлиные горы – в них имелось кое-что, способное его заинтересовать. И вдруг он увидел это странное место: чистые кишашие рыбой озёра, виноградники, явно существующие благодаря магии, блестящие золотом в лучах солнца пшеничные поля, перемежаемые небольшими берёзовыми рощицами, и холм, заросший высокими деревьями, таких в округе и не было-то.

Помимо неповторимой формы и растительности холм обладал удивительной аурой: чистой и вместе с тем угрожающей – чтобы такое пропустил маг, к тому же, тёмный? Никогда!

Керлик, нисколько не обращая внимания на местных жителей, поднялся на гребень «волны» и с удовольствием побродил по нему. С аурой так и не разобрался, но почувствовал, что это место для него: оно было таким спокойным, родным... А потом чародей устал и проголодался, тотчас вспомнил о замеченной деревушке и, следовательно, возможности отдохнуть. Он спустился, без труда отыскал небольшой трактир, вошёл... и убил какого-то мужика, пристававшего к молоденькой девчушке. Та напомнила Керлику о Жиине – и мимохожий гость, не задумываясь, нанёс удар.

Позже выяснилось, что ему под руку попался местный барон – Керлик ещё с Вольных Отрядов (а, может, и раньше) отличался удачливостью и своевременностью. Так как барон был из вольных, не подчинявшийся ни одному из господ, даже императору Гулума, маг оказался подсуден лишь деревенским – других, кроме убиенного, хозяев у них и не имелось. Однако у вольных баронов законы просты: убил хозяина – значит, хозяйничай за него сам, на чём настаивал отец девочки, староста деревни. Керлик для вида посопротивлялся, но уж очень холмик ему приглянулся...

Через пять лет у мага был Чёрный замок, а потом и владения как-то сами собой увеличились. Докатился он аж до того, что стал почти подданным соседа-Гулума... А всё жители Чёрной Волны. Одна радость – скинуть дела на Романда. Мальчишке всё равно надо учиться – надежда и опора государства как-никак. Хотя, конечно, владения Керлика не модель империи, но опыта зятёк всяко наберётся.

Таким образом, найдя гениальное решение проблем и не ища в нём изъяны, чародей отворил дверь кабинета.

– Тьфу-ты! Помяни Свет – день и наступит!

На диванчике, который ближе к окну, сидел Романд. Чистенький, благообразный. Само спокойствие. От юноши исходил Свет – Керлик редко видел зятя таким. Пришёл на серьёзный разговор.

Величественную, несколько нереальную картину портила наливающаяся багровым шишка на лбу Романда. Да и Пушистик, прильнувший к щеке создателя, придавал оттенок умильности.

– Что ты здесь делаешь? Не хочешь идти к жене?

– Я у них был, Зо, – юноша не поднялся, только вскинул глаза на тестя, в целом оставаясь таким же неподвижным и послушным. Чему? – Они спят. Мне подумалось, что не стоит их будить только для того, чтобы показать себя, – он помолчал, как-то виновато улыбаясь. – Близнецы. Выходит, не двуцветный маг, да?

– Выходит. Ты хоть поел, малыш?

– Не хочется. После твоей магии, Зо.

Романд принялся выискивать что-то на полу.

Тишина окутала кабинет, поглотила пространство, а вместе с ним звуки, запахи, цвета. Жизнь. В комнате был только Романд и его Свет. С удивлением Керлик обнаружил, что не чувствует силы зятя, на разум и сердце не давила его обжигающая мощь. Сейчас перед магом сидел беспомощный мальчишка. Как будто даже парализованный.

Безвольные руки сложены на сжатых коленях, плечи опущены – смирение. Романд принял для себя некое решение и ожидал ответного от судьбы. Он не стал покорным рабом, но смирился.

Пушистик, словно зная, в чём дело, обнял шею юного чародея. Как это удалось созданию, не имеющему рук или лап, Керлик не понял. И не захотел, потому что – не надо.

– Зо, – Романд оторвал взгляд от плитки и всмотрелся в тестя. – Зо, я убил Марго.

Керлик отвернулся, прошёлся туда-сюда по кабинету и, кивнув сам себе, остановился у стола, привалился к деревянному уродцу. За спиной хрустальный шар показывал сгорающую на злом солнце летнюю степь и руины некогда великого храма.

– Рассказывай, – ровным голосом проговорил маг. Не приказал, не потребовал, а просто сказал.

– Что? – юноша вскинулся, ожил. – Зо, ты хочешь услышать от меня какое-то оправдание? Чтобы я жалобно произнёс: «извини, я случайно»? Так этого не было. Я убил намерено, специально. Или, может, мне объяснить, что Имлунд значит для меня больше, чем Марго? Имлунд вырастил меня, воспитал... Свет! Он же меня ни на миг не оставлял одного в течение трёх моих первых лет. Я забыл, а вот теперь вспомнил. И когда судьба предложила мне выбор – Имлунд или Марго, – я отвернулся от твоего друга, Зо.

– Почему же ты до сих пор зовёшь меня Зо?

– Потому что это не относится к Марго. Зо – это ты, а не предложенное им имя... Зо! Я не хочу оправдываться! Не желаю! Я...

– А я не хочу слышать оправдания, – оборвал Керлик.

Романд осёкся, часто непонимающе заморгал. Нахмурился.

– Ясно, – вдруг произнёс он. – Я расскажу... – В его глазах блеснули слёзы. Старший чародей только сейчас их заметил. – Тогда мне всё надоело. Надоело слушать, надоело понимать, надоело ставить себя на чужое место. Надоело прощать. К тому моменту я не помнил Литы, что она носит в себе частицу меня, что я им нужен, что я ответственен за них. Мне не хотелось искать объяснения, я отказался думать. Что я? Где я? Зачем я? Обрушусь, разлетись на мелкие кусочки Мир – или Миры, – я бы не заметил, не обратил внимания. Отчего со мной случилось такое, я не знаю. Да и какая разница? Стало. Было. Но когда Имлунд и Марго скрестили мечи, я задал вопрос. Я не нуждался в этом вопросе и ответе на него, но... Это внутри, в организме, наверное. Из-за этого я, например, узнал, зачем к тебе приходил император.

– Что?! – удивление прорвалось сквозь ледяную маску отчуждения.

– Я не хотел. Правда! – изумление Романда самому себе казалось естественным. – Мало ли зачем Льеэфе Л-лотаю потребовалось посещать тебя – мне-то какое дело? К тому же, вряд ли император вещал что-то интересное, если ты устроил мне гонку с мечом. И вдруг полная блокада от прослушивания – я не удержался.

– Говорят, в одном из Миров, – Керлик слишком привык воспитывать, чтобы и сейчас не заняться тем же, – жила великая чёрная магиня Линель Седая. Она часто стояла под закрытыми дверями и слушала, не предназначенное для её ушей. Оттого и поседела раньше срока.

– Да.

– Как тебе удалось обойти заклинание?

– Имелась лазейка.

– Око? – догадался Керлик.

– Да, – Романд кивнул. – Когда ты успокаивал меня насчёт Литы, я понял, что Око Охранения висит не только на ней. Собственно, я почувствовал Око на себе. Вот этой ниточкой, этой связью я воспользовался. И пожалел, да поздно спохватился... Когда Марго обезоружил, почти убил Имлунда, что-то – не я, а всё ещё живущая моя частичка – задала вопрос. Что происходит? И они мне не ответили. Но если Имлунд просто промолчал – он как и ты, Зо, не любит отвечать на вопросы прямо, он предпочитает подводить к ответам, заставляет до них догадываться своим умом, – то Марго принялся доказывать мне свою правоту. Меня это не удивило – я говорил то, что положено. Хотя, о чём это я? Говорил, скорее, мой рот. И вдруг Марго упомянул о твоих золотых монетках.

Ерунда. Мелочь, но она заставила очнуться. Дело в том, что после посещения Замка Путей я спрятал твой двойной амулет. Наверное, глупо, но я боялся, что если придуманный тобой способ побега останется со мной, то проклятье сумеет возвратиться. Впрочем, когда монетки оказались у меня в кармане, я не особенно задумывался. Ну, случайно оказались. Со мной вечно

что-то случается. Я случайный... А Марго вдруг напомнил. Одна мелочь зацепилась за другую.

Марго натурально силком вытащил меня в Главель, затем потянул в Школу. В Школу Имлунда Зелеша, которая существует не первый год. Да, можно предположить, что Марго ничего не слышал о Школе – она молода, моя ровесница, но зачем я-то... Ради Света и Тьмы!.. Зачем я сунулся туда, где мне, магу и отказнику, самое место?!

Было ещё что-то. Но самое главное – был разговор с Имлундом. После исчезновения гоблина я рассказал отцу и брату, что ты не сможешь нам помочь. И почему, кстати. Так работает амулет... Я знал, но только в тот миг, когда Марго заносил меч, понял, что всё пошло совсем по-другому. Абсолютно...

– И Марго, который непосредственно не касался тебя в момент перемещения, никак не мог очутиться в том же Мире, что и ты. И уж тем более – не рядом, – закончил Керлик. – Если же Марго способен тягаться с моей магией, то кто он?

Романд заметил боль за внешней отрешённостью и попытался её как-то утишить.

– Зо, возможно всему отыщется логичное объяснение. Тогда у меня не имелось на него времени... – и оборвал себя, понимая, что лишь бередит рану.

– Зато на меня его свалилось предостаточно, – старший чародей грустно улыбнулся, скорее, изогнул уголки губ. – Я надеялся на ошибку, но... Это урок одному зарвавшемуся магу. Урок, в результате которого, слава Тьме, никто не пострадал... Для меня тоже нашлась своя мелочь, которая потянула за собой остальные. Я увидел всю картину. Потом я открыл Книгу. – Керлик покачал головой. – Я должен был догадаться, когда встретил его во второй раз, таким же молодым, как во времена бытия вольником. Даже я постарел, но не Марго.

– Что-то страшное случилось с ним, раз он предал вольника и друга. Я знаю одного человека, с которым подобное случилось – такого я и врагу не пожелал бы!

– Ёрундо? Не отрицай – мне рассказали, в каком порядке вы исчезли из Школы, – Керлик пожал плечами. – Не беспокойся, я не стану вмешиваться, если ты не попросишь... Но Марго не был мне другом – есть ещё одна мелочь. Я думаю, и тебя она задела.

– Ледышка? – Романд вскинулся. – Так эльф Имлунда называл, а тебя Молнезадом.

– Да уж. При этом Гирелингель носил прозвище Клякса, а Делиц – Камень. Жизнь до Вольных Отрядов Отрядам не принадлежит.

– Следовательно, Марго, Маргаритка – это тоже не имя, – юноша покачал головой. – Зо! Это ничего не значит, можно отыскать тысячу объяснений.

– Можно. Но это ещё одна мелочь. Ерунда, как ты выразился. К тому же, я взялся за Книгу. Она никогда не скажет всего, но откроет многое. Особенно, если знать, о чём спрашивать. Марго наткнулся на Керлика Хрона. Один раз потерял, во второй – не упустил из виду... Представления не имею, для чего я ему понадобился, но применение мне, я полагаю, он отыскал бы. Затем некая дамочка родила от указанного Керлика Хрона девочку, которая впервые за всё существование рода стала наследницей – раньше власть передавалась сыновьям. Это уже кое-что... Дальше догадаешься, Романд?

Юноша не успел ответить – кто-то сделал это за него.

– А дальше мимо пробежал мальчик с дурной репутацией: по чистой случайности портить хорошо продуманные или не очень планы. Иногда – не только планы.

– Лита! – Романд вскочил и в немом восхищении посмотрел на свою потрясающе прекрасную жену.

– Давно под дверью стоишь? – поинтересовался Керлик.

– Давно, – со вздохом призналась чародейка. – Твой зять, папа, гремит костями, что тысяча воскрешённых драконов.

– Лита! – упомянутый зять обиженно и вместе с тем виновато надулся.

– Ну что, Лита? Романд, ты так и будешь столбом стоять или всё-таки обнимешься да поцелуешь свою жену?

– Но... – юноша покраснел и скосил глазом на тестя.

– Ох, – вздохнула магиня. – Ты бы ещё сказал, что папа не знает, откуда у него в доме появилась парочка орущих близнецов.

«Не знает, но догадывается», – подумал Керлик, следя за Романдом. Тот окончательно смутился, но долго гореть от стыда себе не позволил – глупо ведь! Юноша кинулся к Лите и

сделал, как она велела: обнял и поцеловал. И только после в недоумении посмотрел вниз: Романд и не предполагал, что его жена такая маленькая.

– А как их зовут?

– Девочка и Мальчик, – чародейка осторожно потрогала мужу щеку, словно проверяя ту. – А ещё – Тихо-тихо. Или Дайте-поспать-маленькие-изверги.

– Мне последнее имя не нравится. Да и второе не очень, – Романд задумался. – И первое – так себе.

– Тогда придумаешь что-нибудь получше? – Лита улыбнулась.

– Давай, – согласился муж.

– Во время завтрака, – посоветовал Керлик.

Они, вспомнив, обернулись, но чародей махнул рукой – мол, идите-ка отсюда, у меня дел без вас полно. Молодые, не задерживаясь, ушли.

Чародей сел за стол и взялся за бумаги, но смысл оных от мага ускользал. Наконец, бросив пустое занятие, Керлик подпер рукой щеку и застыл, на его лице гуляла глупая, довольная улыбка.

– Я только что действительно понял! Я стал дедушкой!

Вдруг хозяин резко вскочил, но библиотека пустовала. Лишь царил уже привычный хаос, да памятником безвременно почившему порядку красовались по центру залы ведро и швабра. У Керлика возникло подозрение, что уборку на Романда сегодня не свалишь – о слугах чародей и не думал.

А Чёрный замок снова был всем доволен: внутренняя гармония восстановилась, вопрос с последним приобретением разрешился и всякие ненужные гости удалились. Замок засиял, предвкушая новые интересные открытия... и подарки от хозяев. Чёрный замок любил подарки.

Глава 20 Гнев, или Плата за рождение

Романд терпел. Долго. Но в определённый момент не выдержал: открыл рот и заорал. Вопль вышел отменный: кричащий вроде бы неожиданно, без видимой причины и над ухом взрослый мужчина в состоянии добиться различных эффектов, начиная от обычного заикания нечаянного свидетеля до внезапной смерти последнего из-за сердечной недостаточности. Керлик ошарашив зятя лишь красочным прыжком назад и недоумённым взглядом. Романд в ответ высокомерно хмыкнул, развернулся и ушёл.

Старший маг некоторое время удивлённо смотрел на пустоту вместо зятя, затем догадался, что кто-то отправился подлю жаловаться Лите... Романд действительно отыскался у жены. Не обращая внимания на вновь замаячившего в поле зрения тестя, юноша заявил отчётливым шёпотом:

– Не хочу быть престолонаследником! – и скорчил жалобную рожицу.

Лита нежно улыбнулась, лаская и успокаивая взглядом мужа, затем вдруг прямо-таки осветилась мечтательным коварством.

– Я бы не против стать императрицей.

– Правда? – тотчас развесил уши Романд.

– Да, – кивнула искусительница.

– Ну, – её муж вздохнул, – тогда я согласен.

Керлик подумал, что в очередной раз не знает, как реагировать. С одной стороны, Романд, столь легко поддающийся уговорам жены, позорил всех мужчин вместе взятых. С другой – умение Литы прославляло род Хрон... Чародею понадобилось некоторое время, чтобы услышать и расшифровать странные звуки: парочка уже сидела рядышком на диванчике и сдавленно хихикала, глядя на муки главы семейства.

– Не стыдно вам, – отчитал их Керлик, – над стариком издеваться?

Лита и Романд уткнулись друг в друга и чуть не возрыдали от смеха – сдерживала их боязнь разбудить детей.

– Ты чего орал? – чародей дождался, когда молодёжь придёт в более-менее адекватное состояние.

– Зо, я понимаю, когда ты меня крутил, что юлу, проверяя достойно ли я выгляжу... хотя чхал я на Совет!..

– Тебя на него вырвало, – уточнил Керлик.

– ...но зачем тебе понадобилось отрывать мне ухо?

– Да так... – смутился тесть.

– Не беспокойся, Зо! Они увидят серьгу! – Романд зло прищурился. – Я женат. И я не позволю им отобрать себя у Литы и наших детей! Поверь мне!

Они помолчали. Лита потёрлась щекой о плечо мужа, при этом она внимательно смотрела на отца. Её блестящие глаза умоляли: «Помоги ему сдержать обещание!» Керлик кивнул.

– Зо, почему ты не можешь наложить своё вето?

– Гильдия и Эфа умыли руки, а Совет поддерживают оба старших Зелеша... хотя кто тут кого поддерживает, конечно, интересный вопрос... но сейчас мы не в силах сопротивляться этой махине.

– Я приготовил для них один сюрприз, – Керлик без труда узнал змеиную улыбку. – Если ты не против.

– Это твоё решение или желание сделать пакость?

– Я решил так давно, – Романд говорил предельно серьёзно. – Но в прошлый раз ты отказался. И не то чтобы мотивы были глупыми, скорее – неубедительными... Да и напакостить тоже хочется.

Старший чародей снова кивнул, показывая, что понимает зятя.

– Папа, – неожиданно встрепелась Лита. – А разве нет закона, гласящего, что маг не имеет права носить корону?

– В том то и дело, что нет, – вздохнул Керлик. – Во многих Королевствах подобный закон существовал. В той же Офидии с этим вопросом всё было куда серьёзнее: прав на трон не имел даже ребёнок мага или магини. Однако в Гулуме закон официально не утверждали... Полагаю, дело в роде Лоххаль, который обладал немалым потенциалом: рано или поздно чародей в роду появился бы. И, надо признать, чем позже это произошло бы, тем могущественнее оказался бы маг. Собственно, так оно и получилось.

Романд тяжело вздохнул.

– Жаль, что я не тёмный.

– Вовсе нет, – возразила Лита. – Принадлежи ты Тьме, закрывать Врата отправили бы кого-нибудь другого, а тогда мы бы не встретились...

– Какое горе! – ехидно прокомментировал Керлик, но молодёжь его проигнорировала, занятая исключительно собой. – Ну, совести вообще нет! Милуются уже у меня на глазах! – старательно пробурчал старший маг, втайне любуясь нежным поцелуем. Пожалуй, чародей до сих пор не понимал, как вот эта любовь получилась, но несказанно радовался ей. – Романд, нам пора.

Юноша поднялся, ухмыльнулся. Лита демонстративно сложила руки на груди.

– Что такое? – не понял Керлик.

– А дочу поцеловать? – зять с показной строгостью посмотрел на тестя.

– С вами не соскучишься! – тихо, но довольно рассмеялся тот. – Лита, ты без нас веди себя прилично.

– А вы – без меня, – ответствовала дочь, подставляя щёку отцу.

– Не беспокойся, я пригляжу за Романдом.

– О! Папа, я надеюсь, что это он приглядит за тобой...

* * *

Очередной Имперский совет решили провести на территории Магической гильдии: дело касалось престолонаследника, а тот являлся полноправным членом Гильдии со всеми вытекающими последствиями – он находился под опекой и защитой Круга Старших, с одной стороны, и подчинялся приказам оного, с другой. Потому, кстати, Круг пригласили на Совет в расширенном составе.

В связи с перечисленным Керлик и Романд материализовались в одном из общих залов

Гильдии, открытом для свободного перемещения. Там же располагался и стационарный портал. Внешне он ничем особенным не выделялся: обычная дверь в стене, а за ней вместо комнаты клубящийся, подсвеченный изнутри туман. Гильдейские порталы не настраивались на конкретные места в Мире, а просто связывались со всеми стационарными порталами, созданными когда-либо и кем-либо и поддерживаемыми в рабочем состоянии. Впрочем, чародеи редко пользовались подобными «дверками», преимущественно полагаясь на личную силу или амулеты, да и пространственные естественные отнорки встречались в здании Гильдии во множестве.

– Скажи, зачем это делать так срочно?

– Романд, срочно – это, когда выдёргивают на заседание сразу же после прихода в себя.

Например, на следующее утро после возвращения, – хмыкнул Керлик. Они очутились рядом с тремя зеркалами странной формы: равнобедренный треугольник с вершиной, указывающей на пол, крест, так же сужающийся книзу, и палка с чем-то вроде острого набалдашника, для разнообразия расположенного сверху. Ни дать ни взять – рыцарские масти Игрального крестовика. Отчего-то в зеркалах отражался исключительно Керлик. – А тебе, между прочим, целую седмицу на отдых выделили!

Неожиданно растроившийся, кривоватый зеркальный Керлик подмигнул настоящему. Привыкший к выходкам отражения чародей и глазом не повёл, зато Романд вздрогнул и отступил на шаг.

– Не обращай внимания – на него изредка находит.

Зять ответил уничижительным взглядом и спрятался за колонну, благо их стояло в зале немало. Собственно, кроме новоприбывших магов в помещении находились только колонны, из-за чего оно походило скорее на галерею-коридор, нежели на место общих сборов. Наличие стационарного портала и пустота заставляли увериться в правильности предположения.

– Зо, а я, кажется, разобрался, почему тот Мир такой странный, – сообщил Романд, глядя на «дверь».

– Ты про отсутствие магии? Интересно.

– Нет. Это мне абсолютно не понятно! В предмете есть сила, а в свободном доступе – нет... Странно это, – юноша не хотел идти к Совету, по всей видимости, тень – тоже. По крайней мере, он никуда не торопил зятя. – Я о другом. Мы сначала оказались в степи, потом на вершине горы. Кстати, очень высокой: я не заметил, но Горша... – Романд досадливо скривился.

– Он ведь перед тобой извинился, – напомнил Керлик. – Он неверно перевёл слово «телохранитель». У них это... хм, неприлично.

– И что?! Хоть бы и так – из этого не следует, что надо бросаться на меня с кулаками!

– Не следует, – согласился старший чародей. – Но, может, всё-таки извинишь парнишку – он и без того места себе не находит. А мальчика ещё и к Учителю возвращать пора.

– Да простил я его. В глаз дал – и простил... Так вот, Горша с Руно провели наверху целую ночь – было холодно и трудно дышать. При этом мы с отцом ничего подобного не отметили, да и спустились мы к подножию, если конечно его можно так назвать, чересчур быстро.

– Хочешь сказать, что вы преодолевали расстояния несколько большие, чем казалось вашим ногам и глазам?

– Точно!

– Монетные круги?

– Нет, – Романд покачал головой. – Мы же видели, куда идём и где уже прошли. Это Круги миражей, причём довольно-таки необычные. И ими буквально напичкана вся «гора». Может, именно поэтому магия и не работала: пространство Мира без того нестабильно из-за Кругов, а если к ним ещё и чародейство добавить...

– Да уж. Ведь тогда невозможно было бы и шагу без опаски ступить, – Керлику рассуждения зятя показались логичными. – Однако Монетный круг всё-таки имелся.

– В Школе Меча? – догадался Романд. – Похоже на правду. Его при строительстве не заметили – он же нестабилен и, вполне возможно, в какие-то моменты времени и вовсе не существует. К тому же, не известно, кого он пропускает и вообще по какому принципу

работает.

– Случайному?

– Кто знает, – не стал ни обижаться, ни спорить юноша. – Факт в том, что он сработал. Самое забавное, что в этот же момент Марго активизировал твой амулет, а чуть позже Руно неосознанно воспользовался чарами ассасинов. Я думаю, из-за возникшего искажения Марго переместился несколько не в то место, в которое рассчитывал. Как и мы. Но скачок «холм-гора» выбивается из общей картины.

– На самом деле, нет, – Керлик отрицательно мотнул головой, стараясь не выдать, как ему трудно говорить о капитане. – Заклятье на монетках многоступенчатое – я очень старался замести следы. Наверное, в процессе работы оно некоторым образом выровнялось и воссоединило вас с Марго.

– А почему Горша к нам домой переместился?

– Ну, это легко объяснимо: немного переделать заклинание существенно проще и незаметнее, чем полностью изменить. И для этого не требуется быть могущественным чародем – достаточно аккуратности и кое-каких знаний... Я недавно нечто схожее проделал с одной дверкой... – тёмный маг не стал уточнять с какой именно и того, что аккуратностью там и не пахло.

– Н-да...

Они замолчали. Но зал-галерея не любил тишины: лишь его покинули голоса, тотчас наполнил дробный перестук каблучков. Распахнулись двустворчатые двери и впустили Алай Тхай. Она, не обращая внимания на окружение, скоро пересекла помещение и исчезла за другими дверьми, а Керлик так и застыл с приоткрытым ртом.

Женщина-рыцарь в непривычном длинном платье, в тужельках, с изящной причёской и без меча казалась ещё прекраснее, чем представлялось в воспоминаниях какое-то мгновение назад. Перед глазами вдруг встали их первая встреча. Если бы он остался с ней... тогда не родилась бы Лита...

– На твоём месте я бы взял ноги в руки и побежал догонять!

Керлик в недоумении посмотрел на Романда.

– Вот только твоих советов мне и не хватало!

– Похоже на то, – кивнул зятёк.

– Стой здесь! Я сейчас! – рывкнул тесть и бросился вслед за Алай. Впрочем, преследовать её он не собирался – Керлик отправился в архив, но Романду незачем об этом знать.

Архив располагался в подвалах-пещерах здания Гильдии. Объяснялся выбор места для хранилища очень просто. Во-первых, архив на то и архив, чтобы хранить исторические, а точнее когда-либо и каким-либо способом написанные документы, которые вызывали интерес, но не пользовались повышенным спросом, как те, что находились в общей библиотеке. Или были настолько редки и представлены в штучных экземплярах, что очередь на их использование расписывали на седмицы и месяцы, а то и годы вперёд. Такое хранилище требовало огромного помещения и, с другой стороны, вряд ли стоило располагать его у всех на глазах.

Во-вторых, без магических усилий, естественным образом в пещерах поддерживался удивительный климат: не влажный, не чрезмерно сухой – идеальный для долгой сохранности пергамента, бумаги и дерева, да и глина табличек-оттисков чувствовала себя в архиве очень и очень неплохо. Каменные плиты и листы различного металла вовсе не нуждались в особенной заботе и повышенном внимании. При всём при этом в пещере жил особый вид фосфорных грибов, света которых более чем хватало для работы даже с документами, чьи чернила выцвели настолько, что почти слились с фоном своего носителя.

А в-третьих, если имеется такое сокровище, как эти пещеры, то грешно ими не пользоваться.

В проходной Керлика встретили двое: Хру и старший архивариус. Оба такие же, как и прежде, нисколько не изменившиеся, возвратившие мысли чародея к временам юности. Архивариус, пожалуй, чуток ещё поседел, но как был древним стариком, так им и остался – он всё ещё жил то ли благодаря своей магии, то ли просто терпению и по привычке. А, возможно,

из боязни, что помощники приведут архив в негодность. Эти мальчишки, которым всего-то триста лет! Один ветер в голове!

Хру, бессменный секретарь Гильдии и Школы при Гильдии, тоже не торопился примерять на себя годы: магии в человеке ни на медную монетку, да предки постарались – наделили жизнью, которой и не всякий эльф похвастается.

– Здравствуйте, юноша, – архивариус мельком глянул на гильдейский кулон Керлика. – Не магистром ли желаете стать?

– Спасибо. Но это вряд ли, – откликнулся чародей.

– Хоть вы юны и, как положено в ваши годы, безответственны, на мой взгляд, вам уже пора попытаться понять, что всегда следует стремиться к большему! – старик наставительно поднял палец.

– О! Если мне не изменяют глаза и память, – вмешался Хру, – то это молодой Хрон. Он стесняется. Это у них семейное: ни один не хотел становиться магистром, хотя данные потрясающие!

– Вижу, – кивнул архивариус и тепло улыбнулся. – И тоже помню.

На появление восемнадцатилетнего Керлика в стенах Гильдии лишь трое отреагировали без малейшей толики неприязни. Двое сейчас стояли перед ним.

– И чего же вы хотите, молодой Хрон.

– Мне бы посмотреть на документы времён становления Гулума.

– Правление Зелеша Офидийского требуется? – уточнил архивариус.

– Пожалуй, да.

– А вам, случаем, не генеалогические древа главных родов империи понадобились? – неожиданно вмешался в диалог Хру. Керлик не сумел скрыть охватившее его изумление. – Так и есть. Ох, опять у вас мода на экзотику очередную пошла! Раз появился второй, то жди и третьего, а там – остальные подтянутся.

– Кто-то уже интересовался? – читающему даже не пришлось напрягаться, чтобы изобразить глупый вид.

– Верно. И ваши, тёмные. Госпожа Олиушо... – секретарь цокнул. – Я вас провожу, молодой Хрон. Но напоминаю: ведите себя прилично и не шумите! Если устроите то же, что и эта девица, спуска не дадим – вы всё-таки серьёзный мужчина, а не ветреная девчонка.

Керлик молча кивнул.

Дождавшись, когда лёгкие шаги Хру стихнут, чародей развернул широкий свиток. Генеалогическое древо. С какого конца на него ни смотри, глаза видели то, что видеть не желали. Впрочем, ожидали. Вздыхнув, Керлик отложил манускрипт и взялся за книгу-сопровождение. Ни в том, ни в другой, на деле, после прочтения книги Имлунда Зелеша маг не нуждался. Не требовалось лезть в архив, даже обращаться к Книге Мира не надо было – копии, малютки-книги, никогда не лгут. Но Керлик надеялся, словно что-то из-за его хотения могло измениться... Не изменилось.

– Ну, Змей! Только явись! Я тебе такой разговор устрою... – сквозь плотно стиснутые зубы слова почти не прорывались, ладонь сжалась в кулак, но чародей сдержался – признаться, побоялся, что на шум всё-таки прибегут архивариус и Хру. Нехорошо бы вышло.

– Ой, кто это здесь шипит? – его всё же услышали. – А! Это ты, Кер. Я уж подумала, что эти ненормальные завели удавов в качестве сторожей. Не люблю змей.

– Я так терпеть не могу, – буркнул Керлик и поднялся, приветствуя белокурую гостью. – Здравствуй, Скородел. Прости, что я забыл о вас в библиотеке. Дела отвлекли.

– Ничего, – отмахнулась магиня. – Что ищешь?

– Да вот... Слышала, наверное, мой зятёк теперь престолонаследник. Пытаюсь отыскать закон, запрещающий магам становиться правителями.

– Такого закона сейчас нет, – пожала плечами Милик.

– В Гулуме, – уточнил чародей. – В Офидии он был и довольно-таки жёсткий. В империи же его не принимали просто в силу того, что Гулум считался правопреемником Змеинового королевства. То есть закон сочли уже существующим...

– Однако нигде он документально не подтверждён, поэтому тебе беспокоиться не о чем.

– Милик, – нахмурился Керлик, – именно это меня и беспокоит! Моей семье только не хватало проблем, связанных с управлением огромной империей. Да и запретили магам носить корону не зря: мы живём слишком долго, а власть трудно отдавать другим, особенно молодым. Пусть эти молодые и наши дети!

– Мой мальчик, ты рассуждаешь, как обычный человек, – фыркнула магиня. – Ты ещё слишком юн! И твой род не славился долгожителями. Насколько мне известно, Хрон протянул всего лишь полтора столетия – это так мало! А максимум для его потомков?

– Пожалуй, я, – честно признался читающий.

– И тебе даже восьмидесяти нет. Твои же предки, Кер, жили тридцать-пятьдесят лет в зависимости от того, когда они успевали обзавестись наследником... Ты не объективен.

– Возможно, ты права.

Милик присела рядом с Керликом. Так, в молчании они провели несколько минут.

– А что Олиушо? – вспомнил чародей о своей второй гостье. – Она очень сердилась?

– Конечно, – хмыкнула магиня. – Будешь тут сердиться, если притащился убивать человека, а его и нет.

– Что?!

– Ассасинка проклятая! И ведь нисколько не скрывалась! – зло процедила Милик. – Маску носит, звёздочки у самого Керейна заказывает! С-су...

– Зачем я ей? – изумился Керлик.

– А зачем ты другим ассасинам?

– Например, моему Марго? – вполголоса пробормотал читающий.

– Он не... – магиня осеклась, но поздно.

– Ты не спрашиваешь, о ком речь? – чародей вскочил. Хоть он и намеревался спровоцировать Милик на признание, поведение и реакция женщины на простенькое замечание оказались несколько неожиданными. Буквально всем телом ощущая опасность, Керлик потянулся к поясу – гибких металлических лесок-кнутов у мага имелось в избытке. Однако он не успел – руку ожгло, она мгновенно покраснела и покрылась волдырями. Магия Огня и Воды – страшное оружие, особенно, когда действуют вместе. – Молниеносный, ведь так? И змеи на груди. Ты ведь защищаешь отсутствующий закон не ради магов, а только потому, что...

– Он должен был стать императором Гулума! – вскричала Милик. Она на глазах теряла над собой контроль. Керлик ужаснулся содеянному – он никак не хотел от Скородел столь бурной и быстрой реакции. – А этот щенок сказал, что он, мой сын, дитя чародейки и никаких прав на престол не имеет. Но он! Мой Лало – император Гулума, а не эти ублюдки Л-лотаи!

– Лало? – удивился читающий. Он ничего не слышал ни о каком Лало и, признаться, не понимал, какое тот имеет к происходящему отношение. Впрочем, не время для размышлений. – Зелеша не позволили бы, понимаешь? Твоему сыну никогда...

– Да. Я понимаю. Я слишком хорошо понимаю. И мой сын согласился оставить трон другим Лоххалам, – Милик, казалось, успокоилась, но Керлик не обманулся – глаза магини потемнели в безумии. Что случилось? – Но не Л-лотаям. Потому они убили моего Лало. За это они заплатят. И дорого...

Безумцы говорят, давая время для спасения. Керлик постарался с толком оным воспользоваться. Однако пока и от мага требовались слова.

– Но причём здесь я?

– Са-арто. Твой Романд убил моего Са-арто.

Читающий грустно скривился: значит, Марго – это всё-таки не имя. А он надеялся. Надеялся до последнего, чуть ли не так же, как с приснопамятными генеалогическим древом, которое привело Керлика в архив. Наделся столь рьяно, что побоялся задать Книге настоящий вопрос. Да, чародей узнал из Той многое, до другого дошёл своим умом... Милик выдала себя. Точнее – привлекла внимание читающего, когда он думал о капитане. Этого хватило, чтобы вспомнить недавний разговор с Кляксой в Школе Меча о «пареньке, что всё молниеносно делал, но старанием отличался и выносливостью, а потом, неблагодарный, взял и утёк». О втором или третьем императоре Гулума. Любовнике Милик. Отце её ребёнка. Отце, который просто-напросто не мог признать сына, так как действительно не имел на то права.

И теперь ясно, отчего бедную Милик охватило безумие. Магиня узнала о смерти

единственного внука – наверное, как и Романд до неё, подслушала разговор, ведомый в кабинете Керлика. Смерть сына она пережила, ибо оставался ещё и внук, но потерю последней крови... Несчастливая. Она ведь даже не поняла, что потеряла внука существенно раньше, чем полагает. Наверное, тогда, когда он сменил имя на Марго.

Седмица не дала женщине успокоения. Бедная.

Все эти мысли давно витали в голове читающего и теперь мгновенно выстроились в единую конструкцию, пока Керлик выискивал хороший момент. Наконец, маг развернулся и побежал. Он не собирался принимать бой, так как Гильдия далеко не территория Хронов, чтобы позволить себе спорить один на один с разгневанной, безумной и вместе с тем могущественной магией.

Вот, почувствовав загрохотом опасность, Керлик свернул за ближайший каменный стеллаж. Мимо вновь пролетел паровой кнут. Хранилищу он не причинил особого вреда, обнявшись с гномьей скрижалью из гранита. «И как они в ней-то руны выбивают? – удивился маг и тотчас одёрнул себя. – Нашёл, о чём беспокоиться!.. Но как же он сразу не догадался? Пасынок Света и змея. Почему Романд? Да, мальчик чуть не поддался Ненависти, но не поддался же! Такое случается лишь единожды... Да и Ненависть Романда была сродни Ненависти Хрона... Хронов... Сродни. Тьфу!..» И Керлик со всего разгона влетел в Хру.

– Как же вы мне все надоели! – несмотря на достаточно хрупкие габариты, секретарь не только удержал равновесие, но и остановил тёмного мага, затем рванул за грудки и швырнул на мраморный стол в каком-то закутке, прыгнул сверху.

– Тебе-то я чем насолил?! – прохрипел Керлик, пытаясь скинуть с себя Хру, но как сдвинуть надгробную плиту, если сам под ней распят на палаческой доске? К тому же, правая рука отказывалась подчиняться: она медленно наливалась тупой болью, волдыри лопались, отчего ладонь и пальцы становились неприятно липкими и влажными.

– Колдовское отродье! Владаете такой силой, а всё на дурь да интриги тратите!

– И почему тебе пришлось в голову сойти с ума именно сейчас? – поинтересовался читающий. Секретарь резко зажал пленнику рот и с ещё большей силой вдавил того в поверхность стола. Мимо комнатушки пробежала Милик... и пол под её ногами разверзся, воздух заискрился, потянуло сладковатым дымком, явно с примесью какого-то яда.

– Какой бесславный конец! – вздохнул Хру. – Умереть от старой ловушки на воров! А ещё великая магия! Магистр! Член Чёрного Круга.

– Мать... и бабушка, которая потеряла разум из-за единственного внука. Ведь она могла обмануть меня, отговориться... Нет, уже не могла... По крайней мере, она заботилась о нём. Бывают женщины и похуже, – Керлик в недоумении посмотрел на секретаря. Тот, нисколько не обращая внимания на чужие взгляды, уже спрыгнул со стола. – Почему ты вмешался? Разве ты не сохраняешь нейтралитет?

– Не люблю, когда меня бьют по голове тяжёлыми предметами, – хмыкнул в ответ чернокожий человек.

– Так она пришла меня убивать?

– Только за этим.

– Ой! Я идиот! – в который раз засомневался в своих умственных способностях Керлик. – Ведь сам же решил, что она всё слышала у меня в Замке... Олиушо! – и чародей бросился прочь из архива, на бегу залечивая ожоги. Хру лишь покачал головой ему вослед – странные эти маги – и отправился к архивариусу отмачивать шишки, его и свои. Конечно, они – старики крепкие, но лишние удары по голове никому не нужны.

* * *

Романду хватило пяти минут, чтобы разродиться гениальной идеей. Тесть его обманул! Женщина, которая заставила Керлика на мгновение лишиться дара речи, пусть и смутно, но припоминалась среди сонма встречавших трёх путешественников среди Миров. Определённо, она входила в Имперский совет, а, значит, сейчас женщина спешила на сбор. Отсюда и напрашивался сам собою вывод, что Керлик снова отправился по каким-то важным, но личным делам, бросив зятя в одиночестве.

Помявшись на месте, юный маг решил поступить в соответствии с примером старшего поколения: безответственно плюнуть на Имперский совет да с башни Тревоги. Романд

двинулся к двери, в которую вошла дама Керлика. Препятствий на пути не возникло. Чародей окончательно уверился в правильности своих действий и сбежал прочь из зала, для надёжности свернул в пару-другую боковых коридоров и теперь, нисколько не греша против истины, мог смело утверждать, что заблудился в запутанных коридорах здания Магической гильдии. К глубокому разочарованию, за очередной дверью Романд наткнулся на людей. Местных.

– Зачем мне надо стоять с этим?! Я похож на какую-то лампу!

– Тин, не сердись. Потерпи немного! Магистр Новелль обещал быстро вернуться.

– Как же! Дядя мне сказал, что у них намечается совместное заседание с Имперским советом. А ты знаешь, что такое Имперский совет?

– Они чем-то отличаются от Круга Старших?

– Да – терпением. Они никогда ничего не делают быстро! Наши, по крайней мере, сплетут заклятье – и нет тем для обсуждения... правда, и тех, кому их обсуждать, тоже.

В Большой лекционной аудитории, у верхних рядов стояли двое: юноша и девушка. Её Романд узнал сразу: Лоран Орлеш, студия Белого отделения, подмастерье. Чтобы вспомнить её собеседника, тоже не понадобилось много времени – тот самый парень из района Духов, долгову «разговору» с которым помешала громадная пантера.

Юноша держал в руках светящийся хрустальный шар и действительно чем-то напоминал большую магическую лампу.

– Ключ? – изумился Романд. Пара мгновенно обратила на него внимание, что белому магу не требовалось – не успев «потеряться», он уже «нашёл».

– Ты?! – взревел названный Тин и рванулся навстречу гостю.

– Я. А ты не забыл, что сейчас один, без дружков и не в районе Духов? – неожиданно вспылал Романд.

Грудь тёмного подмастерья заходила ходуном, белый чародей наоборот спокойно выпрямился и презрительно ухмыльнулся – всё-таки не миновать им драки.

– Два петуха! – рявкнула Лоран и тем сыграла роль давешней пантеры. – А со стороны кажется взрослыми умными мужчинами!

Тин застыл и медленно-медленно залился краской, Романд последовал дельному примеру.

– Стыдно, мальчики? – Оба участника досадного инцидента кивнули, опасаясь поднять друг на друга глаза, посмотреть на девушку и вовсе сил не было. – Тин, ты бы лучше у Романда поинтересовался как работать с артефактом!

– А зачем он вам, кстати?

– Незачем, – обиженно буркнул тёмный подмастерье.

– У него такие планы сорвались, – игриво хихикнула Лоран, намотала на палец светлые волосы Тина и лишь после, опомнившись, порозовела. Столь неприлично на людях она себя ещё не вела.

– Вы собираетесь пожениться? – нашёлся Романд.

Пара тотчас улыбнулась друг другу, не беспокоясь о свидетеле. Романд знал, что это такое, – в подобные моменты даже Керлик не мог оторвать юношу от Литы. Смотреть и видеть только любимую. Мгновение растягивается в вечность... правда, и вечность обращается в мгновение.

– Но причём здесь Ключ? Мне он не помешал.

– Магистры говорят, что им срочно потребовалась Печать, – пожаловался Тин, – а расторгать возникшие между мной и артефактом узы трудно. Правда, с того времени седмица уж точно прошла...

– Стоп! А как вообще узы-то возникли? – нахмурился Романд.

– Случайно.

– Случайно? А ты случайно не белый маг?

– Ты хочешь сказать... – теперь напрягся и Тин. Вслед за ним Лоран. – Но?

– Поверь мне! Я Романд Случайный! И в случайностях более чем разбираюсь! – светлый маг внимательно посмотрел на тёмного. – Там рядом никаких мастеров не болталось?

– Дядя... Эфель был. Ещё Зелн караулил.

– Зелн? А он-то при чём?.. – Романд досадливо цокнул. – Неважно. Ты замыкаешь на себя специфический артефакт чуть ли не под присмотром магистра, причём не какого-то там, а

принадлежащего твоей Стихии! И... Кстати, вряд ли Ключ валялся у тебя в спальне, на кровати. Как ты вообще его коснулся?

Лоран и Тин переглянулись, снова залились краской смущения. Они, такие робкие сейчас, казались девочкой и мальчиком, которые впервые в жизни вместо делёжки игрушек, обзывательств и прочих детских потасовок вдруг взяли за руки... и обнаружили, что вокруг так много свидетелей. И уж паре несётся вслед почему-то до слёз обидное «серьга и кольцо – поцелуй налицо!». И хочется бежать в разные стороны, но... руки не разжимаются и не отпускают друг от друга.

– Я обидел Лону, – признался Тин. – Она убежала. Я понял, что не прав... Лона привела меня в Радужный зал. Там и была Печать.

...Белокурая девушка лет шестнадцати забежала за невысокий постамент из малахита. Зелёный камень весь в прожилках настолько разнообразной формы, что, чудилось, они увивали столбик, подобно тому, как лиана закручивается вокруг ствола дерева. Иногда тени заставляли видеть движение, словно постамент качался, как травинка на лёгком ветру.

При приближении девушки хрустальный шар, лежащий наверху колонны, вспыхнул. Девушка в ответ окуталась чистым светом.

– Что это?

– Не знаю, – девушка улыбнулась и отошла прочь от постамент. Шар медленно угас. – Он всегда, сколько себя помню, здесь стоял. И вот так на меня реагировал. Мне нравится... А давай, ты попробуешь?

– Почему нет, – к малахитовой травинке приблизился бледный черноволосый юноша, кажется, одноклассник девушки или немного её помладше. Ничего не произошло. Юноша обиженно пожал плечами, несмело огладил блестящий бок... и отдернул руку. – Жжётся.

– Странно, – девушка подбежала к юноше. Шар засветился, но она не обратила на тот внимания, ласково глядя пальцы, ладонь юноши, осторожно дуя на них, стараясь утишить боль...

...Белокурая девушка, задумчиво и нежно улыбаясь, подошла к малахитовому постаменту. Шар отчего-то не приветствовал гостью обычным сиянием.

– Это же я, – удивилась девушка и возложила ладони на хрусталь. Внутри шара, словно тот только пробудился ото сна, зародилась привычная искорка... и девушку тряхнуло. Она вскрикнула от нешуточной боли и повалилась на пол, по её щекам чистыми ручьями текли слёзы. – Что мы наделали? Что мы наделали, Леэ?

– Нуи! – темноволосый юноша упал рядом с девушкой и осыпал её нежные ладони поцелуями. Он тоже плакал. – Нуи...

Романд моргнул. Он не мог этого видеть, не должен был... Ключ призывал девушку, которая приводила к нему юношу. Возникали узы. Интересно, магистры знали, как возникли узы Романда? Или только догадывались? И на что они рассчитывали с Лоран и Тином?.. Или это всего лишь обстоятельство, случайность?

Юный чародей посмотрел на тёмного подмастерья. Красавец, умён, явно при деньгах, не обделён силой. Они, в общем-то не встречались, но Романд не сомневался, что вокруг Тина девушки вились. Вопрос лишь в том, замечал ли их Тин... На самом деле, мог и не замечать. Ведь он, Романд, – теперь-то это чётко осознавалось – не замечал.

– Тин, ты хочешь избавиться от Ключа?

– Очень.

– Доверишься ли ты мне, белому магу? – Романд внимательно посмотрел в глаза Тину и обхватил его запястья ладонями, сжал, стараясь при этом не коснуться хрустального шара. – Я обещаю, что не причиню тебе вреда.

– Обещаешь?

– Нет. Обещаю! – юноша выделил последнее слово.

– Я верю тебе, Романд!

В следующий миг не осталось ничего, кроме чёрных провалов зрачков – Романд вливался

в разум и дух Тина. Он повторял то же, что и, казалось, века назад в странном Уединении Орлиных гор.

...Мир вокруг взбесился: непрерывно звенели мечи, от криков и вызванных ими каменных лавин тряслась земля под ногами, воздух трещал от переизбытка магии, голова раскалывалась от боли. Полуэльф Эфрель посылал стрелу за стрелой, и каждая находила цель – врагов было существенно больше, чем докладывали разведчики в Главель. Брожа с традиционным уханьем-кличем гномов размахивал здоровенной секирой, рядом чёрной молнией носился Жесть. Где-то сражались супруги-телохранители. Вот госпожа Руника не очень удачно применила водные чары: краем ледяного кнута она зацепила Мехена. Ничего страшного, но чародей оступился и упал, приложился головой об острые камни. Не поднялся. Теперь магическая поддержка осталась на принцессу – Романд, даже если бы умел, не мог помочь. Он был занят.

Ключ-шар отыскался быстро – на территории Уединения его особенно не прятали, да и Романда словно тянуло к артефакту: в непосредственной близости от шара в голове возникал низкий, тревожный гул, даже если юноша просто отворачивался от сверкающего хрусталя... Теперь-то Романд знал, в чём дело: виновата не его «трижды змеёнышество, озарённая Светом», а узы, заклятье, связавшее его, ещё несуществующего для отца и матери, с непонятным магическим талисманом. Следовательно, Ключ не всегда находился в Орлиных горах...

Каллей и Галло тихо сняли часовых, оставляя артефакт в единоличное пользование Романда. Юноша, естественно, случайно всё испортил – требовался личный контакт с Ключом, но тот не дался в руки, обжигая пальцы, словно веник из крапивы. Романд вскрикнул.

– Когда ты успел? – изумился Мехен. – Ладно, надеюсь, из этих двоих хоть один не тискался по сеновалам! – чародей кивнул на пажей. Те зарделись, не желая признавать, что какой-то «задохлик-колдунишка» обошёл их в столь важной области, но здравый смысл и долг возобладали – подростки одновременно кивнули.

– Хорошо, – улыбнулась Руника. – Пусть один из вас коснётся Капели... Ключа. – Почему-то маги разных Стихий называли артефакт по-разному, но среди нечародеев прижилось имя, данное светлыми. – И не бойтесь довериться Романду – он не причинит вам вреда, вы же не маги Тьмы.

– Дурацкая затея, – недовольно буркнул старший чародей.

– Я уверена, что Романд справится! – принцесса ободряюще похлопала юношу по плечу.

Лицо Мехена исказилось в гримасе несогласия с водницей. Романд полностью разделял мнение учителя, так как никогда не имел дела с посредниками, да и опыт работы с артефактами желал лучшего. Однако времени на вопросы и раздумья не осталось – их обнаружили. То ли Ключ охраняли не только стражники, то ли отряду просто не повезло, но покинуть Уединение вместе с артефактом не удалось бы – завязался бой. Тогда кто-то из пажей подхватил шар, а Романд вцепился в запястья посредника.

– Доверишься ли ты мне, белому магу? – вопрос сорвался с губ сам собою.

– Я верю тебе, Романд! – ответил паж. Как жаль, что юный воин забыл те слова... А после были лишь чёрные провалы зрачков...

Тьма. Бесконечная, неосязаемая и вместе с тем давящая Тьма. Ни проблеска Света.

Романд не боялся Тьмы, но в этой было что-то странное, необычное, пугающее. Скорее – пустота, ничто... Сначала Романд шёл вперёд, но вокруг ничего не менялось, тогда, испугавшись, что бессмысленно шагает на месте, юноша побежал. Окружающее пространство осталось прежним, о движении свидетельствовали лишь усталость в мышцах и струящийся по вискам пот.

Через мгновение перед глазами поплыли разноцветные круги или даже пушистые фейерверки. Романд не обрадовался. Галлюцинации! Он сталкивался с подобным: зрячий человек привык видеть, поэтому и начинал видеть. Вот теперь стало по-настоящему страшно... Не особенно задумываясь, юноша вызвал молнию – и та прорезала-кольнула Тьму. Тьма разлетелась на куски, словно надутый бычий пузырь от знакомства с иглой в шаловливой ручке.

На юного чародея обрушилась какофония звуков, ослепило буйство красок, голова закружилась от будоражащих ароматов, во рту появился кислотоватый привкус – ощущения вернулись. Романд и не заметил, что во Тьме имелись лишь осязание да галлюцинации.

Вокруг царил безумный движущийся хаос чего-то. Юноша, сколь ему ни было трудно, сколько бы он ни хотел, отказался наводить порядок: этот хаос – воспоминания Тина, ощущения, мысли, дух... Это сам Тин! А Тин поверил Романду... И без того он уже напортил со Тьмой: следовало пройти, а не обращаться к магии...

Романд огляделся. Несмотря ни на что, в хаосе должна была находиться частица порядка – лишь к ней могли крепиться узы Ключа... Юноша осторожно обошёл сверкающую золотом птицу. Ястреб. Узы рода? Яруш... Тин – Тиллон Яруш, младший граф, единственный наследник рода. Забавно. Романд не утерпел и зашёлся в насмешливом шипе – всё-таки Змеи и Птицы враги.

Из-за Ястреба выплыл огромный радужный шар. Как он оказался незамеченным? Ведь он занимал всего Тина, почти не оставляя места для иного! Чувство! Всепоглощающая Любовь... Она была настолько велика, что почти скрыла нечто, напоминающее чёрную точку, комок бесформенной грязи... Нет, не грязи – Мрак. Ужас души. Дар. Его окутывали изумрудные нити – Романд нашёл, куда крепились узы Ключа.

Юношу сковал страх. А если... Он обещал! Значит, никаких если!

Романд вцепился в ближайшую «нить» и рванул – та не поддалась, разрезая ладони в кровь. Пространство наполнил стон. Стон боли. Не Романда – Тина. Что-то пошло явно не так! Следовало покинуть Тина и немедленно, но юный чародей понимал и другое – если он сейчас оставит узы, то тёмный подмастерье останется вечным рабом Ключа... Романд стиснул зубы и снова рванул нить – теперь закричал он, так как ладони перерезало до кости. Кровь отчего-то не появилась.

– Свет! – юноша сделал единственное, на что был сейчас способен. – Свет!

Засверкали маленькие молнии, ударили в нити, обвивавшие Мрак, – и те, не выдержав напора, лопнули. В следующий миг Романд вернулся в реальность.

Он сидел на полу. Напротив Тин корчился в объятиях Лоран от нешуточной боли. Ключ детским мячиком скакал по ступенькам вниз, к первым рядам аудитории, к лекторской трибуне.

– Ты в порядке? – просипел Романд.

– Да... Кажется, да... – тёмный подмастерье успокоился под нежными руками возлюбленной, её поцелуями, ласками.

– Извини, – белый маг нахмурился, разглядев, что Тин весь в крови. – Ты ранен?

– Это твоя.

Романд глянул вниз и, только увидев, во что превратились ладони, почувствовал, как волна боли захлёстывает тело.

– Лона! Я цел! – вскрикнул Тин. – Исцели его!

Девушка, не споря, подскочила к белому чародею, сосредоточилась. Из её рук медленно появилась светящаяся сфера, которой магиня осторожно окружила истекающие кровью конечности Романда. Боль исчезла.

– Спасибо...

Лоран слабо улыбнулась и сотворила шар воды, омывшей руки Романда. На ладонях новыми линиями судьбы красновато светились тонкие шрамы, такие же ровно перечеркнули надвое пальцы.

– Боюсь, это навсегда... хотя, кто знает, – юная магиня вернулась к Тину, помогла ему подняться. Романд со вздохом встал на ноги сам. Попытался привести в относительный порядок одежду: шуршевый плащ в целом не пострадал, только промок да словил пару капель алой крови.

– Что здесь происходит?! – подмастерья только задумались о предстоящем долгом разговоре, как их уже прервали: в нижнюю дверь аудитории ворвался статный мужчина, в нём без труда узнавался близкий родственник Тина. Высокий, бледноватый, как и многие из высокородных, длинные светлые волосы, нос с горбинкой. И хищные ястребиные глаза. Граф Яруш. – Тиллон, тебе грозила опасность.

– Грозила, отец, – юноша приветственно склонил голову. Лоран отчего-то пугливо

спряталась за спину возлюбленного и снова очаровательно покраснела. – Теперь всё в порядке... Отец, позвольте представить вам Лоран Орлеш, мою невесту.

– Тиллон, – граф страдальчески вздохнул. – Ну, ребёнок ребёнком. – Он поднялся по деревянной лестнице к верхним рядам аудитории, подошёл к сыну и осторожно выудил из-за него Лоран, поднёс её пальчики к губам, при этом не спуская глаз с лица девушки. Магиня застеснялась ещё сильнее, что выразилось в абсолютном лишении дара речи. – Вы прекрасны, госпожа Лоран. И я счастлив, что у меня теперь такая замечательная дочь!

Чародейка слегка поклонилась и снова прижалась к Тину. Романд, наблюдавший эту картину со стороны, понял, что о нём забыли, и решил воспользоваться нечаянно предоставленным шансом: юноша осторожно, по стеночке двинулся к выходу.

– Ты уверен, что с тобой всё в порядке? – граф внимательно смотрел на сына. – Что же произошло?

– Романд мне... – тёмный подмастерье обернулся к светлому. Тот сделал вид, что в дверях он стоял с самого начала и никуда сбегать не намеревался.

– Вы?! – без труда признал юношу граф. – Что вы здесь делаете? Между прочим, вас ожидает Имперский совет и Круг Старших! А вы...

– Убиваю вашего сына, граф Яруш! – окрысился Романд.

– То есть? – немедленно отреагировал Тин. – Как это убиваешь?

– Ещё не убиваю, но сейчас начну!

– Что?!

Молодые люди двойным скачком рванули друг к другу и чуть ли не столкнулись носами, благо один из оных был выдающимся. Глаза подмастерьев пылали внутренним светом: у одного янтарным, у другого – жёлто-зелёным. Грудь, что Тина, что Романда, вздымалась в бешеном темпе, словно оба куда-то бежали, ноздри раздувались, а руки сжимались в яростные кулаки. Аудиторию заполонил угрожающий боевой клёкот и тихое завораживающее шипение.

Тьма и Свет. Птица и Змея. Непримиримые и неразделимые противники...

– Тин! Романд! – юноши не обратили внимания на зов, тогда Лоран рывкнула во всю мощь своих лёгких. – Тиллон Яруш! Ещё мгновение – и я решу, что вы желаете жениться не на мне, а на Романде... Случайном!

Фраза произвела эффект опрокинутого на голову ведра с ледяной колодезной водицей: подмастерья охнули, тряхнули головами и развернулись к девушке.

– Л-лоран? – хором начали заикаться они.

– А что, Лоран? – в ответ поинтересовалась магиня, с раздражением и одновременно с некоторым удовольствием наблюдая за вытянувшимися лицами мальчишек. – Что я могу подумать, когда вы ни с того ни с сего кидаетесь друг к другу и едва не лобзаетесь?! У меня на глазах!

– Л-лона... – Тин не нашёл слов.

– Я женат! – зато Романду показалось, что он отыскал правильный аргумент.

– И что? – изумилась чародейка. – Как говорит Ивелейн, это браку не помеха, а просто досадное недоразумение.

Подмастерья в ужасе переглянулись и синхронно прыгнули в разные стороны, только бы не находиться рядом.

– Теперь вы мне скажете, что вы вдруг не поделили? – Лоран грозно упёрла руки в бока. Наблюдавший за сценой Яруш-старший ухмыльнулся – он уже понял, что с возвращением домой сына с молодой женой в замке начнётся весёлая жизнь. Возможно даже – чересчур. – Вы же толком и не встречались!

– Да он... – юноши кивнули друг на друга и застыли, явно не понимая, в чём бы таком обвинить «противника».

– Нечего сказать, – заключила чародейка. – Тин, за тебя мне вообще стыдно! Романд только что...

– Чуть не убил его, – кто-то перебил девушку. Участники разборки и её свидетель разом повернулись на голос. Внизу, рядом с лекторской трибуной, в которую врезался хрустальный шар, стояли двое: магистры Новелль и Эфель. Говорил тёмный чародей.

– С чего вы взяли?! – возмутился Романд. Неожиданно именно его больше всех

присутствующих задела слова главы Чёрного Круга. – Я всего лишь разорвал узы между Тинном и Ключом, потому что...

– Ты воспользовался Тинном как посредником, – перебил Новелль. – А с твоей силой и рождением в Змеином роду это убийство вне сомнений.

– Нет! Я обещал!!!

На миг в аудитории стало очень тихо, потому последовавшие за криком, даже воплем отчаянья, едва слышимые слова графа Яруша прогрехотали каменными барабанами горных троллей:

– Император.

– Нет, – Романд прекрасно понял, что речь идёт о нём.

– Это привилегия императора – выполнять обещания, несмотря ни на что. Даже на то, что обещание невозможно выполнить в принципе, – граф говорил спокойно. – На это способен только император... или истинный престолонаследник.

– Нет, – юноша попятился.

– Смиритесь, ваше высочество! Вы уже признали это нутром, теперь сделайте то же разумом.

– Не хочу!

Романд почувствовал, что снова находится на грани срыва, причём такого, который не остановить даже Новеллю и Эфелю вместе взятым. Юноша не мог объяснить, почему он уверен в верности своего предположения – просто ощущал, что не ошибается. В первый раз неконтролируемый магический выброс прервал обморок, и виной тому не иссякшие силы, а удивление. Как он, Романд, перечил отцу? Отцу, который всегда и во всём прав?!

Второй случай бесславно закончился пощёчиной от Керейна – тогда тёмный маг сумел подойти к Романду. Но сейчас... Судя по резко побледневшим лицам магистров... как они похожи!.. сейчас уже ничто не поможет. Кроме тебя самого, Романд! Ведь это – всего лишь грань, и по какую сторону от неё оказаться решать только одному человеку. Романду. Надо лишь зацепиться за что-то...

Взгляд юноши упал на Ключ, артефакт всё так же лежал у ног магистров бесполезной цацкой. А ведь всё началось с него. Всё в жизни Романда началось с него...

«Без Веры мы никогда не увидим магию. Без Воли не сможем ею воспользоваться. Без Чувства она бесполезна...» – неожиданно всплыли слова. Кажется, их говорил Зо, только не ему, не Романду. А, может, и ему – юноша не помнил. Да сейчас не до того – Романд за считанные мгновения пытался разобраться в себе: Веры у него имелось предостаточно, а вот Воли он скоро лишится, так как всего его переполняет Чувство... Гнев! Его следует выплеснуть, осознано, иначе... Иначе он разнесёт половину Главели – о худшем исходе юноша вообще старался не думать.

Романд выпустил силу – и Ключ, артефакт, на который невозможно воздействовать магией, поднялся в воздух, завертелся приснопамятным мыльным пузырьком. Охнувшие в изумлении Новелль и Эфель, однако, сориентировались быстро – рывком перескочили лекторскую трибуну, за которой и схоронились. Остальные, помедлив, распластались по полу под партами. Романд не обращал на других внимания – он полностью сосредоточился на хрустальном шаре. Тот, взмыв под потолок, повисел спокойно мгновение и, неожиданно ухнув вниз, разлетелся вдребезги, как когда-то золотисто-винный топаз, не пожелавший признать в Романде мага Воздуха.

В следующий миг над местом падения Ключа взорвалось маленькое солнце – стёкла пылью осыпались из крепких оконных рам, обе двери, верхнюю и нижнюю, снесло с петель, по стенам и доске для письма зазмеились трещины... И Гнев Романда иссяк. Собственно, он полностью истратился на уничтожение Ключа. Остальные разрушения были всего лишь следствием этого опасного поступка.

– Ну, Романд, – только и смог произнести Новелль. Но юноша не слышал, он смотрел на выбравшегося первым из-под парт Тина. В глазах тёмного подмастерья читался приговор. Император.

– Да пошли вы все! – неожиданно рывкнул юный маг и вылетел прочь из аудитории.

Лоран буквально вскарабкалась вверх по Тину, так как юноша стоял столбом и никак не отреагировал, когда девушка требовательно дёрнула его за край камзола. Чародей, не моргая, смотрел вслед убежавшему Романду и, казалось, абсолютно позабыл о возлюбленной.

– Тин? – позвала она, но юноша, пожалуй, не услышал. Тогда Лоран протянула руку, ухватила тёмного подмастерья за подбородок и заставила повернуться к себе. – Тин? – Теперь чародейка видела его глаза. – Зачем ты так с ним, Тин?

– Что? – только заметив слёзы на ресницах возлюбленной, маг очнулся. – Лона, почему ты плачешь?

– Я не плачу... Тин, за что ты так с Романдом? Ведь это он избавил тебя от Ключа! Я знаю, что Ключ тебе был неприятен... Тин, это тот парень, с которым ты только что носами бодался! Этот парень, которому ты хотел дать в глаз наконец!

– Что я сделал?

– Ты?! – Лоран всплеснула руками. – Да ты... Ещё осталось только поклониться и добавить «ваше высочество»! Ему и без тебя больно, а ты...

– Лона. Я не хотел! – юноша понял, что ему пыталась втолковать невеста. – Это от неожиданности! Я знаю, как всё исправить!

Тин ухватил Лоран за запястье и потащил за собой к выходу. Граф Яруш покачал головой.

– Э-э, мне показалось? – обратился он к осыпанным древесной стружкой магистрам. – Или они действительно, когда в гляделки друг с другом играли, разговаривали?

– Нет, не показалось, племянничек, – фыркнул Эфель. – Вполне естественно, что маги и, помимо того, столь близкие люди беседовали мысленно.

– Близкие? – нахмурился граф.

– Племянник! – тёмный маг грозно прикрикнул. – Не стоит сомневаться: ты хорошо воспитал сына!

Судя по вытянувшемуся лицу Яруша, тот не понял высказывания.

– Не обращайтесь внимания, граф, – вздохнул Новелль, смерив заместителя выразительным взглядом. – Магистр Эфель остановился в своём развитии где-то посередине между первым и вторым совершеннолетием.

– Ага, – глубокомысленно кивнул Яруш-старший и решительно двинулся за сыном. На грохот, раздавшийся за спиной, граф разумно не обернулся.

Романд отыскался быстро – остатков гнева, или вовсе его призрака, хватило на то, чтобы забиться в ближайший угол. Юноша сидел на низкой скамеечке в Верхнем коридоре при Большой лекционной аудитории, в нише, где довольно-таки долго стояла напольная ваза, изображавшая многоярусный город обезьян. Её привезли из кладовых раскопок в королевстве Силия, и это было настоящее произведение искусства. Впрочем, в Школе ваза славилась не внешним видом и древностью, а тем, что с завидной регулярностью поставляла Хру студиозов для наказания. В конце концов бесменному секретарю Гильдии и Школы поток любопытных и шкодливых учеников надоел, и Хру изъял вазу из общего доступа.

Теперь на месте «обезьяньего городка» стояла скамеечка, на которой и расположился Романд. Юноша устало свесил голову, обхватив шею сцепленными в замок руками, острые локти упирались в не менее острые колени. Шуршевый плащ стёк серой волной по бокам от ног Романда на пол, являя взору белый костюм. Зачарованный лён сверкал утренним снегом Просинца месяца, но отчего-то при взгляде на одеяние становилось теплее на сердце. Может, оттого, что это не снег, а подснежник?

По обшитым светлым деревом стенам Верхнего коридора стелился ярко-зелёный плющ, который старательно обходил стороной лампы и плёл живую рамку для каждого из многочисленных портретов Великих Магистров, что строго взирали на проходящих мимо студиозов. Рядом с нишей, словно охраняя Романда и умиляясь ему, висело изображение Серго Парящего Змея, Великого Теоретика. «А ведь эти двое похожи, – подумалось Лоран. – И оба Змеи. Могут ли они быть дальними родственниками?»

Девушка осторожно подошла к Романду. Впрочем, она могла топтать голодным драконом – даже когда магиня присела на корточки перед юношей, тот её не заметил. За спиной Лоран встал Тин, он ободряюще сжал плечо невесты. Чародейка кивнула и дотронулась до колена

Романда.

– Что вам? – вздрогнул он.

– Ты сын Льеэфы Л-лотая? – в ответ спросила Лоран.

– Да, – Романд отвёл глаза в сторону.

– Прости нас, – подал голос Тин.

– Я не обижаюсь, – неопределённо пожал плечами светлый маг. – Ваша реакция естественна. – Раздался смешок-всхлип. – Она, в общем-то, ничем не отличается от той, когда на Отделении узнали, что мой отец Имлунд Зелеш. В целом, какая разница?

– Большая, – магиня сжала ладони Романда в своих. – Сейчас мы хотим познакомиться с тобой, Романд, а потом судить о том, какой ты человек на самом деле.

– Правда? – он ожил.

– Правда, – кивнули Тин и Лоран одновременно.

– И опять же, – продолжил тёмный подмастерье. – Я всё ещё хочу дать тебе в глаз.

– Интересно, и за что же?

– Мне, чёрному магу, пришлось танцевать в «Пьяном солнышке»! – возмущённо воскликнул Тин.

– Лоран, а он головой не ударялся? – уточнил Романд, буквально расцветая на глазах.

– И не единожды, – подтвердила магиня «страшную» догадку.

Троица разом истерично всхлипнула и расхохоталась в голос, но отсмеяться подмастерьям не удалось – веселье прервал хлопок, и перед студиями материализовалась маленькая девушка с роскошными чёрными волосами и тёмными опасными глазами.

– Романд! – кинулась она к белому чародею, но, заметив у его ног Лоран, резко затормозила. – Это ещё что за лахудра?!

Оскорблённая магиня вскочила и смерила новоприбывшую особо неприязненным взглядом.

– На себя бы посмотрела, колобок на ножках! – рывкнула чародейка.

* * *

Керлик ураганным ветром летел по многочисленным и запутанным, что посёлок гномов, коридорам здания Гильдии. Маг с лёгкостью огибал препятствия, вроде неожиданно возникавших на пути колонн, постаментов или студиязов Школы. Если же миновать помеху всё же не удавалось, то чародей просто-напросто сметал её с дороги. Он не обращал внимания на оханье и ругань, несущиеся вслед, не видел, как взметались нетопыриными крыльями занавеси и гобелены. Чародей не задумывался, за какой угол свернуть или какой ход выбрать, – Керлик знал свою цель, поэтому чувствовал, как её достигнуть.

Маг нередко гостил в Главели, однако родную Гильдию навещать не стремился. Да и какая она ему родная?.. Будучи несчастным визитёром Керлик не имел понятия о точном плане здания, вернее – целого комплекса, принадлежащего Магической гильдии, да и менялось внутреннее устройство порой до неузнаваемости. Но одну-единственную комнату Керлик мог отыскать с закрытыми глазами. Рабочий кабинет госпожи Олиушо Сверкающей. «Сколько тебе говорить: не госпожа, а учитель!» – прошелестел недовольный, но вместе с тем такой нежный, материнский голос. Учитель!

Магистр Олиушо – третий... нет, первый человек, который не винил Керлика в принадлежности роду Хрон. И только Хру и архивариус присоединились к ней в этом.

...Ему исполнилось восемнадцать, всего лишь второе совершеннолетие, а за плечами уже было многое. Вольные Отряды, сражения, магические поединки. Что-то похожее на любовь. Разочарования. Радость. Страх. Смерть обожаемой сестры. Убийство отца... В те годы Керлик – уже Молниеносный, а не Молнезад – ещё не понимал, чем же можно занять себя на протяжении сотен лет, и точно знал, что обязательно будет жить вечно.

За пазухой дремала змеёй книга, в крепкой холщовой суме кутался в мешковину жезл. Его Керлик добыл в сражении – наткнулся в каком-то храме. Рядом из своих случился только капитан «Кукушек», который, взглянув на находку, фыркнул: «Быть тебе подмастерьем мага, Молнезад! Второй глаз даю!» Наверное, это и привело юного чародея к воротам Магической гильдии. Но что теперь?

– Мальчик перетрусил?

Кер вздрогнул от насмешливого женского голоска и развернулся. Позади стояла... пожалуй, совсем молоденькая девушка, впрочем, о возрасте трудно было судить: тело дамы пряталось в свободном глухом тёмно-синем платье, а на голове красовалась паранджа – только и сверкали подведённые серебряной тушью глаза. В глубине их таилась издёвка.

Женщина сразу не понравилась юному чародею – её «платочек» покроем сильно напоминал маску ассасинов. Кер как и всякий вольник не терпел эту братию.

– Воротами люблюсь, – буркнул юноша.

Действительно, посмотреть имелось на что: вместо крепёжных столбов раскинули ветви огромные вязы, а створками служил зацепившийся за деревья влажный ветер – от врат ощутимо моросило, а над ними вычурной аркой застыла радуга. Керу повезло явиться ко входу в здание Магической гильдии в солнечный весенний день.

– Три Стихии, – зачем-то добавил недавний вольник. – Земля, Вода, Воздух. А остальные что же?

– Солнце – Огонь, глупенький. Наслаждение красотой – Пси.

– А Дух? Свет? Тьма?

– Это мы сами, – усмехнулась неожиданная собеседница. – А всё-таки мне кажется, что ты боишься: войдешь, а Гильдия не признает в тебе мага.

– Магом человека делает рождение! – недовольно передёрнул плечами Кер и зашагал было прочь, но женщина задержала его, потянув за рукав кожаной в заклёпках куртки, и заставила развернуться.

– Что? – она левой рукой отцепила маску, правой осторожно прикоснулась к щеке юноши. Кер отчего-то не отстранился. – Кто тебе это сказал?

– Отец... – смутился признания чародей.

– Гала? – удивилась-уточнила женщина, Кер недоумённо покачал головой. – Гакал Хрон? Как он?

– Умер.

Собеседница понимающе кивнула, будто отлично знала, как умер Гакал. Более того, словно сейчас она узнала о том, чего давным-давно ожидала. Женщина вновь погладила щеку Кера, и опять тот не отстранился, даже прильнул к тёплой ладони.

– Тебе обязательно надо в Гильдию! – от неё повеяло силой. Женщина была магинею. – Не обращай внимания на взгляды и слова – тогда они меньше ранят. Возьми кулон – это не защита для тебя, но хотя бы её призрака. А потом приходи по этому адресу.

Она достала из внутреннего кармана клочок пергамента и протянула его Керу.

– Зачем?

– Тебе нужен учитель.

– Нет, зачем это вам? – спросил юноша.

– У меня свои причины... – в глазах магини блестели слёзы. Боли? Вины? – Иди. Сегодня собирается Чёрный Круг.

Кер кивнул и пошёл к воротам. Как позже выяснил чародей, они были вовсе не парадными, а ученическими... Кстати, и ввалиться Кер умудрился на заседание не Чёрного Круга, а вовсе Круга Старших. И вёл он себя там, мягко говоря...

Перед очередной стеной Керлик остановился и хлопнул себя по лбу. Зачем бежать, если можно переместиться?! Маг сплёл заклятье – и вот перед ним знакомая дверь. Керлик толкнул её от себя и замер на пороге, в следующий миг чародей опустился на колени рядом с сидящей на полу Олиушо.

– Как ты?

Она тяжело дышала, воздух изо рта вырывался с хрипом – судя по всему, магине сломали несколько рёбер. Из уха тонкой струйкой текла кровь.

– Милик... она...

– Я знаю. Она бабушка Марго. В замке она услышала, что Романд убил её внука, и решила отомстить, убить мальчика. Для этого следовало уничтожить и меня. Она погибла – Хру активизировал какую-то библиотечную ловушку.

– Библиотечную, – Олиушо кашляюще рассмеялась. – Не понимаю, Керли, почему ты иногда такой наивный? Надо же, библиотечную! Хру, небось, сказал, что она от воров... а ты поверил...

Керлик ошарашено кивнул, но говорить ничего не стал, пытаясь осторожно исследовать магией тело наставницы.

– Не надо, Керли, – помешала чародейка. – Раз уж я сумела перенестись в кабинет, то и излечусь самостоятельно. Милик недооценила мои косточки... Да и поопытней, постарше я её буду – я даже застала Хрона Найю. Но я не знала, что он Найя.

– А я не понимал, что это значит! – воскликнул маг.

– Разве? Зачем же ты тогда свёл этого... беспокойного мальчика со своей дочерью?

– Случайного мальчика, случайного... И поверь, если кто и столкнул его с моей малышкой, то не я, – чародей грустно усмехнулся. – Я ревнивый – до сих пор злюсь, что моя Лита уже давно его.

– Неужели Змей?

– Не знаю. Но разве сейчас это важно? – Керлик всмотрелся в Олиушо. – Понимаешь, он...

– Снял проклятие? – перебила магиня. – Я чувствую... Какая радость! Я не чаяла до этого дожить, – она вдруг ухватила ладонями лицо чародея. – Керли, прости! Я виновата перед тобой и твоим родом!

– Что ты несёшь? Кажется, у тебя бред, – нахмурился читающий. – Позволь мне исцелить тебя.

– Нет, не бред! – оборвала Керлика Олиушо. – Одна шестнадцатилетняя дурочка влюбилась в могущественного белого мага, но тот не ответил взаимностью. Более того, он рассмеялся над чувствами глупышки и заявил, что не имеет дела с тёмными чародеями. Тогда глупышка постаралась, отыскала маленькое заклятье судеб, чтобы этому белому магу пришлось иметь дело с тёмными... Это я прокляла вас!

Керлик вздрогнул, а затем печально улыбнулся.

– И кто-то обвинял меня в наивности? – он хмыкнул. – Даже если и так, как ты говоришь, то судьбу рода Хрон выбирал сам...

Чародей хотел добавить ещё что-то, но вдруг сердце закололо, по телу пробежала дрожь, руки заледенели. Примерно так же он чувствовал себя, когда Романд случайно воспользовался белой магией в Замке Путей.

– Лита! Опасность!

– Иди. Ты нужен дочери, – сразу поняла Олиушо. – И не беспокойся за меня. Я в порядке.

Керлик исчез, а магиня запустила приостановленные чары исцеления... чтобы умереть побыстрее. Она солгала любимому ученику: она умирала, но Керли не мог ей ничем помочь, кроме прощения. Милик владела заклинанием, убивающим не пациента, а врача. Олиушо знала об оном. Узнала. И она дождалась... чтобы увидеть в последний раз...

– Спасибо, Керли. Прощай.

* * *

Романд во все глаза смотрел на Литу и Лоран – жутковатое зрелище. Дамы в каком ключе начали «беседу», в том же и продолжили. Особенно им удавались цветистые описания «достоинств» друг друга. Слышать подобные словечки из уст Литы Романду доводилось, хотя внезапно вспыхнувшей ревности, он и не понимал. Зато Лоран Орлеш, высокомерная и воздушная герцогская дочка, своими знаниями повергла юношу в шок.

– Да вообще! Кто ты такая?! – взвилась Лита.

– Невеста Романда! – неожиданно ответила белая магиня.

Упомянутый «жених» смертельно побледнел, понимая, что зажатый в нише и не владеющий чарами переноса, сбежать не сумеет, а странное замечание Лоран грозило нешуточной бурей: с одной стороны Лита, с другой – Тин. Кстати, Тин!

– Что?! Невеста?! – темноглазая чародейка, как ни странно, не бросилась с обвинениями к мужу и даже не попыталась придушить новоявленную соперницу-разлучницу. – Ты это кому,

жердь седая, говоришь? Законной жене?! – Лита сложила руки на груди и ухмыльнулась. – Ну-ну, расскажи о себе подробней, чтобы я могла определить, подходишь ли ты моему мужу в качестве младшей жены.

Романд не успел удивиться эпитету «седая», как каштановые волосы Лоран засверкали серебром – к счастью, просто свойство организма, а не внешнее воздействие. Но надолго ли хватит дам на словесную перепалку? Ведь и к рукоприкладству с применением магии девочки перейти ох как способны... Юноша обратил умоляющий взгляд на Тина. Тот же, нисколько не возмущаясь резко сменившимся статусом Романда, осторожно пятился прочь от разбушевавшихся магинь.

«Ты куда это?» – одними губами поинтересовался один подмастерье у другого, благо хоть он кричи, а его не слышали бы, так как...

– И ты, чернявый шарик, смеешь предлагать такое мне?! – завопила Лоран. – Я белая магиня!

Тин пожал плечами.

«Трусливый чёрный маг!» – «Не буду спорить. Романд, а ты не знаешь, что когда женщины кричат, даже демоны молчат?» – «Но это же твоя невеста!» – «А это твоя жена, если я правильно разобрался. Не так ли?» – «Ну-у... – Романд замялся, но признал правоту младшего Яруша. – Может, вытащишь меня?» – «А ты сам?.. Хорошо, сейчас попробую...»

– Нашла, чем удивить! – фыркнула Лита. – Я – чёрная! И наследственная, а ты...

Юноши снова переглянулись и хором процедили:

– Заткнулись. Обе.

Поддействовало: дамы резко замолчали, немного постояли, открыв рот, а затем щёлкнули зубами, что медвежьи капканы. Потом каждая внимательно посмотрела на своего обожаемого, но бестолкового мужчину и флегматично пожала плечами. После недоумённо изучила второго «возмутителя» спокойствия. И наконец магини возвратились друг к другу.

– Умеют же эти мальчишки всё испортить, – вздохнула Лоран, приглаживая вновь каштановые волосы.

– Умеют, – согласилась Лита, скручивая свою растрепавшуюся «гриву» в некое подобие косы – будто бы передразнивала собеседницу. – Я ведь почти тебе патлы повыдёргивала!

– Ага, а я на твои зенки нацелилась... – белая магиня задорно улыbnулась и протянула руку. – Меня зовут Лоран Орлеш. Лона.

– Очень приятно, – тёмная чародейка с удовольствием приняла рукопожатие. – Я – Лилийта. Можно просто Лита.

– Я ведь тебя предупреждал, – Тин посмотрел в упор на Романда.

Лоран встрепенулась и указала на возлюбленного.

– Это мой жених Тин...

– Что-то у тебя много женихов, – буркнул в ответ юноша.

– Ну, Тин! – девушка подскочила к нему.

Лита хмыкнула и, оставив парочку разбираться самостоятельно, под села к Романду, благо места рядом хватало. Ласково погладила мужа по щеке.

– Я почувствовала, что с тобой нехорошее происходит, – магиня смотрела в полные изумления зелёные глаза. – Потом вроде бы всё прошло, но... мне показалось, я нужна тебе. Вот я и примчалась... Тем более, Иванд заснул, а если бы я волновалась рядом с ним, то он снова бы... в общем, они бы с Витой присоединились бы! А потом Любавуха сказала, что я ей надоела... ну...

– Ты меня не ревнуешь? – Романд остановил поток сбивчивых и абсолютно не нужных объяснений.

– А... – Лита выразительно пожала плечами. – Ты меня к Сельке ревнуешь?

Юный чародей покачал головой и теперь сам протянул руку к щеке жены, магиня вдруг заметила новые линии на его ладонях и пальцах.

– Что это? – охнула она и припала губами к шрамам.

– Да вот. Я тут... случайно...

Тем временем Лоран прижалась к мгновенно растаявшему Тину, тот принялся теребить ей волосы.

– Мартышка, – обозвал невесту тёмный подмастерье.
 – Лита меня раздражает... немного, – Лоран покраснела.
 – Я знаю, – Тин подмигнул. – Ты только что побывала в моей шкуре. Романд меня тоже немного раздражает. – Они обернулись к обсуждаемой паре и застыли, любуясь поцелуем, не очень долгим, но красивым. Потом ещё одним. – Они чудесно выглядят.
 – И забавно.
 – Ты о чём? – не понял юноша. – Если о поцелуе...
 – Просто Романд такой тощий, – хихикнула Лоран. – А Лита... м-мм, кругленькая. Вот.
 – Лона-Лона, – Тин неожиданно посерьёзnel. – Где же твои глаза, Солнышко? Она явно недавно родила и не пришла ещё в форму!
 Теперь белая магиня смутилась от стыда.
 – Я... я, – она не смогла выговорить оправдание до конца.
 – Ты просто не знаешь, что это такое, – помог ей Тин. – Когда у нас... – он осёкся. – У нас ведь появится малыш, да?
 – Да, – закивала Лоран. – Обязательно появится... Только мне страшно.
 – Не бойся, – юноша крепче прижал к себе невесту и прикрыл глаза. Лоран снова счастливо улыбалась. Пока не раздалось вежливое покашливание.
 – Э-э, ваше высочество, – граф Яруш постарался не ухмыляться четырём одинаково ошарашенным лицам. – Вы уже устроили опоздание, достойное императора. Теперь следует всё-таки явиться на Имперский совет и показать, чего вы стоите на самом деле.
 – Уж не беспокойтесь, покажу, – хмыкнул Романд и обернулся к Лите.
 – Я тебя здесь подожду, если, конечно...
 Юный маг коротко кивнул, показывая жене, что отлично понял её.
 – Ведите, граф!
 Романд ещё раз посмотрел на Литу и Тина с Лоран. В глазах юноши плясали бесенята. Что ж, верно – Имперский совет и Круг Старших сами напросились.

* * *

Некоторое время троица молодых чародеев молчала – неожиданно навалившееся смущение мешало говорить, а разум пытался подобрать для языка хоть какие-то, более-менее нормальные слова. Лита вместо мужа сидела на скамеечке, Лоран и Тин обнявшись стояли напротив.

– Лита, – наконец решился тёмный подмастерье. – Заседание – оно долгое. Давай, мы тебе Школу покажем!

– Давай, – встрепенулась магиня.

И они побрели по коридорам, но беседа всё равно не клеилась: отчего-то Тину не хотелось рассказывать о местных достопримечательностях – юноша ощущал себя неудачником-соблазнителем, который действует исключительно по книжке и советам дружков, даже не пытаясь применить хоть толику фантазии. Лита явно беспокоилась о муже, Лоран мучили сомнения.

– Лита? – неожиданно сказала она, когда пауза затянулась до неприличия.

– Что, Лона? – откликнулась тёмная чародейка, которая уже обдумывала идею приотстать от парочки студиозов. Всё равно бы не заметили. По крайней мере, не сразу.

– А ты ребёнка недавно рожала. Да?

– Да, – от удивления Лита аж остановилась. Тин тоже.

– А?..

– Магия меня не покинула. – Не сразу, но отец всё-таки рассказал дочери, почему чародейки не любят рожать. – Даже во время беременности.

– Я не о том, – смутилась Лоран и скосила глаза на жениха. – Это было страшно?

Лита мечтательно улыбнулась.

– Трудно сказать. Но мой тебе совет: попробуй. Думаю, не пожалеешь... – молодая мать тяжело вздохнула. – Хотя мальчик у нас беспокойный. Спать совсем не даёт!

– Мальчик... – белая магиня зачем-то принялась рассматривать кончики своих золотистых

туфель. Девушка поступилась с принципами и оделась во всё цвета липового мёда – цвета рода Орлеш, так как сегодня они с Тином собирались официально объявить на Имперском совете о предстоящей весной свадьбе.

Тёмный маг, как всегда, действовал исключительно по-своему: он предпочитал чёрное – в нём и остался, лишь натянул поверх камзола светло-коричневый пояс, отделанный некрупными красно-бурыми шерлами, да выставил напоказ золотую цепочку с ястребом, держащим в когтях иссиня-чёрный турмалин. Тин с детства любил эти камни и вовсе не из-за того, что они принадлежали Ночи.

Почувствовав, что Лоран опять испытывает неловкость перед Литой, юноша снова обнял невесту, давая понять, что он с ней, он её поддерживает во всём. А если даже и не поддерживает, то, по крайней мере, всегда сначала объяснит свою точку зрения.

– Лита, – вскинулась приободрённая девушка. – Ты ведь маг Тьмы?

– Да. Я об этом говорила, – удивилась чародейка в ответ. – И, по-моему, это видно. У Тина спроси – он тоже чёрный.

– А Романд – маг Света, – продолжила Лоран. – Как ты не боялась за него выходить и рожать дитя? Ведь ваш ребёнок, в отличие от нашего с Тином, должен унаследовать дар обоих родителей.

– Да, – кивнула Лита. – Папа мне говорил. Он сказал, что наш с Романдом малыш особенный, но и только... – магиня с подозрением глянула на собеседников. – Или папа меня обманул?

– Скорее не досказал, – хмыкнул Тин. – Двухцветные маги просто так не появляются. Они предвестники беды и великих потрясений! Двухцветных магов боятся и стараются не допустить существование таких пар, как ваша с Романдом, потому что именно в таких парах и могут появиться чародеи, способные одновременно управлять как Тьмой, так и Светом.

– Хм, – Лита пообещала себе, что вытрясет из отца всю душу, пока тот не объяснится с дочерью. Уу-у! Подлец! А ещё выговаривает ей за недостойное поведение! Сам бы на себя в зеркало посмотрел... хотя нет, в зеркало не надо – опять зачем-то с безмолвным отражением спорить начнёт. – Я ничего не знаю про двухцветных магов, но беспокоиться не о чём! У нас двойня: мальчик, мы дали ему имя Иванд, – он очень на Романда похож, только тёмный. Романд до сих пор расстраивается, мальчишка! – Лита подмигнула Лоран, та ответила задорной и понимающей улыбкой. Тин нахмурился, чувствуя, что пропустил нечто важное и вместе с тем не по его уму: словно услышал план покушения на императора, но ничего не понял. – Вилейта, девочка, светлая магиня. Насчёт же страха... – тёмная чародейка запнулась и красноречиво сложила руки на животе.

– Ну, Романд даёт! – хихикнула Лоран и стрельнула глазами на Тина. Тот насупился.

– Вы только не подумайте чего... – Лита зарделась так, что переплюнула оказавшийся позади неё букет соннички. – Я... мы... не...

– А мы ничего и не думаем, – тёмный подмастерье позабыл как сердиться и тепло улыбнулся новой знакомой. – Вы с Романдом придёте к нам на свадьбу? Просто как наши друзья, а не престолонаследник с женой?

– С удовольствием, – кивнула Лита и вдруг отпрянула к стене, аналогично поступили и Лоран с Тином – мимо, ничего не замечая, пролетел Керлик.

Тёмная чародейка в изумлении глянула отцу вслед. Она, конечно, знала о его службе в Вольных Отрядах, да и вообще Керлик по Миру погулял и многому научился, но чтобы бегать со скоростью неумолимой снежной лавины и при этом не наткаться на всевозможные препятствия... такое Лита видела впервые. И мгновенно решила, что необходимо подбить Романда на какую-нибудь пакость – пусть папа и по Чёрному замку побегаёт. Только Романду достаа-анется, но научные исследования требуют жертв.

Из-за угла донёсся вопль возмущения, свидетельствующий в пользу того, что Керлик всё-таки наткнулся...

– Страшный человек, – пробормотал враз позеленевший Тин. Лоран кивнула, тоже признав ночного визитёра и вспомнив, из-за чего её мутило дня два.

– Папа? – искренне удивилась Лита. – Странноватый конечно, но... Хотя вы правы, когда папу тянет на пение, то становится страшно – вороны и те музыкальнее каркают.

Студиозы тотчас безвозвратно утратили челюсти.

– Ты – Хрон? – охнула Лоран.

– Да, – мгновенно поскучнела тёмная магиня. Вот и конец дружбы.

– А скажи, как это читать Мир? – в глазах Тина светился неподдельный огонёк восхищения, а Лоран сияла любопытством.

– Т-так вы не боитесь меня?

– Зачем? – не поняли подмастерья. Потому юноша досадливо хлопнул себя по лбу. – Подожди! Можешь посидеть здесь немного? Мы сейчас с Лоран вернёмся... иначе забудем!

– Что?

– Приглашение на свадьбу! – воскликнула белая чародейка. – Ты будешь первая, кого мы пригласим!

Лита расцвела – она чувствовала, что её не обманывают. От неё не собираются сбежать! Кажется, это действительно дружба... И ещё магиня поняла, что ей очень не хватало общения с такими, как она.

– И ещё мы познакомим тебя с настоящей эльфийкой. Принцессой! – продолжила Лоран. – Только ты нам расскажешь про чтение, ладно?

– Взяточки! – довольна рассмеялась Лита. – Только вы быстро.

– Конечно.

Молодая чародейка присела на первый попавшийся стул и принялась терпеливо ждать, на её лице гуляла счастливая улыбка. Что-то новое пришло в жизнь Литы, удивительное и интересное, неповторимое, почти как появление Романда и их малышей. Общение и дружба. Лите так их не хватало! И до сего момента она не понимала этого.

Отец не пытался оградить свою малышку от Мира, просто малышка сама на оный не смотрела. Точнее, смотрела на что-то иное в нём. Даже Романд не пробудил любопытства к чему-то другому, но вот в Чёрный замок перенёсся Горша-гоблин, Ньюка-младший подружился с ним, они оба с Литой. Пусть это был лишь почтительный намёк на близость, но он существенно отличался как от общения с отцом и мужем, так и от встреч с деревенскими. Душа заныла, запросила чего-то большего... И теперь Лита поняла чего. Она поняла себя.

Лита нуждалась в настоящих друзьях. И, кажется, теперь они будут.

Магиня огляделась – Лоран с Тиним ещё не вернулись, однако в холле (или широком коридоре?) Лита была уже не одна. Мимо спешили по своим делам студиозы: в основном, ребята и девчонки от двенадцати до пятнадцати лет, но попадались и малыши не более десяти годов от роду, да и взрослые девушки и юноши тоже встречались. Одни шли, не глядя по сторонам, уткнувшись с какой-нибудь свиток или споря с приятелями. Другие кидали на Литу любопытные, заинтересованные взгляды, кое-кто улыбался, в особенности – мальчишки. Лита только пожимала плечами – она отлично знала, что является красивой женщиной, но ещё, ведь, и замужней.

Один парень, определённо белый чародей, даже задорно подмигнул магине и, кажется, хотел поговорить, но его вдруг окружила стайка ребятни лет пяти-семи – откуда их столько набралось?! – и завалила различными «почему».

– Мастел Селн, мастел Селн... – затараторило самое маленькое чадо.

– Зелн, – страдальчески закатив глаза, вздохнул молодой мастер и позволил утащить себя прочь от Литы. Напоследок он повернулся к магине, а та осторожно тронула до серьги-капельки – традиционный гулумский жест, означающий, что даже если на пальце у женщины нет обручального кольца, она не свободна, и кто-то носит её серьгу.

Парень развёл руками, будто говоря: «Жаль. Но я надеюсь, мы ещё увидимся и просто поговорим!» Лита кивнула: почему нет – с людьми интересно общаться. И погрузилась в свои мысли.

Сколько вот так она просидела, магиня не знала, но пришла в себя Лита как-то резко и неожиданно. Холл вновь опустел, лишь рядом, глядя на тёмную чародейку в упор, стояла женщина. Прекрасная и отчего-то неприятная Лите, от новоприбывшей исходила мощная аура Света, но при этом женщина не являлась магиней.

– Что такое? – поёжилась под пристальным взглядом Литы. Рядом со странной гостьей было

неуютно. И виноват не Свет – например, с той же Лоран Лита ощущала всего лишь лёгкое раздражение, которое исчезало, если о нём не вспоминать.

– Ты – Лилията Хрон? – Непонятно даже, задавала ли женщина вопрос.

– Да.

– Я Келейта Всевидящая, божественная Уединения Ясности, – представилась дама.

– Келейта? – Лита нахмурилась. – Где-то я слышала это имя... – она никак не могла вспомнить, хотя чувствовала, что знание рядом.

– Вряд ли, – отрицательно качнула головой божественная. – Твой отец из презрения и гордыни не захотел делиться тобой со мной.

Яд ненависти окатил юную чародейку, больно кольнул в сердце.

– Что папа... – начала было Лита, подозревая отца в худшем, но осеклась. Наконец, позабытое за мучительным рождением детей вернулось к магине. – Вы моя мать?

– Хм, – Келейта выгнула в показном удивлении идеальную бровь. Статуя какая-то, а не человек! И одежда подходящая: светящееся белое платье, словно сделанное из мифического фосфорного мрамора. – Он всё-таки сказал.

– Зачем вы явились? – юная чародейка медленно поднялась.

– За тобой, Лита. Твоё место рядом со мной.

– Неужели? Почему же вы тогда бросили меня... только не лгите, что отец выкрал меня у вас! Такого не было! Вы сами меня к нему подкинули!

– Ты – Хрон, девочка. Тебе требовалось научиться быть читающей... Я не могла, не смела, остаться рядом с тобой, иначе твой отец замучил бы меня. А потом – тебя! – женщина умоляюще и печально посмотрела на дочь, но та не купилась.

– Папа никогда не причинит мне вреда!

– Ты уверена? – вздохнула Келейта. – А ты знаешь, как умерла его сестра?

– Знаю, – спокойно ответила Лита. – Но ты не должна – это его личная тайна.

– Я Всевидящая – светлая сторона читающих. Я вижу всё.

– Если бы ты видела всё, то знала бы, что очень ранила отца! Он почти любил тебя!

– Вот и в тебе заговорил голос Всевидящей...

– Нет, – перебила Лита. – Это голос дочери. И если бы ты действительно хоть что-нибудь видела, тебе было бы известно, что папа хороший человек. Пусть странный, но хороший. А ещё ты бы знала, что больше ни ему, ни мне, ни моим детям ничего не грозит! Проклятия нет!

– Проклятие есть, – Келейта избавилась от ненужной маски страдающей матери. – Это ты! И лучше бы я вытравила тебя из своего чрева.

Внутри Литы вскипел гнев, подстёгиваемый обидой за отца и себя, завистью к другим детям, что знали ласку матерей. Он мгновенно достиг апогея – несокрушимой великой ярости, замешанной на ненависти. Магиня призвала дар и обрушила на мать чистую, первозданную Тьму. Юная чародейка даже не заметила, что Келейта не пытается защищаться. Более того, божественная не ушла с пути силы Ночи, словно ожидая и надеясь на удар.

* * *

Всякая бравада Романда улетучилась ровно к тому моменту, когда юноша в сопровождении графа Яруша добрался до зала, где заседали Круг Старших и Имперский совет. Неожиданно остро захотелось, чтобы Керлик был рядом, юному магу требовалась его поддержка, но тесть явно отправился по каким-то личным, наверняка важным делам, снова оставив Романда одного. Впрочем, Зо прав – Романд должен справиться сам, иначе он всю жизнь будет мучиться из-за своего рождения.

Приняв для себя решение, юноша спокойно вошёл в открытую для него дверь. Столько людей и к тому высокопоставленных персон Романд видел одновременно в первый раз. Серьёзные, оценивающие взгляды. Любопытство, расчёт. Кажется, намёки. Толика презрения. Немного страха... Н-да, по сравнению с этой встречей, экзамен на ранг Подмастерья можно смело обозвать дружескими посиделками.

Маги также присутствовали, но по большей части, как и члены Совета, незнакомые – кто такой Романд, чтобы интересовать Круг Старших?.. И всё-таки юноша не удержался от

беспомощного взгляда на представителей своей Гильдии, однако, единственные, кто хоть в какой-то мере мог сподобиться на поддержку – Новелль и Эфель, пялились исключительно друг на друга. Парочка влюблённых, а не великие магистры!

Светлый и тёмный чародеи неожиданно прервали игру в гляделки и смерили Романда недовольными взглядами – уловили его мысли. Хотя, что улавливать? Без того всё ясно. Магистры скорчили кислые рожи и отвернулись друг от друга, словно рассорившиеся «навечно» товарищи. «И это те, кто управляет Магической гильдией!»

– Держись, – шепнул на ухо граф Яруш, ободряюще сжал плечо Романда и отошёл куда-то в сторону. Род Яруш не входил в Имперский совет, только в Расширенный, Всеимперский.

Теперь Романд в самом деле остался один перед сонмом холодных незнакомцев. Холодных?

Юноша беглым взглядом окинул присутствующих, иногда спотыкаясь-задерживаясь о тех, с кем доводилось когда-то разговаривать или просто ненароком встречаться. Те отвечали привычными пустыми взглядами: когда стало очевидно, что Имлунд не назначит младшенького наследником, настойчивый интерес к Романду пропал, а вечные отказы герцога от брачного союза между третьим сыном и дочерью какого-нибудь высокого рода вовсе заставили позабыть о бесперспективном мальчишке.

И вот он снова перед ними. Наследник престола великой империи Гулум. Или всего лишь ублюдок Нуйиты Лиххиль, оставленный в живых то ли из жалости, то ли от незнания?

Романд отчётливо понял: если сейчас он во всеуслышанье откажется от короны, то путь в Главель, да и в любой мало-мальски значимый город или родовой замок, будет заказан раз и навсегда! Ему-то, Романду, всё равно, но что ждёт его детей, Литу, будущих внуков? Если бы не два страшненьких, пугающе хрупких комочка – Иванд и Вита, – юноша, не колеблясь, отослал бы всю эту высокородную братию к демонам. Но теперь приходилось решать не только за себя и для себя.

И всё-таки не хотелось... но в империи имелся лишь один-единственный род, который мог без последствий и отказаться от Гулума, и вырастить меж собой ублюдка. Романд посмотрел на Имлунда Зелеша, на отца. Он ведь разрешил быть его сыном! Герцог не заметил не только взгляда, но даже самого Романда – Имлунд вперился куда-то в пол и со стороны казался неживым. Статуя, только играющие на подлокотнике кресла изящные пальцы выдавали в герцоге немертвеца.

Рядом с отцом расположился Феллон. Он также не интересовался происходящим в зале: в контрасте с Имлундом брат изучал мозаику на потолке – та изображала звёздное небо, причём не родное, северное, а очень дальнего Юга.

Что ж, и они правы – выбор за Романдом. Юноша мысленно кивнул и гордо воззрился на императора. Тот ответил сочувствующим и понимающим взглядом. Единственным понимающим взглядом... но от Льеэфы Л-лотая Романду не требовалось понимания. Император понял и это. Он ненавязчиво отвёл взор, словно так и надо.

Свет и Тьма! Он же обязан поклониться правителю Гулума – припомнил с очевидным опозданием Романд, но слишком долго он простоял столбом, чтобы следовать этикету.

– Так это и есть небезызвестный Романд Л-лотай, именовавшийся прежде Романдом Зелешем?

Юноша резко обернулся на голос. Затянувшуюся до неприличия паузу «любезно» прервал дородный мужчина, судя по толстой золотой цепи, глава Гильдии купцов. Ему хаами... отвечать требовалось с опаской – от купцов в государстве, да столь огромном, зависит многое. Не зря же представители Гильдии купцов входили в состав Имперского совета.

– Нет, – сохраняя достоинство, возразил молодой чародей. – Я не Романд Л-лотай.

– Как так? – удивился купец.

– Это дело Романда, – неожиданно вмешался император. – На мой взгляд, вполне логично, что юноша не собирается принимать моё имя.

– Тогда чьё же? – говорил, судя по прищёлкивающему акценту, кто-то из Дальних Графов. – Лиххиль или сразу Лоххаль? А, может, вовсе снова Зелеш?

– Разве сейчас это имеет значение? – устало вздохнул Имлунд. Повернувшись к нему, Романд едва сдержал вскрик изумления – юноша наконец-то разглядел отца и что-то

незнакомое в его лице. Непривычное. Непонятное.

– А вы имеете право голоса, – хамовато поинтересовался всё тот же граф, – старший герцог?

Зал натурально заледенел от тревоги и затих, но холодный, ровный голос Феллона безжалостно разбил мёртвое молчание.

– Мой отец, Имлунд Зелеш, по-прежнему является главой рода Зелеш, – Феллон даже приподнялся. – И я не понимаю, почему должно быть иначе, граф.

– Но... – стушевался тот, однако, по всей видимости, ощутив поддержку своих, воспрянул духом и продолжил. – Хорошо, герцог. Мне, и не только мне, хотелось бы узнать, отчего вы считаете этого юношу, – высокомерный кивок на Романда, – сыном Льеэфы Л-лотая.

– То есть?

– Нуйита Лиххиль будучи вашей женой, герцог, – пояснил возмутитель спокойствия, – понесла от другого мужчины. Где доказательства, что у неё не имелось другой связи, кроме как с вами, герцог, и с его величеством.

От столь неприкрытой наглости зал снова погрузился в мертвенную тишину. Взоры всех присутствующих обратились к трём побелевшим от ярости лицам – Имлунду, Льеэфе и, как ни странно, Феллону.

– Нуйита Лиххиль понесла не будучи моей женой, – процедил герцог Зелеш. – И призналась она мне до брака. Кроме Льеэфы Л-лотая у Нуйиты Лиххиль мужчин не было – это доказывается легко, достаточно обратиться к любому магу. Я думаю, магистр Новелль вряд ли окажет нам в любезности проследить материнскую линию Романда.

– Да хоть жизнь Нуйиты от зачатия Романда до его рождения показать, – буркнул глава Круга Старших. – Благо два «свидетеля» присутствуют.

Молодой чародей зарделся, император, надо признать, тоже выглядел несколько смущённым.

– Эти маги что угодно сделают, только бы их ставленник оказался на престоле! – не сдавался граф, уже позабыв, как голосовал за Романда какие-то полторы седмицы назад.

– Пригласите независимого эксперта... И он докажет, что все формальности императорского брака соблюдены, кроме собственно брака, но на то было веление Имперского совета.

В этот момент стало ясно, окончательно и бесповоротно, что Имлунда Зелеша переспорить невозможно.

– Думаю, дискуссия о родстве Льеэфы Л-лотая и Романда закончена, – подвёл итог Феллон.

– Тем более, Романд при свидетелях, – решил помочь граф Яруш, – сумел выполнить заведомо невыполнимое обещание.

Члены Совета и Круга Старших вновь обратились к Романду, а тот не мог ничего сказать, так как внезапно сердце кольнула беспощадная тревога. Юноша приложил к груди левую руку, сжал её поверх правой, зажмурился, пытаясь понять, в чём дело. Одновременно обеспокоено выпрямились Льеэфа и Имлунд, напрягся Феллон, маги заёрзали в креслах.

– Что-то... – выразил общую мысль Новелль.

– Лита! – охнул Романд и, как прежде, не зная, но безумно желая, применил чары переноса. Его возлюбленной грозила беда.

Вслед за юношей исчез Круг Старших, чуть помедлив, к ним присоединились император и Зелеш. А уж затем и все, обладавшие амулетами ловли следа и перемещения.

* * *

Керлик очутился рядом с Литой точно в момент удара и кинулся было к ней, но чьи-то крепкие руки удержали чародея от смертельной глупости: с одной стороны плечо сжимал Имлунд Зелеш, с другой – Новелль Спящий. Оба отрицательно покачали головами. И магу оставалось лишь беспомощно смотреть на страшную картину.

Лита, его добрая малышка, ударила... Керлик без труда узнал Келейту, эту... у него не имелось слов, чтобы... Лита ударила мать ужасной силой Ночи, после которой к людям уже не

возвращаются. Но Тьма не достигала цели, на пути к оной стоял Романд: его напряжённая раскрытая ладонь ловила, впитывала чужеродную юному чародею магию. Со стороны даже казалось, что это Романд ударил по Лите Тьмой, а та прикрылась скрещенными руками.

– Лита, серебряная моя! – позвал Романд, но ответа не получил. Тогда юноша осторожно, полуобернувшись к Келейте. – Уходите! Слышите?! Уходите прочь!

– Не могу, мальчишка. Это тебе придётся уйти.

– Почему? Потому что вы ненавидите мужчин и решили наказать за это дочь?!

– Ты наблюдателен, – откликнулась женщина. – Но я ненавижу мужчин именно за то, что мне пришлось родить дочь... которая обязана меня убить. Не мешай!

– Зачем? – от удивления Романд едва не упустил Тьму, но вовремя спохватился.

– Я – Всевидящая. Я знала. Давно знала, что на Керлике Молниеносном, если он окажется в Уединении Ясности, проклятие Хронов закончится. Восстановить его мальчиком, наследником, невозможно – только дочерью, которая, как прежде сыновья отцов, уничтожит мать.

– Но к чему восстанавливать проклятие Хронов? Объясни? Я не понимаю! – юноша чувствовал, что женщина не лжёт. Она верила в то, что говорила.

– Проклятие отнимало у Хронов долголетие, они всегда были юны и неопытны, одиноки... Без проклятия они превратятся во всесильных.

– И что?

– Ты не понимаешь! Их сила в Книге Мира. Время даст им возможность действительно научиться работать с Книгой! И Мир превратится в порядок хаоса Хронов!

– Ты ошибаешься. Чтение Мира, даже истинное чтение – это всего лишь преходящий Талант. Когда-то он появился у Хронов, когда-нибудь и покинет их.

– Нет. Я вижу!

– Ты – веришь. Но вера тоже ошибается! – в глазах Романда стояли слёзы. – А я чувствую...

– Чувства всегда слепы!

– Поэтому сейчас вижу именно я... Уйди, иначе мне придётся убить тебя. Для меня это не проклятие, только очень-очень сильная боль. Прошу тебя, уйди! – юноша сумел выкрутиться так, что теперь полностью смотрел на женщину, при этом всё так же отклоняя от неё магию Литы.

– Тебе не остановить меня, мой наивный мальчик... если бы ты мог остановить меня, то это уже сделали бы те, кто нас окружает.

– Я обещаю, что...

– Обещание императора тебе не поможет.

Романд ощутил, что женщина снова не лжёт – ведь она была открыта и беззащитна, но никто не тронул её, а свидетелей и впрямь имелось немало. Юноша только сейчас это заметил. Там же были и Зо с Имлундом, даже император и Феллон... «Змеи! – осенило светлого чародея. – Они же не откажут в помощи своему змеёнышу!»

Перед Келейтой раздула капюшон гигантская кобра, столь похожая на ту, что служила парадным тронном двум императорским династиям. От страшной змеи попятилась не только божественная, но и свидетели происходящего. Кобра высунула раздвоенный язык между наполненными ядом зубами.

– Ух-ходи, – прошипела она.

– Ты?... – женщина чему-то безмерно удивилась. – Нет, не может того быть! Я всё равно заставлю её убить меня.

Но кобра, просто увеличенная родная найя, словно пробудила Литу. Магиня безвольно уронила руки – и Ночь исчезла из сердца и разума, вслед за ней и пропала огромная змея. Только Романд бросился к рухнувшей на колени жене.

– Лита! – он прижал любимую к себе. – Лита!

Потом ласково поцеловал и передал упавшему тут же рядом Керлику. Отец и дочь сейчас друг другу нужнее – это их общая боль, Романд мог только немного её облегчить.

– Папа, – прорыдала Лита в грудь отцу. – Забери меня отсюда, папа.

– Да, моя маленькая, – прошептал Керлик, сам глотая слёзы. Ему было всё равно, что о

нём подумают. Да и чародей прекрасно знал, что зять не даст их в обиду. Никому. И никогда.

Романд стоял рядом, будто пытаясь прикрыть собою родных, и с ужасом смотрел, как толпа вокруг, включая отца и императора, склоняют перед ним голову.

– А она? – прошептал юноша.

– Не беспокойся, за ней уже идут, – понял Новелль и обратился к присутствующим. – Надеюсь, совместное заседание Имперского совета и Круга Старших можно считать окончанным.

– Согласен, – кивнул Феллон, остальные поддержали.

Романд и Лита с помощью Керлика покинули Главель Серебристую, так и не получив первыми официального приглашения на свадьбу Лоран Орлеш и Тиллона Яруша.

* * *

Месяц Лютый всё-таки уступил место Снеженю с его ярким весёлыми днями и тёплыми ветрами, запахами таянья снегов и цветения, нетерпеливым ожиданием молодой жизни. Скоро на полянках появится пролеска и мать-и-мачеха, младшая сестрёнка набирающего силу солнца. Деревья вокруг Чёрного замка оденутся светло-зелёной листвой, у ёлочек появятся новые голубенькие лапки, а под белой стеной вырастет трава. Впрочем, пока там всё ещё лениво полёживал снег.

Но Чёрный замок не переживал: он наслаждался тем, что имел: к хозяевам действительно вернулись спокойствие и счастье, гармония. И заскучать замок не боялся, прекрасно зная, что его обитатели долго без происшествий не протянут.

Глава 21

Свадьбы и похороны, или Нескончаемая череда праздников

Тин стоял перед вожделенной дверью в келью Лоран. Новую келью – в старую девушка возвращаться отказалась. Тин согласился с невестой, не подозревая, чем это обернётся для него: юношу выперли, окончательно и бесповоротно, с территории общежития Белого отделения. Тёмного подмастерья вообще туда не пускали, а с Лоран дозволялось видеться только в общественных местах и в присутствии, по крайней мере, двух близких свидетелей. Обычно – Ивелейн и Храпика Хро, нередко присоединялся кто-то с Чёрного отделения или Белей Руковичка, но несмышлёному мальчишке быстро надоедала компания взрослых, и он отправлялся бузить с прочей малышнёй. В столь тесном кругу (в смысле – в плотном кольце жестокой осады) не то что не поговоришь по душам, а даже просто рядышком не помолчишь!

Пытка продолжалась уже два месяца, вплоть до славного грозами Травня – месяца свадеб. И Лоран мучения Тина безусловно поддерживала. Она даже хихикала!..

И вот Тин, наконец, перед дверью... которую пришлось искать, чтобы, во-первых, доказать свою честность, а во-вторых, показать свои способности и умения. Мол, вдруг жена и дети пропадут – глава семьи обязан их найти! Ага, но в общежитии студиозов можно и себя потерять. А чего только стоило пробиться на территорию Белого отделения!

Дело было даже не в зачарованном входе, хотя и он тоже сыграл не последнюю роль – уж Зелн-то постарался. Он, успешно выдержав испытание на звание мастера третьей ступени, общежития не покинул, как и студиозы, ставшие в конце зимы подмастерьями. Впрочем, это объяснялось просто: подмастерья ждали распределения и свадьбы Лоран Орлеш, а из учеников на Отделении был только малыш Белей – Круку Попрыгунчика забрал из Школы новый учитель ещё на исходе месяца Лютого, – Зелн решил составить компанию бывшим однокурсникам. Те не возражали – какой повод устроить тёмную для мастера третьей ступени!

Однако до двери Белого отделения Тина подстерегала масса препятствий.

Н-даа... Всё-таки в принадлежности к высокому роду есть плюсы: нет нужды платить выкуп за суженую. К несчастью, у мага нет происхождения. По крайней мере, когда за дело

берутся другие маги. С Тином так и произошло. И зачем? Доказать, что он достоин Лоран, но не ей, не себе, а окружающим!

Хорошо, Тин согласен: со стороны виднее – влюблённые часто слепы, – но что можно доказать... например, исполняя на глазах у всей Школы залихватский танец с дворовой кошкой в качестве партнёрши?! Ведь этот Зелн отлично знал, что у Тина аллергия на кошек! Да и танцы – не стихия тёмного мага, хоть все и убеждены в обратном. Но Тин, сжав зубы и стараясь не смотреть на одного из навязанных «дружек», какого-то дворянчика – вот и минусы «голубых» кровей, – отплясал, как полагается, три полных круга. Кошка не сопротивлялась. Одно утешало Тина во время танца: видение магистра Эфеля, с воплями улепётывающего от магистра Новелля, который размахивал шваброй, словно боевым посохом, и костерил заместителя такими словами, что по сравнению с ними обворованный торгош с Привратного рынка пел вечернюю молитву храмовников Уединения Кротости.

Как выяснилось позже, прохождение двора при помощи кошки было одним из наиболее лёгких испытаний! Только Тин вошёл в здание Школы, как его окружила стайка разновозрастных... да вообще разных девушек. Зелн потребовал от жениха указать на тех дам, которые обрядились в любимые платья Лоран. Для того чтобы тёмный подмастерье не стоял с глупым лицом, светлый маг объяснил, что таким образом пытается проверить наблюдательность Тина. Тот, едва не задохнувшись от возмущения, чуть не ткнул пальцем в девушку, по пропорциям очень близкую к Лоран, однако дружек от Чёрного отделения вовремя остановил Тина шёпотом «Это моя знакомая, это её!». Дворянчик рядом лишь удивлённо хлопал глазами.

Жених вздохнул, успокоился и внимательно осмотрел платья, а не тех, на кого их нацепили. Признаться, Тин почти не обращал внимания на наряды Лоран – их имелось у неё немало, – зато он знал вкус невесты, потому и не ошибся, указав на двух толстухек и девочку лет семи.

Проход к лестнице освободился... только её ступени добрые студиозы измазали дёгтем. С этим жених справился без труда: просто взлетел наверх, подстраховываемый дружкой. Не зря, кстати, подстраховываемым! Для того чтобы не тратить силы, Тин использовал скользящий полёт, очень близко к поверхности пола, а в данном случае – ступенек. Будучи в курсе предпочтений тёмного подмастерья продавец «товара», Зелн, где-то посередине пролёта натянул тонкую, оттого невидимую лесу. Естественно, Тин об неё зацепился каблуком – и быть юноше всему в дёгте, если бы не дружек, который подхватил Тина и уже сам доставил наверх.

А дальше следовало найти келью Лоран. Конечно же, Тину предоставили множество подсказок: нередко они крылись на стенах, потолке и даже на полу, чаще являлись призом за выполнение какого-нибудь очередного дурацкого задания или же вовсе были ответом на какую-нибудь загадку. Если Тину с дружками становилось совсем худо, то неизменно из-за ближайшего угла появлялся Храпик Хро, обряженный в какой-нибудь торговый костюм (причём каждый раз новый), и с воплем «Не можешь – плати!» предлагал за золотую монетку купить подсказку. Монетки с преогромным удовольствием жених вытряхивал из дворянчика – сам напросился.

Но в конце концов Тин почувствовал, что пробродит по Белому отделению весь день. И тотчас юношу осенило: он ведь маг! А маги умеют многое! Он прочёл маленькое заклинание поиска... И вот она – дверь!

Рядом уже стоял Зелн.

– Ох, – в притворном огорчении заявил он. – Конечно, нормальный человек догадался бы и раньше. А если бы не догадался, то дружки бы подсказали... Впрочем, тебя исправить ещё можно – не совсем тупица. Что ж, раз отыскал, то бери, что нашёл! Прошу!

Зелн повёл рукой, и дверь распахнулась. Тина встретило облако из кружева. Напрочь замороженный юноша уже собирался подхватить невесту на руки, но вовремя сдержал порыв... так как Лоран не могла выглядеть столь... безвкусно.

– Где Лоран?! – рявкнул Тин.

– А разве это не она? – изумился Зелн. – Ты что, не Лоран искал, а её келью?! Ой, как всё запу-у-ущено!

Нервы Тина сдали, и он в одно мгновение сотворил заклятье воздушного кнута, который

разметал ворох кружев по комнате. Напялили их не на кого иного, как на Белея. Мальчишка дурашливо улыбался, вытягивал губы трубочкой и демонстрировал всем присутствующим табличку.

Ты найдёшь меня там, где спас.

Тин рванул к Радужному залу так, что остальные просто не успели последовать за ним. Впрочем, им и не пришлось: юноша вдруг замер и нахмурился. Нет, конечно же не Радужный зал, другое место. Место первой встречи.

...Тин тогда уже умел общаться с другими студиями, но так и не отвык от одиночества. Он часто гулял в небольшом внутреннем дворике, у искусственного пруда. Скорее – прудика-аквариума, там плавали сазаны, которых нередко подавали на ужин. Это местечко Тин заметил, когда Хру в качестве наказания за несделанное домашнее задание отправил лентя на кухню... с которой мальчишку быстро выгнали. Как оказалось, к готовке Тин был более чем приспособлен, но ещё сильнее – к неумной дегустации блюд и просто продуктов.

И вот сидя на короткой траве и кормя рыбу хлебными крошками, Тин увидел Лону. Та шла прямо на чародея, но не замечала его. Вдруг она упала, крича от боли и катаясь в припадке... Тин бросился к Лоне, и неожиданно девушка успокоилась. На его руках. И вдруг что-то внутри перестало жечь – дар подчинился хозяину.

Пожалуй, тогда Лоран спасла Тина. Или они – друг друга.

У самого прудика никого не было – внутри у Тина всё оборвалось, но не успел юноша прочувствовать ошибку, как заметил, что на скамейке среди цветущей бархатной сирени кто-то сидит. Тин осторожно подошёл. Лоран вскинулась, зарделась и медленно-медленно поднялась, чтобы оказаться в объятиях жениха.

– Всё! – заявил Тин. – Больше я тебя одну не оставлю!

Лоран, всё такая же смущённая, молча кивнула.

– То есть, Тин, ты всё-таки намерен жениться? – позади раздался ехидный голос Зелна. – А то я уж засомневался...

– Язва! – оборачиваясь, процедил сквозь зубы Тин.

– А что, язва? – невинно хлопнул глазами молодой мастер. – Язвой был – ею и останусь. Да, я, собственно, по-другому поводу. Если вы твёрдо решили соединить свои судьбы в одну, то храмовники и гости ждут.

Он поклонился и плавно, словно профессиональный танцовщик, повёл левой рукой от себя. Прямо перед Тином и Лоран замерцал портал перемещения. Необычный, овальной формы, переливающийся, словно зеркальный водопад на солнце. Внешнюю границу портала увивали тоненькие ветви молодой берёзы и цветы: снова бархатная сирень, белые лилии и пушистые звёздочки-астры – тотчас Тин заметил, что чело Лоран коронует венком из этих чудо-малюток, перемежаемых голубыми с зеленоватыми прожилками у тычинок незабудками. Волосы девушки опять серебрились – Лоран, да и всё вокруг, переполняла магия.

– А у тебя нос обгорел, – непонятно зачем сказал Тин.

Медовые глаза ответили счастливой улыбкой.

– Я тебя ждала. И боялась уйти. Даже пошевелиться боялась.

Юноша обхватил ладони Лоран своими и посмотрел на Зелна. Тин испытывал к светлому магу, истинному мастеру, бесконечную благодарность. Такое сотворить для них, не пожалеть себя, своих сил... Хм, а ведь как умело притворялся! Да! Мастер! Раз столько лет, что бы ни говорил Эфель, притворялся неучем перед магистрами – для этого нужны и талант, и умение! Того и другого в Зелне имелось в избытке. Как и безудержной фантазии.

– Ну что же вы? – улыбнулся молодой мастер. – Чего это вдруг перепугались?

– Зелн, – Тин недоумённо покачал головой. – Когда-нибудь ты возглавишь Круг Старших!

– С ума сошёл?! – отшатнулся белый чародей, но очевидно ему понравился комплимент.

– Нисколько.

– Ну... – на мгновение Зелн замялся, а потом вдруг расхохотался в голос. – Только если вы проголосуете.

– Безусловно, – хмыкнула Лоран.

Тин подал ей руку, и они вдвоём шагнули в портал.

На той стороне их встретила огромная поляна перед Летней резиденцией императора, находилась она в трёх конных переездах от столицы. Обычно тихое местечко: уютный замок, настолько маленький, что с ним в размерах могли спорить иные купеческие терема. Парк с речушками-ручейками и озерцом, яблоневый сад и даже некое подобие холмиков-гор. Говорят, здесь владыка Гулума, ещё будучи принцем-наследником, изучал особенности различных областей империи – действительно местность позволяла, а маги чутко подсобили.

Сейчас Льеэфа Л-лотай с удовольствием предоставил родовые владения на временное пользование Лоран и Тину. К тому же, император редко здесь останавливался, предпочитая либо Императорский дворец в Главели, либо Горную резиденцию, что на Западе Гулума. Да и таким образом не возникало проблем с выбором места для венчания: род Орлеш и род Яруш не обижены, владыкой облагодетельствованы... в общем, без политики обойтись не удалось.

Часть, дальнюю от Лоран и Тина, занимали длинные столы, уже уставленные всевозможными яствами и украшенные весенними цветами и берёзовыми ветвями... Ох! Сколько же мучений пришлось пережить организаторам праздника! Ведь следовало рассадить гостей так, чтобы те ни в коем случае не поцапались: высокородные, мелкое дворянство, воины и маги без роду-племени – дикая смесь. Пожалуй, гарантом отсутствия крупных свар служил лишь недавно объявленный престолонаследник: одновременно принадлежащий высшим родам, с другой стороны, бастард (как ни крути), опять же маг (утверждают, что невиданной силы) и женатый неизвестно на ком (по чистоте происхождения).

Рядом с пиршественными столами установили беседку для музыкантов и расчистили да отделили от остального пространства цветастыми лентами площадку для танцев. Позади столов начинался вечно модный лабиринт из кустарников, центром которому служило нечто вроде башенки-беседки, сделанное из настоящего камня и явно имитирующее дозорную башню. По крайней мере, наверху, под черепичной крышей со шпилем для родовых стягов имелось место для часовых.

Там, где на поляну вышли из портала Лоран и Тин, пространство заполнили кресла и скамьи, на которых сидели люди. Много людей. И не-людей тоже: эльфы (как же Ивелейн Златая без свиты да на официальное торжество?!), кобольды (недалеко имелось их редкое наземное поселение), несколько гномов (естественно, раз кобольды – значит, рядом и гномы), кажется, затесались сирены (причём мужеского пола, так что отцы следили за дочерьми, не смыкая глаз), был даже один тацет (особо уродливый и занятый исключительно любованием на себя в зеркальце)... Далее рассматривать да изучать гостей ни у Лоран, ни у Тина сил не хватило – опять сплошная политика.

Когда юная пара только появилась, над поляной царил нестройный гул, периодически переходящий в гам и шум. Но вот виновников торжества заметила какая-то служанка – она охнула в восхищении и застыла. Кто-то, удивлённый странным поведением, проследил её взгляд и тоже замер. За ним ещё и ещё. И наконец все смотрели исключительно на Тина и Лоран и боялись вздохнуть, чтобы не нарушить удивительную тишину.

Никогда ещё Тин не был объектом пристального внимания столь огромной и разношерстной толпы. Юноша почувствовал себя крайне неудобно – от позорного бегства чародея спасла Лоран. Она могла похвастать тем, что в её жизни встречалось такое сомнительное развлечение, как взгляды сотни незнакомцев. Но и Лоран уже отвыкла от них – давно, очень давно она перестала считать себя герцогской дочкой и не посещала положенные по рангу балы и торжества. И вот снова ей пришлось быть на виду у всех – на миг спины коснулся призрак прошлой боли, но та быстро исчезла. Рядом стоял Тин.

Жених и невеста, собравшись с силами, шагнули из-под арки. Резной свадебной арки, в которую вывел портал Зелн. От ног пары бежали две голубые словно небо ковровые дорожки. Они огибали гостевые ряды по периметру и вновь соединялись у лёгкой, явно новостроенной беседки, где венчающихся ожидали храмовница и храмовник в белых одеждах. Откуда они явились, из какого Уединения или храма, никто не знал – кандидатур для обрядов и ритуалов храмовники отбирали промеж собой, внутрь их дел без нужды не вмешивались. Впрочем, судя по тонким синим линиям, что вились по рукавам и полам балахонов, эти двое прибыли из Уединения Брака и, скорее всего, носили серьги-колечки друг друга. Удачный выбор!

Хотя Тину и Лоран не хотелось расставаться, они разошлись – под венец жениха и невесту принято вести родителям. Ход к браку начался.

Пройдя в разные стороны по ковровым дорожкам, юные чародеи одновременно склонились перед отцами, те возложили руки детям на чело.

– Отпускаю тебя, Лоран! – торжественно произнёс чуть дрогнувшим голосом герцог Орлеш. Когда ему принесли весть о предстоящей свадьбе, герцог просто-напросто не поверил. Однако сюрпризы в тот день не кончились: гонец снял с лица дорожную маску... и отец увидел свою дочь, свою малышку. Та, немного постояв в дверях, бросилась к родителю на шею. Она простила его! Больше ни в чём герцог не нуждался... а Лоран уверила отца, что любит Тиллона Яруша. – Иди. И будь хорошей женой.

Герцог осторожно поцеловал дочь в лоб. Теперь настала очередь графа Яруша.

– Приведи ко мне дочь, Тиллон! – его глаза сияли. – Иди. И будь достойным мужем.

Сын тоже удостоился от отца поцелуя-благословения.

Дети подошли к матерям. Мать Лоран умерла, когда девочке исполнилось десять, и сейчас на её месте стояла Умелла Облачная, что правильно – ведь наставница, учитель, тоже в некотором роде мать.

Лоран поклонилась магине – та накрыла голову девушки длинной кружевной вуалью-фатой, прячущей лицо. Затем обняла и прошептала на ухо:

– Я её сама вязала, как положено, – чародейка прижала ученицу к себе чуть крепче, а затем отпустила, но слова всё так же слышала только Лоран. – Не бойся замужества: я вот магистр и муж у меня магистр – и ничего, живём потихонечку.

Девушка в изумлении округлила глаза. Это же как? Умелла Облачная – и замужем! Наставница всё отлично поняла и, подмигнув, едва заметно кивнула на Новелля Спящего, который в тот момент усиленно изучал небо, словно пытался гадать на птицах.

Тем временем на плечи Тину лёг плащ-накидка – для ношения абсолютно не приспособленный, зато имеющий глубокий капюшон.

– Ну, Тин, – тихо-тихо проговорила довольная за сына мать. – Порадуй нас внуками где-нибудь на исходе зимы.

Юноша отчаянно покраснел, но к счастью его смущения кроме родителей никто не увидел – матушка накрыла голову сына капюшоном и тем упрятала от свидетелей горящие щёки.

Теперь лица жениха и невесты были надёжно скрыты ото всех. Родители повели детей по голубым дорожкам к венчальной беседке. К судьбе.

Магистр Новелль Спящий стоял чуть в стороне от основной группы гостей и разглядывал оных... немножко, перемежая это «важное» дело с изучением неба. То радовало безукоризненной солнечной голубизной – ни облачка, ни птиц. Ни драконов, на худой конец. Зелн явно перестарался. И не только с небом, но и с погодой – что здесь будет творится в начале осени Новелль спрогнозировать не брался, но в ураганных ветрах и продолжительных ливнях нисколько не сомневался. Впрочем, теперь есть, чем занять Зелна. Заодно научится просчитывать если не все, то хотя бы общие последствия глобальных заклинаний. А то распоясался после испытания на мастера! Мальчишка!.. Но они с Эфелем сами виноваты – спрашивается, зачем они повесили на него малышню?

Н-да – Новелль проверил ощущения – небо в ближайшее время ничем сомнительным не порадует. И ладно. Магистр вернулся к прежнему занятию – разглядыванию... на самом деле, не гостей. И даже не Лоран с Тиллоном. Хотя этой чудесной паре стоило уделить внимание: юноша и девушка идеально подходили друг к другу и были великолепны, даже несмотря на несколько забавный вид из-за брачных накидок. Впрочем, Лоран неимоверно шла кружевная вуаль.

Девушка словно плыла над голубой дорожкой и казалась ненастоящей, нереальной – мечтой! Мечтой любого мальчишки от тринадцати и... ну, там сколько позволит природа или сила. Её незабудковое платье осторожно подчёркивало девичьи прелести, вроде бы и не выставляя их напоказ, но с ещё большей яростью заставляющее свидетелей кусать локти оттого, что эта девушка не для них. По правому боку, словно кисточка пояса, струился тонкий, всего в два пальца толщиной, жезл подмастерья мага. Лоран гордилась тем, кто она есть.

Жезл из белого золота одновременно отпугивал и притягивал взоры, все знали, что это опасное оружие, но внешне он казался ещё одним женским украшением, словно комплект к эльфийскому браслету-памятке – наверняка подарок Ивелейн, – серьгам-цепочкам и высеребранным магией волосам. Сейчас те скрывались под фатой.

Тиллон, напротив, смотрелся более чем реально: юноша всё-таки после долгих уговоров сменил привычный чёрный костюм на камзол и штаны цвета загустевшего липового мёда, что куда больше подходило и к светлым волосам подмастерья, и к украшенному коричневатыми шерлами поясу, и к жезлу. Тот, несмотря на ясный солнечный день, тускло мерцал кровавым золотом и уж не вызывал сомнений в том, что и он, и его владелец очень и очень опасны. Соперничать с таким – нет уж, увольте!.. Но один взгляд на Лоран – и хотелось сразиться с богами за её благосклонную улыбку.

Однако Новелля интересовала совсем другая женщина. Женщина, которая выдавала Лоран замуж. Умелла Облачная. Мел. Его неповторимая жена. Ласковая, нежная, желанная. И грозная. И вообще-то стерва преизрядная. Но всегда заставляющая мужа смотреть на себя с... пожалуй, глуповатой улыбкой.

Мел всегда была подобна небу, по которому ветер гонит облака. Нешуточный ветер, но высоко-высоко – на земле ощущаешь лишь приятную прохладу. И Новелль мог вечно наслаждаться этой прохладой, но ещё он знал, что ради этой женщины следует без страха подниматься вверх, чтобы то ли сразиться в облаках с ветром, то ли подчиниться его напору... Сейчас Новелль подчинялся напору... Нет, сейчас он стоял внизу и издали наблюдал, зная, что ветер ныне благосклонен – он спустится к земле и умерит силу. Мел ведь такая на самом деле хрупкая...

– Фу! Ну у тебя и видок! Прямо светишься умилением! – к замечтавшемуся Новеллю неслышно подошёл Эфель, но до конца скрыться ему не удалось – белый маг в любом состоянии без труда улавливал отголосок ауры тёмного чародея. – Слюни-то подбери, глава Круга Старших. Что о тебе студии подумают?

– Ты чего сюда припёрся? Ты ж вроде свадьбы не любишь.

– Я не люблю свадьбы, на которых участвую в качестве жениха! – возмутился чёрный маг.

– Да ты же ни разу не пробовал, – усмехнулся Новелль.

– Послушай! Не придирайся к словам! – тотчас взвился Эфель. – Я что, уже и на свадьбу племянника явиться не имею права?

– Твой племянник только на исходе Листопада с Миром здороваться будет, – откликнулся белый чародей.

– Что?! – вылутился на коллегу Эфель. Получилось громко – на магистров мгновенно зашикали, несмотря на весь их грозный статус.

– То.

– Нет. Ты толком объясни!

– Да заткнись ты! – буркнул Новелль. – Из-за тебя начало пропустили!

Действительно, Лоран и Тиллон уже стояли внутри беседки и храмовники о чём-то их спрашивали. Оба магистра замолкли, прислушиваясь.

– Чего ты хочешь, Тиллон Яруш? – спросила храмовница.

– Быть рядом с Лоран, – спокойно ответил Тин.

– Ты уверен? – уточнил храмовник. – Ты уверен, что хочешь именно этого, Тиллон Яруш?

Юноша задумался, некоторое время постоял молча, затем кивнул – капюшон качнулся, но венчающие пару храмовники видели сверкающие приморским янтарём глаза жениха.

– Я хочу, чтобы Лона была счастлива! – твёрдо заявил он.

– Желание ясно, – храмовник обернулся к магине. – А ты, Лоран Орлеш, чего хочешь?

– Я хочу, чтобы Тин был счастлив! – та чуть ли не один в один повторила слова жениха. –

И потому больше всего в Мире я хочу быть рядом с Тином!

– Хороший ответ, – признала храмовница.

– Есть ли здесь тот, кто знает о препятствии к браку этих двоих детей Мира? – воззвал к присутствующим храмовник. Поляну окутала идеальная тишина: слышался даже писк какой-то наглой мухи. Хотя, возможно, это храпел тацет: на зеркальное отражение налюбовался, к столам пока не звали – что ещё делать?

– Тогда, – выждав положенную и мучительно бесконечную паузу, продолжила храмовница, – с согласия Мира, свидетелей и родителей объявляем Тиллона Яруша и Лоран Орлеш мужем и женой до конца Света и Тьмы!

Юноша коснулся родового медальона – ястреб клюнул кожу – и на ладонь легло кольцо. Тин мгновение любовался скрученным двойной спиралью хвостовым пером, а затем осторожно надел его на палец Лоран.

– Скрепите союз поцелуем.

Тин раздвинул вуаль и отчего-то несмело коснулся губ возлюбленной, та залилась краской. Поцелуй вышел каким-то... скомканным, неумелым. К счастью, за свадебными накидками это могли увидеть лишь храмовники и близкие свидетели, да, возможно, стоящие чуть поодаль родители.

– Снимите накидки.

Пара подчинилась. Руки обоих ощутимо дрожали.

– Явите свой брак Миру!

И Тин вдруг обнял Лоран и крепко её поцеловал – их покинул страх. Чистые небеса вдруг пересёк ястреб. Он хищно клёкотал. Добрый знак.

– Тин, – прошептала девушка, как только смогла чуть отдышаться. – Смотри!

Вместо орла на груди Лоран висел ястреб. Тин счастливо улыбался.

– Идите в Мир, Тиллон и Лоран Яруш!

Поляна огласилась радостными криками, свистом и аплодисментами. На мгновение молодожёнам даже захотелось раскланяться и пустить тарелочку для пожертвований... Однажды, на одной из летних практик, пара так и сделала, будучи оставленной без медной монетки. Обворовали тогда юных студиозов подчистую благо, что оба уже поднаторели в магии.

– Ну-с, а теперь... – Новелль в предвкушении вытянул шею. Эфель, недоумённо нахмурясь, отошёл от друга – что-то белый маг в детство впадать начал.

А Тин с Лоран подошли к краю беседки и снова развернулись друг к другу. Нет, на этот раз не для поцелуя – они окончательно стянули с плеч свадебные накидки, сложили их вместе, и новоиспечённый муж стал позади жены, старательно держа «тряпочки» двумя пальцами.

– Судьба, яви их нам! – хором воскликнули храмовники и молодожёны. Лоран и Тин размахнулись и швырнули накидки вверх, к небу. Те на миг зависли в воздухе, а затем вдруг разлетелись в разные стороны. Фата невесты спланировала на какую-то миловидную девушку.

Плащ Тина настиг Эфеля Душевного в тот момент, когда тёмный магистр нагнулся подправить шнуровку на сапоге (позже чародей с пеной у рта доказывал, что несколько не прятался, – ему не верили). Маг вскочил, сдёрнул с себя накидку – та накрыла его с головой – и бешеным взором окинул свидетелей. Молодожёны снова целовались... исключительно из благой цели – боялись расхохотаться в голос. Всё ещё стоящая рядом Умелла прятала лицо за ладонями, но судя по тому, что женщину трясло, как в лихорадке, магиня неудержимо, хоть и тихо смеялась. Новелль кусал губы.

– Э-э, – протянул он. – Т-тебе идёт.

– Я сейчас это, – Эфель сердито потрянул плащом перед носом коллеги, – на тебя напялю! Чтоб не зубоскалил!

– Ты хочешь иметь дело с моей женой? – невинно осведомился Новелль.

– Это ты подстроил?!

– Я? – обиженно надулся белый маг. – Ой, нужно мне на тебя, бестолочь, тратить! Я бы её на тацета надел – всё шансов больше!

Эфель попытался было ответить, но не найдя слов, резко развернулся и зашагал куда-то прочь из хихикающей толпы.

– Нов, я тебе это припомню! – процедил сквозь зубы тёмный чародей... но накидочку не выкинул.

* * *

Убедившись, что Тин и Лоран вошли в венчальную беседку, Зелн с сожалением покинул

церемонию – его ждала другая, куда менее приятная, чем свадьба. Но Зелн не имел морального права её пропустить.

Нежданно умер барон Меркуш – видимо переусердствовал в разбазаривании жёниного состояния, – похороны отчего-то назначили на сегодня. В этом деле с храмовниками не поспоришь. Зелн и не спорил – он не собирался никуда идти, но потом совесть взяла своё. Негоже, чтобы душу из живых провожали лишь храмовники да похоронщики, но в Главели у барона никого не было – вряд ли кабачные дружки придут к Меркушу, разве что огорчатся отсутствию денежек. Оставался только Зелн – как-никак сосед и всё ещё, хоть и формально, жених его дочери.

На сожжение тела – в столице предпочитали кремацию, в особенности для приезжих (простенькая, но эффективная защита от высшей некромантии) – чародей опоздал, но на прощание ещё успевал. Он скоро, но не сбиваясь на неприличный здесь бег, прошёл по вымощенным белыми плитками дорожкам, обогнул статую «Стенающей девы» и три постамента семейных захоронений и выбрался наконец к общей длинной стене из обычного кирпича.

Стена занимала центр кладбища, чуть ли не пересекая его от одной границы к другой. Местами, особенно в середине, стена выглядела частью отменной крепости, которую не взять врагам, – там власти района положили зачарованный камень и не пожалели оплатить его. Для того чтобы вмонтировать кувшин с прахом, хватало произнести простенькое, узконаправленное заклятье и воспользоваться похоронным амулетом, каковой на кладбище определёнno имелся.

Однако большей частью стену складывали из кирпича, тоже разного – её достраивали в разные времена, при разных начальниках. Где-то лежал качественный, тоже зачарованный диас, встречался и стачиваемый ветрами и водой известняк, а то и вовсе саман, но сырцовые участки «плыли» довольно-таки быстро. Из-под самой стены во множестве вылезали ивы-плакальщицы – сейчас они смотрелись красиво, но по зиме их голые ветви скрежетали-скребли по стене праха, навевая уныние, а не покой.

К несказанному удивлению Зелна у места, где замуровали останки Меркуша, стояла низенькая скамейка. На ней сидела женщина в неприметных, серых одеждах. Спина неожиданной посетительницы дёргалась, но когда юноша подошёл к стене вплотную, дама посмотрела на чародея сухими печальными глазами.

– Вы его друг? – тихо спросила она. Голос звучал глухо из-под плотной маски, скрывающей лицо незнакомки.

– Нет.

– Вот. У него даже не было друзей. Тогда для чего же он жил? – маска усмехнулась. Женщина осторожно коснулась глиняной таблички с именем барона. – Он даже похоронен на общественном кладбище, в общественной стене...

– Мама! Хватит, не убивайся из-за него! – откуда-то сбоку к говорящей подбежала девушка. Она в отличие от женщины была облачена в приятное глазу платье несколько легкомысленного салатного цвета, явно не траурное. Девушка тоже носила плотную маску. Новоприбывшая присела рядом с матерью на корточки.

– Твоя дочь права! – с другой стороны от скорбящей вдовы, старшей баронессы Меркуш, оказалась ещё одна женщина в строгом тёмно-зелёном костюме. – Дамалла, он не был достоин твоих слёз при жизни. После смерти он тоже их ничем не заслужил!

– К тому же, ты давно его не любишь, мама! Ты любишь Шилку. А он тебя.

– Я не могу ответить, тем более выйти за него замуж. Он ведь наш садовник!

– И что, мама? – удивилась дочь. – Ты была верной женой. Теперь ты вдова. И у тебя есть наследница – так что пора жить для себя!

А никем не замечаемый Зелн во все глаза смотрел на тугой пучок, так напоминающий по форме золотую кувшинку...

– Мама? – позвал чародей. Женщина в тёмно-зелёном костюме резко обернулась. – Мама. Как она постарела за долгие годы разлуки, но была всё такой же крепкой и серьёзной.

– Зелн? – недоверчиво всмотрелась в молодого мага женщина. – Мой малыш?

Она уменьшилась в росте... или это Зелн стал высоким?

– Мама.

– Малыш, – баронесса осторожно коснулась чисто выбритой щеки сына, тот прильнул к нежной ладони. – Какой ты большой! Взрослый. Настоящий мужчина!

– Мама, – судорожно всхлипнул мужчина о двадцати с монетками годах. – Прости меня, мама!

– И всё такой же глупенький, – прошептала она. И Зелн прижал к себе свою маленькую, хрупкую маму, уткнулся носом в кувшинку и вдыхал, вдыхал родной, уже порядком позабытый аромат дома. Его дома. – Я люблю тебя, мой малыш.

Она отстранилась, ещё раз окинула сына теперь, пожалуй, недоумённым взглядом.

– Извини, я нужна Дамалле.

Зелн понимающе кивнул.

– Но мы ведь поговорим?

– Конечно, мой малыш.

Чародей несмело улыбнулся и отошёл в сторонку, чтобы не мешать женщинам. Некоторое время он стоял, тупо уставившись в одну точку – Зелн уже не спешил на свадьбу Лоран.

– Барон Друг?

Маг вздрогнул, вырванный из отрешённой пустоты. К нему, оставив мать, подошла юная баронесса Меркуш.

– Да, госпожа, – он отвёл глаза, не смея смотреть на брошенную невесту. Пусть они не успели даже познакомиться, но Зелн её бросил, а не освободил. В родных краях это важно.

– Ваша матушка сказала, что вы выдержали испытание на звание Мастера.

– Да, – глухо пробормотал чародей и зачем-то добавил. – Я писал матушке.

– Это означает, что нашу помолвку можно считать недействительной, – она не спрашивала, а утверждала.

– Вы свободны, госпожа, – подтвердил Зелн. И наконец-то посмотрел на собеседницу прямо. Только тогда он заметил, что юная баронесса нервно комкает перед длинного, не такого уж богатого платья. Глаза девушки переполняло отчаянье. – Что случилось?

– Господин мой! – Чародей отчего-то уверился, что щёки под маской лихорадочно горят. – Мой господин! Барон! Вы... только не подумайте... плохо... Но лучше попрошу я, чем ваша матушка... Я обещаю! – её голос дрожал. – Я обещаю: наш брак будет формальностью – только позвольте мне родить от вас малыша... мальчика ли, девочку – уже неважно, пусть этим займётся природа...

– Зачем? Зачем вам? – охнул ошарашенный просьбой Зелн.

– Тогда я смогу говорить, что у меня есть законный наследник. А ваше имя – имя уважаемого столичного мага, мастера – послужит нам надёжной защитой.

– Граничные бароны? – понял юноша. – Они претендуют на вас и ваши владения?

– Да. Тем более, после смерти отца и его покровителя... какого-то графа. А если ещё мама выйдет замуж за Шилку... Они найдут вполне законные основания лишить нас земель. Но я хочу, чтобы мама была счастлива!

– Чего не будет в нищете, – закончил за девушкой Зелн. Он шагнул к юной баронессе, та испуганно дёрнулась, но не сдвинулась с места, готовая на всё. – Вы смелая и сильная! – чародей протянул руки к лицу, скрытому маской. – И вот, что я вам скажу! В идее «мальчик ли, девочка» мне не нравится одно: почему «ли»?

– Вы хотите? – она осеклась, когда Зелн вытянул с её ушка маленькое колечко и вдел его себе в ухо, едва заметно поморщившись от нешуточной боли – чародей не носил серёг.

– Да. Хочу... Но сначала мы с вами, моя госпожа, должны познакомиться. И... – мастер Света серьёзно посмотрел на невесту. – И я слишком уважаю себя, чтобы посметь не уважать жену!

Он протянул руку, чтобы снять маску, но не успел.

– Дети? Мы что-то пропустили?

Молодые люди обернулись на тревожный голос. Буквально в шаге от них стояла Дамалла Меркуш, от неё волнами накатывало беспокойство. Рядом хмурилась матушка Зелна, готовая защищать подругу и её дочь даже от обожаемого, единственного сына.

– Это я пропустил, госпожа, – после разговора с пока безымянной невестой чародей не боялся смотреть баронессе Меркуш в глаза. – Я слишком давно не был дома. Считаю, что

следует это исправить!

– Если вы делаете это из жалости, то нам оно не нужно! – гордо выпрямилась женщина.

– Жалости? – Зелн позволил себе ухмыльнуться краешком рта. – О, жалость магам не свойственна.

Дамалла вдруг рванула полотно – чародей охнул. То, что когда-то Зелн принял за уродливую физиономию, в действительности оказалось ужасным шрамом, который пересекал прекрасное, божественное лицо. Баронесса Меркуш, пожалуй, могла бы считаться эталоном красоты, совершенством... Зелн подошёл к женщине и коснулся рваных линий, призвал Свет... и, обжегшись, рухнул на землю, подминая тоненькую травку, что старательно раздвигала белые плитки дорожки. Лицо баронессы не изменилось.

– Ох, что же ты меня не спросил? – вздохнула женщина, и маска вернулась на прежнее место. – Это не лечится. Когти волколака.

– И вы не обернулись? – изумился чародей, а в голове крутилась какая-то мысль – что-то это значило.

– Иммунитет. Изредка встречается, – пояснила Дамалла. – Теперь я вижу, что маги не жалостливы, но умеют жалеть. А ещё ты учёный. И ты привык жить в столице. Ты не сможешь долго быть с нами – и опять мы окажемся одни. Лучше и не пробовать.

– Пробовать надо всегда! – возразил Зелн. – Я знаю! Иначе я бы не стал мастером!.. И я – мастер.

Он решительно отцепил маску от лица невесты. Ему открылось простое, в целом, непримечательное лицо: весёлый нос, усыпанный золотом мелких веснушек, уже, правда, бледнеющих, румяные пухленькие щёчки, улыбчивый рот – девушка явно любила посмеяться, вот только печаль, что пряталась в уголках глаз, портила картину. Если бы Зелн не знал, что его невесте девятнадцать, не дал бы ей и семнадцати.

– Меня зовут Зелн Друг, – поклонился чародей.

– Очень приятно, – ответил юная баронесса. – Меня – Рэлла Меркуш. – затем, усмехнувшись, добавила. – Что, разочарованы?

– Вот уж, – хмыкнул белый маг. – Богиням поклоняются, а любят земных женщин. Кстати, на Отделении меня прозвали Язвительным. Или – просто Язва.

– Это предупреждение? Тогда врождённая вежливость требует и от меня признания: деревенские мальчишки кличут Рэллою Ехидной. Просто – Ехидна.

Молодые люди задорно и вызывающе улыбнулись друг другу, но от последовавшего замечания старшей баронессы Друг смутились до немоты.

– Вот же, нашли перед кем хорохориться! Думаете, в супружеской опочивальне это вам поможет?

Некоторое время жених и невеста ловили ртами воздух, но Зелн всё-таки взял себя в руки.

– Дамы, мне кажется, пора оставить это место мёртвым и возвращаться к живым.

– И что ты предлагаешь? – Дамалла поморщилась.

– Сегодня одна моя знакомая... – под тремя непонятными женскими взглядами чародей запнулся. – Она с моего Отделения. У нас всего две девушки и обе по уши влюблённые! Одна вообще – эльфийка! А другая сегодня замуж выходит. А я, между прочим, продавец... ну, в смысле, невесту жениху я отдавал. В общем, мне по рангу положено присутствовать на свадьбе. Может быть, присоединитесь?

– А это удобно?

Вместо ответа Зелн подхватил Рэllu за локоть и потянул прочь с кладбища... чтобы врезаться в Эфеля Душевного.

– Ты меня преследуешь?! – рявкнул тёмный магистр.

– Я тебя в первый раз сегодня вижу! – мгновенно обиделся молодой мастер.

– И что ты делаешь на моём кладбище?

– На похороны пришёл... – Зелн заметил в руках Эфеля накидку жениха. – Ой, они следующих уже искали. Жаль.

Магистр тотчас ухватил младшего чародея за подбородок и уставился на серьгу.

– И ты, предатель?

– Да иди ты, некромант недотворённый! – огрызнулся тот. Эфель скорбно пожал плечами

и просочился сквозь ближайшую стену праха, за которой и исчез.

– Кто это? – удивилась Рэлла.

– Так, – отмахнулся Зелн. – Глава Чёрного Круга. Магистр Эфель Душевный... По мне – так Психованный!

Чародей создал портал перемещения и не заметил, как за его спиной переглянулись дамы.

* * *

Праздник всё ещё с трудом, но планомерно двигался к тому моменту, когда различия в происхождении, расовые предрассудки, профессия или отсутствие оной перестанут являться преградой для общения. Скоро, пожалуй, и политика отойдёт на второй план. Впрочем, она ещё долго будет играть первую партию, если не соло.

Романд и Льеэфа Л-лотай держались непринуждённо, будто всю жизнь только тем и занимались, что на пару шлялись по официальным приёмам – только очень и очень наметанный глаз смог бы заметить, что отец и сын не общались друг с другом. Если же они были вынуждены говорить, то ни тот ни другой на собеседника не смотрел и обращался исключительно к воздуху или ближайшему подходящему предмету, вроде стола, салатницы или рукава собственного камзола. При этом они мило сидели рядом, раздавали комплименты окружающим, вступали в дискуссии и вообще вели себя естественно. Прирождённые правители.

Здесь находился и герцог Имлунд Зелеш, который вызывал священный трепет. Казалось бы самый известный в империи роконосец, но вот же – вывернулся, не придраться. Снова защитник и воспитатель правящей династии! Снова спаситель Гулума! И прочая, прочая, прочая... Авторитет первого советника поддерживали и император с престолонаследником, и старший сын. Наверное, и средний тоже, но он на свадьбу не явился, так как был серьёзно болен и безвылазно сидел в родовом замке под присмотром жены.

В остальном семейство Зелеш прибыло почти полным составом: удивительная жена престолонаследника, грозная и таинственная Хрон – она обращала на себя внимание и отпугивала потенциальных собеседников одним взглядом страшных и необычных тёмных глаз. Конечно же принцесса Руника Спасаящая – несмотря на постоянные отказы, мужчины не теряли надежды когда-нибудь добиться хотя бы благосклонной улыбки сестры императора. Красавица младшая герцогиня – она старалась не отходить от мужа и с тревогой следила за четырьмя дочурками. Старшая, надо признать, уже успела отличиться: отшила одного из сирен в таких выражениях, что папенька, Феллон Зелеш, даже покраснел, но ничего не сказал. Наблюдавшие эту сцену остальные отцы лишь завистливо вздохнули: какое воспитание! Устоять перед обаянием сирены!

Собственно, с выходки старшей внучки герцога Имлунда торжество плавно перетекло во вторую стадию. Стадию настоящего всеобщего веселья. Первыми, конечно, наплевали на правила и прочую надменность дети и маги, за ними подтянулись и остальные.

Новелль Спящий предпочёл следить за развитием праздника с той самой беседки-караулки, которая высилась в центре лабиринта из кустарника: хороший обзор, к тому же, наблюдение куда безопасней участия во всевозможных розыгрышах, а иногда и в хулиганстве, которое творилось внизу.

Утвердиться в правильности данного решения помогла неудачная попытка стянуть тувельку с ножки невесты – великий магистр получил этой самой ножкой в глаз, ещё помнящий кулачок жены. Хорошо, что Лоран по ряду причин не поддалась веянию моды – в Главель снова возвращались шпильки! Впрочем, каблук Тина по шее тоже не вызвал приятных ощущений. Поэтому Новелль с чистой совестью посчитал себя проигравшим Эфелю – раз в полвека можно. Да и «Слёзы Тьмы», как утверждают специалисты недурственное вино, белый магистр на дух не переносил.

Всё перечисленное и привело Новелля на вершину башенки. И теперь он мог видеть, сколько ещё человек удостоились душевного «подстольного» приёма, кто какую пакость сотворил и чем заняты гости в целом. Интересное времяпрепровождение.

К некоторому удивлению Зелна дамы воспользовались порталом скорее с опаской, нежели с восхищением проделанной работе. Долгие годы живя в столице, будучи магом и вращаясь в высоких кругах, чародей уже позабыл, что магические переносы достаточно редкая и дорогостоящая вещь.

На свадебной поляне уже всюю веселились, что Зелн счёл хорошим знаком. Следовало поздравить молодожёнов, но так как громадный торт всё ещё накрывал силовой купол, мастер решил погодить с официозом и потянул Рэлли на площадку для танцев, благо Тин и Лоран кружили в центре оной. Знакомиться лучше в дружественной обстановке.

Однако не успел Зелн проделать и пару шагов, как позади раздался восхищённый голос матушки:

– Иму? Мой господин, как давно мы не виделись!

Чародей резко обернулся, чтобы увидеть светловолосого мужчину, кланяющегося старшей баронессе Друг.

– Да, давно, – согласился мужчина и поцеловал даме руку.

И два образа слились в один: провожатый Зелна и герцог Зелеш оказались одним и тем же человеком. Но это значит...

– Прошу извинить меня, – Зелн кивнул. – Я на минутку. Дамы. Герцог.

– Ты куда, Зелн? – встрепелась матушка.

– Да так, – буркнул чародей. – К учителю надо. Герцог, могу ли я вас попросить?..

– Молодой человек, я знаком с вашей матушкой очень давно, так что был бы рад поговорить с баронессой и показать дамам здесь всё, – изумительно улыбнулся Имлунд. – Кстати, магистр Новелль во-он в той башенке.

– Спасибо. Я скоро, – поблагодарил молодой барон и двинулся в указанном направлении.

– Магистр Новелль? – удивилась Дамалла. – Не Новелль ли Спящий, глава Круга Старших?

– Он самый, – кивнул герцог. – Зелн способный мальчик.

– Да. Он у нас мастер.

– И наверняка не сказал, что третьей ступени? – Имлунд подвёл женщин к танцевальной площадке. – Ну что, дамы, покажете столичным снобам, как пляшут на границе?

Впервые за этот день да многие годы баронесса Дамалла Меркуш рассмеялась и позволила какому-то мальчонке утянуть себя в весёлый круг. Как позже выяснилось, мальчонку звали Керейном Среброрукием.

* * *

Как только Зелн взобрался на башенную площадку, раздался хлопок и рядом с белым чародем материализовался Эфель Душевный.

– Вы всё знали о моей помолвке! – рявкнул Зелн.

– Ты всё-таки расскажи, что за племянник! – вторил ему тёмный магистр.

И лишь после хорового вступления новоприбывшие заметили, чем занят Новелль Спящий. Тот, опасно усадив Умеллу Облачную на низенькие перильца, самозабвенно целовался с женой. Двойной вопль не заставил супругов прерваться. Только закончив, они всё же соизволили обратить внимание на «вопрошающих».

– Знал, – вздохнул с явным сожалением Новелль. – И что? Ты полагаешь, я могу что-то противопоставить Змею.

– Если бы захотели...

– А ты хочешь? – резонно поинтересовался магистр.

– Что же касается твоего вопроса, Феля, – вмешалась Умелла, – то всё очень просто. Перед тобой дважды папочка.

– То есть? – не уловил Эфель.

– Тупица, – тотчас обласкал коллегу Новелль.

– Девочка у него родится в начале осени, – не поддержала глупой перебранки магиня. – Оно и понятно – дриады они частично растения, поэтому плодоносят в соответствии с

климатом местности, где обитают. – Умелла ласково потеряла мужу волосы. – А наш мальчик будет только в конце Листопада...

– И ты так спокойна? – поразился тёмный маг. Он чересчур хорошо помнил, какой скандал разразился из-за дриады в прошлый раз.

– Они сговорились, – пояснил Карла Задумчивый, как оказалось, он поднялся в беседку вслед за Зелном. – Я сам видел, как эти дамы болтали.

Эфель недоумённо качнул головой. Женщины. Они всегда его поражали.

– Молодец, сестрёнка! – единственное, что и смог сказать маг.

– Сестрёнка? – не упустил шанса Зелн. – Вы сестра чародея Тьмы?

– Нет, – улыбнулась Умелла. – Я жена его брата. Близнеца.

Молодой мастер уставился на Новелля и Эфеля, никакого сходства не заметил и, махнув на чокнутых шутников рукой, отправился веселиться.

– А он не поверил, – хмыкнул Карла.

– Помнится, ты даже рунам и картам не верил, – рассмеялась магиня. Братья философски пожали плечами.

* * *

День тихо и незаметно сдавал бразды правления вечеру: солнце, укутавшись пелериной усталых красноватых облаков, зависло над горизонтом и обещало с минуты на минуту скрыться за кромкой дальнего леса. На востоке появилась первая тёмная полоса – ночь возвещала о скором пришествии. Праздник набирал силу. И праздник явно удался.

Центральным событием торжества (после венчания, разумеется) стало исчезновение обуви у всех, расположившихся к тому моменту за главным столом. Причём пропала обнаружилась случайно: его императорское величество Льеэфа Л-Лотай и его светлость младший герцог Феллон Зелеш одновременно резко дёрнулись и съехали под стол, откуда довольно-таки резво выбрались, крепко держа извивающуюся обувку. Свою. При этом у обоих – и у владыки Гулума, и у младшего герцога – рожи были настолько глумливыми, что гости заподозрили неладное. Они не ошиблись: сапог, туфелек и прочей обуви лишились буквально все.

Обвинить в гнусном деянии Льеэфу или Феллона не посмели, да и вряд ли столь серьёзные люди могли подставиться настолько глупо. (Надо отметить, потом обоим влетело от Имлунда Зелеша, но они так ни в чём и не признались.) На владеющего магией престолонаследника тоже не думали, так как юноша давно перекочевал на танцевальную площадку и покидать её пока не намеревался.

Обувь нашли быстро: она двойным кордоном окружила стол с тортом. Тот, кстати, также сыграл яркую и запоминающуюся роль в празднестве. После того, как молодожёны взамен подарков наградили дарителей кусочком сего чуда кулинарного искусства, оно взорвалось. К счастью, Лоран и Тин уже успели отойти – снова танцевали, – а вот многим гостям не повезло получить «добавку».

Виновника этого происшествия искали долго, хотя маги явно вычислили паршивца, но по знаменитой гильдейской солидарности не выдавали. Благо чародеи и не пострадали. Виновник же, точнее – виновники, прятались в кустарниковом лабиринте и делали вид, что милуются. На самом деле они и впрямь миловались – совмещали приятное с полезным. Романд и Лита отлично понимали, что никакой статус грозных чародеев и принадлежность к императорской семье не спасут их от заслуженной расправы. Трудно объяснить разъярённым гостям, что Романд абсолютно случайно активировал заклятье водяного взрыва, когда размахивал руками, с жаром уверяя Литу, что плящимися и цепляющимися на него дамочками не интересуется. Жёнушка поняла, к чему приведёт спор, и попыталась исправить содеянное. В результате, вплела в заклинание огненную составляющую. Торт подтаял, поплыл и, сваливаясь на головы ближайшим лакомкам, разлетелся в разные стороны, настигая дальних сластён и просто безвинных прохожих.

Случались и более или менее безобидные вещи, но никто особо не обижался. Были и очень красивые сюрпризы. Например, где-то во второй половине дня над свадебной поляной

пролетел дракон. Гости сначала жутко перепугались, но разглядев ящера внимательнее, уверились в его иллюзорности – каждая чешуйка огнедышащего имела свой неповторимый цвет. Да и седоки, прятаясь между острых гребней, не добавляли картине реальности... К удаче седоков, Лита и Романд в тот момент занимались исключительно благим делом – подбивали внушаемое население к дерзкому похищению невесты.

Чародеи не скупилась на магию, будто снова играла ночь Жезла. Высокородные оказались не такими снобами, каковыми пытались притвориться. Высшее купечество не кичилось богатством. Храмовники не надоедали проповедями. Эльфы и сирены имели некое представление о совести (последние, правда, смутное). Гномы... И только тацет оставался тацетом, но и он никому не мешал, спокойно и без вреда окружающим прохрапев большую часть праздника под крайним из столов...

А потом зажглась первая вечерняя звезда. Дариша.

И над поляной поплыл мелодичный женский голос – это пела та самая храмовница, что венчала Тина и Лоран. Все затихли. Никто не посмел перебить женщину. Или даже присоединиться, вплести свой голос в тихий напев – молчали и сирены, исполнительница мастерством и талантом могла поспорить и с ними. Все с трепетом ловили слова, хотя их знали все присутствующие.

Песнь о Дарише Сильной, печальную и вместе с тем полную надежды историю, исполняли на каждой свадьбе. Историю о женщине, которая слишком любила, чтобы жить одной, без погибшего возлюбленного, мужа. И которая всё-таки жила. Жила вопреки всему. Жила, потому что знала – так надо. И она смогла не оставить и вырастить детей, спасти свой народ...

Но вот последнее эхо последних слов песни о Дарише подхватила шелестящая на ветру листва, затем отпустила. В небесах засияла вторая звезда. Пришла пора. Свадебную поляну осветили костры, факелы и волшебные цветные фонарики. Свидетели проводили молодожёнов до брачных покоев. И веселье грянуло с новой силой.

* * *

Двери захлопнулись, звук шагов отдалился, исчез... чтобы уступить место смеху и «пожеланиям», донёсшимся из-за закрытых окон – гости без «помощи» молодожёнов не оставили. Тин и Лоран в ужасе переглянулись, обнялись, даже вцепились друг в друга, словно малые дети в лесу, перед голодной волчицей, и вот так, вместе съехали вниз, пересчитав спинами все завитушки-украшения на резной двери. Тину ещё досталось по лопатке острой ручкой.

Лоран уткнулась мужу в плечо и мелко-мелко дрожала, её стиснутые в кулачки руки аж светились в полумраке – настолько побелели. Юноша отчётливо понял, что он, именно он, должен хотя бы заговорить, разорвать окутавшую их тишину и оградить возлюбленную от шуточек из-за окон. Но Тин не мог. Он маленькой птичкой на удава смотрел на роскошное ложе: огромную деревянную кровать под сейчас раздвинутым балдахином. И ничего больше не видел.

Тин и не представлял, что оно будет так тяжело. Вообще – так. А ведь эти дурацкие правила...

– Ты уверена, что нам сюда?

Молодожёны разом вздрогнули. Лоран ещё крепче вцепилась – хотя, куда уж? – в Тина, тот медленно начал подниматься с пола, готовый сразиться с любым врагом. В опочивальне никого, кроме молодых супругов не было, но юношеский басок раздался именно в комнате, а не доносился снаружи.

– А если они?..

– Тогда тихо-мирно, не стучась и не прощаясь, уйдём! – гневно перебил невидимого юношу девичий голосок. – Но вряд ли – при таком-то концерте это какие же нервы надо иметь?!

– Делов-то, – фыркнул первый. – Поставить внутренний купол...

– От большого ума говоришь, свет мой? Или опыта? – ехидно отозвалась девушка. – К тому же, если протрёшь глаза да протрезвеешь, заметишь, что никакого купола нет.

– Я трезвый!

– Ага.

Раздался хлопок, и в центре супружеского ложа появился не кто иной, как Романд. Следом за ним (точнее – где-то над ним, под самым балдахином) материализовалась Лилийта Хрон, которая в соответствии с законами науки и магии ухнулась вниз, прямо на колени мужу.

– Ай, – оценил тот. – Кстати, какая кровать прыгучая.

Гость подтвердил слова делом: он несколько раз подпрыгнул весёлым зайчиком. Лита, то ли довольна, то ли возмущённо взвизгнув, соскочила с мужа... и последовала его примеру.

– Точно. Прыгучая, – заключила она.

– Романд! Лита! – утробно прорычал Тин и начал трансформироваться в нечто гривасто-клыкасто-когтистое. Обратиться быстро не выходило, так как Лоран всё так же держала возлюбленного, обхватив руками его пояс и прижимаясь теперь щекой к плечу. – Это переходит все границы!

– О! И попали туда, куда нужно! – Романд даже не попытался изобразить смущение и некое подобие желания покинуть чужую кровать-опочивальню, но прыгать всё-таки перестал. – Тинни, не пугай меня львами! Я уже с подобным сталкивался.

– Романд! – тёмный подмастерье вернул себе человеческий вид. – Несмотря на всё твоё принцество, я сейчас тебе морду начищу – жена даже по зубам не узнает!

– Успеется, – легкомысленно отмахнулся юноша. – Мы к вам, собственно, по важному делу...

– Романд!..

– Тин, – неожиданно вмешалась Лоран. Она легко поцеловала мужа во всё то же плечо – юноша обернулся, позабыл, что такое гнев, и тепло улыбнулся. – Тин, Романд хочет что-то сказать. Пусть говорит.

– Во-во! – согласился наглый гость и наставительно покачал указательным пальцем. – Слушай женщину – их слушай, не слушай, а всё равно они поступят по-своему. Но для тебя, по крайней мере, не будет сюрпризов.

– Что?! – тотчас взбеленилась Лита и рванула Романда за отросшие волосы к себе. – Что ты имеешь в виду?!!

– Всего лишь то, серебряная, – надулся юноша, – что как бы ни крутились мужчины, выйдет так, как желает женщина... Вот, например... Ну, я подслушал – и тем горжусь! – госпожа Умелла сговорила с дриадой Великого Дрива и теперь наша магистр беременна.

– Правда? – не поверила Лоран. Для девушки, ещё не отошедшей от известия, что её наставница замужем, вторая новость вообще показалась нереальной.

– Истинная! – кивнул Романд. – Знаешь, как она капризничает! А господин Новелль её утешает...

– Я не капризничала! – почему-то решила заявить Лита, выпячивая в обиде губы трубочкой.

Юный принц только ласково улыбнулся жене и погладил её по щеке. Магиня стыдливо потупилась и прижалась к мужу. Сцена была умилительная и такая знакомая присутствующим, но Тин не выдержал.

– Ребята, я ведь снова взбешусь, – честно предупредил он.

– Да. Ты прав, – Романд оторвался от Литы и обернулся к молодожёнам. – Мы с Литой решили сделать вам настоящий подарок. Как вы смотрите на то, чтобы покинуть это шумное место и провести месяц в укромной долине, вдали ото всех и вся, без суеты Мира, но с комфортом?

Новоиспечённые супруги переглянулись.

– Романд, мы более чем за, но... – Тин замялся. И паузу опять заполнил гул смеха и пожеланий из-за окна. – Но правила обязывают нас... – он снова не договорил, посмотрел на погрустневшую Лоран и отвернулся.

– Тин. Лона. – Белый маг оказался прямо перед расстроенной парой. – Вы – чародеи! Что вам правила! Это ведь унижение, а не правила!.. И если так уж хотите, то возьмите эту

дурацкую простыню с собой – потом здесь материализуете!

Лоран неожиданно затряслась, зарывшись носом в грудь мужа.

– Что такое? – не понял Романд.

– Просто у неё фантазия, – ответил за жену Тин, – та ещё. Уже, наверное, представила, как мы с этой простыней носимся... – Молодого супруга скрутил приступ хохота – по всей видимости, Тин тоже увидел воочию сию чудесную картинку. Глядя на парочку, Лита и Романд начали сдавленно фыркать.

– Ну и воображение у тебя, Лона! – охнула тёмная магиня. – И что же вы решили?

– А ну их всех! – ёмко и доходчиво откликнулся Тин. – Давайте вашу укромную долину!

В следующий миг обе пары очутились на широком уступе, поросшем длинной, желтеющей травой. С уступа открывался прекрасный вид на уютную горную долину.

– Мы только забыли предупредить, что здесь осень, – невинно хлопнула глазами Лита. – Но вы же где-нибудь в начале Цикадника вернётесь – так что лето не пропустите!

Действительно, вокруг царил молодая осень: деревья внизу осторожно и неохотно меняли зелёные наряды на парчовые; воздух наполнился маслянистым ароматом грибов; отчего-то пахло надвигающимися холодными ливнями. Впрочем, пора последних наступит ещё нескоро – осень сейчас казалась радостной, весёлой, словно заезжая в глухую деревеньку пёстрая ярмарка.

– Ах да, – хлопнул себя по лбу Романд. – Я кое-что ещё припомнил! Вам нужно идти во-он к тому озеру. – Юноша неприлично ткнул пальцем по направлению к центру долины. Там и впрямь блестело в лучах бледноватого солнца озеро, по середине которого расположился остров-клякса, на нём замок. – И туда можно только пешочком. По тропинке. – Теперь чародей указывал под ноги на нечто, отдалённо напоминающее нехоженую, заброшенную тропку. – Скажете там, что вы те самые, от Литы Хрон. Счастливо оставаться!

И Романд с Литой исчезли. Молодожёны вновь переглянулись.

– У меня какое-то подозрение, что нас подставили, – нахмурился Тин.

– Не подставили, а похитили, – уточнила Лоран и сдавленно хихикнула. – Это же надо! Обычно на свадьбах невесту похищают, а тут и жениха прихватили!

– И хорошо?

– Хорошо, – согласилась девушка. – Пойдём?

Тин не ответил – он молча взял возлюбленную за руку и потянул за собой, вниз по тропке. В этот день молодые так и не дошли до озера, о чём несколько не жалели.

* * *

– До чего я докатился! – пробурчал в наигранном неудовольствии Керлик.

Он стоял перед воротами в Чёрный замок и пристально изучал чистые голубые небеса. На руках чародей держал внуков. Иванд, для разнообразия не дравший глотку, откручивал дедуле ухо, причём с таким усердием, что Керлик уже сомневался в первоначальной форме (и даже в целостности!) сего немаловажного органа. Отцепить внука от уха маг не решался, так как Иванд тогда бы объяснил, что ухо всё-таки ещё существует. «Объяснять» что-либо мальчик предпочитал громко. Очень.

Тихая и спокойная Вилейта с другой стороны осторожно тянула маленький кулачок к братцу, не замечаящему за очень важным занятием угрозы. Керлик предпочёл не обращать на воинственные действия внуки внимания. Правильно, на её бы месте чародей поступил так же: Иванд оказался хлопотным и наглым ребёнком. Он не давал спать – раз. Его кормили первым – два. Мама не могла кормить детей одновременно, поэтому кому-то из малышей приходилось дожидаться своей очереди. Но Иванд дожидаться ничего не любил и так возмущённо вякал, когда мамино молоко доставалось вначале сестрёнке, что та, бедная, мгновенно сглатывала не в то горло и кашляла. Приходилось из двух зол выбирать меньшее.

– Это же надо! Оставлен дома следить за внуками! Я им нянька, что ли?!

С другой стороны, Керлика никто на свадьбу не приглашал, а Литу и Романда он выгонял туда пинками. Молодёжь, называется!.. Маг едва заметно поморщился – зачаровать Литу, чтобы избавить её от главного аргумента против праздника, было очень сложно. Всё-таки

Керлик женскими штучками владел плохо, а тут ещё и Любавуха куда-то запропастилась.

– Чего бормочешь, чароплёт? – Ну вот, вспомнишь язву – желудок и режет. – Заклинаньице или в маразм по древности лет впал?

– И тебе здравствовать, карга старая! – откликнулся Керлик. – Чего притащилась?

– Тут твоя магинька пожаловала – решила дуру к тебе проводить.

– Какая магинька?! – чародей резко обернулся.

– Какая-какая, – передразнила знахарка. – А какая у тёмного может быть магинька? Светлая, вестимо. Только слабенькая она у тебя – наверняка из какого-нибудь несостоявшегося триума.

За Любавухой стояла Алай. Снова в синем учительском халате поверх свободного мужского костюма, но всё такая же женственная и притягательная. Она с нескрываемым насмешкой смотрела на грузенного внуками Керлика, но в её глазах таилось смущение. Гостья быстро сообразила, что оно видно, и отвела взгляд.

– Это почему я магинька?

– Алай, – покачал головой чародей. – Любавуха, хоть и вредная бабка, зато всё видит. А уж я-то порядки твоего Уединения ох как знаю.

– Вот же! – зацокала знахарка. – Храмовницу соблазнил – и не стыдится!

– Бабушка, – успокаивающе подняла руку воительница. – Это давно случилось. Да и не храмовинцей я была – всего лишь уединённой, почти призванной. А сейчас я вовсе замужем да с детьми – явно не моё дело в Уединениях сидеть!

– А что муж, дети? – всполошился Керлик.

– Они сами меня сюда послали, – пожал плечами Алай. – И вообще-то Хитто мне не муж – нам в Уединении Брака давно развод подписали. Всё чин чином.

– Поганка!

– Поганка, – согласилась женщина. – И всё-таки, почему ты считаешь меня магиней – ведь ты сам сказал, что наша божественная ею не является? Тогда и другие в Уединении...

– Божественная Уединения-от-Мира на то и божественная, – со вздохом перебил хозяин, – чтобы быть призванной божеством! Силы Келейты другие... – Керлик, вспомнив произошедшее с Литой, прижал к себе внуков. Те недовольно пискнули. – Причём в вашем Уединении её силы ничто не ограничивало... Я там... тогда почти любил тебя, Алай! А Келейта смогла перенаправить моё чувство на себя. – Чародей невесело усмехнулся. – И я даже не заметил её ненависти ко мне.

– Но почему? Зачем?

– Потому что... так мне кажется, божество приказало ей родить от меня младенца. Девочку... Возможно, божество не ошиблось. Сделать Келейту своей рабыней мне было бы противно, а вот тебя... – Керлик запрокинул голову, останавливая набежавшие слёзы, и увидел в небесах сверкающую точку. – Ой! А вот и Си-х-Ха!

– Драконьш? – изумилась Любавуха. – И чем ты решил заняться, чароплёт?

– Что я, по-твоему, должен в замке с двумя вопящими младенцами киснуть, когда эти умники развлекаются?! – возмутился маг и добавил гордо. – Мы кататься собрались. На драконе. Настоящем. Его я уже уломал.

– А меня возьмёте? – хитро улыбнулась Алай.

– Нет, – категорично отрезал Керлик.

– Я ведь и на свадьбу вернуться могу... – намекнула рыцарь.

Чародей скептически хмыкнул, но больше возражать не стал, а просто вручил женщине на сохранение Иванда – тот довольно устроился на груди воительницы, чем вызвал смешки и удивлённые восклицания (что будет, когда мальчишка вырастет!) – усадил Алай на переливающуюся всеми цветами радуги спину дракона. Затем взобрался сам.

Под улюлюканье и в сопровождении собственного досадливого рыка Си-х-Ха вознёс четырёх пассажиров в небеса. Прогулка началась.

А Любавуха некоторое время смотрела вслед удаляющемуся дракону, но потом вдруг резко потупила взор. Не дай предки, обернётся господин и увидит горящие алым глаза. Всё ведь поймёт: молодой, наивный, но не глупый же! Испугается, чего доброго... Маги же сначала заклятьями сыплют и только после разбираются – зачем оно Любавухе? И где ей ещё такого

чароплёта найти... подходящего?

Пусть господин охраняет логово Любавухи, а Любавуха уж поможет охранить господина с потомством. И лучше пусть пока он не ведаёт о такой взаимной страже! Вот возродится стая – тогда придёт и время раскрывать секреты, а сейчас боязно. Знахарка тяжело вздохнула. Нет, она не хочет потерять всё сейчас, когда жизнь стаи постепенно налаживается. И слишком многое Любавуха положила на возрождение: и жизнь непутёвого внука, бывшего барона, и свою вечную молодость. Даже свою свободу! Последняя королева истинных оборачивающихся присягнула в верности человеку! Но лучше подчиниться чароплёту, чем видеть забвение и смерть своей семьи... Да и чароплёт всё поймёт – тоже ведь семейный.

Старая волчица завывала, из деревушки Чёрная Волна ей вторило множество голосов. Было слышно и поскуливание щенят... Стая росла. И это вселяло надежду в королеву. Потому она пела не луне, а яркому весеннему солнцу.

* * *

Чёрный замок скучал в одиночестве – все его покинули, даже полупрозрачные белёсые то ли люди, то ли волки вернулись в своё обиталище под землёй, во чреве холма-волны. Да что там люди-волки! Белобрыська с сыновьями, а за ней и прочая живность, включая Пушистика, утянулась на прогулку. В общем, на месте Чёрный замок явно ничто не держало. Поэтому он решил навестить старшего брата – Замок Путей. Но пока соображал, в какой стороне тот находится, вернулся Си-х-Ха. Вечерело.

Летающий ящер, освободившись от пассажиров, отправился купаться в озеро неподалёку от нового лежбища, уже обустроенного и сверкающего кое-какими драгоценностями. Хозяин с маленькими хозяевами и гостьей тоже пошли мыться.

Чуть позже в замок прошмыгнула чёрная пантера с выводком. Пушистик и Кузя прилетели верхом на воронах – наверняка за драконом подсмотрели. Ещё через полчаса вернулись молодые хозяева, чем-то довольные и весёлые, даже пели о концертах и кошках. Услыхав это, хозяин и гостя решительно потащили молодых хозяев умываться, те громко возмущались, но не сопротивлялись. Как ни странно, они оказались действительно трезвыми – просто очень весёлыми.

Утихло семейство далеко за полночь. Чёрный замок подумал и поход к брату отложил. Правильно сделал: уже на следующее утро у ворот переминался с ноги на ногу светловолосый мужчина. Он было собрался постучать молоточком по калитке, но та вдруг распахнулась – хозяин ждал этого гостя без малого месяц. Чёрный замок отличался вежливостью, поэтому не заставил незнакомца дожидаться несуществующего привратника, а просто впустил мужчину внутрь.

Глава 22

Дела семейные, или Об устройстве Мира

Император и его Первый советник сидели за покрытым чёрным бархатом столом. Эфа раскладывал карты, всё тот же «Крестовик». За действием внимательно наблюдали обнажённая дева с фонариком над головой и громадная чёрная пантера. Окно, как и прежде, распахнуто настежь. Снаружи доносилось весёлое чириканье-свист, которому нисколько не мешала ругань старшего садовника на младшего. Даже у покоев рядом с тихим, уютным садиком есть недостатки.

– Тебе не надоела эта забава? – поинтересовался Имлунд, следя, как на бархат ложится весь чёрный дом – масть Пустой карты. – Может, всё-таки женщину заведёшь? Если появится что-то месяцев через восемь-девять, обещаю – Романд не взойдёт на престол. Более того, станет самым верным сторонником братика.

Эфа проигнорировал Советника. Поверх Пустых карт упал Магистр Пульсара.

– Я должен был попробовать, – хмыкнул герцог. – Что ты видишь?

– Только одну змеюку, которая меня уже достала!

– Вызови змеелова.

Император неопределённо кашлянул. В последнее время герцог удивлял откровенно дурацким – маговским – чувством юмора.

– И я буду первым, кто попадёт под рогатину?

– Ну-у, – Имлунд развернул ближайшую карту – общий вид, естественно, не изменился. – В принципе, у тебя имеется шанс подставить Феллона. Да и Ёорундо сейчас не в состоянии защищаться.

– Он тоже замешан?

– А ты как думаешь? Сунул свой нос не туда – вот и вляпался по него же, если не выше. Но не беспокойся – те, кто рассчитывал воспользоваться Ёорундо, не учли важной детали. Сила Зелешей держит мальчишку, он не сможет пойти против своего рода. Тем более, против необычных членов, таких как Романд, ты...

– И вы, герцог.

– Верно.

– И Хрон.

– Но ты ведь сохранишь этот небольшой секрет. Пока, – Имлунд взгляделся в подопечного. – Ты с Романдом разговаривал?

– Да, – Эфа кивнул и собрал карты, перетасовал.

– И о чём, если не секрет?

– Пока мы ограничились именами.

– Скажи, чьё он выбрал – твоё или Нуйи?

– Будто вы не знаете.

– Знаю. Наверное. Но ты скажи.

Император в ответ лишь криво усмехнулся и снова вернулся к картам. К Магистру Пульсара присоединился Магистр Посоха – рука, державшая карту, заметно дрожала. Имлунд, быстро поняв, что происходит, резко встал, подошёл к Эфе и обнял, ласково взъерошил чёрные волосы.

– Почему? – прошептал император. Сейчас он так походил на Романда с его тихим «почему?» в пещере иного Мира. Или это Романд был копией отца? Отца, который видел в сыне лишь его мать, а больше боялся видеть.

Отец, который, как и сын, задавал два вопроса одним.

– Не знаю, – Имлунд смотрел куда-то вдаль поверх головы Эфы. – Я так злился на тебя – трудно простить, если сам недоглядел. А потом я съездил навестить Нуйи, предупредить её о гостях. Тебе. Последний раз я видел её маленькой девочкой. Когда же приехал, то встретил прекрасную девушку и понял, что не в силах отдать её кому-либо, тем более – мальчишке, которого чесались руки придушить. Но Нуйи была единственным... приемлемым вариантом: нейтральна ко всем родам, последняя в первой императорской династии и способная заставить тебя отступить от обещания. Я всё-таки отдал... Вот только ты не взял до конца. Ведь если стыдился признаться мне, то почему не поговорил с ней?

– Когда мы вновь встретились на Совете, – тихо проговорил Эфа и посмотрел глаза в глаза герцогу, – Нуйи была уже твоей. А Романд всегда был твоим.

– Ну так скажи ему это, глупый! Он поймёт. Он простит. Может быть, и ты поймёшь и сам себя простишь!

– Он может возненавидеть другого человека, – просто ответил император.

– Следовательно, я это заслужил, – спокойно отозвался Имлунд.

– Но не Романд.

* * *

– ...Романд, ты уверен? Ты хорошо подумал?

– Да, Зо, – юноша спокойно кивнул. – Но я объясню.

Керлик смотрел на сидящего напротив зятя. Мальчик повзрослел – теперь это действительно мужчина... Впрочем, где-то в глубине – маг видел это в глазах юноши – горел тот самый огонёк, который не даст жить спокойно ни зятю, ни семейству Хронов, ни Миру. Не

зря же этого юнца прозвали Романд Случайный.

– Как я могу взять имя матери, если абсолютно её не знаю? – зять виновато улыбнулся. – Что же касается имени Л-лотай, то... Императора я тоже не знаю. Да, он дал мне жизнь, но... он никогда не будет мне отцом. Да он того и не хочет. Мой отец – Имлунд Зелеш. И в первую очередь это понимает Льеэфа Л-лотай. Но имя Зелеш уже никогда не станет моим – нет у меня на него права, да и желания тоже нет. Чего я действительно хочу, так быть Хроном. И я об этом уже говорил!.. Я нужен вам! Вы меня приняли! – Романд вдруг залился краской. – И Лита обещала не ревновать меня к тебе и наоборот.

– Что?!

– Лита же твоя родная дочь, Зо, а ты цацкаешься со мной как с обожаемым сыночком, позабыв родную кровь. Нехорошо это... – Неожиданно лицо юноши озарила шкодливая ухмылка. – И ещё имеется одна интересная причина. Не дай Свет и Тьма, конечно, но мне или твоему внуку, Зо, волей-неволей придётся когда-нибудь взойти на престол... Это Имлунд сказал, а ты сам понимаешь – он слова на ветер не бросает...

– Не бросает, – согласился Керлик. – Но он сильно меня разозлил. Зелеш ещё не встречался с настоящим Хроном.

– Ваши личные разборки меня не касаются, – отмахнулся Романд. – Вот что я знаю, так о наличии какого-то пророчества, в центре которого каждый раз оказываюсь я и имя Хрон. А почему бы нам не воспользоваться сложившейся ситуацией в нашу пользу?

– Растёшь, мальчик, – старший чародей ухмыльнулся, затем поднялся, крепко, по-мужски обнял зятя и поцеловал в лоб. – Приветствую тебя, Романд Хрон!.. Ладно, а теперь иди – тебя ждут. Да, скажи Лите, что она самая лучшая! А то придумывает всяких «обожаемых сыночков» – просто натура у меня зверская, садистская. Надо же мне кого-то пороть.

Зять лишь забавно поморщился – не поверил – и в сопровождении неизменного Пушистика убежал прочь...

* * *

В Школе Меча Гирелингеля Непопадающего и Делица Невыносливого гуляла воздушная тишина. Тому имелось множество причин. Во-первых, за окнами благоухал сиренью месяц Травень, месяц свадеб, посему многих из старших учеников отпустили к их невестам, а младших – на каникулы. Во-вторых, кое-кому досталось выйти на полевую практику. И, наконец, в-третьих, конкретно в этот момент в Главели царило раннее, сонное утро – не всякий храмовник глаза открыл.

Делиц не спал исключительно потому, что накануне не упустил возможности погулять на свадьбе двух высокородных магов. Правда, полутролля не приглашали, но именно поэтому Камень туда и отправился, о чём нисколько не пожалел, как и те, кто с ним общался на празднестве – пел воин очень и очень недурственно. Жаль, не хватало Кляксы для дуэта – эльф, охочий до веселья и вина, на этот раз ни тем ни другим да на халяву не соблазнился. Видимо не желал встречаться с братьями – на свадьбе в качестве свидетельницы невесты присутствовала сама эльфийская принцесса Ивелейн Сладкоречивая, отчего-то среди людей прозванная Златой. Девчонка, как оказалось, уже не первый год живёт в Главели, обучаясь в Школе при Магической гильдии, у конкурентов, которым, судя по отзывам, доставляла немало хлопот и волнений. А где принцесса, там и её свита.

Полутролля сладко, со скрипом потянулся. Торжество удалось – эх, только до встречи новобрачных Делиц не дотерпел, хотя, признаться, война распирало от любопытства. Интересно же, что учудят маги по этому поводу! Чародеи, однако, весёлый народ. Камень гулко хихикнул, вспоминая фонтан из сладкого торта, и отворил дверь в учительские покои.

Несколько просторных комнат, в том числе гостиную и два рабочих кабинета, полутролля делил с Кляксой и ничуть не удивился, когда натолкнулся на оного. Изумило Делица другое: эльф был пьян, причём по-настоящему. На той самой стадии, когда со стороны выпивоха кажется абсолютно трезвым.

– Остроухий, ты чего? – озабоченно охнул Камень и бросился к другу.

– Не могу я больше, – простонал Клякса. – Не могу.

– Чего?

– Я предатель, Делиц. Самый настоящий предатель!

– Ты с ума сошёл?! Что ты бормочешь?

– Правду, – всхлипнул эльф.

Полутроль осознал, что друг нуждается в экстренной помощи, и потому, рванув его за шкуру, без труда, благо в остроухих весу немного, вытянул во внутренний дворик. Там стоял бочонок с дождевой водицей, свеженькой – Травень месяц не только повальных свадеб, но и частых гроз – и поутру вполне прохладной. В эту водицу Камень и погрузил Кляксу. Через минуты две вытащил – эльф отплёвывался и тяжело дышал.

– Полегчало? – хмуро, но вместе с тем заботливо поинтересовался громадный вольник.

– Да, – оказавшись вне бочки, Гирелингель уселся на ближайшую скамеечку и вытянул ноги, даже не попытавшись отжать промокшую насквозь одежду.

– Больше дурь бормотать не будешь?

– Это не дурь, – пожал плечами эльф.

– Снова в водицу захотел?

– Нет, – Клякса вскинул на товарища печальные глаза.

В этот момент Делиц вдруг понял, что эльф не притворяется.

– Рассказывай, – попросил он.

– Хорошо. Камень, ты знаешь, почему Кер нам ничего не сказал о Маргаритке?

– Почему ничего? – удивился полутроль. – Марго наш помер. Но для воина – обычное дело.

– Но как он помер?

– Это у Романда, зятка Кера, спрашивать надо.

– Или у Ледышки – он тоже там был. Но почему он, вольник и наш Директор, друг наконец, ни словом не обмолвился о судьбе Марго? И, кстати, не справил о нём тризны! Чтобы вольник не почтил память другого вольника... Такое случается только...

– Клякса, ты забыл: они, как ни крути, кровники – вот, возможно, и выиграла прежняя неприязнь.

– Они и знакомы-то не были, – возразил эльф. – Да и кровники друг друга разве что прирезать могут, но уж за погибшего горькую стопку выпьют. К тому же, Волки за последних из Псов горой стоят. В поход всё с тем же Романдом, между прочим, и те и другие ходили!.. Нет, почивший вольник удостаивается забвения лишь тогда, когда он... предатель.

– Пасынок?

– Да, – кивнул эльф. – Каждый, кто хоть день служил в «Гончих Псах» или «Голодных Волках» знает о проклятии Вольных Отрядов – «Пасынках Света». И ты знаешь, Делиц. Но тебе не известно другое. Когда мы маршировали вместе с Волками, ты ведь особенно ни с кем и не общался, предоставив это мне. Я же рассказывал тебе и о Пасынках, но только всего я тебе так и не поведал. Кое-что утаил. Не все Псы погибли – некоторые выжили, и они знали, кто их предал.

– Марго? – догадался полутроль. – Не верю!

– Верить... – Гирелингель тяжело вздохнул. – Когда я понял, кто такой Марго, я решил тебе не говорить – у тебя и без этой печали имелось немало забот. Я решил разобраться с предателем сам. И прекрасно знал, что другие его не найдут – ведь только мы с тобой кочевали из Отряда в Отряд.

– Ты нашёл?

– Конечно, хотя Марго покинул «Кукушек». Однако вместо того, чтобы сразу убить предателя, я зачем-то потребовал от него объяснений. И они меня задел. Ибо он не лгал, – эльф вытянул из-за пазухи шнурок, на котором висел маленький запечатанный кувшин. В подобных столичные модницы держали ароматические травы или духи. Для Гирелингеля, кажется, кувшинчик на шнурке был родовым медальоном. – Отцом Марго был маг-земляник, незаконный сын третьего императора Гулума. Не какого-то там высокородного, а самого правителя! Причём – старший сын. Император отказался от него по очень простой причине: из-за того, что мать его сына, бабка Марго, была чародейкой и сын её – тоже. Глупая причина, тем более что закон запрещающий носить корону магам канул в небытие. И истинный

наследник оказался брошен на произвол судьбы... Для меня эта история слишком близка, чересчур. Я понимаю Марго, его чувства и очень хорошо. Ведь я сам наследник короны, которой меня лишили только за то, что вся моя родня, моя семья, клан ушли в другой Мир, а я остался здесь. Я желал жить среди своего народа, но народ отказался от меня...

– Да, но ты не предавал из-за этого свой Отряд! – возмутился Камень.

– Не предавал, – согласился Клякса. – Но начал слушать дальше. Обиженный имеет право на месть!

– Какую ещё месть?!

– Обыкновенную. За отца, – эльф погладил кувшинчик-медальон. – Отец Марго жил долго, как и всякий чародей. Настолько долго, что стал свидетелем того, как династия Лоххалей прервалась, разродившись девочкой. И тогда на трон полезли потомки Л-лотая! Но ведь существовал ещё один из Лоххалей, мужчина и истинный наследник, старшая ветвь, хоть и непризнанная!.. Отец Марго вмешался, предъявил права на корону империи. Естественно, змеёныш подкольной гюрзы рассмеялся «дядюшке» в лицо и отправил в темницу как самозванца, но дядюшка сбежал. Однако гюрзе уже служили «Гончие Псы». Не зря они носили это имя – загнали отца Марго. И убили. На глазах Марго. Ему самому в то время минул лишь первый десяток, но он поклялся отомстить за отца.

Каким-то образом Марго обнаружил историю о «Пасынках Света» – думаю, бабка-магиня подсобила – и вступил в их ряды. Впрочем, становиться пасынком Марго не намеревался – он использовал их как удобный инструмент. Не более того. Они обучили его и, сами того не ведая, помогли отомстить. После чего Марго покинул их, уже размышляя, как уничтожить Пасынков – Мир, в котором он собирался жить, предавать он не желал.

– Но предал.

– Ты прав, Делиц, прав, но тогда мне казалось иначе. Я отпустил Марго, ещё не подозревая, что сам когда-нибудь присягну на верность гюрзе... Впрочем, как мне кажется, Марго удовлетворился мстостью и успокоился. Или же нашёл-таки способ, как вернуть себе престол. По крайней мере, Марго точно не участвовал ни в одном из мятежей против Л-лотаев – ни прямо, ни косвенно. Но подозреваю, что Романда он и впрямь намеревался убить. Собственно, потому и последовал за мальчишкой в другой Мир.

– Да, понять Марго можно, – хмыкнул полутроль. – При такой семейной истории узнать, что у тебя под носом живёт такой же ублюдок... Хотя нет, ведь Романд-то ни на какую корону не претендовал!

– Да, но и был единственным ребёнком у папаши. К тому же, не только Л-лотаем, но и Лоххалем. Да и что-то мне подсказывает, не так просто Марго к Керу подселился. В общем, встал Романд на пути у Марго, встал.

– Ясно. Но отчего ты считаешь предателем себя?

– Потому что не имел права скрывать. Тем более, существование Марго от императора и Ледышки.

– Каждый ошибается...

– Но мне – это непростительно, – Гирелингель вдруг резко сорвал печать с малютки-кувшина и одним глотком выпил его содержимое. – Прощай, друг.

Изо рта эльфа вырвалось голубоватое облачко, во дворе запахло красным южным перцем. Яд. Позволяющий лишь дважды вздохнуть напоследок. Но не зря Делиц служил в Вольных Отрядах! Он активировал один из многочисленных амулетов – и кровь в жилах Кляксы замедлила ход. Конечно, отраву это не остановит, но задержит её распространение.

– Нет уж! Остроухий! Ты – вольник! И ты – мой друг! Я не позволю тебе сдохнуть из-за своей дурной башки!

В дело вступил другой талисман, вызывающий помощь. Помощь друзей по Отрядам. Этот, кажется, звал кого-то из «Шутов» ... Материализовавшемся посередине внутреннего двора Новеллю Спящему в это чудесное, почти тёплое утро явно не хватало одежды. Хоть какой-нибудь.

– Ты! Гора мяса! – взревел разъярённый магистр.

– Ладно тебе, Скоморох, – оборвал гостя Камень. – Потом убьёшь. Сейчас Кляксе помоги.

– Хм, – не стал распространяться чародей. – Один я не справлюсь.

Рядом с Новеллем из воздуха появился какой-то незнакомый молодой парень.

– Учитель? – недовольно произнёс мальчишка и тряхнул головой. – А можно было подождать, когда я оденусь.

– На тебе ж панталоны. Чего ещё нужно? – хмыкнул в ответ учитель, и чародеи приступили к врачеванию. Полутроль молча наблюдал за магами.

* * *

Имлунд тянул с разговором, сколько мог. Сколько мог себя обманывать.

Герцог Зелеш – и... нет, не боится – опасается! Есть чего. Керлик Хрон – не всегда и во всём послушный отцу Феллон. Не подчинённый роду Ёорундо. Не Романд, что способен понимать, прощать и любить. Не Эфа, бесконечно обязанный и безумно одинокий. Нет, не один из сыновей – ни родных, ни названных.

Но задержка – всего лишь обман. Причём себя. Самый худший обман. Имлунд не желал обманывать себя по отношению к Керлику, герцогу хватило и Романда с Эфой.

Романд... Вообще-то навещать следует мальчика, а не его тестя. Даже Эфа и тот сподобился, осмелился встретиться с Романдом, познакомился, пытается узнать его и его детей. С другой стороны, чего стыдиться Эфе? Того, что не любит и вряд ли сумеет полюбить родного сына? Глупо – Романд для Эфы случайность. И у Эфы есть своя вина, которую он искупил... впрочем, продолжает искупать. Благодаря которой стал идеальным императором Гулума и последним в роде Л-лотай.

А вот герцогу Зелешу... Бзо! Тьма и Свет! Имлунд шёл в первую очередь за зовущей книгой, а уж затем – за всем остальным. Голос требовательной совести он способен заглушить, но не откликнуться на настойчивый зов книги уже не мог.

Имлунд с интересом рассматривал сияющие стены замка. Вот их накрыла тень – в небе пролетел дракон – и вновь вспыхнули на ярком весеннем солнце. Красиво, напоминает Башню звездочёта в родном замке – любимое место Романда, не считая розария. Неудивительно, что мальчишке пришёлся по вкусу Чёрный замок.

Герцог с усмешкой покачал головой. Его предупреждали, но когда он увидел обитель Хронов, всё равно поразился настолько, что не поверил глазам. Да и как в подобное поверишь? Воздушное, величественное белоснежное творение – и носит непритязательное, неподходящее ему имя Чёрный замок? Нет.

Не шёл восвосяи Имлунд по одной причине – до ближайшей груды серых камней, родового гнезда покойного барона Меркуша, седмица конного пути. При наличии амулета переноса проблема расстояния снималась, но не поиска Керлика Молниеносного. Да и зов книги чувствовался рядом с белоснежным чудом куда отчётливее, нежели в той же Главели.

Имлунд шагнул к воротам, протянул руку к молоточку. Небольшая калитка распахнулась, естественно, за ней никого не было. Гость пожал плечами – маги – и вошёл.

Внутренний дворик встретил пустотой, чистотой и тишиной. Лишь из-за конюшни – нос уловил запах (или только намёк на запах) тёплого навоза и соломы – выглянула чёрная морда с хитрыми глазами. Она оценивающе оглядела светловолосого незнакомца, презрительно фыркнула и исчезла. Мелькнул кончик чёрного хвоста – по отвесной стене бесшумно карабкалась огромная пантера. Намётанный глаз Имлунда уловил какое-то осторожное шевеление между белоснежными зубцами наверху. Ещё одна кошка. Жесть. То-то этот паршивец в последнее время довольный жизнью ходит! Раньше по весне он волколаком завывал.

Замок встретил гостя сонным спокойствием и уютом. Вот и верь после этого в страшные байки о чёрных магах!.. В воздухе царил аромат свежей выпечки, по стенам красовались ровным строем древние рыцарские доспехи в раскрывающихся поутру цветах. В отдельно лежащем шлеме тихо, но явственно похрапывала толстая крыса. Под усатой мордочкой покоилась миниатюрная подушечка, когтистые лапки натягивали на серое тело расшитое одеяло.

Над спальней грызуна крепился шесток. На нём вниз головой, словно летучие мыши,

висели вороны. Один раскачивался, другой кутался в крылья.

Имлунд, немного понаблюдав за странной троицей, двинулся вперёд. Найти нужное помещение не составило труда – зов книги усилился и не отпускал.

Керлик, казалось, не ждал гостей, особенно в своём кабинете. Маг сидел за громадным столом и вглядывался в длинный, норовящий скрутиться трубочкой свиток. Остекленелый взгляд, осунувшееся лицо – Имлунд без труда определил человека, всю ночь разбиравшегося со счетами. Герцог и сам частенько выглядел так же, благо из денежных дел давно оставил себе только Школу.

Предупредительно скрипнула дверь, хотя, надо признать, при отлично смазанных петлях действие казалось не тривиальным.

Хозяин вздрогнул. Взгляд его прояснился, лицо разгладилось. Осталось дожидаться кривой усмешки и снисходительного «Наконец-то! Притащился!». Однако чародеям свойственно поступать не так, как от них ждут. Точнее – нет. Именно так, как ждут – неожиданно. Керлик Молниеносный исключением становиться не пожелал.

Он встал, медленно вышел из-за стола и поклонился Имлунду. Поприветствовал главу Рода.

Герцогу ничего не оставалось иного, как поклониться столь же глубоко в ответ. Приветствовал главу Таланта. Бывает и такое. Имлунд как читающий склонился перед истинным читающим Мир.

– Мило, – оценил Керлик.

– Я знал, к кому иду.

– Изумительно! – маг обернулся и взял со стола книгу Имлунда, помахал ею перед носом владельца. – Хочешь получить назад?

– Хочу, – не стал отпираться герцог.

– Я не хочу тебе её отдавать... Конечно, можешь попытаться приказать мне, глава рода Змей.

– Не буду. Почему ты не хочешь её мне отдать, читающий?

– От читающего слышу. Потому как прочитал. Потому как знаю, что ты не только устроил появление Романда, но и почему ты это устроил! И задаюсь вопросом. Сделав это всё, зачем ты издевался над ни в чём не повинным мальчиком?! Мальчиком, который не мог тебе ответить! Никак!

Имлунд побелел в бешенстве. Боль поглотила его сердце, и заглушить её могла лишь злость. Герцог цеплялся за ярость, чтобы не закричать в муке.

– Что ты желаешь услышать, Керлик Хрон?! То, что знаешь? То, что я обвинил Романда в смерти матери? Нуи. Той, которую любил всем сердцем... И что я заставил мальчика платить, дорого платить, платить моей ненавистью, за ту, которую предал? Предал я!

– Нет.

Чародей подошёл к гостю и спокойно, словно взрослый дитя, взял Имлунда за подбородок. Давно ничего подобного не случалось... Керлик осторожно коснулся щеки герцога – через миг оба смотрели на руку мага. На самом кончике указательного пальца сверкала бриллиантом капелька. Солёная. Горькая. Слезинка.

– Я хотел увидеть это.

– Тебе доставляет удовольствие моя боль? – взамен отобранной капельки на лице проложил дорогу ручеёк.

– Нет, мне доставляет удовольствие видеть, что ты человек, Имлунд Зелеш. Ты не договорил...

– Что? – герцог через силу усмехнулся. – Я слишком сильно любил Нуий, поэтому возненавидел Романда и жаждал убить, но поэтому же и не сделал этого. У него мамыны глаза. Всё отцовское, а глаза и сердце Нуи. Затем я охранял Романда из прежнего холодного расчёта... Идиот!

– Нет, – снова покачал головой Керлик. – Нет, не идиот. Отбрось ты холодный расчёт – и Романд почувствовал бы твою любовь к нему. Твою любовь не к почившей жене, а к сыну! Вернее – он удостоверился бы в твоей любви. Такую радость он не сумел бы скрыть – вы оба

оказались бы беззащитны... – чародей помолчал. – Знаешь ли, я понимаю все твои действия. И старательное отталкивание мальчика от себя. И попытку припрятать его в Уединение, хотя следовало сразу же отправить Романда в Гильдию.

– Порой и я ошибаюсь. И в выборе союзников – тоже. Я не хотел видеть – и Мехен...

– Да, я в курсе. Он с толком применил силу и воспользовался твоей, твоим желанием и властью над родом – хватило и Романда сковать, и ослепить случайных магов. Я о другом, Имлунд Зелеш. Ты хоть понимаешь, что перестарался? Переиграл! Мальчик – это одно большое сердце. И дважды он сорвался. Дважды чуть не превратился в камень! Но если во второй раз – во время вашего путешествия в тот Мир – Романд не причинил вреда никому, кроме себя, то в первый, когда от него, героя, отвернулись абсолютно все, он... Он чуть не проклял Мир... – Керлик внимательно смотрел на герцога. – Я потомок белого мага, который проклял свой род, породив тем самым проклятие для Мира. Но сотворённое Хроном по сравнению с действиями Романда показалось бы... Показалось бы словом «дурак», прочитанным по складам храмовницей, рядом с руганью пьяного наёмника! И даже это не отражает сути... О чём ты думал, Имлунд Зелеш, лишая Романда имени?

– О том, что Мехен в противовес мне скажет «Молодец, Романд!» и поможет добраться до невесты... – герцог тяжело вздохнул. – Когда же этого не случилось, я уже оказался перед выбором – Романд или Эфа. Если бы я выбрал так, как хотело моё сердце, то Гулума, на который я положил жизнь, не было бы. Эфа умирал – только моя власть Зелеша могла спасти его. Я никак не успевал вмешаться в «процесс», при этом кто-то надоумил Имперский совет провести «суд» без вызова обвиняемого... Урок одному зарвавшемуся герцогу. И Миру крупно повезло, что никто существенно не пострадал.

Керлик ошутимо вздрогнул – Имлунд говорил почти те же слова, что и сам чародей зятю.

– Я успел отворить темницу. Романд воспользовался – его жажда увидеть невесту была велика. Я посчитал, что его нарождающаяся любовь пересилит всё... и не подумал, что и всепрощению Романда может иметься предел.

– Может. Но к счастью я не опоздал, – тёмный маг устало улыбнулся и протянул собеседнику книгу. – Держи. Твоё ведь.

Герцог в неподдельном изумлении уставился на руку Керлика и предмет, который она держала.

– Моё, – согласился Имлунд.

Книга перекочевала к нему за пазуху.

– Имлунд, а что произойдёт, когда кто-нибудь настырный вроде Новелля и Эфеля всё-таки отроет неоспоримые доказательства того, что Романд третий змеёныш?

– Ты имеешь в виду, – герцог, дождавшись приглашающего кивка, устроился на диване. Рядом присел хозяин дома, – что кто-то вдруг решит изучить генеалогическое древо престолонаследника?

– Я же говорю – кто-нибудь настырный, – напомнил Керлик. – Твой старший сыновей не наплодил, средненький второй раз женат – и всё без детей. Опять остаётся на прицеле младшенький – хоть и назвали его принцем, а всё равно ублюдок.

– И что он найдёт? Всем известно Л-лота Гюрзу, третьего сына Зелеша Офидийского, последнего короля Змей? Это делает из Романда всего лишь потомка третьего змеёныша, – Имлунд улыбнулся своей змеиной улыбкой. – Ах, намекаешь на Нуйиту Лиххиль? Что ж, на том конце он наткнётся на Лоххалю Ехидну, первого императора Гулума.

– Второго сына Зелеша Офидийского, – подхватил чародей, – в пользу которого отрёкся от короны Зелеш-младший, собственно, наследник последнего Змеинового короля. Но вот если ещё чуть-чуть копнуть...

– И обнаружить грамоту об отречении? Откуда достоверно известно, что Лоххаль второй сын, но не Зелеша Офидийского, а его второго сына, ни в коем случае не имеющего права на престол... по старым законам...

– Так как второй сын Зелеша Офидийского (и, к слову сказать, его наследники) был магом. И звали его Хрон Найя, – закончил Керлик.

– Вероятность докопаться до этой информации мала, – Имлунд пожал плечами. – Но не нулевая. Если что, споём хором песенку на известный мотив «Ой, все мы гадины ползучия».

Если понадобится, то и станцуем. Где тут третий змеёныш?

Оба смерили друг друга донельзя странными задумчивыми взглядами, но не выдержали и расхохотались.

– Теперь я понимаю, откуда у Романда дурацкое чувство юмора, – хмыкнул чародей.

На это герцог решил не отвечать, хотя насчёт чувства юмора мог бы и поспорить.

– Тебя что-то беспокоит, Керлик?

– Да, внуки. Выходит, что их родители близкие родственники.

– Свет и Тьма! Твоя дочь и Романд? – Имлунд недоверчиво всмотрелся в собеседника, но, поняв, что тот не шутит, пустился в объяснения. – Конечно нет! Род Хрон с его беспорядочными связями...

Чародей кашлянул, но герцог не обратил внимания.

– ...и страстью к женщинам с южных континентов сам по себе далеко отошёл от рода Лоххаль. А «дистанцию» между родами Л-лотай, Лоххаль и, кстати, Зелеш строго держали – не так уж и трудно, когда семьи не очень-то плодovиты и строго обрываются на девочках, как твой или мой. Да и Лоххалья, в общем-то. Так что за здоровье внуков не беспокойся – здесь полный порядок... К тому же, ещё один повод забракoвать «третью змеёнышенность» Романда. А что знаем мы, то знаем мы – и никому не скажем.

Имлунд замолчал, Керлик не стал продолжать разговор. Так они и сидели в полной тишине.

Герцог вытащил из-за пазухи книгу, но не открыл – поглаживая кожаный корешок, смотрел поверх неё, куда-то вдаль.

Чародей изучал гостя. Они виделись до этого раза единожды, и тогда Имлунд походил на грязный иссохший остов человека. Теперь это был полный сил и замыслов мужчина, ещё очень и очень молодой. Даже слишком.

– Имлунд, – маг поначалу не собирался открывать маленькую тайну Романда, но передумал. – Кажется, мой зятёк наделил тебя бессмертием.

– Это что? Я не умру? – востепенулся герцог.

– Умрёшь, но не скоро. Хотя, если жаждешь, то можешь и повеситься... Хочешь с ним увидеться? – Керлику не требовалось уточнять, с кем, а Имлуду кивать. – Сейчас позову. Заодно разбужу.

– Раньше он поднимался засветло – любил встречать рассвет в Башне звездочёта.

– Раньше у него не было двух вопящих, когда им вздумается, младенцев.

* * *

Несмотря на два чудных имени – Вилейта и Иванд, – близнецы больше соответствовали Дайте-поспать-маленькие-изверги. Они в отличие от родителей явно предпочитали ночной образ жизни. И всё-таки, попривыкнув к постоянным концертам то дуэта, то соло, Романд вновь просыпался до рассвета. Осторожно выскальзывал из тёплой постели, на цыпочках, бесшумно выбирался из спальни и оказывался на стене всегда вовремя – солнце поднималось из-за горизонта. Юный свет заполнял всё существо чародея и новый день представлялся прекрасным. Таковым и был.

Из-за этой своей привычки Романд не пропустил появление гостя.

Имлунд.

Пришёл к Зо. За книгой.

Вот так-то странно устроен Мир: отец – читающий – изгнал из дома в семейку читающих. Точнее – истинных читающих. С судьбой даже случайные не спорят. Или именно они не спорят?

Герцог, на миг задержавшись во дворе, двинулся внутрь Замка.

Подслушать? Нет. Романд не хочет стать седым, как магиня Линель из другого Мира. Лите нравятся светлые волосы, но не седые же! Конечно, Зо мог и обмануть, но... Нет! Уже один раз подслушал то, чего вовсе не хотел знать. Никогда. Если тесть и отец решат, что ему, Романду, надо, то сами расскажут.

Заклинание сплелось само собой. Ниточка острого слуха уже поползла к кабинету

Керлика, когда юного мага отвлекло какое-то движение. Романд развернулся. Так и есть – Иванд проснулся. И собирался возвестить об этом как можно громче.

– Тихо, мальчик! – шёпотом попросил сына молодой отец. – У тебя же ничего не болит! Ты не хочешь есть, ты не мокрый. Зачем будить сестрёнку и маму?

Малыш всем своим видом показал, что причина имеется.

– Тебе скучно, – догадался Романд. – Папа с тобой поиграет.

Но папе ещё следовало добежать до колыбели. Папа не успевал. Не задумываясь, юноша притянул к себе сына волшебством. И только тогда, когда у него на руках оказался ребёнок, Романд понял, что натворил. Он, наполненный утренним Светом, воспользовался белой магией, неприкрытой, откровенной, рядом с маленьким незащищённым чёрным чародеем.

Романд обмер.

Свет!

И следом случилось нечто гораздо худшее. Юноша облегчённо вздохнул – волшебство не навредило Иванду, – как малыш ухватил ручкой сверкающий кристалл, гильдейский кулон.

– Романд! Если с ним что-то... – Лита в ужасе смотрела на сына, который с довольным видом, не замечая ни взгляда матери, ни предобморочного состояния отца, пробовал на вкус золотую змейку Зелешей. Кристалл ребёнок уже оценил как несъедобный. – Да вытащи же у него изо рта свою висюльку!

Юноша очнулся и отобрал «бяку» у Иванда. Малыш собрался выразить возмущение, но быстро отыскал новую забаву – забарабанил ладошкой по подбородку родителя. Тот не мешал, в замешательстве переводя взгляд с жены на кулон и обратно. Было чему удивляться.

Несмотря на присутствие маленькой Виты во чреве матери, шрам на плече магини, свидетель первой ночи Литы и Романда, до конца так и не зажил. Со стороны он смотрелся красиво, тем не менее оставался именно шрамом, а не украшением. Для маленького чёрного мага прикосновение к кристаллу должно было оказаться смертельным или, по крайней мере, очень болезненным, однако Иванд не проявлял ни каких признаков беспокойства.

– Он не боится Света! – наконец вынес вердикт Романд.

– Как с Пушистиком? – предположила Лита. Видя, что ничего страшного не произошло, она отложила зверское убийство мужа на неопределённый срок.

– Сомневаюсь. Здесь другое.

Магиня проследила взгляд Романда – тот упирался в колыбель с просыпающейся Вилейтой.

– Нет! – снова насторожилась мать. – Я не буду пробовать на своей дочери тёмное волшебство. Я не дура, в отличие от кого-то другого!

Кого жена имеет в виду, Романд выяснить не успел – маленькая Вита, решившая, что брату досталось слишком много родительского внимания, запустила в многострадального папочку жгутик-прилипалу.

– Чёрная магия, – сообщил в пространство отец, с трудом увернувшись от пакостного заклинания.

– Но как?

– Ты же чёрная магиня! – осенило Романда. – Ты физически не можешь родить чародея Света. А одного ли, двух – какая разница?!

– Но ведь папа...

– Вот именно. Папа! Зо! Чего ты ждала от чёрного чародея со стажем да к тому Керлика Хрона?

– Романд! Прекрати наговаривать на папу! Один раз – удачная шутка, два – приевшаяся. Сейчас уже не смешно! – взбеленилась Лита.

Юноша, ссадив разбушевавшегося Иванда в колыбель – тот, что удивительно, не огорчился, – осторожно подошёл к жене, присел рядом.

– Лапушка моя, я не наговариваю на Зо. Он действует в интересах семьи.

Дверь приоткрылась и в комнату осторожно пробрался Пушистик. Как оказалось, странный зверёк несколько не огорчился появлению у создателя ещё двух, поглощавших всё внимание и силы существ. Более того, Пушистику понравилось играть с маленькими Витой и Ивом, а тем в свою очередь – с ним. Иногда зверьку удавалось убаюкать младенцев.

Когда же все в доме были заняты, Пушистик играл в пятнашки с солнечными или лунным зайчиками – ему хватало того, что создатель жив и что он рядом.

– Сдаётся мне, Лита, двуцветные, обладающие светлой и тёмной стороной волшебства, маги – редкость, словно затмение солнца.

– Гений! – прокомментировала чародейка.

– И как всякая редкость, – проигнорировал ехидный тон Романд, – они вызывают опасения. Наверняка существует масса страшных пророчеств о том, что появление в Мире двуцветного мага приведёт к ужасным последствиям.

– Откуда тебе знать, что не приведёт?

– А раньше затмения тоже считали катастрофами. И всего лишь потому, что во время оных кто-то расчётливый успевал пырнуть какого-нибудь князька ножом в спину или кто-то, зазевавшись, ломал себе ногу.

– Но не все имеют такие же прогрессивные взгляды, что и ты, – продолжила Лита. – Поэтому, когда я родила наших близняшек, папа воспользовался ситуацией – отвёл от них подозрения дотошных магов.

– Именно. Но почему Зо не сказал нам?

– Романд, а зачем ты, например, задавал вопросы, на которые знал ответ, когда к нам приходил император?

– Я не знал ответ! Ты просто неправильно поняла вопрос! Я ведь действительно не понял, по какой причине Эфа притащился к Зо, а то, что он мой отец... Какая разница?

Пушистик пристроился в ногах Виты. Девочка сладко спала, засунув большой палец правой руки в рот. Рядом, в соседней кровати сонно зевал Иванд. По всей видимости, двух часов сна для малыша оказалось недостаточно, но мальчик упорно в это не верил. Характер.

– Действительно, никакой разницы, – согласилась Лита. – Но, по-моему, это отговорка. Слабенькая. Я тоже отговаривалась, когда думала, что ты сильно огорчишься, проведая тайну своего рождения.

– Огорчился, – признался муж. – С другой стороны, обрадовался. Это объясняло поведение Имлунда.

Магиня покачала головой. Её мужа следовало нарекать не Романд Случайный, а Романд Всепрощающий. Хотя – нет, не всепрощающий. Родного отца он не простил... Простит. Когда найдёт все объяснения, простит. Потому что поймёт.

– Романд, а ты ведь тоже из редких, как наши с тобой малыши.

– Что? – не понял юноша. – Ты об этих дурацких пророчествах про третьего змеёныша?

– Не только о них, – хмыкнула в ответ Лита. – Вот. Прочти.

Она протянула ему книгу.

Романд, флегматично пожав плечами, открыл тоненькую тетрадь в кожаной обложке. Эта книжечка не встречалась юноше в библиотеке, хотя казалась знакомой. Где-то он похожую видел... У племянницы, что ли? Старшей дочери Феллона. Да, наверное. Точно – дневник. Странно, Лита дала прочитать свой дневник? Или странно, что Лита ведёт дневник? Девчонки!

Пролистнув пару-тройку пустых страниц, Романд наткнулся на запись. Почерк не Литы. У жены он мягкий, округлый, при этом растянутый – в целом, напоминающий вязь или ветку декоративного плюща. Или вовсе – вязание. Юноша как и всякий маг держал в руках крючок: одна петля цепляется за другую, потянешь – всё распустится. У Литы каждое слово представляло собой незаконченное кружево.

В тетради же каждая буква отстояла отдельно от другой: потряси – и посыплется чёрные «букашки» – фигурки. Рисовали их словно по линейке – в той же манере, что и эльфийские руны в Замке Путей. Такой текст воспринимался постепенно: сначала расшифровывались буквы, затем строящиеся из них слова и лишь после доходил смысл написанного целиком.

Когда трижды змеёныш озарится Светом,
Закроет Врата и склонится пред Тьмой,
Мир раздвоится, не рухнув при этом,
Но сменится Власть – к Чтецам перейдёт,
И жалобный плач жизни начнёт.

– Опять?! – взвыл Романд.

Иванд беспокойно дёрнулся в кровати, однако под ласковое воркованье Пушистика не проснулся. Вилейта вовсе проигнорировала выходку отца.

– Да, да. Это «дурацкое» пророчество, – согласилась Лита. – Каждое действие применимо к тебе, особенно в свете... тьфу!.. того факта, что ты принял имя Хрон, тем самым окончательно подписавшись под этим предсказанием.

Магиня поднялась, укутала детей и вернулась к мужу, села очень близко, так, чтобы прикоснуться плечом к руке Романда.

– Но имеется другая мелочь. Несмотря на твою бесспорную трижды змеёнышесь и принадлежность к роду Хрон, Чтецы к власти не придут.

– Почему? А Зо? Ты?

– Я всего лишь жена престолонаследника и мать Иво, наиболее вероятного из вас двоих императора. Папа, соответственно, – тесть и дед. Не более... Да, конечно. Иванд – читающий, как и Вита, – Лита задумчиво поглядела в окошко. Солнце царило на безоблачном небе – так недалеко и до пустынного самодурства. – Если Власть и сменилась, то исключительно внутри нашего рода. Если же говорить об империи, то к Чтецам она перешла задолго до твоего рождения. Точнее – к чтецу.

– Имлунд – читающий. И он фактически управляет Гулумов, – согласился Романд. – Тогда выходит, что пророчество перевёрнуто. По-моему, такого не бывает. Это ерунда!

– А ты почитай дальше.

Звеня, сойдётся серебро:

Из двух – одно,

Случайно, роком и судьбою

Разрушит Мира все устои.

Смещает верх, смещает низ

Дитя всевластного каприз.

Убей... Не сможешь...

– Ох, Лита! Это вообще песенка! Мне Имлунд о ней рассказал. И относилась она к другому Миру, – юноша ткнул пальцем в первую строчку. – Мой жезл и мой меч могут сливаться в одно оружие – боевой посох. Настоящий Посох мага! Но не надолго.

– Наверное, оттого, что пока ты ещё не маг, – предположила Лита. – Но сдаётся мне, что не могут сливаться, а представляют собой одно целое. Скажи, отчего чародей с мечом в руках вызывает усмешку?

– Потому что когда-то давно волшебство отделилось от воинского искусства.

– А теперь они воссоединяются. Вполне возможно, твой Посох – признак, следствие этого воссоединения... – магиня вновь замолкла, но видя, что муж открывает рот, заговорила. Лита ещё не закончила. – Из двух – одно. Это произошло в нашем Мире.

– В лавке Керейна?

– Верно. Жезл и Меч тянулись друг к другу, а папа хорошо знал, что тебе вручает, – он в Главели всё выведал ещё тогда, когда ты Врата закрывал.

– И они звенели... – припомнил Романд. – Но следующее всё равно связано с моим походом в тот Мир! Там магия существовала в предметах. Для того чтобы спасти Имлунда, я сумел ею воспользоваться.

– Конечно. Потому что если магия существует в предметах, то она существует и во всём Мире, а, следовательно, доступна всякому, кто умеет с ней обращаться, – с безжалостной правдивостью сообщила Лита.

– То есть моя затея с сонничкой была глупостью? – молодой чародей спал с лица. Губы юноши дрожали – вот так, без предупреждения узнать, что круглый дурак.

– Что ты! – магиня ласково погладила мужа по щеке. – Доступно-то волшебство доступно, но и добраться до него ещё надо – в туннелях перемещения оно ведь тоже доступно. Сонничка тебе помогла. Однако устоев ты там не нарушил. А здесь – сколько угодно. Женился, например,

на чёрной магине, когда как белому тебе не положено.

– Ха! Вот уж устой!

– Разрушил проклятие Хронов. Понравился чёрным магам. Не пришёлся по вкусу белым, но оказался под их защитой... Ты взываешь ко Тьме и получаешь от неё помощь Светом! – Лита кивнула на тетрадь. – Ты читаешь, хотя даже не являешься читающим.

Романд ошарашено уставился на книжечку в руках. Теперь он припомнил, где видел похожую: не у племянницы, а у тестя на столе в кабинете.

– А что тогда «смещает верх, смещает низ»? Я думал... Ёорундо рассказывал... Мы пошли вниз, а двигались вверх... Хотя дело-то было всего лишь в Призрачных кругах...

– Перемешиваешь события, как тебе удобно. То есть – случайно. Например, как с тем пророчеством про третьего змеёныша.

– Но я не всевластен!

– Ты случаен. Тебя не могу предугадать... не твои действия, а тебя самого. Не это ли всевластие?

– Кто же я?!

Он крикнул, но как-то шёпотом. Он не понимал. Ему хотелось бежать без оглядки куда-нибудь далеко-далеко и не останавливаться. Лита заставила думать о себе как о страшном чудовище.

– Ты Романд Хрон, – нежно улыбнулась чародейка. Юноша успокоился. Хорошо. – Ты мой муж. Муж Лилийты Хрон. Ты отец двух замечательных малышей. Зять Керлика Хрона. Белый маг... А ещё – то самое затмение солнца, о котором складывают пророчества и из-за которого боятся сломать ногу. Но что до того затмению? Оно случается.

– И всё так просто?

– Да. И я сама поняла это тогда, когда ты объяснял мне про наших детей...

Романд в попытке осознать всё, только что сказанное, замер. Взгляд юноши бессмысленно скользнул по полу, рукам, книге в них. Очередная страница сама собою перевернулась – на новом листе тоже сторонились друг друга угловатые буквы. Что-то наверняка интересное. Возможно о нём, о Романде. Возможно, объясняющее, зачем он появился в Мире. Слишком уж юноша верил в наличие причины.

– Романд.

– Да, Лита? – чародей с трудом вернулся к реальности.

– Верни мне её, пожалуйста, – жена глазами указала на книгу, всё ещё покоящуюся на его коленях, всё ещё раскрытую.

– Хорошо. Но в ней столько интересного!

– Романд! – тон Литы из просящего превратился в командирский. – Она моя. Она мне нужна. Сейчас!

Юноша с явной неохотой протянул книгу жене. Та, досадливо хмыкнув, отшвырнула собственность в дальний угол. Романд, проведив недолгий полёт недоумённым взглядом, привстал, но Лита резко дёрнула мужа за полу рубахи.

– Ты что? Лита?

– Романд, – её руки захватили в кольцо шею юноши.

Чародей всё также изумлённо смотрел на жену, откровенно не понимая, что случилось. Какой демон вселился в Литу! Только что такую спокойную Литу.

Тёмные глаза ничего не говорят...

А потом Романд понял. От стыда и смущения отвёл взгляд, но быстро вернулся к любимым очам. И смотрел, смотрел, смотрел в них. Теперь он слышал их слова.

* * *

Керлик осторожно прикрыл дверь и неслышно отошёл прочь от комнаты – происходящее в ней сейчас его не касалось.

Хорошая у него всё-таки дочка. И мужа себе неплохого подобрала. Вот только с папой ей не повезло. И с Миром не очень.

Чародей вздохнул.

– Затмение солнца. Ох, Лита-Лита! Почему же ты ничего не сказала раньше? Уже наточены ножи, уже вырыты ямы... – Керлик осторожно прикоснулся к тёплой каменной стене, ласково погладил. – И теперь я, кажется, понял, кто ты мальчик. Говорящий с Миром. Ты не заставляешь Его, в ответ Он просит тебя о помощи. Жаль, некому объяснить, что это просто-напросто Талант. Редкий – верно, но всего лишь Талант... А ты что скажешь, Замок?

Чёрный замок промолчал. Что он мог сказать? Что вопреки устройству Мира, это самое устройство отлажено вплоть до мелочей? Ну, так хозяин и сам знает. Поэтому Замок молчал.

Эпилог

Конец – делу венец, или На круги своя

Жарко, влажно, гундосит мошкара и впивается тоненькими хоботками в нежную кожу.

Старик в белых некогда одеждах – по ним без труда узнаётся маг, скорее всего из светлых – падает в дорожную пыль. Почему-то в этом культурном городе, столице государства, большая часть улиц не замощена хотя бы простым булыжником. Вот и эта была широкой, утопанной до непробиваемости глиняной тропой. Рядом с чародеем опускается на колени мальчик лет одиннадцати-двенадцати, отмахивается безуспешно от настырных насекомых и тяжело дышит, словно после долгого изматывающего бега.

– Учитель!

– Беги, Крука! Беги, малыш! – отзывается старик. – Схоронись где-нибудь. А потом доберись до Гулума, до Главели. Ты обязан попасть в Магическую гильдию!

– Я не брошу вас, учитель!

– Не перечь наставнику, малыш. Со мной ничего страшного не случится. Ну, в крайнем случае, умру – так не одно столетие живу в Мире, пора и честь знать. А ты обязан предупредить наших! Круг Старших. Императора... З-змея. Герцога Зелеша.

– Но... – всё ещё пытается мальчик, хотя уже поднимается.

– Беги!!! – рывкнул из последних сил чародей и ребёнок побежал.

– Предупредить, предупредить, – скороговоркой шептал он. Но он так устал, а преследователей так много: некоторые остались с бедным учителем, другие кинулись вслед его ученику. – Я один не справлюсь! – понял Крука. – Мне нужна помощь!

И в следующий миг внутри него взорвалась сила. Мальчик не знал, что за заклинание он сплёл, но был уверен – теперь ему помогут.

* * *

Имлунд Зелеш устало потянулся, демонстративно скрипнул суставами и глянул в окно на зарю. Н-да, бессмертный он там или не бессмертный, а пора бдение по ночам заканчивать – пусть этим молодёжь занимается. Вон Ёорундо дома сидит, скованный волей Змей, он пытается избавиться от заклятья, с которым прожил чересчур долго. Пусть развеется... Ага, проверкой финансовых документов?

Тогда как вариант – Фел. А что, наследник он рода или нет? Наследник. И сейчас занят исключительно женой. Та снова беременна и, никаких сомнений, мальчиком. Наследником Феллона. Младший герцог над женой, словно клуша над яйцами трясётся, – как-то совестно отвлекать. Может, внучку позвать?

На этой мысли перед герцогом материализовалась Руника.

– Иму! – вскрикнула она и подбежала к Зелешу. – Леэ пропал!

– А я только собрался выпасться, – сообщил в пространство Имлунд. – Переноси, серебряная моя.

* * *

Романд, позёвывая, брёл в туалетную комнату. В той царил привычный хаос: у близнецов ночью приключился большой «сюрприз», видимо реакция на фруктовое пюре, и их пришлось в

первую очередь купать, затем убаюкивать-успокаивать. Естественно, к тому моменту, когда Иванд и Вилейта заснули, родители были без сил и убирать не стали. Поэтому Романд ступал в комнату на цыпочках, но всё равно не углядел и поскользнулся на мыле.

Уже приготовившись неслабо приложиться копчиком о выложенный плитками пол, юноша неожиданно обнаружил под собой нечто мягкое, издавшее при «посадке» на него чавкающий звук. И «благоухающее» ...

– И после этого Зо удивляется, почему из походов я возвращаюсь... кхм, дурно пахнувшим! – Романд вылез из внушающей уважение размерами – не иначе дракон постарался – навозной кучи и огляделся.

То, что он находился не в Чёрном замке, мага не удивило, но вот абсолютное незнание местности, пожалуй, даже поразило. Однако главной новостью оказался стоящий прямо перед Романдом Крука Попрыгунчик.

– Ура! Теперь ты меня спасёшь! – радостно воскликнул мальчик.

– Я? – удивился светлый подмастерье. – Спасу?

И осмотрел себя: повреждений нет, как и одежды, не считая измаранных подштанников, и даже гильдейского кулона. Перед сном Романд его снимал, чтобы не задеть Литу, а поутру, соответственно, надевал, но сегодня забыл.

– Конечно! Ты ведь целый Мир спас!

– И как ты предлагаешь тебя спасти? – Романд пока не спрашивал, от чего.

– Как это «как»? – наивно изумился Крука. – Ты же подмастерье! Наверняка умеешь перемещаться...

– Не-а, – помотал головой юноша. – Чего-чего, а вот перемещаться я не умею.

– Но ведь ты что-то умеешь?

– Умею, – хмыкнул Романд и обернулся на шум. К ним между обшарпанных домов неслась разъярённая толпа, вооружённая. Почему-то юноша не сомневался, что эти... люди по душу Круки. Ну и всех, кто подвернётся. – А ещё я – великий белый маг, принц-наследник Гулума и просто крутой парень.

– Чего? – не понял Крука.

– Да это я так, – отмахнулся подмастерье. – Знаешь, что я точно умею, особенно в одних подштанниках? Убегать!

Романд рванул в ближайший переулочек, не позабыв вцепиться в мальчика, тем самым заставляя того присоединиться к оздоровительной «пробежке».

– Слушай, а где мы находимся? – на ходу поинтересовался спаситель».

– Э-это Авол, столица Силии.

«Лучшего» ответа Романд не ожидал – попасть практически нагишом в государство, где ненавидели магию и магов, а заодно и империю Гулум! Н-да, такое везение только для Романда.